Г. М. Кржижановский

На пороге нового хозяйственного года[1]

Товарищи, нет сомнения, что страна с огромным напряжением ждет решений настоящего с'езда. Слишком ответственнен переживаемый момент, слишком динамично то время, в котором мы живем, слишком велика нужда в том, чтобы в эту текущую динамику в быстрейший срок было бы внесено плановое, организующее начало.

Совершенно бесполезно доказывать, что этот год—1929/30 г.—действительно является хребтовым годом пятилетки. Удачное выполнение заданий на 1929/30 г., удачная компановка плана на 1929/30 г. имеют огромное значение для всей перспективной пятилетней хозяйственной работы.

Товарищи, целый ряд моментов действует в одном и том же направлении, действует так, что нужды в плановом хозяйственном режиме становятся все более широкими, и все более и более неотложными, становятся достижения в этом, может быть, решающем направлении. Прислушиваясь к тому отзвуку, который находит работа наших плановых органов и, в частности, работа Госплана Союза, можно смело заявить, что еще никогда не было такой обстановки для самой благодарной работы того отряда трудящихся, который представлен на настоящем с'езде. Это не в силу того, что работников плановых органов чтут за старые заслуги. Мы живем сейчас в такой обстановке, когда критическое отношение к действительности, могучая волна самокритики для нас является неотложной реальной потребностью строительства. Смешно говорить, что в такое время прошлое может довлеть над настоящим. Не старые заслуги, а потребность времени—вот то, что выдвигает на новую роль плановые органы.

Не игра слов, а конкретный, определяющий термин, когда мы говорим, что мы строим плановое, социалистическое хозяйство. Здесь нельзя сделать никакого водораздела между словами „плановое" и „социалистическое". А если это так, то ясно, почему наше социалистическое строительство не может не быть строительством плановым. Правильное понимание этого поможет, быть может, в отыскании ведущего звена широкой организационной реконструкции.

Отмеченные выше моменты заставляют нас здесь особо учитывать ту ответственность, которая падает на нас за наши предстоя-

[1] Вступительное слово на VI Всесоюзном с'езде плановых органов 22/IX—1929 г.

щие решения. Мало сказать, что 1929/30 г. является хребтовым годом потому, что мы здесь используем целых два года времени в перспективе, охватывающей всего пять лет. Надо учесть то своеобразие, которое с самого начала для нас было ясным и которое приурочилось к этим первым двум вступительным годам нашей пятилетки. Этот момент был сугубо подчеркнут в свое время, еще на предыдущем Всесоюзном с'езде Госпланов, когда отдельные участники его пытались охарактеризовать трудности реализации пятилетки; он же нашел свое отражение и в дискуссии по финансовому плану, проведенной в Госплане, при чем наши финансисты тогда также утверждали, что двухлетний под'ем основных количественных и качественных хозяйственных показателей сильнейшим образом облегчит нам продвижение вперед в дальнейшее время.

Действительно, эти первые сдвиги являются предрешающими сдвигами. Вспомните, товарищи, что в начале составления пятилетнего плана нам постоянно приходилось срезать так называемые „горбы". Что означали эти горбы? Они означали то, что, подходя к проблемам долгосрочного характера для того, чтобы обеспечить себе правильный конечный исход, мы должны были на первых этапах пятилетней перспективы делать ряд ударных ставок. Нашими организованными усилиями мы эти горбы несколько срезали. Но вот прошел короткий период времени. Мы должны были убедиться в том, что, очевидно, нужны перманетные действия планового рычага, чтобы эти горбы не выростали перед нами вновь в том или ином направлении. Прошло немного месяцев после утверждения пятилетнего плана и в спешном ударном порядке и партия, и правительство вынуждены были поставить на решение целый ряд народнохозяйственных проблем, которые, казалось, были разрешены в пятилетнем плане.

В контрольных цифрах на 1929/30 г. нам приходится учитывать ряд поправок, явившихся неотложными. Это — не наша вина, а наша общая беда. Эта ударность работы характеризует то обстоятельство, что мы находимся еще на первых этапах действительно планового режима. Даже сроки нашей плановой работы еще подлежат переоценке. В частности, например, на тех собраниях, которые были перед настоящим с'ездом, в таком важном, скажем, вопросе, как культура, подчеркивалось, что наш хозяйственный год резко расходится с годом учебных заведений. Может быть нам придется еще и еще раз вернуться к установкам в этом направлении и продумать все, что нужно сделать для того, чтобы не быть в постоянной фазе запозданий.

Переходя непосредственно к контрольным цифрам 1929/30 г., нужно с самого начала подчеркнуть, что развертывание народного хозяйства в этом году будет протекать в условиях особой динамичности. То, что сейчас представляется нам возможным заверстать в условиях текущего года, является сверстыванием относительным.

Есть целый ряд моментов, которые заставят нас в текущем 1929/30 г. еще не раз возвращаться как бы к пройденным этапам. Но по тому, что намечено твердо, во всяком случае видно, что наступающий год будет годом большого напряжения народнохозяйственной энергетики. Для того, чтобы в этом убедиться, достаточно остановиться на основных элементах плана 1929/30 г. По промышленности, капитальных вложений было намечено в пятилетке 2.735 млн. руб.; по нынешним контрольным цифрам они намечаются в 3.654 млн.;[1] по электрификации намечалось по пятилетке 453 млн., по контрольным цифрам намечается 608 млн.; по обобществленному сельскому хозяйству намечалось 1.094 млн., по контрольным цифрам намечается 1.740 млн.; по транспорту намечалось 1.430 млн., по контрольным цифрам намечается 1.917 млн. и т. д.

Общий размер вложений в народное хозяйство, без частного сектора сельского хозяйства, превосходит наметку пятилетки, примерно на 3 мрд., доходя до цифры 10.137 млн. руб.

Достаточно этой справки, чтобы видеть, как далеко вперед мы ушли от наметок пятилетки в части капитального строительства, капитальных вложений в народное хозяйство. А если это так, и если даже в аспекте оптимального варианта пятилетки у нас второй год явился годом величайшего напряжения, то ясно, что эти новые наметки контрольных цифр, достаточно красноречиво говорят о той гигантской работе, которую предстоит проделать для того, чтобы их реализовать.

Важнейшая задача с'езда — оценить те шансы, которые позволяют нам итти настолько вверх против продуманного, сбалансированного плана, оцениваемого, как план величайшего напряжения. В последнем счете вы придете к тому выводу, что наш важнейший шанс — это шанс той социалистической реконструкции хозяйства, которая в течение этого года должна сделать громаднейший шаг вверх, должна сказаться сильнейшим положительным фактором, который в своем превышении того, что мы предвидили в пятилетке, и должен нам обеспечить возможность соответствующего повышения ее ставок. Если вообще ставки пятилетки вызвали среди наших врагов такого рода настроение, что они приписывали стране, нам, работникам этой страны, своего рода помешательство, то можно себе представить, как будет встречено за рубежом это новое форсирование пятилетки.

Порой, неподалеку от себя, мы уже сейчас слышим по этому поводу некоторый недоверчивый „шопоток".

Малодушному „шопотку" скептиков, наветам и клевете врагов, мы противопоставим здоровое уверенное чувство строителей, точные расчеты, опирающиеся на возможно более широкий фронт научно-исследовательской мысли и на гигантский рычаг самокритики трудящихся масс. Действительность покажет, что правы те, кто верит

[1] В неизменных ценах 1926/27 г.

в могучую силу пролетариата, проснувшегося к новой активности к новому творчеству.

Если позволено нам будет отойти от привычных форм и продумать, что же в этом предстоящем году из всех синтетических вопросов является наиболее важным вопросом, то я бы думал, что это вопрос один. Если по существу 1929/30 г. есть год гигантской строительной кампании,— а это так и есть — то вопросом, решающим все остальные вопросы, является учет эффективности этой строительной кампании, учет эффективности наших капитальных вложений.

По сути дела ответ на этот основной вопрос дают сами контрольные цифры, сам план во всей своей сложности, потому что капитальное строительство года — костяк плана — немедленно сопрягается со строительством прошлых лет, предопределяет строительство будущее реализируется в эксплоатационной практике и лишь вся хозяйственная машина в целом подводит соответствующие итоги, которые и даются в развернутом виде в перспективном плане.

Итак, учет эффективности капитальных вложений в развернутой форме дается нам только нашими перспективными планами. Но из этого не следует, что мы не можем подойти с некоторыми облегчающими моментами к этому учету. Больше того: мы должны подойти, ибо мы работаем, отнюдь, не в дружеском окружении, мы в борьбе продвигаемся вперед.

И по ходу этой борьбы нам важна ясность на каждом этапе нашего строительного звена. Поэтому все работы теоретического характера, направленные в помощь учету эффективности наших затрат, являются одним из важнейших завоеваний плановой мысли. Есть различные труды, накопившиеся в этой области. Я хочу обратить ваше внимание на одну работу, по-моему, чрезвычайно интересную,— это работу т. Струмилина, напечатанную в 7 номере „Планового Хозяйства“ — „Эффективность капитальных затрат“ Я сейчас не имею времени и возможности остановиться подробно на этой работе, но вот что в ней особенно ценно. Наши враги говорят, что мы создаем себе некоторый мираж, что несмотря на все так называемые достижения, которые они ставят в ковычках, у нас происходят не воспринимаемая нами, но явная хозяйственная деградация, и это говорится не только по отношению к сельскому хозяйству, но по отношению ко всему нашему хозяйству в целом. Одним из достоинств работы т. Струмилина является то, что он дает ответ на этот основной вопрос.

Можно ли говорить о деградации хозяйственного организма, если можно доказать, что в данном хозяйственном аггрегате при точном учете роста работоспособного населения одновременно идет такая созидательная работа по трудовооружению этих работоспособных, которая обеспечит, по меньшей мере для всей новой армии труда, такую вооруженность, которую имели в этом аггрегате ранее

все трудоспособные. Если дело так, то никакого спуска вниз не происходит. Тов. Струмилин берет 1928/29 г., когда работоспособное население составляло около 82 млн. человек, а в основных и оборотных фондах, в среднем на одного работника, приходилось 1 тыс. руб. Годовой естественный прирост работоспособного населения — 1,8 млн., значит вложений в основные производственные фонды должны по этому расчету быть не менее 1 мрд. 800 млн. (в расчете 1 тыс. руб. на каждого человека). Если бы мы спускались вниз — опасность деградации нависала бы. А что говорит действительность? Производственные фонды в 1927/28 г. составляли 27.663 тыс. руб., в 1928/29 г. — 30.036 тыс. руб., т.-е., другими словами, мы здесь имеем в этих производительных фондах на 3 мрд. скачек вверх. В предстоящем 1929/30 г. намечается повышение [1] на 6 мрд., т.-е., примерно, мы в 3 раза превосходим ту грань, которую отмечает т. Струмилин. Я считаю, что это чрезвычайно важный подсчет, которым должно воспользоваться для борьбы с наветами. Но это не все. Укажу еще одно место в статье т. Струмилина, которое, заслуживает особого внимания. Он устанавливает так называемый специальный коэфициент эффективности капитальных затрат, с учетом перспективной экономии труда и доказывает, что каждый час труда, затраченный в течение ближайшего пятилетия по нашей программе в капитальное строительство, обеспечивает по истечении пятилетки возможность сберечь в трудовых расходах не менее 7 час. Каждый час труда даст 7 час. экономии труда.

Эти два момента ясно говорят о том, какая огромная положительная работа совершается в нашем хозяйстве и как далеко отходим мы от возможностей деградации.

Другой, еще более красноречивый ответ в этом отношении дала наша хозяйственная действительность в истекшем году как-раз в разрезе сельского хозяйства. Между прочим, мы здесь заслушали на заседаниях Президиума Госплана очень интересный доклад т. Левина, где приводились очень богатые данные о таких сдвигах в сельском хозяйстве, которые говорят о дальнейшем его техническом под'еме. Но не это выполнение агроминимума является для нас решающим. Для нас решающим является то обстоятельство, что не прошло еще коротких месяцев с того времени, когда мы вместе с вами намечали строительство социалистического сектора сельского хозяйства, а теперь мы уже удваиваем задание. Такова встречная тяга бедняцко-середняцких миллионных масс. Если бы мы тут пошли с большей программой вспомогательных средств от нашего государства, если бы мы пошли с большим количеством тракторов, с большим количеством машинно-тракторных станций, с большим количеством всех тех приводов, которыми располагает советская власть

[1] Специальный расчет этого повышения см. в докладе т. Квиринга, печатающемся в этом же номере.

в этом отношении, — нет никакого сомнения, что мы имели бы еще большую встречную волну. Сейчас при неумолчных указаниях всех работников в этой области мы не удовлетворяем спроса. Трудовая установка миллионов в этом решающем направлении опрокидывает все установки правых уклонистов. Тут только удовлетворяй этой активности, доростай до нее. Без всякого преувеличения можно сказать, что на наших глазах развертывается действительно величественная картина нового деревенского Октября. На наших глазах темная власть земли замещается властью советов.

Товарищи, я думаю, что в контрольных цифрах на 1929/30 г. мы должны будем с прежней энергией выдвинуть энергетическое звено. События все более и более подкрепляют нас в том, что это звено действительно является ведущим звеном. В материалах Секции Электрификации, которые будут розданы с'езду, можно найти следующие поучительные цифры: вы увидите, что нынешний 1929/30 г. является переломным в нашем электростроительстве. Впервые в 1929/30 году, сразу в один год, вступают в эксплоатацию районные станции общей мощностью 0,5 млн. *квт* Промышленные станции того ранга, который можно приравнять к рангу районных станций, дают свыше 100 тыс. *квт*; кроме того, впервые электрификация находит применение в социалистическом секторе сельского хозяйства нашей деревни, который предполагает установить мощность энергии около 20 тыс. *квт* Из этих же материалов видно, что в этом году у нас действительно строится некая общая энергетическая крыша, которая позволяет нам рассчитывать, что вся энерговооруженность сделает громадный новый сдвиг. По данным ЦОС'а за первое полугодие истекшего 1928/29 г. энерговооруженность возрастает немногим больше, чем на 7% — это уже знаменательный сдвиг. Применительно к той программе, которую я здесь охарактеризовал можно ожидать значительно большего повышения энерговооруженности наших рабочих масс. Однако, товарищи, я склонен думать, что особый перелом в предстоящем году по линии энергетики нас ждет не в направлении этой материальной энерговооруженности, а в линиях живой энергетики. Вот, где собственно то звено, которое дает совершенно особую ситуацию и нашей работе, и работе хозяйственных и оперативных органов на предстоящий год. Я бы сказал так: перед нами, товарищи, настоящий энергетический Октябрь. Я с особой энергией подчеркиваю: „настоящий энергетический Октябрь".

По наметкам на 1929/30 г. около 40% всех рабочих будет охвачено 7-часовым рабочим днем. Данные статистики показывают, что мы уже имеем при 7-часовом рабочем дне нормальную, для 8-часового дня, производительность. Это еще не учтено нами, а это — огромный шаг в рационализации живой энергетики. Товарищи, вы, наверно, с неослабевающим интересом следите, как развертывается социалистическое соревнование. Можно было бы целые часы говорить на тему о тех поразительных фактах, о тех поразительных сдвигах, которые соревнование дает нам в отдельных областях нашего хозяйства. На наших глазах оно принимает самые своеобразные формы, при чем особенно интересным для нас является новая смычка города и деревни, рабочих и крестьян на почве социалистического соревнования. Пусть здесь много неувязки, пусть работа низов перехлестывается порой очень слабосильным организационно-плановым восприятием сверху, но в целом это — новый огромнейший фактор энергетики.

Третий момент в этом направлении это то, что мы называем „непрерывкой". Мне кажется, что еще очень многие не отдают себе отчета в том огромном значении, которое имеет переход на „непрерывку". Мы начали с удара на старый календарный год и перенесли его на хозяйственные рельсы. Это был первый удар по старым навыкам, по наследству старой России. Теперь мы должны сделать новый, более решительный, удар по линии рационализации использования времени. Я бы сказал так, что если мы задачам экономического районирования, использования природных территориальных ресурсов придаем огромное значение, то не меньшее значение по своим результатам в народнохозяйственной экономике по сдвигам живой энергетики будет иметь рационализация использования времени, связанная с „непрерывкой". Этот новый фактор может быть сильно изменит и ставки по линии электрификации.

Наконец, четвертый момент. Судя по материалам Секции Труда Госплана о видах безработицы, 1928/29 г. был годом перелома в явлениях безработицы. 1928/29 г. сокращает безработицу на 10% и расширяет число лиц, работающих по найму, на целый миллион человек. Это говорит красноречивым языком о могучей силе нашего хозяйства, которая в создании пролетарских кадров позволяет продвигаться такими гигантскими шагами вперед.

Итак, четыре момента, которые я отметил, говорят, что этот год является годом особого значения в живой энергетике. Но здесь все еще находится в движении, здесь многое еще растет на наших глазах. Мы сделали еще мало и находимся еще в положении хвостистов. Вы здесь имеете такой сложный интеграл хозяйственной действительности, что с нашими обычными балансами приходится быть очень и очень осторожными. Нам не дано кабинетного планового благополучия.

Но из этого не следует, что к балансам надо относиться легкомысленно. Каждому свое. К чему все это нас обязывает? Требуется, прежде всего, всесторонний качественный под'ем всех приводов, которыми мы располагаем по отношению к многообещающей энергетике живого труда. Все должны подтянуться.

Иные думают, что в условиях горячего строительства острота идеологических установок неуместна. Это — глубокая ошибка. Не забывайте о новой раскачке миллионных трудовых масс. Навстречу

ему должна итти железная устойчивость партийных рычагов. Всякая качка здесь была бы пагубной. Вот почему партия права, давая такой сокрушительный отпор всем разновидностям правых уклонов.

Что было во Владимире Ильиче особо поразительного, что так быстро завоевало ему совершенно особое, исключительное место в рядах всех политических деятелей? Удивительно гениальный, многосторонне отшлифованный ум, проникновенный подход к явлениям жизни и несокрушимая никакими обстоятельствами глубочайшая вера в пролетарскую победу. Этой верой прежде всего и должна быть проникнута вся наша плановая работа. Следующий привод — наши профсоюзы. Мы отмечаем, что на наших глазах мы имеем здесь некоторые сдвиги, но и здесь нужен новый, качественно, марш. Недавно мне пришлось слышать очень интересную речь тов. Кагановича по поводу того, что наблюдается сейчас с коллективными договорами. Вот уже сколько лет, из года в год, одной из наших важнейших политических и хозяйственных кампаний мы считаем кампанию по проведению коллективных договоров. Мы пишем превосходные резолюции. С каждым годом они все более умны, все более уточнены, все более отточены, но тов. Каганович подчеркивает, что между этими резолюциями и действительностью имеются еще порядочные ножницы. Число конфликтующихся по коллективным договорам не убывает, а растет, как будто бы у нас в нашем советском хозяйстве есть „стороны“ прежнего типа. Тов. Каганович говорит, что анализ приводит к тому положению, что у нас еще налицо некоторый тред'юнионизм в профсоюзах и некоторый бюрократизм наших хозяйственников. Так вот, на ряду с поднимающейся энергией рабочего класса, с его новым подходом к социалистическому хозяйству, эти пережитки должны быть выметены в ближайший срок и в рядах профсоюзов, и в среде хозяйственников.

Мы наблюдаем на каждом шагу расшифровки секрета выполнения наших планов. Возьмите, например, эффект хлебозаготовок, когда план заготовительной кампании доведен до села, и эффект хлебозаготовок, когда он ограничивается прежним централизованным порядком. Возьмите вы эффект в распределении займа индустриализации в том случае, когда кампания доведена до низов, до фабрик, до села, или когда она ведется прежним порядком, ограничиваясь средними звеньями. Тут можно было бы привести много поразительных цифр. Дорога эффективности ясна.

Каковы же способы этого реального внедрения планов в основную трудовую массу?

Создать для этих масс максимально благоприятную обстановку труда и движения вверх. В данном случае решающую роль играют вопросы кадров, которые организуют труд, вопросы рычагов культуры, которые облегчают под'ем вверх. Эти огромнейшие вопросы, уже стоявшие ребром в аспекте пятилетки, с еще большей остротой возникнут теперь, когда мы осуществляем пятилетку, именно

в своеобразных условиях энергетики этого года, в условиях того огромнейшего строительства, когда качество работы является решающим. С'езд должен будет уделить этим вопросам огромное внимание.

Но, товарищи, я думаю, что не меньшее внимание с'езд должен будет уделить и вопросам организационным, потому что не только культура, не только кадры, но и вся обстановка хозяйственная, весь госаппарат в целом является действующим фактором народнохозяйственной жизни. А у нас, когда линия госаппарата совершенно своеобразно скрещивается с хозяйственной линией, это будет иметь особо большое значение. Вопросы организационные являются вопросами, которые потребуют корректирования плановой мысли и все, что товарищи могут сказать в этом направлении, помочь своим опытом, опытом мест, опытом различных отраслей народного хозяйства — они должны сказать и сделать, потому что этот вопрос еще ждет плановой установки.

В своем докладе т. Струмилин будет подчеркивать не только одни положительные стороны народнохозяйственной энергетики. Он будет подчеркивать специфическую обстановку, которая создалась у нас на продовольственном рынке, которая создалась в бюджете рабочего. Вы увидите, что вопросы организации здесь являются, быть может, тоже решающими вопросами. Мы за один год можем сделать немногое для того, чтобы дать большой сдвиг, например, скажем, в таком тяжеловесном по технической сущности разрезе хозяйства, как сельское хозяйство. Но в течение года в организованном подходе к всемерной помощи бюджету рабочих мы можем сделать очень многое.

Я думаю, товарищи, что эта же энергетика с новой остротой поставит вопросы о научно-исследовательских работах. Организация народнохозяйственного питания, модель его, громаднейший фронт работ по стандартизации, по учету потерь — все это ждет своих исследователей. Без этого мы не можем сделать и дальнейшего очередного планового этапа к работам генплана.

Товарищи, я кончаю свое вступительное слово, которое и так уже затянулось. Позволю себе закончить его только одним пожеланием. Вы все, наверное, читали, что на Днепрострое сейчас происходит решающий цикл работ — плотина, которая, по справедливости, называется одной из величайших плотин мира, — ее судьбы сейчас решаются, потому что они зависят от кладки бетона, от размера тех операций, которые мы можем делать по бетону. Сообщалось, что две консультации (там находятся американцы и немцы) приблизительно сошлись в возможности учета этой работы, при чем немцы говорят, что 800 *куб. м* в сутки — это задание предельное; американцы максимумом считают — 1.300 *куб. м* в сутки. Об'явлено было социалистическое соревнование рабочих Днепростроя и они заявили, что берутся поставить мировой рекорд — 1.500 *куб. м* в сутки.

Это такой рекорд, которого мир еще не видал. Рабочие Днепростроя заявили, что, когда они достигнут этого рекорда, они зажгут на левом берегу красную звезду. Товарищи, бывшие там, говорят, что скоро эта звезда будет зажжена.

Таковы силы новой энергетики нашего труда. Мое горячее пожелание: пусть работы этого с'езда пойдут под знаком этой красной звезды, знаком новой социалистической энергетики.

С. Г. Струмилин

Контрольные цифры на 1929/30 г.[1]

Контрольные цифры этого года впервые проектируются на основе утвержденного перспективного плана народного хозяйства. 1929/30 г. является уже вторым годом нашего пятилетнего плана. И с этой точки зрения контрольные цифры на 1929/30 г. представляют собой особый интерес. В них впервые подводятся итоги выполнения нашего перспективного плана за первый год пятилетки и утверждаются основные плановые вехи и задания второго года. В этих контрольных цифрах мы должны дать первую обстоятельно конкретизированную проверку тех генеральных линий нашей хозяйственной политики, которые нашли свое отражение в пятилетке.

В порядке самокритики мы должны, прежде всего, использовать все уроки хозяйственного опыта истекшего 1928/29 г. и, отразив их конкретно в необходимых уточнениях и коррективах к перспективным наметкам втсрого года пятилетки, тем самым дать уже вполне выверенный и законченный плановый профиль 1929/30 г.

Что же дает нам хозяйственный опыт первого года пятилетки?

Уроки 1928/29г.

Мы не располагаем еще отчетными данными за весь 1928/29 хозяйственный год. Но те предварительные подсчеты, которые основываются на данных кон'юнктурной статистики за первые 10—11 месяцев истекшего года, позволяют нам с достаточной точностью характеризовать общий об'ем и структуру хозяйственного роста Союза за 1928/29 г. По наиболее общему показателю роста *народного дохода* всей страны в целом, в его физическом выражении, мы можем констатировать выполнение нашего плана за первый год пятилетки в полных ста процентах, без заметного снижения или превышения первоначальных предположений. Но по отдельным отраслям хозяйства мы имеем уже существенные отступления от плановых наметок. А если перейти от неизменных цен к рыночной оценке чистой продукции страны, то эти отступления окажутся еще значительнее. В наиболее суммарном выражении эти отклонения могут быть охарактеризованы в следующих цифрах.

В неизменных ценах народный доход за 1928/29 г. превысил план всего на 159 млн. руб. или 0,6%. В пределах той точности,

[1] Сводный доклад VI с'езду плановых работников.

какая нам доступна в исчислениях подобного рода, такие расхождения вообще можно игнорировать. Но в рыночной оценке выполнение превысило план уже на огромную сумму почти в 2 мрд. руб. или 8%, что целиком об'ясняется, стало быть, сдвигами цен, имевшими место в значительно большей мере, чем то было предусмотрено планом.

По физическому об'ему мы заметно превысили план по промышленности и транспорту, но зато недовыполнили его по сельскому хозяйству.

В области промышленности наибольшее превышение против плана дала крупная обобществленная промышленность. По планируемому кругу она выросла на 24% вместо намеченных 21,4%. В общем по всей цензовой промышленности продукция возросла по подсчетам ЦСУ на 21,0% вместо 18,4%, а с учетом мелкой кустарно-ремесленной промышленности, давшей всего 4,3% прироста, вместо ожидавшихся 6,7%, весь прирост промышленной продукции выражается в 16,8% вместо намеченных по плану 15,6%. Однако, необходимо отметить, что по частному сектору мы имеем при этом даже прямое сокращение продукции (на 8,9%). И стало быть, все перевыполнение плана падает на обобществленный сектор вообще (+22,9%) и на планируемую крупную промышленность в особенности (+24%). В важнейшей и решающей области мы оказались сильнее, чем предполагали по плану.

В области сельского хозяйства мы можем отметить вполне аналогичную картину. Урожай 1928 г., как это выяснилось по ходу заготовок, оказался ниже, чем мы его оценивали в прошлом году по хлебо-фуражному балансу ЦСУ. А это сказалось очень заметным образом и на приросте животноводства. В индивидуальном секторе по подсчету ЦСУ мы имеем к весне 1929 г. даже абсолютное сокращение стада, вместо прироста в 2,4% по плановым предположениям. Но зато в обобществленном секторе сельского хозяйства фактические достижения обогнали план по всем основным показателям Так например, посевная площадь совхозов к весне 1929 г. увеличилась на 27,5% вместо 7,1%, посевы колхозов — на 207,1% вместо 94,1%, общая доля урожая зерновых 1929 г. по обобществленному сектору выросла за год с 2,6 до 5,6% валового сбора, вместо намеченных планом 4,9% и т. д.

Анализируя все данные этого рода, мы неизбежно приходим к следующему, чрезвычайно важному для нас, выводу.

Мы знаем, что генеральная линия нашей хозяйственной политики — это курс на скорейшее обобществление народного хозяйства СССР, а ведущим по этому пути началом является индустриализация страны и радикальная реконструкция ее энергетической базы. Но до последнего времени находились скептики, утверждавшие, что мы ставим перед собой явно непосильные задачи на этом пути. Однако, опыт первого же года пятилетки решительно опровергает это мнение. Характерно в этом отношении не только то, что план в о б щ е м выполняется, но и то, по каким линиям он л е г ч е в с е г о выполняется. Если в пределах ч а с т н о г о с е к т о р а наши плановые наметки и в промышленности, и в сельском хозяйстве не на все 100% оправдались действительностью, то в о б о б щ е с т в л е н н о м с е к т о р е они ссуществлены даже с превышением. Конечно, этот ускоренный против плана рост обобществленного сектора не случайно сопровождался недовыполнением планов в частнохозяйственном секторе. Последний именно потому и отставал в своем росте от намеченных темпов или даже падал, что индивидуальное хозяйство поглощалось обобществленным. Индивидуальные кустари поглощались промысловой кооперацией, мелкие крестьянские хозяйства — колхозами. И, наоборот, обобществленный сектор рос быстрее намеченных темпов, именно за счет относительного или даже абсолютного сокращения частного сектора. Таким образом, в нашем плане, прежде всего, сказалась явная недооценка наших возможностей в области социализации производства.

Вместе с тем превышение наших планов в области роста нашей обобществленной крупной п р о м ы ш л е н н о с т и, при отставании от них в области наименее обобществленных областей сельского хозяйства, тоже весьма знаменательно. Оно еще раз подтверждает, что намеченный нами курс на индустриализацию страны в высокой степени правилен и плодотворен. И, очевидно, вопреки распространенному среди наших скептиков и правых маловеров мнению, наша программа индустриализации не только не преувеличена, но даже скорее, наоборот, намечена слишком осторожно и подлежит исправлению в сторону дальнейшего увеличения.

Таковы уроки нашего хозяйственного опыта, вытекающие из анализа п р о и з в о д с т в а народного дохода в 1928/29 г. Обращаясь к р а с п р е д е л е н и ю народного дохода, мы прежде всего должны констатировать следующие факты.

Исходя из необходимости возможно быстрого под'ема сельского хозяйства не только в обобществленном, но и в индивидуальном его секторе, партия и правительство в хозяйственном плане истекшего года осуществили целый ряд мероприятий, стимулирующих такой под'ем. Сюда относятся: повышение заготовительных хлебных цен, облегчение сельхозналога для середняцких слоев деревни, предоставление значительных льгот за выполнение известного „агроминимума“ мер, диктуемых селу в порядке контрактации, премирование расширения посевов бедняцко-середняцких масс деревни полным освобождением всего прироста посевов от сельхозналога и т. д. В то же время, поднимая, вместе с хлебными ценами, покупательную способность села, мы не могли итти о д н о в р е м е н н о на снижение цен по линии индустриальных продуктов широкого потребления. Такое снижение, вообще говоря, является одним из настоятельных требований нашей политики цен, но при данных условиях оно оказалось бы невыполнимым по условиям рыночного баланса.

Это был совершенно необходимый в данных условиях плановый маневр. Чтобы сельское хозяйство не стало тормозом общего хозяйственного под'ема, нужно было уделить ему несколько большую долю из народного дохода, чем это делалось раньше.

Это не могло, однако, не отразиться на темпе роста зарплаты городского пролетариата. Благодаря росту сел.-хоз. цен, при стабильности индустриальных, реальная оплата труда пролетариата не могла не замедлить своего роста. Таким образом, уже по замыслу этого маневра он должен был ради усиления слабейшего звена хозяйственной цепи сельского хозяйства несколько польготить, в процессе перераспределения народного дохода, деревню за счет города. Однако, в процессе фактического выполнения указанного маневра мы пошли в этом отношении дальше намеченных лимитов.

Благодаря общей ограниченности рыночной продукции и резкому разрыву цен госзаготовителей и частного рынка деревня повысила индекс заготовительных цен на свою продукцию вместо плановых 5,5%, на целых 17,2%. А индустриальный пролетариат, в связи с соответствующим под'емом бюджетного индекса (на 5,6%, вместо 2,8%), повысил реальный уровень своей зарплаты всего на 3,4% вместо намеченных по плану 5,2%. Нет никакого сомнения, что большая часть этих потерь пролетариата в зарплате, а их надо расценивать сотнями миллионов рублей, оказалось в карманах кулацкой верхушки деревни, наиболее успешно использовавшей рыночную кон'юнктуру вышеуказанного разрыва.

На этом участке планового фронта, где еще приходится преодолевать сопротивление рыночной стихии, мы потерпим, вероятно, еще не одну неудачу. Но такого рода неудачи при том богатстве плановых приводов, какими мы располагаем, отнюдь не являются непоправимыми. Если нам порою отказывает один рычаг, мы на помощь ему можем двинуть другие. Если в 1928/29 г. враждебные пролетариату социальные группы, использовав благоприятную кон'юнктуру, урвали из народного дохода больше, чем следовало, то в условиях диктатуры пролетариата такой прорыв легко ликвидировать уже в следующем 1929/30 г. И в контрольных цифрах этого года мы совершенно определенно ставим перед собою такую задачу. Реальный прирост зарплаты пролетариата должен быть обеспечен полностью в значительно повышенном против прошлого года темпе. Излишки кулацкого накопления могут и должны быть использованы для ускорения темпов нашего хозяйственного роста вообще, а по линии роста обобществленного сектора в особенности.

В числе других плановых неудач прошлого года мы поставили бы на первом месте недовыполнение плана по снижению себестоимости промышленной продукции. Вместо намеченных 7% мы будем здесь, повидимому, иметь не более 4,5%—5%. Это означает потерю в накоплении промышленности не менее 200 млн. руб. Эта большая неудача отнюдь не является результатом просчета и нереальности

задания. О том, что задание было вполне реально, говорит опыт второго полугодия, давшего снижение, заведомо превосходящее заданные 7%. Причина указанной неудачи лежит в том, что за первую половину года себестоимость была снижена всего на 2,3%. Иначе говоря, целое полугодие шло под знаком „самотека" без достаточных организационных усилий, без необходимого общественного под'ема и одушевления на этом участке планового фронта.

Тем более характерны те успехи, какие оказались достигнутыми к концу года, когда пролетариат активно, в порядке социалистического соревнования, принял участие в деле рационализации производства и снижения себестоимости. Эти успехи и уровень себестоимости, достигнутый к концу года, дает нам право не снижать, а даже повысить наши задания в этой области на следующий год.

В области производительности труда мы шли в прошлом году в общем на уровне плановых заданий. В области капитальных затрат, включая дополнительные сверхплановые ассигнования, имевшие место после сверстки контрольных цифр, мы, вероятно, даже превзойдем первоначальный план. Бюджет по имеющимся предварительным расчетам будет выполнен с превышением доходов над расходами миллионов на 200.

Все эти весьма благоприятные показатели отнюдь не следует, конечно, истолковывать в том смысле, что план истекшего года был запроектирован без всякого напряжения. Нет, весь опыт его выполнения свидетельствует о достаточной напряженности прошлогоднего плана, взятого в целом. Достаточно вспомнить о пережитых трудностях на продовольственном фронте, об узких местах на фронте строительства, о транспортных затруднениях, о сжатости нашей импортной программы, о напряженности нашей кредитной системы и т. д. Все эти трудности, однако, несмотря на преувеличенное их подчеркивание со стороны пессимистов, не помешали нам в общем выполнить намеченную программу социалистического строительства полностью и даже с некоторым превышением как-раз на самых для нас важных участках индустриализации и социализации нашей страны.

Установки на 1929/30 г.

В проектировках на 1929/30 г., учитывая опыт первого года пятилетки и такие богатейшие, еще не использованные резервы, как социалистическое соревнование и непрерывная производственная неделя, мы считаем вполне реальным дальнейшее ускорение темпов индустриализации и социализации нашего хозяйства, по сравнению с темпами оптимального варианта пятилетки.

Этому несомненно будет содействовать и тот маневр в области перераспределения народного дохода, который должен выправить не вполне благоприятные для нас в этой области результаты про-

шлого года. И усиленная программа займов в городе и в деревне и паенакопление кооперации и целый ряд новелл в области промыслового обложения, при правильном классовом подходе к их осуществлению, должны нам дать значительные дополнительные ресурсы для вышеуказанной цели.

Наконец, к ней же ведет и тот об'ективный факт, что само реальное строение народного дохода, т.-е. чистой продукции 1929/30 г. предопределяет собою усиление доли общественного накопления за счет непроизводственного потребления.

В балансе непроизводственного потребления продукция сельского хозяйства играет огромное, чтобы не сказать решающее, значение в нашей стране. На будущий год мы намечаем большое расширение этой продукции. Но плоды этого расширения войдут лишь в потребительский баланс 1930/31 г., потребление же 1929/30 г. придется базировать на урожае 1929 г. таком, каков он есть. А этот урожай несколько ниже наших ожиданий по пятилетке. Так, например, вместо 10% прироста сбора по зерновым, мы собрали только на 2,8% больше, чем в 1928 г., т.-е. на 7% ниже плана, а продукцию животноводства будем иметь, вероятно, почти на 10% ниже плана. Уже эти две статьи означают значительное реальное сокращение потребительного фонда страны. А между тем общая сумма ожидаемого народного дохода на 1929/30 г. отнюдь не меньше учтенной по пятилетке. Значит, доля в нем ценностей, подлежащих по самому своему назначению производственному использованию и накоплению, больше, чем было намечено по пятилетке.

Из этого вытекает реальная осуществимость более высоких темпов продукции и капитальных вложений, чем нами проектировалось на этот год в пятилетке. Но эта установка имеет и оборотную сторону. Высокая норма накопления предполагает высокие качественные достижения в области производительности труда, снижения себестоимости, качества продукции. А эти достижения, помимо технической базы, пред'являют весьма повышенные требования и к живой рабочей силе, призванной осуществить такие достижения. Только очень высокая активность пролетариата может нам обеспечить высокие производственные достижения. А для этого должна быть в достаточной мере обеспечена энергетическая база необходимой нам активности, т.-е. соответствующий продовольственный и общий потребительский фонд рабочему классу. Говоря короче, высокая норма накопления в наших советских условиях предполагает и высокую норму потребления трудящихся масс.

Продовольственным проблемам в предстоящем году, поэтому, должно быть оказано самое пристальное внимание. Чем менее обеспечено продовольственное снабжение страны наличными ресурсами, в порядке обычного рыночного самотека, тем больше придется затратить усилий для посильной рационализации его методами планово-оперативной самособранности и организованности.

При отсутствии избытков в рамках того или иного вида снабжения, мы должны направить его, прежде всего, туда, где оно всего нужнее, где оно даст наиболее полный эффект при своем использовании. Так, например, если наибольшую активность по плану должны проявить индустриальный пролетариат в городах и трудовые кадры социалистического сектора в деревне, то им, прежде всего, и должно быть обеспечено возможно полное и бесперебойное снабжение всем необходимым.

Это предполагает диференцированный классовый подход к проблемам снабжения. Это предполагает значительное расширение круга нормированного снабжения. Это, с другой стороны, предполагает углубление и обострение классовых противоречий вокруг проблем распределения и перераспределения народного дохода. Это сулит нам свои трудности в процессе осуществления народнохозяйственного плана на 1929/30 г. Но от них нам некуда уйти. Их можно и должно преодолеть.

Темпы роста

Количественный рост народного хозяйства СССР, запроектированный нами в контрольных цифрах на 1929/30 г., может быть выражен следующими показателями.

Планируемая промышленность — это ведущее звено нашего обобществленного хозяйства — получает задание увеличить свою продукцию на 1929/30 г. на 32,3%, против 21,5% намеченных по пятилетке. Железнодорожный транспорт увеличит свою валовую выручку на 23%, вместо 14%, индустриальное строительство возрастает на 92%, вместо 52%, торгово-посреднический оборот в неизменных ценах — на 34,6%, вместо 25%.[1]

Лишь сельскохозяйственная продукция урожая 1929 г. отстает от этих темпов.

Если, исходя из чистой продукции 1927/28 г., исчисленной по пятилетке и об'емных темпов роста по всем отраслям хозяйства, определить общий об'емный рост продукции за два первых года пятилетки, то получим такое сопоставление. (См. табл. 1 на стр. 25).

Приведенный расчет весьма условен, но в качестве индекса физического об'ема народной продукции он все же достаточно показателен. Продукция всей страны в целом за первый год пятилетки возросла на 12,3%, а за второй обещает дать еще более грандиозный прирост в 21%, против 16% намеченных, в пятилетнем плане. И это, несмотря на то, что по сельскому хозяйству мы имеем недобор за первый год примерно на 165, а за второй даже в 700 млн. руб. против пятилетнего плана.

Правда, с учетом намеченного снижения цен на 1929/30 г. прирост народного дохода за этот год будет значительно ниже. И в

[1] С учетом падения цен ожидается увеличение этого оборота на 26%, против 20% по пятилетке.

общем, динамика его за последние годы по последнему пересчету произведенному в Госплане, представится в следующих цифрах — по ценам каждого года:

Годы	Народный доход		Год. прирост в %	
	Общий в млн. руб.	На 1 душу в руб.	Общий	На 1 душу
1925/26	21.230	147	—	—
1926/27	22.945	155	8,0	5,4
1927/28	25.351	168	10,5	8,4
1928/29	29.897	193	17,9	14,9
1929/30	33.845	214	13,2	10,9

Данные этого расчета, к сожалению, несравнимы с данными пятилетки вследствие целого ряда уточнений в оценках и учете продукции. Но динамика приведенного ряда весьма любопытна. Мы имеем здесь несомненно резко возрастающий ряд. А если учесть некоторое повышение цен в 1928/29 г., об'ясняющее преувеличенный прирост дохода этого года и видимое снижение для следующего, то реальное возрастание этого ряда даст еще более резкий темп, чем номинальное. Очевидно потенции советского хозяйства еще только развертываются.

Любопытно отметить, что по некоторым показателям, например, по грузообороту железных дорог и по общей сумме доходного бюджета, мы уже на целый год обогнали темпы пятилетки.

Мы видим, однако, что власть стихий еще больно дает себя знать на фронте сельского хозяйства. Лишь усилиями ряда лет сможем мы изжить здесь путы векового прошлого. Однако, блестящий марш социалистического сектора сельского хозяйства нам явственно говорит, что и здесь перелом не за горами.

Если рассматривать план, как внутренне связанное целое, в котором слишком быстрое продвижение на одном участке, при резком отставании на других, ставит под угрозу не только цельность планового замысла, но и самую реальность его осуществления, то игнорировать или недооценивать наше отставание в области сельского хозяйства нам, конечно, не приходится. Метеорологические условия и тому подобные об'ективные факторы, стоящие вне нашего планового воздействия, могут нам не только затруднять наши задачи, но и притти на помощь. И тогда выполнение нашей пятилетки чрезвычайно облегчится. Но, если не рассчитывать на такие случайности, то, очевидно, из-за отставания в области земледелия нам приходится именно на этом участке нашего строительного хозяйственного фронта развивать особо бдительную зоркость, поддерживать особую напряженность трудовых строительных отрядов.

Уже в плане предстоящего года мы намечаем к осуществлению очень большие задания в области сельского хозяйства. Расшире

Таблица 1

Физический об'ем народной продукции
(в неизменных ценах 1927/28 г.)

Отрасли хозяйства	Абсолютные итоги в млн. руб.					Годовой прирост в %%			
	1927/28 г.	1928/29 г.		1929/30 г.		1928/29 г.		1929/30 г.	
		По пятилетн. плану	Ожидаемое исполнение	По пятилетн. плану	По контрольным цифрам	По пятилетн. плану	Ожидаемое исполнение	По пятилетн. плану	По контрольным цифрам
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Промышленность:									
а) цензовая . . .	5.214	6.172	6.313	7.469	8.308	18,4	21,1	21,0	31,6
б) мелкая	1.235	1.318	1.288	1.429	1.396	6,7	4,3	8,4	8,4
Итого . . .	6.449	7.490	7.601	8.898	9.704	16,2	17,9	18,8	27,7
в) акциз	1.360	1.612	1.609	1.870	2.108	18,5	18,3	16,0	31,0
Итого с акцизом . . .	7.809	9.102	9.210	10.768	11.812	16,6	18,0	18,3	28,2
2. Сельское хозяйство:									
а) земледелие . .	9.466	9.797	9.636	10 600	9.896	3,5	1,8	8,4	2,7
б) лесн. хозяйство	1.459	1.634	1.630	1.823	1.819	12,0	11,7	11,6	11,6
в) рыболовство и охота	360	383	383	436	436	6,3	6,3	13,9	13,9
Итого . . .	11.285	11.814	11.649	12.859	12.151	4,7	3,2	8,9	4,3
3. Строительство:									
а) не сельское . .	1.068	1.463	1.442	2.224	2.760	37,0	35 0	52,0	91,6
б) сельское . . .	520	498	535	502	531	—4,3	2,8	0,8	—0,8
Итого . . .	1.588	1.961	1.977	2.726	3.291	23,5	24,5	39,0	66,6
4. Транспорт:									
а) железнодоржн.	1.061	1.162	1.278	1.299	1.505	9,5	20,5	11,8	17,8
б) прочий	82	90	92	100	99	9,2	12,5	11,0	7,4
Итого . .	1.143	1 252	1.370	1.399	1.604	9,5	19,9	11,7	17,1
5. Народная связь . .	118	130	130	142	163	9,8	9,8	9,0	25,2
6. Товароснабжение . .	2.738	3.313	3.395	4.141	4.570	21,0	24,0	25,0	34,6
Всего . . .	24.681	27.572	27.731	32.035	33.591	11,7	12,3	16,2	21,2
Индекс	100	111,7	112,3	129,8	136,1	—	—	—	—

ние посевов зерновых культур на 8% и общее повышение сбора зерновых в 1930 г. на 166%, при огромном расширении обобществленного клина и контрактации хлеба на корню, а также решительные сдвиги в области под'ема хлопководства и других сырьевых культур уже и в предстоящем году потребуют от нас очень больших жертв.

Качественные показатели

Намеченные выше, количественные темпы роста предполагают не меньшие достижения в области качественных показателей. Задания плана в этой области направлены по трем основным линиям: 1) по линии повышения общей производительности труда, 2) по линии снижения себестоимости продукции и 3) по линии улучшения качества этой продукции.

В области повышения производительности за счет намеченной планом технической реконструкции и рационализации труда мы рассчитываем по планируемой промышленности поднять общий уровень производительности не ниже 23%. Дальнейшее уточнение расчетов вероятно, позволит нам поднять эту норму до 25%. По сравнению с прошлогодним достижением в 16%, это задание очень велико, но и сумма капитальных затрат в промышленность за 1929/30 г. превысит почти в два раза затраты истекшего года. А капитальное перевооружение труда — основной ресурс для повышения его производительности. Достаточно сказать, что только по линии электрификации мы за 1929/30 г. повышаем вложения с 369 млн. в прошлом году до 608 млн. руб., т.-е. на 65%, при чем выработка электроэнергии повысится на 34,5%, а установленная мощность — на 37,4%. При этом, основные фонды промышленности (в неизменных ценах) даже без электростанций возрастают за год на 33,5%, а рабочая сила только на 6,6%. Таким образом, капиталовооруженность каждого рабочего возрастает по меньшей мере на те же 25%, которых мы от него ожидаем в области повышения производительности труда.

В связи с таким крупным скачком (от 16 к 25%) в нормах производительности, мы соответственно повышаем свои задания и в области снижения себестоимости. Она должна быть снижена по нашей установке за 1929/30 г. на 11%. Это трудное, но все же осуществимое задание. Исходя из расчетов ВСНХ, обосновывающих 9,5% снижения и внося в них некоторые поправки, вытекающие из установок Госплана, мы можем представить суммарный расчет по снижению себестоимости в следующей схеме. (См. таблицу 2 на 27 стр.).

Эта схема как нельзя лучше выявляет, по каким линиям намечаются наиболее крупные сдвиги в рационализации промышленности. Наиболее значительные эффекты обещает нам снижение норм потребной для производства рабсилы и материалов (—8,3%). Что

Таблица 2

Схема заданий по снижению себестоимости в планируемой промышленности на 1929/30 г.

Элементы	Структура 1928/29 г.	Снижение по элементам за счет		Общее снижение в % % за счет			Остаток себестоимости	Структура 1929/30 г.
		норм	цен	норм	цен	итого		
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Сырье и материалы:								
а) сельское хозяйство	16 6	2,0	1,0	0.33	0,16	0.49	16,11	18.1
б) промышленность	25,2	7,0	6,0	1,76	1,41	3,17	22,03	24,8
Итого	41,8	5,0	3,96	2,09	1,57	3,66	38,14	42,9
2. Топливо и энергия	4.6	12,0	4 0	0,55	0,16	0,71	3,89	4,4
3. Зарплата с начислениями	31 2	20,0	— 9,0	6.24	— 2 16	4,08	27,12	30,5
4 Налоги и сборы	5,0	—	—	—	—	—	5.00	5,6
5. Амортизация	5,0	15,0	—	0,75	—	0,75	4,25	4,8
6. Прочие накладные расходы	4,1	17,0	—	0,70	—	0,70	3,40	3,8
Заводская себестоимость	91,7	11,3	— 0 53	10,33	— 0,43	9,90	81,80	92,0
7. Трестовские расходы:								
а) уравнительный сбор	3,4	—	—	—	—	—	3,40	3.8
б) прочие	4,9	23,0	—	1,13	—	1,13	3,77	4,2
Итого	8,3	13,6	—	1,13	—	1,13	7,17	8.0
Коммерческая себестоимость	100,0	11,46	— 0,49	11,46	— 0,43	11,03	88,97	100,0

касается эффекта от снижения цен по топливу и материалам, то оно с избытком перекрывается намеченным повышением уровня оплаты труда. Снижение амортизации и прочих заводских и трестовских накладных расходов на единицу продукции тоже составляет весьма заметную величину (2,6%). Но оно является естественным результатом резкого повышения продукции по отношению к этим мало зависящим от размеров производства видам расходов.

Собственно говоря, рационализация производства характеризуется в этой схеме с достаточной полнотой только тремя коэфициентами: снижением нормы потребной рабсилы на 20%, нормы топлива на 12% и прочих материалов на 5%. О факторах, повышающих эффективность использования труда, мы уже говорили. Повышение коэфициентов использования топлива тоже в достаточной степени обеспечено огромной программой электрификации и затратами на обновление прочих силовых установок. Но к этому следует прибавить, что заверстанное здесь задание заслуживает огромного внимания не столько в интересах снижения себестоимости, где роль его невелика, сколько с точки зрения общего топливного баланса страны. К этому балансу в 1929/30 г. пред'являются настолько повышенные требования, что свести его удовлетворительно можно только при запроектированной норме рационализации топливосожигания. Что же касается намеченной экономии в нормах сырьевого и материального снабжения в 5%, то хотя она и не слишком велика, но при огромном удельном весе этой статьи в валовой продукции, значение ее в нашем общем — тоже весьма напряженном — сырьевом балансе трудно переоценить.

Все эти задания должны быть выполнены, ибо только при этом условии окажется вполне реальной намеченная программа строительства и все количественные достижения в области запроектированных темпов роста народного хозяйства.

Наконец, несколько слов об улучшении качества продукции. Мы уже не в первый раз выдвигаем это задание. Но поскольку качество продукции не поддается точному учету, это задание большей частью остается без всякого исполнения. А при нажиме по линии снижения себестоимости мы зачастую наблюдаем даже явное ухудшение качества произведенной продукции. Но мы не можем допустить такого явного обхода плановых директив. Чтобы догнать и перегнать своих капиталистических соперников советская промышленность должна не только удешевлять, но и улучшать свою продукцию.

Как же этого достигнуть?

Мы считаем возможным и необходимым итти в этом отношении по двум путям. Прежде всего, при заключении коллективных договоров, должно быть со стороны хозяйственников внесено общее требование о снижении брака за 1929/30 г. по меньшей мере на 10%, против существующей нормы. А если при этом еще в договорах будут точно установлены условия браковки[1], то дело будет стоять на совершенно твердом фундаменте. Практика же социалистического соревнования и социалистического сотрудничества, опираясь на такой фундамент, обеспечит нам дополнительное ускорение качественных достижений на этом фронте.

Второй путь заключается в повышении общего уровня качества продукции путем пересмотра программного ассортимента изделий по каждому тресту. Задача сводится к получению из одного и того же материала большего выхода высшего сорта изделий. При недостатке сырьевых ресурсов, этот путь заслуживает особливого внимания. Например, у нас не хватает хлопка для существующих текстильных предприятий при данном ассортименте их изделий. Но если мы возьмем установку на более высокий средний номер пряжи, перезаправим ткацкие станки так, чтобы за счет сокращения более грубых и дешевых тканей, например, бязи и рядовых ситцев, увеличить процент более дорогих ситцев, нансука, батиста, маркизета и т. п., то из того же количества хлопка создадим большую массу ценностей. Правда, для этого придется затратить и большее количество труда, так как более высококачественный ассортимент изделий повышает общую трудоемкость работы. Но это повышение трудоемкости нам крайне желательно. В особенности в текстильной промышленности, где в настоящих условиях чувствуется перенасыщение рабочей силой. Но и в других отраслях мы могли бы этим путем дать занятие дополнительным кадрам рабочих, за счет сокращения безработной армии труда.

Труд и культура

Выполнение высоких качественных показателей требует организованных усилий всего пролетариата. И потому одной из наиболее центральных проблем плана является проблема обеспечения необходимой активности и организованности, мобилизуемой по плану рабочей силы.

Общий размер наемной армии труда в СССР в середине 1928/29 г. составлял 12.150 тыс., а через год нам потребуется уже 13.264 тыс. Это составляет прирост в 1.114 тыс. или 9,2%, вместо 7,5% запроектированных по оптимальному варианту пятилетки. Средний уровень оплаты труда по всем его категориям намечается повысить по номиналу на 7,9%, в том числе для промышленных рабочих на 9,0%.

При 25% повышения производительности труда такая прибавка заработной платы представляется довольно скромной. Однако, если учесть еще проектируемое снижение бюджетного индекса на 4%, то общий под'ем реальной оплаты труда придется определить не ниже 13,5%. Но это только индивидуальная часть заработной платы. А между тем, в наших советских условиях рабочий класс, помимо

[1] Т.-е. говоря иначе, стандартные качества изделий, не подлежащих браковке.

индивидуальной оплаты труда, получает довольно крупные суммы в порядке коллективного обслуживания его нужд по социальному страхованию, фондам улучшения быта рабочих и другим статьям. В частности за 1929/30 г. только по отчислениям от прибылей в фубр промышленный пролетариат получит миллионов на сто больше прошлогоднего. А это составляет еще добавочную прибавку к фонду зарплаты индустриального пролетариата около 3%. Правда, зато по фонду социального страхования в предстоящем году проектируется некоторое сокращение пособий из рассчета на одного рабочего. Но в общем, по совокупному фонду индивидуальной и коллективизированной заработной платы мы будем иметь, несомненно, больше 13,5% прироста.

В условиях неблагоприятного продовольственного баланса было бы неосторожно итти на более значительное повышение реальной оплаты труда в предстоящем году. У нас, к сожалению, до сих пор нет еще сколько-нибудь достоверного хлебофуражного баланса. Предварительные подсчеты, которые до сих пор получались из ЦСУ, примерно, гарантируют нам стабильность хлебоснабжения на уровне прошлого года. Баланс мясного снабжения тоже складывается для будущего года стесненным. По другим пищевым ресурсам, за исключением рыбы, растительного масла и картофеля, мы тоже не имеем видов для осуществления желательного под'ема. По сахару нам угрожает значительное недовыполнение плана. В общем же, по всему продовольственному балансу для городского населения, мы, вероятно, повысим снабжение на 5% против второго полугодия 1928/29 г. Такая программа еще не соответствует нашим производственным задачам. И мы должны принять решительные меры для ее расширения.

В числе этих мер укажем большую программу контрактации мясного скота, обеспечивающую нам, путем удлинения сроков нагула и снабжения концентрированными кормами, не менее 150 тыс. тонн добавочной мясной продукции. На ряду с этим, намечен ряд мер, ограничивающих вывоз из страны на предстоящий год дефицитных продовольственных продуктов и усиливающих их ввоз. Вполне возможен и необходим значительный ввоз мясного скота и риса из стран Востока, ввоз сахара-сырца, селедки и целого ряда других продуктов. Как ни ограничены наши экспортные ресурсы, но необходимые комбинации для указанного импорта могут быть найдены. Их необходимо изыскать.

На ряду с этим, программа снабжения городского населения вообще и рабочих центров в особенности должна быть продумана на предстоящий год так, чтобы не оставалось риска каких-либо заторов и перебоев. Покупательный спрос пролетариата, в связи с намеченным ростом зарплаты, возрастает в предстоящем году значительно сильнее, чем у других групп населения. Учитывая это, программа нормированного снабжения должна быть построена на

диференциальной основе. При этом условии мы можем утверждать, на базе проработанных в Госплане продовольственных балансов по всем основным продуктам питания, что рабочему населению может быть обеспечена не только стабильность, но и достаточное улучшение продовольственного снабжения.

Если взять за базу вполне нормальный по условиям снабжения 1927/28 г., то душевой рацион рабочего за год стоил 134 руб. 66 коп. В 1928/29 г. этот рацион по тем же ценам оставался, примерно, на том же уровне — 133 руб. 98 коп. — с ухудшением по хлебу на 9,5%, но с компенсацией этого недобора по другим продуктам. В 1929/30 г. этот рацион может быть поднят до 139 руб. 35 коп. в ценах 1927/28 г.; т.-е. на 4% против среднегодовой нормы истекшего года и процентов на 10 против второго полугодия того же года.

Это не много, но все же вполне достаточно, чтобы обеспечить расширенное воспроизводство рабочей силы и подвести необходимую энергетическую базу для дальнейшего развития активно-творческой самодеятельности пролетариата.

В области снабжения прочими предметами широкого потребления, кроме пищевых, наши возможности несравненно шире. И с этой точки зрения намеченный прирост реальной заработной платы вполне обеспечен.

Огромное расширение строительной программы 1929/30 г. с 4.262 по пятилетке до 5.409 млн. руб. т.-е. на 27% и общее ускорение темпов развертывания работы промышленности и транспорта потребует от нас соответствующего расширения кадров рабочей силы вообще и квалифицированной в особенности.

Это сильно облегчает нашу задачу по борьбе с безработицей. Вопреки предсказаниям пессимистов об угрожающем нам росте безработицы, мы можем уже в 1928/29 г. отметить определенный перелом в этом отношении, а за 1929/30 г. мы намечаем снижение резерва городской армии безработных на целый десяток процентов. Но вместе с тем возрастают наши трудности по комплектованию новых кадров квалифицированной рабочей силы. На бирже труда находить их становится все труднее. И нам предстоит на это дело затратить не мало организационных усилий и средств.

Подробная программа мероприятий в этой области: по переквалификации безработных, обучению новых кадров, расширению контингентов техникумов и втуз'ов дана в материалах секции труда и культуры. И здесь мы должны остановиться только на одном вопросе, не получившем еще окончательного разрешения.

Нам нужно не только обеспечить наличную потребность в квалифицированных кадрах с количественной стороны, но и со стороны их качества. В частности, мы должны обеспечить лучший социальный отбор из рядов пролетариата тех кадров, какие придется выдвигать на командные должности. В этих целях еще в пятилетке нами была выдвинута идея специального классового стипендиального

фонда, который мы назвали рабочим фондом социального воспитания. Его назначение обеспечить содержание обучающихся ныне детей рабочих во всех средних общеобразовательных и профессиональных школах, чтобы свести к минимуму огромный отсев рабочей молодежи этих школ вынужденной по своей необеспеченности рано уходить из школы на фабрику или другую работу.

Мы предполагали создать этот фонд по образцу существующего уже классового медицинского фонда в порядке дополнительного отчисления от заработной платы рабочих и служащих органам социального страхования. Это расширение функций социального страхования функциями общественного воспитания пролетариата, на наш взгляд, является вполне своевременным. Огромные успехи по линии обобществления на всех участках нашего хозяйственного фронта не могут остаться без влияния на систему нашего распределения благ вообще и на систему оплаты труда в особенности. В области зарплаты мы давно уже вступили на путь частичного ее обобществления. Уже теперь коллективизированная часть зарплаты, которую рабочий класс получает в порядке социального страхования, фондов улучшения быта рабочих и в других формах, составляют не менее 12—15% от индивидуальной зарплаты. Но это только начало.

Тенденция к обобществлению зарплаты неизбежно должна получить дальнейшее свое развитие. За рабочим медфондом уже намечается рабочий фонд общественного воспитания, за ним, несомненно возникнет потребность в таких же рабочих фондах общественного питания. И со-временем индивидуальная часть зарплаты превратится лишь в специальный добавочный премиальный фонд за повышенного качества индивидуальную работу.

Конечно — это пока лишь перспектива, но и в настоящее время потребность в создании специального рабочего фонда социального воспитания ни у кого не вызывает сомнения. Спорят лишь о размерах его и формах организации. Была, между прочим, высказана мысль о возможности его образования за счет дополнительного отчисления от прибылей. Но это едва ли рациональный путь. Потребность в рациональном воспитании рабочей молодежи имеется налицо во всех отраслях труда и производства, а не только в хозрасчетных да еще прибыльных. Наша политика цен не обеспечивает прибыльности горного дела, металлургии и многих других отраслей труда, но дети горняков и металлистов, обучающиеся в школах, нуждаются в нашей помощи не меньше других. Воспитание детей рабочих и по существу входит в общую стоимость воспроизводства рабочей силы и, стало быть, должно покрываться за счет необходимого, а не „прибавочного“ продукта рабочих. Вот почему, проектируемый фонд должен образоваться в том же порядке, как и другие формы зарплаты, т.-е. включаться в калькуляцию себестоимости, а не отчисляться за счет прибылей.

В отношении размеров проектируемого фонда мы считали бы возможным на первый год ограничиться отчислением одного процента от зарплаты всякого рода хозрасчетных — государственных и частных предприятий, что по планируемой промышленности составит около 30 млн. руб., а по всем отраслям труда, не включая сюда госбюджетных учреждений, до 80 млн. руб. В последующие годы этот процент отчисления придется, конечно, постепенно повышать и круг страхуемых расширять, включая соответствующие затраты в общую норму планового повышения зарплаты.

В области жилищного строительства за 1929/30 г. мы намечаем ряд мероприятий по удешевлению строительства минимально на 13,7% и повышаем общую сумму затрат по этой линии с 562 млн. руб. в 1928/29 г. до 819 млн. руб., т.-е. на 45,6, а в пределах обобществленного сектора даже на 56,2%. Такого скачка в этой области мы еще не имели за весь советский период строительства. И все же это позволит нам повысить душевую норму жилфонда только с 5,8 до 5,9 *кв. м* в обобществленном секторе, т.-е. едва на 1,7%.

Балансовые проблемы

Центральной частью нашего плана является программа капитального строительства. Ей посвящен особый раздел контрольных цифр. Но в порядке балансовой проверки плана нам надлежит прежде всего выяснить, в какой мере обеспечена эта программа реальными ресурсами. И каково то распределение народного дохода, какое вытекает из нашей программы накопления.

Конечно, в этой области возможны только очень приблизительные ориентировочные расчеты. Но все же мы не могли бы их обойти Приведем поэтому прежде всего следующую таблицу (см. таблицу 3 на стр. 34).

Как видим, в рыночной оценке каждого года народный доход за 1929/30 г. возрастает, говоря грубо, на 4 мрд., а по физическому об'ему этого дохода на 6 мрд руб. Любопытнее всего, однако, то, что весь этот прирост целиком падает на обобществленный сектор, так как доход частного сектора даже сокращается на 750 млн руб. Это последнее сокращение об'ясняется, прежде всего, процессами обобществления индивидуального производства значительной части крестьян, кустарей и ремесленников в кооперативном секторе. Не даром этот сектор дал за один год рекордный прирост в 34,2%, т.-е. дал лишних 1.150 млн. руб. В этой цифре, вероятно, и оказались три четверти миллиарда, потерянные частным сектором. А во-вторых, на этот факт не остался, конечно, без влияния и урожай 1929 г. Как известно, посевы индивидуального сектора в этом году дали всего 1% прироста, а скот—даже некоторое снижение. Неважный урожай в целом ряде районов, с одной стороны, и кооперирование значительных трудовых масс, с другой—в достаточной степени об'ясняет указанный факт. К этому можно добавить лишь одно, что

Таблица 3

Баланс производства и распределения народного дохода СССР

(в ценах каждого года)

Социальные секторы и классы	В млн. черв. руб.			Структура в % к итогу			Прирост за год в %	
	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
А. В приходе (по секторам)								
1. Государственный сектор	10.633	12.620	16.167	41,9	42,2	47,8	18.7	28,1
2. Кооперативный „	2.515	3.357	4 505	9,9	11,2	13,3	33 5	34,2
Итого	13.148	15.977	20.672	51 8	53,4	61,1	21,5	29,4
3. Частный	12.203	13.920	13.173	48,2	46,6	38,9	14,1	—5.4
Всего	25.351	29.897	33.845	100,0	100,0	100,0	18,0	13 2
Б. В расходе (по классам)								
1. Пролетариат:								
а) сельскохозяйственный	560	632	734	2,2	2,1	2,2	12,9	16.1
б) индустриальный и проч.	8.684	10.045	11.731	34,2	33,6	34 6	15,7	16'8
Итого	9.244	10 677	12.465	36,4	35,7	36,8	15,5	16,7
2. Крестьяне-земледельцы	13.264	15.545	16.726	52,3	52,0	49.3	17 2	7.6
3. Ремесленники и проч. трудовые занятия	1.799	1.745	1.656	7,1	5,8	4,9	—3,0	—5,1
4. Городская буржуазия	568	515	467	2,2	1,7	1,4	—9,4	—9,3
5. Прочие группы	504	527	549	2,0	1 8	1 6	4,5	4 1
Итого доходов населения (по 1—5) брутто	25.379	29.009	31.863	100 0	97,0	94,0	14,3	9,8
в т. ч. повторный учет	2.238	2.436	3.281	8 8	8,2	9,7	8,9	34,7
Итого без повторного учета (нетто)	23.141	26.573	28.572	91,3	88,8	84,3	14 8	7.5
Накопление обобществленого сектора	2.210	3.324	5.273	8 7	11 2	15,5	50.4	58,7
Баланс	25.351	29.897	33.845	100,0	100,0	100,0	18,0	13,2
То же в ценах 1926/27 г.	25.070	28.133	34.218	—	—	—	15,8	21,6

в недалеком будущем этот процесс поглощения частного сектора обобществленным пойдет, несомненно, еще быстрее. Распределение народного дохода по отдельным группам населения показывает, что не только буржуазия, но и довольно широкие слои неземледельческого трудового населения обнаруживают хотя и медленное, но весьма последовательное абсолютное снижение своих доходов. Это об'ясняется абсолютным сокращением их численности. Крестьянство, включая сюда и кооперированную его часть, пока еще не обнаруживает такого абсолютного падения. Но, если учесть, что уже в 1930 г. по нашему плану весь прирост населения деревни исчисляется в 1,1 млн. душ, а население колхозов должно вырасти на 2,2 млн. душ, то значит и здесь мы должны получить абсолютное снижение числа индивидуальных хозяйств, а затем и их доходов.

В свете этих фактов мы уже можем обратиться к масштабам возможного накопления. В нашей таблице приведены только итоги прибылей и рентных доходов госсектора. Но государство располагает еще целым рядом иных методов аккумулирования ресурсов для производственного накопления. Этой цели могут служить и налоги, и займы, и паенакопление кооперации, и многие другие пути. С учетом всех этих источников общий итог ресурсов, которые охватываются нашим финансовым планом, достигает 17,200 млн. руб. Из них на управление и оборону намечается обратить всего 1.712 млн. руб., на культурное строительство 3.772 млн. руб. и на финансирование народного хозяйства 11.724 млн. руб. По пятилетке эта последняя цифра была на 2,800 млн. руб. ниже.

Если же выделить из указанной программы финансирования затраты амортизационного и операционного назначения и учесть лишь те суммы, какие обращены на накопление производственных фондов обобществленного сектора, то получим для 1929/30 г. сумму в 8.884 млн. руб. За 1928/29 г. эта сумма достигала только 4.327 млн. руб.

Этот скачек в накоплении оказался возможным, конечно, только потому, что и народный доход по обобществленному сектору дает не меньший скачек. В самом деле, этот прирост составит по нашей таблице 4.695 млн. руб., а сумму накопления мы увеличиваем на 4.557 млн. руб. Таким образом, мы почти весь прирост народного дохода в обобществленном секторе целиком обращаем на цели социалистического накопления. Это свидетельствует об известном напряжении плана. Но его не следует преувеличивать.

Необходимо помнить, что р е а л ь н ы й прирост народного дохода в 1929/30 г. составит не 4, а 6 мрд. руб. Благодаря игре цен реальное значение рубля в народном доходе 1929/30 г. равно 1 руб. 13 коп. в доходе предыдущего года. Таким образом, хотя фонд потребления за 1929/30 г. не дает в и д и м о г о прироста, но его реальное значение все же будет значительно выше прошлогоднего.

Обращаясь к темпам роста народного дохода по отдельным социальным группам, важно отметить следующее характерное обстоятельство. За 1928/29 г. пролетариат увеличил свой доход только на 15,5%, а крестьянство благодаря росту цен—на 17,2%. Предстоящий год резко изменяет это соотношение. Крестьянство получает прирост только в 7,6%, в то время как пролетариат—на 16,7%.

Однако, при оценке этого факта опять-таки не следует забывать о смещениях цен. В сущности огромный прирост доходов деревни за 1928/29 г. на 2,3 мрд. руб. в большей своей части имеет только номинальное значение. Он об'ясняется переоценкой всей его продукции по повышенным ценам. Но реальное для него значение имело повышение цен только в отношении товарной части его продукции. А в этой части имело место следующее. Всего на повышении цен сельской продукции деревня выиграла по подсчетам Госплана 459 млн руб. в том числе за счет сверхплановых накидок 329 млн. руб. Но в то же время на повышении промышленных цен сверх плана и обратных покупках хлеба в городе она потеряла 214 млн. руб. Таким образом, чистый ее выигрыш не превышает 245 млн. руб.

Заверстанные в нашем финансовом плане меры по кредитным операциям и прочим из'ятиям из доходов деревни намечают повышение их против прошлого года на 398 млн. руб. Таким образом, они в достаточной мере перекрывают вероятное накопление свободных ресурсов деревни.

В финансовом отношении программа строительства 1929/30 г. хотя и с напряжением вполне обеспечена. Бюджет, запроектированный в 10,4 мрд. руб., выделяет для этой цели около 3,810 мрд. руб., да еще местный бюджет должен дать для этого свыше 1 мрд. руб., остальное покрывается собственными ресурсами обобществленного сектора и привлеченными средствами населения. В частности, за счет эмиссионных источников в кредитный план заверстано около 380 млн. руб.

В материальном отношении намеченная программа продукции и капитального строительства, как это удостоверено всей суммой построенных нами специальных балансов, тоже выполнима. И баланс топлива, и баланс строительных материалов в общем вполне увязываются с намеченным планом. Баланс металла требует некоторого подкрепления за счет импорта, но это подкрепление вполне осуществимо.

Из других балансов особого внимания заслуживает баланс рыночного спроса и предложения (см. табл. 4). Этот баланс при намеченных сдвигах цен тоже оказался довольно напряженным. Дело в том, что в области цен, исходя из установок пятилетки, мы сочли возможным следующие задания. Отпускные цены ВСНХ должны быть снижены в среднем на 4% в том числе по группе Б на 2%. По розничным ценам в городской торговле мы должны получить 2,7%

Таблица 4

Баланс реализации промышленных товаров

Статьи баланса	В млн. черв. руб.			В %% к предыдущему году	
	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
1	2	3	4	5	6
А. Предложение					
1. Запасы товаров к началу года:					
а) у производителей	1.250	1.350	1.386	108,0	102,7
б) в товаропроводящих каналах	1.630	1.990	2.581	122,1	129,6
Итого запасов	2.880	3.340	3.967	116,0	118,8
2. Товарная продукция:					
а) крупной промышленн. (с акцизом)	10.961	13.314	17.054	121,5	128,1
б) мелкой промышленности	2.360	2.535	2.750	107,4	108,5
Итого	13.321	15.849	19.804	119,0	125,0
3. Прочее предложение	552	583	704	105,6	120,8
Итого по 1—3	16.753	19.772	24.475	118,0	123,8
4. Торгово-транспортная накидка	3.229	3.858	4.748	119,5	123,1
Всего по 1—4	19.982	23.630	29.223	118,3	123,7
Б. Спрос					
1. Организованного рынка:					
а) на средства производства	6.609	8.142	11.565	123,2	142.0
б) „ „ потребления	811	950	1.105	117,1	116,3
Итого	7.420	9.092	12.670	122.5	139,4
2. Широкого рынка (населения):					
а) на средства производства	2.267	2.510	2.878	110,7	114,7
б) „ „ потребления	6.511	7.070	7.655	108,6	108,3
Итого	8.778	9.580	10.533	109,1	109,9
3. Прочий спрос	406	544	708	134,0	130,1
4. Запасы товаров к концу года:					
а) у производителей	1.350	1.386	1.513	102,7	109.2
б) в товаропроводящих каналах	2.239	2.904	3.594	129,7	123,8
Итого	3.589	4.290	5.107	119,5	119,0
Всего по 1—4	20.193	23.506	29.018	116,4	123,5
Балансовая разница	— 211	+ 124	+ 205	—	—
Баланс	19.982	23.630	29.223	118,3	123,7
Предложение на широкий рынок в ценах потребления	8.567	9.702	10.736	113,2	110,7

Таблица 5

Индексы цен по переменным весам секторов (1913 г.=100)

Наименование индексов	1927/28 г.	1928/29 г.		1929/30 г.		в %% к предыдущему году прирост (+) и убыль (−)			
						1928/29 г.		1929/30 г.	
		по пятилетнему плану	отчетные данные	по пятилетнему плану	по контрольным цифрам	план	исполнение	по пятилетнему плану	по контрольным цифрам
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Отпускных цен госпромышленности:									
а) по группе А	169,0	164,0	166,6	154,0	156 6	— 3,0	— 1,4	— 6,1	— 6,2
б) „ „ Б	198,5	198,5	199,8	192,9	195,8	0,0	+ 0,7	— 2,8	— 2.0
Тотальный	185,3	183,3	229,0	175,6	177,4	— 1,1	— 0,3	— 4,2	— 4,0
2. Всесоюзный оптовый:									
а) промышленный	187,7	185,7	187,4	177,4	179,9	— 1 1	— 0,2	— 4,5	— 4,0
б) сельскохозяйственный	156,7	166,3	170,3	166 3	169,6	+ 6,1	+ 8,7	0,0	— 0 4
Тотальный	178,4	180,3	182,3	175,2	177,0	+ 1,1	+ 2,2	— 2,8	— 2,9
3. Общеторговый розничных цен:									
а) промышленных	198,0	198,0	203.0	190 0	195,5	0.0	+ 2 5	— 4,0	— 3,7
б) сельскохозяйственных	194,0	194,0	223.0	189,0	219,0	0,0	+ 14.9	— 2.8	— 1,8
Тотальный	197,0	197,0	210,0	190,0	203,7	0,0	+ 6,6	— 3,5	— 2,7
4. Заготовительных цен на сел.-хоз. продукты:									
а) зерновые	134,6	156,6	190,4	155,4	180,6	+ 16.3	+ 41,5	— 0,8	— 5,1
б) технические	139,8	144,6	146 0	144,6	146,2	+ 3,4	+ 4,4	0,0	+ 0,1
в) животноводство	181,8	183.4	197,6	183,0	198.7	+ 0,9	+ 8,7	— 0,2	+ 0,6
Тотальный	156,4	165,0	183,3	164,2	178,8	+ 5,5	+ 17,2	— 0,5	— 2,5
5. Бюджетный:									
а) промышленный	202,6	202,6	201,6	196,5	191 5	0,0	— 0,5	— 3,0	— 5,0
б) сельскохозяйственный	210 3	210,3	228,2	204,4	218,4	0,0	+ 8,5	— 2,8	— 4,3
Тотальный (33 товара)	207,0	207,0	217,1	201,0	207.1	0,0	+ 4 9	— 2,9	— 4 6
„ (39 товаров)	198,7	204,3	209,8	199,2	201,4	+ 2,8	+ 5.6	— 2,5	— 4,0
6. Строительства	247,0	222,0	229,0	200,0	200,0	— 10,1	— 7,3	— 9,9	— 12,7

снижения. Бюджетный индекс при этих условиях сможет дать до 4% снижения (см. табл. 5). Спрос широкого рынка при таких установках возрастает на 9,9%, а предложение без дополнительных мероприятий нам давало рост всего в 7,1%. Однако, с учетом намеченной продажи сахара и некоторых других товаров по повышенным ценам на ненормированном рынке, а также специальных новелл по дополнительному обложению предметов роскоши и комфорта возможное предложение возрастает на 10,7% и, таким образом, в общем перекрывает спрос.

В результате выполнения плана, в народном хозяйстве СССР за 1929/30 г. должны произойти следующие социальные сдвиги

Таблица 6

Процессы обобществления по контрольным цифрам 1929/30 г.

(в млн. черв. руб.)

Показатели	Годы	Всего—абсол. данные	В том числе секторы в %%			
			государственный	кооперативный	итого обобществленный	частный
1	2	3	4	5	6	7
1. Наемный труд в млн. работников	1928/29	12.151	72,8	10,6	83,4	16 6
	1929/30	13.264	74,0	11,0	85,0	15,0
2. Валовая продукция:						
а) промышленности	1928 29	21.402	70.7	14,1	84.8	815,
	1929/30	26.117	72,9	15,3	88 2	211,
б) сельского хозяйства	1928/29	21.183	0,9	0,8	1,7	98,3
	1929/30	20.393	1,2	2,5	3,7	96,3
3. Товарная продукция:						
а) промышленности	1928/29	18.505	66,4	16,2	82,6	17,4
	1929/30	22.505	68,9	17,6	86,5	13,5
б) сельского хозяйства	1928/29	3.628	3,2	1,6	4,8	95,2
	1929/30	3 739	3,4	5,5	8,9	91,1
4. Торгово-посреднический оборот	1928/29	49.716	30,1	63,3	93.4	6,6
	1929/30	62.632	30,0	66,7	96,7	3,3
5. Основные фонды к концу года в неизменных ценах 1926/27 г.	1928/29	74.670	52,0	2,2	54 2	45,8
	1929/30	85.318	55,7	3,2	58,9	41,1
6. Оборотные фонды к концу года	1928/29	16.764	37,0	17,1	54,1	45,9
	1929/30	18.731	37,3	20,9	58,2	41,8
7. Капитальные вложения за год	1928/29	8.527	55,2	10,0	65,2	34,8
	1929/30	12.975	63,7	12,2	75,9	24,1

Наемный труд в частном секторе уже в прошлом году составлял не свыше 16.6% (батраки в крестьянских хозяйствах, пастухи и т. п.). В 1929/30 г. удельный вес их падает до 15%. В продукции промышленности доля частника падает за год с 15,2% до 11,8%, в том числе в цензовой с 0,9% до 0,7%. Паровой транспорт давно

уже обобществлен на все 100%. В торговом обороте доля частника падает в рознице с 18,6% до 10,7%, а по всем оборотам с 6,6% до 3,3%. В основных фондах страны эта доля падает за год с 45,8% до 41,1%, а в капитальных вложениях с 34,8% до 24%. И даже в сельском хозяйстве, где преобладает пока частнохозяйственная стихия, мы идем колоссальным темпом к обобществлению. Достаточно сказать, что посевная площадь совхозов к 1930 г. вместо 25% по пятилетке возрастает на 108%, площадь колхозов вместо 82% на 182% и т. д. Правда, эффект от этих приростов мы получим только в 1931 г. А пока в валовой продукции сельского хозяйства доля обобществленного сектора составляет всего около 3,7%, а в товарной 8,9%. Но уже через год мы и в этой области будем иметь в 2—3 раза более высокие достижения.

Таким образом, в общем и 1929/30 г. также, как и прошлый, по сравнению с пятилеткой, обещает нам при заметном отставании в темпах развития индивидуального хозяйства в деревне огромное превышение в темпах индустриального развития и обобществления хозяйства.

Буржуазная критика уже отмечала, что выполнение нашей пятилетки даже с большой скидкой против ее наметок придется рассматривать как жесточайшее поражение капиталистической системы хозяйства. Вступая во второй год пятилетки, мы с удовлетворением можем констатировать, что мы продвигаемся по намеченному пути даже скорее, чем предполагали, как бы это не опрокидывало „плановые“ предвидения наших противников.

Э. И. Квиринг

План капитального строительства на 1929/30 г.[1]

Общие установки плана капитального строительства даны в пятилетнем плане, почему мы на них не будем сейчас останавливаться. Мы исходим в основном из позиции пятилетнего плана, и поэтому я, главным образом, буду говорить о тех изменениях, которые вносят контрольные цифры текущего года в пятилетний план. Мы идем выше пятилетнего плана. Причины и условия, которые позволили нам итти выше наметок пятилетнего плана, изложены в сводном докладе о контрольных цифрах. В отношении капитального строительства я хочу лишь особо подчеркнуть тот факт, что опыт работ последнего года показал, что мы можем производить строительство крупнейших предприятий, заводов и фабрик более быстрым темпом, чем это намечалось пятилетним планом. И вот это ускорение темпа строительства,— это форсирование строительных работ позволило нам, по отношению целого ряда строительных об'ектов в плане текущего года, исходить из более повышенных темпов, чем те темпы, которые были намечены пятилетним планом. В этом отношении огромное значение имеет использование иностранной технической помощи, главным образом американской. Наиболее разительны примеры постройки таких заводов, как Сталинградский тракторный завод, как автозавод и целый ряд других, которые по плану текущего года намечено окончить в два строительных сезона вместо 3—4 по пятилетнему плану. Этот факт дал нам возможность и обязал нас, по целому ряду крупнейших сооружений, предусмотреть в плане текущего года гораздо больше капитальных вложений, чем это было намечено по пятилетке, и соответственно этому производственные результаты скажутся значительно раньше. Достаточно сказать, что, например, второй тракторный завод, который по пятилетке должен был быть закончен в последний год пятилетки, т.-е. в 1932/33 г., по нашим теперешним предположениям будет закончен в 1930/31 г. Мы начинаем это строительство с предстоящего хозяйственного года и в течение двух строительных сезонов строительство этого огромного гиганта должно быть закончено. Это выполнимо только при том условии, если мы в полной мере и умело используем иностранную техпомощь примерно таким же образом, как это сделано с автозаводом, который также должен быть закончен в два строительных сезона. Это возможно при условии, что к делу будут привле-

[1]) Обработанный доклад на VI С'езде плановых органов.

чены иностранные строительные фирмы, которые в короткий срок дадут совершенно законченный проект; это возможно при условии, что само строительство будет как следует организовано; это возможно при условии максимального использования строительных механизмов, а также при условии своевременного и достаточного финансирования. В итоге всех поправок к пятилетке размер капитальных затрат проектируется нами на будущий год на 2,5 мрд. выше, чем это было намечено в пятилетке только по обобществленному сектору: против 7,6 мрд. — 10,1 мрд. Вместе с частным сектором общий размер капитальных вложений составляет в предстоящем году 3 мрд. Такой рост капитальных вложений дает огромный рост основных фондов народного хозяйства. Прирост фондов в прошлом году составлял 5 мрд руб. В этом году прирост составляет уже 10 мрд. руб., при чем темпы прироста основных фондов значительно ускорились по сравнению с предыдущим годом. Это ускорение особенно заметно по промышленным фондам. В прошлом году мы имели рост в 15%, в этом году по плану намечается рост 34%, т.-е. темп роста промышленных фондов удваивается. То же самое по транспорту: в прошлом году прирост фондов составлял 7,4%, в этом году 15%. И даже по сельскому хозяйству, где темп прироста фондов значительно отстает, все же против 3% прошлого года мы намечаем в текущем году прирост на 6,9%.

Понятие капитальных вложений шире понятия капитального строительства. В сумму 13 мрд. капитальных вложений в народное хозяйство включается 2 мрд. руб. на живой и мертвый инвентарь сельского хозяйства, и, следовательно, 11 мрд. руб. составляет все строительство вместе с оборудованием и по линии НКПС вместе с паровозами и подвижным составом. Чисто строительные работы составляют сумму около 8,5 мрд. руб., при чем, если исключить из этой суммы сельское жилищное строительство, то получается сумма городского промышленного и хозяйственного строительства около 7 мрд. руб Нужно заметить, что чистое строительство дает рост против предыдущего года на 94%, следовательно, строительные работы в текущем году почти удваиваются против строительных работ предыдущего года.

Если мы обратимся к росту строительства по отдельным отраслям народного хозяйства, то мы получим следующие темпы, если брать только социалистический сектор нашего хозяйства: по сельскому хозяйству вместо 150 млн. в прошлом году мы имеем строительство на 550 млн. руб., т.-е. увеличение на 270% по промышленности вместо 1 мрд. руб. на чисто строительные работы — 2 мрд. руб. По электрификации — также увеличение на 90%. По просвещению вместо 223 млн. — 546 млн. руб.

Анализ вложений по социальным секторам обнаруживает огромный рост социалистического сектора и соответственное падение частного сектора.

В приведенной ниже таблице дано распределение капитальных вложений по социальным секторам за последние пять лет. Доля частного сектора из года в год снижается. От 57% в 1926/27 г. до 24% в 1929/30 г. и соответственно доля государственного сектора повышается с 38% до 65%, доля кооперативного сектора также вырастает от 3,5 до 10,4%.

Таблица 1

Капитальные вложения в сельское хозяйство по секторам (в % % к итогу)

Годы / Секторы	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	Примечание
Государственный .	38,6	43,2	49,4	57,1	65,1	По данным первого варианта, представленного на утверждение с ез да. В настоящее время вносится ряд поправок и уточнений.
Кооперативный . .	3,5	4,5	5,6	7,9	10 4	
Частный	57,9	52,3	45,0	35,0	24,5	
Итого (без прочих) мероприят.	100	100	100	100	100	

Мы видим, как на протяжении последних пяти лет частный сектор в капитальных вложениях страны очень круто теряет свой удельный вес.

Но при анализе соотношений капитальных вложений в обобществленный сектор и в частный сектор мы, помимо сопоставления общих размеров вложений, должны еще сравнивать, в какой мере вложения по этим секторам обеспечивают простое воспроизводство данного сектора и в какой мере они обеспечивают расширенное воспроизводство, ибо, товарищи, именно путем такого анализа мы получаем совершенно законченное представление о том, как идет рост секторов.

Если мы с этой стороны подойдем к вопросу и будем исходить из того положения, что амортизационные суммы, идущие на покрытие износа, покрывают в общем и целом простое воспроизводство, [1] а все, что идет выше амортизационных сумм, обеспечивает расширенное производство, то мы получим следующие разительнейшие данные: по промышленности и электрификации из общей суммы капитальных вложений по обобществленному сектору на будущий год из общей суммы в 5.155 млн. руб. на износ идет 534 млн. руб., или 11% всех вложений, а на расширенное воспроизводство идет 4.800 млн. руб., или 89% всех вложений.

По частному сектору все вложение в промышленность и электростроительство, в том числе и концессионную, на будущий год соста-

[1] Это, конечно, надо брать условно, потому что амортизационные суммы могут быть несколько больше или меньше фактического износа, но сути дела это не меняет.

вляет 60 млн. руб. Уже одно это цифровое сопоставление говорит о ничтожной роли частного капитала в области крупной промышленности. К тому же из 60 млн. руб.—40 млн. руб. идет на покрытие износа и только 20 млн. руб. идет на расширенное воспроизводство. Нужно прямо сказать, что ни о каком расширении воспроизводства в частном секторе промышленности не приходится говорить. По сельскому хозяйству мы имеем сопоставление социалистического сектора с индивидуальным крестьянским сектором. Более подробную группировку на капиталистические и простые товарные крестьянские хозяйства мы сейчас не можем дать, так как нет соответствующих данных. Поэтому в частный сектор по сельскому хозяйству входят и кулацкие хозяйства капиталистического типа и бедняцко-середняцкие хозяйства. В социалистическом секторе из общей суммы вложений в 1.326 млн. руб. лишь 8,5% — 111 млн. руб.— идет на покрытие износа, а на расширенное воспроизводство идет 1.215 млн. руб.— 91,6%. Процент износа в социалистическом секторе сельского хозяйства еще очень низок, так как здесь мы строим заново, и вложения особенно выросли лишь за последние годы. Фонды социалистического сектора в сельском хозяйстве еще низки по сравнению с капитальными вложениями.

В индивидуальном крестьянском секторе из общих вложений в 2.800 млн. руб. — 2.000 млн. руб. идут на покрытие износа, т.-е. 71%, и лишь 800 млн. идет на расширенное воспроизводство. Таким образом, общий размер капитальных вложений в частный крестьянский сектор выше вложений в социалистический сектор сельского хозяйства (2.800 млн. руб. и 1.326 млн. руб.), но зато из общей суммы вложений в обеспечение расширенного воспроизводства, вложения в социалистический сектор превышают вложения в частный крестьянский сектор (1.215 млн. руб. и 800 млн. руб.).

Следовательно и в сельском хозяйстве расширенное воспроизводство в социалистическом секторе опережает расширенное воспроизводство в частном секторе.

Все это говорит о том, что при твердом проведении генеральной линии партии на дальнейшее форсирование процессов обобществления в сельском хозяйстве мы можем достигнуть очень и очень значительных результатов. Это говорит о том, что победа социалистического сектора при таких темпах развертывания обеспечена.

Но мы имеем не только простое увеличение размера капитальных вложений в строительство, мы имеем значительное укрупнение строительства.

Снижение стоимости строительства проверить очень трудно. Довольно часто и теперь еще мы имеем случаи, когда фактическая стоимость превышает сметную. В других случаях сметная стоимость в процессе строительства вырастает. Вот несколько примеров. В прошлом году Уралмашстрой в плане стоял в сумме 38 млн. руб., в этом году он стоит в сумме 57 млн. руб. Сельмашстрой Ростовский стоял

в сумме 42,5 млн. руб., теперь стоит 71 млн. руб., но и мощность его повышена до 84 млн. руб. валового выпуска продукции вместо 37,5 млн. руб.; затем Березняковский комбинат — 48 млн. руб. и 85 млн. руб., Воскресенский Угрешско-Донской — 60 млн. руб. и 119 млн. руб. По некоторым из этих об'ектов мы имеем изменение проектировок, по другим же мы имеем просто рост сметной стоимости. Это особенно относится к химическим заводам, стоимость которых в пятилетие показана значительно ниже, чем она выявилась теперь по проектам. Что же в этих условиях можно считать снижением цен, если мы в прошлом году признали, что химический комбинат можно построить за 50 млн. руб., а теперь оказывается нужно 80 млн. руб.?

Если несколько лет тому назад нам казалось чрезвычайно трудным приступать к такому строительству, как Днепрострой, то теперь мы имеем уже в процессе строительства десятки строительств, почти равных Днепрострою. По выше лимитному промышленному и электростроительству мы имеем следующие данные о размерах строительств. В списках имеется 349 об'ектов стоимостью до 5 млн. рублей каждый, общая стоимость которых составляет 524 млн. руб.; 108 об'ектов стоимостью от 5 до 15 млн. руб. на общую стоимость в 900 млн. руб., 27 об'ектов стоимостью от 15 до 30 млн. руб. каждый, общая стоимость 500 млн. руб., 13 об'ектов стоимостью от 30 до 50 млн. руб., общая стоимость 500 млн. руб. и 23 об'екта стоимостью каждый свыше 50 млн. руб., общая стоимость 2.500 млн. руб. Значит в плане капитального строительства по электрификации и промстроительству мы имеем в 1929/30 г. 23 об'екта, которые стоят 2.500 млн. руб., примерно около 100 млн. на один об'ект. Наконец, даже постройка каждого совхоза или машинно-тракторной станции, это по об'ему работ крупное строительство, а если прибавить сюда поселковое жилстроительство, которое принимает все большие масштабы, мы получим крупнейшие строительные работы для нужд гигантской строительной индустрии, которая выдвигается на одно из первых мест в числе отраслей народного хозяйства.

Нужно прямо сказать, что с организацией строительного дела у нас обстоит до сих пор не вполне благополучно. Организация строительного дела не поспевает за огромным ростом строительства, наши организации не поспевают перестроиться за темпом капитальных вложений, и, в частности, чрезвычайно плохо у нас обстоит дело с таким производством, как заводское производство строительных конструкций, производство строительных деталей и т. п. Известно, что современное строительство в передовых капиталистических странах в значительной части производится заводским путем: подготовляются конструкции, детали, целые части строений и затем все это собирается на месте строительства. В этом отношении мы очень отстали, почему мы должны обратить особое внимание на укрепление наших строительных контор, превращение их в крупней-

шие тресты, на организацию производства строительных конструкций, строительных деталей. Эта задача очень слабо разрешается в плане будущего года, точнее сказать, мы только подходим к ее выполнению. Мы должны помнить, что без разрешения этой задачи невозможно выполнить грандиозные планы капитального строительства, которые из года в год все больше и больше будут расти.

В организации строительного дела, как нами уже указывалось, особое значение должно иметь привлечение иностранного опыта. В строительной технике мы крайне отстали, и перенять методы работы передовых капиталистических стран и, главным образом, С.-А. С. Ш. нам крайне необходимо.

Огромное значение для правильной организации строительных работ, как нам неоднократно приходилось отмечать, имеет своевременная разработка проектов. Мы знаем, что это было нашим слабым местом в предшествующие годы. В прошлом году в план капитального строительства по промышленности 64% всего об'ема капитального строительства было включено в контрольные цифры без наличия законченных проектов. Само собой разумеется, это сказывается очень отрицательно на самом строительстве. Тут и удорожание, и удлинение сроков, словом, очень много недочетов нашего строительного дела происходит главным образом вследствие плохой подготовленности проектов. В текущем году положение несколько лучше, но все же и в текущем году проектное дело остается слабым местом. По данным ВСНХ мы имеем к началу года готовых проектов 60% к об'ему капитального строительства. Против прошлого года это уже шаг вперед, но все же и в этом году мы вступаем в новый строительный год, не имея проектов 40% строительства промышленности (по об'ему). По количеству строительных об'ектов положение еще значительно хуже. Здесь мы имеем утвержденных проектов лишь 30% об'ектов и эскизных проектов 13%. Это значит, что по большинству об'ектов, которые включены в план текущего года, мы опять не имеем разработанных проектов. Правда, по расчетам ВСНХ, к 1 января текущего года значительное количество этих проектов будет закончено, и на 1 января мы будем иметь больше, чем в прошлом году. Но и в текущем году мы вынуждены при рассмотрении в правительстве капитального строительства, по списку выше лимитных работ, сделать то же самое, что и в прошлом году, когда мы выделили в условный список целый ряд строительств, по которым к началу года не имелось готовых проектов с тем, что к производству строительных работ разрешается приступить только в том случае, если к указанным срокам проекты будут закончены. Эту меру надо провести и в текущем году, оставив сравнительно небольшие суммы на всякие подготовительные работы.

В связи с состоянием проектного дела и всего строительного дела в целом мы выдвигаем следующие общие установки относительно сроков окончания строительных работ. Мы считаем, что

опыт последних лет показал, что для среднего размера предприятия, стоимостью, примерно, до 10 млн. руб., при условии, что к началу хозяйственного года проекты полностью будут готовы, строительные работы могут быть закончены в течение одного строительного сезона; заводы большего масштаба, в 20—25 млн. руб. и даже до 50 млн. руб. и свыше, как, например, Челябинский тракторный завод, автозавод, при привлечении иностранной технической помощи могут быть закончены в два строительных сезона. Если мы выдержим эти темпы строительства, то нам не страшно будет, если скажем, в текущем году по плану не предусмотрены деньги по тем или иным новым заводам. А что у нас было до сих пор? Строили обычно небольшой завод стоимостью в 10—12 млн. руб, строили 3—4 года. Финансирование растягивалось: скажем, в первый год дают 1 млн. руб., второй год—3 млн. руб., на 3 год—4 млн. руб. Такой порядок мы уже переросли. На этой стадии мы уже оставаться дальше не можем. Лучше отложить начало строительства ряда заводов на год, чтобы не растягивать строительство по финансовым соображениям.

В плане капитального строительства промышленности на будущий год мы исключили десятки предприятий, которые были в списках пятилетнего плана, и кроме хорошего ничего от этого не произойдет, по той простой причине, что если мы на будущий год на эти предприятия дадим деньги, мы их кончим в тот же срок, который был намечен пятилеткой, а может быть и раньше. Факт тот, что мы значительно превысили пятилетку, но вместе с тем мы произвели перегруппировку об'ектов, мы исключили из этого плана десятки об'ектов, главным образом по легкой промышленности, и включили некоторые новые. Таким образом, мы стремились концентрировать работу капитального строительства, чтобы получить больший народнохозяйственный эффект. Я думаю, что эта установка абсолютно правильна.

Как же сводится материальный баланс плана капитального строительства? Здесь мы имеем строительные материалы и затем производственное оборудование. Можно сказать, что по большинству стройматериалов баланс напряженный менее, чем в прошлом году; по некоторым материалам, и, пожалуй, по самым главным—по цементу и железу—этот баланс более напряжен, чем в прошлом году. Так, по кирпичу имеется дефицит 7% вместо 11% прошлого года, и, наоборот, по цементу в прошлом году мы имели 7%, а в этом году 11%. По круглому лесу мы имеем дефицит в 2%, по пиленому лесу вместо 2% прошлого года имеем 11% дефицита. по кровельному железу, исходя из постановления правительства о производственной программе в 300 тыс. тонн, мы имеем 27% дефицита. Отсюда ясно, что речь идет о том, сможем ли мы заставить огромное количество строительств брать другие кровельные материалы взамен кровельного железа. В 1928/29 это не удалось, и на складах оста-

лось около 3 млн. штук черепицы. В предстоящем году нужно особенно активно внедрять в строительство черепицу и др. подобные кровельные материалы. По оконному стеклу дефицит вместо 20% прошлого года сократился до 10%. Нам приходилось неоднократно подчеркивать крайнюю ориентировочность баланса строительных материалов, и мы считаем, что сделанный расчет может быть погрешен в пределах 10%. Заявки, как общее правило, увеличены. Размер производства это, пожалуй, более точная цифра, во всяком случае она точнее, чем заявка.

Поэтому, при соответствующем маневрировании, при перегруппировке строительных материалов и при значительном увеличении импорта металла, что мы включили в свой импортный план, мы сможем свести концы с концами, но, конечно, с очень значительным напряжением. Что касается баланса оборудования, то он тоже сводится за счет импорта.

Теперь перейдем к снижению стоимости строительства. Правительство из года в год принимало соответствующие постановления и, пожалуй, из года в год, по крайней мере за последние два года, мы должны констатировать невыполнение этих постановлений. В прошлом году была дана задача снизить себестоимость на 15%. По предварительным ориентировочным подсчетам, промышленность вместо 15% дала 8% снижения, а жилищное строительство вместо 11% — 7%. Одним словом, по всем строительным отраслям мы не выполнили плана снижения стоимости строительства и к тому же директива правительства по снижению цен на строительные материалы тоже не выполнена.

На будущий год мы принимаем так же как и ВСНХ 14% снижение стоимости строительства. Нужно подчеркнуть, что потребуются серьезные организационные меры для того, чтобы намеченное снижение было претворено в жизнь. На ряду со снижением стоимости строительных работ мы ставим особенно остро в плане текущего года вопрос о снижении цен на оборудование. Здесь положение крайне неблагополучно.

В прошлом году цены по общему машиностроению были снижены всего на 2%, а в предыдущем году они были повышены на 1 — 2%. Индекс отпускных цен ВСНХ по общему машиностроению составляет 2,36, в то время как по сел.-хоз. машиностроению, благодаря тому, что этот вопрос был остро поставлен перед ВСНХ и хозорганами, мы имеем индекс 1,4. Если ВСНХ на протяжении ряда лет сумел добиться очень больших успехов в области сел.-хоз. машиностроения, то мы считаем, что такие же задачи стоят перед ВСНХ и в области всего машиностроения. Тут мы имеем огромные ресурсы для снижения себестоимости. Поэтому в плане будущего года по машиностроению мы ставим 15% снижение себестоимости и 10% снижение цен. Это будет весьма реальный вклад в народное хозяйство, это несколько снизит стоимость наших заводов и фабрик. Задачу эту

нужно ставить как длительную задачу, чтобы добиться решительного перелома в нашем машиностроении, чтобы рационализировать это производство, чтобы поставить его технически хотя бы на ту же высоту, на которой стоит сел.-хоз. машиностроение. Нужно добиться того, чтобы на протяжении ближайших трех лет снизить цены по общему машиностроению.

На ряду с проблемой цен по общему машиностроению стоит вопрос и относительно снижения цен на строительные материалы, на цемент, кирпич и др. Здесь надо особо подчеркнуть совершенно безобразное положение, которое имеет место за последние годы, — это крайне высокие цены на такие стройматериалы, как песок и гравий, строительный индекс которых неизмеримо высок. Это происходит главным образом потому, что мы до сих пор ничего не сделали для массовой постановки их добычи, почему мы в этом деле целиком и полностью зависим от крестьянина и крестьянской лошадки. Ничего не сделано по механизации добычи и транспортирования, что нужно особенно подчеркнуть. Это, главным образом, дело наших строительных организаций. Кому важнее всего получить дешевый песок и дешевый гравий? Это не такое сложное производство, что тут надо организовывать специальные тресты и специальные хозяйственные органы? Неужели теперь, когда имеются крупнейшие строительные организации, они не могут поставить рационально добычу этих материалов для собственных работ? Конечно, могут. И поэтому мы считаем, что стройконторы должны получить деньги на организацию у себя производства стройматериалов. Мы принимаем увеличение оборотных средств стройконтор в будущем году на 55 млн. руб., при чем некоторая часть этой суммы, по нашему предложению, должна быть покрыта за счет отчисления трестов, работодателей. При заключении соответствующих договоров на строительные работы должно быть оговорено, что тресты вносят определенный процент к об'ему капитального строительства в пай строительных организаций. Только при таких условиях мы можем обеспечить правильный рост капиталов строительных организаций, а это первое условие для того, чтобы рационализировать производство строительных работ.

Переходя к рассмотрению капитальных вложений по отдельным отраслям народного хозяйства. Начнем с электрификации. Ведущее значение электростроительства не приходится доказывать, однако нужно отметить, что уже в текущем году сказывалось в ряде районов отставание электростроительства, и ряд хозяйственных районов не мог дать полную нагрузку своим предприятиям вследствие недостатка электрической энергии. Такое положение создалось вследствие некоторого отставания темпа электростроительства в последние два года. В контрольных цифрах прошлого года мы отмечали это отставание, указывая, что по районным электростанциям в 1927/28 г. вошло в работу аггрегатов мощностью всего в 35.000 *квт.*

Мы имели типичный пример, когда растягивание финансирования по большому количеству об'ектов ведет к малой эффективности. В предстоящем году это отставание будет перекрыто. При общем размере капитальных вложений в электростроительство в 608 млн. руб., из которых 510 млн. руб. на районные станции, в 1929/30 г. будет введено в действие районных станций на общую мощность в 500 тыс. *квт.*, что дает рост мощности районных электростанций с 662 тыс. *квт.* до 1.160 тыс. *квт.*, т.-е. на 75%.

Такой крупный рост мощности районных станций говорит о значительном улучшении на фронте электростроительства.

И здесь одним из важнейших является вопрос о сроках строительства. Мы исходим из того положения, что в дальнейшем крупные районные электростанции (тепловые) должны быть построены в два года. Для этого нужно укрепить Энергострой — поднять состояние проектных работ, иметь типовые проекты целых станций и отдельных деталей.

Всего в постройке в будущем году будет районных станций на общую мощность в 2.850 тыс. *квт.*, в том числе начинаются работы по расширению и постройке новых станций на мощность в 1.322 тыс. *квт.*

Список районных станций, внесенных в план 1929/30 г., еще в окончательном виде Президиумом Госплана не утвержден — возможны еще некоторые изменения. Основной принцип плана 1929/30 г.— не разбрасываться, концентрировать работы на важнейших станциях, чтобы возможно скорее закончить строительство.

Помимо районных станций, о которых сказано выше, необходимо еще указать на значительное строительство промышленных электростанций, которые идут по плану капитального строительства промышленности, но размер которых очень значителен. План строительства промышленных станций на будущий год включает около 150 станций, общей мощностью примерно в 1 млн. *квт.* из которых 62 теплоцентрали в 300 тыс. *квт.* и 60 установок, использующих отбросы топлива, мощностью около 450 млн. *квт.* Общая мощность промышленных электростанций дает рост с 1.1 млн. *квт.* до 1,33 млн. *квт.*, что дает рост на 230 тыс. *квт.* При чем по промышленному строительству идут такие станции, как Магнитогорская в 100 тыс. *квт.* Чем она отличается от районной станции — совершенно неизвестно, тем более что она и по своему характеру будет станцией районного порядка. То же самое нужно сказать о станциях при заводе им. Дзержинского и им. Томского по 44 тыс. *квт.*

По плану электрификации идут также коммунальные станции и сельская электрификация. В этом году по сельской электрификации дается 18 млн. руб. При чем необходимо особо подчеркнуть, что строительство социалистического сектора в сельском хозяйстве дает совершенно новую опору для развития электростроительства на селе. Из этих 18 млн. руб. для Зернотреста отпускается 5,8 млн. руб., 1,5 млн. руб. для старых совхозов и 3,5 млн. руб. для крупных колхозов и машинно-тракторных станций. Как видим, из вложений по сельской электрификации значительная часть направляется на обслуживание социалистического строительства в сельском хозяйстве. На строительство новых коммунальных станций в контрольных цифрах намечено 75 млн. руб.

Перехожу к промышленности. Общий размер капитального строительства в промышленности намечается нами в 293,2 млн. руб. без резерва, чему корреспондирует заявка ВСНХ в 3.069 млн. руб. Кроме того, мы намечаем резерв в 100 млн. руб., у ВСНХ стояло раньше 130 млн. руб., но так как они должны были произвести кое-какие поправки в своем плане, то неизвестно сколько у ВСНХ осталось по резерву; не считая резерва, мы идем по плану капитального строительства промышленности ниже ВСНХ, примерно, на 150 млн. руб.

Было бы неправильно построить анализ капитального строительства промышленности на противопоставлении нашего и ВСНХ-овского вариантов, так как разница этих вариантов незначительна. Дальше я скажу, в чем эта разница заключается. Самое главное, что всех должно интересовать сейчас, это — в какой мере контрольные цифры капитального строительства промышленности превышают пятилетний план, какие изменения контрольными цифрами текущего года мы вносим в пятилетку?

Изменения эти следующего порядка: мы идем выше пятилетнего плана, считая вместе с резервом, на 681 млн. руб. При этом по группе „А" мы даем увеличение против пятилетки на 658 млн. руб. (без резерва), а по группе „Б" мы даем уменьшение против пятилетнего плана на 78 млн. руб. Так как резерв в 100 млн. руб. пойдет главным образом по группе „А", можно считать превышение пятилетнего плана по группе „А", примерно, в 750 млн. руб. Следовательно, наш план идет значительно выше пятилетки по группе „А" и несколько ниже по группе „Б".

Чтобы к этому вопросу не возвращаться, я должен сказать, что снижение по группе „Б" и ходит главным образом из того, что сырьевая база легких отраслей промышленности не дала того роста, который был намечен в пятилетнем плане, кроме того, переход на непрерывное производство и целый ряд других рационализаторских и реконструктивных мероприятий дают возможность лучше использовать наличное оборудование, — все это дает возможность несколько задержать строительство в этих отраслях.

Мы стремились провести это сокращение таким образом, чтобы не переводить на консервацию строительства, которые уже начаты. Пожалуй, по всему плану на будущий год, по линии легкой промышленности, мы имеем, может быть 3 — 4 об'екта, по которым мы все-таки пошли на некоторую консервацию, на некоторую приостановку строительства.

Обращаясь к распределению капитального строительства по отраслям, нужно отметить, что на первом месте идет металлопромышленность, по которой мы даем больше пятилетки на 327 млн. руб. — вместо 670 млн. руб. — 997 млн. руб., — в том числе выше пятилетки по металлургии на 140 млн. руб., по цветной металлургии на 36 млн. руб., по общему машиностроению на 154 млн. руб., в том числе по сел.-хоз. машинам и тракторостроению на 85 млн. руб. Все эти увеличения основаны главным образом на том, что мы форсируем строительство ранее включенных в планы об'ектов и в некоторых частях включаем такие заводы, которые были в пятилетке намечены на более поздние сроки, например, автозавод, затем Челябинский тракторный завод, на который намечено нами 30 млн. руб. Затем по топливной промышленности мы идем выше пятилетнего плана на 100 млн. руб., из них 40 млн. руб. идет по каменноугольной промышленности. В частности, в каменноугольной промышленности мы идем выше ВСНХ на 20 млн. руб. Мы считаем, что топливный баланс настолько напряжен, что положение с запасами топлива настолько обостряется, что мы вынуждены значительно форсировать строительство новых крупных шахт. В частности, я обращаю ваше внимание на то, что по каменному углю механизация добычи повышается до 37% по всей добыче вместо 24% в прошлом году.

Выше пятилетнего плана мы идем также по строительным материалам, правда, всего на 37 млн руб., при чем мы идем выше ВСНХ на 28 млн. руб., включая 11 млн. руб., намеченных нами по резерву. Нужно сказать, что ВСНХ уже второй год не предусматривает в своих планах достаточных вложений в стройматериалы, несмотря на огромный дефицит и напряжение на рынке. И в прошлом и в текущем году, нам приходилось увеличивать вложения в промышленность стройматериалов. Наши Промсекция и Стройсекция считают необходимым повысить заявку ВСНХ на 70 млн. При верстке мы вынуждены были снизить вложения до 208 млн. руб. вместе с резервом против 252 млн. руб., намеченных нашими секциями. Нужно подчеркнуть, что по стройматериалам мы идем с большим напряжением, и для большей страховки плана нужно было бы увеличить размер вложений. Чтобы не возвращаться к балансу стройматериалов, нужно сказать, что мы в контрольных цифрах увеличиваем продукцию стройматериалов против ВСНХ довольно значительно. ВСНХ дает рост продукции по всем стройматериалам в 30%, Госплан 56%. Это увеличение основано не только на дополнительном вложении 17 млн. руб., но и на проведении мероприятий в области рационализации ныне действующих предприятий. В ряде отраслей, производящих строительные материалы, в частности, в кирпичной, использование существующего оборудования по данным самого ВСНХ крайне недостаточно и простая рационализация при незначительных вложениях может дать очень большой эффект.

По лесной промышленности мы идем на 52 млн. руб. выше пятилетки. Однако, если не считать резервов, то мы идем несколько ниже плана, принятого недавно СНК. Мы намечаем 172 млн. руб. и и 19 млн. руб. перенесено по сметам НКЗемов республик на лесное хозяйство. Всего 191 млн. руб. По решению СНК намечено 200 млн. руб. При распределении резерва нужно иметь в виду дополнительные нужды лесной промышленности, чтобы обеспечить выполнение намеченного СНК плана.

Против плана ВСНХ мы произвели некоторую перегруппировку вложений. Мы считали крайне важным приступить к выполнению программы строительства сушилок, чтобы снадбить страну сухим лесом. До сих пор в этом направлении почти ничего не сделано и ВСНХ в своем плане не предусмотрел никакого сдвига. Мы включили дополнительно в план, строительство сушилок на сумму 7 млн. руб., исключив некоторые другие заводы из списка ВСНХ.

По химической промышленности мы идем на 113 млн. руб. выше пятилетки, при чем по гр. „А“ на 91 млн. руб., по гр. „Б“ на 22 млн. руб., по гр. „Б“ включено строительство резинового комбината (25 млн. руб.), исходя из форсированного автостроения. По группе „А“ превышение пятилетки основано отчасти на том, что ряд химических комбинатов по проектной стоимости выходит значительно дороже, чем было намечено в пятилетнем плане. Вместе с тем мы намечаем форсирование тукового производства, в частности, производство фосфоритной муки. Но даже при таком превышении пятилетки на 113 млн. руб., мы идем на 50 млн. руб. ниже ВСНХ. Не останавливаясь на остальных отраслях промышленности, я лишь отмечу, что по первичной обработке волокнистых веществ мы идем выше пятилетки на 38 млн. руб. (80 и 42 млн. руб.), что вызвано форсированием сырьевой базы для текстильной промышленности. Что касается разногласий с ВСНХ, то помимо отмеченных выше, мы произвели ряд перегруппировок, исключили одни об'екты и включили другие, на чем я сейчас останавливаться не могу. Самая главная поправка заключается в том, что мы сократили по плану ВСНХ нижелимитное строительство с 570 млн. руб. на 116 млн. руб. ВСНХ в своем докладе пишет, что эта группа работ обеспечивает прирост продукции для будущего года. В известной мере это правда, но все же как-раз по группе нижелимитных работ всегда больше всего недочетов, бесплановости и излишних затрат. Поэтому мы считали, что наиболее целесообразно сокращать как-раз по этой группе.

Итак, несмотря на огромное превышение пятилетнего плана по всем решающим отраслям промышленности, все же мы сокращаем план капитального строительства, представленный ВСНХ в Госплан, на 137 млн. руб. без резерва, а вместе с резервом и дополнительными статьями на 209 млн. руб., планы же республик и районов приходится сокращать, примерно, миллионов на 500.

В борьбе за более широкие требования мест и ведомств по адресу Госплана выдвинуты резкие обвинения: зарезали наш план удар по металлу, разгром химии и т. д.

Такие аргументы бьют мимо цели. Госплану действительно приходится „резать“ кое-какие запросы и аппетиты. Но это резание ни в какой мере не похоже ни на удары, ни на разгром, по той простой причине, что наши контрольные цифры идут значительно выше пятилетки, той самой пятилетки, которая признана высшими органами „планом великих работ“, планом строительства социализма. Дальнейшее повышение плана промышленного строительства было бы возможно лишь за счет понижения вложений по другим отраслям народного хозяйства, что совершенно невозможно. План ВСНХ именно исходит из такого положения.

Чтобы еще сильнее подчеркнуть намеченный в контрольных цифрах размах капитального строительства промышленности, дадим динамику вложений с 1924/25 г.

За пять лет с 1923/24 г. по 1927/28 г. общая сумма капитального строительства промышленности составила 3,5 мрд., а в 1929/30 г. мы намечаем 3 мрд., значит за один год мы строим почти столько же, сколько построили на протяжении пяти лет. За последние два года, 1927/28 и 1928/29, которые являются целиком реконструктивными годами, размер капитального строительства промышленности составил 2 мрд. 900 млн., т.-е. несколько меньше, чем намечено на будущий год. Еще разительней сопоставление по группе „А“. Вложения в тяжелую промышленность за пятилетие составили 2,6 мрд. руб. всего на 300 млн. руб. больше, чем на предстоящий год, а за два последние года эти вложения составили 2,2 мрд. руб. или на 230 млн. руб. меньше, чем намечено по плану 1929/30 г. Вот какими шагами мы идем вперед. Быстрый рост строительства по гр. „А“ изменяет и структуру вложений между тяжелой и легкой промышленностью. В то время как в прошлые годы мы имели удельный вес вложений по группе „А“ в 76—78%, в 1929/30 г. этот процент повышается до 85% (84,6%), и соответственно по группе „Б“, вместо 22—24%, снижается до 15,5%. Нужно еще отметить очень значительный рост строительства новых заводов. Этот процесс имеет место за все последние годы. Уже в 1926/27 г. новое строительство составило 30% всего строительства промышленности, а в 1929/30 г. новое строительство составит 46%.

Транспорт

Транспорт, как известно, в 1928/29 г. был именинник, в том смысле, что он получил неожиданно для себя несколько лишних сотен миллионов дохода. В 1929/30 г. грузооборот будет также значительно выше, чем было намечено пятилеткой, почему и доходы транспорта идут значительно выше пятилетнего плана. Капитальные вложения в транспорт намечаются также выше пятилетки. Без учета капитальных ремонтов, которые по НКПС'у идут по эксплоатационным расходам, по пятилетнему плану было намечено на капитальное строительство 1 мрд. 18 млн. руб., а дается на будущий год 1 мрд. 260 млн. руб. Против 1928/29 г. это дает рост на 77,7%.

Динамика капитальных вложений по отдельным видам транспорта за последние годы дана в таблице 2 (стр. 56).

В эту таблицу внесены поправки, принятые на с'езде Госпланов, поэтому она несколько отличается от таблицы, напечатанной в докладе Госплана Совету Народных Комиссаров.[1] Однако, эти поправки изменили лишь некоторые детали, не меняя сущности первоначального варианта Госплана. Последняя графа этой таблицы показывает процент роста к предшествующему году. Из таблицы видно, что вложения в существующие железные дороги растут на 46%. По новому ж.-д. строительству вместо 127 млн. руб. в 1928/29 г. дается 290 млн. руб., что дает рост больше, чем в два раза. По водным путям вместо 15 млн. руб. дается 32 млн. руб., по шоссейным и грунтовым дорогам дается рост в три раза — вместо 25 млн. — 87 млн. руб., по морскому судостроению рост в два раза — вместо 14 млн. — 28 млн. руб., по речному судостроению вместо 32,5 млн. — 67 млн. руб. — рост больше, чем в два раза. По воздушному транспорту дается также рост больше, чем в три раза.

По контрольным цифрам транспорта мы имеем значительные расхождения с НКПС'ом; однако, эти расхождения больше всего относятся к области финансовых расчетов. Госплан принимает грузооборот в 212 млн. тонн и доход НКПС'а в 2.553,5 млн. руб. НКПС устанавливает свой доход в 2.467,8 млн. руб. Есть разногласия также по эксплоатационной смете и по размерам потребного для транспорта оборотного капитала.

Разногласия по размерам капитальных вложений с НКПС незначительны и сводятся, главным образом, к понижению Госпланом расценок по отдельным работам.

НКПС переживает к началу нового хозяйственного года большие затруднения с товарными вагонами. Небывалая концентрация хлебных перевозок уже в сентябре пред'явила к НКПС требования, которые он не смог удовлетворить. Было бы несправедливо взваливать на транспорт всю ответственность за это дело. Очень значительная часть вины лежит на потребителях, задерживающих вагоны под разгрузкой, в особенности на НКТорге, у которого не оказалось точного плана направления хлебных грузов. Но еще более неправильно выгораживать НКПС. При правильной организации транспорта, своевременной мобилизации общественного мнения можно было значительно смягчить транспортные затруднения, не доводя до затора движения по отдельным направлениям.

[1] В ней исправлены также опечатки по отделу тяги и пути.

Таблица 2

Капитальные вложения в транспорт (по смете НКПС)

(без капитального ремонта)

ПОКАЗАТЕЛИ	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г. (смета)	1929/30 г.		В %% к предшествующему году				
					Персп. план	Контр. цифры	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г. План	1929/30 г. Контр. цифры
Железные дороги	166,5	212,1	354,5	414,9	583,9	606,2	127,4	167,1	117,0	140,7	146,1
Новое ж.-д. строительство	29,2	46,1	83,5	127,6	206,0	290,0	157,9	181,1	152,8	161,4	227,3
Внутр. водн. пути	6,1	7,5	9,0	15,8	22,6	32,0	123,0	120,0	175,6	143,0	202,5
Морск. торг. порты	6,6	8,7	14,5	16,4	21,5	23,6	131,8	166,7	113,1	131,1	143,9
Шосс. и грунт. дороги	6,2	7,6	22,6	25,5	58,9	87,2	122,6	297,4	112,8	231,0	342,0
Морск. судостроение	4,5	5,0	10,0	14,1	21,5	28,4	111,1	200,0	141,0	152,5	201,4
Речное „	2,3	3,7	11,1	32,5	33,0	67,0	160,9	300,0	292,8	101,5	206,2
Воздушн. транспорт	—	1,1	1,9	7,9	15,0	20,0	—	172,7	415,8	189,9	253,2
Прочие	19,1	69,1	33,7	54,6	55,6	105,8	361,8	48,8	162,0	101,8	193,8
Итого	240,5	360,9	540,8	709,3	1.018,0	1.260,2	150,1	149,8	131,2	143,5	177,7

Представители НКПС, ссылаясь на затруднения в перевозках, требовали больших бюджетных дотаций, высокопарно говорили о задачах реконструкции транспорта, которые, якобы, не учитывает Госплан. Мы должны здесь со всей решительностью отвергнуть эти обвинения. Затруднения на транспорте НКПС'ом мотивируются, главным образом, недостатком вагонов. Госплан на 1929/30 г. почти полностью удовлетворил заявку НКПС на товарные вагоны. Никакой урезки мы не производили.

Очень незначительные сокращения произведены Госпланом по заказу паровозов. Вместо 618 новых паровозов по заявке НКПС Госплан дает 560 и вместо восстановления 200 старых — дается 150. Это сокращение заказов на паровозы является следствием специальной проверки плана паровозостроения, намеченного пятилеткой. Эта проверка показала, что если принять выполнение грузооборота, намеченного пятилеткой в четыре года, то все же нам нужно примерно на 800 паровозов меньше, чем намечалось по пятилетке.

Текущие транспортные затруднения не связаны с недостатком паровозов, поэтому представители НКПС переходят к мотивам о задержке реконструкции транспорта.

Мы должны подчеркнуть, что по основным статьям реконструкции транспорта автосцепке и автотормозам вложения на будущий год приняты Госпланом согласованно с НКПС. Как автоторможение, так и автосцепка могут быть проведены при паровозе типа „Э". Что же касается нового, более тяжелого типа паровозов, то НКПС'ом такой тип еще не закончен разработкой.

Нет у НКПС'а также законченного плана проведения автосцепки. До сих пор НКПС'ом даже не установлен еще окончательный стандарт большегрузного вагона. Следовательно, у НКПС'а не закончена разработка ряда важнейших элементов плана реконструкции. Опасность задержки реконструкции транспорта идет именно с этой стороны.

Предстоящий год еще является подготовительным к коренной реконструкции транспорта.

Поэтому особое внимание в течение этого года должно быть обращено на упорядочение существующего транспортного хозяйства, его рационализацию, проведение работ по увеличению пропускной способности ж.-д. узлов, в частности, улучшения связи и постановки блокировки, т.-е. всего цикла мероприятий, которые при небольших капитальных вложениях значительно поднимают пропускную способность железных дорог.

Что касается других видов транспорта, то наши проектировки очень незначительно разнятся от плана НКПС.

Исходя из указанных установок и составлен план капитальных вложений в железнодорожный транспорт. После работы комиссии с'езда, которая несколько увеличила вложения в транспорт, — раз-

ногласия свелись почти исключительно к разногласиям по финплану

Поэтому резкие выступления представителей НКПС против. контрольных цифр по транспорту, предложенных нами, явились совершенно необоснованными.

Народная связь

Организация связи пред'являет из года в год все большие требования значительных капитальных вложений. Советский союз крайне отстал по организации телефонной и телеграфной связи. Крайне недостаточна также радиосвязь. Мы только приступили к организации радиовещания в общесоюзном масштабе. С текущего года впервые рациовещание проходит по госбюджету по смете НКПиТ. Размер капитальных вложений в радиовещание на 1929/30 г. составляет 17 млн. руб., что дает возможность расширить количество радиоустановок до 1.700.000 при необходимой сети радиовещательных станций, радиоузлов и пр. С вложениями по радиовещанию общий размер капитального строительства по НКПиТ составит 86,6 млн. руб. против 55,6 млн. руб., что даст рост против 1928/29 г. на 56%. Без радиовещания размер капитальных вложений составит 69,4 млн. руб. против 55,6 млн. руб., что даст рост на 24,8%.

И по народной связи капиталовложения на 1929/30 г. намечены выше пятилетки, при этом нужно признать, что в пятилетие прирост был намечен очень скромный, поэтому даже значительно увеличенный план строительства на 1929/30 г. далеко не удовлетворяет потребности.

Распределение вложений по видам связи дано в следующей таблице:

Таблица 3

	1928/29 г. смета	1929/30 г. пятилетка	Контр. цифры	1929/30 г. в %% к пятилетке	1928/29 г. контр. цифры
Гражд. сооружений	10.93	11.30	14.00	103.4	128
Почта	4.25	7.00	6.60	164.7	155.3
Телеграф	1 97	4.10	6.38	208	323.8
Телефон	31.94	29.80	31.80	93 3	99.5
Радио	2.20	2 40	3.38	109	153.5
Лаборатории	0 42	0.60	0.70	142.8	166.7
Хоз. инвентарь	0 45	0.80	0.60	177.8	133.3
Разные	3.49	4.00	6.00	114.5	171.9
Итого	55.65	6.00	69.46	107.8	124.8
Радиовещан.	—	—	17.23	—	—
Всего	55.65	60.00	86.69	107.8	155.8

До сих пор бюджет НКПиТ составлялся без дотации. Начиная с прошлого года НКПиТ получает ссуду на строительство телефонных станций. Крупное строительство по радиовещанию в текущем

году не укладывается в доходные поступления НКПиТ, почему его смета сводится с дотацией из госбюджета в 6 млн. руб. В ближайшие годы строительство народной связи придется значительно форсировать.

Сельское хозяйство

Я не буду говорить о вложениях в сельское жилищное строительство. Общий размер капитальных вложений, которые так или иначе планируются нашими государственными и кооперативными органами, составляет, примерно, 2,6 мрд. руб. Из них капитальных вложений 2,2 мрд. руб. При этом непосредственно финансируются государством (по государственному бюджету и кредиту) 50%, а 50% идет за счет собственных средств населения и соответствующих органов. В приведенной таблице показано распределение средств по их назначению.

Таблица 4

	1927/28 г.		1928/29 г.		1929/30 г.	
	абс.	в %%	абс.	в %%	абс.	в %%
1. Совхозы (без Зернотреста)	35	6,6	79	10,9	195	15,0
2. Зернотрест	8	1.5	70	9,7	170	13,1
Итого	43	8,1	149	20,6	365	28,1
3. Машино-тракторные станции	—	—	—	—	30	2,3
4. Хозорганы	6	1,1	14	1.9	40	3,1
5. Колхозы	62	11,7	101	14,0	286[1]	22,1
6. Госмеропр. (НКЗ и пр.)	61	11,6	85	11,8	129	10,0
7. Коопер. (без колхоз.)	101	19,1	142	19,6	228	17,6
8. Индивидуал. хоз-ва	257	48,4	232	32,1	218	16,8
Итого	530	100,0	723	100	1.296	100
Нераспределено	—	—	46	—	50	—
Всего	530	—	769	—	1.346	—

Таблица показывает очень бурный темп финансирования совхозного строительства, удельный вес которого в общей сумме составляет: 28,1% по контрольным цифрам против 8,1% в 1927/28 и 20,6% в 1928/29 г.

Интенсивным является также темп финансирования колхозов, удельный весь которых за те же годы дает: 11,7%, 14,0%, 22,1%.

Присоединяя к совхозам и колхозам машинотракторные станции и хозорганы, работающие в области сельского хозяйства (главным образом, по линии сел.-хоз. индустриализации), удельный вес финансирования обобществленного сел.-хоз. производства и сел.-хоз. индустрии определится (по тем же годам): 20,9%, 36,5% и 55,6%.

Финансирование сел.-хоз. кооперации по линии снабженческих

[1] Сверх того, по бюджету автономных республик — 4 млн. руб., иностранный кредит и пр.—10 млн. руб.

операций показывает незначительный темп роста, так как значительные средства направляют непосредственно на финансирование высших производственных форм кооперативного движения.

Одновременно за последние два года произошел решительный перелом в сторону стабилизации и даже некоторого сокращения кредитов, которые мы вкладывали непосредственно в индивидуальное хозяйство, так как обслуживание последнего идет все более по линии обобществления. В такой динамике финансового обслуживания сельского хозяйства со всей выпуклостью сказывается выполнение генеральной линии партии в области сельского хозяйства.

Ирригация

Ирригация имеет огромное значение, прежде всего, для развития производства хлопка в Средней Азии и Закавказьи, поэтому наши ирригационные работы сконцентрированы в указанных районах. Наши водохозяйственные учреждения пережили тяжелый период развала, неорганизованности, технической неподготовленности и бесхозяйственности.

Только в последнее время несколько упорядочены работы строительных органов, поскольку улучшилась подготовка проектов и самое производство работ. Организационно-техническая сторона дела имеет огромное значение, так как мы уже теперь вплотную подошли к началу производства крупных ирригационных сооружений для орошения десятков тысяч *га*.

Развитие капитальных вложений в ирригацию шло по годам следующим образом: в 1924/25 г. — 9,1 млн. руб., 1925/26 г. — 20,4 млн. руб., 1926/27 г. — 22,8 млн. руб., 1927/28 г. — 31,4 млн. руб., 1928/29 г. — 36,8 млн. руб., а на предстоящий 1929/30 г. сразу намечается скачок до 122,5 млн. руб., при чем даже такое резкое повышение не полностью обеспечивает программу расширения хлопковых площадей.

В соответствии с ростом капитальных вложений за последние годы происходит прирост поливных хлопковых площадей: в 1925/26 г. 654,3 тыс. *га*, 1926/27 г. — 752,6 тыс. *га*, 1927/28 г. — 914,3 тыс. *га*, 1928/29 г. — 1.025,5 тыс. *га*, 1929/30 г. — 1.394 тыс. *га*, т.-е. на следующий год намечается прирост в 368,5 тыс. *га*.

Капитальное строительство в области торговли, кооперации и индустриализации сельского хозяйства

Строительство, включаемое в сводный план торгового, кооперативного и индустриализации сельского хозяйства крайне разнородно. Сюда входит все строительство, обслуживающее систему распределения товаров (элеваторы, склады, лавки, холодильники и т. п.) сюда же включена целая группа производственных предприятий, которые, по мере их укрупнения, принимают все более промышленный характер (беконные заводы, плодоовощные фабрики, масло-заводы, яично-птичная промышленность, и т. п.); включена также такая крупная отрасль промышленности как мукомольная, а рядом идут хлебозаводы и учреждения общественного питания.

Указанные предприятия находятся в ведении НКТорга, кооперативных систем, НКЗемов. В главной части это предприятия местного значения. Наиболее централизованы под руководством НКТорга элеваторы, холодильники и ряд предприятий, имеющих преимущественно экспортное значение.

Такая распыленность и разрозненность весьма затрудняют как планирование этого строительства, так и непосредственное руководство работами как по проектировке, так и по строительству.

В этом мелком строительстве особое значение приобретает типизация проектов и выработка типового оборудования. Эти задачи должны быть решены в предстоящем году.

При построении плана капитального строительства в области торговли и кооперации были положены в основу задачи по развертыванию прежде всего тех отраслей, которые могут обеспечить повышение товарных выходов продуктов, продовольствия — мяса, яиц, молочных и плодоовощных. При этом для достижения эффекта в кратчайший срок, на протяжении уже 1929/30 г., по таким отраслям, как молочная и плодоовощная, ставка делается на мелкие установки, располагающиеся в ближайшем соседстве с сырьем и могущие дать продукт не позже весны 1930 г. по молоку, и с осени 1930 г. — по плодоовощам.

Точно так же особое внимание было обращено на строительство в области общественного питания и хлебопечения.

На ряду с указанными отраслями очень значительное развитие получает строительство, связанное с экспортом, призванное к тому, чтобы в максимальной степени заместить недостаточность сельскохозяйственного экспорта. Общий план строительства намечается на 1929/30 г. в размере 474 млн. руб., что по сравнению, с 1928/29 г. дает почти удвоение программы. По видам строительства план распределяется следующим образом (в млн. руб.):

Таблица 5

Виды строительства	1928/29 г. (план)	1929/30 г. (план)	1929/30 г. в % к 1928/29 г.
Индустриализация сельского хозяйства . .	93	164	176
Обслуживание торговли	71	110	169
Промышленность не сел.-хоз. значения .	80	126	158
Общественное питание	18	40	222
Прочие виды строительства	9	34	—
Итого . . .	271	474,0	175

Наибольший рост в 1929/30 г. намечается по линии общественного питания и индустриализации сельского хозяйства.

Строительство по главнейшим отраслям запроектировано в следующих размерах (в млн. руб.):

	1928/29 г.	1929/30 г. (план)
Мясная промышленность	21,5	44,5
Яично-птичная промышленность	11,0	16,5
Молочная „	26,8	31,5
Плодоовощная „	6,1	18,0
Лен и др. волокнистые	4,7	9,5
Картофель	3,0	8,3
Мукомольная промышленность	33,0	41,5
Элеваторы	13,5	22,5
Холодильники	18,0	19,0
Хлебозаводы	14,1	22,5
Лавки и склады	48,5	76,0
Разное экспортное строительство	23,5	60,0

Финансовое покрытие плана проектируется в следующем виде (в млн. руб.):

	1928/29 г.	1929/30 г.
Государственный бюджет	60	125
Система сел.-хоз. кредита	47	60
Прочие источники	164	289
Итого	271	474

Покрытие плана идет, главным образом, по линии „прочих“ источников, т.-е. преимущественно собственных средств и средств государственного бюджета. Для того, чтобы запроектированный темп развертывания строительства оказался реальным, на сельскохозяйственную и потребительскую системы кооперации ложится обязанность привлечь в наибольшей степени средства населения, непосредственно заинтересованного в торговом и кооперативном строительстве.

Жилищное строительство

В области городского жилищного строительства у нас в истекшем году было неблагополучно. План строительства невыполнен на несколько процентов и в результате этого, вместо средней нормы в 5,8 *кв. м* на душу населения, мы к текущему году выходим с нормой только в 5,6 *кв. м* на душу населения. Следовательно, необходимо подогнать упущенное. По плану на будущий год по обобществленному сектору намечается к постройке 6 млн. *кв. м* и по частному сектору 3 млн. *кв. м*, а всего 9 млн. *кв. м*. Это должно довести квартирную площадь на душу городского населения до 5,9 *кв. м*.

По обобществленному сектору вложения в жилищное строительство превышают 1928/29 г. на 77% и пятилетку на 15%. Общий размер финансирования жилищного строительства обобществленного сектора намечается в 672 млн. руб., в том числе 41% идет по промышленному жилищному строительству.

Размер вложений в коммунальное строительство на будущий год составит 420 млн. руб. против 288 млн. руб. 1928/29 г., что даст рост в 45%.

И жилищное, и коммунальное строительство крайне отстают от потребностей. Плохие жилищные условия и прямой недостаток жилищ начинает все более сказываться на производстве. И все же огромный рост промышленного строительства не дает возможности повести более широкое жилищное строительство. Когда производственная база страны будет значительно укреплена, тогда представится возможность повысить удельный вес жилищного строительства.

Но если сейчас еще нельзя более широко удовлетворить потребность в жилстроительстве, то нужно поставить вопрос о планировке этого строительства. Мы строим сейчас дома, в которых будут жить и лет через 20 — 30, т.-е. тогда, когда социализм будет уже полностью осуществлен. Об этом мы сейчас очень мало думаем. Между тем мы вплотную подошли к задаче строительства новых поселений социалистического типа. Строительство в крупных городах идет безсистемно. Мы еще не думаем о том, как нужно перестраивать наши города. План нового жилстроительства должен быть составлен именно исходя из задачи социалистической перестройки городов и поселений. К разрешению этой задачи должно быть приступлено в предстоящем году.

Строительство социально-культурного сектора

Культурная революция с каждым годом требует все больших и больших вложений в строительство школ техникумов, вузов. Обеспечение охраны здоровья вызывает значительное строительство учреждений по здравоохранению.

Размер и динамика строительства по социально-культурному сектору представлены в таблице 6 (См. стр. 64).

Общий размер строительства по просвещению намечен на 1929/30 г. в 485 млн. руб. против 243 млн. руб. 1928/29 г., что дает рост в 2 раза. Особенно значительный рост строительства намечается по вузам, техникумам и ФЗУ, т.-е. по линии подготовки кадров.

Быстрый рост народного хозяйства предъявляет огромные требования на руководящие кадры. Принятые планы подготовки кадров вызывают большое школьное строительство. При этом нужно указать, что и здесь мы не можем в должной мере удовлетворить потребность, а вынуждены несколько сократить размеры строительства по бюджетным соображениям.

На этом я кончаю изложение плана капитального строительства на 1929/30 г. Должен оговориться, что по ряду разделов я

Таблица 6

Капитальные вложения по сектору культурного строительства
(в млн. руб.)

ОБ'ЕКТЫ	1927/28 г.	1928/29г.[1]	1929/30 г.	В % к предыд. году	
				1928/29 г.	1929/30 г.
I. Просвещение	113,9	243,7	485,5	213 9	199,2
1. Соцвос	—	171,5	322 9	—	188,8
в том числе:					
всеобщее обучение	—	140,0	272,8	—	194,8
2. Подготовка кадров	—	53,2	134,4	—	252,6
в том числе: [2]					
а) вузы [2]	—	22,7	48,8	—	—
б) техникумы	—	16,3	43.4	—	266,2
в) школы ФЗУ	—	5,8	32,0	—	551,7
3. Научные учреждения (по Главнауке) [3]	—	4,0	6,9	—	172,5
4. Полит. просвет учреждения [4]	—	15,0	21,3	—	142,0
II. Здравоохранение	88,0	92,0	134,0	104.5	145,6
III. Социальное обеспечение	0,8	0,8	2,3	100,0	287,5
ВСЕГО по социально-культурному сектору 5	202,7	336,5	621,8	166,0	184,7

ограничил свое изложение лишь суммарными данными, без более детального анализа необходимости этих вложений по существу.

Северная Америка и Советский Союз

Теперь я хотел бы еще весьма коротко дать некоторое сопоставление размеров строительства у нас и в С.-А.С Ш. С.-А.С.Ш. все больше становятся нашим наиболее серьезным контрагентом на мировой арене. Мы настолько быстро растем, что нам уже не очень зазорно сопоставлять наше строительство со строительством С.-А.С.Ш. Конечно, в абсолютных размерах Америка идет еще значительно выше нас, но мы из года в год весьма быстрым темпом поднимаемся к американским, масштабам строительства. Я не могу поручиться за полную точность цифр по американской статистике. Не знаю, в какой мере эти цифры полностью сопоставимы с нашими. Данные по С.-А.С.Ш. взяты из трудов комиссии работавшей под председательством Гувера. По этим данным на протяжении последних лет в С.-А.С.Ш. общий размер строительства ежегодно составляет

[1] 1928/29 г.— по исчислениям (отчетных данных нет).

[2] Первоначальный расчет по вузам и техникумам — 110 млн. руб. Расчет понижен вследствие сокращения первоначальных расчетов госбюджетных источников.

[3] Учреждение НТУ особо по плану промышленности.

[4] По политпросвету не уловлен ряд об'ектов, проходящих по специальным источникам (профсоюзы, кооперация и т. п.). Добыть данные не удалось.

[5] В строительном балансе контрольные вложения по социально-культурному сектору учтены в сумме 420 млн. руб. Вся сумма вложений выше, так как здесь учтены капитальные вложения промышленности и транспорта на подготовку квалифицированной рабочей силы.

примерно, 7 мрд. долл., т.-е., примерно, 14 мрд. руб. Конечно, стоимость нашего строительства и американского различна. Для сравнения нужно внести дополнительную поправку на разность коэфициента. Надо думать, что в Америке строительство, по крайней мере, в полтора раза дешевле, чем у нас. Прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что размер строительства в С.-А. С. Ш. на протяжении последних 4-5 лет стабилен, на сумме около 7 мрд. долл., при чем за последний год эта сумма даже несколько снижается. У нас же, как я докладывал, идет как-раз наоборот. На будущий год мы намечаем размер чистого капитального строительства около 6 мрд. руб. Крайне интересно провести сопоставление капитальных вложений у нас и в Америке по отраслям. В структуре вложений по отраслям получается большая разница. В С.-А.С.Ш. на первом месте идет жилищное строительство. В настоящее время оно занимает около 40% всего строительства. В 1928 г. в жилищное строительство в С.-А. С. Ш. было вложено около 5,5 мрд. руб. В предстоящем году у нас вкладывается в жилищное строительство около 1 мрд. руб. В торговое строительство у них было вложено 1,7 мрд. руб., а у нас 256 млн. руб. В промышленное строительство в Америке было вложено 1.200 млн. руб., у нас 1.500 млн. руб. По просвещению в Америке — 760 млн. руб., у нас — 420 млн. руб. Затем идет группа предприятий общественного пользования: сюда относятся:— коммунальное и, главным образом, шоссейное строительство.

В Советском Союзе мы имеем стремительный промышленный рост, стремительное наростание капитального строительства в промышленности. Мы создаем новую социалистическую промышленную базу, мы получили слишком малое наследство от капиталистического строя. А С.-А.С.Ш. имеют уже огромную промышленную базу. Поэтому и получается, что в промышленность по чистому строительству (очевидно у американцев тоже оборудование не считается) мы вкладываем больше, чем С.-А.С.Ш. С поправкой на индексы можно сказать, что по промышленному строительству размер нашего строительства находится где-то очень недалеко от того размера, который имеет место в С.-А.С.Ш. Во всех остальных областях: по линии обслуживания, распределения жилищного строительства, богатая Америка идет далеко впереди нас.

Это видно на вложениях в шоссейное строительство. Шоссейное строительство в Америке составляет в год 1.200 млн. руб. По другим данным, на содержание шоссе и строительство этих шоссейных дорог и улиц вкладывается ежегодно 2 мрд. долл. Трудно расчленить, сколько идет на содержание, сколько на строительство. По другому источнику, на строительство дорог и улиц в С.-А.С.Ш. вкладывается 600 млн. долл., значит 1.200 млн. руб., у нас соответственно 120 млн. руб. Эта огромная разница является показателем нашей крайней отсталости в автомобильном хозяйстве. Структура строительства Америки в известной мере говорит о том, в каком

направлении у нас в дальнейшем пойдет направление капитальных вложений, когда мы укрепим нашу промышленную базу, когда достигнем значительных успехов на этом фронте, тогда перед нами с каждым годом все более и более резко будут выступать нужды жилищного строительства, коммунального порядка, шоссейного строительства и т. д.

Тов. Боголепов на нашем с'езде в своем докладе отметил, что этот план не удовлетворяет заявки ведомств и соответственно заявки республик на 0,5 мрд. руб. Если бы кто-нибудь на этом основании сделал вывод, что наш план составлен с резервами, что его легко выполнить, он впал бы в крупнейшую ошибку. Наш план крайне напряженный, это план, выполнение которого требует огромных усилий всей страны. Я понимаю, что после наших докладов на трибуну с'езда Госпланов выйдут представители областей и республик, будут излагать свои нужды, доказывать необходимость включения в план того или иного об'екта. Украина будет нас упрекать в том, что мы не включили Краматорский завод, Киевский литейный завод и целый ряд других об'ектов. Представители ЦЧО нас будут обвинять в том, что у нас в плане нет ассигнований на Липецкий завод в таком размере, в каком бы это им хотелось. Представители Сибири будут требовать, чтобы мы в этом году включили завод сел.-хоз. машиностроения. Все области будут требовать дополнительных вложений. Национальные республики также заявят свои требования.

Вряд ли представляется возможным привести какие-либо аргументы по существу против большинства этих заявок. Трудно доказать украинцам, что им не нужен Краматорский завод в этом году. Невозможно доказать сибирякам что им не нужен завод сел.-хоз. машиностроения. Ни у кого для этого аргументов нет. Но мы знаем, что это не вкладывается в материальный и финансовый план предстоящего года.

Вместе с тем мы считаем, что у республик и мест также нет аргументов в пользу того, что тот или иной об'ект нельзя отложить на один год при том огромном плане капитального строительства, который мы наметили. Таких аргументов ни один представитель области и республики привести не сумеет. Поэтому я считаю, что наш план в максимальной степени соответствует реальным ресурсам страны в том виде, как мы их могли учесть.

Мы не будем утверждать, что намеченный нами план капитального строительства во всех своих деталях непогрешим, что в нем нельзя произвести некоторых перегруппировок, поправок и изменений, которые не меняют общих очертаний плана.

Мы твердо уверены в том, что составленный нами на 1929/30 г. план капитального строительства обеспечивает возможно быстрые темпы строительства социализма в нашей стране и что при всей его напряженности он выполним.

Н. А. Ковалевский

Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 г. в порайонном аспекте [1]

Территориальное распределение капитальных вложений в народное хозяйство

Капитальные вложения в народное хозяйство СССР по его важнейшим разделам распадаются между союзными республиками следующим образом (см. табл. 1 на стр. 68).

Распределение капитальных вложений в государственную планируемую ВСНХ промышленность по районам СССР с разделением на новое строительство и прочие работы дано на диаграмме [1] (см. стр. 70).

В этой диаграмме обращает на себя внимание то, что основные вложения приходятся на старые промышленные районы. Резко выделяются Украина, Ленинград и Центрально-Промышленный район, даже раздробленный на три области. Затем, в виде исключения резко выделяется Урал со своими 378 млн. руб., в котором мы, осуществляя наметки пятилетнего плана, начинаем колоссальное новое строительство, вкладывая только по новому строительству 249 млн. руб.

Интересно проследить, как эти проектировки корреспондируют наметкам пятилетнего плана. Диаграмма 2 (см. стр. 71) показывает сравнение выполнения пятилетнего плана за два первых года по капитальным вложениям в промышленность с самим пятилетним планом в процентах к заданиям пятилетки по каждому району.

Эта диаграмма очень поучительна. Здесь видно, что отстает больше всего выполнение пятилетки в Центрально-Черноземном районе, который и без того является отсталым по своему развитию районом. В пятилетнем плане в первые два года по выполнению заданий он оказывается последним. Первой идет Карелия, в связи с огромными заданиями по формированию развития лесной и лесобумажной промышленностей, затем хорошо идет Башкирия, Туркменистан, Киргизия, Дагестан и Сев. Край. Довольно ровно на высоком уровне идут Белоруссия, Ленинградская область, Сев. Кавказ, Закавказье и Центрально-Промышленные районы. Все эти районы превышают средний уровень по Союзу в целом, дающий за два первые года около 33% выполнения задания по капитальным вложениям

[1] Доклад на VI с'езде плановых органов 23 сентября 1929 г., несколько сокращенный автором в первой части.

Таблица 1

Об'ем капитальных вложений в народное хозяйство союзных республик на 1929/30 г. (в ценах 1929/30 г.) [1]

Отрасли народного хозяйства	РСФСР	УССР	ЗСФСР	БССР	УзбССР	ТаджикССР	Турк. ССР	СССР
Промышл. планир. ВСНХ. . . .	1.813,1	713,7	193,4	51,8	39,1	4,4	12,7	2.828,2 [1]
Электрификация	418,6	132,2	25,9	13,8	3,7	1,0	1,5	596,6 [3]
Сельское хозяйство (об'ем капит. влож.) [2]	—	—	—	—	—	—	—	2.183,6
В т. ч. по госбюдж. и кредиту .	746,2	185,0	49,6	44,3	45,1	11,3	12,7	1.094,2
Сельск. хоз. (капит. и некапит. влож.) [2]	—	—	—	—	—	—	—	2.595,1
В т. ч. по Госбюдж. и кредиту .	843,1 [4]	217,6	61,6	50,9	55,6	12,1	15,0	1.255,9
Лесное хозяйство	39,1	2,1	2,0	3,0	0,78	0,1	0,2	47,6
Новое жилищное строительство [1]	588,3	161,8	35,3	21,0	10,8	2,9	4,1	824,2
Коммунальное хозяйство [1] . . .	294,7	75,7	24,5	10,9	9,0	1,6	3,2	419,6
Торговое строит. (включая индустриализ. с. х.)	331,7	74,2	17,0	16,0	18,4	4,4	5,5	467,2
Транспорт (все виды)	—	—	—	—	—	—	—	1.215,0
Здравоохранение	102,9	14,5	9,4	2,5	5,0 [5]	—	0,3	134,6
Просвещение	—	—	—	—	—	—	—	485,0
Нарсвязь	—	—	—	—	—	—	—	87,0
Итого	—	—	—	—	—	—	—	9.187,7
Итого с некапит. вложен. в сел. хоз. .	—	—	—	—	—	—	—	9.599,2

[1] Двойной счет имеется по промжилстроительству (в виду невозможности точно выделить его из общей суммы капит. вложений; по промышленности — цифра порядка 260 млн. руб.) и по коммунальным электростанциям (сумма 77 млн. руб.). Вне сопоставления остались вложения на общую сумму 3.717 млн. руб., из которых главнейшие (в млн. руб.):

По промышленности — суммы, неразверстанные территориально (в млн. руб.)

Капит. вложения по НТУ, Геолкому	74,0
ВТУЗ'ам, Стройконторам, ссудам жилтов. и проч.	288,5
Резерв	110,0
	472,5

Капит. вложений по план. ВСНХ промышленности 2.828 + 472,5 = 3.300 млн. руб.

Вложения в прочую част. и коопер. пром.	537,0

По сельскому хозяйству (не вошли в проектировки республик):

Жилстроительство	1.063
Ирригация	188
Прочие	732
	1.983

По транспорту (не вошли в проектировки республик):

Шоссейные и грунтовые дороги	319
Капит. ремонт в ж.-д. стр-ве	383
	702

[2] Без сельской электрификации, вложения в которую прошли по графе „Электрификация", и без ирригации.

[3] Не распределено по республикам 12,1 млн. руб.— итого проектировка составляет 608,7 млн. руб.

[4] В эту сумму не вошли ассигнования Госплана СССР по индустриализации с. х.— 38,5 млн. руб., прошедшие по вложениям в торговлю, а также дополнительные ассигнования по кадрам по Зернотресту в 5,3 млн. руб.

[5] С Таджикской ССР.

в промышленность за пятилетие. [1] Эти цифры очень показательны; они говорят о том, что при несомненности геометрической прогрессии в развитии капитальных вложений мы явно перехлестываем наметки пятилетнего плана. Т.-е. мы вложим больше в промышленность, чем было намечено в пятилетнем плане. Нет сомнения, что эти вложения в планируемую промышленность, если мы пойдем тем же темпом, каким идем сейчас, за пятилетие далеко превысят те 16,4 мрд. руб. в неизменных ценах 1926/27 г., которые намечались нами еще так недавно.

Особенно приковывают наше внимание отстающие районы: ЦЧО, Якутия, Узбекистан, Бурято-Монголия, Казакстан, Сред. Волга. Но, нужно сказать, что эти цифры, взятые сами по себе, вне связи с общей системой мероприятий по капитальному строительству промышленности, еще не дают подлинного представления о том, что происходит. Нужно учесть, что по ряду районов, и это в огромной степени относится к названным отстающим районам, капитальные вложения в их промышленность, и в особенности в новое строительство, сосредоточены в последние годы пятилетнего плана. Понятно, почему так происходит: для того, чтобы вооружить надлежащим образом отсталые районы, нужно в первую очередь развернуть индустрию в тех районах, где она уже есть. Базой для индустриализации отсталых районов являются районы старой индустриальной культуры. По этим районам мы и имеем в этом году колоссальные капитальные вложения.

На рубеже в этом отношении стоит Урал. Он стоит на рубеже как географически, так и в социально-техническом смысле. Это с одной стороны, район достаточно отсталый по сравнению с основными индустриальными районами, передовыми индустриальными районами европейской части Союза, а с другой стороны, это есть база для индустриализации восточных районов. Поэтому здесь протекает двусторонний процесс. Мы интенсивно вкладываем капиталы в новое строительство Урала и в реконструкцию его старых предприятий в тех пределах, в каких это технически возможно и рационально, форсированным темпом осуществляя индустриализацию района; с другой стороны, мы тем самым подготовляем базу для дальнейшего индустриального движения на восток.

Новым индустриальным районом является Кузнецкий район Сибкрая, в который в этом году мы вкладываем 123 млн. руб., осуществляя невиданное по масштабу для Сибири промышленное строительство.

На старые индустриальные районы падает, таким образом, чрезвычайно ответственная задача; и нужно сказать, что во всяком случае некоторые из них эту задачу выполняют с честью. В первую

[1] Если брать распределенные по районам капитальные вложения. Всего же сумма 3,3 мрд. руб. вложений в планируемую промышленность в 1929/30 г. вместе с 1,65 мрд. руб. вложений за прошлый год составляет 33% вложений пятилетия.

Капитальные вложения в планируемую ВСНХ промышленность по районам СССР на 1929/30 г. (в ценах соответств. года)

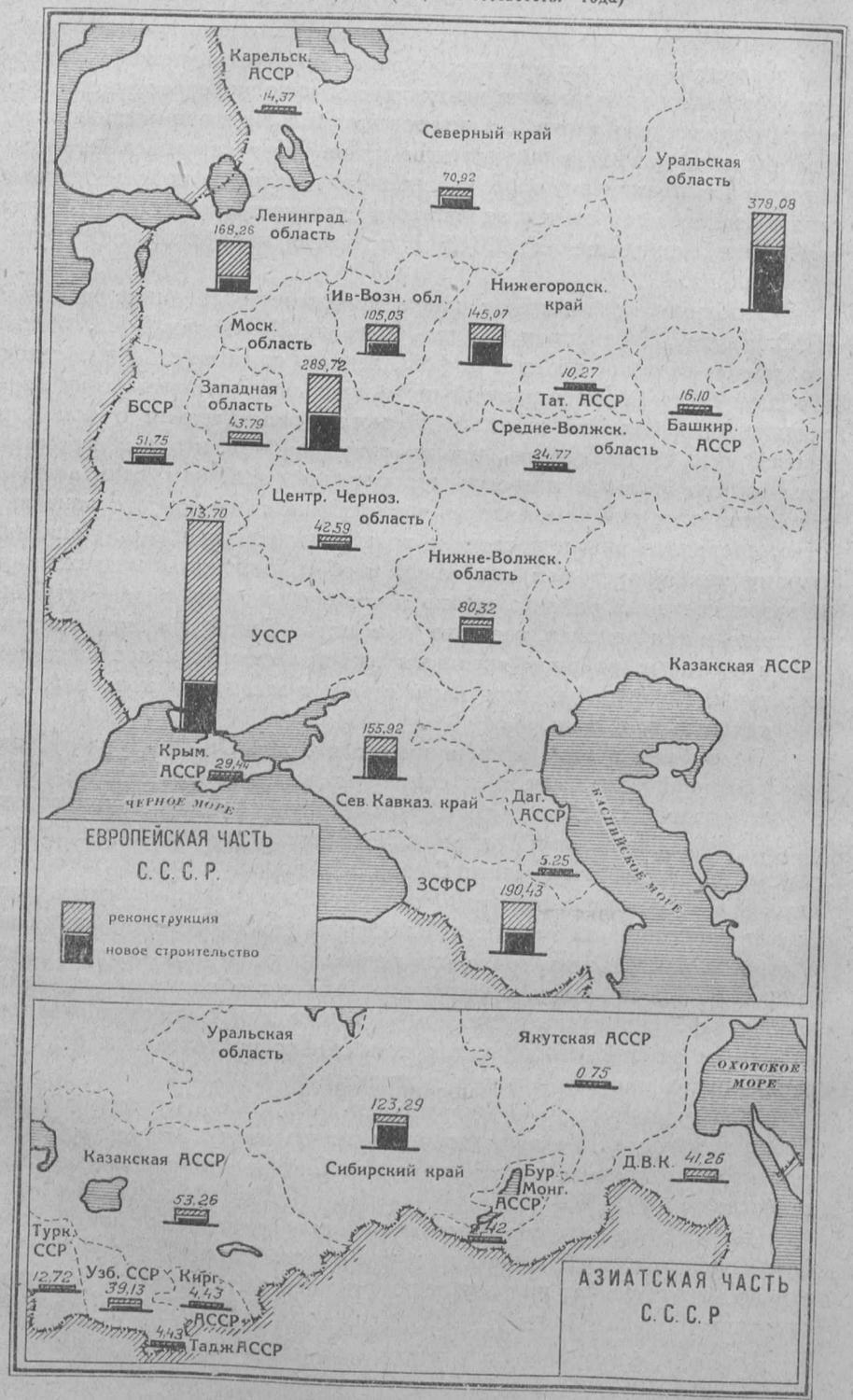


Диаграмма 1

очередь это нужно сказать относительно Ленинграда, на металлопромышленность которого падает чрезвычайно ответственная задача — в первые же годы дать необходимую продукцию для вооружения других районов: мощное паровозостроение, дизелестроение, машиностроение (Ленинград разрешает наиболее трудные задачи в тонком машиностроении), развитие электро-технической промышленности, создание электроаппаратуры, наконец, тракторостроение — вот область, в которой Ленинград имеет огромные заслуги. В осо-

Диаграмма 2

бенности поучителен пример с тракторостроением. В пятилетнем плане намечалось на предстоящий год выпустить на „Красном Путиловце“ 3 тыс. тракторов, а к концу пятилетия дать 10 тыс. тракторов. Но уже, в 1929/30 г., „Красный Путиловец“ дает 10 тыс. тракторов — задание, намеченное ему для последнего года пятилетки. Теперь уже к концу пятилетия намечается ежегодный выпуск в размере 25 тыс. тракторов. Ленинград с честью выполняет задачи, которые на него возложены. То же можно в значительной степени сказать и о центрально-промышленных районах и о горно-промышленном районе Украины — основных старых индустриальных районах СССР.

Отклонения от пятилетки в районировании нового промышленного строительства

Что касается н о в о г о строительства промышленности, то здесь, в особенности, мы считаем необходимым обратить внимание, с точки зрения районирования его, на две отрасли: на металл и текстиль. По обеим этим отраслям мы идем не так, как мы намечали в пятилетнем плане. По металлопромышленности, при докладе о районир-

рования ее в пятилетнем плане, мы обращали внимание на необходимость резкого сдвига строительства новой промышленности на восток, сдвига, который шел бы по линии будущего размещения всей промышленности по территории Союза, и который отвечал бы будущим капитальным вложениям в железнодорожное строительство и развертыванию других отраслей народного хозяйства на территории СССР. Нужно сказать, что первые два года пятилетия в этом отношении отклоняются от того, что намечено в пятилетнем плане, отклоняются в сторону усиления влияния юга. Проектировки и их выполнение по металлопромышленности юга идут с превышением того, что было намечено пятилетним планом, масштаб заводов увеличивается, самое строительство заводов форсируется; наоборот, выполнение плана строительства новых заводов на востоке отстает от того, что было намечено пятилеткой, а самый масштаб предприятий остается прежним. В особенности это должно быть отмечено в отношении Урала. Так в 1929/30 г. по пятилетке мы должны были уже приступить к началу строительства второго уральского металлургического завода-гиганта; однако, в настоящее время мы, к сожалению, не можем похвалиться этим, — мешает в первую очередь неразведанность рудной базы и недостаток необходимых квалифицированных кадров специалистов для того, чтобы осуществить работы по разведкам, по проектировке и по подготовке строительства в такой короткий срок.

Необходимо особо пристальное внимание со стороны плановых и оперативных органов страны, чтобы всячески подтягивать выполнение пятилетнего плана в восточных районах.

С еще большей силой это должно быть подчеркнуто по отношению к текстильной промышленности. В пятилетнем плане мы запроектировали довольно существенные сдвиги текстиля в районы, производящие текстильное сырье и отдельные районы потребления. Мы запроектировали текстильные предприятия в ДВК, Новосибирске, усилили текстильную промышленность в Ср. Азии, Закавказьи, Поволжьи, на Украине и запроектировали ряд предприятий в Белоруссии и ЦЧО. Мы должны констатировать, что пока эти сдвиги не выполняются. Но надо сказать, что здесь причина невыполнения одной из основных принципиальных установок пятилетнего плана уже иного порядка: она об'ясняется об'ективным обстоятельством перехода на непрерывную неделю и на три смены. Оказалось возможным и рациональным, в результате этого перехода, использовать полностью наличный основной капитал старых текстильных районов и поэтому в первые годы пятилетия не приходится говорить о новом строительстве в текстильной промышленности; выполнение этого строительства, проектировки которого были особо отмечены постановлением VI С'езда советов, как сдвиг промышленности в новые и, в особенности, восточные районы, отодвигается поэтому на последующие годы пятилетия.

Процессы обобществления в с. х. и необходимость форсированного „вооружения“ обобществленного сектора

В области сельского хозяйства порайонная проработка плана приковывает внимание к следующим вопросам. В первую очередь надо подчеркнуть, что все решительно проектировки районов и все те данные за истекшие годы, которые мы имеем по районам, говорят нам совершенно единодушно, что темпы коллективизации сельского хозяйства в проектировках предшествующих лет нами недоучитывались, преуменьшались и в действительности оказались превзойденными. Соответствующие наметки районов на 1929/30 г. также говорят о гораздо более решительных процессах обобществления, чем это можно было ожидать. Так например, по приведенным ниже районам, динамика обобществления посевов (в процентах ко всей посевной площади) такова:

	1928 г.	1929 г.	1930 г.
1. УССР	3,95	6,78	14,37
2. Казакская АССР	2,70	4,60	14,59
3. Сибирский край	2,00	6,45	17,40
4. Нижне-Волжский край	2,02	6,46	17,70
5. Средне-Волжская область . . .	1,37	3,43	20,60
6. Крымская АССР	5,78	17,99	27,50

Эти показатели можно было бы продолжить по ряду районов, но вообще следует отметить, что заверстанные в контрольных цифрах на 1929/30 г. показатели обобществления посевных площадей сейчас таковы, что в известной доле преуменьшают те процессы, которые в действительности имеют место в деревне. Они преуменьшают их из соображений необходимости надлежащим образом технически обеспечить коллективизацию сельского хозяйства и не итти по пути скороспелых колхозов, недостаточно вооруженных средствами производства. Сама же, так сказать, „динамика спроса“ на коллективизацию такова, что можно было бы достигнуть поражающих темпов, если бы мы были технически надлежащим образом вооружены для удовлетворения этого спроса. Например, по Сред. Волге Областная плановая комиссия считает, что к 1932/33 г. можно говорить о 50—60% коллективизации посева. По Ниж. Волге и ЦЧО можно говорить о 60% коллективизации к тому же сроку. Мы можем со всей ответственностью заявить, что через 3 года после выполнения пятилетнего плана, можно будет говорить о сплошной коллективизации таких районов, как ЦЧО, Ср. и Ниж Поволжье.

Это обстоятельство заставляет призадуматься над необходимостью гораздо более форсированного удовлетворения запросов со стороны коллективизирующегося сельского хозяйства, обращенных к промышленности. Эти запросы выражаются, прежде всего, в потребности в тракторах, сельскохозяйственных машинах и минеральных удобрениях. Необходимо форсированное развитие промышленности по всем этим трем направлениям. Можно при этом сказать, что трактор сейчас является тем р е ш а ю щ и м рычагом, получив кото-

рый в свои руки пролетариат может реконструировать сельское хозяйство и повести его по пути полного обобществления, по пути перестройки на социалистических началах.

Приведенная диаграмма 3 дает распределение тракторов в предстоящем году, исходя из цифры — 41.000 шт. тракторов в переводе на десятисильные.

Запросы, пред'явленные со стороны союзных республик и идущие преимущественно по линии совхозов Зернотреста, Овцевода и проч. союзных организаций, мы предполагаем удовлетворить в размере 36.000 шт., а остальные 5.000 шт. бросить специально на коллективизацию крестьянских хозяйств, которая по проектировкам республик — это надо прямо заявить — недостаточно обслуживается технически. Мы распределяем эти 5 тыс. шт. между районами, где процесс коллективизации идет особенно интенсивно: это Украина, получающая 7.137 тракторов, это ЦЧО, куда мы считаем необходимым дать вместе с распределяемыми по союзным организациям 3.250 шт., при наличии 3.437 шт., в настоящее время, это Ниж. Волга, которая должна получить 3.074 шт., Сев. Кавказ — 3.700 шт., Сибирь — 3.037 шт., Казакстан — 4.112 шт., ДВК — 1.145 шт. и др.

Можно с уверенностью сказать, что если бы нам сверх этих 41.000 тракторов (в переводе на десятисильные) удалось бы в порядке какой-нибудь специальной конвенции, с рассрочкой на 2—3 года, получить 50.000 добавочных тракторов, то они были бы немедленно поглощены районами и дали бы результаты уже в этом году.

Мы должны здесь подчеркнуть, что за последние годы вооруженность обобществленных посевов тракторами падает по всем районам. В целом по Союзу вооруженность тракторами падает с 28% на 14%, а по отдельным районам это падение еще более ярко. Именно из этих соображений, в нашем докладе Президиуму Госплана 16 сентября 1929 г. мы так настойчиво подчеркивали необходимость особо форсированного, сугубо форсированного, развития тракторостроения по сравнению с тем, что намечалось еще в недавние дни всеми нашими проектирующими организациями. Необходимо отметить, что и Главмашиностроя за эти последние недели изменил ряд проектировок, принимая все более высокие наметки.

Если учесть те результаты, которые мы теперь имеем после проработки материалов, поступивших из районов, после того, как мы заслушали более 20 серий докладов областных и республиканских плановых комиссий, мы утверждаем, что вопрос о тракторостроении нужно поставить таким образом: нужно поставить генеральную задачу удовлетворения, если можно так выразиться, **абсолютной потребности** страны в тракторах. Не той потребности, которая выявляется сейчас, сегодня, с точки зрения распределения тех тракторов, которые мы завозим и в небольшом количестве производим сами, а с точки зрения удовлетворения того, спроса, который пред'явит страна, с точки зрения рациональной

Распределение тракторов по районам СССР в контрольных цифрах 1929/30 г.

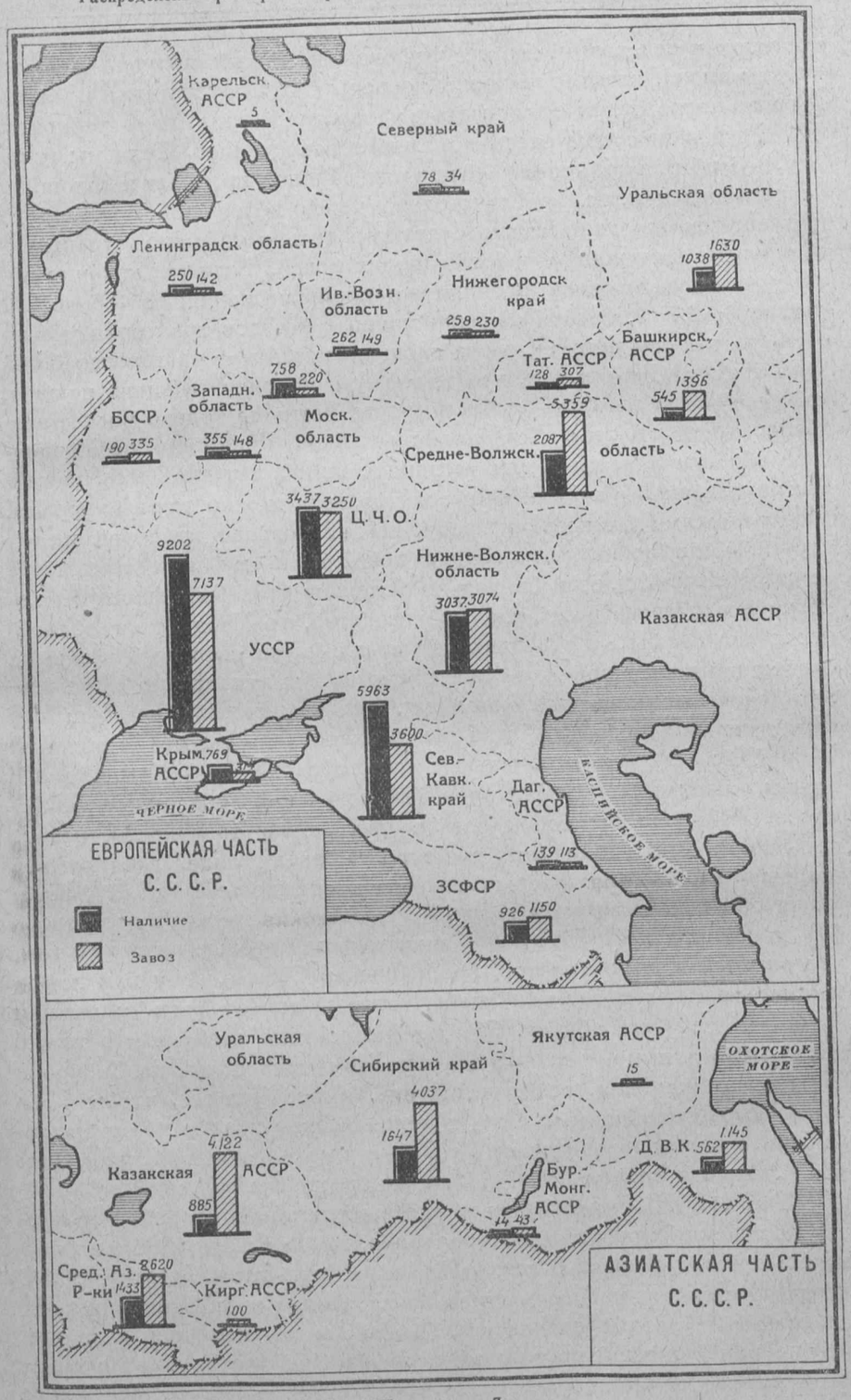


Диаграмма 3

постановки сел.-хоз. и соответствующих отраслей промышленности в тот момент, когда тракторные заводы будут отстроены и когда мы не в праве будем отказывать в удовлетворении этой потребности.

Грубая прикидка здесь показывает следующее. Если мы говорим, что, примерно, через 7—8 лет ряд районов подойдет к сплошной коллективизации, то приблизительно через небольшой после этого промежуток времени можно будет говорить о сплошной тракторизации и механизации обработки наших полей. Если мы к концу пятилетия проектировали расширение площади пашни со 186 до 202 млн. *га* (+8,7%), то при наличии мощных отрядов тракторов можно быть уверенным в том, что эта площадь возрастет на гораздо большую цифру. Дело в том, что мы имеем, по ряду районов целины, которые могли бы быть легко подняты, было бы только достаточно средств производства. Вот вам показатели. Например, по Ивановской области имеется 6 млн. *га* пашни, из них только 2 млн. *га* сейчас использованы, а 4 млн. *га* находятся, если можно так выразиться, „под отхожими промыслами", заброшены и состоят в резерве, на тот случай, когда вернется из города работник и ему понадобится эта земля. Между тем, если бы только половину этих брошенных земель поднять и пустить в сел.-хоз. производство, то Ивановская область перестала бы быть потребляющей, стала бы на свои ноги в смысле снабжения себя продовольствием, смогла бы интенсивно использовать свою площадь для кормовых, для технических культур; вся структура сельского хозяйства резко изменилась бы в этой области. Я не буду говорить о земельных просторах Сибири, Казакстана и других наших восточных районов, где появление добавочных тракторов знаменовало бы собой резкое увеличение товарности, резкое повышение продукции этих районов. Приведу лишь для примера цифры по Сибкраю, которые говорят о следующем: там 8% населения обобществит в этом году 17% посевной площади и даст около 40% товарного хлеба. Это решающие цифры, которые говорят о том, что каждый новый трактор, брошенный в Сибирь, дает нам новые и новые запасы товарного хлеба, который может быть и должен быть вывезен из Сибкрая. Эти же показатели говорят и о том, в какой мере должно форсировать развитие транспорта из Сибири и Сибирскую жел.-дор. сверхмагистраль, в особенности, чтобы итти в ногу с развивающимся сельским хозяйством края и не оставлять Сибирь в положении бутылки с узким горлом, из которой продукция может лишь с трудом попадать на рынки других районов.

Так вот, если учесть эти процессы, то становится ясно, что расчет потребного производства тракторов, грубо говоря, должен быть таков: примерно через 8 лет, мы должны быть готовы к тому, чтобы удовлетворить потребность страны в сплошной тракторизации и механизации сел.-хоз. производства. А это значит, что при исключительно рациональной постановке дела и полном устранении в сельском хозяйстве непроизводительных потерь, — при обслуживании

одним трактором 200 *га* пашни — мы должны будем иметь около 1 млн. штук тракторов в переводе различных систем и различных мощностей на десятисильные; а при 250 млн. *га* пашни и при обслуживании 1 трактором 150 *га* — ок. 1,7 млн. штук. Да, кроме того, не менее 70.000 штук будет необходимо уже в конце пятилетия для промышленности. А это значит, что при 5 годах амортизации трактора ежегодная продукция наших тракторных заводов должна составить до 350.000 штук тракторов в переводе на десятисильные.

В соответствии с этими соображениями мы проектируем развертывание тракторостроения в таких масштабах: 25.000 тракторов к концу пятилетия должен дать, как минимум, „Красный Путиловец". Однако, у нас возникает сомнение — действительно ли при такой потребности в тракторах тип десятисильного трактора, который вырабатывает „Красный Путиловец", не найдет себе большего распространения, чем 25.000 шт. Если это неверно, если наши сомнения подтвердятся, то мы полагаем, что нужно проектировать расширение „Красного Путиловца" на большую — предельную мощность, ибо потребление страны практически не ограничено. В этих же целях Сталинградский завод нужно проектировать на 50 .000—60.000 шт. тракторов пятнадцатисильных. Челябинский завод минимум на 40.000 тракторов тридцатисильных и добавочно на 5.000—10.000 стосильных гусеничного типа. Наконец, в связи с тем, что эти заводы удовлетворить всю потребность страны не смогут, мы склонны сейчас пересмотреть наше отношение к тракторостроению на Украине. Необходимо будет теперь же, в 1929/30 г., начать проектировать крупное тракторостроение в Харькове, — по наметкам Главмашстроя, примерно шестидесятисильных тракторов гусеничного типа в масштабе около 30.000 шт. в год с началом постройки завода не позже 1930/31 г. И, наконец, мы считаем необходимым поставить вопрос о тракторостроении в ЦЧО (Воронеже) с проектировкой в этом году тракторного завода на 40.000 тракторов типа десяти-пятнадцатисильных трехколесных тракторов для пропашных культур. Это при американском темпе строительства даст к концу пятилетия около 200.000 шт. тракторов различных мощностей и потребуется, примерно 3—4 года непрерывной работы этих заводов для того, чтобы удовлетворить потребность страны в тракторах, как она намечается нами через 7—8 лет.

Для тех, кого пугает эта перспектива, напомним, что в С.-А. С. Ш. посевная площадь которых близка к нашей, всего лишь при 15% механизации работает в настоящее время 800.000 шт. тракторов. Нет никакого сомнения, что через 7 лет их будет работать там гораздо больше.

Данные о динамике посевных площадей по отдельным районам Союза с разбивкой по социальным секторам чрезвычайно показательны в том отношении, что они отвечают на вопрос, где, как и почему происходило сокращение

посевных площадей, то самое сокращение, которое мы наблюдаем по ряду районов за последние годы. Они отвечают на этот вопрос совершенно убийственно. Оказывается, как правило, сокращались посевы в хозяйствах зажиточных, кулацких; близки были к стабильным, но шли на повышение, середняцкие посевы, и резко повышались посевы хозяйств бедняцких, малопосевных.

Это великолепный ответ на вопрос о том, что происходит в нашем сельском хозяйстве. Еще пару лет тому назад экономисты, группирующиеся вокруг профессоров Кондратьева и Макарова, начали бить набат относительно „деградации" сельского хозяйства. Сейчас, после того, как прошло 2—3 года, мы можем совершенно отчетливо ответить на вопрос о том, что же происходит.

Да, в сельском хозяйстве есть деградация; больше того,— есть разложение, загнивание. Но гниет кулацкая верхушка сельского хозяйства. И по поводу ее-то гибели и забило уже несколько лет тому назад тревогу выродившееся народничество.

Теперь от этой мутной струи пьют воду представители правого уклона внутри партии, пытаясь спекулировать на трудностях реконструктивного периода и перепевая старые Кондратьевские мотивы.

В сельском хозяйстве действительно происходит загнивание, но это загнивание происходит не в сельском хозяйстве вообще, не в сельском хозяйстве в целом, как это думают проф. Кондратьев, проф. Макаров и некоторые другие. Оно происходит в кулацком секторе сельского хозяйства, поражает кулацкую часть индивидуального сектора. Беднота же и середняк идут иными путями развития. Они не только повышают размеры своих посевов. Тот процесс стремительной коллективизации, который мы наблюдаем по ряду районов, говорит нам о том, что индивидуальное крестьянское хозяйство в его бедняцкой и середняцкой частях приходит к выводу, что на путях частного хозяйства ему больше нет подлинного развития, что путь прогресса для него лежит через коллектив к крупному машинному обобществленному сельскохозяйственному производству.

И эта здоровая часть крестьянских хозяйств все больше и больше начинает отделяться от кулака и испытывать тягу к широким путям коллективного социалистического строительства.

С точки зрения социальной значимости такого фактора, как загнивание кулацкой верхушки крестьянских хозяйств, мы можем сказать, что он знаменует собою начало агонии частного сельского хозяйства.

Мы ставим вопрос — долго ли может продолжаться эта агония, и можем ли мы ее растягивать, и отвечаем: нет! мы должны форсировать этот процесс, мы должны подхватить процесс коллективизации, должны возглавить его, приложить все усилия к тому, чтобы не оказаться в хвосте этого величайшего исторического движения, знаменующего собою, начиная с этого года, резкий перелом в процессе сельскохозяйственного производства, технически вооружить

этот процесс и в возможно краткий исторически срок покончить с этим лихорадочным состоянием загнивания кулацкой верхушки, борющейся против тех социальных условий, в которых она явно развиваться больше не может.

Мы должны готовиться к тому, чтобы уже в недалеком относительно будущем весь индивидуальный сектор сельского хозяйства перевести на рельсы обобществления.

В свете этих явлений ясно, что те продовольственные трудности, которые мы переживаем, это не просто трудности роста, это трудности реконструкции, больше того, это трудности подлинной революции, ибо только теперь деревня подходит к своему подлинному Октябрю, с корнем вырывающему старые устои и создающему на новой энергетической и технической базе новые производственные отношения в сельском хозяйстве.

Эта революция, как и всякая революция, связана с ожесточенной классовой борьбой, с отчаянным сопротивлением экспроприируемых, с саботажем производства, колебаниями промежуточных слоев и т. д. и т. п.

Эти процессы обобществления сельского хозяйства по разным районам протекают различно и базируются на различных основаниях. Если взять ЦЧО, то здесь причина одна. На этой карте, только что выпущенной Комиссией генплана, показывающей плотность населения по экономическим районам Союза, изображено распределение населения на территории СССР по переписи 1926 г. В 11 красках эта карта показывает плотность населения. Наиболее светлые тона—это наименее заселенные пространства, где приходится менее одной десятой человека на *кв.* километр территории, а темно-зеленые тона— это места наибольшего заселения,—это свыше 70 чел. на *кв.* километр. Вы видите, что районами основных сгустков населения являются ЦЧО, Украина, отчасти Татария, Чувашия и Среднее Поволжье. Этот сгусток населения на территории ЦЧО, в отношении вооруженности средствами производства, представляет собой наиболее бедный участок Европейской части Союза. В то время как по УССР вооруженность сельскохозяйственными средствами производства составляет 115 руб. на душу населения, а по Союзу в целом 111 руб.,—по ЦЧО она составляет лишь 98 руб. на душу населения. И как раз этот район наиболее характерен в смысле разрешения проблемы коллективизации.

Еще недавно нео-народники твердили нам, что в ЦЧО, в перенаселенных районах ни о какой тракторизации речи быть не может, что пути развития этих областей идут по линии индивидуальных хозяйств датского типа, развивающих интенсивные культуры, мелких, но хорошо обставленных индивидуальных хозяйств.

Действительность показала, что пути развития ЦЧО, пути изживания аграрной перенаселенности будут совершенно иными. Даже

быстрее, чем мы ожидали, действительное развитие показало в какой мере мы были правы в наших теоретических спорах с нео-народниками, которые мы вели и здесь, и на Воздвиженке. Оно полностью подтвердило правоту наших позиций. Тот процесс коллективизации, который сейчас так бурно начинает развиваться в ЦЧО, говорит о том, что исторический факт оскудения ЦЧО, не находящей себе путей для дальнейшего развития в старых социальных формах и при старой сел.-хоз. технике, сейчас, после переворота, сталкивается с возможностями сплошной коллективизации сельского хозяйства, его коллективного перевооружения, вооружения новейшими методами производства и полнейшей технической реконструкции. Можно с уверенностью сказать, что через ряд лет, семь-восемь максимум, самый термин „оскудение ЦЧО“ будет сдан в архив, и мы будем иметь цветущий край, поднимающийся на базе новой техники, новой энергетики, нового вооружения крестьянского труда.

По иному протекают процессы коллективизации в других районах, скажем, Нижнем Поволжьи, Сибири. Там они идут прежде всего по линии охвата колоссальных свободных площадей; путем применения новейших методов машинной обработки земли там стараются поднять неиспользованные территории. На Дальнем Востоке мы видим особый подход к этому вопросу, об'ясняющийся тем, что индивидуальное хозяйство переселенца в современной экономической обстановке становится все более и более беспомощным перед лицом тех почти первобытных трудностей, которые ему приходится преодолевать в этом крае. В особенности это нашло себе резкое отображение после ряда лет стихийных бедствий, поразивших Дальний Восток. Августовские ливни, изливающие потоки океанской влаги на Дальнем Востоке, третий год смывают посевы. Индивидуальному хозяйству в особенности трудно противостоять этим стихийным бедствиям в обстановке и без того тяжкой борьбы с природой, где оно брошено почти на произвол судьбы, несмотря на огромные затраты государства, достигающие по линии финансирования 1.200 руб. на хоз-во для внедрения такого переселенческого двора на Дальнем Востоке. Вы, вероятно, обратили, товарищи, внимание на статью т. Лежнина в № 5 „Планового Хозяйства“. При поддержке редакции „Планового Хозяйства“ там поставлен вопрос о революции в переселенческом деле. Такую же постановку вопроса мы имеем теперь и со стороны официальных органов ДВК. Ребром ставится вопрос о том, что пора прекратить индивидуальное переселение, что оно, во-первых, слишком дорого обходится, во-вторых, не оправдывает себя, а в-третьих — то положение, которое получается в результате, не может быть больше терпимо. В этом году мы имеем в среднем по ДВК 57% „обратничества“, а в некоторых районах края оно доходит и до 90%, т.-е. из 100 переселенных дворов по некоторым районам 90 идут обратно, а в целом по ДВК 57. Можно себе представить край, дороги которого загружены этими потоками переселенцев,

лечебные пункты загромождены бездомными людьми, край, вся жизнь которого систематически, из года в год, нарушается этой безобразной организацией переселения. С этим нужно покончить. Сами товарищи из ДВК и мы в Госплане приходим к убеждению, что необходимо внедрять переселенцев на Дальний Восток путем организации коллективов, прежде всего, на местах выселения; тех же, кто идет самотеком, организовывать в коллективы в местах заселения, давать оборудование, сел.-хоз. машины, тракторы, устраивать машинно-тракторные станции. Элементарные подсчеты показывают, что такое водворение коллективных хозяйств обойдется гораздо дешевле, чем индивидуальное переселенчество, а эффект будет совершенно иной. Вместо того, чтобы человек был одиноко заброшен в новое, неосвоенное место, он попадет в коллектив и будет пользоваться поддержкой государства, он получит машинное оборудование, которое будет его обслуживать; он не попадет в положение человека, который с'ел свои семена и идет обратно, не имея впереди ничего, кроме перспектив голода и нищеты. Картина будет совершенно иная.

Как видим вопрос о коллективизации в различных районах ставится на основании различных причин.

В Белоруссии идут крупнейшие работы по мелиорации больших заболоченных пространств, и это приводит к убеждению, что является полной бессмыслицей устройство индивидуальных частных хозяйств за советский счет на этих вновь завоеванных для общественного труда землях. Белоруссия приходит к выводу о необходимости перехода к коллективному заселению мелиорируемых площадей. В то же время наростает процесс обратного движения хуторского хозяйства в крупные коллективы.

В связи с этим, мы считаем необходимым поставить вопрос ребром о том, что расселение на хутора приходит к концу, что расселение крупных поселков является нерациональным. При переходе на коллективное хозяйство с дальнейшим переустройством селений большие селения будут иметь явное преимущество перед хуторскими хозяйствами в смысле большего коммунального благоустройства, в культурном и прочих отношениях. С процессом переселения на хутора нужно кончать, и держать курс только на коллективное устройство.

В связи с этим, мы ставим вопрос о том, не пора ли в нашем бюджете покончить со статьей ассигнований на индивидуальное землеустройство. Может быть, сейчас это звучит очень резко, но для нас является бессмыслицей заниматься индивидуальным землеустройством и устраивать отдельные крестьянские дворы в то время, когда нехватает землеустроителей для устройства коллективных хозяйств, которые остаются „в затылке“, и не получают землемеров, чтобы провести грандиозное землеустройство площадей коллективов, без чего нельзя создать крупное производство. 16 млн. руб. заверстано в контрольных цифрах 1929/30 г. на землеустройство индивидуальных хозяйств. С нашей точки зрения это теперь уже является

ложными издержками организации в процессе развертывания народного хозяйства. Эти 16 млн. руб. лучше бросить на Челябинский тракторный завод, их лучше бросить на будущее энергетическое вооружение крестьянского хозяйства, и тогда через пару лет они скажутся таким колоссальным эффектом народнохозяйственной продукции, который ни в какое сравнение не может итти с крохоборческим индивидуальным землеустройством, отжившим свой век, устаревшим, с которым нужно кончать.

О судьбах перенаселенных районов

В связи с распределением капитальных вложений по районам резко встал вопрос о судьбе перенаселенных районов и о необходимости более интенсивных капитальных вложений на развитие их промышленности. Вы знаете, что неоднократно мы дебатировали вопрос о судьбе развития Правобережья Украины; точно также мы особое внимание уделяли ЦЧО. При прохождении контрольных цифр по Нижегородскому краю, мы также обратили внимание на необходимость усиления развития Чувашской республики, которая является кризисным районом из-за ее перенаселенности. То же самое должно быть сказано и по отношению к Татреспублике, не входящей в крупное областное об'единение и поэтому может быть страдающей организационно больше, чем другие от невозможности получить должное внимание к этим проблемам.

Судьбы этих перенаселенных районов будут, конечно, различны. Мы имеем такой район, как ЦЧО, где последними исследованиями установлены колоссальные залежи Липецких руд, достигающие 50 млн. тонн. В пятилетнем плане намечена здесь постройка металлургического завода-гиганта, который сейчас Гипромез считает возможным проектировать величиной на мощность порядка 1—1,5 млн. тонн выплавки чугуна в год. Тов. Буров, обследовавший этот район, поставил также вопрос о том, не следует ли, если подтвердятся в дальнейшем догадки о еще больших залежах — порядка 80 млн. тонн руды,— не следует ли здесь в Липецком районе, построить завод-гигант, сверх американского типа, на мощность около 3,5 млн. тонн выплавки. В контрольных цифрах мы заверстали сумму в 700 тыс. руб. на проектировку и предварительные разведочные и прочие работы по этому строительству с тем, что если в течение года ЦЧО справится с этой предварительной работой и если кон'юнктура года будет достаточно благоприятна, а выполнение плана будет итти хорошо, может быть можно будет за счет резерва выделить сумму порядка 4 млн. руб. для начала строительства того металлургического комбината, который положит начало решительному перелому в судьбах развития ЦЧО, положит начало развитию в ней индустрии. Если же будет в дальнейшем осуществлен на территории ЦЧО и тракторный завод, то это положит начало резкому перелому в судьбах развития этого района.

На Правобережьи Украины есть свои хозяйственные районы, которые позволяют проектировать там крупное развитие индустрии. Достаточно упомянуть о Днепрострое, о Криворожьи. Но если ставить вопрос ребром сейчас о том, как быть с теми кадрами избыточного населения, которые имеются на Правобережьи, то на этот вопрос приходится отвечать несколько иначе, чем это хотелось бы, иногда, товарищам. Неоднократно в этом зале вы слышали постановку вопроса: как быть с местечковой проблемой, этим крайним выражением полунищеты, полупролетарского состояния избыточного населения Правобережья и Белоруссии, не находящего должного применения для своей рабочей силы. Здесь, товарищи, нужно ответить, что отнюдь не в узком кругу экономики Правобережья Украины найдет себе полное разрешение эта проблема, точно так же как и не только в самой Белоруссии.

Если заглянуть вперед, то станет ясно, что, идя теми темпами, которыми мы пошли в эти два года пятилетия, идя этими темпами, мы в течение пятилетия вложим в промышленность ресурсы порядка 30 мрд. руб., в неизменных ценах 1926/27 г. а в течение следующего пятилетия, сможем вложить в промышленность ресурсы несравненно большего масштаба.

В самом деле, в истекшем 1928/29 г. мы вложили в промышленность 1.860 млн. руб. И предполагали (по пятилетке) рост вложений в промышленность равный 48% (48% прироста). Вместо этого мы теперь проектируем около 4 мрд. руб. вложений в промышленность (в неизменных ценах) в течение 1929/30 г., т.-е. 220% роста вложений (120% прироста).

Но предположим самый худший случай: предположим, что в этом году при осуществлении контрольных цифр мы получим срыв на целые 0,5 мрд. руб., которые (допустим это) целиком упадут на промышленность. Тогда в этом худшем случае рост капитальных вложений в промышленность составит 197% (97% прироста).

Предположим далее, что наученные горьким опытом мы затем, в последующие годы будем брать вариант уже не такого высокого напряжения, а несравненно более легкий: лишь 50% прироста вложений в промышленность.

В таком случае этот пониженный вариант развития нашей промышленности выразится в следующих цифрах капитальных вложений в нее (для сопоставимости в неизменных ценах 1926/27 г.):

Первое пятилетие		Второе пятилетие	
1 г.	1.860 млн. руб.	6 г.	17.400 млн. руб.
2 „	3.500 „ „	7 „	26.000 „ „
(вместо 4 мрд., проектируемых в контрольных цифрах 1929/30 г.).		8 „	40.000 „ „
3 г.	5.250 млн. руб.	9 „	60.000 „ „
4 „	7.750 „ „	10 „	90.000 „ „
5 „	11.600 „ „		
Итого . . .	30.460 млн. руб.	Итого . . .	233.400 млн. руб.

Эти цифры говорят о том, какого величайшего напряжения героический прыжок совершаем мы в этом году. Но вместе с тем они говорят нам о том, что, идя даже гораздо более спокойными темпами, чем те, которые обозначились в этом году, мы достигнем масштабов промышленной продукции современной Америки через 10—12 лет.

Я повторяю: если мы мы будем итти даже значительно более медленными темпами, чем те которыми идем сейчас,— это будет достигнуто вне всякого сомнения. А если взять те гипотезы которые уже сейчас успели устареть, хотя бы гипотезу, которую набросал т. Сабсович, и которая в комиссии генплана была принята, как одна из рабочих гипотез,— она будет бита! Она уже теперь превзойдена; наметки пятилетнего плана выше ее проектировок на первое пятилетие, а вложения в первые два года, в свою очередь, уже выше, чем намечено было в пятилетнем плане. Контрольные цифры вложений в планируемую промышленность в этом году на 300 млн. руб. превышают сумму, которая намечена для последнего года пятилетия. Реальность, в которой мы с вами уже живем, то что мы предлагаем сейчас, как совершенно реальную возможность, 3.300 млн. руб. вложений в промышленность [1] в течение предстоящего года,— превышает самые смелые предположения. В первые два года мы превзошли те темпы, которые намечались пятилетним планом; нет сомнений, что превзойдем и то, что намечено было, как гипотеза генплана, на последующие пятилетия; а по этой гипотезе мы должны были догнать современную Америку в 15—17 лет. Этот срок теперь выглядит растянутым, мы сейчас уже говорим о сроке более близком и о движении гораздо более стремительном: 12 лет, примерно, тот срок, который мы сейчас ориентировочно прощупываем, как срок, в который мы даем промышленную продукцию современной Америки.

А если говорить о технике производства, то нужно полагать, что лет через 5 мы сумеем не только строить заводы новейшего типа, но сумеем строить и заводы более нового типа, чем строят в Европе и чем иногда, может быть, строят в Америке. Почему нам не только не итти в ногу, почему нам в новом строительстве не воспринять то, что может сдвинуть нас вперед по сравнению с передовыми странами капитализма? Новый метод перегонки нефти под высоким давлением приводит сейчас в содрогание американских капиталистов, потому что он знаменует собой отсталость, моральную изношенность огромного основного капитала нефтеобрабатывающей промышленности. Между тем нас он в содрагание привести не может; наоборот, он делает нашу позицию более выигрышной, так как мы можем наше новое строительство повести с учетом

[1] В ценах 1929/30 г., включая 50 млн. руб. резерва, добавочно заверстанные с'ездом.

новейших достижений в нефтепереработке. Это только один из примеров, а их может быть достаточно много и они еще впереди.

У нас будут возможности новейшего строительства, в котором мы будем в состоянии итти впереди по сравнению не только с Европой, но и по сравнению со стареющим в этом смысле американским капиталом. Через десяток лет возможно такое положение, когда наша техника будет по ряду отраслей качественно превышать технику передовых стран капитализма. Что это не представляет собой чего либо исключительного, об этом могут сказать шахтеры Донбасса и присутствующие здесь представители Украины: они знают, что в шахтах Донугля процент механизации превышает процент механизации забоя в Англии уже сейчас. Между тем мы считаем, что мы лишь вступили на путь механизации.

А если это так, если таковы грандиозные перспективы строительства в последующие 5—10 лет, то для нас становится ясным, что избыточное население местечек Правобережья Украины, Белоруссии и других районов найдет применение своему труду не в узком кругу экономики данной области, а на широком поле работ Союза советских республик. Тов. Бессонов, как-то неудачно отозвавшись о ЦПР, назвал это скопление промышленности в одном районе, в одном кулаке, проклятым наследием царизма. Это, конечно, не верно. Это „проклятое наследие" вместе с Ленинградом и горнопромышленным районом Украины есть оплот индустриальной мощи СССР, на котором сейчас базируется революционное переустройство всего Союза.

А вот поистине проклятым наследием царизма следует считать судьбу десятков и сотен тысяч полупролетариев, искусственно собранных политикой царизма в этих грязных местечках, лишенных средств производства, лишенных возможностей производительного труда.

Однако было бы не меньшей нелепостью, с точки зрения планового хозяйства, тащить крупную индустрию в эти „дыры" только потому, что там имеются скопления свободной рабочей силы. Местечки Правобережья Украины и бывшей „черты оседлости" растают как дым в лучах электрического солнца индустриализации. Не крупную индустрию надо тащить в эти поселения (не они являются ведущими), а их незанятую, исторически искусственно задерживавшуюся „в резерве", рабочую силу надо использовать в местах нового строительства мощной индустрии. Днепрострой, индустрия Криворожья лишь первые ласточки лишь первые возможности в этом отношении. Безработное население местечек, излишки перенаселенных округов Правобережья найдут производственное применение на гигантах Донугля, Югостали, Урала, Кузбасса, найдут себе применение на обобществленных пашнях Украины, Сибири ДВК уже в это пятилетие.

В связи с бурным темпом развития, принятым в контрольных цифрах на 1929/30 г., надо предвидеть рост рабочих, занятых в

промышленности в пятилетие не на 32%, как предлагалось в плане, а на величину, близкую к 60—70, может быть, даже 80% т.-е. на величину порядка 3 млн. чел., а во всем народном хозяйстве прирост занятых порядка 8 млн. чел. за пятилетие. Один только 1929/30 г. уже намечает прирост лиц занятых наемным трудом на 1.114 тыс. чел.

В Президиуме Госплана, на докладе по контрольным цифрам Украины, мы слыхали голос представителей УССР, которые говорили о недостатке рабочей силы на Украине, и, как это ни странно, при проработке контрольных цифр Украины в Союзном Госплане — ставили вопрос о переброске квалифицированной рабочей силы из других районов Союза в УССР. И это при наличии в УССР такого сгустка населения, как Правобережье Украины. Ставить вопрос о переброске на Правобережье рабочей силы — неправильная постановка вопроса. Избыточную рабочую силу этих сгустков населения УССР мы должны обучить, подготовить, должны создать рабочие кадры для использования не только в районах Украины, но и для переброски по всему Союзу, ибо, я полагаю, для украинского пролетария СССР является отечеством, независимо от того, где он будет работать, и думаю, что он будет чувствовать себя не хуже на местах нового крупного строительства, получая нормальную заработную плату и живя в условиях крупного социалистического производства, чем он чувствует себя сейчас, будучи безработным, или полузанятым в „родном“ городе, или местечке.

Мы явно выходим из полосы избыточности населения и входим в полосу недостатка рабочей силы. Голос Украины лишь первый симптом в этом отношении. Отсюда — проблема подготовки и социалистического распределения рабочей силы на территории СССР. Отсюда потребность в новом Наркомпросе и в новом Наркомтруде, в основательной их перестройке в соответствии с величайшими задачами реконструктивного периода.

Некоторые организационные проблемы районов

Затем, товарищи разрешите остановится еще на некоторых организационных проблемах, которые мы считаем своим долгом подчеркнуть в вашем сознании, в связи с порайонной проработкой и пятилетнего плана и контрольных цифр этого года. Дело в том, что при порайонной проработке сам метод мышления является другим, чем при проработке отраслевой. Здесь мы должны по необходимости прорабатывать комплекс явлений, складывающихся в отдельных районах; а эти пути мышления наталкивают на такие вопросы, которые не возникают у отраслевиков, у работников отдельных отраслей хозяйств, поскольку они идут по „вертикали“, и не рассматривают народное хозяйство в „горизонтальном“ сечении, в котором сочетание отдельных отраслей по каждому району составляет единое целое. Тут для нас становится совершенно ясной необходимость нового организационного подхода ко всей нашей народнохозяйственной деятельности. В этом году по этой части, хотя бы в порядке исследования, должны быть проделаны известные работы. Так, например, для нас становится совершенно ясным, что то, что делает сейчас Ленинград в части комбинирования металлопромышленности, абсолютно не было бы возможно при частно-капиталистическом строе и было бы невозможным у нас, если бы не было синтетического мышления в Ленинграде, в его областной Плановой комиссии и в его областных хозяйственных органах. Тот плодотворный результат, который даст Ленинград, как единое производственное целое, расположенное на небольшой территории, является великолепным образчиком того, в какой мере полезен и для других районов такой комплексный подход к народнохозяйственным явлениям.

Нас чрезвычайно порадовало и то, что мы услыхали от молодой Иваново-Вознесенской Плановой комиссии. Едва только область успела организоваться, едва успела приступить к работе, как уже метод комплексного мышления здесь сказался. В докладе о контрольных цифрах этого года по Иваново-Вознесенской Области товарищи поставили вопрос о необходимости об'единения текстильной промышленности, расположенной на ее территории в единый комбинат, в единый комплекс. Можно сказать, что, несмотря на то, что тут районирование шло несколько иначе, чем намечал первоначально Госплан, тем не менее в Ивановской области мы имеем, повидимому, удачный образчик такого районного комплекса. Товарищи ивановцы, об'единяющие у себя большую часть текстильной промышленности, расположенной на территории центрально-промышленного экономического района, сумели уже сейчас подойти к ней, как к комплексу и ставят вопрос об устранении встречных перевозок, устранении нелепостей администрирования рядом стоящих огромнейших предприятий одной и той же отрасли промышленности, не связанных вовсе друг с другом и сносящихся через Москву и т. д. и т. п. Для нас ясно, что разрешение тех вопросов, которые ставят ивановцы, бесспорно будет знаменовать собой рационализацию хозяйства в районе уже в широком смысле этого слова, рационализацию, которая несомненно приведет к соответствующему снижению себестоимости продукции текстильной промышленности, в итоге устранения тех дефектов, которые сейчас имеются. Между тем самая постановка вопроса об устранении этих дефектов стала возможна лишь благодаря комплексному, подходу к хозяйству края, благодаря иному, связанному с ним, методу мышления. Только благодаря этому методу Ивановской Плановой комиссии удалось обнаружить существующие дефекты.

Вы знаете, товарищи, что украинцы уже ставят правильно вопрос о внутреннем районировании Украины, вопрос об организационном оформлении таких хозяйственных комплексов, как, во-первых, Днепровский район, во-вторых, район Донбасса и, наконец, в-третьих, сел.-хоз. районы Украины.

С этой же точки зрения, мы сейчас усиленно подчеркиваем необходимость проработки проблем Урала как хозяйственного комбината. Размах работы на Урале настолько велик, что товарищи уральцы испытывают на себе колоссальную тяжесть этого гигантского строительства. Масштаб развертывания индустрии Урала требует новых потоков сил и организаторов, и специалистов на Урал. Необходимо всячески поддерживать и укреплять Урал в эти решающие годы его развития. Надо добиться во что бы то ни стало, чтобы Урал не отставал в отдельных частях развертывания своего хозяйства, чтобы с ним не случалось того, что происходит сейчас в области его электрификации, где мы недосчитываемся мощности порядка 150, а то и 200 тыс. *квт* к концу пятилетия, которые будут необходимы при запроектированном развертывании промышленности. Уже сейчас Урал испытывает трудности по линии энергетического снабжения. Нужно принять все необходимые меры, чтобы таких недочетов не было, а для этого в первую очередь необходим углубленный комплексный подход к проектировкам развития народного хозяйства края.

Сказанное о комплексном проектировании в огромной степени относится и к Кузбассу, и к другим районам.

Особо следует остановиться на экономическом районе, который организационно не имеет сейчас своего оформления, который территориально относится к трем образованиям: ДВК, Бурято-Монголии и Сибкраю и в котором по пятилетнему плану мы должны проектировать начало крупного индустриального строительства с таким расчетом, чтобы в начале следующего пятилетия (т.-е. теперь уже через 4 года) развернуть там гигантское строительство, гораздо более крупное, чем то, которое мы ведем в районе Днепростроя. Мы имеем в виду использование величайших запасов энергии реки Ангары и тех природных богатств, которые имеются в близком соседстве от нее. Залежи железных руд, пояс цветных металлов, который начинается в ДВК, идет через Бурято-Монголию, проходит затем через зарубежную Монголию и входит снова в пределы СССР в юго-восточном углу Сибирского края; богатства лесов Прибайкалья, минеральные ископаемые,— все это вместе с возможностями получения огромных количеств исключительно дешевой энергии (до 0,25 копза *квтч*) позволит нам развернуть здесь ряд производств, недоступных в других районах, и в первую очередь производство алюминия в масштабах, далеко превышающих все проектировки, которые имели место у нас до сих пор.

В огромных масштабах там должны быть поставлены: электроплавка чугуна, электролиз железа, ферросплавы, должны быть развернуты заводы азотных удобрений как для внутренних рынков, так и для экспорта, должна быть развернута синтетическая химия, получение нефти из бокхедовых углей Прибайкалья, поставлена переработка леса, животного сырья и т. д. и т. п.

Прибайкалье—будущий центрально-промышленный район всей восточной половины СССР. Все, что строится там сейчас: например, Петровский металлургический завод, десятитысяч-киловаттная станция в Иркутске, пробные установки по ожижению бокхедовых углей, цементный завод, стекольный завод, и т. д.,—все это мы рассматриваем как вспомогательные заводы для будущего гигантского строительства. Вы знаете, товарищи, с чего должен был начаться Днепрострой. Он должен был сначала построить маленькую вспомогательную электростанцию, прежде чем строить большую. Однако, эта вспомогательная станция Днепростроя около 10 тыс. *квт* сделала бы честь такому району, как, скажем, Средняя Волга. Эту десятитысяч-киловаттную станцию в Иркутске мы рассматриваем, именно как такую вспомогательную станцию, которая даст потом привод к Ангаре, к месту строительства крупной электростанции первой очереди. (Э. И. Квиринг: вы далеко смотрите).—Я согласен с тем, что мы смотрим далеко. Но нужно смотреть далеко для того, чтобы не пропустить то, что близко. А близко вот что: то строительство, которое развернуто по пятилетнему плану в Бурято-Монголии и прилегающих районах и которое начато в этом году,—оно является беспризорным. Бурято-монголы жалуются, что они не могут найти должного внимания в Союзных органах, что они должны обращаться за тысячи верст для того, чтобы получить ответ на те вопросы, которые должны разрешаться на их собственной территории. Они не находят себе общего языка с соседями для разрешения этих вопросов, потому что они представляют собой раздробленные на части куски. Взгляните на современные границы области. Территория Бурято-Монгольской республики разорвана на части. Отдельные округа Бурято-Монголии заброшены в другие края и выглядят островами на территории ДВК и Сибкрая. На этих „островах" бурято-монгол, сидя у себя дома, чувствует себя за-границей, так как он отрезан от своей области, от своего района.

Для основных же районов Сибкрая и ДВК углы Прибайкалья — это далекие задворки, для которых ни в Новосибирске, ни в Хабаровске, отстоящих от Байкала на 2—3 тыс. *км*, нехватает и не может хватить внимания. Тем более, это так при современных сибирских методах транспорта и связи, когда телеграмма из Новосибирска в Верхнеудинск идет несколько дней. При этих условиях идея руководства строительством в Прибайкальи из краевых центров Сибири и ДВК была бы подлинной бюрократической утопией.

Когда мы говорим, скажем, о необходимости использовать сырьевые ресурсы, животноводческие ресурсы края, то это разумеется обязывает нас к соответствующим действиям. И вот получается, что в Агинском округе Бурято-Монгольской республики расположены крупные животноводческие ресурсы. Экономически они неразрывно связаны со смежными скотоводческими районами русского казачьего населения Забайкалья. Все это вместе тяготеет

к Чите. Но административно они разорваны и никакое единство ни учета, ни планового использования этих ресурсов при таком организационном уровне края невозможно.

Контрольными цифрами 1929/30 г. намечено строительство трех мясо-хладобойно-консервных и утилизационных комбинатов для переработки животноводческого сырья: на ст. Оловянной, ст. Мысовской и в Култуке. Они должны использовать богатые животноводческие ресурсы как самой Бурято-Монголии, так и зарубежной Монголии и смежных округов ДВК. Насколько это важно сейчас как для ДВК, так и для вывоза в Европейскую часть СССР, говорить не приходится. И что же получается: комбинат на ст. Оловянная, использующий бурято-монгольское и монгольское сырье, оказывается стоящим на территории ДВК, хотя он и стоит в центре животноводческого бурято-монгольского района. Комбинат в Култуке стоит на берегу Байкала, но... в Сибкрае, в его крайнем юго-восточном углу. И вот скот пойдет из зарубежной Монголии, пройдет через территорию Бурято-Монголии, будет питаться ее фуражем, а перерабатываться будет в Сибкрае. По усам текло, а в рот не попало.

Или вот примеры со строительством двух сравнительно крупных об'ектов: Петровского металлургического завода и механизированного стекольного завода. Петровский завод строится не на основных железнорудных месторождениях, расположенных в Бурято-Монголии, а в стороне от них, ибо он строится хотя и в том же Прибайкалье, но на территории... ДВК. Это поведет к повышенной себестоимости металла, но зато завод будет стоять в ДВК!

В пятилетнем плане запроектирован в Бурято-Монголии механизированный завод оконного стекла. На берегу Байкала находятся знаменитые Голутвинские пески, исключительные по качеству материала для развертывания будущего стекольного завода, но они находятся на территории Сибкрая, а завод запроектирован в Бурято-Монголии. Как разрешить этот вопрос при существующих административно-организационных границах? А рядом, „острова" Бурято-Монголии, которые находятся на территории Сибкрая. Как разрешить вопрос об их экономическом развитии? Как проектировать их будущее развитие? При таких условиях у Бурято-Монголии опускаются руки, пропадает стимул к строительству.

Внимание Сибири приковано к Кузбассу, где развертывается грандиозное строительство. ДВК занят своими заботами. В итоги, край явно задерживается в своем развитии.

Радикальным выходом из этого положения может быть только завершение районирования, которое организационно спаяло бы Прибайкалье и открыло бы ему возможности нормального экономического развития.

Но время не ждет, и для того, чтобы не потерять темпа в подготовительных работах, мы ставим вопрос о создании Союзной организации для проведения комплексных разведок и проектировок

по этому району, по всем трем областям. Эти разведки и проектировки должны быть подчинены единой синтетической мысли, прорабатывающей и проектирующей будущее развитие индустрии в этом районе. Это необходимо начать уже в этом 1929/30 г.

На разведки и проектировки по этому комплексу в пятилетнем плане принято 15 млн. руб. Но как они будут осуществляться? Для нас совершенно ясно, что они будут т о р м о з и т ь с я, если не будет достигнуто соответствующего организационного закрепления. Мы считаем необходимым особо отметить, что и проектировки будущего крупного строительства в Прибайкальи и выполнение пятилетнего плана, и современная кон'юнктура восточного сектора СССР, как внутренняя, так и международная, усиленно подчеркивают необходимость внимательного отношения к этому вопросу.

Два слова о соседнем районе — ДВК. То обстоятельство, что он три года под ряд поражается стихийными бедствиями — ливнями исключительной силы, и наше недостаточно внимательное отношение к нему — привели к чрезвычайному повышению цен в этом районе, чрезвычайному вздорожанию жизни, ухудшению положения рабочего класса, к тому, что под удар поставлено выполнение по этому краю наметок пятилетнего плана. Между тем резрешение остро стоящей проблемы продовольственного снабжения этого края требует всего лишь 300 тыс. тонн хлеба и если эти 300 тыс. тонн хлеба будут туда поданы — атмосфера разрядится, положение в основном станет нормальным.

Нужно сказать, что события на КВЖД не отразились сколько-нибудь решающим образом на экономической жизни края; но на его хозяйственной жизни отражаются удары стихии, поразившей его в продукции хлебов; отражается и то, что при недороде хлеба в прошлом году мы не снабдили его в достаточной мере для потребления и для семян. В результате продовольственное положение там затруднительно, часть переселенцев с'ела свои семена и идет обратно Требуется особое внимание к этому району для того, чтобы выполнить контрольные цифры этого года и итти по пути пятилетнего плана.

Этот район требует того, чтобы о нем говорить особо. Правительственная комиссия, которая работает сейчас в ДВК, должна будет иметь главным последствием своих работ пересмотр нашего отношения к этому краю, неисчислимые богатства которого дают возможность получить от него гораздо больше, чем мы наметили в пятилетнем плане и чем мы предполагаем получить в будущем году.

Наконец, последний вопрос из возникающих у нас в связи с порайонной проработкой плана, который я хочу затронуть, — это вопрос о будущем новых городов. Урал, Кузбасс, Сибирь говорят нам о том, что строительство новых городов идет так бурно, что осуществляется в настоящее время стихийно, — никаких планов нет. То, что делается по Кузбассу, — достойно всяческих карикатур и юмористических рассказов. Преставитель Сибплана рассказывал нам

о „проспекте имени Семашко“ в Кузбассе. Я уже не буду повторять этого рассказа, но картина действительно совершенно юмористическая. Подобные картины говорят о том, что органы, регулирующие развитие городов, застигнуты врасплох. Они не ожидали наступившего бурного роста городов и совершенно к нему неподготовлены. Даже в тех редких случаях, когда строительство ведется в какой-либо мере планомерно, оно все же́ абсолютно не отвечает запросам будущих индустриальных гигантов и часто просто идет порча мест, вместо того, чтобы на чистом месте разбить великолепные города будущего социалистического хозяйства данного района. С точки зрения уже сравнительно недалекого будущего—10—15 лет—происходит совершенно нелепое, бесплановое строительство.

Кузнецк, я рискую это здесь сказать, может быть в будущем, выражаясь по-старому, будет столицей Сибири, ибо на территории Прокопьевского района сосредоточены богатства, равные угольным богатствам Донбасса, а территория эта около 20 *км* поперек. Место исключительное по качеству, великолепные леса, великолепная река, прекрасный здоровый климат, возвышенное место около—300 *м* над уровнем моря,—все условия для того, чтобы разбить великолепный город-сад—центральный город будущего гигантского индустриального района. И вместо этого мы имеем нуль в смысле проектировок и совершенно карикатурное строительство в действительности. (Тов. Циперович: А сколько этот нуль стоит?)—Очевидно, что-то стоит! замечание тов. Циперовича правильно. Не надо забывать, что за одно только пятилетие мы предполагаем израсходовать на строительство около 40 мрд. руб. (в ценах 1926/27 г.). Расходуя колоссальные народнохозяйственные ресурсы на строительство городов без плана, мы строим города, которые через 10—15, много, 20 лет нужно будет сносить, ибо они не будут отвечать элементарным требованиям будущего города.

Поэтому мы со всей силой выдвигаем проблему создания единого союзного центра, который занялся бы проектированием в ближайшее же время типа будущего индустриального города, типа будущего „города-деревни“ для районов, с преобладанием сельского хозяйства, наконец городов смешенного типа и, таким образом, дал бы возможность, если не совсем стандартно, то, применяясь к особенностям индустрии и особенностям географических, климатических и экономических условий каждого района, конкретизировать это строительство в каждом отдельном случае, имея общее представление о будущем развитии наших городов.

Здесь нужны новые идеи, новые люди, чтобы действительно предвосхитить устройство будущего социалистического города и дать такое строительство городов, которые не пришлось бы ломать и за которое наши дети не покрыли бы нас позором.

Современное Главное управление коммунального хозяйства не отвечает запросам, которые пред'являет к такому центру период реконструкции. Входит оно в Наркомат внутренних дел. Но что такое „внутренние дела“? Все относится к внутренним делам, за исключением того, чем ведает Наркоминдел. Промышленность не относится к внутренним делам? А сельское хозяйство—не внутреннее дело? Однако же они не входят в сферу компетенции Наркомвнудела. То, что по признаку исправдомов, кладбищ, записи актов гражданского состояния и надзора за чистотой, осуществляемого милицией, строительство городов попало в Наркомвнудел, является сейчас анахронизмом.

Нужно создать какой-то центр, который бы руководил этим гигантским строительством, повел это строительство по правильному пути, поставил бы его по промышленному, создав специальную отрасль машинной индустрии—строительство,—применив новейшие методы американской техники и с'экономив на этом деле миллиарды рублей.

Только при этих условиях сможем мы надлежащим образом и необходимыми темпами развернуть строительство и построить такие города, которые будут отвечать будущему нашего народного хозяйства.

М. И. Боголепов

Финансовый план 1929/30 года [1]

I

Финансовое планирование в пределах пятилетнего хозяйственного плана представляет значительные трудности. Эти трудности коренятся в общей установки общего хозяйственного плана, требующего в первые годы весьма значительных капитальных вложений с тем, чтобы впоследствии, в последние годы пятилетки, получить более высокий темп развития продукции, и, следовательно, финансов. Эта основная особенность пятилетнего хозяйственного плана приводит к тому, что максимум финансового напряжения, как и максимум организационных усилий, выпадает по преимуществу на второй год пятилетки. Поэтому нет ничего удивительного в том, что при разработке контрольных цифр на 1929/30 г. пришлось значительно превзойти наметки второго года пятилетнего плана и подыскать дополнительные ресурсы, при помощи которых можно было преодолеть указанную выше особенность пятилетнего плана.

При разработке контрольных цифр на 1929/30 г. выяснилось, что общая сумма финансовых ресурсов, привлекаемых к обслуживанию целей общего хозяйственного плана, составляет по счету нетто 18.277 млн. рублей. Эта сумма следующим образом распадается по отдельным источникам:

Бюджетная система	8.915	млн. руб.
Кредитная система	1.519	„ „
Средства хозорганов	3.791	„ „
Фубры	198	„ „
Соцстрах	1.236	„ „
Госстрах	385	„ „
Кооперативные паи	545	„ „
Фабзавуч	178	„ „
Самообложение	144	„ „
Общественные организации	435	„ „
Иностранный кредит	190	„ „
Прочие источники	741	„ „
	18 277	млн. руб.

Из общей суммы ресурсов финансового плана в $18^1/_4$ мрд. руб. плановому воздействию общего хозяйственного плана подвергаются 17 мрд. руб., так как около 1 мрд. руб. уходит на обслуживание внутренних целей и внутренних потребностей различных общественных и бюджетоподобных организаций, только частью своих ресурсов привлекаемых на служение общему хозяйственному плану. Таким образом, если сравнить контрольные цифры 1929/30 г. со вторым годом пятилетки, то обнаружится, что общий размер ресурсов финансового плана превосходит пятилетку на 3 мрд. руб., или на 21,1% больше второго года пятилетнего плана. Отсюда видно, что контрольные цифры 1929/30 г. по об'ему финансового плана совпадают с третьим годом пятилетнего плана, когда общий размер финансовых ресурсов плана определялся равным 17 млн. руб.

[1]) Литературно обработанный доклад на VI с'езде плановых органов.

Если рассмотреть детально количественное различие в отношении 1929/30 г. между пятилетним планом и контрольными цифрами, то окажется, что главнейшее повышение контрольных цифр выпадает, главным образом, на две основные системы — на бюджетную систему, дающую чистый прирост против второго года пятилетки в 1 мрд. руб., и на систему производственных финансов, равным образом превышающую пятилетний план на 1 мрд. руб.

Чрезвычайно характерной чертой контрольных цифр является значительное превышение приростом об'ема финансового плана общего прироста народного дохода в 1929/30 г. Народный доход дает прирост в 4 мрд. руб., между тем как финансовый план возрастает с 11,5 мрд. руб. прошлого года до 17,2 мрд. руб. 1929/30 г. Таким образом, народный доход дает прирост в 4 мрд. руб., а финансовый план в 5,7 мрд руб. Такое превышение не только поглощает весь прирост народного дохода, но одновременно захватывает те части народного дохода, которые в недавнем прошлом были вообще для финансового плана недосягаемы.

Это обстоятельство, подчеркивая напряженную финансовую мобилизацию народных хозяйственных ресурсов, вызванную стремлением преодолеть основные трудности общего хозяйственного пятилетнего плана, говорит о победоносном развитии обобществленного сектора народного хозяйства. Наконец, следует отметить также и то обстоятельство, что в 1929/30 г. финансовый план мобилизует 50,7% народного дохода.

Это — основные показатели финансового плана, самым наглядным образом отражающие глубокие процессы, видоизменяющие экономическую и социальную структуру СССР.

Напряженность плана финансовой мобилизации легко можно увидеть из того, что в контрольных цифрах 1929/30 г. переход отдельных сумм из одного частного финансового плана в другой делается более обильным и интенсивным, нежели это было в предшествующем году.

Если обозреть всю совокупность отдельных финансовых планов, то легко заметить, что около 2,5 мрд. руб. переходит из плана в план. Это составляет 13% от всего финансового плана. Такое повышение мобильности финансовых ресурсов является несомненным доказательством того, что финансовое обслуживание задач общего

хозяйственного плана в 1929/30 г. будет происходить с более строгим и более точным учетом всех финансовых ресурсов. Финансовому плану удалось почти полностью вскрыть взаимные финансовые связи отдельных хозяйственных отраслей. Вскрывая эти связи, финансовый план наметил систему мероприятий, которые не только воздействуют на эти финансовые связи отдельных планов, но усиливают их там, где это нужно по соображениям интересов планового хозяйства.

Необходимость такого маневра легко можно видеть на целом ряде примеров, из которых мы приведем наиболее характерные.

Подсчет финансовых ресурсов всей кооперативной системы определил для 1929/30 г. общую сумму в 1,271 мрд. руб., между тем планы той же самой кооперации дают расходную сумму в 994 млн. руб. Таким образом, по кооперативному финансовому плану мы имеем превышение доходов над расходами, равное 277 млн. руб. При таком положении вещей сам собой вытекает финансовый маневр, который перекидывает средства из кооперативной системы в другие отрасли народного хозяйства.

Можно указать еще на один пример. Значительная прибыль образуется в пределах местной промышленности и, после удовлетворения плановых потребностей этой промышленности, остается значительная сумма приблизительно в размере 300—400 млн. руб., которая, вероятно не без затруднений, но с большой пользой для общего промышленного плана, переброшена на питание тяжелой индустрии.

Количественную картину расходного финансового плана 1929/30 г. можно представить в следующей таблице:

	1928/29 г.	1929/30 г.	+	В %
Бюджетная система	6,4	8,6	2,2	34,4
Кредитная „	0,8	1,7	0,9	—
Соцстрах	1,1	1,2	0,1	—
Финансы производств. организаций . .	2,4	4,1	1,7	70,8
Прочие ресурсы	0,7	1,6	0,9	—
Всего . . .	11,4	17,2	5,8	50,8

Эта таблица показывает, что бюджетная система нетто дает прирост в 34%, а система финансов производственных организаций дает прирост почти в 71% при общем росте всех ресурсов на 50,8%. Эти соотношения превосходно рисуют в намеченном плане процесс растворения финансов старого типа в народном хозяйстве нового типа.

При построении финансового плана на пять лет было уже указано, что наиболее характерной чертой финансовой системы Союза ССР будет более быстрый рост финансов производственных организаций. Это вполне естественно, так как указанный рост будет прямым результатом больших напряженных усилий бюджетного хозяйства по наполнению производственных организаций дополнительными ресурсами. При построении пятилетнего плана мы предвидели наиболее ясное выражение этого процесса в конце пятилетнего плана, но, благодаря успешному завершению первого года пятилетки и нащупыванию обещающих перспектив второго года, процесс растворения финансов старого типа не только стал заметен уже на втором году плана, но получает здесь ярко выраженный характер.

На почве этого факта самым очевидным образом встает перед нами задача общей реконструкции системы финансов, которая должна учесть происходящие изменения и перестроить финансовую организацию на новых началах.

Другой наиболее характерной чертой финансового плана 1929/30 г. является соотношение собственных средств в той или иной отрасли промышленности и бюджетных средств, притекающих в эту отрасль. Это соотношение для двух лет можно представить в следующей таблице (в %%):

	1928/29 г.		1929/30 г.	
	Собств. сред.	Бюдж. сред.	Собств. сред.	Бюдж. сред.
Сельское хозяйство	21,5	46,5	32,6	40
Промышленность	30,0	40,6	45	37
Транспорт и связь	60	33,6	63	29

Таблица показывает, что на протяжении двух лет совершается более быстрый рост собственных ресурсов в наиболее важных хозяйственных планах, в особенности в промышленности, и одновременно понижение удельного веса бюджетных средств. Из этого факта с неизбежной логикой вытекает другая задача для финансовой политики. Эта задача сводится к рационализации финансовой структуры каждой отдельной отрасли народного хозяйства. Если внутренние финансовые ресурсы отдельных отраслей народного хозяйства неуклонно и быстро приобретают более высокий удельный вес, а потому и более важное практическое значение, то само-собой понятно, что финансовая структура отраслевого хозяйства должна быть облечена в такую четкую форму, которая не только не затруднила бы финансовое планирование, но помогала бы ему так же, как это делает строгая и совершенно отчетливая структура бюджета.

Интересно отметить, что даже в таких отраслевых планах, как план сельского хозяйства, бюджет в 1929/30 г. склонен отступить на второй план, т.-е. в такое время, когда бюджетные ассигнования на сельское хозяйство растут особенно интенсивно, увеличиваясь на 81% против предшествующего года. Характерно также и то, что опережающий рост производственных финансов имеет место при необычайном росте самого бюджета.

Поэтому необходимо раскрыть внутренний смысл данного явления и извлечь из этого факта все необходимые финансово-политические и плановые выводы.

Мы можем сказать, что государственный бюджет начинает уже в 1929/30 г. пожинать свои посевы: его дрожжи бурно поднимают тесто здорового народного хозяйства, и потому его удельный вес начинает отступать перед ресурсами отраслевого хозяйства. Но такое отступание бюджета отнюдь не означает понижения его значения в общей системе финансового плана. Наоборот, напряженность бюджета не только не ослабевает, но усиливается; но она вызывается в данное время несколько иными причинами, чем это было два-три года тому назад. В настоящий момент бюджет видит свою задачу, главным образом, в том, чтобы свои дополнительные ресурсы направлять в наиболее отстающие по темпу развития отрасли народного хозяйства и в наиболее отсталые области социально-культурной жизни.

II

Переходя к оценке финансового плана 1929/30 г., прежде всего следует отметить, что этот план составлен для такого года, который в системе пятилетнего плана должен быть назван критическим годом. Это название можно дать 1929/30 г. потому, что, именно, в этом году, как было сказано в начале статьи, мы ожидаем зенита напряженности как общехозяйственного, так и финансового планов.

К показателям напряженности, о которых было уже сказано, можно добавить еще два, наиболее ярких и красноречиво говорящих. Один из этих показателей заключается в том, что для 1929/30 г. общий прирост государственного бюджета запроектирован в 31,1%. Другой показатель заключается в промфинплане, который, наметивши 11% снижения себестоимости промышленной продукции, все эти 11% полным рублем записывает в свой финансовый план. Таким образом, необычайно высокий рост бюджета, напоминающий нам о лучших годах восстановительного процесса, и полный учет всех возможных ресурсов промфинплана дают финансовой политике те задания, которые по своей ответственности и по своим размерам не могут не вызвать напряжения финансовой системы на протяжении всего года.

Нет сомнений, что в этом задании заключается известный риск, который нужно строго учесть и быть готовым и к тому, чтобы во всякое время иметь в запасе необходимые меры для предотвращения того или иного прорыва.

Само собой разумеется, что наилучшим средством для избежания возможного риска было бы наличие в плане свободных резервов, страхующих реальность финансового плана. Но в наших проектировках свободные резервы учтены в скромных размерах, что, собственно говоря, и создает напряженность всего плана.

Нужно иметь в виду, что возможные прорывы в финансовом плане могут повести к трем последствиям. Они, во-первых, могут

заставить нас принять такие финансовые меры, которые по необходимости повысят цены и, таким образом, столкнутся с общей установкой хозяйственного плана, предусматривающего известное снижение цен. Во-вторых, эти прорывы могут заставить нас в течение года сократить отдельные хозяйственные планы и, таким образом, несколько видоизменить общую концепцию и структуру общего хозяйственного плана. И, наконец, в-третьих, эти прорывы могут принудить к излишней, дополнительной против намеченной планом, эмиссии. Поэтому, признавая план 1929/30 г. напряженным, следует считаться с тем, что он во всех направлениях и во всех отношениях приближен к возможным лимитам и пределам, переход за которые был бы или рискованным, или бесполезным.

Основные черты финансового плана можно особенно ярко наблюдать при анализе главных оперативных планов, при помощи которых будет выполняться общий финансовый план.

Остановимся в немногих словах на бюджетном плане 1929/30 г.

Бюджетный план 1929/30 г. составлен в сумме 10,406 мрд. руб. Сравнивая эту сумму с предполагаемым исполнением бюджета предшествующего года (7,940), мы видим, что запроектированный бюджет вырастает на 31,1%. В этой проектировке следует отметить два факта.

Бюджет 1929/30 г. прежде всего растет своим естественным ростом, подчиняясь общему ходу развития хозяйственной жизни. Этот естественный рост государственного бюджета можно оценить в 18.5%. Но кроме этого естественного роста, бюджетный план 1929/30 г. предусмаривает ряд таких мероприятий, при помощи которых общие размеры бюджета повысятся еще на 1 мрд. руб., что в общем результате и дает рост брутто-бюджета на 31,1%. Такое сильное возрастание бюджета естественным образом выражается в том, что отношение государственного бюджета брутто к общей массе народного дохода повысится с 26.5% в 1928/29 г. до 30,8% в 1929/30 г. Если же взять бюджет 1929/30 г. без миллиарда дополнительных изъятий, то его отношение к народному доходу определится в 27,8%. Если же взять нетто-бюджет 1929/30 г., то окажется, что возрастание нетто-бюджета составит 38,3%. Сравнивая запроектированный бюджет с бюджетом второго года пятилетки, мы видим, что он вырастает против наметок пятилетнего плана на 1, 228 мрд. руб. и главное возрастание в этом сравнении приходится как-раз на налоговые изъятия, что вполне соответствует характеру тех мероприятий, при помощи которых в 1929/30 г. дополнительно будет изъято около миллиарда рублей. Если же мы сравним бюджет 1929/30 г. с его предшественником, то окажется, что его прирост в абсолютной сумме даст 2,581 мрд. руб. Следующая таблица покажет подробно различие между бюджетом 1929/30 г. и бюджетом второго года пятилетки, а также бюджетом 1928/29 г.

Прирост бюджета 1929/30 г. против второго года пятилетнего плана

Налоги	523	млн. руб.
Неподатные доходы	114,5	„ „
Займы	221,5	„ „
Транспорт	338	„ „
Связь	31	„ „
Всего	1.228	млн. руб.

Против исполненного бюджета 1928/29 г.

Налоги	1.313,5	млн. руб.
Неподатные доходы	406,0	„ „
Займы	400,0	„ „
Транспорт	415.5	„ „
Связь	46,0	„ „
Всего	2.581	млн. руб.

В этой таблице наиболее интересна цифра 2,5 мрд. руб., которая, как было сказано выше, распадается на две части: 1,5 мрд. руб. естественного прироста и 1 мрд. руб. дополнительных из'ятий. Естественный прирост в 1,5 мрд. руб., основанный на анализе общего роста народного дохода, развития сельского хозяйства и промышленной продукции и проверенный анализом доходных поступлений предшествующего года, не возбуждает никаких сомнений. Эти деньги можно принять за считанные 1 мрд. руб. дополнительных из'ятий распадается на следующие цифры:

Единый сель.-хоз. налог	—55	млн. руб.
Промналог	260	„ „
Подоходный налог	35	„ „
Др. налоги	192	„ „
Акцизы	183	„ „
Таможенный доход	52	„ „
Неподатные доходы	194	„ „
Займы	140	„ „
Всего	1.001	млн. руб.

Для того, чтобы извлечь этот миллиард, необходим целый комплекс мероприятий, который обеспечит эти дополнительные из'ятия. Кроме того, необходимо эти мероприятия связать с общей реконструкцией финансовой системы, чтобы одновременно достигнуть двух целей, ведущих к реализации одного и того же плана.

Характерным представляется показатель движения доходов от единого сел.-хоз. налога. Этот доход для 1929/30 г. предусмотрен на 55 млн. руб. меньше, чем в предшествующем году (430—375). Это—единственный бюджетный источник, который стоит совершенно особняком среди всех других растущих источников. Единый сел.-хоз. налог для первых лет пятилетки декретирован в связи с особыми задачами в области сельского хозяйства. Но в свете изменившейся кон'юнктуры сельского хозяйства и сельского населения, по нашему мнению, наблюдается некоторое расхождение между установкой по

единому сел.-хоз. налогу и складывающимися отношениями в деревне. Достаточно указать на то, что с каждым годом, по мере дальнейшего развития процесса индустриализации, вызывающего колоссальные ассигнования на капитальное строительство, неземледельческие заработки крестьян в городе начинают расти особенно быстрым темпом. Можно указать на то, что в 1929/30 г. земледельческие доходы населения увеличиваются на 4%, а неземледельческие заработки вырастают на 20%. Между тем в едином сел.-хоз. налоге поступления от обложения неземледельческих заработков крестьян не превышает по своему удельному весу 15%. Такая диспропорция в развитии крестьянского прямого обложения и роста их экономических ресурсов никоим образом не устраняется тем, что для 1929/30 г. самообложение запроектировано в 144 млн. руб., а страховые платежи в 223 млн. руб. Единственным коррективом в данном случае может послужить лишь повышенная программа займов в деревне.

Отсутствие какого-либо прироста по единому сел.-хоз. налогу, равным образом, стоит в противоречии также и с повысившимися сел.-хоз. ценами. Здесь же попутно следует отметить и то неудобство, которое вытекает из стабилизации сел.-хоз. налога для местного бюджета, в котором поступления от единого сел.-хоз. налога играют значительную роль. Отсутствие роста такого налога при наличии в местном хозяйстве растущих задач по необходимости ставит систему местных финансов в довольно трудное положение.

Главное устремление финансовой политики по из'ятию дополнительного миллиарда направлено по линии промыслового налога. Здесь попутно можно привести некоторые данные, которые дадут достаточное освещение намечаемой податной политики.

Податные из'ятия в расчете на одну душу населения составляли в 1925/26 г. 15 руб., в 1928/29 г.—27 руб., а для 1929/30 г. они намечены в размере 35 руб. Но в то же время свободный остаток дохода на одну душу населения составлял в 1925/26 г. 132 руб. в 1928/29 г.—166 руб., а в 1929/30 г.—179 руб. Следовательно, при одновременном усилении роста податных из'ятий свободный остаток дохода неизменно растет. Таким образом, более энергичная податная политика является экономически обоснованной.

В области промыслового налога план 1929/30 г. прежде всего строится на применении принципа однократного обложения. Этот принцип знаменует собой начало серьезной рационализации налогов. Кроме перехода к однократному обложению в области промыслового налога, одновременно делается опыт обложения торгово-промышленного оборота по масштабу оборотов текущего года, между тем как во все предыдущие годы это обложение совершалось по масштабу оборотов прошедшего года. Необходимость этой реформы диктуется соображением о том, что при особенно быстром из года в год росте товарооборота удержание старого масштаба промыслового обложения

означало бы значительное неиспользование всех финансовых возможностей. При проектировке промыслового налога на 1929/30 г. переход к обложению по текущему обороту дает дополнительные ресурсы в размере до 200 млн. руб.

Реформа промыслового налога в сторону однократного обложения и обложение оборота текущего года создают весьма удобную почву для реформы акцизного дохода. Характерной чертой акциза является однократное обложение продукции по размерам производства текущего года. Поэтому промысловый налог, преобразованный на указанных началах, технически почти отождествляется с акцизным налогом. Это отождествление делает весьма легким переход от одной формы обложения к другой. Такой переход был уже испробован в виде опыта в конце 1928/29 г., когда акциз на ткани был преобразован в промысловый налог.

Известно, что для взимания налогов по акцизной системе необходимы два существенных условия. Перое условие заключается в том, что должны быть выбраны предметы потребления широкого спроса. Второе условие заключается в том, чтобы акцизное производство было по возможности сконцентрировано на немногих предприятиях, что удешевляет издержки взимания.

В настоящее время акцизная система облагает 13 видов товаров. Если принять во внимание первое условие акцизного обложения, то не трудно будет понять, почему эти 13 товаров почти целиком входят в состав так называемого бюджетного набора. Отсюда ясно, что технически весьма совершенное обложение социально-политически не могло быть удовлетворительным, так как миллиардная масса акцизного дохода всей своей тяжестью падает на весьма ограниченное количество товаров. После реформы промыслового налога является в высшей степени целесообразным разгрузить предметы бюджетного набора от акцизного обложения и то, что раньше падало на 13 товаров, распределить в той или иной пропорции, сообразуясь с социальной значимостью отдельных товаров, на 113, а может быть и на 213 отдельных товаров. Вследствие такой реформы экономическая база податного дохода нисколько не ослабеет, а, наоборот, можно ожидать дальнейшего укрепления ее, а с точки зрения социального эффекта эта реформа будет приемлемее для социалистического государства, нежели акцизная система старого типа.

Из отдельных акцизов остановимся лишь на акцизе за водку. Общая программа реализации водки в 1929/30 г. должна составить 5.043 тыс. гектолитров против 5.289 тыс. гектолитров прошедшего года. Таким образом, контрольные цифры, 1929/30 г. выдерживают указание пятилетнего плана. Из этих 5,043 тыс. гектолитров 1.353 тыс. будет продано в городе и 3.690 тыс. в селе. Для того, чтобы полностью использовать финансовый эффект этого вида дохода, контрольные цифры предполагали поднять цены столового вина на 4 руб. с 12,3 литра и простого — на 2 руб.

С'езд Госпланов, обсуждавший контрольные цифры 1929/30 г., пошел в этом направлении дальше. Он запроектировал поднять цены на столовое вино на 6 руб., с 12,3 литра и на простое на 3 руб. с 12,3 литра что по подсчетам с'езда должно давать дополнительный доход в размере 50 млн. руб. Равным образом, как Союзный Госплан, так и с'езд Госпланов запроектировали повышение акциза на пиво, что должно дать дополнительных 15 млн. руб. В отношении водки повышение акцизной ставки запроектировано в несколько большем размере, нежели повышение отпусных цен. Это мероприятие допущено для того, чтобы таким маневром из'ять часть прибыли Центроспирта, получающейся вследствие намеченного снижения себестоимости производства.

Из других проблем доходного бюджета 1929/30 г. следует остановиться на плане значительного повышения доходов от государственной и кооперативной торговли. Уже в прошедшем году был сделан опыт продажи некоторых товаров по двойным ценам для того, чтобы удовлетворить повышенный спрос потребителя на предметы, ограниченные лимитами нормировочного снабжения. На будущий год этот опыт в фискальных целях нужно будет расширить. Предположено реализовать по двойным ценам целый ряд товаров, находящих себе повышенный спрос на рынке и, таким образом, обеспечить дополнительный доход в пределах 170 — 300 млн. руб. Разница этих предельных цифр обусловлена различием в списке и количестве тех товаров, которые будут продаваться по двойной цене.

Наиболее сложной и трудной задачей доходного бюджета является прежде всего займы. При анализе займовой практики последнего времени обнаружилось, что широко практиковавшийся способ извлечения запасных капиталов государственных и кооперативных предприятий при помощи 8% займа приводит к достаточно сложной бухгалтерии. Между тем одной из задач финансовой реконструкции и рационализации является возможное упрощение всей финансовой механики. Между прочим предполагается в недалеком будущем провести так называемую унификацию всех платежей промышленности в бюджет. На почве этого стремления появилась мысль отказаться от системы 8% займа, как средства из'ятия резервных капиталов. Контрольные цифры 1929/30 г. уже учитывают этот маневр и переводят то, что ранее изымалось при помощи 8% займа, в разряд неподатных доходов бюджета, получаемых в результате из'ятия бюджетом промышленных и торговых прибылей. Этот переход, во-первых, сокращает размеры общей займовой программы; во-вторых, устраняет излишнее мажорирование государственного долга и, в-третьих, устраняет ненужные расходы по оплате и по погашению 8% займа. Таким образом, займовая программа в контрольных цифрах представляет собой чистые цифры, характеризующие действительное из'ятие, при помощи займов, ресурсов одного сектора другим. Общая программа займов 1929/30 г. запроектирована в сумме 1,250 мрд. руб.

Бюджет записывает себе в качестве выручки по этой программе 950 млн. руб. Разница между этими цифрами в 300 млн. руб. представляет собой запроектированные размеры возможного сброса займов населением. По программе население должно дать в 1929/30 г. займов на 950 млн. руб. Скидывая с этой суммы сброс, мы получим бюджетную выручку в 650 млн. руб., а остальная сумма приходится на долю сберегательных касс (210 млн. руб.) и кооперации (90 млн. руб.). В займовой программе наиболее трудным пунктом является расчет на извлечение 250 млн. руб. из деревни. Экономически такой рассчет совершенно оправдан. Он превосходно укладывается в систему баланса спроса и предложения, но технически распространение столь крупной суммы займов в деревне, превышающей программу прошлого года на 195%, представляет собой задачу величайшей трудности, и эта задача потребует не только от финансового, но и от всего советского аппарата и всей советской общественности больших усилий и напряжения.

С'езд Госпланов, обсудив программу государственных займов 1929/30 г., не только признал ее необходимой и возможной для осуществления, но добавил, сюда еще 75 млн. руб., предполагается, что дополнительные 75 млн. руб., равным образом, должны быть размещены среди деревенского населения. Таким образом, с'езд Госпланов еще более подчеркивает необходимость широкой работы среди деревни. Равным образом, с'езд Госпланов постановил следующее: прибавляя к расчетам Госплана 10 млн. руб. по промысловому налогу, с'езд подчеркивает, что в будущем году работа органов Наркомфина во взимании налогов должна быть особенно активной и поэтому к предложенным Союзным Госпланом 40 млн. руб. за счет более энергичной работы органов Наркомфина с'езд присоединил на тех же основаниях 10 млн. руб.

Следует здесь сказать два слова о 90 млн. займе у кооперации. Необходимость этого займа об'ясняется тем соотношением расхода и дохода кооперативного плана, о котором было сказано выше. Мы находим, что займовый метод из'ятия в данных условиях является наиболее целесообразным.

III

Обращаясь к расходной стороне единого государственного бюджета, нужно сказать, что прирост нетто-бюджета составит 2.004 мрд. руб. Эти 2 мрд. руб. направляются расходным бюджетом по следующим адресам: на финансирование народного хозяйства из бюджетного прироста направляется 1.148 млн. руб. или 57,4% всего прироста бюджета, при чем на сельское хозяйство из этой суммы будет направлено 282 млн. руб. и на промышленность 355 млн. руб. Таким образом, приведенные цифры обнаруживают совершенно ясно и наглядно главное устремление бюджета к всемерному обслуживанию индустриализации народного хозяйства. Социально-культурные

расходы поглощают из 2 мрд. руб. прироста 176 млн. руб. или 9%. Очень скромная доля социально-культурных доходов в этом приросте об'ясняется тем, что социально-культурная программа свое главное удовлетворение находит по линии местных финансов. Местные же финансы получают из общего прироста государственно-бюджетных ресурсов 396 млн. руб. или 20% прироста государственных бюджетных средств. Наиболее скромную порцию из всего прироста бюджетных ресурсов получают общегосударственные расходы в том числе и оборона. На их долю из 2 мрд. руб. выпадает 165 млн. рублей или 8%.

В дальнейшем изложении мы остановимся только на тех расходах единого госбюджета, при помощи которых наполняются ресурсами отдельные отрасли народного хозяйства.

План бюджетного финансирования народного хозяйства в 1929/30 г. представлен в следующей таблице:

Финансирование народного хозяйства (млн. руб.)

	1928/29 г.	Контрольные цифры 1929/30 г.	Разность	Второй год пятилетки	Контр. цифры против 5-летн. плана
Сельское хозяйство	348	630	282	353	277
Водное хозяйство	39	120	81	65	55
Промышленность	970	1.325	355	1.090	235
Заем хозяйств. восстановления	28	65	37	62	3
Электрификация	186	300	114	225	75
Торговля и кооперация	270	350	80	272	78
Центр. Коммунальный Банк	62	150	88	100	50
Транспорт	770	1.204	434	1.018	186
Связь	49	79	30	57	22
Прочие	89,3	49	— 40	62	— 13
Всего	2.811,3	4.272	1.461	3.310	962

Интересно отметить, что второй год пятилетнего плана намечал повышение расходов по финансированию народного хозяйства против первого года в размере 499 млн. руб. Контрольные же цифры 1929/30 г. эту наметку пятилетнего плана почти утраивают и дают увеличение данного расхода на 1,461 мрд. руб. Таким образом, 1 мрд. руб. дополнительных бюджетных из'ятий уходит целикои на увеличение ассигнований по финансированию народного хозяйства.

Необычайно сильное увеличение бюджетных расходов на финансирование народного хозяйства приводит к тому, что сальдо расчетов между бюджетом и промышленностью сильно изменяется против наметки второго года пятилетки в пользу промышленности.

Необычайно сильное увеличение финансирования ставит на очередь вопрос о внутренних соотношениях в системе единого государственного бюджета.

Так как главное наростание в области бюджета идет по линии финансирования отдельных хозяйственных планов, то разумеется,

по этой причине растут расходные бюджеты как Союза, так и союзных республик. Старые рамки бюджетов союзных республик при наличии новых увеличенных хозяйственных планов приводят к тому, что союзные республики в 1929/30 г. по необходимости сталкиваются с большими дефицитами. Республики планируют свои бюджетные доходы, считая по старым нормам, а расходы они предусматривают на основании новых планов. Поэтому в их бюджетах появились

Баланс расчетов промышленности и государственного бюджета (млн. руб.)

	1928/29 г.	1929/30 г.
Изъятия:		
Подоходный налог	76	104
Отчисления прибылей	303	433
„ резервных капиталов	138	142
Всего:	517	679
Расходы бюджета на промышленность	850	1.150
А. Сальдо в пользу промышленности	333	471
Расходы по финансированию промэкспорта	100	120
„ по электрификации	186	300
„ на другие виды промышленности	120	175
Б. Полное сальдо в пользу промышленности	739	1.066

огромные дефициты, в общей сложности превышающие 500 млн. руб. Естественно, когда республики пересчитают свои доходы на основании мероприятий Госплана, обеспечивающих дальнейшие бюджетные изъятия в 1 мрд. руб., то их дефициты значительно сократятся, но совершенно они не исчезнут.

Для покрытия этих дефицитов можно применить два метода.

Первый метод мог бы свестись к тому, чтобы те расходы или часть расходов, которые вызываются расширением программы финансирования отдельных отраслей народного хозяйства, принять на общий союзный счет.

Второй метод мог бы заключаться в том, чтобы часть союзных ресурсов временно, впредь до пересмотра закона о бюджетных правах союзных республик, была передана в распоряжение союзных республик.

Из этих двух методов покрытия дефицитов союзных республик второй метод лучше. Он гарантирует более точное отражение бюджетами союзных республик отдельных сторон их хозяйственной жизни и их хозяйственных планов.

Этот пример с бюджетами союзных республик лучше всего выражает необходимость принципиального пересмотра закона о бюджетных правах. Этот пересмотр должен дать как количественные изменения в структуре единого государственного бюджета, так и

качественные его изменения, которые будут продиктованы проведением широкой программы реконструкции и рационализации всей финансовой системы.

Говоря о бюджете союзных республик, следует вспомнить об обширной области местных финансов. Местные финансы тесно и органически связаны с единым государственным бюджетом, а всего более с бюджетами союзных республик. Поэтому, когда речь заходит о реформе закона о бюджетных правах Союза и союзных республик, то одновременно нельзя не коснуться вопроса о пересмотре положения о местных финансах.

Нам думается, что вопрос о реформе отношений между Союзом и союзными республиками должен самым тесным образом сплестись с вопросом о пересмотре системы местных финансов не только с точки зрения увеличения доходов местных финансов, как это мыслилось совсем недавно, а, главным образом, с точки зрения большей согласованности отношений между тремя бюджетными сферами на почве осуществления задач пятилетнего плана. Кроме того, произведенное районирование всего Союза, равным образом, подчеркивает неизбежную необходимость пересмотра всей конструкции местных и республиканских финансов.

Современное положение местных финансов представляется в достаточно удовлетворительном виде. В 1928/29 г. в области местных финансов целиком был выполнен тот план, который был намечен контрольными цифрами соответствующего года. Но присматриваясь к отдельным частям местных финансов и к отдельным районам, мы наблюдаем, что в некоторых местах при количественном выполнении всего плана наблюдаются качественные осечки. Кроме того, в плане строительства в области школ и в других культурных областях, ведаемых местным бюджетом, мы наблюдаем частичное не выполнение плана, потому что силы и средства местного бюджета оказались в отдельных пунктах страны бессильными перед напряженностью положения. Общая финансовая система идет на помощь местному бюджету, и эта помощь идет по трем направлениям. Прежде всего, местный бюджет получает от государственного бюджета целевые ссуды, или так называемые субвенции. Второй метод заключается в том, что государственный бюджет просто на-просто покрывает дефициты отдельных местных бюджетов в форме так называемых бюджетных дотаций. И, наконец, третий метод заключается в том, что союзные республики за счет ресурсов местного бюджета образуют фонды регулирования. За счет их они пополняют дефициты наиболее отсталых районов.

Но совокупность всех этих трех методов в 1928/29 г. не смогла все-таки устранить некоторые перебои в выполнении намеченного плана в области местного строительства.

Это одно обстоятельство уже подчеркивает лишний раз необходимость пересмотра всей системы местных финансов. Местный

бюджет играет огромную роль в жизни СССР. На местный бюджет возложено ответственное задание обслуживания социально-культурных потребностей страны. Это можно видеть из следующей таблицы, которая рисует картину удовлетворения социально-культурных потребностей за счет государственного и местного бюджетов.

Социально-культурные расходы (в млн. руб).

	Гос. бюджет	Местный бюджет	Всего
1928/29 г.	461	1.024	1.485
1929/30 г.	637	1.393	2.030
	+176	+369	+545

Таблица показывает, что общий план в области социально-культурных расходов повышается на 545 млн. руб., что дает прирост в 36,8%. Таким образом, удовлетворение социально-культурных потребностей в 1929/30 г. дает более высокий процент прироста, нежели общий прирост бюджетных ресурсов по свободному бюджету (34,5%). Итти дальше этих наметок трудно, так как местный бюджет, помимо социально-культурных расходов, обязан производить целый ряд других расходов, равным образом, имеющих большой удельный вес в жизни страны. Напряженность по линии социально-культурных потребностей угрожает тем, что потребности коммунального хозяйства и внешнего благоустройства городских поселений могли бы существенно пострадать и отстать об общего хода экономической жизни и от тех задач, которые, главным образом, ставит городам быстро развертывающийся темп индустриализации.

Подводя итоги всему сказанному, мы можем в заключение привести сводную таблицу расходов финансового плана, которая отчетливо и ясно покажет направление всех финансовых ресурсов по отдельным участкам хозяйственного и социально-культурного фронтов.

Финансовый план — нетто

	1928/29 г.		1929/30 г.		Прирост в %
	млн. руб.	удельный вес	млн. руб.	удельный вес	
Сельское хозяйство, лесное хозяйство и ирригация	1.207	10,7	2.724	15,9	125,0
Промышленность и электрификация	2.917	25,7	4.127	24,0	42,0
Транспорт и связь	1.172	10,4	1.784	10,4	53,0
Торговля и кредит	575	5,1	894	5,2	56,0
Коммунальное и жилищное хозяйство	716	6,3	1.213	7,1	70,0
Прочие отрасли народного хозяйства	360	3,2	972	5,7	170,0
Итого . . .	7.032	61,4	11.724	67,5	67,0
Социально-культурные потребности	2.753	24,0	3.772	21,9	37,0
Общегосударственные расходы .	1.662	14,6	1.712	9,9	6,0
Всего . . .	11.447	100,0	17.208	100,0	50,0

Группа отраслевых народнохозяйственных планов и по удельному весу в общем финансовом плане, и по размеру прироста в 1929/30 г. получает еще более видную и быстро растущую позицию.

IV

В заключение нашего очерка, по необходимости, из-за обилия материала, несколько схематичного, мы остановимся на кредитном плане.

В общем кредитном плане наиболее интересной частью является план краткосрочного кредита. В этом плане наиболее наглядно скрещиваются взаимные связи и отношения основных частей советской финансовой системы. Содержание этого же плана определяет размеры необходимой эмиссии свежих денег.

Центральной задачей государственного банка в области активной кредитной политики за последние годы является финансирование и контрактация сел.-хоз. продукции (хлеб и сырье). Довольно быстро растет финансирование государственной торговли, по преимуществу внешней. Кредитование промышленности, не считая заготовок сел.-хоз. сырья для промышленности, остается в ограниченных рамках, так как проблема оборотных средств промышленности решается по линии государственного бюджета и мобилизации внутренних ресурсов самой промышленности. Эти основные тенденции нашли отражение и в кредитном плане на 1929/30 г. Общий об'ем средств, потребных государственному банку в 1929/30 г., определяется в 770 млн. руб., не считая необходимого планового резерва и фонда для приобретения валютных ценностей. Указанные 770 млн. рублей следующим образом распределятся по отдельным отраслям народного хозяйства:

Контрактация и закупка хлеба и сел.-хоз. сырья . .	375 млн. руб.		48,6%
Кредитование промышленности	190	„	„ 24,8%
„ торговли	160	„	„ 20,7%
„ кооперации	45	„	„ 5,9%

Значительное оздоровление и увеличение оборотных средств промышленности, а также быстрый рост кооперативных ресурсов вследствие активной паевой кампании приводят к тому, что при росте товарооборота на 26% и промышленной продукции на 22%, прирост краткосрочного кредита определится всего в 16%. Такое отставание в приросте кредита, как элемента общей финансовой системы, было подмечено при составлении общего пятилетнего плана развития народного хозяйства. Эта черта является характерной для планового хозяйства, в котором план заранее учитывает мобилизацию ресурсов внутри отдельных отраслей хозяйства и перераспределение этих ресурсов между отдельными отраслями, минуя государственный банк, через бюджет или банк долгосрочного кредита.

Три основных источника питают ресурсы Государственного банка: собственное накопление, вклады и эмиссия. Кроме того, позиция банка, как кассира бюджетного хозяйства, равным образом,

является источником банковских средств. При построении кредитного плана на 1929/30 г. в вопросе об эмиссии, как элементе банковских ресурсов, конкурировали между собою три позиции. Одни считали, что план должен быть составлен без эмиссии, так как эмиссия должна служить в качестве резерва всего финасового плана и поэтому не должна быть вводима в план. Другие, равным образом, стояли за безэмиссионный план, полагая, что народное хозяйство обойдется наличным количеством денежных знаков в обращении. Наконец, третьи думали, что план должен учесть эмиссию в размерах, вытекающих из анализа всего финансового плана и что она должна в условиях напряженного финансового плана быть не простым резервом, а активной силой, содействующей реализации всего плана. На последнюю позицию встал Госплан, определивший эмиссию будущего года в 380 млн. руб., а если не считать покрываемый эмиссией хлебный резерв, в 230 млн. руб. По второму году пятилетнего плана, не предусматривавшего образование хлебного фонда, эмиссия определялась в 200 млн. руб. Поэтому можно сказать, что, по существу, контрольные цифры намечают эмиссию в меньшем размере, нежели второй год пятилетнего плана, так как 1929/30 г. в контрольных цифрах и по размерам прироста производства, и по об'ему финансового плана далеко вышел за пределы наметок пятилетнего плана. Преуменьшенный об'ем эмиссии об'ясняется тем, что в конце предшествующего года часть задачи 1929/30 г. в области хлебозаготовок и заготовок сырья была уже решена, что и вызвало, главным образом, в 1928/29 г. эмиссию в больших размерах, нежели это было предусмотрено в соотвествующем плане.

Отказ в принятии точки зрения, рассматривающей эмиссию, как резерв всего плана, логически приводит к требованию точного выполнения всех отдельных финансовых и экономических планов.

И. А. Бялый

Баланс, кризисы, роль суб'ективных и об'ективных факторов[1]

Плановый характер советского хозяйства, зависимость каждого отдельного проявления хозяйственной жизни от сознательного воздействия государства на экономику ставит в совершенно особые условия процесс построения теории советского хозяйства. Экономическая действительность, находясь в несравненно большей зависимости от экономической науки, чем во все предыдущие формации, больше чем когда бы то ни было подталкивает последнюю, требуя вместе с тем от нее освещения именно тех проблем, без теоретического разрешения которых невозможно развитие планирования, а следовательно, и развитие советской экономики, как переходной к социализму. Это обстоятельство, стимулируя с громадной силой развитие теории советского хозяйства, делает на ряду с этим неизбежным известную нестройность в ее развитии.

Политическая экономия Маркса представляет собою систему, которая воспроизводит в нашем сознании весь механизм капиталистических отношений и дает ясное представление о роли и значении каждого из его многочисленных элементов. Но стройность марксовой системы, в качестве одной из основных своих предпосылок, имела то обстоятельство, что перед исследователем находился вполне развитый об'ект исследования, позволивший ему начать свой анализ с простейших элементов системы, наиболее отдаленных от поверхности явлений. В условиях переходной экономики столь нормальный (с точки зрения метода исследования) ход теоретической мысли совершенно исключен. Во-первых, поскольку теоретическое освещение закономерностей переходной экономики является необходимым условием ее прогрессивного развития, теория не может ждать полного сформирования об'екта исследования; во-вторых, теоретическое исследование в наших условиях должно стремиться в том или ином разрезе представить закономерности всей системы в целом, ибо только в таком виде теория может быть непосредственно использована политикой. Поэтому, в то время, как у Маркса

[1] Помещая статью тов. Бялого, дающего ценную критику работ т. Бухарина и Базарова. Редакция считает вместе с тем необходимым отметить, что некоторые вопросы, затронутые автором (вопрос о схемах воспроизводства, о стимулах хозяйственной деятельности), недостаточно освещены в статье и требуют дальнейшего обсуждения. Ред.

теория воспроизводства капитала представляет собою одно из заключительных звеньев, которому предшествует изолированный (точнее — абстрагированный) анализ каждой составной части капиталистической системы отношений, у нас она в той или иной степени, в том или ином разрезе выступает в каждой теоретико-экономической дискуссии, под каким бы официальным названием эта дискуссия не проходила. Следовательно, особое положение теоретической экономии в переходный период выражается, между прочим, в том, что теоретическая мысль вынуждена работать над проблемой воспроизводства советского хозяйства в целом тогда, когда частные проблемы советской экономики еще не нашли сколько-нибудь исчерпывающего разрешения.

Но, указанным обстоятельством, влияние специфических особенностей советской экономики на процесс теоретической разработки проблем воспроизводства не ограничивается. Дело в том, что поскольку в наших условиях политика является составной частью экономики, генеральная линия экономической политики становится фактором хозяйственного равновесия. А это обстоятельство приводит к тому, что представление об условиях разновесия находится в теснейшей связи с решением вопроса о характере необходимой генеральной линии экономической политики. Совершенно естественно поэтому, что разные генеральные линии экономической политики должны быть связаны с различными теориями воспроизводства.

В статье, помещенной в №№ 2 и 4 „Планового Хозяйства“ за 1929 г., мы пытались изложить основные элементы учения о воспроизводстве, исходя из той генеральной линии, которую проводит партия. В настоящей статье мы подвергнем рассмотрению теорию В. А. Базарова, сформулированную им в специальной работе.[1]

Прежде чем приступить к разбору работы Базарова, напомним о теории потухающей кривой, защищаемой Базаровым в 1925 г.

Как известно, эта теория представляет собою попытку по-своему разрешить проблему воспроизводства в той хозяйственной обстановке, которая сложилась к 1925 г. Устанавливая определенные закономерности, касающиеся темпа развития всего нашего хозяйства, Базаров (вместе с Громаном) пытался разрешить основной вопрос накопления „общественного капитала“. Однако, в руках Громана и Базарова проблема воспроизводства оказалась исключительно технико-производственной проблемой. Марксистской критике никакого труда не стоило доказать, что поскольку авторы теории потухающей кривой абстрагировались от социально-экономических моментов, их выводы являются ошибочными даже с чисто производственной точки зрения. На вопросах темпа развития промышленности, денежного обращения, кредита, т.-е. на конкретных вопросах хозяйственной динамики, было доказано, что

[1] В. А. Базаров. „Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР. ГИЗ.

проблемы воспроизводства, как проблемы одной технической увязки отраслей и расширения производства материальных благ, в природе не существует. На конкретном процессе развития советского хозяйства была лишний раз подтверждена правильность того положения Маркса, что воспроизводство материальных благ есть лишь одна из сторон процесса воспроизводства, что вместе с ним происходит воспроизводство определенной системы экономических отношений и что обе эти стороны расширенного воспроизводства находятся между собой в постоянной зависимости и взаимодействии. Тогда же было подчеркнуто, что это положение, обязательное для всякой экономической формации, особенно важно учитывать при анализе переходной экономики, с присущей ей, исключительной динамичностью не только производительных сил, что имеет место и при капитализме, но и производственных отношений.[1]

Но несмотря на то, что полемика вокруг теории потухающей кривой была по существу полемикой по вопросам воспроизводства в хозяйстве СССР, авторы этой теории всячески пытались сузить рамки вопроса до отдельных „эмпирических законностей“, устанавливаемых ими только для области материального процесса производства. Тем большего внимания заслуживает попытка В. А. Базарова развить свою теорию потухающей кривой в аспекте соответствующей теории воспроизводства в капиталистическом хозяйстве и хозяйстве СССР.

* * *

В своей книге Базаров делает попытку использовать учение Маркса о воспроизводстве и кризисах в капиталистическом хозяйстве для анализа соответствующих проблем в хозяйстве СССР. При этом, основным его положением является утверждение, что схемы простого и расширенного воспроизводства общественного капитала, изложенные Марксом во втором томе, должны быть положены в основу борьбы за равновесие в нашем хозяйстве. Автор тратит чрезвычайно много труда на то, чтобы путем детализации этих схем, доказать их необходимость для построения и реализации баланса нашего народного хозяйства.

Но выдвинув положение о реальности марксовых схем в условиях СССР, Базаров обращает внимание на то обстоятельство, что при капитализме воспроизводство совершается при абсолютном господстве одной (капиталистической) формации, в то время как у нас, из пяти, образующих нашу экономику, формаций ни одна не способна играть столь господствующую роль. Из этого положения он выходит путем своеобразного использования марксова метода абстракции: Маркс абстрагировался от всех докапиталистических формаций и рассматривал проблему воспроизводства в условиях

[1] См. Р. Е. Вайсберг. „Советское хозяйство, как переходное“. „Плановое Хозяйство“. № 9 за 1925 г.

чисто капиталистических отношений. Желая следовать этому же методу, Базаров из всех пяти укладов, в совокупности образующих нашу экономику, оставляет только социалистический, применительно к которому и доказывает правильность своей теории баланса.

В этом методе кроется абсолютно неправильное понимание воспроизводства в советском хозяйстве, но вместе с тем и исключительно примитивное толкование марксовой теории воспроизводства и, в частности, схем второго тома.

Остановимся, вкратце на втором вопросе.

Туган-Барановский и Р. Люксембург имели то общее, что одинаково неправильно понимали схемы расширенного воспроизводства Маркса. И тот и другая относились к ним как к цифровому выражению равновесия между отраслями в процессе расширенного воспроизводства материальных благ. Эту вульгаризацию марксовых схем очевидно допускает и Базаров, поскольку он считает возможным на их основе решать проблему воспроизводства при социалистических отношениях. Наличие расширяющегося производства материальных благ, наличие широкого разделения труда и необходимость увязки между отряслями производства — эти черты, присущие всякой экономической формации, очевидно, по мнению Базарова, исчерпывают собою содержание марксовых схем расширенного воспроизводства. Только при таком понимании схем возможно распространять их на социалистическое хозяйство.

Одной из основных отличительных черт схем второго тома является то обстоятельство, что отрасли, между которыми должно быть сохранено равновесие, делятся на C + V + m. Уже одна эта ценностная формулировка отраслей исключает внеисторический характер схем. Она показывает, что в схемах речь идет не о простом факте сохранения равновесия между отраслями в процессе расширения производства, а о таком равновесии, которое достигается на фоне превращения рабочей силы в товар, на фоне борьбы классов в процессе распределения производимого продукта, борьбы, которая определяет не только размер прибавочного продукта, но и степень его накопления. Далее совершенно ясно, что Маркс, разбивая все общественное производство на два подразделения, не случайно отдельно выделил отрасли, производящие материальные элементы дохода и отдельно — отрасли, производящие материальные элементы постоянного капитала. Р. Люксембург такое деление об'ясняет желанием Маркса оттенить внеисторический, вечный момент процесса воспроизводства, заключающийся в необходимости для всякой общественной формации часть общественного дохода производить, как средства производства для следующего производственного периода. Но при этом Р. Люксембург игнорирует значение данной Марксом ценностной формулировки каждого подразделения. Бесспорно, что изложенная Р. Люксембург задача, является действительно внеисторической, вечной задачей. Но в своих схемах

Маркс показал, что осуществление этой вечной задачи в условиях капиталистических отношений встречает постоянные препятствия со стороны противоречий капиталистической системы и что препятствия эти возникают именно из того, что общественное производство делится не на средства производства и работников, а на постоянный капитал, переменный капитал и прибавочную стоимость. Таким образом Маркс в своих схемах сформулировал основные социально-экономические отношения, на фоне которых в условиях капитализма происходит достижение равновесия в процессе расширенного воспроизводства и основные социально-экономические противоречия, которые постоянно мешают достижению равновесия.

Еще яснее историчность марксовых схем выступает в связи с вопросом о так называемом недопотреблении.

Туган-Барановский об'явил, что не найдя почвы в своих собственных схемах расширенного воспроизводства, Маркс в теории кризисов, об'ясняя причины последних недопотреблением, встал по существу на позиции Сисмонди; Р. Люксембург так же как и Туган поняла схемы расширенного воспроизводства и обвинила Маркса в полном игнорировании момента потребления. В действительности же Марксу было чуждо понимание недопотребления в том виде, как оно фигурировало у Сисмонди, и вместе с тем проблема потребления, в противоположность мнению Р. Люксембург, играет решающую роль в его теории воспроизводства и с достаточной ясностью поставлена в схемах второго тома.

Маркс никогда не считал, что причиной кризиса является низкий уровень потребления. Все цитаты, выписанные Туганом для подтверждения этой клеветы на Маркса, говорят не о низком уровне потребления, как причине кризиса, а об узком базисе, на котором основываются условия потребления, что при элементарно-добросовестном отношении к делу смешивать довольно трудно. Причиной кризисов, по Марксу, является противоречие между условиями производства и условиями реализации прибавочной стоимости. Интересы производства прибавочной стоимости требуют максимального сокращения заработной платы, следствием чего является увеличение накопления, т.-е. увеличение той части общественного дохода, которая превращается в постоянный капитал для следующего производственного периода; в интересах реализации произведенной прибавочной стоимости, наоборот, является рост заработной платы и следовательно увеличение размеров общественного дохода, который реализуется, как доход, а не превращается в постоянный капитал. Это — внутреннее противоречие, подготовляющее окончательный взрыв капаталистической системы, периодически реализуется в экономических кризисах. Но в противоположность мнению Сисмонди, оно реализуется отнюдь не только в форме недопотребления. Напротив, у Маркса имеются прямые указания на то, что, когда увеличение накопления в такой мере усиливает спрос

на рабочую силу, то происходит значительное увеличение реальной заработной платы, кризис делается неизбежным. Кризис здесь об'ясняется не низким уровнем потребления, ибо как-раз к моменту его наступления заработная плата находилась на наиболее высоком уровне; он об'ясняется здесь узким базисом, на котором покоятся условия потребления в капиталистическом обществе. Когда заработная плата низка, создается пониженный спрос на продукты людского потребления; но когда она выходит за пределы того узкого базиса, который обусловлен законами капиталистического накопления, это последнее (накопление капитала) прекращается и наступает кризис. Нашла ли отражение в схемах второго тома такая трактовка недопотребления?

Кто ищет в марксовых схемах „недопотребление" в сисмондистском духе, тот, разумеется, его там не найдет. Но он, в противоположность мнению Тугана, не найдет его и в марксовой теории кризисов. Однако, абсолютно неправильно было бы из этого обстоятельства делать тот вывод, что схемы вовсе игнорируют момент потребления. Основное противоречие капитализма, противоречие между условиями производства и условиями реализации прибавочной стоимости, которое и создает узкий базис для потребления, не только лежит в основе теории кризисов Маркса, но зафиксировано уже и в схемах второго тома. Формулировка каждого отдельного подразделения фиксирует уже существование рабочей силы, как товара, борьбу за уровень заработной платы и зависимость накопления капитала от исхода этой борьбы. С другой стороны, разбивка всего общественного производства на два подразделения по такому принципу, что одно (I) производит только материальные элементы постоянного капитала, а другое (II)—только материальные элементы дохода фиксирует, что основной задачей и вместе с тем, основной трудностью расширенного капиталистического воспроизводства является задача превращения части общественного дохода, создаваемого рабочим классом, в постоянный капитал, принадлежащий классу капиталистов, для осуществления чего необходимо удержание потребления рабочего класса в весьма узких рамках. Таким образом, марксовы схемы представляют собою ни что иное, как фиксирование узкого базиса, на котором покоятся условия потребления в капиталистическом обществе, как основной трудности в деле достижения пропорциональности в процессе расширенного воспроизводства. И совершенно ясно, сколь хорошо понял Маркса В. Базаров, если он считает возможным схему расширенного воспроизводства положить в основу борьбы за пропорциональность в социалистическом хозяйстве.

* * *

Мы указывали выше, что попытка распространения схем второго тома на советское хозяйство при абстрагировании от всех

элементов последнего, кроме социалистического, грешит как вульгаризацией схем второго тома, так и совершенно неправильным подходом к изучению советской экономики. Вопрос о вульгаризации схем второго тома мы рассмотрели. Остановимся на втором вопросе.

Воспроизводство материальных благ происходит у нас в оболочке чрезвычайно сложных и противоречивых производственных отношений. Наличие капиталистического круга воспроизводства и постоянная борьба его против социалистического круга воспроизводства представляет собою постоянно действующее внутреннее противоречие нашей экономики, оказывающее отрицательное влияние на условия производства материальных благ. Естественно, что построить учение о воспроизводстве, значит, прежде всего, научно учесть влияние на воспроизводственный процесс основного социально-экономического противоречия нашего строя. Базаров же взял схемы Маркса, выхолостил из них всякий социально-экономический смысл, затем предположил, что в нашей экономике нет ни капиталистических отношений, ни отношений простого товарного производства и, освободившись таким образом от усложняющих анализ обстоятельств, показал с тщательностью, заслуживающей лучшего применения, как нужно строить и реализовать баланс советского народного хозяйства на основе марксовых схем воспроизводства. При такой постановке вопроса народное хозяйство превращается в сумму отраслей производства, требующих взаимной увязки в количественном отношении. С этой точки зрения совершенно правильно будет наше хозяйство рассматривать как социалистическое, а социалистическое хозяйство, как капиталистическое, и употреблять для анализа закономерностей социалистического хозяйства без всяких изменений схемы, построенные Марксом в результате анализа специфических особенностей капиталистической системы отношений.

Изложенное отношение к проблеме воспроизводства нашло вполне соответствующее дополнение во взглядах автора на проблему кризисов в нашем хозяйстве.

Единственной специфической чертой экономики СССР, которую Базаров признает, является принципиальное изменение положения рабочего класса. Это изменение он кладет в основу своего учения о кризисах в СССР и, как увидим ниже, на основании его строит понятие цикла без кризиса.

„Но те новые общественные отношения, которые установились после октября 1917 г., радикально изменили экономическое положение рабочей силы как в городе, так и в деревне и сделали восстановление довоенного уровня и типа хозяйственного равновесия неосуществимым. До войны у нас, как и во всем капиталистическом мире, народное хозяйство страдало от противоречия между общественным характером производства и частно-капиталистическим присвоением; несмотря на весьма скромный по своей абсолютной величине уровень развития производительных сил, промышленная

продукция имела постоянную тенденцию к относительному перепроизводству, к расширению за пределы до-нельзя сжатого платежеспособного спроса основной массы населения. В настоящую „переходную эпоху“ нашей системе хозяйства присуще прямо противоположное противоречие между довольно быстро растущим платежеспособным спросом трудящихся масс и недостаточным для удовлетворения этого спроса ростом общественных производительных сил. Если над старым миром дамокловым мечом нависает кризис перепроизводства, то горизонты советского хозяйства то и дело омрачаются угрозою товарного голода, кризиса недопроизводства.[1]

В капиталистическом хозяйстве кризисы перепроизводства возникают вследствие недопотребления, т.-е. вследствие своеобразного взаимоотношения между заработной платой и производительностью труда. Реальная заработная плата определяется ценностью рабочей силы и следовательно в основном остается неизменной. Накопляемая же прибавочная стоимость через повышение органического строения капитала, ведет к систематическому росту производительности труда. В результате этого, в процессе накопления капитала, доля рабочего в общей сумме производимых им продуктов систематически сокращается, что означает недопотребление, периодически реализующееся в кризисах. Кризисы перепроизводства в капиталистическом хозяйстве являются таким образом следствием закона отставания заработной платы от производительности труда.

В советском хозяйстве, вследствие изменения положения рабочего класса, относительной прибавочной стоимости нет, а следовательно и нет закона отставания заработной платы от производительности труда. Наоборот, поскольку рабочий класс оказался хозяином производства, у нас образовалась противоположная тенденция — отставания производительности труда от заработной платы. Таким образом, когда хозяином производства является капиталист, не представляющий собою основного потребителя, создается тенденция к перенакоплению; когда же хозяином становится сам рабочий класс, который является одновременно и основным потребителем, образуется не менее сильная тенденция к недонакоплению, за счет увеличения потребления. Поэтому если обязательным спутником капитализма являются периодические кризисы **перепроизводства**, то законом нашего хозяйственного строя является **недопроизводство**, т.-е. **товарный голод**. Правда, наше хозяйство от капиталистического отличается не только национализацией основной массы средств производства, но еще и наличием планового начала, при помощи которого тенденция к „перепотреблению“ могла бы быть устранена. Но Базаров в рассуждения по этому поводу не вдается и „перепотребление“, т.-е. товарный голод признает таким же стихийным законом в нашем хозяйстве, как кризисы перепроизводства при капитализме.

[1] Стр. 98—99.

„Обычно возникновение товарного голода об'ясняют теми или другими частными ошибками экономической политики последнего времени. Я менее всего склонен отрицать наличность такого рода ошибок. Но если бы даже никаких ошибок не было, если бы наши директивные органы были всеведущи и идеально предусмотрительны, товарный голод был бы лишь несколько смягчен в своих наиболее острых проявлениях, но не устранен в корне. Пока мы находились на очень низком уровне развития производительных сил, создать стойкое относительное равновесие между продукцией и платежеспособным спросом можно было только капиталистическими методами органичения этого последнего. Поскольку же наш хозяйственный и политический строй исключает или по крайней мере существенно ограничивает эти методы, постольку в рассматриваемую эпоху тенденция к относительному недопроизводству должна быть признана столь же характерной для нашей социальной структуры, как тенденция к перепроизводству для капитализма.[1]

Таким образом, противоречием капитализма является отставание заработной платы от производительности труда, противоречием нашего хозяйственного строя — напротив, отставание производительности труда от заработной платы. При чем, поскольку заявляется, что влияние этого противоречия проявляется совершенно независимо от успехов экономической политики, очевидно предполагается, что оно действует столь же стихийно, как и противоречие капиталистического строя.

В изложенной теории воспроизводства и кризисов в хозяйстве СССР сказывается не только вульгарно-материалистический подход к политической экономии, о чем говорилось выше, но и враждебное отношение к советской системе хозяйства. Единственно новое, что Базаров нашел в нашей экономике — это такое изменение положения рабочего класса, которое ведет к постоянной задержке процесса расширенного воспроизводства, т.-е. к задержке в развитии производительных сил. Поскольку же положительной роли планового начала Базаров не признает, получается, что на смену отрицательным моментам капиталистических отношений явились специфически-советские отрицательные факторы, а капиталистические стимулы прогресса (конкуренция) в советском хозяйстве устранены, но ничем не возмещены. Наличие в нашей экономике капиталистического сектора и его стремление установить господство над сектором простого товарного производства Базаров, как мы видим, совершенно не учитывает в своей теории воспроизводства и кризисов. Это обстоятельство лишний раз показывает, что трудности расширенного воспроизводства он видит не в противодействии социалистическому строительству со стороны капиталистических элементов, а в том, что рабочий класс стал хозяином средств производства.

[1] Стр. 99.

Нетрудно догадаться, как представляет себе Базаров пути преодоления противоречия нашей экономики. Борьба против капиталистического сектора и уменьшение его удельного веса не может, по Базарову, служить средством преодоления трудностей воспроизводственного процесса; коллективизация крестьянского хозяйства, как путь к национализации средств производства в сельском хозяйстве, по Базарову, должна не ослабить, а усугубить об'ективные хозяйственные трудности, ибо, согласно его теории противоречие нашей экономики и возникающие из него хозяйственные трудности, и даже кризисы проистекают именно от господствующего положения рабочего класса. Если наша партия путь ликвидации об'ективных возможностей экономических кризисов видит в борьбе против капиталистического сектора и в постепенном обобществлении простого товарного производства, то для Базарова, очевидно, единственным средством борьбы с хозяйственными трудностями является ликвидация диктатуры пролетариата.

Свои теоретические соображения по вопросу о воспроизводстве и кризисах Базаров использует в целях подкрепления его старой теории потухающей кривой. В свое время, кроме методологических соображений, выдвинутых против этой теории (о которых мы выше упоминали) указывалось также на весьма слабую ее обоснованность со стороны конкретной действительности. В частности, обращалось внимание на то, что темп роста промышленной продукции в 1924/25 г. находится в диаметральном противоречии к основным положениям этой теории.

С точки зрения методологической Базаров свою старую позицию, в рассматриваемой книге довел, как говорится, до логического конца, развив как бы вместо ответа на аргументы его критиков, свои исходные методологические положения до теории воспроизводства и кризисов. Что касается фактов конкретной действительности, то Базаров считает необходимым счесться лишь с неприемлемым для его теории темпом развития промышленности в 1924/25 г. Производит он это следующим образом. Весь период восстановительного процесса он делит на два цикла: с начала нэпа до кризиса 1923 г. и с момента ликвидации последнего до окончания восстановительного периода и удовлетворяется тем, что в пределах каждого цикла теория потухающей кривой остается в силе.

„Таким образом, „большой цикл" пятилетнего восстановительного процесса расслоился на два подцикла: первый начинается во второй половине 1920/21 г. и оканчивается на рубеже 1923 и 1924 календарных годов; второй об'емлет календарный 1924 г. и два последующие хозяйственные года".[1]

„Как видим, динамика восстановительного процесса по формальной структуре своей, аналогична „автокаталитической" реакции

[1] Стр. 106

а также динамике капиталистической промышленности в тот период, когда эта последняя переходит от депрессии к оживлению при посредстве технической реконструкции, повышающей производительность труда (см. главы IV' и V'). В том и другом случае движение должно носить не равномерно затухающий, а циклический характер, с одним, однако, крупным различием: так как наша государственная система кредита принципиально отлична от частно-капиталистической, то можно думать, что во второй своей части цикл восстановительного процесса обойдется без типичной для капиталистического цикла фазы ажиотажа и „расцвета", раздувающего об'ем продукции на приостановленном в своем росте или даже деградирующем уровне, с нарушением нормальных пропорций между отдельными отраслями хозяйства. А раз это так, восстановительный цикл должен более или менее плавно подвести продукцию к новому уровню без того кризиса на финише, который при капитализме является неизбежным последствием и стихийным разрешением противоречий, накопленных в течение фазы „расцвета".[1]

Восстановительный период содержит в себе таким образом два законченные цикла, но второй цикл оказывается без кризиса, вследствие особого положения кредита в условиях СССР. Но в таком случае непонятно, почему автор отрезок времени с 1924 г. по конец восстановительного периода об'являет циклом? Цикл ведь понятие определенное, включающее в себя стихийный переход от под'ема к кризису. С другой стороны, представляется чрезвычайно странной та исключительная роль, которую Базаров в данном случае отводит кредиту в деле образования кризиса. Мы видели выше, что при общем решении вопроса Базаров не считал явления кредита основной причиной кризисов. Сам автор наличие двух законченных циклов в течение восстановительного периода обосновывает следующим образом:

„Каковы причины этого усложнения формы восстановительного процесса? Вызвано ли расщепление последнего на два цикла случайно комбинацией кон'юнктурных условий или к тому имеются более глубокие основання? По нашему мнению, двуциклический тип движения предрешался всей структурой нашей пореволюционной экономики и был лишь несколько модифицирован явлениями „случайного" и чисто кон'юнктурного порядка. Дело в том, что реконструкция методов использования рабочей силы, составляющая основу нашего восстановительного процесса, не могла быть проведена до конца в обстановке 1920, 1921 и 1922 гг., когда государственный бюджет опирался на „эмиссионный налог", а стремительно падающая валюта, с одной стороны, исключала возможность правильного финансирования промышленности на основе банковского кредита и, с другой стороны, делала крайне проблематичными всякого рода

[1] Стр. 102—103.

калькуляции издержек производства и выручки. При таких условиях, при отсутствии элементарнейших предпосылок учета производительных сил, никакая серьезная рационализация их была, конечно, невозможна". [1]

Все дело, следовательно, сводится к уровню производительности труда. С начала нэпа до кризиса 1923 г. темп роста промышленной продукции испытывал потухающую кривую. В 1924/25 г., благодаря проведенной денежной реформы, производительность труда делает сильный скачок вверх, вследствие чего и темп роста промышленной продукции в этом году значительно превышает темп предыдущих лет. Таким образом, фактором, определившим движение кон'юнктуры, явился уровень производительности труда. Его повышение сделалось началом нового цикла.

Это до чрезвычайности странное положение вполне согласуется и даже непосредственно вытекает из представления Базарова о характере и корнях кризисов в хозяйстве СССР. Выше мы указывали, что по Базарову причиной кризисных затруднений в нашем хозяйстве является отставание производительности труда от заработной платы при чем, так как значение планового начала им совершенно игнорируется и действие сформулированного им основного противоречия нашей экономики рассматривается, как стихийный процесс, то и понятно, что рост производительности труда, последовавший после проведения денежной реформы, он рассматривает как временный период под'ема нового цикла. Сменится ли этот под'ем упадком? Да, по Базарову, он должен смениться упадком. Тенденция рабочего класса повышать жизненный уровень до нормы, превышающей уровень производительности труда, ослабит накопление и создаст товарный голод, а постепенное исчарпание восстановительных возможностей сделает невозможным соответствующую компенсацию со стороны восстановительного процесса. Но смена под'ема упадком непримет крутой формы, делающей ее похожей на капиталистический кризис, так как в советском хозяйстве имеет место регулирование кредита со стороны государства. Только таким образом и возможно понять странное утверждение, что второй цикл восстановительного периода, оставаясь законченным циклом, не завершился кризисом и при том только из-за государственного регулирования кредита.

Теория потухающей кривой, подвергшись уточнению, оказалась, таким образом, „оправданной". Доказано, что она подвергалась некоторому нарушению только потому, что в 1924 г. произошло событие (денежная реформа), ослабившее действие основного противоречия советской экономики. Но после создавшегося, вследствие этого обстоятельства, под'ема жизнь снова пошла в строгом соответствии с теорией потухающей кривой. Когда будет новый под'ем,

[1] Стр. 106.

который положит начало третьему циклу, и будет ли под'ем вообще? Из теории Базарова этого нового под'ема не видно, так как она пророчит неспособность нашего хозяйства, после завершения восстановительных тенденций, превзойти довоенный темп накопления при значительном превышении довоенных потребительских норм рабочего класса. Мы видим, таким образом, что защита Базаровым теории потухающей кривой опирается на его теорию воспроизводства и кризисов и вместе с этим представляет собою развитие этой теории. Но так же как и сама теория, это ее „развитие" носит на себе яркую печать примитивизма и вульгаризации.

Теория потухающей кривой является в корне ошибочной потому, что она основана на одностороннем учете факторов из сферы только производительных сил. Наличие к моменту введения нэпа больших запасов неиспользуемого основного капитала оказало, конечно, громадное влияние на темп развития всего нашего хозяйства. Далее, по мере использования этих запасов, т.-е. по мере завершения восстановительных тенденций, происходило весьма серьезное обострение проблемы темпа расширения производства. Но это обострение проблемы расширения производства могло превратиться в систематическое сокращение темпа, т.-е. в развитие потухающей кривой лишь при прочих равных условиях. А поскольку эти прочие условия, т.-е., прежде всего, состояние производственных отношений в переходный период, подвержены особенно частым изменениям, исходить из наличия „прочих равных условий" значит отрицать обратное влияние производственных отношений на производительные силы.

История советского хозяйства представляет собою наиболее сильное подтверждение общеизвестного положения Маркса, что тот или иной темп развития народного хозяйства зависит не от одних только производительных сил, а от характера сочетания последних с производственными отношениями:

а) Во время военного коммунизма имела место деградация производительных сил вследствие того, что мы были вынуждены создать такую систему производственных отношений, которая не соответствовала бы уровню развития производительных сил. б) В период с начала нэпа до кризиса 1923 г. темп развития промышленности сильно отставал от последующих лет, несмотря на то, что запасов основного капитала в этот период было значительно больше, т.-е. состояние производительных сил значительно сильнее благоприятствовало быстрому развитию. Произошло это потому, что в первый период нэпа была крайне слаба регулирующая роль социалистических командных высот и, наоборот, сравнительно сильна роль товарно-капиталистической стихии. Именно такое состояние производственных отношений не позволило провести денежную реформу раньше 1924 г. и заставляло мириться с далеко неполным использованием приевшихся восстановительных возможностей. в) Базаров пророчил, что после

завершения восстановительного процесса, мы обречены на довоенный темп развития, но жизнь это пророчество ни в какой мере не оправдала и именно потому, что реконструированные производственные отношения (ликвидация феодализма в деревне, национализация промышленности и рост, на основе успехов первых лет нэпа, планового начала и вообще влияния социалистических командных высот) в очень сильной мере компенсировало отсутствие восстановительных возможностей.[1]

Базаров пытается спасти свою теорию потухающей кривой (т.-е. удержаться на позиции игнорирования роли производственных отношений) ссылкой на рост производительности труда, происшедший в 1924/25 г. Но для того, чтобы этот рост не противоречил его теории, Базаров должен суметь его об'яснить при помощи этой последней, ибо она ведь решает вопрос о законах темпа развития нашего хозяйства. Но в том то и дело, что без анализа производственных отношений Базаров мог лишь сослаться на денежную реформу, но не мог об'яснить, почему она была проведена в 1924 г., а не раньше. Все перечисленные периоды представляют собою последовательные этапы процесса перерождения экономики диктатуры пролетариата в социалистическую экономику, процесса происходящего путем взаимодействия развивающихся производительных сил и производственных отношений. В свете такой оценки их для нас делается совершенно понятным и более медленный темп развития промышленности после 1924/25 г., чем до него и высокий темп развития нашего хозяйства после завершения восстановительного процесса. Для Базарова же, разумеется, не существует этих этапов врастания в социализм. Прошлое советского хозяйства представляется ему в виде стихийного, циклического использования производственного аппарата, полученного от капитализма, а будущее — в виде чахлого состояния, обусловленного систематическим отставанием производительности труда от уровня потребления.

Таким образом, попытку Базарова включить теорию потухающей кривой в общую теорию воспроизводства и кризисов в хозяйстве СССР следует считать вполне „удавшейся" в том смысле, что в результате получилась стройная теория, основанная на вульгаризации марксового учения о воспроизводстве и кризисах, соединенной с об'ективно (безотносительно к суб'ективным намерениям автора) враждебным отношением к советской системе.

* * *

В „Заметках экономиста" т. Бухарин посвящает один параграф вопросу о природе наших кризисов, при чем в этом параграфе он

[1] См. вышеупомянутую статью т. Р. Е. Вайсберга.

выявляет к схемам второго тома, примерно, такое же отношение, какое[1] мы находим и у Базарова.

Утверждение, что схемы применимы в нашем хозяйстве, да еще с большим правом, чем в другом, свидетельствует о том, что их рассматривают с точки зрения балансовой увязки отраслей. Несмотря на то, что выводы т. Бухарина в отношении природы наших кризисов принципиально отличаются от учения Базарова, неправильное отношение к схемам второго тома не могло не найти в них своего печального отражения.

В самом начале статьи т. Бухарин ставит перед собой задачу ответить на следующие вопросы.

„...Не есть ли „товарный голод" общий закон нашего развития? Не обречены ли мы на периодические или непериодические „кризисы"?... Не суть ли эти „критические" затруднения—железный закон нашего развития"?

Сразу же вслед за этими вопросами, он заявляет:

„В этой, встречающейся и в нашей экономической литературе, постановке вопроса уже заранее заложен определенный порок. Здесь смешиваются две совершенно различные вещи: с одной стороны, отставание — в каждый данный момент — развертывающихся производительных сил от еще более быстро растущих потребностей („спроса" — в широком смысле этого слова), с другой — специфически острая, „кризисная", форма, а именно форма товарного голода (где уже идет речь о спросе платежеспособном). Первое явление выражает лишь тот факт, что общество действительно переходит к социализму, что рост потребностей является непосредственной двигательной пружиной его экономического развития, что производство становится средством и т. д. Совсем другое — моменты кризисного характера, которые нарушают ход воспроизводства. Они могут лежать лишь в нарушении условий экономического равновесия, т.-е. вытекать из неправильного сочетания элементов воспроизводства (включая сюда и момент потребления). „Извращенный" — по сравнению с капиталистическим — характер „кризисов" определяется действительно принципиально новым соотношением между потребностями масс и производством. Но это соотношение не есть развивающийся антогонизм (наоборот, производство догоняет все время потребление масс,

[1] „В переходный период (переходный от капитализма к социализму) классы еще остаются и классовая борьба временами даже обостряется. Но общество переходного периода есть в то же время известное единство, хотя и противоречивое. Поэтому и для этого общества (с гораздо большим, если уж на то пошло, „правом") можно построить, по аналогии со вторым томом „Капитала" „схемы воспроизводства", т.-е. наметить условия правильного сочетания различных сфер производства и потребления и различных сфер производства между собой, или, другими словами, условия подвижного экономического равновесия. По сути дела, в этом и состоит задача выработки народнохозяйственного плана, который все больше и больше приближается к балансу всего народного хозяйства, плана сознательно намечаемого являющегося и предвидением (прогнозом), и директивой одновременно".

идущее впереди, являющееся основным стимулом всего развития), поэтому здесь нет базы для „закона кризисов", для закона неизбежных кризисов. Но здесь могут быть „кризисы", вытекающие из относительной анархичности, т.-е. относительной бесплановости хозяйства переходного периода".

В этой цитате имеется вполне определенный ответ на поставленные вопросы. Однако, в правильности его и убедительности аргументации мы сомневаемся.

С первого взгляда кажется совершенно непонятным, почему это т. Бухарин считает, что в вышеприведенных вопросах „уже заранее заложен определенный порок". Непонятно почему это тот, кто ставит вопрос о товарном голоде, оказывается виновным в смешении „спроса — в широком смысле этого слова" (в смысле потребностей) с платежеспособным спросом. У нас как будто бы считается аксиомой что товарный голод (независимо от его размеров) одними потребностями непосредственно не определяется. Однако, следующие фразы приведенной цитаты свидетельствуют о том, что причиной недовольства т. Бухарина в данном случае, является то обстоятельство, что в его личной концепции потребностям придается особое значение.

В предпоследней фразе т. Бухарин отмечает, что в нашем хозяйстве нет базы для закона неизбежных кризисов. Этот вывод сделан на основании того обстоятельства, что „характер (наших) кризисов" определяется действительно принципиально новым соотношением между потребностями масс и производством, при чем это новое соотношение состоит в том, что „производство догоняет все время потребление масс, идущее впереди, являющееся основным стимулом его развития" (разрядка наша *И. Б.*).

Следовательно, ход рассуждения у т. Бухарина таков:

1 посылка. При капитализме стимулом развития производства является не потребности масс, а частнохозяйственное накопление, вследствие чего (согласно Марксу) создается основное противоречие капитализма, выражающееся в периодических кризисах.

2 посылка. При диктатуре пролетариата основным стимулом развития государственной промышленности является рост потребности масс.

Вывод. Следовательно, при диктатуре пролетариата нет базы для закона неизбежных кризисов.

Первая посылка и вывод т. Бухарина — совершенно правильны. Однако, утверждение, что основным стимулом всего нашего хозяйственного развития является потребность масс, грешит на наш взгляд, тем существенным недостатком, что не критически переносит на переходную экономику стимулы развития социалистического хозяйства. Мы уже не говорим о том, что в капиталистическом секторе потребности не могут служить стимулом развития. Даже в отношении нашей государственной промышленности нельзя приписывать только одним потребностям роль основного стимула

развития. В отличие от капитализма этот момент является, конечно, весьма существенным фактором в развитии нашей государственной промышленности. Однако, вряд ли кто решится утверждать, что осуществляемый в настоящее время темп развития государственной промышленности обусловлен только стремлением государства полнее удовлетворить потребности трудящихся масс. Совершенно ясно и особенно на данном этапе, что условия борьбы с капиталистическими тенденциями в нашей экономике, стремление социалистического сектора установить господствующее влияние на всю переходную экономику, в целях ее социалистической переделки, не в меньшей мере является стимулом развития нашей государственной промышленности, чем отмечаемый т. Бухариным рост потребностей. В конечном итоге, действие обоих стимулов полностью совпадает, ибо ликвидация капиталистических тенденций и осуществление социалистической переделки нашей экономики будут, конечно, сопровождаться гигантским ростом личного потребления. Однако, на переживаемом этапе переходной экономики оба эти стимула не только не сливаются, но иногда испытывают даже известные коллизии. Так осуществляемый в настоящее время темп и тип индустриализации не способствуют нимедленному росту потребления трудящихся и тем не менее являются безусловно необходимыми для успешного продвижения к социализму. Одни интересы непосредственного потребления трудящихся не обусловливают осуществляемый темп (и особенно тип) индустриализации, его можно понять только в том случае, если видеть, что, на ряду с потребностями, стимулом развития нашей промышленности является также борьба против капитализма за социалистическое хозяйство.

Мы видим, таким образом, что вторая посылка не связана с правильным положением об отсутствии в нашем хозяйстве закона неизбежных кризисов. Это положение с очевидностью вытекает из самого факта замены капиталистических отношений переходными. Смазывание же переходных черт нашей экономики, которое т. Бухарин допускает в своей второй посылке, бьет по существу значительно дальше вопроса о наличии в нашем хозяйстве закона неизбежных кризисов, оно в значительной степени уже предрешает вопрос о корнях возможных в нашем хозяйстве кризисов. И в полном соответствии с этой „диспропорцией" т. Бухарин сразу же вслед за правильным утверждением об отсутствии закона неизбежных кризисов заявляет: „Но здесь могут быть „кризисы", вытекающие из относительной анархичности, т.-е. относительной бесплановости хозяйства переходного периода".

В этом раз'яснении уже совершенно явственно идет речь о природе возможных в советских условиях кризисах, при чем решение этого вопроса страдает теми же недостатками, что и рассмотренные суждения по вопросу об основном стимуле развития нашей государственной промышленности.

Капиталистические кризисы Маркс выводил из определенной классовой структуры капитализма. Туган-Барановский их выводил из анархичности; бесплановости капиталистического хозяйства. Теперь же т. Бухарин, изучая советские кризисы, выбрасывает совершенно все социально-экономические проблемы, и причины наших кризисов тоже видит только в анархичности хозяйства переходного периода, при чем, как бы нарочно, желая подчеркнуть, что в понятие анархичности и бесплановости он не включает основных социально-экономических противоречий нашего строя, тов. Бухарин заявляет: „Относительная бесплановость... хозяйства переходного периода имеет своей основой существование мелких хозяйств, форм рыночной связи, т. е. значительных элементов стихийности. Поэтому и сам план имеет особую природу: это вовсе не более или менее „законченный" план развитого социалистического общества".

Оказывается, таким образом, что все об'ективные трудности бескризисного воспроизводства проистекают только от наличия в нашей экономике мелких хозяйств и рыночных форм связи. Наличие капиталистических элементов в нашем хозяйстве, пытающихся сомкнуться с крестьянством и ремесленниками, буржуазное окружение — все это, оказывается никакого влияния на процесс воспроизводства не имеет, трудностей бескризисного развития не увеличивает и факторами наших кризисов не является. Интересно, что т. Бухарин находит нужным специально подчеркнуть, что наш план „это вовсе не более или менее законченный план развитого социалистического общества". Очевидно, он опасается, что „мыслящий рабочий", к которому он в начале своей статьи апеллирует против поверхностных исследований нашей экономики, примет наш план за „законченный" социалистический план, а может быть и наш строй за законченное социалистическое общество.

Мы видим, что вопрос о факторах кризиса решается в полном соответствии с отношением автора к возможности применения к переходной экономике схем второго тома. Проблема бескризисного воспроизводства полностью сводится к проблеме балансовой увязки отраслей народного хозяйства, а кризисы ставятся в исключительную зависимость от возможностей безошибочного учета рыночных процессов и тенденций. И подчеркивая суб'ективный характер причин советских кризисов, автор заявляет:

„В нашем плане есть много элементов предвидения стихийной равнодействующей... Именно поэтому, у нас невозможен „идеальный" план. Именно поэтому, здесь до известной степени могут иметь место ошибки. Но ошибка имеющая, свое об'яснение и даже неизбежная ошибка, не перестает быть ошибкой. Это во-первых, грубейшее нарушение основных пропорций (как у нас в случае с зерновым хозяйством, о чем ниже) и соответствующие просчеты отнюдь не неизбежны".

Если раньше причины кризиса были сведены к ошибкам, совершаемым в процессе увязки отраслей, то здесь указывается, что эти ошибки вполне возможно избежать. Получается таким образом, что при правильной политике кризисы в нашем хозяйстве невозможны. За абсолютно правильным утверждением, что в нашем хозяйстве не действует закон неизбежных кризисов, таким образом, скрывается игнорирование тех социально-экономических противоречий, которые представляют собою об'ективную базу специфически-советских кризисов. Умаление об'ективных трудностей бескризисного развития совершенно естественным следствием имеет отмеченное преувеличение роли суб'ективных факторов.

Общеизвестно, что одной из основных особенностей советской системы отношений является то обстоятельсто, что в противоположность капитализму, политика у нас представляет собою составную часть экономики. Это обстоятельство колоссально увеличивает роль суб'ективных факторов в наших хозяйственных трудностях: поскольку политика есть экономический фактор, без правильного курса невозможно преодоление хозяйственных трудностей; с другой стороны, серьезные ошибки политики, при прочих равных условиях, сами по себе в состоянии вызвать серьезные хозяйственные затруднения. Однако, это чисто экономическое значение политики не дает нам права игнорировать об'ективные экономические факторы.

Строительство социализма происходит у нас в форме жестокой классовой борьбы, исход которой зависит не только от степени правильности политики. Даже при абсолютно правильной политике не исключена возможность частичной победы капиталистических элементов на том или ином участке хозяйственного фронта, что неизбежно вызовет увеличение хозяйственных трудностей Но наличие в нашей экономике капиталистических тенденций создает серьезные хозяйственные затруднения даже тогда, когда им не удается одержать побед над социалистическим сектором. Самый факт существования капиталистических тенденций заставляет государство в целях их преодоления, проводить такой план хозяйственного строительства, который создает большое напряжение, ряд серьезных, но временно неизбежных хозяйственных трудностей. Поэтому теория т. Бухарина, учитывающая существование рыночных форм связи, но не учитывающая социально-экономических противоречий, возникающих из факта существования капиталистических тенденций, в совершенно неправильном свете изображает корни наших хозяйственных затруднений.

Что же касается кризисов, то если бы обстановка сложилась таким образом, что капиталистическим элементам удалось бы использовать переживаемые хозяйственные трудности и оттянуть из-под влияния государственного сектора значительную часть крестьянства, наше хозяйство вступило бы в полосу кризиса. Преодоление кризиса без правильной политики было бы совершенно невозможно;

в этом сказывается исключительное значение суб'ективного фактора в нашей экономике. Однако, отмеченное значение суб'ективного фактора не должно затемнять того обстоятельства, что возникновение кризиса обусловливается не только суб'ективным фактором, но и независящим часто от него обострением внутреннего противоречия нашей экономики.

Кое-кто недоволен проводимой в настоящее время политикой индустриализации и считает, что она именно и является тем суб'ективным фактором, который создает кризисные затруднения. В действительности, если бы восторжествовала линия на свертывание индустриализации — капиталистический сектор окреп бы настолько, что оказался бы в состоянии оттянуть значительную часть крестьянства из-под влияния социалистического сектора, что привело бы к серьезному хозяйственному кризису. В этом случае кризис явился бы результатом такой победы капиталистического круга воспроизводства, которая была значительно облегчена неправильной политикой государства. Правильная же политика значительно увеличивает шансы бескризисного развития, но даже и она, поскольку хозяйственное развитие происходит в форме борьбы двух противоположных кругов воспроизводства, не может избавить нас от временных, но весьма серьезных хозяйственных трудностей.

Мы видим, таким образом, что в противоположность мнению Бухарина трудности бескризисного развития в нашем хозяйстве состоят не столько в том, что наличие форм рыночной связи создает возможность просчетов и ошибок со стороны государства, сколько в том, что развитие хозяйства в условиях борьбы двух противоположных социально-экономических тенденций создает возможность временного разрыва связи социалистического сектора с частью крестьянских хозяйств. В борьбе против капиталистического сектора за связь с крестьянским хозяйством правильная политика является необходимой предпосылкой. Однако, проблему бескризисного развития сводить к проблеме одного только материального балансирования, значит воскрешать в советских условиях блаженной памяти Тугана-Барановского.

Л. Шанин

На путях преодоления нэпа[1]

VI

В капиталистических условиях интересы отдельного предприятия доминируют над всем. Здесь вся работа подчинена задаче сохранения и приумножения индивидуального капитала. Но отдельное хозяйство может остаться владельцем реализуемой им стоимости лишь постольку, поскольку деньги благодаря самому акту реализации implicite возвращаюся к нему. „Эквивалентное возмещение" капиталиста есть поэтому основа основ.

В нашем построении внутрисиндикатских взаимоотношений, (если их брать в последовательно развернутом виде) для эквивалентного возмещения стоимости трестовской продукции вообще нет места. Тот приток ресурсов к отдельной хозяйственной единице, который в наших условиях имеет место, не есть эквивалентное возмещение продукции, реализованной трестом. У нас внутри синдикатских отношений, при последовательном их развитии, и самое понятие эквивалетного возмещения будет отсутствовать. Его место заступает целевое комплектное снабжение, ориентирующееся не на состоявшуюся ранее реализацию, а исключительно на следующий производственный акт. При том, приток этот происходит независимо от того, укладывается ли он в эквивалентное возмещение или нет, больше ли он его или меньше, ибо он определяется отнюдь не задачей имущественного возмещения, а той конкретной технико-производственной задачей, которую данная единица должна разрешить в следующем производственном обороте. Этот приток ресурсов обращен лицом не назад, к уже состоявшемуся отпуску трестовской продукции, а вперед, к новому производственному акту, который должен еще только совершиться. Снабжение, таким образом, коренится не в имущественном титуле, возникшем из предыдущего акта реализации, а определяется производственным заданием. В наших условиях приток ресурсов есть не функция предыдущего акта реализации, а функция будущей, заданной работы.

На первых стадиях синдикатского развития указанная конструкция взаимоотношений еще не выступает ясно. Сначала кажется, что мы стоим целиком на почве эквивалетного возмещения, от которого по особым соображенияи делаются только отдельные, частичные отклонения (отчисления прибылей, амортизационных сумм и т. д.).

[1] Окончание. См. „Плановое Хозяйство" № 8, 1929 г.

Эти отчисления, правда, сокращают размер притекающих сюда ресурсов, но не меняют еще принципиальной базы взаимоотношений, как взаимоотношений эквивалентного возмещения. Позже становится ясно, что мы имеем дело не с исключениями и только, что постепенно и самая база этих взаимоотношений коренным образом меняется. Если сначала именно отклонения от эквивалентного возмещения имеют свою специальную мотивировку, свое конкретное деловое лицо, а все обратно протекающие к тресту средства независимы от особого целевого назначения и опираются в этом движении единственно на имущественный титул, то, под конец, мы имеем уже противоположную картину: направляемые к отдельной единице ресурсы перестают носить характер безличного остатка, полученного после немногих вычетов из суммы эквивалентного возмещения, и сами становятся строго целевыми. Так, постепенно, ликвидируется вся конструкция эквивалентного возмещения. Даже то, что данная точка продолжает к себе притягивать, притекает к ней уже не в порядке эквивалентного возмещения. Если денежные суммы на выплату заработной платы и децентрализованное снабжение и т. д. направляются тресту, то суммы эти представляют здесь не столько возмещение какой-то части ранее отданной стоимости, а финансирование (на основе определенных технических коэфициентов) расходов на заработную плату и дополнительное снабжение, при чем техническое проведение этих расходов синдикат делегирует тресту, вместо того чтобы производить их самому, как он это делает в пределах централизованного снабжения. В сущности и суммарная заработная плата оплачивается здесь уже не трестом, а синдикатом, при чем синдикат только делегирует тресту (заводу) техническое выполнение этой операции. Поэтому даже там, где синдикат снабжает трест денежными средствами, мы имеем не кругооборот самостоятельного капитала треста и, в частности, не возвращение трестовского денежного капитала к повторной денежной форме, а технический момент движения, фактически об'единенного синдикатом капитала данной отрасли.

Если свободным распорядителем ресурсов отдельной хозяйственной единицы является сама эта единица, если именно она дает направление основной массе своих ресурсов, если по ее собственным распоряжениям отдельные части этих ресурсов получают то или другое назначение, то все эквивалентное возмещение отпущенной продукции должно обязательно вернуться именно к ней. Но наша система хозяйственного управления построена на том, что распоряжение ресурсами отдельных единиц все более притягивается к вышестоящим хозяйственным органам. Поэтому нет необходимости, чтобы ресурсы от вышестоящей организации сначала полностью подвозились к самой этой хозяйственной единице и чтобы эта последняя следующим актом направляла их, скажем, НКФину, в БДК и т. д. Естественно, что вместо того, чтобы эта часть средств такими

кружными путями шла к своему конечному назначению, вышестоящая организация сама направляет ее непосредственно по адресу.

Меняет ли это техническое упрощение что-либо в существе хозяйственных взаимоотношений? На первых порах нет, ибо даже тогда, когда вышестоящий орган непосредственно адресует соответственные части эквивалентного возмещения окончательному их адресату, здесь все же презюмируется единство всех стоимостных частей трестовской продукции. Первично существует единство всего потока эквивалентного возмещения, которое лишь в порядке вторичного акта разделяется на отдельные части, получающие различное направление. При этом несущественно, возвращается ли это эквивалентное возмещение сначала целиком к хозяйственной единице, продукцию которой оно должно возместить, или непосредственно направляется синдикатом в конечные адреса. Если даже в фактическом своем движении средства эти и не представляют реального единства и разбиты на разные потоки, то в идее они все же продолжают существовать, как единая масса. Но чем полнее утверждается на практике непосредственное адресование отдельных стоимостных частей синдикатом, тем более и в идее это единство становится лишь условным и мнимым, а на каком-то этапе развития, вместо единства всего стоимостного эквивалента (в имущественном титуле отдельной единицы), создается в корне отличное единство, непосредственно выражающее реальный смысл совокупного движения отдельных стоимостных потоков.

Протекающий здесь трансформационный процесс складывается из трех этапов.

1. Сначала утверждается определенное назначение отдельных стоимостных частей эквивалентного возмещения, но без того чтобы синдикат непосредственно направлял эти суммы к конечному адресату. Указанные части продолжают свой обычный путь к производящей их хозяйственной единице, нормально возмещаемой в ходе кругооборота своего капитала. Соответственные суммы в форме отчислений, производимых в последующем порядке, направляются к конечным адресатам самой хозяйственной единицей.

2. Позже эти назначения начинают непосредственно определять реальное движение соответственных частей от синдиката к НКФину и т. д., минуя фазу первичного возмещения хозяйственной единицы. Здесь, вместо лишних, встречных пробегов устанавливается движение по прямым и коротким линиям. Но, в идее, отдельные потоки все еще представляют части единой имущественной массы треста.

3. И, наконец, третья ступень, когда не только реальный поток ресурсов разбит на отдельные части, имеющие первоначально разные направления, но потоки эти и, в идее, не об'единены более единством имущественного титула треста. Здесь протекающий к тресту поток определяется уже только целевыми моментами. Принцип прежнего единства тускнеет. Он заменяется другим бытовым пониманием

фактического движения, исходящим не из единства имущественного титула отдельной хозяйственной единицы, а из единства движущихся ресурсов об'емлющего целого.

Если в товарно-денежном хозяйстве все товары своими ценами показывают, что они представляют частную собственность на определенную сумму денег и ожидают своего превращения в деньги,— это высшее их выражение,—то в социалистическом обществе продукты и фактически, и в идее представляют не деньги, и не частное имущество отдельной производственной единицы, а оперативную собственность народнохозяйственного целого. И нужно, чтобы продукты, соответственно этой своей общественной природе (практически, в самих бытовых буднях выявляемой), и в идее представляли только это организованное целое в его оперативном движении.

VII

Согласно нынешним законоположениям 88% трестовской прибыли в обязательном порядке изымаются у треста и передаются НКФину, БДК и т. д.[1] При нынешнем построении синдикатской работы, когда синдикат сам непосредственно производит указанные платежи в НКФин и БДК, подавляющая часть трестовских прибылей, вообще, не проходит через трестовскую кассу или трестовский счет в банке. Следовательно, подавляющая часть созданного трестом прироста стоимости к нему вообще не возвращается из процесса обращения.

То же, хотя и в меньшей мере, относится и к аммортизационным суммам. Поскольку ВСНХ, по соглашению с НКФином, имеет право предписать отдельному тресту внести часть или даже полностью всю аммортизационную сумму вкладом в БДК, эта последняя претерпевает ту же судьбу, что и указанная часть прибылей. По мере того, как синдикат сосредоточивает у себя выполнение таких отчислений, и эта часть стоимости продукции не возвращается к тресту из сферы обращения. Таким образом, в трестовскую кассу не обязательно возвращается даже и оборачивающаяся часть авансированных ресурсов.

[1] Эти 88% складываются следующим образом:

	В %%
1. Подоходный налог	10,00
2. Отчисления в доход государства	38,34
3. Резервный капитал (8% заем)	8,73
4. Спец. капитал БДК	8,73
5. Вклад в БДК (половина капитала расшир. предпр.)	10, 9
6. Особые отчисления (из прибыли шерстяных трестов в „Овцевод"—10% и т. д.) около	0,75
7. Проф.-техническое образование	2, 7
Итого . . .	88 15
8. Фонд улучшения быта рабочих и служащих	8,73
9. Премиальный фонд . . . . . не более . . .	0,22
10. Капитал расширения предприятия, остающийся в распоряжении треста	10, 9
Итого . . .	100,00

Но мало того, и та часть стоимости, которая возвращается к тресту, претерпевает глубочайшие изменения. Если для капиталистического хозяйства прохождение каждою поступающею в обращение частью капитала денежной фазы является обязательным, и фаза эта представляет венчающую точку кругооборота капитала, то в наших условиях, даже возвращающаяся к тресту часть авансированнного капитала не обязательно принимает денежную форму. Трест сдает синдикату свою продукцию; но одновременно идет встречный поток синдикатского снабжения, и в этой части денежная форма здесь выпадает. На первых порах денежная фаза выпадает здесь только технически, как это бывает при всяких безналичных расчетах, хотя на самом деле трестовский капитал невидимо фазу денежного капитала здесь все же проходит. Но позднее эта фаза выпадает и по экономическому своему существу, выпадает коренным и конститутивным образом.

Если на первых порах, когда синдикат еще не овладел согласованым регулированием обоих товарных потоков (снабженческого и реализационного), как взаимно обусловливающих друг друга, если в этот период комиссионные поручения и платежеспособная сила треста являются для синдиката единственно руководящими, то позже, вместо безразличной силы денежного капитала, растущую роль играют производственно-технические моменты. Синдикат энергично отсеивает пред'являемые к нему требования, не довольствуясь одной платежеспособностью треста; он выдвигает в качестве решающего критерия технико-производственную надобность, в соответствии с производственной программой.

Вследствие технической некомпетентности и неподготовленности к выполнению регулирующих функций, синдикат сначала осуществляет этот подход лишь частично и робко; эти технико-производственные критерии фигурируют в его работе только рядом с коммерческими критериями, сохраняющими еще первенствующее значение, но постепенно первые получают преобладающее значение и начинают суверенно определять снабженческую работу синдиката.

Однако и на этой стадии, где товарные потоки определяются единственно технико-производственными нормами, денежно-расчетные моменты не исчезают бесследно. Утратив свое определяющее значение, они сохраняют здесь значение последующих (в сущности, уже беспредметных) расчетно-технических операций. На первых порах технико-производственное нормирование трестовского снабжения и отпуска продукции неотступно переводится на денежно-расчетный язык и завершается в денежной форме; все операции проводятся именно в этих привычных терминах, хотя существо операций уже определяется другими моментами. Только позже эти другие подлинно решающие моменты будут выступать как самостоятельно завершающие и законченно выражающие собою всю операцию.

Мы имеем здесь нечто, аналогичное тому, что происходит при усвоении нового языка. Усваивая содержание книги, написанной на непривычном языке, мы сначала мысль ее неуклонно переводим на привычный язык. Лишь позже мы начинаем смысл ее брать непосредственно на языке самой книги без того, чтобы переводить его на привычную речь. Мы начинаем мыслить непосредственно оборотами и образами нового языка.

Хотя технико-производственные нормы, по существу, играют сейчас всеопределяющую роль (трест при данном снабжении должен дать столько-то продукции определенного качества, [1] мы все еще оформляем это, уловленное нами, натуральное существо в терминах денежного расчета. Но мы уже близки к тому, чтобы натурально-производственными нормами не только руководствоваться, но и самые расчеты завершать, в натуральных, а не денежных терминах. Сегодня синдикатское снабжение треста еще сопровождается условным денежным расчетом и отношения получают свое формальное завершение в этом последнем. Но мы идем к тому, чтобы преодолеть и эту (теперь уже беспредметную) форму расчетов, как она преодолена во взаимоотношениях между заводоуправлением и отдельным цехом, где ведется только расчет передаваемого в цех материала, сданной цехом выработки и остатка материалов. Таким образом, характер и титул даже той части ресурсов, которая направляется („возвращается") тресту, претерпевает радикальное изменение. А в денежной „натуре" к тресту притекает только совершенно небольшая часть средств (стоимость заработной платы, части материалов, которыми трест снабжается децентрализованно, и местных расходов); только в отношении этой части стоимость продукции реально проходит денежную фазу.

Былое единство притекающих к тресту денежных средств здесь радикально разрушено. Отклонение от прежнего типа начинается с того, что не все элементы стоимости возвращаются тресту. Сначала делаются отдельные строго целевые отчисления, которые сами по себе еще не разрушают идеи „эквивалентного возмещения". В принципе же все возмещается. Но постепенно с ростом отчислений принцип „возмещения" вообще отбрасывается и в трест направляются лишь технически мотивированные и целевым образом определяемые квоты материальных и денежных ресурсов. То, что не возвращается тресту, не требует особой мотивировки. Только то, что направляется тресту, теперь должно быть мотивировано. Так, количество переходит в качество. [2] Теперь уже не данной хозяйственной единице принадлежит стоимость ее продукции, и только в виде исключения из нее делаются отдельные отчисления в пользу целого, а вся она фактически принадлежит целому, а в отношении треста делаются лишь производственно мотивированные назначения. [1] При чем все эти назначения идут в порядке производственно-технических норм, одних, совершенно минующих денежную форму (материальное снабжение), а других, получающих также и денежную форму (но не в качестве денежного возмещения, а подвоза определенной квоты ресурсов, которая технически требуется здесь именно в денежной форме). Единство имущественного титула, об'единяющего все стоимостные элементы трестовской продукции (c + v + m), сменяется последовательным производственно-целевым подходом.

Если в настоящий момент у нас, по видимости, еще сохраняется иллюзия собственных капиталов трестов, которыми трест в той или другой части будто бы самостоятельно распоряжается, то фактически (хотя и неформально) все трестовские капиталы уже об'единены в синдикаты и реально представляют собою об'единенный капитал отрасли, а не индивидуальные капиталы трестов. Последним предложением РКИ об образовании нового Химуправления — Химсиндиката, которому передаются все капиталы химических трестов, и новыми тезисами РКИ и ВСНХ эта, фактически уже реализованная в текстильной промышленности, тенденция получит и формальное утверждение.

VIII

Мы видели, что возможны три метода подвоза ресурсов. Один — эквивалентное возмещение отпускающей товар единицы с тем, чтобы она сама производила все платежи и отчисления. Другой — путь отказа от полного возмещения этой единицы с тем, чтобы необходимые отчисления делались непосредственно синдикатом и, таким

[1] В отношении сноса оборудования это пока менее ярко выражено; здесь еще нет той наглядности, которая есть в оборотных ресурсах.

[2] Аналогичные переходы количества в качество мы имеем каждый раз, когда в старый хозяйственный уклад внедряются элементы нового. То же имело место и в период внедрения элементов товарного хозяйства в натуральное, а затем и в период вытеснения первым второго и т. п. Маркс писал: „Те самые обстоятельства, которые создают основное условие капиталистического производства — существование класса наемных рабочих,— содействуют переходу всего товарного производства в капиталистическое товарное производство. В той мере, как последнее развивается, оно действует разрушающим и разлагающим способом на всякую более старую форму производства, которая, рассчитанная преимущественно на непосредственное собственное потребление, превращает в товар (сначала *Л. Ш.*) только излишек продукта". Позднее „...продажу продукта оно делает преобладающим, главным интересом, при чем сначала оно как будто не затрагивает самого способа производства,— таково было, например, первое действие капиталистической мировой торговли на такие народы, как китайцы, индийцы, арабы и т. д. Но потом, пустив корни, оно разрушает все формы товарного производства, основой которых служит или собственный труд производителя, или же просто продажа в виде товара только излишков продукта. Сначала оно придает товарному производству характер всеобщности и потом, постепенно, превращает все товарное производство в капиталистическое производство". (Маркс „Капитал", т. II, стр. 12, 13).

[1] Переход от единства одного типа к единству другого, более высокого типа, как правило, происходит на основе предварительного разложения первого. Разложение низшего единства является необходимым условием перехода к высшему. Для того чтобы капиталистический тип соединения рабочей силы и средств производства мог

образом, избегался двойной пробег ресурсов (один раз к организации, эквивалентно-возмещаемой, а потом от нее к конечным адресатам отчислений). И третий — путь об'единения всех средств и обязательств в об'емлющей организации, с нормированным целевым питанием и нормированной сдачей продукции об'емлемой единицы.

Совершенно очевидно, что рядовой и равноправный контрагент не может встать на второй и третий путь. Он не призван разбивать общую сумму эквивалентного возмещения на отдельные составные части и давать каждой из них особое направление. Только вышестоящая об'емлющая организация, а не рядовой коммерческий контрагент, может, взамен эквивалентного возмещения, организовать производство отчислений за счет подчиненной хозяйственной единицы (а на следующей ступени — организовать и совокупное капиталоуправление).

Но если внутри синдицированных отраслей такого рода сращивание капиталов и их фактическое превращение в единый капитал всей системы в значительной мере подготовлено и проведено, то в межотраслевой сфере, во взаимоотношениях между различными отраслевыми системами, как правило, еще полностью господствует практика эквивалентного возмещения. Если внутри синдицированных отраслей излишние пробеги ресурсов сейчас уже преодолеваются, то в межотраслевых взаимоотношениях эквивалентное возмещение поступает от равноправных систем полностью, и возможность прямого платежа контрагентом в общехозяйственные органы (НКФину, БДК и т. д.). исключена. Только тогда, когда синдикат будет иметь дело не с другим равноправным синдикатом или кооперативным центром, а с об'емлющим его оперативным органом (типа Синдиката синдикатов), и платежи отдельному синдикату будут поступать, следовательно,

состояться, необходимо было, чтобы докапиталистические формы соединения рабочей силы и средств производства были разрушены. Обезземеливание крестьян и разложение ремесла были способами такого разложения прежнего соединения рабочей силы и средств производства для подготовки более высокой капиталистической формы их соединения, соответственно характеру технического прогресса.

„Каковы бы ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами", которые „для того, чтобы вообще производить... должны соединиться. Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, различает отдельные экономические эпохи социальной структуры".

„Если продажа собственной рабочей силы (в форме продажи собственного труда, или в форме заработной платы) представляет не изолированное явление, но предпосылку товарного производства, накладывающую свою печать на все общество... то это предполагает исторические процессы, которыми разлагалось первоначальное соединение средств производства с рабочей силой: процессы, в результате которых масса народа, рабочие, как неимущие, противостоят неработающим, как имущим, как собственникам средств производства. Имело ли соединение перед своим разложением такую форму, что сам рабочий принадлежал в качестве средства производства к числу других средств производства, или же он был их собственником,— это дело не изменяет". (Маркс. „Капитал", т. II, стр. 13, 9).

только от об'емлющего органа, только тогда отпадет необходимость реального эквивалентного возмещения отдельного синдиката, с последующими отчислениями этим последним в центральные органы. В этих условиях необходимое адресование ресурсов (отчислений) Синдикат синдикатов будет производить непосредственно. Вместо отдельных встречных денежных потоков, на основе единства имущественного титула отдельных единиц, (хотя бы и синдикатского масштаба), где конечное адресование ресурсов достигается через ряд встречных и искусственных (с точки зрения этого конечного результата) операций, мы будем иметь непосредственное конечное адресование, на основе народнохозяйственного единства всех ресурсов. В этих условиях и отдельный синдикат будет получать уже не эквивалентное возмещение, а как и все остальные хозяйственные организации, только то, что ради определенных хозяйственных целей должно быть к нему направлено. Когда эти условия созреют пробьет час нэпа внутри нашего обобществленного сектора.

IX

Особая природа советского синдиката ярко выступает и в его юридической конструкции. Эта сторона дела получила несколько времени тому назад, достаточное освещение в специальной работе Всесоюзного совета синдикатов, посвященной вопросам синдикатского права. („Синдикаты и внутрисиндикатские отношения", Москва, 1927 г.)

Чисто внешне взаимоотношения между синдикатом и трестом строятся на добровольно-договорных началах. Но достаточно ближе присмотреться к фактическому содержанию взаимоотношений обоих чтобы убедиться, что от договорных отношений двух равноправных сторон тут не осталось почти что и следа. Ни в самом содержании, ни в порядке возникновения этих договоров нет почти ничего, что напоминало бы договорно-коммерческую связь двух индивидуальных единиц атомизированного капиталистического хозяйства.

Проф. Шретер, в названном сборнике, пишет: „В типичных случаях, сама завязка правоотношения, т.-е. возникновение обязанности треста представить товар синдикату происходит не в силу паритетного договора, как это вытекало бы из поставки или договора комиссии, а в силу постановления общего собрания или групповых собраний членов синдиката; при определении обязанностей треста последний не торгуется, он не имеет права соглашаться или не соглашаться", как это предполагается при индивидуалистических договорах (ibidem, стр. 12).

„Договор возникает из свободного волеизъявления сторон... Договор считается заключенным лишь тогда, когда между сторонами достигнуто соглашение... по всем существенным его пунктам... Договор есть компромисс — равнодействующая сталкивающихся отдельных эгоистических воль... „Если мы обратимся к анализу внутрисин-

дикатских договоров, то мы убедимся, что ни один из вышеописанных моментов не является их обязательным и неотъемлемым свойством. Первый момент — договорная автономия отсутствует во внутрисиндикатских договорах.. Источником обязательства является не волеизъявление сторон, а воля коллектива, так как в основе синдикатских соглашений лежит не автономная воля договаривающихся сторон, а плановые начала, определяемые уставом синдиката или постановлением общего собрания... Но не только самая завязка соглашения... находится вне сферы заключаемого договора, но и самые существенные его пункты предрешаются, помимо воли непосредственных участников договора, или распоряжением органов административной власти (цена), или постановлением внутрикорпоративных органов (количество, условия расчета)" (ibidem, стр. 41—44).

„Синдикат и входящий в него трест в хозяйственном отношении составляют единое целое. Синдикат по своему социально экономическому назначению не имеет своей задачей самостоятельное хозяйствование в своих собственных интересах. Его хозяйственная деятельность имеет служебное значение. Цель синдиката двоякая: с одной стороны — рациональная организация финансовой и торговой деятельности трестов и сокращение торговых издержек, а с другой стороны — регулирование, методами коммерческого воздействия, производственной деятельности трестов с точки зрения интересов всей, объединяемой синдикатом, данной отрасли промышленности, а также всего народного хозяйства в целом. Поэтому синдикат и трест, заключая между собой договор на реализацию продукции треста или на снабжение треста сырьем и иными материалами, не ставят себе задачи согласования двух имущественных интересов, обмена имущественными выгодами.

Синдикат и трест договариваются между собой, как и в каком порядке осуществить единый имущественный интерес. Внутрисиндикатский договор не создает для сторон субъективных правомочий, обладающих имущественной ценностью, но распределяет между сторонами обязанности, связанные с осуществлением общего задания. Внутрисиндикатский договор — это договор — план, это взаимная инструкция, определяющая обязательное поведение каждой стороны по осуществлению данной хозяйственной операции" (ibidem, стр. 42).

У наших трестов одна общая цель, один интерес — осуществлять свою хозяйственную деятельность так, чтобы она соответствовала началам планового, социалистического хозяйства. Коммерческий расчет есть только метод организации госпромышленности. Выступая разрозненно на рынке, тресты были бы не в состоянии действовать так, как этого требует плановое хозяйство. Только через синдикат достигается эта организационная возможность. [1]

[1] Если обратиться к конкретному содержанию внутрисиндикатских договоров, то ярко выступает следующее: они почти не содержат условий, исполнение которых служит для получения имущественной выгоды той или иной стороною. В этих пунктах содержатся лишь директивы хозяйственной политики, преследующие цели регулятивно-планового порядка. Наиболее полно и всесторонне разработанным внутрисиндикатским договором, охватывающим исчерпывающим образом все содержание внутрисиндикатских соглашений, является типовой договор ВМС со своими членами. В этом договоре содержатся 62 пункта. Из них лишь 20 пунктов касаются оперативных взаимоотношений, а остальные 42 пункта касаются исключительно области регулирования. „То социально-экономическое явление, которое облекается в форму внутрисиндикатского договора, совершенно иного порядка, чем то, что составляет социально-экономическую сущность всякого другого договора. Материальная основа внутрисиндикатского договора — это не законом защищенный имущественный интерес, но организационный план для осуществления определенной общей цели" (ibidem, стр. 42).

Такие основные элементы договора, как цена и условия, на которых синдикаты должны реализировать трестовские товары, устанавливаются не в порядке соглашения с трестом, а на основании постановлений синдикатских органов. Эти „постановления, по существу, являются постановлениями одного из контрагентов, обязательными для другого контрагента, которому остается только оформить эти постановления своей подписью, без какой-либо возможности внести в них какие-либо изменения, даже и в том случае, когда он, при принятии указанных постановлений собранием уполномоченных или на торговых совещаниях, был против них. Здесь мы имеем типичный пример того отсутствия свободного волеизъявления со стороны треста — члена синдиката, которое лишает документ, внешне являющий собой вид договора, значения договора, как правоустанавливающего акта, и превращает его в исполнительный документ, лишь оформляющий права и обязанности, установленные в другом месте и другими актами (постановлениями собраний уполномоченных или торговых совещаний синдиката)... основанными... на суверенитете коллектива" (Киснемский, „Элементы корпоративных отношений в практике внутрисиндикатского оборота", ibidem, стр. 56, 57).

Договоры эти и по существу лишены самого характерного стремления каждой из сторон к использованию выгод от конъюнктуры рынка, и к извлечению максимальной прибыли, за счет своего контрагента. Они характеризуются совершенно другими принципами (уравнительным строением цен по отпускаемым трестам сырью и материалам, разложением между ними рисков и т. д.), чуждо индивидуалистическим и паритетным договорам. Эта тенденция получила наиболее глубокое проявление в практике двух прейскурантов: одного (единого) торгового прейскуранта, строющегося независимо от производственной стоимости товара в отдельных трестах и другого производственного прейскуранта, отражающего различную себестоимость товара у различных трестов.

При создании единого торгового прейскуранта, товары того или иного треста с высокой себестоимостью продаются ниже себестоимости и убытки треста возмещаются за счет всей объединенной промышленности данной отрасли. В форму какого договора можно облечь столь сложные взаимоотношения? „Совершенно очевидно, что здесь

мы подошли к моменту, когда корпоративная власть синдиката доходит до той высшей точки, когда она не только предопределяет все основные условия договоров, заключаемых с отдельными трестами, но уже совершенно уничтожает и самую возможность такого изолированного договора, ибо нельзя заключить отдельно с данным трестом ни комиссионного договора — для того, чтобы продавать товар ниже его себестоимости для треста, ни договора купли-продажи—для того, чтобы затем продать товар ниже той суммы, которую надо заплатить за него тресту. Здесь явное „перерастание" корпоративной сущности отношений над их частно-правовой оболочкой". Необходимо поэтому, чтобы„... корпоративная природа синдикатского об'единения разорвала, наконец, изношенную договорную оболочку и нашла собственную правовую форму" (Шкляр, „Внутрисиндикатские отношения в связи с ростом корпоративных начал в синдицированной промышленности", ibidem, стр. 37, 38).

Договор между синдикатом и трестом является лишь исполнительным документом, не производящим право, а исполняющим правовые императивы, возникающие из целевого назначения синдиката, согласно норм, содержащихся в утвержденном уставе синдиката.

В основе взаимоотношений между синдикатом и трестами лежит „уставно-плановое начало... Договоры между синдикатом и его членами, по исполнению социально-целевых функций первого, отличаются тем основным признаком, что в них отсутствует автономия сторон. Содержанием этих квази-договоров является установление взаимоотношений сторон по осуществлению определенного оперативного плана, к исполнению которого стороны уже обязались в силу постановлений устава".[1] (Фрадкин, „Внутрисиндикатские отношения и наше законодательство", ibidem, стр. 17, 18).

На ряду с корпоративными началами, в синдикатской работе известное место занимают и публично-правовые элементы. „Устав синдиката, будучи, по условиям своего возникновения, продуктом договорного соглашения между участниками синдиката, фактом утверждения правительством (СТО, ЭКОСО), становится в отношении к синдикату независимым от него статутом, обязательным для него образом определяющим его организацию, функции, порядок деятельности и проч. Следовательно, по материальному своему содержанию, устав синдиката представляет собою постановление правительства. Поэтому, и сам синдикат, несмотря на свою формально-правовую самостоятельность, — не суверенный носитель свободно избираемых им хозяйственных целей, но социально-целевое образование со специализированными функциями. Финансово-операционный план синдиката, как программа его деятельности, принимается общим собранием членов синдиката, в порядке их хозяйственного самоопределения. Но утверждение этого плана органами ВСНХ и регулирование его Наркомторгом создает необходимую согласованность деятельности синдиката с общим централизованным планом всего народного хозяйства... При таких условиях финансово-операционный план синдиката, по своему существу, становится тем же, чем является программа деятельности для всякого вообще государственного органа...

„Формальная договорная автономия синдиката совмещается с весьма глубоко проникающим государственным регулированием его оперативной работы". Помимо утверждения ВСНХ финансово-операционного плана синдиката, „таксировка Наркомторгом его отпускных цен, регулирование им размещения товарных масс и т. д. все это, не затрогивая формальных приемов торговой деятельности синдиката, определяет направление и содержание его операций. Наиболее яркими примерами использования договорного института для целей государственного воздействия через синдикаты на торговый оборот является включение в состав генеральных договоров мер экономического воздействия за нарушения постулатов государственной политики" (Иваницкий, „Публично-правовая сущность и частно-правовые элементы организации советских синдикатов", ibidem, стр. 8 и 9).

Мы, конечно, далеки от того, чтобы в лице синдикатов иметь чистый тип публично-правового института, но мы имеем здесь сочетание публично-правового и частно-правового начал.

„Такое сочетание публично-правовой природы государственного хозяйства, с используемыми в нем частно-правовыми структурными приемами, должно дать единую правовую систему советского государственного хозяйства, вполне обеспечивающую, с одной стороны, прогрессивное развитие социалистических элементов советской экономики, с другой — жизнеспособность государственных предприятий, как участников рыночного — торгово-промышленного строя. В этой правовой системе, публично-правовые и частно-правовые элементы должны не механически сосуществовать, а образовать одно органическое целое, в котором заимствованные из частно-правового обихода формы и связи обращаются в институты чисто служебного значения, играют роль технических средств для разрешения социально-политических и государственно-экономических задач... Эти частно-правовые элементы представляют собою лишь чисто внешние приемы

[1] Но и взаимоотношения между синдикатом и трестами не исчерпываются одними лишь односторонними волеизъявлениями синдиката, хотя последние явно и доминируют в них.

Где-то власть синдиката в отношении отдельных трестов кончается и в дальнейшем по тому же правоотношению начинается паритетное отношение. Так например, если властью синдиката определяется размер поставки, ее контингенты, цены и т. д., то, с другой стороны, вопрос о забраковании той или другой партии, о скидках за несоответствие качества, вопрос о процентах за несвоевременную уплату и проч. разрешаются на паритетных основаниях, по соглашению с синдикатом. Сюда нужно отнести и такие детальные вопросы, как место доставки, порядок приемки и проч. Правда, значение всех этих моментов сугубо второстепенное.

особой системы управления государственным хозяйством, совершенно не затрогивающие его общей публично-правовой установки. Они не только не препятствуют проведению государственной политики в области государственного хозяйства, но, напротив того, сообщают ей особую гибкость и эластичность" (ibidem, стр. 6, 7).

В первом периоде синдикатского развития, сочетание договорного и корпоративного начал, частно-правового и публично-правового начал являлось основным условием жизненности, практичности и прогрессивности данной формы (при чем, на первых порах, договорные моменты преобладали над корпоративными, а корпоративные над публично-правовыми). Но развитие идет в сторону совершенно несомненного преобладания корпоративного начала над договорным и публично-правового над частно-правовым. Сейчас старая мера сочетания одного и другого сплошь и рядом уже не гарантирует жизненности построения синдикатской работы. Сейчас старое сочетание не всегда уж играет роль прогрессивного начала. В настоящих условиях именно преодоление этих разнородных моментов в построении синдикатской работы и большая внутренняя унификация последней, на основе своеобразного публично-правового начала, а не сохранение тех и других, выражает прогрессивные тенденции нынешней стадии синдикатского развития.

X

Одним из наиболее интересных моментов эволюции синдикатской системы является ее взаимоотношения с планирующими и управляющими органами (ВСНХ).

Наши тресты и синдикаты являются детищем нэпа. Они пришли на смену главкистской военно-коммунистической системе управления-не сумевшей разрешить задачи послевоенного восстановления нашего хозяйства. Военно-коммунистическая система сорвалась, прежде всего, из-за „отрицательного воспроизводства" периода гражданской войны и интервенции (и тех социально-политических осложнений, с которыми это „отрицательное воспроизводство" было связано); но она сорвалась отчасти и из-за технической беспомощности тогдашней главкистской системы и ее неподготовленности к руководству народным хозяйством. Последнее обнаружилось вскоре же после ликвидации гражданской войны; уже через короткое время стало ясно, что главкистские (военно-коммунистические) методы управления хозяйством не обеспечат того быстрого восстановления народного хозяйства, которое нам до-зарезу было необходимо.

На смену главкистской системе пришел нэп с его коммерциализацией хозяйственных отношений (даже внутри обобществленного сектора). Коммерческий расчет, самоснабжение отдельных предприятий, непосредственный выход на рынок, работа „с целью получения прибыли" в этом мы пытались найти выход из тупика, куда зашло все наше хозяйство в том числе и обобществленный сектор хозяйства,

(при том не только в своих взаимоотношениях с частным сектором, но и во взаимоотношениях отдельных своих частей). Прямое централизованное управление хозяйством не могло решить задачи быстрого хозяйственного под'ема даже в пределах одного лишь обобществленного сектора. Центр тяжести оперативной хозяйственной работы был поэтому перенесен на отдельные хозяйственные единицы, действующие на началах коммерческого расчета.

Но нэп ни в какой мере не означал отказа от государственного управления и планирования. Основных социалистических позиций, в их существе, мы не собирались сдавать. Только методы осуществления задач менялись. И чтобы удержать в руках хозяйственных центров руководство и планирование обобществленным сектором (и прежде всего промышленностью), мы построили двойственную систему хозяйственного руководства.

Спасая наше хозяйство нэпом, мы одновременно спасали социалистическое ядро нашего хозяйства от отрицательных сторон нэпа. Именно поэтому, на ряду с коммерциализацией оперативной работы, была сохранена сестема государственного управления и планирования обобществленного сектора. Правильно, недавно, отмечал по этому поводу т. Гольцман в статье „Управление промышленностью в Германии и в СССР". „Цель отделения плановых функций, сосредоточенных в ВСНХ, от оперативных функций, сосредоточенных в трестах, заключалась в том, чтобы, восстанавливая промышленность на основе новой экономической политики, дать все же направление этому восстановительному процессу по пути, предусмотренному планом. В оперативной деятельности треста могли отражаться как положительные, так и отрицательные стороны нэпа. В своей оперативной работе тресты... рисковали подвергнуться влияниям со стороны представителей частного капитала, что довольно часто имело место. Но плановые функции, сосредоточенные в ВСНХ, не должны были подвергаться влияниям рыночной стихии. Они должны были представлять собою кристаллическое выражение генеральной линии..., они должны были переламывать отрицательные влияния новой экономической политики и направлять экономику страны, в первую голову промышленности, по пути социалистической реорганизации".

Отделение плановых функций от оперативных,—этот тип регулирования промышленности, в основном, сохранился до сих пор. А между тем целесообразно ли сохранять этот тип регулирования?

„Мы видели причины, приведшие в начале новой экономической политики к такому отделению. Эти причины в настоящее время больше не действуют. Государственное начало оказалось победителем в борьбе с нэповской стихией. Опасность затопления... социалистического здания промышленности нэповскими волнами оказалась нереальной... С другой стороны, тресты и синдикаты настолько укрепились, что планирующие органы не в состоянии

одной только силой „приказа“ оказать серьезное влияние на их деятельность... Концентрировав в своих руках сбыт продукции, синдикаты невольно подходят к постановке вопросов планирования... На практике эта эволюция синдикатов привела к тому, что они вынуждены были изучать условия роста продукции, капитального строительства и т. д. параллельно с деятельностью органов ВСНХ и дублировать, следовательно, их работу...

Следовательно, выдвигается необходимость слияния главков и синдикатов по всей линии промышленности... Нет абсолютно ничего нетерпимого в том, что функции планирования, якобы девственные по своей социалистической природе, будут соединены с оперативными функциями такой прозаической вещи, как торговля.

Если верно, что эволюция современной системы управления идет по пути отмирания части государственных органов и превращения аппарата регулирования в аппарат оперативный (а это безусловно верно), то первые шаги этого процесса должны сказаться, прежде всего, в области промышленности, где последовательно-социалистический тип предприятий нами уже достигнут...

Приобретая оперативное руководство над предприятиями, ВСНХ приобретает вместе с тем влияние не только силой приказа, силой постановления, иначе говоря, силой принуждения или морального авторитета, но приобретает также действительную хозяйственную власть и становится зачатком того оперативного распределительного органа в промышленности, какой нам представляется в идеале, при социалистическом строе“.

Эти начала получили наиболее яркое выражение в реорганизованном в прошлом году ВТС. Последнему было передано планирование и регулирование промышленности, и управление, и руководство подведомственными ВСНХ предприятиями: текстильными трестами, торговыми, сырьевыми, сбытовыми и снабженческими обществами. На этой же основе РКИ предполагает реорганизовать в ближайшее время и остальные синдикаты и главные управления. Среди них, в одну из первых очередей намечены к реорганизации Химсиндикат и Главхим. РКИ предлагает все руководство химической промышленностью теперь же об'единить в одном органе, путем слияния Главхима с Химсиндикатом и передачи об'единенному органу всех капиталов химической промышленности и сосредоточения у него всей прибыли последней. Здесь намечается не только слияние управленческой работы с оперативной, но и значительное усиление оперативных позиций синдиката и Главхима, путем передачи им всех капиталов трестов.

Таким образом под управление промышленностью подводится не только новая оперативная, но и материальная база, между тем, как сейчас Главные управления ВСНХ не имеют никакого права непосредственного распоряжения материальными ресурсами подведомственной им отрасли промышленности. По проекту РКИ, тресты,

как коммерческие организационные центры, ликвидируются, а заводы непосредственно подчиняются общеотраслевому центру. В виде некоторого рудимента бывших трестов, предполагается оставить лишь особые технические управления, образуемые при главнейших заводах или в районах нескольких заводов. В задачи этих технических управлений входит изучение производства на основе заводских технических отчетов и калькуляций, наблюдение за выполнением директив по снижению себестоимости, установление норм сырья, топлива и материалов, контроль за качеством продукции, введение новых технологических процессов, руководство рационализаторской работой и т. п.

Намечаемую в лице особых технических управлений организацию технического руководства промышленностью нельзя считать окончательной. Хотя сейчас организация их, повидимому, была бы действительно целесообразной, но есть основания думать, что они представляют собою только переходную форму в развитии централизованного технического руководства промышленностью.

Мы идем, таким образом, к полному сращиванию, с одной стороны, трестов и синдикатов, и, с другой — синдикатов с соответственными наркоматскими управлениями. Но одновременно (как это можно усмотреть из опыта создания Госбанковского текстильного агентства внутри текстильного синдиката) намечается еще и сращивание этих новообразований с соответственными банковскими организациями. Не только организация нашего материального хозяйства подымается сейчас на высшую ступень, но одновременно подготовляется сращивание материального и финансового хозяйств (знаменательный начальный шаг по пути натурализации обобществленного сектора) и сращивание оперативно-хозяйственного и управленческого аппаратов (многозначительное звено в процессе преобразования советского государства).

XI

Такова линия общего развития синдикатской системы. Линия эта не представляет собою произвольной конструкции. Она — результат не спекулятивного умозрения, а анализа фактического развития наших синдикатов.

Было бы недопустимо, если бы мы, анализируя реальный ход развития синдикатской системы, ограничивались одним лишь скудным описанием отдельных частностей. Задача всякого теоретического изучения заключается в том, чтобы заставить эти частности говорить языком обобщений, языком больших линий развития. Но из того, что практика подводит нас к такого рода обобщениям, не следует, что практика полностью достигла того уровня, который абстрактно выражен в этих обобщениях. Из того, что та или иная общая тенденция уже наметилась не следует, что она единодержавно господствует в практике, вытеснив и преодолев остатки прежних

образований. Было бы недопустимо из-за деталей не увидеть общей линии. Но не менее ошибочно было бы, под влиянием выявившейся общей линии, оторваться от реальной действительности с ее многообразием перекрещивающихся тенденций, и разнообразием стадий развития. Дать этой тенденции (как бы она ни была важна для понимания основной линии развития) заслонить все многообразие фактической действительности было бы также недопустимо. Лишь конкретное описание может показать, каков на данной стадии удельный вес и значение этой тенденции в многообразной практике отдельных синдикатов, в какой мере она фактически окрашивает собою работу того или иного из них.

На деле не все синдикатские организации одинаково продвинулись в обрисованном направлении. Одни находятся в начале этого процесса, другие прошли уже полпути и больше. Одни пошли уже далеко в организации сбыта, другие в организации снабжения и т. д. Дальше всех пошел ВТС. Но и он не поглотил еще формально трестов и не оформился в синдикато-трест. Даже в этом авангардном синдикате наметились только основные элементы, а последовательная перестройка, на основе новых принципов и в нем не закончена. Поэтому, о полном, „классическом" преодолении нэпа внутри отдельных отраслей обобщественного сектора пока нельзя еще говорить. В одних синдикатах сохраняется не только коммерческая форма, но и самый коммерческий характер взаимоотношений (на ряду, конечно, с тенденциями к их преодолению). В других — коммерческое существо на три четверти уже выветрилось, но осталась еще коммерческая форма и еще не произведена формальная реконструкция, дающая новому существу соответственное выражение.

Однако, отнюдь не обязательно, чтобы все элементы новой системы сначала созрели в недрах старой формы и чтобы лишь потом, когда они созреют, этому внутренне законченному процессу было дано соответственное внешнее выражение. Разве в нашем духе отрекаться от стимулирования сверху органических процессов? Ведь именно в этом, последнем порядке было произведено слияние ВТС и Главтекстиля и передача синдикату управленческих функций. Именно в этом порядке РКИ предполагает сейчас произвести реорганизацию Главхима и входит с общим предложением о реорганизации синдикатской системы.

Для того, чтобы оформление могло состояться, нет надобности, чтобы все элементы были предварительно налицо. Не надо из органичности процесса делать себе идола. Она лишь метод (один из методов) осуществления нужного перехода. Решающее значение имеет, очевидно, существо перехода, а не его метод. Важно лишь переход осуществить наиболее коротким и практичным путем. Решающее значение имеет только вопрос о практической подготовленности перехода.

Если элементы данного перерождения на три четверти определились и тем самым выяснилась подготовленность синдиката к охвату всех сторон деятельности треста, выяснилась его практическая компетентность и деловая квалификация, то завершение процесса может быть произведено и сверху в порядке регулирующего акта.

Если в прошлом развитие синдикатской системы характеризовалось спонтанностью и органичностью, то на базе этого предыдущего развития мы сейчас повидимому подошли к полосе планомерной, сознательно-принципиальной реконструкции синдикатов сверху.

XII

В тот период, когда мы над отдельными фабриками и заводами создавали трестовскую систему, мы строили в сущности второй этаж нашего хозяйственного здания. После этого внутри обобществленного сектора нам оставалось построить еще только два этажа: целостные отраслевые организации (отраслевые синдикаты, перерастающие в отраслевые тресты), а затем единый народнохозяйственный центр оперативного типа (Синдикат синдикатов, постепенно превращающийся в сверхтрест и прибирающий к своим рукам одновременно и производство и „обращение", и перераспределение ресурсов, т.-е. функции финансовой системы, и функции управления). Система отраслевых об'единений, — наш третий этаж, сейчас близок к своему завершению. Нам остается, следовательно, построить еще только один, последний этаж, и социалистическая организация оперативного руководства обобществленным сектором будет закончена.

Предстоящая нам, по этому четвертому этажу, строительная работа будет, в основном, воспроизводить черты проделанной только что эволюции от треста к синдикату. Различие между работой по третьему и четвертому этажам будет заключаться, прежде всего, в том, что в последнем строительство будет происходить на более высокой ступени и с меньшим числом об'ектов. Немногочисленность отраслевых систем и то обстоятельство, что развитие пойдет здесь на основе решающего опыта трестовской эволюции к отраслевому синдикато-тресту, позволяет думать, что эволюция от третьего этажа к четвертому пойдет скорее и легче, чем строительство предыдущего этажа и не потребует для себя 6—7 лет, как это было с синдикатами.[1] Есть основание думать, что задача эта будет вчерне решена еще в пределах нынешнего пятилетия.

[1] Это ускорение в темпе развития отмечает и Совет синдикатов. „Если в синдикатах, организовавшихся до 1926/27 г., процесс синдицирования растянулся на ряд лет и происходил постепенно, то синдикаты, организовавшиеся в 1927/28 г., уже в 1928/29 г. концентрируют сбыт подавляющей части продукции, об'единяемых ими отраслей промышленности" („Синдикатская система СССР" 1929 г., стр. 1).

Правильный учет путей и методов синдикатского строительства и умелый перенос их в следующий этаж, при социалистической реорганизации межотраслевых отношений, сыграет огромную роль в процессе преодоления нэпа внутри обобществленного сектора.

Именно такая организация, как синдикат, т.-е. одна из „самых нэповских" организаций, стала основным органом преодоления нэпа (внутри обобществленного сектора). И это понятно. Нэп означает, прежде всего, рынок. Преодоление нэпа означает поэтому, прежде всего, преодоление рынка. Но очевидно, что непосредственно эту задачу должна была взять на себя та государственная организация, которая действует на рынке и его организует. Внутри отдельных отраслей такой организацией является синдикат и кооперативная система; в межотраслевой сфере такой организацией станет Синдикат синдикатов. Вот почему значение их для проблемы преодоления нэпа внутри обобществленного сектора огромно.

Мы значительно ближе к замене товарно-денежных форм „обращения" социалистическим распределением ресурсов, чем это кажется сейчас. Значительный шаг в этом отношении (и прежде всего в пределах обобществленного сектора) будет сделан еще в нынешнее пятилетие.

Широко усвоено, что наша пятилетка есть план великих работ. Но не надо упускать, что это пятилетие будет периодом и великих организационных реформ и начала преодоления нэпа.[1]

---

[1] Настоящая статья в основном была написана задолго до постановки НКРКИ и ВСНХ вопроса о реорганизации управления промышленностью. Последующие конкретные предложения РКИ и ВСНХ нашли поэтому в ней лишь слабое отражение.

Е. С. Ефраимский

Порайонный план и его значение для кооперативного планирования[1]

II

Значение порайонного подхода при планировании сел.-хоз. кооперации мы уже коротко, и в самом общем виде, определили выше, указав, что районный разрез кооперативного плана и есть собственно основная форма его. Это целиком вытекает из самой сущности кооперации, являющейся орудием организационно-производственной и социальной реконструкции села.

В осуществлении районной политики эта сущность кооперации раскрывается с наибольшей полнотой, ибо здесь кооперация непосредственно и сознательно ставится на службу народнохозяйственным целям; здесь возможности, доставляемые кооперативной формой организации, используются с необыкновенной полнотой. Вместе с тем здесь же обнаруживается и величайшая необходимость кооперации. В самом деле, осуществление таких сложнейших и тончайших конструктивных задач, какие выдвигаются районированием, в условиях многомиллионного распыленного мелкого крестьянского хозяйства было бы совершенно невозможно без кооперативной организации их. Придание известной территории той или иной специализации, неизбежно связанное в большинстве случаев с коренной ломкой веками существовавших здесь приемов хозяйствования; внедрение новой машинной техники, также вызывающей необходимость перестройки организационного уклада хозяйства — все это в условиях централизованной плановой системы хозяйства было бы неосуществимым без кооперации. В этой ее роли в качестве мощного орудия в руках ведущего социалистического уклада и заключается ее гигантское социальное значение. Но эта ее сущность в условиях планового хозяйства в противоположность стихийному, где ее роль в качестве орудия подчинения отсталых укладов капиталистической линии развития проявляется в об'ективной закономерности, должна быть так сказать, организована или иначе: кооперация должна быть поставлена на службу сознательно осуществляемой политике пролетарского государства, ибо только в этом случае она „приобретает" свою сущность.

---

[1] Окончание. См. „Плановое Хозяйство" № 7, 1929 г.

В этом отношении нам предстоит еще многое сделать. Тов. Калинин на XVI партконференции отмечал, что сел.-хоз. кооперация не развила всех своих способностей и возможностей в деле производственного кооперирования крестьянства; то же в известной мере отмечает и пятилетний план сел.-хоз. кооперации. Это значит, что основную свою задачу—производственной реконструкции крестьянского хозяйства — кооперация должным образом еще не поставила, следовательно, сущности своей еще в полной мере не обнаружила. Эта задача форсированным темпом ставится сейчас. Первым шагом в этом направлении является постановление ЦК ВКП(б)[1] „об организационном построении сел.-хоз. кооперации", в котором задача производственного кооперирования, задача непосредственного и всестороннего воздействия на самый процесс производства в крестьянском хозяйстве поставлена с исчерпывающей полнотой. Но задача воздействия на процесс производства, столь диференцированного по различным районам, не может не ставиться и разрешаться диференцированно. Поэтому п. „а" постановления говорит: „Разрешение этих задач должно итти по линии: а) образования специальных систем сел.-хоз. кооперации по основным отраслям сел.-хоз. производства для каждого района..." При этом речь, конечно, идет не только о приспособлении производственной деятельности кооперации к ныне существующей территориальной диференциации сел.-хоз. производства, но и, очевидно, об участии ее в создании новой специализации данной территории, в создании нового района. Иначе и быть не может. Если районирование означает построение районов, а район есть пока еще строящийся район, то районирование кооперативной работы не может быть ничем иным, как диференцированным, по районам, строительством будущей специализации, ибо осуществление будущей сел.-хоз. специализации района, как уже было отмечено, без помощи кооперации невозможно. Выражаясь фигурально, кооперация здесь выступает в роли общественного подрядчика, непосредственно выполняющего для государства, для народного хозяйства по инженерному проекту Госплана постройку нового здания реконструированного сельского хозяйства.

Эта роль кооперации, ее значение в разрешении реконструктивных задач сельского хозяйства в достаточной степени оценена и используется системой финансового капитала. Германский финансовый капитал, благодаря наличию в стране широко разветвленной, организационно-крепкой системы сел.-хоз. кооперации, уже во время войны при помощи этой последней удовлетворительно разрешил некоторые, довольно крупные реконструктивные задачи в сельском хозяйстве (значительные изменения в зерновом клине, увеличение мясного животноводства, временное, правда, но достаточно приемлемое в условиях войны разрешение кормового вопроса и т. п.). Возникшая из уроков войны (вернее, снова ожившая) идея обеспечения Германии собственным продовольствием воплотилась в довольно внушительные планы технической реконструкции германского сельского хозяйства, предусматривавшие значительную механизацию его, увеличение применения искусственных удобрений и т. д.[1] Громадная роль кооперации в разрешении этих задач выявилась уже в самом начале, при запроектировании необходимых для решения упомянутой задачи темпов механизации сельского хозяйства. Дело в том, что с развитием техники усложняются и укрупняются сел.-хоз. машины, становящиеся, таким образом, все менее доступными мелкому хозяйству, благодаря чему осуществление механизации сельского хозяйства в условиях мелкого хозяйства становится невозможным. То же самое и с осуществлением предположенных мероприятий по улучшению обработки, удобрениям и т. п. Из центрального министерства организовать и проконтролировать исполнение этих мероприятий 5 млн. сельских хозяйств мудрено. Какой же выход из этого положения? Этот выход монополистический капитализм уже давно видит в кооперативной организации закупки и использования сел.-хоз. машин. При таком положении и при условии выдачи государством испрашиваемых у него кредитов задача оказывается более или менее разрешимой — по крайней мере теоретически.[2] В какой степени кооперативная организация окажется при режиме эксплоатации финансовым капиталом крестьянства действительно способной выполнить возложенную на нее миссию подчинения мелкого крестьянского хозяйства капитализму, покажет, будущее, так как мы находимся только в начале осуществления плана механизации германского сельского хозяйства. Нет сомнения, однако, что монопольно-высокие цены на сел.-хоз. машины, их дороговизна, вытекающая из сложности их, потребуют высоких, недоступных мелким хозяевам, паев от вступающих в машинные товарищества, что несомненно ограничит и емкость сельского хозяйства в отношении этих машин;

[1] Статья была уже готова, когда было опубликовано (в „Правде" от 29/VI) это постановление, с которым выводы и предложения статьи целиком совпадают.

[1] См. любопытные расчеты E. Zander'a в „Technik in der Landwirtschaft". №№ 2, 4, 5 и 7 за 1925 г. Подробнее о постановке вопроса об обеспечении Германии собственным продовольствием и роли кооперации в решении этой проблемы см. нашу работу „Сел.-хоз. кооперация в системе монополистического капитализма", Харьков. 1929 г.

[2] Значение кооперации здесь лучше всего иллюстрируется следующими двумя подходами к разрешению задачи механизации германского сельского хозяйства. Э. Цандер, принимая, что для увеличения продукции сельского хозяйства на 20% потребуется капитальных вложений на 11 мрд. марок, исходил при этом из того положения, что машины и прочее приобретаются единоличными хозяевами. Для этого ему пришлось „наделить" тракторами хозяйства в 20 (и выше) *га*, что вряд ли реально. Короче, Э. Цандер сводит свой план с громадным напряжением. Совершенно иные, куда более оптимистические перспективы механизации германского сельского хозяйства рисует Курт Рихтер в своей книге „Die Genossenschaft in der deutschen Landmaschinen Wirtschaft", опирающейся главным образом на кооперативную организацию машинопользования.

выходом из этого положения будет, очевидно, организация кооперативных (возможно и частнокапиталистических) прокатных пунктов и т. п., тем более, что кооперативная форма организации крестьянских средств производства сама становится в противоречие с господствующим социальным укладом капитализма. Такова уже природа финансового капитала, что отдельные экономические задачи его вступают в противоречие друг с другом (задача извлечения монополистической сверх-прибыли, т.-е. „задача" эксплоатации крестьянства и задача реконструкции, повышения производительности сельского хозяйства.). Однако, важно то, что при всем том в непосредственном разрешении этих противоречивых задач, кооперация призвана играть (и играет) громадную, хотя очень мало почтенную, роль основного исполнительного аппарата финансового капитала.

Благоприятное положение нашей кооперации, гарантирующее выполнение ею возложенных на нее задач, прежде всего заключается в отсутствии противоречий между ее производственными и социальными задачами. Решение производственных задач само подготовляет решение стоящих перед нею социальных задач, не только не встречающее сопротивления со стороны господствующего уклада, но и всячески им поощряемое. Отсюда гигантское значение работы советской кооперации даже в чисто организационно-технической области. Работа же ее здесь также встречает благоприятствующие моменты в отсутствии противоречий с господствующим экономическим укладом (отсутствие эксплоатации государственной промышленностью крестьянства и т. п.). Вот почему на задачах кооперации в области реконструкции сельского хозяйства в наших условиях необходимо сделать особенно сильное ударение. В кооперации мы создаем „ту степень сочетания частного интереса с общим" (Ленин), без коей немыслимо увлечь крестьянство на путь широкой реорганизации его хозяйства.

Как же должна кооперация подойти к выполнению стоящих перед ней задач?

Необходимо прежде всего учесть, что задача реконструкции сельского хозяйства. между прочим, находящая себе выражение в районной специализации его и имеющая целью общий под'ем его производительности,— имеет две стороны.

Первая, собственно „районная", сторона задачи заключается в осуществлении тех технически-организационных мероприятий, которые служат специализации данного района, кристаллизации его качественной физиономии. Это — наиболее диференцированная — качественно и количественно — сторона общей задачи.

Вторая, социальная и обще-реконструктивная сторона задачи, менее диференцирована по районам и менее связана с специфической качественной характеристикой района: задача обобществления — социалистической переделки производственных отношений — касается всех районов, независимо от их специализации; то же самое и в отношении общей механизации, химизации и т. д. Это, однако, не значит, что районные особенности не вносят и сюда некоторых и довольно значительных изменений.

Остановимся сначала на первой стороне задачи.

Если в своих социальных и обще-реконструктивных задачах кооперация сколько-нибудь самостоятельна, то в своих, собственно „районных", задачах кооперация и ее планы целиком определяются общей сел.-хоз. политикой и планом. Это, прежде всего, означает то, что порайонный кооперативный план может быть составлен только тогда, когда налицо будет порайонный сел.-хоз. план. Только четкий перспективный порайонный план сельского хозяйства может служить директивой и руководством для составления плана сел.-хоз. кооперации. Пока такого порайонного плана развития сельского хозяйства еще нет, невозможно говорить о конкретных очертаниях кооперативного порайонного плана. Однако, основные методологические установки могут быть сформулированы уже теперь. К ним мы сейчас и перейдем.

1. Самый характер порайонного плана сел.-хоз. кооперации выдвигает на передний план вопрос об увязке кооперативного планирования с государственным, или говоря уже, с наркомземовским. Здесь требуется самая тесная связь не только между соответствующими секциями Госплана, но и между кооперативными центрами, с одной стороны, и наркомземами республик — с другой. Трудности согласования, возникающие здесь в связи с самостоятельностью республиканских наркомземов и отсутствием общесоюзного, разумеется, нелегко преодолимы. На чем следует, главным образом, строить это сотрудничество? Мы бы сказали — на совместном разрешении даже организационных вопросов. Самый приступ, например, к осуществлению чисто „районных" мероприятий, расстановка основных сил, пионеров, переустройство района,— все это должно быть и спланировано, и непосредственно осуществлено в теснейшем сотрудничестве с органами Наркомзема. Громадное значение при этом приобретает использование сел.-хоз. кооперацией научно-исследовательских учреждений НКЗ: опытных станций, селекционных заведений, питомников и т. п., помощь которых может оказаться весьма существенной в запроектировании и осуществлении такой системы мер и такого их территориального распределения по району, которые сразу дали бы толчок к переустройству района.

Связь кооперации с органами НКЗ, вообще желательная и необходимая в области планирования, не должна ограничиться обменом планами и последующим обсуждением способов их осуществления: к самому составлению планов каждого органа (кооперации и НКЗ) должны быть привлечены работники другого. Такое сотрудничество безусловно гарантирует максимальное соответствие кооперативных планов действительным возможностям и потребностям сельского хозяйства и всего народного хозяйства.

2. Порайонное кооперативное планирование, на основе определенных порайонных заданий, требует различных подходов, в зависимости от характера заданий. Если, как, например, в отношении ЦЧО, новых сел.-хоз. областей Сибири и Казакстана, районное задание имеет в виду значительную реконструкцию района, изменение его качественной физиономии, то в таких случаях задача неизмеримо сложней, чем в условиях необходимости лишь углубления наметившихся тенденций, продолжения уже обозначившегося курса.

Возьмем эти наиболее сложные случаи. Как здесь подойти к выполнению стоящих перед кооперацией задач? Представим себе, что одной из реконструктивных задач в данном районе является насаждение известной промышленной культуры, как, например, свеклосеяние, которое предполагается развить в некоторых округах Сибири (Западной). В кооперативном плане эта задача находит свое выражение (или отражение) в запроектировании для данного района ряда свеклосевных товариществ, контрактации N-го количества *га* плантаций и т. д. При этом центр тяжести осуществления плана находится в самом кооперативном строительстве, а не в контрактации и др. мероприятиях, которые являются в известной мере следствиями первой.[1] При областном подходе, упомянутое запроектирование будет выражено известной суммой специальных товариществ, тысяч *га*—и только. Этого далеко недостаточно. Вот почему, такой подход должен быть дополнен еще, так называемым, микрорайонным, выражающимся в доведении плана до района (укрупненной волости) включительно. При таком подходе, на передний план выступает такая задача: как и где начать? Начать ли формирование лица будущего района одновременно во всех точках его площади или как-нибудь иначе. Элементарное соображение о наиболее эффективном использовании имеющихся средств (кредитов, машин, посевматериала и т. п. для новоорганизуемых товариществ) говорит против одновременного начала, против сплошного подхода к реконструкции района. В каждой известной административной единице—укрупненной волости (районе)—необходимо (и возможно) выделить часть территории (примерно, площадь сельсовета), которая представляла бы наиболее благоприятное сочетание природных и экономических условий, с точки зрения поставленных перед всем районом производственных целей: выделенная территория и должна служить об'ектом первичного воздействия кооперации. В микрорайонном плане (в зависимости от длительности, на какую рассчитан план)

[1] В самом деле, контрактация в качестве стимула может иметь значение там, где идет лишь речь об увеличении продукции уже давно производимой культуры, но создать при помощи контрактации новые отрасли (культуры, группы культур), разумеется, невозможно. Лишь кооперативное товарищество, непосредственно организующее новое производство, может обеспечить его внедрение в данный район (см. об этом ниже §§ 4, 5).

затем предусматривается и очередность дальнейшего развертывания кооперативного строительства.

В пределах всей области, в наиболее подходящих округах, возможно (и весьма желательно) выделение одного-двух сплошных районов (укрупненных волостей), целиком охватываемых кооперацией в первый же период строительства и предназначенных служить базой слияния на весь сел.-хоз. район. „Базовые" специальные кооперативы в укрупненных волостях, построенные в оптимальнейших (сравнительно с наличными в волости—районе) природно-экономических условиях, „базовые" кооперированные районы (один-два, не более)—для всей области,—все это безусловно надежный и достаточный фундамент для производственной реконструкции района (в согласии с плановым заданием). Такая, строго взвешенная, целесообразная, научно-обоснованная дислокация первых кооперативов, пионеров переустройства района, сопровождаемая сосредоточением в них необходимых средств и людских сил, требуется самой ответственностью задачи. Увлечь крестьянство на путь коренной перестройки своего хозяйства, не обеспечив ему в первый же год сколько-нибудь осязательного результата, значит погубить дело совершенно: в то же время успех находящегося в данном районе у всех на виду, „базового" товарищества может оказать громадное влияние на ускорение процесса перестройки остальных хозяйств района. Этим самым при гораздо меньшей затрате средств и сил может быть обеспечен значительный эффект, ибо дальнейшее кооперирование уже сможет развиваться на базе перестроившегося крестьянского хозяйства.

3. Перейдем теперь к вопросу о мобилизации и использовании средств, при помощи которых кооперация осуществляет свое воздействие на реконструируемый район. Отнюдь не становясь на точку зрения „благотворительности" в работе кооперации, мы все же считаем необходимым, на ряду с использованием мобилизуемых в самом крестьянском хозяйстве средств, привлечение известной части их извне. Речь тут может итти в первую голову о государственных кредитах во всех видах. Но особую роль должно сыграть снабжение крестьян сортовым посевным материалом, если речь идет о введении новой культуры, племенным скотом, если речь идет о насаждении молочного или мясного животноводства и т. д. В ряде случаев, особенно, скажем при развитии интенсивного молочного животноводства в ЦЧО, Левобережной Украине (Донбасс) и др. кооперация встретит условия, перестройка которых без внесения новой техники, новых методов хозяйств почти ничего не может дать. Здесь нельзя ограничиться, так сказать, экстенсивными методами воздействия на крестьянское хозяйство (например, созданием выгодных возможностей сбыта обычно потребляемой в хозяйстве молочной продукции, путем сбыта в свежем виде или даже путем заводской переработки). Эти методы, может быть, поднимут товарность этого вида продук-

ции (очень часто, как это имело место в Германии, за счет недопотребления семьи), но не повысят производительность этой отрасли хозяйства, не вызовут желательного переустройства его, наконец, не вызовут повышения удельного веса этой отрасли во всей системе хозяйства до той желательной степени, которая позволила бы нам сказать, что реконструкция района имела, действительно, место. Отсталому, в особенности, бедняцкому хозяйству надо помочь приспособиться к новым, созданным кооперацией, возможностям сбыта; полагаться же на магическое влияние этих возможностей (будь то маслодельный завод или хорошо налаженная организация сбыта свежего молока) ни в коем случае нельзя. В лучшем случае такое искусственно созданное „влияние рынка" обеспечит слишком медленный темп переустройства крестьянского хозяйства. Этому экстенсивному, полустихийному методу необходимо противопоставить интенсивные производственные методы работы кооперации по переустройству крестьянского хозяйства. Суть этих методов (разумеется, не исключающих и первые) заключается во внедрении в самое крестьянское хозяйство ряда организационных мер. Сюда относится прежде всего, обновление породы скота, ее улучшение путем организации случных племенных пунктов; организация кормового хозяйства, включая, где это требуется, и организацию стойлового кормления (проблема самих кормов, затем — кормления и т. д.); рационализация ухода за скотом; „капитальные вложения" в оборудование, постройки и т. д. [1] Все эти мероприятия уже не означают „пассивного приспособления" отсталого крестьянского хозяйства к выявившейся для него новой доходной возможности — и только, что обычно оставляет строй хозяйства, по крайней мере, на долгие годы неизменным. Нет, здесь мы имеем уже подлинную реконструкцию хозяйства, меняющую весь облик района, при том не преходящую, а постоянную.

В перспективном порайонном плане все эти мероприятия учитываются в суммарных по району показателях количества посевного материала, необходимого для снабжения предполагаемых к организации товариществ, племенного скота — для организации случных пунктов на товарищеских началах (или при общих молочных товариществах) и т. д. Что касается, так называемых, экстенсивных методов переустройства района, по сути своей относящихся к рыночным методам воздействия на крестьянское хозяйство, то они, естественно, должны применяться параллельно. В каких, конкретно, формах, — об этом речь будет итти сейчас.

[1] Свое подлинно организующее и реконструирующее значение эти мероприятия уже проявляют в том, что применяются в условиях иногда совершенного отсутствия даже эмбрионов будущей, организуемой кооперацией, специализации района: например, когда мы путем этих мероприятий беремся создавать молочное животноводство в районах с отсталым, играющим лишь служебную роль животноводством, когда мы создаем в этих целях молочное товарищество из нескольких десятков дворов с „дохлыми" коровенками, с ничтожным выходом молока и т. д.

4. Отдельные элементы перспективного (его в то же время можно было бы назвать конструктивным) порайонного плана развития кооперации взаимно контролируют друг друга. План организации товариществ является в известной мере директивой для планирования сбыта, поскольку в интересах развития этих товариществ необходимо обеспечение сбыта продукции их членов. Но, в то же время, показатели заготовок (сбыта), поскольку они определяются давлением определяющих работу кооперации потребностей промышленности, продовольствия рабочих и т. п. моментов, — являются, в известной мере, и директивой (контрольными цифрами) и для развития сети кооперативных товариществ, для развития кооперирования; ибо последние суть главное условие поднятия сел.-хоз. производства до уровня, диктуемого „заготовительными" показателями.

Имея в виду эту диалектическую связь обоих элементов плана, остановимся сейчас на конкретных очертаниях их взаимоотношений.

В условиях все растущей емкости рынка для сел.-хоз. продуктов проблема сбыта у нас, вообще говоря, разрешается сравнительно легко. Однако, в новых, реконструируемых районах, характерных своей специализацией, проблема сбыта все же значительна. Специализация на производстве какой-нибудь культуры, поглощающей основную часть пашни, уничтожение обычной в наших условиях смешанности крестьянского хозяйства, создававшей в нем чуть ли не полную автаркию, делает крестьянина весьма зависимым от рынка. И здесь дело не только в том, чтобы сбыть продукт вообще, но и в том, чтобы сбыть своевременно, дабы обеспечить таким образом, возможность своевременного же начала следующего производственного цикла. Отсюда — гигантское значение контрактации для крестьянина, представляющей, кстати заметим, неизмеримо больше выгоды нашему кооперированному крестьянину, нежели пресловутое ломбардирование, применяемое „образцовой" германской кооперацией — немецкому крестьянину. С этой стороны, значение контрактации вырастает до степени косвенного фактора реконструкции, а там, где она сочетается с прямым внедрением рядом организационных мер в производственные процессы крестьянского хозяйства, она поднимается и до уровня прямого фактора переустройства крестьянского хозяйства. Но все-таки пределы влияния, могущего быть оказанным на крестьянское производство через контрактацию, ограничены и, главное, не носят систематического характера. Главная задача и роль контрактации в деле формирования района заключается прежде всего в подведении прочного базиса под исполненное риска, в условиях работы на широкий рынок, существования специализированного крестьянского хозяйства, дабы, таким образом, подвести прочный базис под специализацию всего района. Разумеется, при этом не последнюю роль играет и соответствующая политика цен, снабжение районов технических культур хлебом и т. п. Большое значение приобретает контрактация в руках упомянутых выше „ба-

зовых" товариществ: в их руках контрактация, соединенная с производственной помощью окружающему некооперированному крестьянству, может послужить действительным средством, хотя бы частичного, втягивания последних в процесс реконструкции хозяйства. Подобно контрактации, индустриализация сельского хозяйства (устройство маслодельных заводов, льнообрабатывающих и хлопкоочистительных заводов и др.) имеет значение главным образом для кооперированного крестьянства, уже втянутого в процесс переустройства их хозяйств, хотя при этом некоторое влияние и на сохраняющее старый уклад крестьянское хозяйство она также окажет.

Исходя из всего этого, а также из указанной в начале настоящего пункта взаимосвязи сбытовой проблемы (тождественной, по крайней мере, сейчас с контрактацией) с организационно производственной, необходимо показатели контрактации запроектировать, исходя из желательной к концу планового периода степени перестройки и оформления района. Показатели контрактации, таким образом, будут служить директивой, определяющей темпы организационной работы кооперации, директивой тем более авторитетной, что она продиктована потребностями всего народного хозяйства. Имеющиеся уже в настоящей пятилетке показатели по контрактации (или просто, по заготовке), скажем, технических культур, будучи разверстаны по районам (в том числе и новым), должны означать для кооперации директиву о разворачивании интенсивной организационной работы (в особенности, в новых районах) на предмет соответствующей плановым заданиям перестройки существующего в этих районах в настоящее время уклада (системы) хозяйства. Так должны преломляться в порайонном кооперативном плане эти общие количественные показатели-директивы.

5. Усиленно подчеркиваемая нами задача кооперации непосредственно способствовать реконструкции хозяйства в соответствии с районной специализацией выдвигает перед ней самой задачу более глубокой специализации. Роль кооператива в качестве инициатора переустройства крестьянского хозяйства, выражающаяся уже в том, что специальный кооператив создается еще до того, как новая специальная культура внедрилась в хозяйство и для того, чтоб производство этой новой культуры организовать, эта весьма ответственная производственная роль требует сосредоточения на себе всего внимания членов, большой подготовки, специальных знаний и т. п. Такую роль не может выполнять ни кредитное товарищество, имеющее ряд побочных функций, ни какая-нибудь иная универсальная форма кооператива, а только специальное товарищество. Исходя из этих же соображений, мы считаем необходимым и в зерновых районах, в целях организации там специализированного, но рационально ведущегося хозяйства, в целях перестройки его для производства наиболее необходимых товарных хлебных культур,— организовать

сеть первичных хлебных товариществ. Даже в „переходной" украинской степи имеет смысл организовать эти товарищества, ибо с их помощью удастся осуществить и те мероприятия, которые не меняя пока зерновой характеристики этого района, постепенно подготавливали бы переход его к иной специализации. Несмотря на давно и ярко определившийся зерновой уклон степи, там остается еще решить ряд больших организационно-производственных задач зернового хозяйства, с которым кредитная кооперация не справится. Здесь требуется специальная хлебная кооперация[1] в крайнем случае, хотя бы в виде районных центров, могущих обслужить в организационно-техническом, производственном отношении и зерновые колхозы.

В свете проблемы порайонной специализации должны рассматриваться и задачи машинотракторных станций, которые особенно много могут сделать в отношении производственной реконструкции хозяйства и всего района. Их роль и значение в этом отношении почти равняются роли „базовых" кооперативов. Поэтому в запроектировании количества этих станций необходимо самым строгим образом учесть порайонное их распределение.

6. Само собой разумеется, что специализация районов, вносящая полную ясность в перспективы развития отдельных видов кооперации, достаточно точно определяет также будущую и настоящую потребность в кооперативных кадрах. Задача организации строительства новых районов (переустройство старых) уже теперь пред'являет достаточно дифференцированный спрос на работников различной специальности. Отсюда, без лишних слов, видно громадное значение и безусловная необходимость порайонного подхода и в отношении плана подготовки и мобилизации для настоящего времени кооперативных кадров. При этом необходимо учесть растущее значение, в особенности, для первичной кооперации кооператора-агронома, постепенно, в связи с прогрессирующей специализацией кооперации, становящегося „центральной фигурой" кооперативного аппарата.

7. Порайонная специализация нашего сельского хозяйства, выдвигающая задачу усугубленной специализации кооперации, в то же время обусловливает убывающее значение универсальных ее видов, в первую очередь сел.-хоз. кредитных товариществ. Даже специализированная форма кредитного товарищества (немецкого, вообще

[1] В отношении старых зерновых районов, в том числе и украинской степи, запроектированный Всесоюзным советом колхозов усиленный темп строительства колхозов (их простейших видов-товариществ СОЗ, в особенности), может в известной мере снять проблему строительства специальной хлебной кооперации. Но только до известной степени. Наличие больших трудностей в организации даже простейших колхозов необходимо учесть заранее и, поэтому, одновременно необходимо запроектировать организацию известного числа хлебных кооперативов, хотя бы с большим радиусом действия. Во всяком случае, районный центр хлебной кооперации безусловно необходим (повторяем, и для организационно-производственного и сбыто-снабженческого обслуживания колхозов, трудности формирования коих можно будет, таким образом, облегчить).

европейского типа) в (наших) условиях курса на комплексный кредит, материальное содержание которого целиком определяется данной районной специализацией, не оправдает себя, и функции кредитных товариществ с успехом смогут (должны будут ходом вещей) выполнять специальные товарищества. Старые возражения о неизбежности в таких случаях членства во многих кооперативах теперь отпадают, так как при специализации района с отличающей ее преобладанием одной-двух рыночных культур (или продуктов) может явиться надобность состоять только в одном, иногда в двух кооперативах.

8. Наконец, последний но в то же время очень важный вопрос, это—участие сел.-хоз. кооперации в организации совершенно новых районов земледелия путем переселения и заселения.

В общем народнохозяйственном плане районы заселения несомненно должны быть также специализированы, подчинены выполнению какой-нибудь определенной функции.[1] Однако, есть опасность, что эта специализация не будет осуществлена, если переселенцы будут предоставлены самим себе, если им самим придется приспосабливаться к новым условиям хозяйствования.[2] Так оно обычно и бывает: воспитанный веками на определенном производственном укладе, переселенец нередко целиком переносит его и в новую заселяемую область, хотя эта последняя ни в какой мере не отвечает потребностям прежнего уклада. Отсюда масса неудач, убытки, разорение и, в конце-концов, возвращение обратно или уход на новые места. В других случаях, переселенческое хозяйство, страхуя себя от риска, перестраивается на натуральный лад. В том и другом случае задача осуществления специализации нового района стоит под угрозой. Отсюда ясно значение организации такого обслуживания переселенцев на новых местах, которое обеспечило бы, с одной стороны, быстрое приспособление их к новым условиям, с другой — формирование специализации нового района. Разумеется, при этом одной лишь организацией сети агрономических учреждений в заселяемых районах не обойдешься. Здесь необходимо мобилизовать конструктивные способности кооперации, которая руководствуясь плановым заданием о характере специализации района и указаниями местных агрономических учреждений, непосредственно организовала бы эту специализацию, подобно тому, как это она призвана выполнять в реконструируемых районах старого земледелия.

Однако, конструктивная роль кооперации в строительстве нового района не исчерпывается этим. Сама организация заселения должна быть взята в кооперативные руки, что в громадной степени

[1] Так, собственно, ныне вопрос и ставится государственными органами, ведающими переселением. См. об этом статью М. Сафьянова: „Новое в переселении“ „Экономическое обозрение“, № 4, 1929 г.

[2] См. об этом главу о переселении в цит. выше книге Всесоюзного совета колхозов-

уменьшило бы издержки переселения, освободило бы государственную казну от части расходов, и, что особенно важно, рационализировало бы самое дело. Основные условия успешного заселения новой области, это — соответствующая подготовка ее, приведение в вид, доступный для обработки и эксплоатации. Само собой разумеется, что осуществление этих работ одними лишь средствами государства невозможно; но отдельные переселенцы также не смогут справиться с этой работой. И вот здесь нам совершенно непонятно то упорство, какое проявляется нашими органами переселения и кооперацией в игнорировании опыта Зап. Европы и др. стран. Там, в Италии отчасти Румынии, затем в Палестине, издавна вошли в практику, так называемые оккупационные товарищества. Занимающиеся за известную плату (по договору с государством, частными лицами, желающими парцеллировать свои имения и др.) подготовкой подлежащей колонизации земли. В Италии эти оккупационные товарищества (там они называются: „трудовые товарищества“) часто сами арендуют подготовленное („оккупированное“) ими имение или неудобные земли, образуя арендное товарищество. Типические оккупационные товарищества имеются в Палестине, где им, действительно, приходится отвоевывать у природы куски годной для обработки земли.

У нас эти оккупационные товарищества должны создаваться из самих переселенцев; помощь государства должна при этом выразиться лишь в обеспечении этих товариществ агротехническими силами, в нужных случаях,— продовольствием, частью материалами. Таким образом, кооперативно-организованный переселенец, рационально, благодаря кооперации, используя свои средства, сам подготовит себе свой будущий надел. Легко понять отсюда, как облегчится и задача коллективизации на новых землях.

Эту практику сел.-хоз. кооперация с успехом могла бы распространить и на мелиорационное дело, организуя мелиоративные товарищества из крестьян, которые потом захотят переселиться на мелиорированную землю. Речь идет, конечно, о мелиорации дальних земель. Таким путем, кооперация уже сейчас могла бы включиться в будущие гигантские работы по ирригации нижнеднепровской степи, взяв на себя непосредственное выполнение хотя бы части работ силами кооперативно-организованных будущих переселенцев.

Только так, широко понятые задачи кооперации могут оправдать ее роль и назначение в качестве орудия технической и организационной реконструкции сельского хозяйства.

* * *

Исчерпав (разумеется, далеко не полно) организационно-производственные задачи кооперации, связанные с районированием и районной специализацией сельского хозяйства, мы можем теперь коротко остановиться на социальных ее задачах, на второй стороне

воздействия кооперации на крестьянское хозяйство. Но прежде — два слова о некоторых общих технико-реконструктивных задачах кооперации, менее связанных с проблемой районной специализации.

Как мы отметили уже выше, технико-реконструктивные задачи (машинизация, химизация и т. п.), помимо своей районной определенности, имеют еще и общее значение: машинизировать вообще необходимо все районы, то же и с химизацией. И тем не менее, по крайней мере, в условиях недостаточного предложения сел.-хоз. машин, и здесь, в решении проблемы машинизации вообще, необходим порайонный подход, правда, ограничивающийся весьма скромной целью: установления известной очередности в снабжении районов машинами и удобрениями.

В перспективном плане кооперации эта проблема может быть выражена следующим образом: для первых лет перспективного плана очередность снабжения устанавливается не только в том отношении, что, скажем, тракторы, необходимые, вообще говоря, всем районам, направляются, в связи с значением для нас зерновой проблемы, теперь в основном в зерновые, но также и в том отношении, что в связи с необходимостью увеличения снабжения не специальными машинами (тракторами, скажем), ограничивается снабжение некоторых районов специальными машинами; в следующие годы, по мере преодоления давления производственных лимитов, уже предусматривается все возрастающее снабжение каждого района необходимые ему не только неспециальными, но и специальными машинами.

* * *

Что касается социальных задач кооперации, то мы, избегая повторений,[1] отметим в двух словах только наиболее важные положения.

Собственно социальные задачи в значительной мере разрешаются уже описанной организационно-производственной работой кооперации, поскольку она, таким образом, подготавливает переход к высшим коллективным формам земледелия. В этом отношении кооперация во всех районах одинаково хорошо делает свое дело

[1] По вопросу о порайонном подходе к планированию колхозного строительства написано довольно много. Укажем хотя бы на цитированную выше книгу Всесоюзного совета колхозов, обильные указания, разбросанные по многочисленным изданиям Госплана СССР и республиканских госпланов (материалы к пятилетке); см. так же статью Терлецкого: „Основные задачи коллективизации крестьянского хозяйства", в № 5 „На аграрном фронте" за 1928 г. Нужно при этом отметить, правда, что порайонный подход Всесоюзного совета колхозов страдает существенными недостатками, вытекающими из того, что вопрос о различии темпов по районам решается в зависимости не от должного, необходимого в том или другом районе темпа, а от „возможного", по мнению авторов, в силу тех или иных социальных условий. В этом отношении Терлецкий, правильно подчеркивающий мысль о необходимости более сильного темпа коллективизации в зерновых районах, стоит на более верной позиции.

подталкивая все районы к переходу к высшим производственным и социальным формам хозяйства. Однако, хотя задача коллективизации касается всех районов, вопрос о темпах перерастания различных видов кооперации в высшие формы и непосредственной организации этих высших форм может (и должен) разрешаться в зависимости от того или иного назначения района, от его специализации. Чем, с точки зрения потребностей народного хозяйства, ответственней в каждый данный момент функция района, тем совершенней в производственном и благополучней в социальном отношении должен быть этот район, тем, иначе говоря, интенсивней в нем должен быть темп коллективизации. В настоящий момент это означает необходимость всемерного усиления темпа коллективизации в зерновых и некоторых сырьевых районах. Наиболее важные пункты экономической смычки города и деревни должны быть в первую очередь изолированы от влияния капиталистических элементов, что предполагает устранение самой возможности их существования там (уничтожение процесса диференциации, удаление частнокапиталистических элементов связи, частной торговли и т. д.).

В остальных районах темпы коллективизации варьируют в зависимости от силы процесса диференциации крестьянства: в районах с более резкой диференциацией темпы коллективизации должны быть безусловно усилены. Но в этих районах процесс коллективизации и может пойти более быстрым темпом, в виду наличия благоприятных социальных условий. На это указывает и план Всесоюзного совета колхозов.

Этими указаниями мы можем ограничиться, отсылая читателя за более детальными суждениями по этому предмету к указанной литературе.

Т. К. Энгеев

Задачи и методы балансового учета международных хозяйственных отношений [1]

I

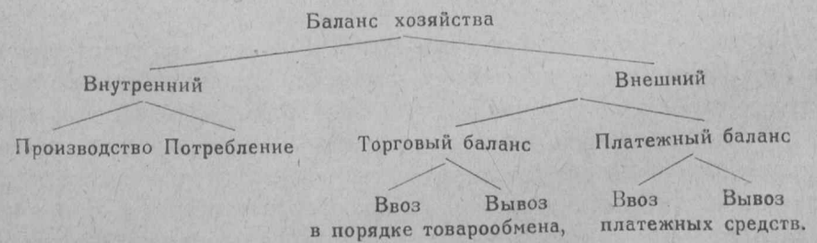
Для оценки хозяйственного положения отдельных стран чрезвычайно важное значение имеют опыты статистических характеристик состояния народного хозяйства этих стран. Пользование статистическими данными, отображающими те или другие стороны хозяйственной, политической, культурной и пр. жизни какой-либо страны, во многом способствует уяснению характера и уровня ее экономического развития. Данные такого порядка, однако, являясь разрозненными и не сведенными в единую систему цифр, не в состоянии еще обеспечить полного и достаточно всестороннего представления о хозяйственной жизни той или другой страны. Ясно ощущавшаяся необходимость в такой системе учета фактов экономического бытия, которая в состоянии была бы характеризовать жизнь народного хозяйства каждой страны и тем самым выявлять пути ее экономического развития, заставила выдвинуть идею баланса народного хозяйства.

Эта идея первоначально получила свое выражение в конструкции „баланса производства и потребления" (the balance of produce and consumption), предложенной А. Смитом. По мысли А. Смита такой „баланс производства и потребления" должен был отвечать на вопрос, увеличивается ли богатство страны или уменьшается. Если ценность ежегодного производства земли и труда — говорит Смит — превышает годовое потребление, капитал общества должен ежегодно увеличиваться в соответствии с этим превышением. Общество в этом случае живет в пределах своего дохода и то, что ежегодно от этого дохода остается, прибавляется, естественно, к его капиталу и служит в дальнейшем увеличению его годового производства. Если ценность ежегодного производства, напротив того, оказывается недостаточной для годового потребления, капитал общества должен будет ежегодно сокращаться в соответствии с этим недостатком.

Идею такого „баланса производства и потребления" А. Смит выдвинул в противовес утверждению (защищавшемуся меркантилистами), что вопрос о том, богатеет ли страна или беднеет, должен решаться на основе данных ее торгового баланса. Смит считал, что данные, характеризующие внешнехозяйственный оборот какой-либо страны, являются недостаточными для характеристики состояния народного хозяйства этой страны в целом. Может быть так — рассуждал Смит, — что баланс производства и потребления страны складывается из года в год с превышением производства над потреблением, капитал страны, в соответствии с этим, непрерывно возрастает и, используя этот растущий капитал, страна увеличивает свое производство; в это же время торговый баланс этой страны остается все время пассивным. Есть ли при этом достаточное основание утверждать, что хозяйственное благополучие страны идет на убыль? На этот вопрос Смит отвечает отрицательно. Исчерпывающую и правильную характеристику состояния народного хозяйства страны может дать, по мнению Смита, только баланс производства и потребления.

Такой баланс для Смита является чисто теоретической концепцией, необходимой ему в качестве аргумента в споре с меркантилистами. Методы построения баланса, как система учета производства страны и ее потребления, остаются при этом совершенно неясными. Только много позже были сделаны попытки разрешить вопрос о методах построения такой конструкции. И здесь продолжателям Смита пришлось столкнуться с известными трудностями.

Вместе с Смитом они исходят обычно из того, что баланс производства и потребления, или как он теперь называется, баланс народного хозяйства, должен вести учет как внутрихозяйственному (производство и потребление), так и внешнехозяйственному (ввоз и вывоз) обороту ценностей. В качестве одной из иллюстраций такого понимания баланса народного хозяйства можно привести схему баланса, предложенную Грунтцелем. Для учета оборота материальных ценностей Грунтцель считает целесообразным сконструировать баланс народного хозяйства следующим образом: [1]



Приведенная схема ясно разграничивает „внутренний" баланс от „внешнего", исходя из того, что это есть лишь части целого — баланса хозяйства. При этом Грунтцель в понятие „торговый баланс"

[1] В основу настоящего очерка легли положения доклада на ту же тему, сделанного автором в Ранион'е.

[1] Gruntzel. „Handels-Zahlungs und Wirtschaftsbilanz". Wien, 1914, стр. 6—8.

и „платежный баланс“ вкладывает содержание, несколько отличное от того, которое обычно вкладывается в эти понятия. Если оставить в стороне эти детали, следует отметить, что в приведенной схеме делается попытка дать баланс народного хозяйства в более или менее развернутом виде. Баланс хозяйства, каким его конструирует Грунтцель, выглядит несколько яснее баланса производства и потребления, о котором писал А. Смит. Разворачивая баланс, Грунтцель показывает, что баланс хозяйства покрывает собой „внешний“ баланс. Авторы, работавшие над этим балансом, исходят обычно из того, что как внутрихозяйственный оборот данной страны, так равным образом, и ее международные хозяйственные отношения, должны получить полное отображение в одном балансе народного хозяйства.

Правильно ли, однако, считать, что баланс внешнехозяйственных отношений страны — с одной стороны — и баланс „внутренний“ — с другой, являются частями целого и что данные обоих этих балансов могут быть сгруппированы вместе при построении баланса народного хозяйства?

Для ответа на этот вопрос следует прежде всего остановиться на учете материальных ценностей. „Внутренний“ баланс ведет учет производству и потреблению материальных ценностей. „Внешний“ баланс учитывает ввоз их и вывоз. Если эти балансы представлять себе как части единого целого—баланса народного хозяйства — то следовало бы ценности, произведенные в стране и ценности ввезенные в страну, рассматривать заодно и вести учет таким ценностям на „приходной“ или „активной“ стороне баланса. Им при этом противопоставлялись бы ценности, потребленные и вывезенные из страны. Такая группировка ценностей не должна вызывать против себя возражений: товары, ввозимые в страну наравне с товарами, произведенными в стране, увеличивают фонд ранее произведенных (и ввезенных) товаров, предназначенных для внутреннего потребления. Точно так же можно считать, что вывоз товаров за границу является формой их потребления, а потому потребление ценностей и их вывоз должны получать отражение на расходной, „пассивной“ стороне баланса.

Несколько по иному обстоит дело с учетом оборота нематериальных ценностей—всякого рода услуг. „Внутренний“ баланс обычно не ставит своей целью учета услуг: во внутренне-хозяйственном обороте услуги „потребляются“ в момент их „производства“, они не накапливаются подобно товарным ценностям. Это не исключает возможности учета оборота услуг; однако, организация такого учета наталкивается на большие трудности. При построении „внешнего“ баланса оборот услуг не может не учитываться, так как на почве предоставления и использования услуг между странами происходят платежи и расчеты. В той части, в какой „внешний“ баланс касается учета услуг, он включает, таким образом, данные, которые не используются при построении „внутреннего“ баланса.

„Внешний“ баланс включает также данные, характеризующие передвижки капиталов, происходящие между страной и заграницей. Капиталы движутся через границы страны в форме товарных ценностей, услуг или благородных металлов. Передвижки материальных ценностей и услуг из данной страны или в данную страну находят свое отражение в тех частях „внешнего“ баланса, который учитывает товарооборот с заграницей и оборот услуг. При этом, с точки зрения тех целей, которым служат „внешние“ балансы, является важным установить, какая часть этих передвижек происходит с одновременным возмещением стране — контрагенту эквивалентного количества тех или других ценностей и какая часть передвижек совершается с тем, что такое возмещение должно совершиться лишь в будущем. В отношении последней группы операций (кредитных операций) „внешние“ балансы ведут особый учет, так как без такого учета было бы невозможно устанавливать размеры передвижек капиталов между странами.

Несколько иначе обстоит дело с учетом внутрихозяйственного оборота капиталов и с „внутренними“ балансами. На внутреннем балансе отражается прирост материальных ценностей или же убыль их, имевшие место в отчетном периоде времени. Происходящие за данный период времени передвижки этих ценностей из одного хозяйства в другое не изменяют общего количества ценностей в стране, а лишь служат их перераспределению среди отдельных хозяйств. Это в одинаковой мере относится и к капитальным благам. С точки зрения тех задач, которые стоят перед „внутренними“ балансами такие передвижки капиталов, происходящие внутри народного хозяйства, не представляют интереса; поэтому во „внутренние“ балансы включаются лишь данные о производстве и потреблении материальных ценностей (включая капитальные блага).

При указанном обстоятельстве, становится невозможным такое построение баланса народного хозяйства, которое свелось бы к простому суммированию данных „внешних“ и „внутренних“ балансов. Часть данных „внешних“ балансов, характеризующих передвижки капиталов из страны заграницу и из-за границы в страну, не должны, как видно из изложенного, включаться в баланс народного хозяйства; такое включение этих данных в баланс хозяйства привело бы к двойному счету части хозяйственного оборота.[1]

„Внешний“ баланс не во всех частях, таким образом, используется при построении баланса народного хозяйства. Он не покрывается полностью балансом народного хозяйства. Поэтому было бы неправильным считать, что он является только частью целого — баланса народного хозяйства. Играя вспомогательную роль при по-

[1] В своем методологическом опыте построения баланса народного хозяйства СССР, Зейлингер и Гухман ограничиваются включением в баланс лишь данных о ввозе и вывозе товаров (см. их работу „К методике построения баланса народного хозяйства СССР“. „Плановое Хозяйство“. 1928 г. № 4).

строении баланса народного хозяйства, он в то же время является самостоятельной категорией учета международного хозяйственного оборота.[1]

Исторически случилось так, что идея „внешнего" баланса получила всеобщее признание в то время, когда о балансе „внутреннем", а тем более о балансе народного хозяйства, знали очень немногие. Это—в основном — об'ясняется тем, что в капиталистическом народном хозяйстве факты, относящиеся к внешнехозяйственному обороту, гораздо более уловимы и обозримы по сравнению со всей совокупностью внутрихозяйственных фактов. „За недостаточностью точной статистики производства и потребления" — пишет Георг Кемени, касаясь вопроса о значении учета внешнехозяйственных отношений в капиталистических условиях—„пытались, на основании сравнительно легко уловимого внешнего оборота, строить обратное заключение относительно изменений в его структуре".[2] „Внешний" баланс той или другой страны рассматривался в этих условиях в качестве статистико-экономической конструкции, которой можно пользоваться для характеристики народного хозяйства этой страны.

Начало такому применению „внешнего" баланса положили меркантилисты. Они считали, что, располагая данными о внешне-торговом балансе страны, можно решать вопрос о состоянии народного хозяйства этой страны; превышение вывоза над ввозом означало, что в страну приливают драгоценные металлы, а это обстоятельство—по мнению меркантилистов — свидетельствовало о накоплении страною капитала; превышение же ввоза над вывозом рассматривалось как обратный, а, значит, неблагоприятный показатель.[3] Такое понимание значения внешне-торгового оборота для народного хозяйства привело к тому, что „внешний" баланс стал рассматриваться в качестве конструкции, при посредстве которой становилась возможной характеристика экономического положения той или другой страны.

Теория торгового баланса в том его виде, в каком ее излагали меркантилисты, была, как известно, дискредитирована. Однако, представление о „внешнем" балансе, как показателе состояния народного хозяйства страны, сохранилось еще на долгие времена. Место торгового баланса заняли „платежный" и „расчетный" балансы. Если раньше для характеристики экономического положения страны при-

[1] Цоллингер пытается обойти указанные методологические затруднения, возникающие при построении баланса народного хозяйства, путем включения в этот баланс не всех оборотов по „внешнему" балансу, а лишь его сальдо (Zollinger „Die Bilanz der internationalen Wertübertragungen". Jena, 1914, стр. 13). Этим путем, однако, проблема не разрешается, а только обходится.

[2] Г. Кемени. „Иностранные вексельные курсы и переворот в международных экономических отношениях". Москва, 1923 г., стр. 14.

[3] Ср. Н. Н. Шапошников. „Протекционизм и свободная торговля". Москва 1924 г., стр. 17—18.

бегали к данным ее торговых балансов, то теперь с этой целью стали пользоваться платежными и расчетными балансами. Данные этих балансов служат в качестве показателей состояния народного хозяйства страны, подобно тому, как раньше для той же цели служили данные торговых балансов. Автор работы о народнохозяйственных балансах Хермберг не без основания видит в этом типический пример часто наблюдаемого явления, когда представления, давно теоретически опровергнутые, на практике вновь и вновь возвращаются к жизни.[1]

Недостаточность данных „внешних" балансов (или даже целой системы „внешних" балансов) для сколько-нибудь полной и всесторонней характеристики экономического положения той или другой страны не должна в наше время вызывать сомнений. „Внешние" балансы в состоянии отражать лишь одну группу хозяйственных явлений, совершающихся в народном хозяйстве, а именно группу явлений, непосредственно связанных с взаимоотношениями этого народного хозяйства с внешним миром. При этом вся совокупность внутрихозяйственных актов, не связанных непосредственно с международным хозяйственным оборотом, во „внешних" балансах не получает своего отражения. Вот почему опыты характеристик экономики страны на основе данных ее „внешних" балансов не бывают обычно особенно содержательными и не могут претендовать на правильность и полноту.

Более внимательное рассмотрение задач, которым может служить изучение „внешних" балансов, позволяет нам установить, в чем заключается значение этих балансов.

1. Между внешнехозяйственным оборотом и денежным обращением страны существует тесная связь: состояние внешнехозяйственного оборота данной страны оказывает, как известно, непосредственное воздействие на курс валюты этой страны. Эта связь между состоянием „внешнего" баланса—с одной стороны—и курсом валюты—с другой, и обусловила интерес к проблемам „внешнего" баланса со стороны теоретиков и практиков денежного обращения. Знание состояния внешнего хозяйственного оборота дает возможность правильной ориентировки в вопросах денежного обращения и

[1] P. Hermberg. „Volkswirtschaftliche Bilanzen". Leipzig. 1927 г. ср. стр. 3. В качестве примера понимания „внешнего" баланса, как показателя состояния народного хозяйства, можно привести следующее замечание из книги одного русского автора: „Каждый, изучающий экономическое положение какой-либо страны, прежде всего, должен обращать внимание на результаты расчетных балансов, ибо в них, как в зеркале, отражаются не только экономическая политика правительства страны, состояние народного хозяйства и экономическое положение населения, но и талантливость или бесталантливость правительства и законодательных учреждений. У нас, к сожалению не понимают значения расчетных балансов"... (С. С. Хрулев. „Финансы России и ее промышленность". Петроград, 1916 г., стр. 16). С последним нельзя не согласиться.

является необходимым для осуществления тех или других мероприятий в области денежной и валютной политики. [1]

Вот почему организация учета внешнехозяйственных отношений имеет существенное значение для дела регулирования денежного обращения: воздействуя на внешнехозяйственный оборот в целях создания более благоприятной платежной кон'юнктуры, можно — с большим или меньшим успехом — добиваться передвижки курса валюты на уровень, отвечающий интересам развития народного хозяйства. При этом, однако, необходимо, чтобы наблюдение за кон'юнктурой внешнехозяйственных платежных отношений носило бы более или менее текущий характер, т.-е. чтобы в распоряжении регулирующих органов были данные, которые могли бы характеризовать состояние международного оборота в течение ближайших отрезков времени, а не за периоды времени, давно оставшиеся позади. В течение послевоенных лет дело наблюдения за внешнехозяйственным оборотом достигло в этом отношении заметных успехов. Из публикуемых в печати материалов видно, что учет оборота отдельных стран с мировым хозяйством производится систематически, в порядке текущего наблюдения, при чем в большинстве случаев он осуществляется уже не отдельными исследователями, а производится регулирующими правительственными органами.

2. „Внешние" балансы играют, далее, серьезную роль при разрешении вопроса о платежеспособности страны. Для определения платежеспособности страны во внешнехозяйственном смысле, необходимо знание соотношения суммы всех обязательств данной страны перед внешним миром и суммы всех требований к нему, а также того, как в течение периода времени, для которого должна быть выявлена платежеспособность страны, складывается соотношение между ее поступлениями из-за границы по ее текущим внешнехозяйственным операциям и текущими платежами по этим операциям. Вся совокупность указанных данных, необходимых для характеристики платежеспособности страны, может быть почерпнута из „внешних" балансов страны.

При решении вопроса о платежеспособности той или другой страны, известное значение может иметь финансовое состояние государственного хозяйства этой страны. Если должником заграницы является государство, то для его кредиторов важное значение имеет вопрос о том, как сводятся бюджеты этого государства. Исследователи, изучающие, например, вопрос о платежеспособности СССР, интересуются государственным бюджетом Союза и тем, может ли Союз располагать достаточными — для внешних платежей — излишками поступлений по бюджету над расходами по нему. [1] Однако, в основном проблема платежеспособности сводится к проблеме трансферта, т.-е. к исследованию возможностей для данной страны располагать необходимым (для производства предстоящих платежей) количеством требований к заграницe. Внешнехозяйственная платежеспособность может считаться гарантированной лишь при превышении суммы поступлений по внешнехозяйственным операциям над суммами текущих платежей, производимых данной страной заграницe.

Вопрос о платежеспособности страны может приобрести интерес актуальности в связи с разрешением вопроса о возможности предоставления данной стране внешних кредитов. Для иллюстрации того, как важно при предоставлении кредитов изучение расчетных и платежных позиций иностранного контрагента, можно сослаться на пример, приводимый К. Льюис. В 1923 г. один штат Бразилии получил заем в Соед. Штатах. По своим внешним долгам штат платил аккуратно. Активные статьи его „внешнего" баланса и ресурсы, казалось, были достаточны для того, чтобы он мог принять на себя новое обязательство по этому займу. Сделанный, однако, при этом анализ недооценил того факта, что Бразилия имела большой внешний долг, что она должна была иметь значительное превышение экспорта товаров над импортом для того, чтобы производить платежи по этому долгу и что в ее экспорте наибольшее значение играло кофе, цены которого подвергались значительным колебаниям. Ход экспорта кофе определял курс мильрайза. Через некоторое время после предоставления займа, цена кофе упала, а с ней упал и курс. Налоги, собираемые в штате, оказались недостаточными для того, чтобы покрыть бюджетные нужды и обеспечить платежи по иностранным займам. Выплата процентов по новому займу была отсрочена и не была до сих пор (1927 г.) возобновлена; возобновление ее ожидается в ближайшем будущем. Если бы — говорит К. Льюис — эти обстоятельства были бы приняты в расчет, возможно, что ссуда все же была бы предоставлена, однако, в этом случае приостановка выплаты процентов не была бы неожиданностью. [2]

Серьезное значение вопрос о платежеспособности, выявляемой на основе данных „внешних" балансов, приобретает при установлении платежных возможностей страны — должника, договаривающейся со своим кредитором о порядке погашения предоставленных ей займов. Так, при урегулировании междусоюзнических долгов после мировой войны, страны, задолжавшие во время войны, при переговорах со своими кредиторами о порядке погашения своей военной задол-

[1] It is absolutely vital to a sound monetary policy that we shoud be accurately aware to the direction and magnitude of the movements of international balances". (I. Keynes. „The British Balance of Trade 1925—1927". „The Economic Journal". Декабрь, 1927 г. стр. 565).

[1] См. например, Л. Пасвольский и Г. Моультон. „Русские долги и восстановление России". Москва, 1925 г., стр. 122—132.

[2] C. Lewis. „The International Accounts". 1927 г. Ср. стр. 51.

женности, прибегают к посредству данных „внешних“ балансов для характеристики об'ема своих платежных возможностей.

Наконец, как было уже отмечено, выявление платежных способностей на основе данных о внешнехозяйственном обороте имеет место при установлении размеров платежей, подлежащих взысканию с данной страны для возмещения военных расходов других стран. Здесь достаточно сослаться на работы, проделанные как специально организованной для этого комиссией (The Reparation Commission), так и отдельными исследователями для выявления репарационных возможностей побежденной Германии. Расчеты, сделанные различными авторами для установления платежных возможностей Германии, как и расчеты комиссии экспертов, работавших над этими вопросами, базируются в первую очередь на анализе ее внешнехозяйственного оборота и данных „внешних“ балансов.

3. „Внешние“ балансы служат, далее, для характеристики направления и размеров миграции капиталов. С развитием международных кредитных отношений, перемещение капиталов из одних стран в другие, постоянно возрастая в своих размерах, начинает играть все большую роль в международном хозяйственном обороте. „Старая аксиома, что „торговля следует за флагом“ — пишет Boggs — „должна быть перефразирована: в применении к современному положению надо сказать, что торговля следует за иностранными инвестициями“. [1] По мере развития иностранных инвестиций возрастало и значение учета происходящих перемещений капиталов.

Данные „внешних“ балансов о размерах экспорта или импорта капиталов позволяют выявлять роль народного хозяйства отдельных стран в мировом хозяйстве. Страны, вовлеченные во внешнехозяйственный оборот, являются или кредиторами в отношении мирового хозяйства, или его должниками. Подсчеты размеров инвестированных капиталов дают возможность устанавливать, как далеко продвинулись процессы насыщения народного хозяйства иностранными капиталами или, напротив того, каких размеров достиг экспорт капиталов из этих стран. Такого рода данные имеют, естественно, крупное значение для выяснения экономического положения и роли стран в мировом хозяйстве, а вместе с тем, и для анализа политических взаимоотношений стран между собой.

4. Характеристика целей, которым служит организация учета внешнехозяйственного оборота, была бы не полной, если бы здесь не было отмечено, что без данных „внешних“ балансов невозможен какой-либо анализ внешнехозяйственных связей данной страны, а без него — неосуществима рациональная внешнехозяйственная политика. Сведения о торговом балансе страны, вместе с данными о том, как складывается весь ее „внешний“ баланс в целом, безусловно

[1] T. Boggs. „The International Trade Balance in theory and practice“. N. 7., 1922 г., стр. 2.

необходимы при разрешении всех вопросов торговой политики и таможенного обложения. Данные о размерах платежей иностранным транспортным кампаниям в оплату оказываемых ими услуг по перевозке грузов, идущих из страны за границу и из-за границы в страну, — необходимы для органов, регулирующих туземное судостроение. Цифры, характеризующие передвижки капиталов из-за границы в страну и обратно, играют серьезную роль при установлении центральными банками их дисконтной политики. Размеры комиссионного вознаграждения, выплачиваемого страной иностранным банкам, не могут не быть приняты в расчет при разрешении вопроса о целесообразности расширения сети кредитных учреждений данной страны за границей. Учет того, сколько могут израсходовать в стране иностранные туристы, посещающие ее, помогает устанавливать, стоит ли предпринимать те или другие шаги и нести затраты на улучшение в отраслях хозяйства, связанных с туризмом; учет же расходов туземных туристов может позволить, в нужный момент, провести меры к ограничению этих расходов. Расходы, связанные с эмиграцией и иммиграцией, учитываемые при составлении „внешних“ балансов, также должны быть приняты во внимание при рассмотрении вопросов, связанных с эмиграцией и иммиграцией. Этот неполный перечень „статей“ внешнехозяйственного оборота, с указанием на назначение учета каждой из них, показывает, насколько всесторонне важно значение организации такого учета.

Интерес к проблемам учета внешнехозяйственного оборота питается, таким образом, из довольно разнообразных источников. В зависимости от экономической ситуации, складывающейся в мировом хозяйстве и в народном хозяйстве какой-либо страны, перед организацией учета международных платежных отношений ставятся те или другие задачи. В периоды денежных реформ „внешние“ балансы изучаются для установления того, в какой мере состояние внешнехозяйственного оборота может содействовать успеху реформы и воспрепятствовать ему. Широкие инвестиции капитала за границей возбуждают интерес к вопросу о размерах капиталов, вкладываемых в иностранные дела и о том, как такие инвестиции сказываются на народном хозяйстве, экспортирующем капиталы. Необходимость урегулирования международных кредитных отношений с особенной настойчивостью выдвигает вопрос о платежеспособности стран — должников и „внешние“ балансы этих стран подвергаются тщательному изучению.

Период, наступивший непосредственно после войны и характеризовавшийся полной дезорганизацией денежного и кредитного хозяйства стран Европы и коренными сдвигами в хозяйственных взаимоотношениях Старого и Нового Света, заставил с особенной настойчивостью заняться проблемами учета внешнехозяйственных отношений. Мероприятия, проводившиеся для упорядочения денежного обращения в ряде крупнейших капиталистических стран Европы,

требовали изучения их внешнехозяйственного оборота и постановки наблюдения за ним. Международные расчеты по военным и прочим долгам можно было производить лишь на основе знания „внешних" балансов. Все это обусловило появление огромного интереса к проблемам международных платежей и расчетов. По мере, однако, того как „валютный хаос" стал понемногу изживаться и вопросы погашения задолженности и порядка выплат репараций получили некоторое оформление, этот интерес должен был ослабеть. Этого в действительности не произошло. С восстановлением международных хозяйственных связей, с развитием кредитных отношений, с начавшейся миграцией капиталов, изучение внешнехозяйственного оборота получило новый толчок для своего развития. Экономическая эволюция современных кипиталистических стран и самый характер их хозяйственных связей и взаимоотношений, а также применяемое ими регулирование их международного хозяйственного оборота, требуют внимательного учета и постоянного наблюдения за „внешними" балансами.

II

Международный хозяйственный оборот заключается в передвижениях разнообразных ценностей из одних стран в другие. Учет этих обращающихся между различными странами ценностей производится по их денежным стоимостям. Страна, участвующая в международном хозяйственном обороте, ввозит и вывозит известное количество таких ценностей, при чем за ввезенные ценности страна выплачивает заграница их стоимость или — на соответствующие суммы — становится должником заграницы, а за ценности, вывезенные за границу страна получает покрытие их стоимости или же приобретает право требовать этого покрытия в будущем. Двухсторонний характер этих отношений позволяет вести их учет при посредстве построения балансов, в которых находят свое отражение указанные передвижки ценностей.

Следует различать два основных типа „внешних" балансов. Один из этих типов — балансы состояния. Балансы этого типа ближе всего подходят к конструкции бухгалтерских балансов, содержащих опись (инвентарь) имущества хозяйства, составленную на ту или другую дату. Такая опись — баланс — дает представление о состоянии имущественных средств данного хозяйства на определенный момент. Другой тип внешних балансов — это балансы оборотов, учитывающие движение ценностей (их приход и расход) за определенный период времени. Балансы, построенные таким образом ближе всего походят на обыкновенный счет, при посредстве которого обычно ведется учет движения в хозяйстве материальных ценностей. Это различие двух типов внешних балансов делается очень редко и игнорирование его ведет к постоянным методологическим ошибкам, допускаемым при построении системы учета международных хозяйственных отношений.

Мысль о построении особого баланса, при посредстве которого можно было бы выявлять состояние международных расчетов на какой-либо момент, возникла сравнительно недавно и самая конструкция баланса состояния остается еще недостаточно проработанной. Баланс состояния характеризует соотношение между задолжностью заграницы данной стране и задолженностью данной страны загранице, устанавливаемое на определенную дату. Баланс этот — по содержанию учитываемого им материала — является балансом требований к загранице и обязательств перед ней. Построение его предполагает возможным выявление обязательств страны перед заграницей и ее требований к внешнему миру по каждой группе внешнехозяйственных отношений. При этом, учету должны подлежать обязательства страны перед заграницей, возникшие в предшествующие периоды времени и имеющиеся на данный момент по ее внешнеторговым операциям, по ввозу капиталов, по использованию краткосрочных кредитов и пр., а также требования этой страны к загранице (имеющиеся на данный момент), возникшие в результате разнообразных внешнехозяйственных отношений в течение периода времени, предшедствующего моменту учета. Учету подлежат все, имеющиеся на данный момент, требования и обязательства независимо от их срочности. В баланс, составленный, например, на 1 января 1928 г., должны быть включены по активу — все требования, имеющиеся у данной страны к загранице независимо от того наступят ли сроки платежей по этим требованиям в течение предстоящего года или через 10 или 20 лет и по пассиву — все, имеющиеся у этой страны, обязательства перед заграницей, независимо от того, каким путем эти обязательства возникли и когда наступят сроки погашения этих обязательств.

Такой баланс, характеризующий соотношение обязательств и требований данной страны, каким оно складывается на определенный день, называется нами расчетным балансом. К. Льюис называет его балансом иностранных долгов и инвестиций.[1]

Было бы, однако, мало целесообразным вводить в нашей литературе новый термин: обилие их едва ли может способствовать изживанию той терминологической путаницы, которая существует

[1] C. Lewis, цитированное сочинение ср. стр. 58. Расчетный баланс в этой конструкции был охарактеризован нами в нашей статье „Проблемы платежного баланса" в „Экономическом обозрении" № 7 (июль) за 1927 г. Одновременно эта конструкция была выдвинута в цитированной работе К. Льюис, появившейся также в 1927 г. К этой конструкции расчетного баланса, „охватывающего обязательства и требования к загранице безотносительно к их срокам, и дающего, так сказать, бухгалтерское описание и подсчет основных фактов, на основе которых возникают платежи и получения из-за границы, весьма близок проф. М. Боголепов (см. его работу „Торговый, расчетный и платежный балансы" в сборнике „Вопросы баланса и экспертизы". Москва, 1927 г., стр. 163).

в обозначении различных конструкций, предназначенных для учета международных хозяйственных отношений.

Учитывая характер международных расчетных отношений, можно наметить следующую примерную схему расчетного баланса.

Расчетный баланс страны А на 1 января 1928 г. [1]

Актив

А. Долгосрочная задолженность

1. По государственным займам, предоставленным правительством страны А правительствам других стран.
2. По государственным ценностям других стран, размещенным в стране А.
3. По муниципальным ценностям других стран, размещенным в стране А.
4. По ценностям частных акционерных предприятий других стран, размещенным в стране А.
5. По предприятиям (не акционерным) и имуществу за-границей, находящимся во владении страны А.

Б. Краткосрочная задолженность

6. По кредитам, оказанным правительством страны А правительствам других стран.
7. По коммерческим кредитам, оказанным страной А заграница.
8. По банковским кредитам, оказанным страной А заграница.
9. По вкладам страны А в иностранных банках.
10. Задолженность по бумажным деньгам других стран, находящимся в стране А.

Пассив

А. Долгосрочная задолженность

1. По государственным займам, предоставленным правительствами других стран правительству страны А.
2. По государственным ценностям страны А, размещенным заграницей.
3. По муниципальным ценностям страны А, размещенным заграницей.
4. По ценностям частных акционерных предприятий страны А, размещенным заграницей.
5. По предприятиям (не акционерным) и имуществу страны А, принадлежащим заграница.

Б. Краткосрочная задолженность

6. По кредитам, предоставленным правительству страны А, правительствами других стран.

[1] В основу нами взята схема E. Lewis, ср. цит. соч., стр. 96.

7. По коммерческим кредитам, предоставленным стране А заграницей.
8. По банковским кредитам, предоставленным стране А за-границей.
9. По вкладам заграницы в банках страны А.
10. Задолженность по бумажным деньгам страны А, находящимся заграницей.

Расчетный баланс, составленный по такой схеме, должен будет показать какие требования (по видам и суммам) к заграница имеются в стране А на день составления баланса и какие обязательства (также по видам и суммам) перед заграницей эта страна имеет на тот же день. Сальдо сумм всех требований и обязательств должно будет указать: 1) является ли страна А должником заграницы или кредитором ее, или же она, кредитуя заграницу (по одним странам) сама задолжала у нее (по другим странам); 2) каков об'ем инвестиций данной страны заграницей или же как велика задолженность ее перед заграницей. Расчетный баланс, по приведенной выше схеме, может быть составлен с распределением всех видов задолженности по странам; в таком развернутом балансе должно указываться, в какие именно страны произведены те или другие инвестиции и какие страны являются кредиторами данной страны по всем видам ее обязательств перед заграницей.

Характеризуя состояние задолженности страны на данный момент, расчетный баланс может быть использован для выявления направления и об'ема передвижек капиталов, происшедших за тот или другой (более или менее длительный) период времени. Для этой цели должны быть составлены два расчетных баланса — один на начало периода и другой — на конец его.

Сопоставление сумм по отдельным статьям баланса может показать, какие виды задолженности претерпели за отчетный период времени изменения, инвестировала ли страна заграницей новые капиталы или сама ввозила их и какими именно передвижками капиталов об'ясняется происшедшее за этот период времени изменение в размерах сальдо по расчетам с заграницей.

Исследователи, посвящавшие свое внимание изучению расчетных взаимоотношений капиталистических стран с внешним миром, обычно ограничивались — до последнего времени — подсчетами общих размеров иностранных инвестиций или выявлением общих размеров задолженности данной страны перед заграницей. Производство этих подсчетов, в условиях капиталистической экономики, сопряжено с огромными трудностями; их результаты могут носить характер экспертных оценок, правильность и точность которых подвергается оспариванию. Понятно поэтому, что в экономической литературе, посвященной вопросам международных расчетов, нельзя отыскать построенного по тем принципам, которые изложены выше, расчетного баланса какой-либо страны.

Если проблема организации совершенной системы учета расчетных отношений для капиталистических стран остается в основном еще впереди, то в СССР она может считаться более или менее успешно разрешенной. Необходимо отметить, что работа по составлению расчетных балансов в СССР протекает в особых условиях. В роли импортера — (и — в незначительной степени — экспортера) капиталов выступают государственные предприятия, что чрезвычайно облегчает дело организации учета всякого рода передвижек капиталов. При современном состоянии наших хозяйственных отношений с внешним миром, баланс задолженности Союза может отразить лишь наши расчеты с заграницей по внешней торговле; что касается других элементов внешне-торгового оборота, то они не оказывают почти никакого влияния на состояние расчетов Союза с границей.

Задолженность по внешней торговле имеется у Союза по экспортным и импортным коммерческим кредитам, а также по кредитам, полученным у иностранных банков. Вся задолженность является долгом государственного хозяйства Союза внешнему миру. Это обстоятельство следует отметить потому, что оно предопределяет особое отношение со стороны государства к делу построения расчетного баланса. Дело в том, что органы, регулирующие внешнехозяйственный платежный оборот в капиталистических странах, непосредственно не заинтересованы в исправном погашении внешней задолженности какого-либо предприятия, поскольку по этой задолженности государство не несет ответственности. Международные хозяйственные операции осуществляются, как правило, хозяйственными предприятиями, действующими за свой страх и риск. Невыполнение теми или другими коммерческими предприятиями или лицами обязательств перед заграницей или даже их полное банкротство не сказывается отрицательно на кредитоспособности государства, в котором находятся обанкротившиеся предприятия. В условиях существующей в СССР организации внешнехозяйственных отношений, государство, напротив того, является весьма заинтересованным в своевременном и аккуратном выполнении его органами лежащих на них обязательств. Подрыв кредитоспособности его организаций при советской системе хозяйства является подрывом кредитоспособности государства. Вот почему, организация учета задолженности Союза внешнему миру приобретает чрезвычайно серьезное значение, а расчетный баланс превращается в наших условиях в один из важнейших элементов системы учета внешнехозяйственных отношений. Построение расчетного баланса Союза становится в такой обстановке необходимой предпосылкой рационального регулирования международного платежного оборота СССР.

Опыт построения расчетного баланса был проделан у нас впервые НКТоргом Союза в сентябре месяце 1926 г. В это время за границей и в Союзе среди торгующих организаций, участвующих

во внешне-торговых операциях, была произведена перепись всех обязательств этих организаций перед заграницей. В последующем, для построения расчетного баланса, НКторг получал необходимые сведения путем затребования соответствующих данных от его торговых представительств за границей и других торгующих организаций Союза, имеющих право выхода на внешний рынок.

Расчетный баланс — как было указано выше — является балансом состояния, выявляющим требования данной страны к заграница („актив“ или „дебет“ баланса) и обязательства ее перед ней („пассив“ или „кредит“ баланса). На ряду с такой конструкцией, не меньшее значение имеют балансы, построенные по схеме приходо-расходного счета, или, как они были названы выше, балансы оборотов. На одной стороне такого счета—баланса должны получить отражение поступления в страну из-за границы, а на другой — выплаты, произведенные страной заграница. В балансе, построенном по схеме приходо-расходного счета, его „приходная“ сторона обозначается обычно по примеру того, как это делается в балансе состояния, как „актив“ или „дебет“ баланса, а „расходная“ сторона — как „пассив“ или „кредит“. Такое обозначение затемняет лишь приходо-расходный характер такого баланса и от него следовало бы отказаться. Введение в практику обозначения разных частей этого баланса как „поступления“ или „приход“ — с одной стороны, и „платежи“ или „расход“ — с другой, весьма способствовало бы уяснению различия между балансами состояния и балансами оборотов. Вместе с тем это облегчило бы читаемость балансов.

Ознакомление с встречающимися в экономической литературе определениями балансов оборотов показывает, что конструирование таких (приходо-расходных) балансов производится двумя способами. Ряд исследователей считает, что такой баланс должен отражать — с одной стороны — требования данной страны к заграница, возникшие в результате экспорта товаров и услуг и других элементов внешнехозяйственного оборота в течение того периода времени, за который составляется баланс, а с другой — обязательства ее перед внешним миром, возникшие в течение того же периода времени — в результате импорта товаров, услуг и др. элементов внешнехозяйственного оборота. Такое понимание об'екта учета, приводит этих авторов к конструкции баланса требований и обязательств, охватывающего оборот требований и обязательств за определенный период времени. Балансы этого рода обозначаются обычно как Forderungsbilanz, Verpflichtungsbilanz, Balance of International Indebtednes и пр. Отчетливое определение такого баланса можно найти у Меерверта, который называет его „Verkehrsbilanz“ и определяет, как „противопоставление всех денежных требований и обязательств данной страны, возникших в течение года“.

Другой автор—Цоллингер, определяет такой баланс, как „противопоставление требований и долгов, которые возникли у страны

в течение известного периода времени в результате сношений с заграницей, содержащее активное или пассивное сальдо, оказавшееся к концу этого периода"; такой баланс он — в отличие от других — называет Zahlungsbilanz.[1] Близок к такому пониманию баланса требований и обязательств автор большого исследования „Международные платежные отношения и вексельный курс" „Ф. Шмидт, предлагающий конструкцию „баланса требований за хозяйственный год" (Forderungsbilanz für ein Wirtschaftsjahr)[2]. I. Friedrich пишет, что Forderungsbilanz „устанавливает все возникшие в течение хозяйственного года требования на заграницу — как статьи актива — в противопоставление статьям пассива, которые представляют задолженность заграницe".[3] Подобные определения можно встретить и у других авторов.

Как видно из приведенных определений, их авторы считают, что система учета международного платежного оборота должна включать такую конструкцию, которая ставила бы своей задачей учет возникающих в течение данного периода времени — хозяйственного года — требований к заграницe и обязательств перед ней; условимся обозначать, предлагаемую этими авторами конструкцию, как Forderungsbilanz. Такой баланс требований отличался бы от охарактеризованного нами выше расчетного баланса тем, что расчетный баланс учитывает все требования и обязательства страны, возникшие за весь период существования внешних сношений страны, оставшиеся непогашенными к моменту составления баланса и подлежащие погашению в будущем. „Forderungsbilanz" имеет в виду учет требований и обязательств, возникших в течение данного хозяйственного года, независимо от того, были ли они погашены в течение этого года или же они будут погашены в следующие годы. Расчетный баланс, составленный на определенный день, устанавливал бы соотношение всех требований к заграницe и всех обязательств страны перед заграницей, в то время как Forderungsbilanz, в том виде, как его понимают цитированные авторы, должен был бы показывать поступление новых требований к заграницe в распоряжение страны за данный отчетный период времени и выдачу страной новых обязательств заграницe за тот же период времени. Такой Forderungsbilanz является, как видно из указанного, балансом оборотов.

На ряду с такой конструкцией баланса оборотов, может быть построен баланс, который ставил бы своей задачей учет поступивших за данный период времени — по имевшимся в распоряжении страны требованиям к заграницe — платежей и произведенных (за тот же период времени) — по обязательствам страны перед заграницей — выплат. Речь идет в этом случае не о балансе требований — Forderungsbilanz'e, а о балансе платежей — Zahlungsbilanz'e.

[1] Zollinger, цит. соч., стр. 8.

[2] Dr. F. Schmidt. „Internationaler Zahlungsverkehr und Wechselkurse". 1922 г., ср. стр. 7—10.

[3] I. Friedrich. „Der Zahlungsverkehr mit dem Auslande". 1923 г., стр. 7.

Вопрос о том, что именно должно быть об'ектом учета баланса оборотов — требования и обязательства страны, возникшие в течение данного периода времени, или же полученные — в течение этого периода времени — платежи и произведенные выплаты, представляет — при нынешнем состоянии учета международного оборота — не только теоретический, но и практический интерес.

Анализ структуры Forderungsbilanz'a показывает, что этот баланс не в состоянии характеризовать движения задолженности данной страны заграницe — с одной стороны и задолженности заграницы данной стране — с другой так как такой баланс не учитывает, какая часть обязательств оказалась погашенной. В то же время Forderungsbilanz не может дать ответа на вопрос о том, как же за отчетный период времени сложился баланс платежей данной страны с заграницей. То обстоятельство, что рассматриваемая конструкция учета — Forderungsbilanz — не может служить ни для одной из указанных целей, делает построение ее нецелесообразным. Построение специального баланса оборотов для выявления соотношения возникших — за отчетный период времени — требований к заграницe и обязательств перед ней, тем менее целесообразно, что сведения о движении задолженности могут быть получены из сопоставления данных двух расчетных балансов, из которых один характеризовал бы состояние международной задолженности на начало отчетного периода — года, — а другой — на конец его (или на начало следующего года).

Расчетные балансы, отвечая на вопрос о движении задолженности, не могут, однако, характеризовать размеров международного платежного оборота. Этой последней задаче служит баланс международных платежей или платежный баланс.

Учет международного платежного оборота должен быть организован таким образом, чтобы он мог давать представление как об об'еме внешнехозяйственных платежных отношений, так и о характере их. Это возможно при посредстве платежного баланса, который позволяет выявлять соотношение поступивших в страну из-за границы в течение определенного периода времени платежей — по разного рода внешнехозяйственным операциям — с выплатами, произведенными — по такого рода операциям — данной страной заграницe в течение того же периода времени. Такой баланс является балансом оборотов и в нем находят свое отражение все „входящие" и „исходящие" платежи данной страны за известный период времени.

Платежный баланс мыслим для любого промежутка времени: дня, месяца, года, десятилетия и т. д. Обычном периодом времени, на который производится построение баланса, является год, так как в течение года завершается определенный цикл хозяйственного развития, обусловленный сменой времен года. При этом годовой ба-

ланс является результатом наложения друг на друга балансов каждого из дней данного года.

Некоторые исследователи под платежным балансом понимают так называемый баланс срочных платежей. В нашей литературе имеется, например, определение платежного баланса, данное А Фин-Енотаевским, который предлагает „под платежным балансом страны... понимать платежи ее или ей срочные в данный момент. Разница между платежами данной страны и причитающимися ей получками в данной момент, сальдо взаимных платежей двух (?) стран в данный момент и определяет активность или пассивность платежного баланса данной страны". [1] Такое же определение дает и профессор М. Н. Соболев: „под платежным балансом,— пишет он,— будем называть соотношение платежей страны и платежей стране срочных в данный момент". [2]

Что может означать такая конструкция платежного баланса? Она имеет одно из следующих двух значений. Под платежами срочными в данный момент могут разуметься платежи срочные в течение данного дня, поскольку сроки платежей устанавливаются обычно на определенные дни. При таком понимании — платеж срочный в данный момент есть платеж, срочный в течение данного дня, а баланс срочных платежей есть ни что иное, как платежный баланс дня. Если следовать такому пониманию баланса срочных платежей, то можно установить, что эта конструкция полностью покрывается понятием платежного баланса дня.

Однако, на ряду с таким пониманием платежного баланса, как баланса срочных платежей, возможно другое понимание. Так, например, Ф. Шмидт, предложивший, в цитированной выше работе, целую систему балансов, считает, что платежным балансом может считаться то, что в одно определенное мгновенье выявляется на валютном рынке данной страны, как предложение и спрос. При этом Шмидт различает так называемый Grundzahlungsbilanz, под которым он понимает меняющееся каждую минуту состояние расчетов по требованиям к заграницe и обязательствам перед нею, поскольку те и другие стали и станут срочными и появились на рынке платежных средств. Такой Grundzahlungsbilanz является составной частью Gesammtzahlungsbilanz'а, который представляет собой возникающее в каждое данное мгновенье соотношение между спросом и предложением на валютном рынке, обусловленными как расчетами с заграницей, так и спекуляцией и интервенционными валютными операциями регулирующих органов. [3]

Из определений Ф. Шмидта следует, что платежный баланс, понимаемый в качестве баланса срочных платежей, есть ни что

[1] „Новые идеи в экономике". Сборник № 7, Ленинград, 1924 г., стр. 88—89.
[2] „Экономическое Обозрение", Октябрь, 1925 г., стр. 50.
[3] F. Schmidt, цит. соч., ср. стр. 41.

иное, как соотношение платежей, совершающихся в международном обороте каждую данную минуту. Такой платежный баланс можно было бы назвать Augenblickszahlungsbilanz — платежным балансом мгновенья.[1] Конструкция баланса срочных платежей, понимаемая таким образом, может представлять интерес лишь как рабочая гипотеза, которая используется при исследовании вопроса о связи между внешнехозяйственным платежным оборотом и состоянием курса валюты; но она не может быть включена в систему балансов, служащих для учета международного хозяйственного оборота, так как построение ее является практически невозможным.

III

Характеризуя систему учета международного хозяйственного оборота, мы остановились на следующих четырех балансах: 1) расчетном балансе (или балансе международной задолженности), 2) балансе требований и обязательств (Forderungsbilanz), 3) платежном балансе и 4) балансе срочных платежей. Перечисленные четыре конструкции учета являются основными конструкциями, с которыми приходится сталкиваться в теории и на практике. Необходимо при этом отметить, что в работе некоторых исследователей можно встретить перечисленные выше конструкции под другими обозначениями, а также конструкции, которые могут оказаться затруднительным — без специального анализа — свести к одной из указанных выше.

Из четырех вышеуказанных конструкций, одна — Forderungsbilanz по соображениям, приведенным ранее, является не необходимой, другая — баланс срочных платежей — не может быть рассматриваема в качестве конструкции, служащей целям учета международного хозяйственного оборота. Таким образом, в основном, система учета международного хозяйственного оборота состоит из двух балансов: 1) расчетного или баланса международной задолженности, понимаемого как баланс состояния, т.-е. как баланс, имеющий своей целью характеристику состояния — на какой-либо определенный день — расчетов данной страны с заграницей по ее требованиям к заграница и обязательствам перед ней и 2) платежного баланса, понимаемого в качестве баланса оборотов и характеризующего платежные взаимоотношения данной страны с заграницей за какой-либо определенный период времени — по всем видам внешнехозяйственных операций.

Платежный баланс, ведя учет платежному обороту между данной страной и заграницей, в состоянии ответить не только на вопрос о том, из каких элементов состоит внешнехозяйственный оборот этой страны и какую роль каждый из этих элементов играет во всем обороте, но он позволяет судить и о том, какое влияние вне-

[1] Ср. Kellenberger. „Wechselkurs und Zahlungsbilanz im Kriege und Frieden". 1919 г., стр. 13.

шнехозяйственный оборот должен был оказать в течение данного периода времени на валютный рынок страны. Спрос на иностранную валюту и предложение ее обусловливаются в основном внешнехозяйственными сделками, которые регистрируются платежным балансом. При этих обстоятельствах состояние платежного баланса, определяющееся в зависимости от того, превышает ли — в течение данного отрезка времени — сумма „входящих" платежей сумму платежей „исходящих", или имеет место обратное явление, в свою очередь может определять состояние валютного рынка страны. При этом, однако, было бы ошибочно игнорировать влияние на этот валютный рынок факторов, лежащих вне сферы международного платежного оборота. К числу таких факторов может быть отнесена валютная спекуляция, арбитраж, интервенционные мероприятия органов, регулирующих денежное обращение страны и пр.

Учитывая, что платежный баланс не в состоянии характеризовать всю совокупность факторов, влияющих на валютный рынок страны, Шмидт выдвинул мысль о построении особого баланса, который он называет „общим платежным балансом" (Gesammtzahlungsbilanz) и который ставит своей задачей учет как внешнехозяйственных, так и внутрихозяйственных платежных оборотов, оказывающих влияние на состояние валютного рынка страны. Такую конструкцию едва ли можно рассматривать, как предназначенную для учета соответствующих платежных отношений, так как организация такого учета в условиях капиталистического народного хозяйства представляет огромные трудности. Ее значение сводится, главным образом, к тому, чтобы подчеркнуть, что состояние валютного рынка страны определяется не в зависимости от того, как складывается ее международный платежный баланс, а в зависимости от того, как складывается ее „общий платежный баланс".

Конструкция, которая в условиях капиталистического народного хозяйства носит характер теоретической концепции, в условиях советской организации народного хозяйства приобретает важное значение для дела учета внешнехозяйственных и внутрихозяйственных платежных отношений. При этом, однако, под влиянием своеобразной организации народного хозяйства Союза, она модифицируется и приобретает особое строение.

Такая конструкция, как „общий платежный баланс", призвана — как было уже указано — служить для характеристики всей совокупности платежных операций, сказывающихся на состоянии валютного рынка страны. Об'ектом учета такой конструкции должен явиться оборот валютных ценностей, поступающих на валютный рынок страны в результате внешнехозяйственных операций этой страны или же в результате валютных операций внутрихозяйственного характера — с одной стороны, и снимаемых с валютного рынка в связи с внешнехозяйственными, а также и внутрихозяйственными валютными операциями — с другой. Оборот валютных ценностей, обусловленный

внешнехозяйственными операциями данной страны, может быть охарактеризован при посредстве данных платежного баланса этой страны. Внутрихозяйственный же оборот валютных ценностей должен быть подвергнут дополнительному учету. В чем может выражаться этот внутрихозяйственный оборот валютных ценностей?

1. Страна, в которой имеет место добыча благородных металлов, располагает известным фондом этих металлов, который может быть мобилизован как для расплат с заграницей, так и для удовлетворения внутреннего на него спроса. Поскольку благородные металлы являются товаром, обладающим максимальной ликвидностью, размеры добычи этих металлов или же размеры выявляющихся на рынке предложения их и спроса на них должны быть учтены при характеристике оборота валютных ценностей.

2. Некоторое количество валютных ценностей может находиться в стране в иммобильном виде; металлические монеты — полноценные а иногда и неполноценные — тезаврируются населением и в иные периоды времени, при порче денежного обращения, можно наблюдать их массовый уход из сферы обращения. Такое явление наблюдалось в России в годы мировой войны. В послереволюционные годы, примерно тоже случилось с иностранной валютой (главным образом, в эффективах), которая использовалась преимущественно в качестве средства накопления. При соответствующей благоприятной кон'юнктуре, эти иммобилизованные ценности могут возвращаться в оборот и оседать в кассах кредитных учреждений. Наиболее интересным примером в этом отношении может служить факт детезавризации золотой монеты царского чекана, наблюдавшийся в период проведения денежной реформы (1924—1925 гг.).

3. Известное количество валютных ценностей в стране может быть обращаемо на пополнение фонда эмиссионного обеспечения, т.-е. на пополнение валютных ресурсов эмиссионного банка страны. Обращение части валютных ценностей, поступивших в страну из-за границы, в фонд обеспечения эмиссии или мобилизации для этой цели ценностей, обращающихся в стране, не могут не оказывать влияния на состояние валютного рынка страны. Германское статистическое управление включает данные, характеризующие движение ценностей, входящих в состав эмиссионного покрытия, в платежный баланс Германии в качестве одной из его статей; так в платежных балансах Германии за 1924—1926 гг. по этой статье фигурируют значительные суммы.[1] Включение в платежные балансы такой статьи нельзя признать методологически правильным. Обращение валютных ценностей в фонд эмиссионного обеспечения является операцией внутрихозяйственного характера, непосредственно несвязанной с международным платежным оборотом. Правда, на нужды эмиссионного обеспечения могут быть обращаемы валютные ценности, посту-

[1] „Wirtschaft und Statistik". 1927 г., № 9.

пившие в страну в результате внешнехозяйственных операций; однако, в этом случае эти ценности уже должны были быть учтены в качестве поступивших в страну по одной из операций с заграницей. Кроме того, на пополнение фонда эмиссионного обеспечения могут обращаться валютные ценности, извлекаемые из внутрихозяйственного оборота; в этом последнем случае данные, характеризующие движение ценностей, входящих в состав эмиссионного покрытия, не имеют непосредственного отношения к внешнехозяйственным операциям страны. Поэтому, эти данные не должны включаться в платежные балансы. Наличие их в платежных балансах превращает последний — в собственном смысле этого слова — в то, что Шмидт называет „общим платежным балансом" (Gesammtzahlungsbilanz).

Приведенная выше краткая характеристика внутрихозяйственного оборота валютных ценностей свидетельствует о том, что изучение факторов, обусловливающих состояние валютного рынка, было бы неполным, если бы наш анализ ограничился изучением динамики внешнехозяйственных платежных взаимоотношений. Естественным продолжением этого анализа должно быть исследование внутрихозяйственного оборота валютных ценностей. Построение и изучение платежного баланса не может считаться достаточным для полной ориентировки в состоянии валютного рынка страны. Необходимо, очевидно, конструирование такого баланса, в котором бы нашли свое отражение не только внешнехозяйственные платежные взаимоотношения, но также и внутрихозяйственный оборот валютных ценностей. Таким балансом мог бы служить валютный баланс, характеризующий соотношение между поступлениями валютных ценностей на валютный рынок страны и расходованием их как для нужд внешнехозяйственного оборота, так, равным образом, для удовлетворения внутрихозяйственного спроса на них. Такой баланс может давать характеристику указанного соотношения в течение периодов различной длительности, как это имеет место в отношении платежного баланса: возможен валютный баланс дня, декады, месяца, года. Те соображения, которые указывают на целесообразность установления для платежного баланса такого периода, как год, остаются в силе и для валютного баланса: основную роль в нем, как правило, играют внешнехозяйственные платежи и их годовая цикличность обусловливает целесообразность установления годового периода для валютного баланса.

Из данного выше определения валютного баланса следует, что его задачей является характеристика соотношения между поступлением и расходованием валютных ценностей в стране. Это определение указывает на то, что валютный баланс может быть построен таким образом, что будет учитывать передвижение валютных ценностей, происходящее в народном хозяйстве в течение определенного периода

времени. Однако, при той организации народного хозяйства, которая имеет место в советской России, возможно и иное построение валютного баланса. В СССР мы имеем централизованный порядок управления организациями, обслуживающими внешнюю торговлю СССР и кредитными учреждениями, через аппарат которых проходят все международные платежи Союза, а также сосредоточение в руках государства большей части валютных ресурсов народного хозяйства. Забота о поддержании устойчивости курса валюты, построенной по системе золотого обеспечения, а также необходимость поддержания ресурсов на уровне, обеспечивающем выполнение обязательств перед внешним миром, требуют от государственной власти внимательного наблюдения за принадлежащими ему валютными ресурсами, а также правильного администрирования ими. В указанных условиях приобретает большое значение учет движения валютных ценностей, происходящего в государственном хозяйстве и обусловленного как внешнехозяйственными отношениями, так и внутрихозяйственным оборотом этих ценностей. Таким образом, рядом с валютным балансом, в котором находят свое отражение передвижки валютных ценностей, происходящие в народном хозяйстве, может быть сконструирован валютный баланс, ведущий учет движения валютных ценностей, происходящего в рамках государственного хозяйства.

Построенный таким образом валютный баланс имеет своей целью дать характеристику соотношения между размерами поступлений валютных ценностей в распоряжение государственного хозяйства (как по внешнехозяйственным, так и по внутрихозяйственным операциям) в течение данного периода времени и расходом этих ценностей, произведенным государственным хозяйством в течение того же периода времени.

Какая же из этих двух конструкций валютного баланса представляет больший интерес и имеет большее значение при осуществлении работы по регулированию валютного рынка СССР? Сделанные выше указания на своеобразие той экономической обстановки, в которой происходит работа по регулированию внешнеторгового и валютного оборота Союза, заставляют признать основное значение за валютным балансом второго типа. Если в первые годы работы по изучению валютного баланса СССР это отличие между двумя указанными конструкциями валютного баланса не всегда было ясно даже для работников, непосредственно занятых в составлении этого баланса, то в настоящее время основные принципы обеих конструкций достаточно выявлены и опыт работы в области валютного регулирования привел к построению валютных балансов, учитывающих движение валютных ценностей, происходящее в государственном хозяйстве. [1]

[1] О принципах построения валютного баланса СССР см. работу В. С. Яновского „Структура платежного баланса СССР" (в „Вопросах баланса и экспертизы", том II) и нашу работу „Проблемы валютного баланса" (в „Вестнике Финансов", 1927 г. № 2).

Характеристика такой конструкции учета, как валютный баланс, показывает, что система учета внешнехозяйственного, а также валютного оборота Союза была бы неполна, если бы она не включала — помимо расчетного и платежного балансов — также и валютный баланс. Построение валютного баланса приобретает в условиях экономики Союза тем большее значение, что происходящий между СССР и капиталистическими странами хозяйственный оборот протекает не столько между народным хозяйством Союза и народным хозяйством этих стран, сколько между ними и государственным хозяйством СССР.

Рассмотренные выше конструкции расчетного, платежного и валютного балансов являются отдельными элементами системы учета внешнехозяйственных платежных отношений. Каждая из них, как уже отмечалось, служит определенным целям. Пользование данными какой-либо одной из этих конструкций, без знания того, каковы результаты учета, произведенного при посредстве других конструкций, не в состоянии обеспечить полного и всестороннего представления о международных хозяйственных отношениях отдельных стран. Бесспорно все же, что основное значение в системе учета внешнехозяйственного оборота имеют балансы оборотов: в капиталистических условиях — платежный баланс и в условиях советской экономики — валютный баланс СССР.

Б. Г. Быховский

Экомомика современной Японии

Экономическое положение Японии одной из ведущих стран современного империализма, является ярким завершением быстрого скачкообразного развития молодой промышленной страны.

Как известно, феодальная Япония выступила на путь капиталистического развития в конце 60-х годов прошлого века после буржуазной революции 1868 г. и до конца XIX века чрезвычайно быстро успела развиться в аграрно-промышленную страну.

Сельское хозяйство. Ограниченные природные возможности Японии (обрабатываемые поля составляют только 15,76% всей площади страны и равны 15 млн. акров), густота и бедность ее населения, неравномерность распределения земельной собственности, огородный характер сельского хозяйства и старая сельскохозяйственная культура страны обусловили то, что уже в начале XX века сельское хозяйство в Японии достигло своего предельного развития.

Эпоха русско-японской войны, характеризуемая значительным ростом промышленности, быстрой концентрацией производства, созданием монопольных промышленных об'единений, срастанием финансового и промышленного капиталов, т.-е. эпоха перехода индивидуалистического капитализма в Японии в капитализм империалистический знаменует начало упадка сельского хозяйства и дальнейшее экономическое развитие Японии, как чисто индустриальной страны.

Слишком тесные для промышленного развития страны внутренние рынки толкают японский капитал к выходу на заграничные товарные рынки. Конкуренция мировых рынков требует низких цен на сел.-хоз. продукты, дающие промсырье и продовольствие для рабочих, занятых в промышленности. К тому же завоевание деревни, как рынка, современной индустрией вызвало разрушение сельской кустарной промышленности.

По данным официальной статистики («Japan Jear Book» 1929 г.) 46% всей посевной площади Японии составляют арендные земли и 49% земли самостоятельных крестьян. Так как 73% крестьян владеют карликовыми участками размером до 2,5 акров, то понятным становится развитие в стране системы земельной аренды.

Только 30,5% крестьян сеют исключительно на своей земле. Полуарендаторы составляют 41,1% всей крестьянской массы и арендаторы чистого типа 28,4%. Таким образом, 70% крестьянских хозяйств принадлежит арендаторам и полуарендаторам, жестоко эксплоатируемым земельными собственниками.

Система земельного ростовщичества развита в Японии в почти небывалых для других стран размерах.

Обостренное состояние земельного вопроса и сел.-хоз. политика японского империализма ведут к быстрой пролетаризации безземельных и карликовых крестьян-собственников, и способствуют углублению сел.-хоз. кризиса в послевоенной Японии.

Кризис сельского хозяйства влечет за собой тенденцию к ликвидации производства менее выгодных культур, которым трудно выдерживать иностранную конкуренцию и процесс концентрации культур, которым благоприятствует природа, или таких, в развитии которых непосредственно заинтересовано правительство. Таким образом, рис — главный предмет питания народа и шелковица, как корм для шелковых червей, поскольку шелк является основным предметом экспорта, стали основными культурами японского сельского хозяйства.

При почти полной стабильности посевной площади за последние пять лет (1928 г. — 3.191.734 чобу; чобу равен 3,3 *м*) и несмотря на интенсивное применение удобрения, средний уровень урожая риса за последние 10 лет не превышает 58 млн. коку,[1] и доходит до 62 — 63 млн. коку в особо урожайные годы. Урожай 1927 г. принадлежал к числу изобильных, дав свыше 62 млн. коку. Урожай истекшего 1928 г. также, вопреки первоначальным опасениям недорода, оказался хорошим, дав 60,3 млн. коку.

Между тем по данным японской статистики,[2] при среднем урожае в 58 млн. коку, и расходе его на различные производства в размере 6 — 7 млн. получается постоянный дефицит в 12 — 15 млн. коку.

Дефицит этот обычно покрывается ввозом риса из колоний: Формозы, Кореи, а также и Сайгона, Китая, Африканской Индии и Сиама.

Импорт риса регулируется правительством, принимающим деятельное участие в его ввозе и пытающемся, устанавливать и поддерживать определенные цены на рис путем так называемой «рисовой политики». В соответствии с обстановкой и ожидаемой урожайностью, пошлины на рис то понижаются, то повышаются, то временно и вовсе снимаются.

Шелководство. Шелководство занимает второе место в сел.-хоз. жизни страны. Благодаря тому, что эта отрасль сельского хозяйства дает сырье для одной из важнейших отраслей японской промышленности, работающей притом почти исключительно на экспорт, она усиленно покровительствуется правительством и показывает неуклонный решительный рост.

Сбор шелковых коконов в период 1910 — 1915 гг. составляет в среднем 43 млн. камме,[3] в период 1915—1920 гг. — 61 млн. камме, 1920 — 1925 гг. — 66 млн. камме и достигает в 1928 г. 93 млн. камме против 91 млн. в 1927 г.

Число хозяйств, занятых шелководством, исчисляется в 1928 г. в 2.154.420, при чем это количество увеличилось, по сравнению с предыдущим годом, на 61.000 хозяйств и на 103.000 хозяйств, по сравнению с 1926 г.

Остальные хлебные культуры Японии, как-то: пшеница, ячмень, овес, кукуруза, картофель, сравнительно мало развиты и не отражают хлебную конъюнктуру страны.

Промышленные культуры: табак, хлопок, чай, лен, конопля и др. обнаруживают общую тенденцию к сокращению посевной площади и не играют заметной роли ни в качестве предметов экспорта, ни сырья для японской промышленности.

Рыбное хозяйство. Рыболовство является одной из основных отраслей народного хозяйства Японии. Рыба служит здесь не только продуктом питания, занимая в этом отношении второе место после риса, но и удобрением рисовых полей.

[1] Коку равняется 4,96 бушеля.
[2] „Japan Jear Book". 1929 г.
[3] „Economic Review". Tokyo, № 5, 1928 г. и № 1, 1929 г.; 1 камме — равняется 3,75 *кг.*

Природные условия Японии сложились исключительно благоприятно для развития рыболовства и морского промысла.

По данным официальной статистики министерства земледелия, в 1927 г. в рыбном и морском промысле Японии было занято 1.495 тыс. чел. Общий годовой лов рыбы и продуктов моря оценивается в 400 млн. иен.[1]

Рыбное хозяйство Японии, так же как и полеводство, и притом под влиянием тех же экономических факторов, мало изменилось за последние 10 лет. Достаточно указать, что в 1921 г. рыбное-морское дело занимало 1.392 тыс. чел. и что, следовательно, увеличение на 103 тыс. чел. за пять лет следует отнести за счет естественного прироста. Количество вылавливаемой рыбы и продуктов моря за последнее десятилетие тоже мало изменилось. По данным японского министерства земледелия, за время 1919—1927 гг. уловы колеблются в сторону как увеличения, так и снижения в пределах до 12,4%.

Добывающая промышленность. Естественные ресурсы Японии, за исключением меди, вообще не очень велики. Сырьевая база страны не соответствует ни в какой мере степени развития промышленности и не может обеспечить Японии соответствующее место в числе индустриально развитых стран мира. Не даром, вся японская экономическая литература непрестанно повторяет, что глубочайший смысл экономической мировой политики государства заключается в поисках на стороне естественных ресурсов, могущих обеспечить развитие страны. Правильное разрешение этой проблемы трудная, но необходимая для бытия Японии задача.

Каменный уголь составляет 71,5% добычи недр Японии. Эта отрасль горного дела дает последовательный рост с 22 млн. тонн в 1914 г. до 31,5 млн. тонн в 1927/28 г. Развитие добычи угля тормозится по двум причинам:

1) японский уголь весьма низкого качества. Внешний рынок этого угля — Малайский Архипелаг, Индо-Китай и Китай — в значительной степени насыщен этим углем, и охотно заменяет его более высокосортным углем других производителей; 2) внутри страны серьезную угрозу угольной промышленности представляет развитие гидро-электростанций с использованием белого топлива, и переоборудование двигателей для перехода их на жидкое нефтяное топливо.

Нефтяной вопрос очень остро стоит перед Японией. Потребление нефтепродуктов в Японии составляет, примерно, 1,65 млн. тонн в год, и имеет тенденцию непрерывного роста. Основной нефтяной баланс складывается следующим образом.[2]

Добыча нефти в Японии покрывает только около 23% этого количества (из них 300.000 тонн добывается в Японии и 90.000 тонн на Сахалине). Таким образом, 77% всех потребляемых нефтепродуктов приходится импортировать из-за границы.

Между тем, потребности промышленности, а в первую очередь, флота, основного оружия японского империализма, требуют обеспечения их нефтяным топливом, получаемым из районов, находящихся под большим

[1] „Japan Jear Book". 1929 г.
[2] „Trans Pacific". Tokyo 29/XII—28 г.

Флот	400.000 тонн.
Автомобили и аэропланы	200.000 „
Перепродажа	400.000 „
Машины	330.000 „
Железные дороги	220.000 „
Освещение	120.000 „

или меньшим контролем Японии. Естественно, поэтому, что японское правительство берет на себя риск эксплоатации новых нефтяных источников. С 1927/28 финансового года положено начало проведению в жизнь пятилетней программы нефтебурений, с общей суммой расходов в 2,5 млн. иен. С другой стороны, правительство, и в первую голову, морское министерство, — произвело ряд удачных опытов, в связи с проблемой гонки нефти из Фушунского угля (Манчжурия), годного для этой цели. Интересно отметить также усилие Японии в деле ожижения угля. Вообще, все возможности получения искусственной нефти и превращения рыбного масла, в огромных количествах имеющегося в Японии, в топливо, самым тщательным образом разрабатывается соединенными усилиями японского правительства и капитала, при ближайшем участии науки и техники.

Проблема искусственного жидкого минерального топлива приобретает еще большее значение для Японии, так как стремления ее получить нефтяные концессии в Мексике, Восточной Индии, Румынии, Турции и других странах пока безуспешны.

Переходя от добычи угля и нефти к добыче металлов, составляющих сырьевую базу японской металлопромышленности, необходимо, в первую очередь, остановиться на добыче меди. Япония относительно богата медью. Довоенная добыча ее в 60—70 тыс. тонн позволяла удовлетворить нужды промышленности, определившиеся в то время в 30—50 тыс. тонн, и экспортировать за границу около 30 тыс. тонн, т.-е. от 40 до 55% всей добычи меди.

Добыча военных годов достигла даже рекордных цифр в 100—110 тыс. тонн. Кризис 1920—1921 гг. снижает добычу до 50 тыс. тонн. В то же время рост электропромышленности вызывает усиленное потребление меди внутренним рынком, которое приходится покрывать заграничным импортом. Несмотря на все попытки поднятия добычи меди, таковая достигла в настоящее время только довоенного уровня и ежегодно отстает на 10—15 тыс. тонн от роста потребления меди внутри страны. Недостающее количество ввозится, главным образом, из Соед. Штатов, и в настоящее время вывоз меди совершенно не фигурирует в экспортном балансе страны.

Значительным препятствием на пути индустриального развития Японии является недостаток в железе и чугуне. Для создания сырьевой базы металлов Япония обращает свое внимание, в первую очередь, на азиатские страны и Австралию. В течение многих лет Япония старалась наладить снабжение своей промышленности железом из Китая. Около 100 млн. иен было обращено Японией на приобретение китайских железных рудников и постройку доменных печей. В настоящее время около 90% железных ресурсов Китая находятся под японским контролем. Однако, лихорадочное стремление Японии приобрести железо-сырьевую базу в Китае — не увенчалось успехом. Китай слишком беден железом; к тому же, хотя и медленно развивающаяся промышленность Китая и осложнение японо-китайских отношений, создали в настоящее время условия, при которых Японии трудно рассчитывать на китайское железо. В значительной степени японская промышленность использовала избытки индийского чугуна.

В настоящее время группа японских железных компаний заключила крупный контракт с австралийскими железно-рудными компаниями на закупку Японией в течение 12 лет около 10 млн. тонн австралийской руды.

В японской экономической литературе появились сообщения о переговорах Японии с Ново-Зеландией о концессионном договоре на ряд железных залежей.

Все указанное лишний раз подтверждает, как сильно Япония обеспокоена созданием источников снабжения сырьем своей растущей промышленности.

Обрабатывающая промышленность. Обрабатывающая промышленность является той областью японского хозяйства, быстрое развитие которой позволило Японии, несмотря на целый ряд неблагоприятных факторов, занять одно из первых мест в ряду современных индустриальных империалистических держав.

Динамика роста продукции важнейших отраслей японской промышленности за последнее пятилетие, видна из следующей таблицы: [1]

Таблица 1

Продукция важнейших отраслей производства Японии

Предметы продукции	Годы				
	1928	1927	1926	1925	1924
Железная руда . . . . . в тыс. тонн.	1.400	1.270	1.135	931	832
Сталь казенных заводов . . „ „ „	1.175	1.012	906	607	516
Сталь частных заводов . . „ „ „	650	507	437	406	390
Кораблестроение . . . . . „ „ „	68	42	52	56	73
Уголь . . . . . „ „ „	31.361	31.199	29.256	29.220	27.816
Медь . . . . . „ „ „	65	60	62	62	62
Нефть в млн. галлонов	77	74	75	79	76
Сера . . . . . в тыс. тонн.	61	56	46	45	45
Цемент . . . . . „ „ „	4.000	3.375	3.350	2.620	2.297
Бумага европейская . . . „ „ „	589	521	471	422	370
Бумага японская . . . . . „ „ „	585	536	500	414	357
Сульфат-аммоний . . . . . „ „ „	230	175	150	130	115
Суперфосфат . . . . . „ „ „	705	735	755	640	580
Шелк-сырец 1.000 кип	537	531	464	428	375
Шелковые ткани для экспорта 1.000 хики .	3.395	3.380	3.129	2 887	2.803
Искусственный шелк в млн. фун. . . .	15	10	4	3	1
Бумажная пряжа в тюках	2.426	2.529	2.608	2.437	2.073
Бумажная ткань в млн. ярдах	1.373	1.296	1.278	1.178	1.031
Шерстяной муслин в млн. ярд	160	146	156	159	139
Сукна „ „ „	44	34	44	37	41

Из приведенной таблицы можно усмотреть, что продукция тяжелой промышленности за последнее пятилетие почти удваивается. Значительны также успехи шелковой, бумажной, цементной и химической промышленностей. Что касается темпа развития основной для Японии хлопчатобумажной промышленности, то он значительно более замедлен.

Современное состояние силового хозяйства Японии выражается в лошадиных силах следующим образом:

Паровые двигатели	535.834
Паровые турбины	1.160.279
Газовые двигатели	37.717
Нефтяные двигатели	21.277
Электрические двигатели	1.794.644
Водяные двигатели:	
Турбинные	871.403
Прочие	231.419

При общем населении около 60 млн. чел., официальная статистика насчитывает на конец 1927 г. — 9.608 тыс. рабочих. По отраслям хозяй-

[1] D-r Otto Richter. „Die gewerbliche Production Japans im Jahre 1928". „Wirtschaftsdienst", Hamburg, № 5, 1929 г.

ства они распределяются следующим образом: фабрики и заводы, — 2,147 тыс., рудники — 289 тыс., сельское хозяйство — 3,118 тыс., рыболовство — 797 тыс., лесное хозяйство — 310 тыс., торговля — 1,109 тыс., средства сообщения — 775 тыс. и прочие отрасли хозяйства — 1,063 тыс.

Из общего числа 2,147 тыс. фабричных рабочих, в текстильной промышленности занято 52,2%, металлической и механической 17,9%, пищевкусовой — 8,9%, химической — 5,9% и т. д. Интересно отметить, что в 1913 г. общее число японских фабричных рабочих равнялось всего 916.250 человек.

Общая сумма капиталовложений во все области японского хозяйства, из которых львиная доля падает на промышленность, определялась за последние годы, кончая 1924/25 г., по японским статистическим данным, в 10.850 млн. иен оплаченного капитала, при общем числе отдельных компаний 93.567 против 1.765 млн. иен оплаченного капитала в довоенные годы, при общем числе компаний — 13.879.

Для роста капиталовложений и степени концентрации капиталов показательно, что по данным, приведенным, « Japan Advertiser » от 1/XI—1928 г., на первое полугодие 1928 г., общий капитал 1.592 ведущих предприятий японского хозяйства, составлял 7.292 млн. иен, а капиталовложения всей промышленности 10.850 млн. иен.

Таковы общие черты, характеризующие современную японскую промышленность.

Рассмотрение отдельных отраслей ее надлежит начать с ведущей отрасли японской индустрии — текстильной промышленности. В качестве показателей удельного веса ее в обще-промышленном балансе страны, характерно то, что текстильная промышленность занимает свыше 30% всех промышленных предприятий страны. По числу же занятых в ней рабочих на ее долю приходится 52,2% всего промышленного пролетариата Японии. Изделия текстильной промышленности занимают около 70% всего японского экспорта. Правда, в отношении капиталовложений, эта отрасль промышленности значительно уступает ряду других, что об'ясняется, впрочем, тем, что она требует для своего производства сравнительно меньших основных капиталов. Основное место в текстильной индустрии Японии занимает хлопчатобумажная промышленность.

Со времени войны эта область промышленности сделала колоссальный скачок вперед. Число довоенных обществ хлопчатобумажной промышленности определялось в 40 с лишним, число фабрик — 125, число веретен — 2,5 млн., и число ткацких станков — 24.000.[1] Капиталовложение предприятий об'единенных в Spinners Assotiation не превышало 68 млн. иен, а общее капиталовложение 80 млн. иен. Довоенное потребление хлопка Японии составляло 6,2% мировой добычи. За время мировой войны рынки Южной Америки, Индии, Ост-Индии, Африки, не говоря уже об азиатских рынках, выпали из сфер влияния европейских хлопчатобумажных производителей, и были всецело захвачены Японией. Хотя в послевоенные годы Японии пришлось вновь встретиться с европейской конкуренцией, которая на некоторых рынках и вытеснила Японию, но, благодаря дешевизне рабочих рук, широкому применению женского труда, двухсменной работе днем и ночью, показатели развития хлопчатобумажной промышленности Японии на 1927 г., по данным Japan Spinners Assotiation, рисуются в следующем виде: указанное об'единение состоит из 64 обществ и контролирует 90% всей хлопчатобумажной промышленности Японии, располагая 257 фабриками. Капиталовложение этой отрасли промышленности достигает 392 млн. иен оплачиваемого капитала, при резервах в 190 млн. иен. Число веретен достигает 6 млн., ткацких станков — 75.000. Японское потребление хлопка достигает 10,3% мирового его потребления, оставляя далеко позади себя Германию, Францию и Италию. По новейшим данным, в 1928 г. оплаченный капитал хлопчатобумажной промышленности достиг 425 млн. иен, при резервах в 225 млн., число веретен увеличилось до 6,2% млн.[1] О тенденциях концентрации хлопчатобумажной промышленности можно судить по тому, что из 6,2% млн. веретен в руках 13 крупнейших предприятий сосредоточено было больше 50% означенного количества.[2]

[1] J. Rasch. „Die Eigenentwicklung der fernöstlichen Textilindustrie". „Wirtschaftsdienst", Hamburg, № 2, 1929 г.

Характерной особенностью японской хлопчатобумажной промышленности является, кроме широкого применения женского и детского труда, практикующаяся здесь работа в две смены — дневную и ночную, по 11 часов в каждой. Естественно, что при одинаковом оборудовании японская хлопчатобумажная промышленность выпускает двойную продукцию, при двойном потреблении сырья. Таким образом, японская хлопчатобумажная промышленность, занимая среди мировых стран седьмое место, по количеству веретен, по выпуску продукции и потреблению хлопка стоит на третьем месте.

Двойная загрузка предприятий японской хлопчатобумажной промышленности, при низкой зарплате и широком применении женского и детского труда, обусловливала высокую рентабельность этой промышленности, которая доходила в военные годы до 50%. Послевоенные годы приносят резкое снижение дивидендов хлопчатобумажной промышленности. В 1923 г. они не превышают уже 16,7—21,1%, в 1927 г. — 14,7% и в 1928 падают до 13,5%. Уменьшение доходности предприятий японской хлопчатобумажной промышленности об'ясняется тем, что за последние годы эта отрасль промышленности нагружена примерно только на 80%. Работая, главным образом, на экспорт, японская хлопчатобумажная промышленность тяжело ощущает рост текстильной промышленности Китая и проникновение его на рынки голландской и британской Индии, Малайского Архипелога, находившиеся еще недавно в сфере исключительного влияния японской текстильной промышленности. Потеря рынков сбыта пряжи побудила Японию перейти от производства и экспорта полуфабрикатов к производству и экспорту готовых изделий и улучшению качества продукции. В то время, как производство пряжи сокращается в 1928 г., по сравнению 1926 г., с 2.608 тысяч тюков на 2.426, производство бумажной ткани в миллионах ярдах увеличивается с 1.278 до 1.373.

На ряду с переходом Японии от производства полуфабрикатов к производству готовых фабрикатов, и выработке более высоких сортов тканей, идет рационализация и механизация предприятий текстильной промышленности, увеличивается число усовершенствованных машинных веретен и т. д.

Последнее обстоятельство тесно связано с намечаемой отменой с лета 1929 г. ночных работ текстильной промышленности. Результатом предстоящей отмены ночных работ является усиленное производство и импорт текстильного оборудования. В течение второй половины 1928 г.[3] за границей было закуплено свыше 350.000 веретен, всего же за 1928 г. из Англии было импортировано свыше 12 тыс. тонн текстильного оборудования, против, 7,5 тыс. тонн за 1927 г., и 6,3 тыс. за 1926 г.

[1] „Economic Review". № 1, 1929 г.
[2] „Wirtschaftsdienst". № 48, 1928 г.
[3] „Trans Pacific". Tokyo, № 2, 1929 г.

Наконец, чтобы компенсировать частично потерю старых рынков, Япония успешно помещает свои текстильные изделия на новых рынках Новой Зеландии, Аргентины, Персии, Турции, Балкан и Южной Африки.

В связи с переходом японской хлопчатобумажной промышленности на выработку более высоких сортов пряжи и в связи с улучшением качества китайского хлопка в импорте в Японию увеличивается удельный вес американского и китайского, за счет уменьшения роли индийского хлопка.

Нельзя также не упомянуть о влиянии на японскую хлопчатобумажную промышленность изменения мировой кон'юнктуры, в связи со снижением урожая, после рекордных сборов 1926 г.

Интересно также отметить, что китайская хлопчатобумажная промышленность, в развитие которой упирается японский хлопчатобумажный рынок на 40% находится в руках Японии, которая управляет свыше полутора-миллионами веретен в Китае. Другие отрасли текстильной промышленности, как-то: шелкопрядильное дело и шерстяная промышленность, развиваются весьма успешно. Из таблицы продукции важнейших отраслей промышленности видно, что за последние пять лет общая продукция шелка-сырца возросла до 45%, продукция шерстяной промышленности — от 10 до 35%, в зависимости от отдельных видов изделия.

Необходимо отметить падающую тенденцию рыночных цен на японский шелк-сырец. В то время, как количественное выражение экспорта шелка-сырца увеличивается, ценностное выражение экспорта падает на 8,5 млн. иен и составляет в 1928 г. 732,7 млн. иен. Об'яснение этого явления лежит, с одной стороны, в росте продукции шелковых коконов, и с другой — в низком качестве продукции. Экспорт шелка занимает столь серьезное место в экспортном балансе страны, что беспокойство шелковых промышленников всецело разделяется правительством. Создана специальная комиссия, которой ассигновано 40.000 иен для изучения возможности рационализации производства шелка и дефектов экспортируемых товаров. Обращает на себя внимание также самая молодая отрасль текстильной промышленности — производство искусственного шелка. Зарождение ее относится к 1922 г. За пятилетие с 1924 г. по 1928 г. она довела свое производство с 1 до 15 млн. фунтов.

Электропромышленность. Энергетические ресурсы Японии, богатство ее водной энергией, наличие и запасы которой определяются от 10 до 12 млн. лошадиных сил, плохое качество и дороговизна угля и почти полное отсутствие жидкого топлива обусловили развитие электро- и, в первую очередь, гидроэлектропромышленности.

Зародившись в начале 90-х годов прошлого столетия, эта отрасль промышленности в настоящее время достигла колоссальных успехов, и по росту капиталовложений, продукции и концентрации производства занимает первое место в промышленном развитии Японии. Из оплаченной капитализации всех промышленных обществ страны, определяемой на 1928 год. в 10.850 млн. иен, на долю электропромышленных компаний приходится 2.353 млн. иен, или около 22%.

Характерной особенностью этой отрасли промышленности является то, что около 25% ее капиталовложений составляют иностранные и, в первую голову, американские капиталы.[1] Электропромышленность, вообще, является в последние годы излюбленным местом инвестирования капиталов как отечественных и так и иностранных.

Рост концентрации электропромышленности виден из того, что, по данным официальной статистики, из общей суммы капиталовложений электропромышленности в 2.350 млн. иен 105 главных фирм располагают

[1] „Economic Review". № 2, 1929 г.

оплаченным капиталом 1.600 млн. иен. Из отдельных предприятий электропромышленности, фирма Tokyo Electric Light C⁰ располагает капиталом в 350 млн. иен, фирма Toho Electric Power C⁰ — 130 млн. иен и т. д.[1]

В настоящее время в Японии насчитывается 5.800 силовых установок, общей мощностью 4,852 млн. *квт*. Количество динамо-машин, употребляемых для промышленных целей, составляет 299.000, с мощностью 2.293 тыс. лошадиных сил. По сравнению с 1914 г., увеличение производства электроэнергии достигает 800%.

О размерах электрификации Японии свидетельствует то, что из 12.038 городов и деревень Японии только в 473 деревнях отсутствует электрическое освещение. Значителен также рост электрификации железных дорог. Помимо действующих электрических железных дорог, с 1929 г. в течение шести лет в Японии должен осуществиться грандиозный проект электрификации пяти важнейших железных дорог. Проект этот потребует 40 млн. иен и явится началом общей замены на японских железных дорогах паровой тяги на электрическую.[2]

Все же значительный рост потребления электроэнергии не может поспеть за ростом производства, и перед электропромышленностью Японии стоит вопрос перепроизводства на 200—250 тыс. *квт*.

Последнее обстоятельство вызывает падение рентабельности электропромышленности, которая с 12,1% в 1925 г. упала до 10,1% в 1928 г.

«В связи с избытком электроэнергии и острой конкуренцией между обществами, наблюдается понижение ставок на электроэнергию. Явление это должно повлечь за собою новое падение прибылей электропромышленности».[3]

Для прекращения взаимной конкуренции между отдельными обществами и урегулирования рынка, выдвинут проект создания мощного электроконцерна, с участием правительства, с капиталом 650 млн. иен.

Металлообрабатывающая промышленность. Тяжелая металлообрабатывающая промышленность за последние годы в Японии достигла особенно значительного развития и опередила, по темпу роста своей продукции, другие отрасли промышленности. Производство стали казенных заводов за пятилетие с 1924 по 1928 г. удвоилось, производство стали частных заводов возросло на 60%. В 1918 г. произведено чугуна 695 млн. тонн и 540 млн. тон стали. В 1927 г. производство чугуна достигает 1.285 млн. тонн и производство стали 1.915 млн. тонн. Таким образом, по сравнению с 1918 г., производство чугуна почти удвоилось, а стали почти утроилось.

Как общее правило, японская тяжелая промышленность в 1928 г. была завалена заказами и не успевала сдавать таковые заказчикам, что создавало даже спекулятивную тенденцию рынка.

Характерно, что при общей тенденции падения доходности японских предприятий, дивиденды десяти крупнейших металлообрабатывающих заводов возросли в первой половине 1928 г. до 2,5%, и во второй половине того же года — до 5% против 1,25% в 1926 и 1927 гг. То же явление наблюдается и по отношению к дивидендам пяти ведущих японских верфей, которые поднялись в 1928 г. до 10% против 1,3% в 1927 г.

При общем росте сталепродукции за 1928 г., по сравнению с 1927 г., на 22% рост этот по отдельным видам продукции и заводам распределяется неравномерно, и для отдельных обществ доходит до 140%.

[1] „Trans Pacific". Tokyo, 2/X—28 г. и „Japan Jear Book". 1929 г.
[2] „Japan Advertiser" 24/X—28 г.
[3] „Oriental Economist". № 1, 1929 г.

Об'яснить значительные успехи тяжелой промышленности Японии можно рядом причин.

Реконструктивный период, который переживает ряд главнейших отраслей японской промышленности и, в первую очередь, текстильная, дает многочисленные заказы тяжелой индустрии. Кроме того, металлообрабатывающая промышленность является в Японии еще сравнительно новым делом, так как и в настояще время большинство оборудования японских фабрик иностранного происхождения: американского, английского и немецкого. Переход японской промышленности на отечественное оборудование ставит перед тяжелой промышленностью огромные перспективы роста. Уже в настоящий момент отдельные отрасли машиностроения достигли и достигают такой ступени развития, что могут успешно конкурировать с иностранными, не только на внутреннем, но и на внешнем рынках. К числу таких отраслей относится производство электроаппаратов, динамо-машин, значительного количества моторов, вагоностроение. паровозостроение, судостроение. [1]

Достаточно указать, что из числа 20.250 новых вагонов японских железных дорог в 1927 г., только 1.405 импортированы из-за границы. Все прочие выстроены на японских заводах. Постройка 1.072 миль новых дорог и 143 миль электрических железных дорог в течение двух ближайших лет тоже будет осуществлена, главным образом, путем заказов отечественной промышленности.

В связи с постройкой новых заводов и переоборудованием ряда действующих заводов, нужно ожидать дальнейшего роста производства чугуна и стали, каковой уже в ближайшие годы, по мнению японских экономистов, должен достичь 50%.

Работая над реконструкцией других отраслей промышленности, тяжелая индустрия Японии уделяет огромное внимание вопросам рационализации производства. Достаточно указать, что на правительственных сталелитейных заводах потребление угля на тонну стали составляло в 1919 г. 4,6 тонны, в 1924 г. — 3,6 тонны и в 1927 г. — 2,5 тонны. [2]

Не останавливаясь в отдельности на других отраслях японской промышленности, необходимо обратить внимание на успехи химической промышленности как в области производства искусственных удобрений так и красителей. Все же Япония ввозит значительное количество химических продуктов. Не менее значительны успехи бумажной промышленности, которой тоже приходится считаться с тенденцией перепроизводства продукции.

Вообще, общей характерной чертой всех отраслей японской промышленности является быстрый рост продукции, который во всех отраслях, кроме тяжелой, обгоняет по темпу своего развития рост потребления.

Емкость японского рынка, и без того очень ограниченная, была еще значительно подорвана после землетрясения в 1923 г. Так как большинство отраслей японской промышленности работают или переключаются для работы на мировые рынки, то перед Японией остро стоит проблема сырья и сбыта. Медленно изживая промышленный и финансовый кризис, почти все отрасли японской промышленности переживают период реконструкции и дополнительных значительных капиталовложений и относительно малых дивидендов.

Рабочий вопрос. Характерной чертой японского империализма является крайняя степень эксплоатации труда, немыслимая в Европе и

[1] „Weltwirtschaft". Berlin, 1929 г., № 1—3.
[2] „Trans Pacific" от 29/XII—28 г. и 28/II—29 года.

в Америке. Данные о зарплате японского рабочего за 1924—1926 гг., почерпнутые из официальных японских источников,[2] таковы:

	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Средний дневной заработок фабричного рабочего мужчины (в иенах)	1,97	1,94	2,34
То же, женщины	0,96	0,96	0,96
Средний дневной заработок рабочих мужчин и женщин	1,75	1,74	1,70

По отдельным отраслям промышленности, зарплата в 1926 г. колебалась для мужчин от 1,56 иен до 2,81, и для женщин от 0,93 до чего вследствие замены в производстве в результате рационализации квалифицированных рабочих неквалифицированными и расширенного применения женского труда не только не увеличилась, за три года, но, наоборот, упала с 1,75 иен в 1924 г. до 1,70 иены в 1926 г. Зарплата женщин оставалась на том же уровне и зарплата мужчин поднялась на 30—35%, при индексе цен того же года в 237.

Средний рабочий день, по тем же официальным данным за 1926 г., для всей японской промышленности равен 10,26 часам, колеблясь по отдельным отраслям производства от 9,42 часов в механической, и до 11,10 часов в текстильной промышленности.

Социальное законодательство Японии поражает своим несовершенством. Вообще, читая отчеты об условиях труда в Японии, читатель зачастую переносится в условия и обстановку эпохи первоначального накопления в Англии.

Число организованных рабочих Японии, по официальным данным, составляет 285.000 человек при 423 об'единениях. Та же официальная статистика отмечает за 1925—1926 гг. 788 забастовок, длившихся 9.307 дней с 2.834 участниками. По результатам: из 495 забастовок в 1926 г. окончились компромиссом 161, отклонением требований бастующих — 195 и принятием требований рабочих — 139. [2]

Тяжелые условия труда японского пролетариата составляют одно из самых узких мест японской промышленности.

Внешняя торговля. Анализ внешнего торгового баланса страны всегда является одним из основных показателей ее хозяйственного развития. Для выявления динамики развития японской внешней торговли чрезвычайно интересны, приведенные в « Trans Pacific » от 29/XII—28 г., данные (см. таб. 2 на стр. 204).

За 60 лет внешняя торговля Японии возросла в 160 раз. Японский экспорт, достигший в довоенные годы 650 млн. иен, при импорте в 760 млн. иен и общем пассивном торговом балансе, за годы империалистической войны, достигает своего рекордного развития, при чем торговый баланс в это время становится активным и имеет тенденцию роста. Самый значительный оборот внешней торговли приходится на 1920 г., хотя этот год знаменует собой вновь переход к пассивному балансу. Дальнейшие годы характеризуются падением внешней торговли и углублением финансового и экономического кризиса. После сравнительно благоприятных для внешней торговли 1924 и 1925 гг., которые все же характерны значительным пассивным балансом, за последние три года внешняя торговля Японии имеет тенденцию падения экспорта, при несколько более замедленном падении импорта.

[1] „Japan Jear Book". 1929 г.
[2] „Japan Jear Book". 1929 г.

Таблица 2

Размер внешней торговли Японии в тысячах иен

Годы	По экспорту	По импорту
1868	15.553	10.694
1878	25.988	32.874
1905	335.108	489.056
1913	656.173	769.183
1914	613.129	610.422
1917	1.640.709	1.053.522
1918	2 021.938	1.701.384
1920	2.040.000	2.378.000
1921	1.308.000	1.677.000
1922	1.687.000	1.933.000
1923	1.492.000	2.017.000
1924	1.858.000	2.508.000
1925	2.354.000	2.627.000
1926	2.098.000	2.425.000
1927	1.992.000	2.179.000
1928	1.971.689	2.192.856

Между отдельными группами товаров экспорт и импорт Японии распределяется следующим образом:[1]

Таблица 3

Экспорт

Род товаров	1928 г.	1927 г.	1926 г.
	В миллионах иен		
Текстильные изделия	1.319	1.378	1.433
Предметы питания	111	88	95
Спецпродукты (камфара, ментол, рыбий жир).	46	49	59
Прочие товары	201	189	194
Всего	1.677	1.704	1.787
% всего экспорта	85	85	87
Импорт			
Хлопок	550	625	726
Шерсть	112	102	86
Предметы питания	254	285	310
Удобрения	141	150	187
Химикаты	110	108	113
Металлы	91	75	78
Железные и стальные изделия и машины	217	193	214
Автомобили	32	18	16
Лес	111	104	104
Бумага и целлюлоза	27	27	22
Кожи	18	17	18
Уголь	37	35	28
Всего	1,799	1.851	2,008
% всего импорта	82	85	84

[1] „Wirtschaftsdienst". Hamburg, № 11, 1928 г. D-r O. Richter. „Der auswertige Handel Japans".

Таким образом, ясно видно падение вывоза текстильных изделий — основной статьи японского экспорта. Сокращается также вывоз специальных японских товаров (камфара, ментоль и рыбий жир). На ряду с общим сокращением растет вывоз продукции пищевкусовой (сахар, рыбные консервы), фарфоровой, бумажной, металлической и ряда других отраслей промышленности.

Об'яснение падения японского экспорта нужно искать в ослаблении для импортных товаров покупательной способности азиатских рынков, и, в первую очередь, китайского, вследствие индустриализации этих стран, а также вследствие гражданской войны в Китае.

Распределение японского экспорта и импорта по странам видно из следующей таблицы:

Название стран	Экспорт			Импорт		
	1928 г.	1927 г.	1926 г.	1928 г.	1927 г.	1926 г.
	В миллионах иен			В миллионах иен		
Соединенные Штаты	810	834	861	630	674	680
Китай	530	491	575	380	360	397
Британская Индия	145	168	156	265	271	391
Индо-Китай и Нидерландская Индия	130	136	131	185	195	181
Европа	165	168	129	405	388	416

Несмотря на влияние бойкота японских товаров, экспорт Японии в Китай, по сравнению с 1927 г., возрос на 47 млн. иен, импорт на 20 млн. иен. Правда, 1927 г. был неблагоприятным для развития японо-китайской торговли, но и по сравнению с 1926 г. снижение экспорта и импорта не столь значительно. Нельзя, конечно, отрицать, влияния бойкота японских товаров в Китае, в смысле ухудшения японо-китайской торговли, которое особенно ощущается среди мелких и средних коммерсантов Японии, ведущих торговлю с южным Китаем. Все же, как общее правило, следует признать, что Япония не потеряла своего доминирующего положения на китайских товарных рынках. «Поскольку бойкотистские воззвания печатаются на японской бумаге, как самой дешевой, и поскольку Япония поставляет на рынки Китая товары, которые больше подходят к его требованиям, чем товары других конкурентов, Япония удерживает за собою китайский рынок».[1] Торговля с Соед. Штатами падает, как результат сокращения экспорта хлопка — с одной, и падения цен на шелк — с другой стороны. Напротив, торговля с Европой имеет тенденцию роста.

Финансовое положение. Финансы Японии развивались в полном соответствии с общехозяйственным развитием страны. Империалистическая война отразилась на финансах Японии значительным ростом накоплений, инвестированием капиталов, увеличением золотого запаса страны, и выступления Японии, впервые за всю ее историю, на мировом рынке капиталов, в качестве заимодавца. Японское финансовое хозяйство достигает своего высшего расцвета к 1920/21 г., т.-е. периоду максимального экономического под'ема страны.

Переход от условий военного и послевоенного времени к нормальному положению, особенно тяжело отразился на финансах, как и на всей хозяйственной жизни страны и вызвал финансовый кризис Японии в 1921 — 1922 гг.

[1] Цитированная работа O. Richter'a.

Землетрясение 1923 г. и связанные с ним пожары и наводнения, принесшие Японии убыток в 10 мрд. иен, не могли способствовать оздоровлению финансов страны. Период между 1924—1927 гг. знаменует собою некоторое улучшение финансового хозяйства Японии. В неблагоприятном положении находится только золотой запас страны, как результат ряда лет с пассивным торговым балансом. В 1927 г. финансовое хозяйство переживает новый кризис, возникший в результате грюндерской, спекулятивной деятельности ряда японских фирм, и связанных с ними банков, выросших на высоких военных дивидендах. В результате регулирования и санирования финансового рынка и, в первую голову, японских банков, произошла известная перегруппировка капиталов и 1928 г. знаменует собой улучшение финансовой конъюнктуры Японии.

На ряду с ростом накопления и капиталовложений, для японского финансового хозяйства характерно падение рентабельности предприятий. В период военного бума доходность отдельных предприятий доходила до 50%, при среднем доходе в 20—25%. В тоже время на первое полугодие 1928 г. средний доход 1.591 ведущего предприятия Японии составляет 9,5%, против 9,7% в предыдущем году.[1] По отдельным отраслям промышленности, как уже упоминалось, падение рентабельности еще значительнее.

Уже во время империалистической войны Япония выступила в качестве взаимодавца, предоставив кредиты России, Англии и Франции в размере 630 млн. иен. По официальным данным, инвестирование Японии в одном Китае на 1928 г. достигает 2.533 млн. иен. В то же время заграничные займы, вложенные в японскую промышленность на конец 1928 г., по официальным источникам, достигают 300 млн. иен. Большинство из них вложены в электротехническую промышленность.

Вместе с правительственными займами, заключенными заграницей, внешний национальный долг Японии достигает 1.811,5 млн. иен. Всего же вместе с внутренними займами, национальный долг Японии достигает 5.586 млн. иен, что составляет около 88,032 иены на душу населения.

Как известно, до мировой войны весь золотой запас Японии не превышал 218 млн. иен и составлялся путем скупки золота японским Госбанком у отдельных экспортеров и частных банков. Годы мировой войны принесли резкое изменение в положении международных расчетов Японии. Активный торговый баланс в течение ряда лет довел золотой запас Японии к 1920 г. до 2.000 млн. иен, из которых заграницей было депонировано свыше 1.000 млн. В течение дальнейших восьми лет , золотой запас Японии постепенно падает и на первое января 1929 г., по данным министерства финансов, составлял 1.191 млн., против 1.203 млн. на 1 января 1928 г. Из 1.191 млн. иен золота на 1 января 1929 г. в распоряжении Госбанка находилось 1.885 млн. иен, и правительства — 106 млн. иен. Основная причина столь резкого падения золотого запаса заключается в ежегодных пассивных балансах страны. Кроме того, Япония расходует около 75 млн. ежегодно на платежи процентов по займам и около 15 млн. иен на правительственные закупки за границей.

Таким образом, правительственного запаса золота может хватить на один оперативный год и перед правительством остро стоит вопрос о пополнении своего золотого запаса, посредством покупки такового у Госбанка или частных фирм.

Одной из мер приостановки утечки золота за границу считают снятие золотого эмбарго и возврат страны к разменной системе.

Вопрос этот тесно связан с денежным обращением Японии и стабилизацией валюты. В то время, как на 1927 г. эмиссия Госбанка дошла до

[1] „Japan Advertiser" от 1/XI—28 г.

2.650 млн. иен, на конец 1928 г. денежная масса в обращении определяется суммой в 1.581 млн. иен, при обеспечении в 1.060 млн. иен.[1] (Нормальный уровень эмиссии последних лет выражается в цифре от 1.700 — 1.500 млн. иен). В то же время, по сравнению с прошлым годом, нельзя не отметить улучшения курса иены, хотя в течение года отмечается 86 резких колебаний ее курса. Все же следует признать, что в скрытом виде инфляция продолжает существовать в Японии. Интересно подчеркнуть, что важнейшие торговые палаты Японии высказались за снятие эмбарго, как меры, которая должна повести к стабилизации валюты, укреплению финансового положения страны и прекращению утечки золота из Японии.

Банки. В 1873 г. открылся первый в Японии банк. В 1879 г. число банков достигает 153, в 1882 г. открылся Bank of Japan. В апреле 1928 г. в Японии действовало 1.364 банка, кроме отделений иностранных банков. Последние не играют заметной роли в финансовой жизни страны. К концу 1927 г. насчитывается только 22 отделения иностранных банков с капиталом в 7 млн. иен. Если из числа 1.364 японских банков исключить 34 банковских института специального назначения, то общее количество японских банков равно 1.322. Из них 1.231 банк с коммерческими, и 111 с чисто сберегательными функциями. За последние годы наблюдается процесс укрупнения банков, сопровождающийся резким сокращением числа их. Политика министерства финансов, в целях санирования финансового хозяйства страны, всячески форсирует этот процесс. Таким образом, число коммерческих банков с 1.701 в 1923 г. сокращается в 1928 г. до 1.221.[2] Введенный 1 января 1928 г. японский закон о банках должен еще больше углубить этот процесс и довести число японских банков до 800.

На ряду с быстрым ростом капиталовложений, для японских банков характерна тенденция их концентрации. В этом отношении не маловажную роль сыграл кризис 1927 г., вызвавший прилив капиталов в более крупные и центральные банки, за счет мелких и провинциальных институтов.

На первое полугодие 1928 г. из 5.961 млн. иен депозитов 413 банков, входящих в расчетные палаты Японии, 51,3% находились у пяти крупнейших банков Японии «big five».[3]

Название банков	Депозиты в тысячах иен
Митцуи	618.578
Митцубиши	525.151
Даичи	566.520
Сумитомо	597.442
Ясудо	745.225
Всего	3.050.913

Интересно отметить еще, что в связи с финансовой паникой, последовавшей за банковым кризисом 1927 г. и ограничением сферы приложения капитала, возросло участие вложений средств в ценные бумаги. Характерно, что общая сумма ценных бумаг пяти указанных банков с 1926 по 1928 г., удваивается. Портфель ценных бумаг, указанных пяти банков, занимает 42% общей суммы ценных бумаг всех ассоциированных банков Японии (2.876 млн. иен).

Намечавшееся еще с мирного времени слияние капиталов в руках гигантских предприятий банков пошло вперед, в направлении, дальнейшей концентрации и усиления сращения индустриального и финансового капиталов. Для иллюстрации достаточно упомянуть, что Bank of Japan факти-

[1] „Economic Review". №№ 1 и 2, 1929 г.
[2] „Japan Jear Book". 1929 г.
[3] „Trans Pacific". Tokyo, 22/IX—28 г.

чески управляет 3.500 промышленными предприятиями, с количеством рабочих 928.000 человек. Такую же картину мы наблюдаем и в отношении «big five» банков.

Госбюджет. Госбюджет Японии растет наравне с общим ростом ее финансового хозяйства. В 1914 г. бюджет Японии равнялся 650 млн. иен. В 1922 г. он достигает 1.500 млн. иен, в 1928/29 г. — 1.709 млн. иен, и на предстоящий 1929/30 г. запроектирован в 1.738 млн. иен.[1]

Приходная часть бюджета составляется из налогов, доходов от госмонополий и госпредприятий. Расходная часть бюджета, как и в большинстве капиталистических стран, в львиной доле тратится на нужды администрации (46%), обороны (28%), погашение госдолгов (13%).

Резюмируя все вышесказанное, необходимо отметить следующие основные положения:

Глубокий кризис сельского хозяйства Японии, его значительное отставание от промышленности, недостаточность сырьевых ресурсов страны, не могут обеспечить потребностей растущей индустрии. Обрабатывающая промышленность, при более чем достаточной энергетической базе, достигла высокого технического и финансового уровня, работая почти исключительно на импортном сырье, и в значительной степени пользуясь импортным оборудованием. Упадок сельского хозяйства, пауперизация крестьянства, низкий потребительский уровень рабочего класса составляют узкое место японского империализма, обусловливая перманентную слабую емкость внутреннего рынка. Избыток японских капиталов, образовавшихся в результате благоприятной промышленной и финансовой кон'юнктуры во время мировой войны, ищет выхода в отсталые страны.

Поиски сырьевой базы, слабая емкость внутреннего рынка и помещение избыточных капиталов в соседние колониальные страны, при возрастающей трудности эксплоатации последних, делают японский империализм особенно агрессивным.

Лицо империалистической Японии особенно резко выступает в китайском вопросе, в разрезе сравнения ее политики с политикой других мировых держав. Соед. Штаты при огромном финансовом могуществе и незначительных вложениях капиталов в настоящем, могут строить свою политику без оглядки на должника. Стремясь к общему господству на финансовом рынке Китая, Соед. Штаты, обойденные к тому же при разделе Китая на сферы влияния, могут позволить себе проводить политику «открытых дверей» или «пацифистского империализма» (Галкович). Иное положение Англии и Японии. При заинтересованности этих стран в ряде концессий и руководстве важнейшими отраслями китайской промышленности «Япония и Англия жизненно заинтересованы в том, чтобы Китай оставался в том виде, в котором он находился в течение предшествующих десятков лет».[1] Если принять во внимание, что Китай является для Англии только одной из колониальных стран, в которых она заинтересована, а для Японии основным пунктом, где сосредоточены ее интересы, если учесть, наконец, то, что Япония ввозит в Китай товары, конкурирующие с теми отраслями китайской промышленности, которые развиваются уже на первых ступенях индустриализации (хлопчатобумажные ткани и бумага), то ясны станут те экономические факты, которые легли в основу японо-китайских отношений и вызвали японскую оккупацию частей китайской территории, с одной стороны, и антияпонское движение — с другой.

---

[1] „Wirtschaftsdienst". Hamburg, № 50, 1928 г. „Economist" № 4449, 1929 г. Лондон.

[2] Галкович. „Тихоокеанская проблема". „Мировое Хозяйство и Мировая Политика", № 2, 1929 г.

В. Карра

Техно-экономическая и организационная структура железоделательной промышленности С.-А.С.Ш.[1]

В настоящей статье из всего многообразия проблем и вопросов американской металлургии рассматриваются только те, которые являются актуальными в советском строительстве этой наиважнейшей из отраслей производства средств производства. Для того, чтобы осуществить лозунг «догнать и перегнать», важно установить, каким образом страна самой передовой металлургии в мире — С.-А. С. Ш. — разрешала и преодолевала те задания, которые стоят и перед нашей железоделательной промышленностью. Тем более, что по целому ряду определяющих факторов и условий можно установить большое сходство в обстановке развития черной металлургии в С.-А. С. Ш. и у нас.

Как и там, в СССР мы имеем огромнейший по емкости внутренний рынок с разбросанными на большой территории центрами спроса на металл. Подобно северо-американской республике, мы стоим перед локализацией месторождений сырья и топлива в районах, отстоящих один от другого на огромные расстояния свыше 1.500 *км*. Если в отношении старого железоделательного центра — Юга — налицо более благоприятные условия сырьевого штандорта (криворожская руда лежит в 300 *км* примерно, от донецкого угля), почти не имеющие аналогии в американской ситуации, то все будущие использования богатейших ресурсов Кузнецкого бассейна, возрождения Урала и сочетания богатств этого последнего с сибирским топливом ставят перед нами проблемы, которые оказались блестяще разрешенными американской практикой. Особое внимание привлекает использование американцами водных путей сообщения для преодоления огромных расстояний между месторождениями топлива и руды и рынками сбыта, что в порядке более длительных, генеральных, перспектив может приобрести актуальность и для СССР с его богатством мало утилизированных пока водных путей.

Приведенных соображений достаточно, чтобы понять, насколько важно для нас, прежде всего, изучение географического размещения или штандорта американской железоделательной промышленности. Этому вопросу отведена в статье специальная глава.

Другой комплекс актуальных для СССР вопросов касается степени и направления в современной металлургии процесса интеграции и дифференциации отдельных производств. Вступив на путь широкого строительства новых металлургических заводов и реконструкции старых, мы должны выбрать оптимальные формы разделения труда между заведениями и производствами большой и малой металлургии. Материал по С.-А С. Ш. представляется особенно поучительным в этом отношении, вследствие чего и этому вопросу в работе уделен специальный раздел.

[1] Настоящая работа воспроизводит в основном первую часть доклада автора в Секции мирового хозяйства Госплана СССР на тему: „Техно-экономическая и организационная структура железоделательной промышленности С.-А.С.Ш., Германии и СССР".

Анализ работы Стальной Корпорации представляется целесообразным, чтобы показать, каких результатов может достигнуть мощный трест, образующий замкнутое целое и руководимый единым плановым началом в ограниченных, конечно, пределах капиталистической обстановки. Такой анализ может дать материал для сравнения с работой нашего доминирующего треста — Югостали.

Рассмотрение народнохозяйственных показателей американской металлургии, составляющее содержание одной из глав, дает соотношения, интересующие нас в аспекте установления пропорциональности в развитии металлургии, в общей системе советского народного хозяйства и внутренней структуры самой железоделательной промышленности. Весьма актуальными кажутся, наконец, вопросы освещенные в разделе техноэкономических показателей, о размерах предприятий, отдельных аггрегатов, о сроке их службы, с одной стороны, сортамента металлургической продукции, с другой.

Народнохозяйственные показатели американской металлургии

Вес и значение железоделательной промышленности С.-А. С. Ш. в мировом хозяйстве и народнохозяйственной системе самой страны могут быть установлены на следующих показателях. Из общего итога мирового выпуска чугуна за пятилетний период — 1924—1928 гг.— в 392 млн. дл. тонн на долю северо-американской республики приходится 182 млн., т.-е. 46.3%; из итога выработанной в мире стали в 466 мл. дл. тонн—228 млн., т.-е. 49%.[1] Эти цифры недалеки от того соотношения, которое получено нами при исчислении мирового железного баланса на 1927 г. в сумме мирового видимого потребления прокатного продукта и чугунных отливок в 87—88 млн. *м* тонн на С.-А. С. Ш. приходится около 37 млн., примерно 42%. Эта страна потребляет почти столько же черного металла, сколько нижеследующие восемь передовых в хозяйственном отношении государств в совокупности:

Баланс потребления черного металла в 1927 г.

(проката и готового литья)

С.-А. С. Ш.	37.008	тыс. тонн	37.008 тонн
Германия	12.250	„ „	
Англия	9.964	„ „	
Франция	4.841	„ „	
СССР	3.750	„ „	
Канада	1.891	„ „	
Япония	1.650	„ „	
Италия	1.530	„ „	
Бельгия	1.318	„ „	37.194 тыс. тонн

Обладая столь мощной производительностью и таким массивным рынком, американская железоделательная промышленность базируется на чрезвычайно значительных рудных ресурсах. Достоверных, эксплоатируемых ныне запасов, по последним геологическим оценкам, насчитывается около 6 мрд. тонн[2], что при 50% содержания металла и нынешних размерах выработки чугуна гарантирует промышленность сырьем на 50—70 лет.

Вес рудных ресурсов С.-А. С. Ш. в мировых далек от указанных выше соотношений производства металла: в мировом итоге достоверных запасов в 32,5 мрд. тонн, американские с цифрой в 6 мрд. тонн едва составляют 18%. Эти цифры говорят о том, что в С.-А. С. Ш. рудоносные недра используются гораздо интенсивнее, чем в прочих странах.

[1] Подсчет по данным „Iron Age", годовой выпуск от 3 января 1929 г., стр. 80.
[2] „Wirtschaft und Statistik" 1922 г. № 16, стр. 563.

Следует оговорится, что, давая около половины мировых итогов в производственной сфере, американская железоделательная промышленность, в порядке нормальной мировой конъюнктуры, играла по самое последнее время относительно скромную роль в непосредственном снабжении мирового хозяйства черным металлом: в общей массе экспорта железа из пяти важнейших металлургических стран в 94 млн. дл. тонн за четырехлетие—1925—1928 гг.,— на долю С.-А. С. Ш. приходится всего 8 млн., т.-е. около 8,5%[1]. Только в военные и послевоенные годы пертурбации в европейском хозяйстве подняли чрезвычайно высоко американский экспорт, доведя его за четырехлетие — 1917—1920 гг. — до огромной цифры в 21 млн. дл. тонн металла.[2] Но приведенные данные о размерах экспорта железа вызывают преувеличенное представление об изолированности американской черной металлургии, так как за их пределами остаются значительные массы металла, поступающие на мировые рынки в составе американских фабрикатов: металлических изделий, машин всех видов и, особенно сельскохозяйственных, транспортного оборудования, тракторов, автомобилей, автомобильных частей и др. готовых металлических товаров.

Каковы же значение и роль железоделательной промышленности С.-А. С. Ш. в народнохозяйственной системе самой страны? Это можно установить путем сопоставления данных цензов по движению главнейших элементов черной металлургии с таковыми всей обрабатывающей промышленности.[3]

Таблица 1

Показатели обрабатывающей промышленности и производства черных металлов в С.-А.С.Ш.

(чугуна, стали и проката)

	1899 г	1904 г.	1909 г.	1914 г.	1919 г.	1921 г.	1923 г.	1925 г.
Капитал								
Вся промышленности (в млн. долларов)	8.975	12.675	18.428	22.717	44.197	—	—	—
Железоделательной промышленности (в млн. долл.)	573	936	1.492	1.720	3.458	—	—	—
Железоделательной ко всей промышленности (в %%)	6,4	7,4	8,1	7,5	7,8	—	—	—
Мощность двигателей в тыс. лошад. сил								
Вся промышленность	10.098	13.488	18.675	22.264	29.297	—	33.056	35.772
Железоделательная промышленность	1.598	2.422	3.274	3.928	5.420	—	5.943	6.143
Железоделательная ко всей промышленности (в %%)	15,8	18,0	17,5	17,6	18,5	—	18,0	17,2
Валовая продукция в млн. долл.								
Вся промышленность	11.407	14.794	20.672	24.246	61.737	43.427	60.258	62.714
Железоделательная промышленность	—	—	—	1.236	3.623	1.901	4.161	3.711
Железоделательная ко всей промышленности (в %%)	—	—	—	5,1	5,9	4,4	6,9	5,9
Число рабочих в тыс.								
Вся промышленность	4.713	5.468	6.615	7.015	9.030	6.938	8.768	8.384
Железоделательная промышленность	222	242	278	278	416	254	424	399
Железоделательная ко всей промышленности (в %%)	4,7	4,4	4,2	4,0	4,6	3,7	4,8	4,8

[1] „Iron Age" от 3/1—1929 г., стр. 81.
[2] Annual Stat. Report of the Amer. Iron and Steel Institute for 1926 г., стр. 74.
[3] „XIV Census of the United States", volume 10, стр. 310; „Biennial Census of Manufactures". 1925 г., стр. 14—15, 417.

По этим данным цензов, вес железоделательной во всей промышленности С.-А. С. Ш. за показанный период измеряется в отношении инвестированного капитала средней величиной в 6—8%, по мощности двигателей—в 15—18%, по валовой продукции—в 4,5—7%, по численности рабочей силы—в 3,5—5%. Из таблицы видно, что за двадцатилетний период — 1899—1919 гг.[1] — металлургический капитал обогнал в своем росте общепромышленный, вследствие чего и удельный вес первого заметно возрос. Та же тенденция обнаруживается и в движении энергетического показателя, что является вполне естественным, если принять во внимание, что движение этого последнего в значительной мере представляет собой натуральное выражение движения капитала. Все это означает, что в условиях интенсивно протекающей индустриализации страны важнейшая из сфер производства средств производства — металлургия — обгоняет в своем поступательном движении всю промышленность в целом. Снижение в тех же показателях в 1923 и 1925 гг. не принимает таких размеров, чтобы из этого факта делать выводы обратного характера.

Сопоставление рядов мощности двигателей и рабочей силы позволяет заключить, что к концу периода 1899—1925 гг. при почти одинаковом индексе роста рабочей силы как по всей промышленности, так и в сфере железоделательной индустрии (175—180), мощность двигателей дает в металлургии значительно больший под'ем: она превышет в 1925 г. таковую 1899 г. на 284%, в то время как по всей промышленности этот процентаж измеряется лишь цифрой в 254. Таким образом, мы наблюдаем в железоделательной промышленности указанного периода еще более интенсивный процесс механизации, чем то имеет место во всей промышленности в целом.

В отношении движения валовой продукции, в изменяющихся ценах соответственных годов, мы можем, элиминируя 1921 кризисный год, установить общую тенденцию опережения металлургией всей промышленности, с понижательной реакцией от 1923 к 1925 г. Интересно отметить, что по размерам валовой продукции железоделательная промышленность С.-А. С. Ш. занимает, после пищевой и текстильной, третье место в промышленной системе страны.

Имея в виду рассмотреть вопросы металлургического хозяйства С.-А. С. Ш. в тесном смысле слова, мы, однако, не можем, устанавливая роль черного металла в экономике страны, не коснуться кратко той сферы, которая ближайшим и непосредственным образом опирается на металлургию — металлообработки. Эта отрасль металлической промышленности, менее концентрированная и механизированная, чем металлургия, при большей численности рабочей силы, показывает весьма значительные размеры валовой и крупный коэфициент чистой продукции:

Таблица 2

Производство железных и стальных изделий (без машин) в С.-А. С. Ш.[2]

	1919 г.	1921 г.	1923 г.	1925 г.
Число заведений	6.926	5.627	5.700	5.473
То же в металлургии	695	628	658	595
Число рабочих (в тыс.)	442	318	468	451
Мощность двигат. (в тыс. лош. сил)	1.030	—	1.259	1.375
Валовая продукция (в млн. долл.)	2.266	1.554	2.666	2.750
Чистая „ „ „	1.144	780	1.386	1.445
Тоже по металлургии				
Валовая продукция	3.623	1.901	4.161	3.711
Чистая „	1.321	535	1.289	1.281

[1] Цензы после 1919 г. не учитывают капитала промышленности.

[2] „Biennial Census of Manufactures". 1925 г., стр. 417.

Констатируя на этих цифрах те особенности металлообрабатывающей промышленности, о которых упомянуто выше, можно одновременно сделать тот общий вывод, что непосредственно и целиком бизирующая на черном металле отрасль промышленности весьма значительно повышает вес железоделательной индустрии в народном хозяйстве страны.

Представление о тех нитях, при посредстве которых в настоящее время реализуется связь железоделательной промышленности со всем народным хозяйством, дает материалы о распределении в С.-А. С. Ш. железного проката по основным группам потребления:[1]

Таблица 3

Распределение в С.-А. С. Ш. железного проката

	1923 г.		192 г.		1925 г.		1926 г.		1927 г.		1928 г.	
	Млн. тонн	%	Млн. тонн	%	Млн. тонн	%	Млн. тонн	%	Млн. тонн	%	Млн тонн	%
Железные дороги	9,1	26,9	7,9	27,9	8,5	25,1	8,5	23,7	6,3	19,0	6,1	16,1
Строительство	5,2	15,4	5,1	18,0	5,9	17,4	7,0	19,5	7,3	22,0	6,3	16,6
Автомоб. произв.	3,7	10,9	2,8	9,9	4,4	13,0	5,2	14,5	4,7	14,0	6,8	18,0
Газовое, водопроводное, нефтяное и горное дело	3,6	10,7	2,6	9,2	2,7	8,0	3,4	9,5	2,8	8,4	3,6	9,5
Экспорт	2,0	5,9	1,7	6,0	1,7	5,0	1,8	5,0	1,8	5,4	2,4	6,3
Сельское хозяйство	1,4	4,1	0,9	3,2	1,2	3,5	1,4	3,9	1,8	5,4	2,5	6,6
Консерв. промышленность	1,2	3,6	1,1	3,9	1,5	4,4	1,4	3.9	1.5	4,5	1,9	5,0
Машиностроение	1,0	3,0	0,9	3,2	1,2	3.5	1,4	3,9	1.3	3.9	1,3	3,4
Прочие	6,6	19,5	5,3	18,7	6,8	20,1	5,8	16.1	5,7	17.2	7,0	18,5
Итого	33,8	100,0	28,3	100,0	33,9	100,0	35,9	100,0	33,2	100,0	37,9	100,0

Из таблицы видно, что около половины металла поглощается тремя крупными группами — жел.-дор. транспортом, строительством и автопромышленностью — и что отчетливо выраженный рост спроса на железо обнаруживается со стороны автопромышленности, сельского хозяйства и отчасти строительства. В последние годы консервная промышленность, играющая столь крупную роль в переработке продуктов сельского хозяйства С.-А. С.Ш., выдвигается как первостепенная группа потребления железа. Некоторый под'ем в последние годы дает и потребление машиностроения. Определенно же затухающий характер носит ряд железнодорожного спроса.

Пользуясь данными промышленных цензов и приведенными ниже подсчетами, можно осветить общие экономические условия развития американской железоделательной промышленности (см. стр. 216).

Перед нами прежде всего факт укрупнения заведений по обоим основным разделам металлургического дела как по доменным цехам, так и по выработке стальной болванки и проката. В 1925 г. при значительном увеличении валовой продукции против 1914 г. вся железоделательная промышленность уместилась почти в том же количестве заведений, что и до войны (595 против 587). Доменное производство, вообще более централизованное, дает значительное сокращение числа производящих единиц, против довоенного периода. Увеличение числа сталеделательных и прокатных заведений (473 против 427) далеко не соответствует росту продукции. Что

[1] „Iron Age" от 3/I—1929 г., стр. 8—9.

касается колебаний по приведенным в таблице промежуточным срокам, то 1919 г. отражает в себе все специфические черты ближайшего к войне периода с неестественно разбухшим производственным аппаратом и с избытком малоквалифицированной рабочей силы. Последующий в таблице

Таблица 4

Основные показатели развития железоделательной промышленности С.-А. С. Ш.

	1914 г.	1919 г.	1921 г.	1923 г.	1925 г.
Число заведений					
Вся железоделательная промышл.	587	695	628	658	595
Доменное производство	160	195	134	169	122
Производство стали и проката	427	500	494	489	473
Число рабочих в тыс.					
По всей железоделательн. промышл.	278,1	416,7	254,2	424,9	399,9
Доменное производство	29,4	41,7	18,7	36,7	29,2
Производство стали и проката	248,7	375,1	235,5	388,2	377,7
То же на одно заведение					
По всей железоделательн. промышл.	474	600	404	645	672
Доменное производство	184	213	139	217	239
Производство стали и проката	582	750	477	794	784
Мощность двигателей в тыс. лош. сил.					
По всей железоделательн. промышл.	3.925	5.399	—	5.999	6.143
Доменное производство	1.221	1.581	—	1.686	1.380
Производство стали и проката	2.703	3.818	—	4.313	4.766
То же на одно заведение в лош. сил.					
По всей железоделательн. промышл.	6.700	7.760	—	9.116	10.320
Доменное производство	7.619	8.108	—	9.975	11.311
Производство стали и проката	6.330	7.736	—	8.820	10.076
То же на одного рабочего в лош. сил.					
По всей железоделательн. промышл.	14	13	—	14	15
Доменное производство	42	38	—	46	47
Производство стали и проката	11	10	—	11	13
Валовая продукция в млн. долл. 1914 г.					
По всей железоделательн. промышл.	1.236	1.640	1.138	1.971	2.146
Доменное производство	317	360	251	480	442
Производство стали и проката	918	1.280	887	1.491	1.704
То же на одно заведение в тыс. долл.					
По всей железоделательн. промышл.	2,0	2,3	1,8	2,9	3,0
Доменное производство	1,9	1,9	1,9	2,9	3,4
Производство стали и проката	2,1	2,5	1,8	3,0	3,6
То же на одного рабочего в долл. 1914 г.					
По всей железоделательн. промышл.	4.446	3.932	4.480	4.637	5.365
Доменное производство	10.782	8.633	13.420	13.080	15.130
Производство стали и проката	3.700	3.413	3.760	3.843	4.600

кризисный 1921 г., в порядке обычной гибели маломощных предприятий, устраняет этот излишек аппарата и рабочих рук и даже в 1923 г., с его высокой кон'юнктурой и возрождением обычно малорентабельных заводов, под давлением общего процесса укрупнения обнаруживается падение числа заведений против 1919 г. Рост емкости заведений можно далее проследить

на уплотнении их рабочей силой, на усилении степени их механизации и на увеличении выпуска продукции. За исключением кризисного 1921 г. все эти показатели дают под'ем, при чем с 1914 по 1925 гг. на одно заведение рабочая сила возрастает по всей металлургии с 474 до 521 чел., мощность двигателей — с 6.760 до 10.320 лош. сил, валовая продукция — с 2 до 3 млн. долл. (в неизменных ценах 1914 г.).

В рядах численности рабочих обращает на себя внимание небольшая относительно доля рабочей силы, падающей на доменное производство — менее 10%, что об'ясняется высоким строением капитала в этой отрасли металлургии. Но то обстоятельство, что при общем увеличении физического об'ема производства железоделательной промышленности сталеделательные и прокатные цеха показывают довольно большой прирост рабочей силы, в то время как доменные в годы хорошей кон'юнктуры либо незначительно ее увеличивают (1923), либо сохраняют в тех же размерах (1925), стоит в связи со специфическими условиями послевоенного периода. За счет более интенсивного использования лома выпуск чугуна ныне значительно отстает в своем росте от выработки стали и он оказывается недостаточным, чтобы сколько-нибудь заметно перекрыть происходящее одновременно сильное увеличение производительности труда, каковое явление имеет место в сталелитейном и прокатном деле, с его более высоким ростом продукции и менее значительным увеличением продуктивности труда. Отставание продукции доменных цехов видно из следующих цифровых показателей:

Таблица 5

Выработка чугуна, стали и проката в С.-А. С. Ш.

	1914 г.		1923 г.		1925 г.	
	В млн. тонн	1914 = 100	В млн. тонн	1914 = 100	В млн. тонн	1914 = 100
Чугун	23,3	100	40,4	173	36,7	158
Сталь	23,5	100	44,9	191	45,4	193
Прокат	18,4	100	33,3	181	33,4	182

В какой мере поступательное движение рабочей силы в доменном производстве задерживается значительно более быстрым темпом под'ема производительности труда, видно из того, что согласно приведенным в таблице 4 (на стр. 216) показателям развития валовой продукции, выработка на одного рабочего по доменным цехам возросла от 1914 г. к 1923 г. на 21%, а к 1925 г. — на 40%, в то время, как по стали и прокату соответственное увеличение выразилось только в 4 и 24%.[1] Такое опережение становится вполне понятным при рассмотрении энергетических показателей. Та же таблица обнаруживает, что вооруженность рабочего в доменных цехах, примерно, в 4 раза выше, чем в сталеделательных и прокатных: на 1 занятого рабочего приходилось в 1923 г. — 46 против 11 лош. сил, в 1925 г.—47 против 13 лош. сил. В конечном счете эти преимущества доменных заведений сводятся к лучшей их организации, большему охвату

[1] Более значительный рост производительности труда мы находим в исчислениях американской комиссии Гувера, совсем недавно оп бликовавшей двухтомное исследование „Recent Economic Changes in the United States", vol I, стр, 55. Путем использования специального материала в этой работе исчислены индексы движения производительности труда одного рабочего в час. Повышенные цифры роста производительности труда этих подсчетах об'ясняются сокращением продолжительности рабочего дня против 1914 г.

интеграционным процессом и к меньшей распыленности, чем то имеет место в целом ряде мелких, разрозненных сталеделательных и прокатных заводов с их более низкой технической и организационной структурой.

Относительно малая трудоемкость доменного процесса может быть подтверждена показателями строения издержек производства в части тех их элементов, которые даются промышленными цензами-стоимости материалов и заработной платы:

Таблица 6

Элементы издержек производства в железоделательной промышленности С.-А. С. Ш.

	1914 г.		1919 г.		1921 г.		1923 г.		1925 г.	
	В млн. долл.	В %	В млн. долл.	В %	В млн. долл.	В %	В млн. долл.	В %	В млн. долл.	В %
Доменные цеха										
Валовая продукция .	317,6	100	794,4	100	419,7	100	1.007	100	765.2	100
Материалы	265,4	84	621,2	78	361,0	86	827 6	82	617,4	81
Зарплата	22,7	7	73,7	9	29,3	7	58,9	6	45,3	6
Сталелитейные и прокатные цеха										
Валовая продукция .	918,6	100	2.828	100	1.481	100	3.154	100	2.946	100
Материалы	590.8	64	1.680	59	1.005	68	2.044	65	1 811	61
Зарплата	188,1	20	637	23	324	22	637	20	614	21

Мы видим, что доле зарплаты в 6—9% в доменном производстве противостоит цифра в 20—23% — в сталелитейном и прокатном. Нужно сказать, что за приведенный период 1914—1925 гг. удельные соотношения показанных элементов издержек в значительной мере стационарны и делать, на основании обнаружившихся колебаний стоящих, повидимому, в связи с конъюнктурными факторами, какие-либо структурные выводы не представляется возможным.

В дополнение к приведенным выше показателям силового хозяйства металлургии С.-А. С. Ш. отметим протекающий процесс интенсивной электрификации его. Из следующих данных видно, что наибольшее увеличение силовой мощности за шесть лет падает на электромоторы, с которыми по темпу развития конкурируют только паровые турбины и в меньшей мере моторы внутреннего сгорания. Роль малоэффективных паровых машин сильно снижается. Интересно еще отметить сильный рост расхода покупаемой со стороны электроэнергии, что стоит в связи с практикуемой многими заведениями продажей газа и образующегося вследствие этого дефицита в энергетическом хозяйстве предприятий:

Мощность двигателей в производстве стали и проката [1]
(в тыс. лош. сил)

	1919 г.	1925 г.	1925 г. в % к 1919 г.
Все первичные двигатели	3.819	4.764	124.7
Паровые машины	2.245	2.014	89,7
Паровые турбины	611	962	157,4
Двиг. внутр. сгор.	257	358	139,3
Электромоторы на чужом токе . . .	695	1.426	205,2
Все электромоторы	2.350	3.758	159,9
На чюжом токе	695	1.426	205,2
На своем токе	1.655	2.331	148,0

[1] Biennial Census of Manufacturers. 1925 г., стр. 443.

В нижеследующей таблице приведены натуральные показатели развития железоделательной промышленности С.-А. С. Ш. с 1860 годов, когда стало обнаруживаться ее довольно интенсивное по темпу развертывание [1].

Таблица 7

Натуральные показатели развития железоделательной промышленности С.-А. С. Ш.

Годы	Добыча руды в млн. дл. тонн	Выжиг кокса в млн. кор. тонн	Выпуск чугуна в млн. длинных тонн				Выработка железа и стали в млн. дл. тонн			Выработка проката в млн. дл. тонн	
			всего	на антраците	на древес. угле	на коксе	всего	мартен.	бес-семер	всего	рельс
1863	—	—	0,8	0,5	0.2	0,1	—	—	—	—	—
1868	—	—	1,4	0,8	0,3	0,3	—	—	—	—	—
1873	—	—	2 6	1,2	0,5	0,9	—	—	—	—	—
1878	—	—	2,3	1,0	0,3	1,0	—	—	—	—	—
1883	—	—	4,6	1,7	0,5	2,4	1,7	0,1	1,5	—	—
1888	—	—	6,5	1,7	0.5	4,3	2,9	0.3	2 5	—	—
1893	11,6	—	7,1	1,3	0,4	5,4	4,0	0.7	3,2	4,9	1,1
1898	19,4	—	11,8	1,2	0,3	10,3	8,9	2,2	6,6	8,5	1,9
1903	35,0	25,3	18,0	1,9	0,5	15,6	14,5	5,8	8,6	13,2	2,9
1908	35,9	—	15,9	0,4	0,2	15,3	14,0	7,8	6,1	11 8	1,9
1913	61,9	46,3	30,9	0,3	0,3	30,3	31,1	21,6	9,5	24,8	3,5
1918	69,7	56,5	39,1	0,3	0.3	38,5	44,5	34,3	9,4	31,2	2,5
1923	69,4	56,9	40,4	—	0,3	40.1	44,9	35,9	8,5	33,3	2,9
1924	54,3	44,3	31,4	—	0.2	31.3	37,9	31,6	5,9	28,1	2,4
1925	61,9	51,3	36,7	—	0,2	36,5	45,4	38,0	6,7	33,4	2,8
1926	67,6	56,0	39,4	—	0,2	39,2	48,3	40,7	6,9	35,5	3,2

Приведенные данные рельефно отображают те большие сдвиги, которые металлургия С.-А. С. Ш. претерпела на протяжении шестидесятилетнего периода своего развития. Мы видим прежде всего, что подлинно высокий уровень производительности достигнут был ею к концу прошлого столетия. Это были именно те годы, когда американская железоделательная промышленность заняла первое место в мировом хозяйстве, оттеснив на второй план историческую страну черного металла — Англию. Одновременно можно констатировать, что примерно к тем же годам С.-А. С. Ш. в значительной мере эмансировались от иностранного полуфабриката, обеспечив свои прокатные заведения собственным литым металлом. В самом деле, если еще в 1890 г. при выработке проката в 6 млн. тонн, сталеделательные заводы дали стране только 4,3 млн. тонн слитков, недостающий же полупродукт был доставлен из-за границы, то уже в 1901 г. выпуск стали превышает выработку металлургического фабриката — проката: 13,5 против 12,3 млн. тонн.

Из качественных процессов, выявившихся в развитии металлургии С.-А. С. Ш. и стоявших в связи с достижениями техники в области применения металла, обращает на себя внимание постепенное и неизменное устранение превалирования чугуна над ковкими железом и сталью и последующее доминирование этих продуктов. В этом можно убедиться из следующего подсчета, произведенного на основе данных предшествующей таблицы.

Отмечаемое явление сводится к двум процессам: к замене чугунных отливок фабрикатами из ковкого железа и литой стали, вследствие чего вырабатываемый чугун в большей мере направляется в передел, спрос же на готовое литье сжимается; этот процесс обнаруживается вплоть до начала нынешнего столетия. К концу первой декады этого последнего в плавке ковкого железа и стали начинает брать верх мартеновский метод, связан-

[1] Данные взяты из ежегодника „Americon Iron and Steel Institute".

ный с использованием больших порций лома, что неминуемо ведет и к сокращению доли используемого в производстве стали передельного чугуна.

Таблица 8

Показатели роста выпуска чугуна и стали в С.-А. С. Ш.

	1881 г.		1890 г.		1900 г		1910 г.		1920 г.	
	Млн. тонн	Сталь от чугуна в %	Млн. тонн	Сталь от чугуна в %	Млн. тонн	Сталь от чугуна в %	Млн. тонн	Сталь от чугуна в %	Млн. тонн	Сталь от чугуна в %
Выпуск чугуна	4,1	100	9,2	100	13,8	100	27,3	100	36,9	100
Выпуск стали	1,6	39	4,3	47	10,2	73	26,3	96	42,1	114

Указанный выше переход с бессемеровской плавки стали на мартеновскую обозначился с отчетливостью лишь к началу нынешнего века; но с этой поры продвижение мартена протекает с нарастающей силой, и в наши дни бессемеровский продукт составляет едва 14—15% всей выработки. Столь успешное внедрение мартеновской плавки было обусловлено тремя важнейшими факторами: ограниченностью запасов бесфосфористых руд, годных для бессемерования, накоплением в стране дешевого лома, включаемого большой долей в мартеновскую шихту и, в не меньшей мере, относительной дешевизной строительства и эксплотации мартеновских установок, не требующих больших капиталов, более гибких в приспособлении к требованиям рынка, к размерам нагрузки и т. д.

Среди основных процессов, протекших, в американской металлургии, первостепенное значение имел, как и во всех других странах, переход на коксовую плавку. Как показывает та же таблица (стр. 219), древесноугольный металл утратил свой удельный вес еще с шестидесятых годов. Что касается антрацитной плавки, то она довольно долго держалась в восточных штатах в специфических условиях близости к рудам и к антрацитным залежам и удаленности от месторождений коксующихся углей Западной Пенсильвании.

Интересно проследить по таблице характерный момент — постепенную утрату металлургией первоначального железнодорожного уклона. Если в период лихорадочного транспортного строительства, в 80 годы, продукция рельс составляла свыше 80% всей выпущенной стальной болванки, то уже в 1890 г. это соотношение не превышает 30%, а в начале нынешнего века оно держится у уровня в 20%.

Штандорт железоделательной промышленности

За восемьдесят лет своего существования, примерно с 1850 г., американская железоделательная промышленность проделала длинный путь перемещения с востока, от прибрежных штатов, на северо-запад в направлении Великих Озер и, частично, к далекому югу в сторону Мексиканского залива. Этот процесс по времени прошел через три важнейших этапа: господство Восточно-Пенсильванского железоделательного района и металлургии прибрежных штатов (Нью-Йорк, Нью-Джерси), длившееся 25 лет и склонившееся к закату в 80 годы; последующий период безраздельного доминирования, вплоть до начала нынешнего века, питсбургского района: наконец, возникновение и развертывание Чикагского металлургического центра, значительно сузившего в наши дни сферу рыночной экспансии питсбургской группы заводов. Утрата металлургией восточных штатов первенствующего положения в 80 годы произошла не только под напором конкуренции питсбургских предприятий, но и в результате частичной уступки позиций новому южному району Бирмингама в штате Алабама. Одновременно с чикагским центром железоделательная промышленность С.-А. С. Ш. дала в нынешнем веке три ответвления менее крупного масштаба: первое — группу заводов в центре Озер (Буффало, Толедо, Детройт), второе — на самом далеком севере их (Дулус), а также третье — в западных штатах в районе Скалистых гор.

О том, где осела железоделательная промышленность С.-А. С. Ш. к концу упомянутого второго, питсбургского, этапа развития, какой вес обрели в этот период отдельные районы и как затем развернулась третья фаза, чикагская, с новыми райоными соотношениями, показывает сводка производительной способности доменного и сталелитейного аппарата, опубликованная Американским Институтом черных металлов и приведенная в работе Прэделя: [1]

Таблица 9

Годовая производительность американской железоделательной промышленности (в тыс. кор. тонн)

Районы	Чугун				Сталь			
	1901 г.		1925 г.		1901 г.		1925 г.	
	В тыс. тонн	В %	В тыс. тонн	В %	В тыс. тонн	В %	В тыс. тонн	В %
Среднеозерный (Буффало-Толедо, Детройт.)	325	1,4	4.259	8,7	—	—	2.619	4,4
Северо-Восточный	3.821	16,3	6.233	11,9	3.148	17,2	7.602	12,9
Питсбургский	12.595	53,8	26.673	51,0	12.044	65.8	33.181	56,4
Чикагский	2.207	9,0	8.487	16,2	2.341	12.8	10.491	17.8
Северноозерный	130	0,5	746	1,4	40	0,2	1 272	2,1
Западный	306	1,3	714	1,3	250	1,3	1.761	3,0
Южный без Бирмингама	2.675	11,4	2.383	4.5	96	0,5	429	0,8
Бирмингам	1.459	6,2	2.762	5,2	338	1,8	1.414	2,4

Полученные в таблице показатели позволяют сделать ряд выводов. Прежде всего, несомненен рост чикагского района, который к 1925 г. оттеснил группу восточных штатов на третье место. Затем, столь же очевиден общий процесс территориальной децентрализации американской железоделательной промышленности. Действительно, в 1901 г. около 97% чугуна дают 5 районов, в 1925 г. тоже количество — 6 центров; по стали в 1901 г. около 96% продукта падает на 3 территориальные группировки, в 1925 г.— на 6. Особенно бросается в глаза тот факт, что по выработке стали вес питсбургского района, составлявший в 1901 г. около двух третей всей продукции страны, в 1925 г. скатывается до половины ее. Более высокий коэфициент децентрализационного процесса обнаруживающийся в отношении сталеделательных заведений, следует об'яснить тем, что расширение рынка потребления железа имело последствием накопление лома в новых районах и местах; подобная же рассеянность лома на территории страны не могла не создать сырьевых штандортных предпосылок для возникновения в этих районах мартеновских заведений.

[1] A. Predoehl. „Die oertliche Vertheilung der amerikanischen Eisen und Stahlindustrie“ Weltwirtschaftliches Archiv, 1928, B. 27, H. 2, стр. 316—317.

Данные скомбинированы по нашей районной схеме. В работе Прэделя приведены детальные исчисления отдельных подгрупп районов; в нашей таблице Канада не включена.

Установим факты и цифровую меру территориального перемещения железоделательной промышленности С.-А. С. Ш., перейдем к выявлению тех факторов, которые вызвали это передвижение. В этом отношении приходится сразу же установить, что два важнейших сдвига в эволюции штандорта американской металлургии были обусловлены совершенно различными факторами: перегруппировка 1880—1900 гг. — новой сырьевой ориентировкой, процессы же 1900—1925 гг. — новой рыночной ориентировкой.

Первый по возникновению железоделательный район С.-А. С. Ш. с заводами, размещенными в полосе между восточным склоном аппалахских гор и берегом Атлантического океана (штаты Нью-Йорк, Нью-Джерси, восточная часть Пенсильвании, с центрами в Балтиморе, Филадельфии и др. городах), базировался долгое время на антрацитах Восточной Пенсильвании и местной руде (отчасти привозной), в отношении же сбыта продукции — на емких рынках тех северо-восточных и восточных штатов, через которые шла колонизация и культурное освоение Нового Света. Мы видели выше, что к концу прошлого века рынок С.-А. С. Ш. в значительной мере снабжался черным металлом извне. В особенности сильно чувствовалась недостаточность железоделательного аппарата страны в начале 70-х годов, когда горячка железнодорожного строительства достигала апогея. В одном 1871 г. железнодорожная сеть С.-А. С. Ш. была расширена на семь тысяч миль, дав рост на 13% против предшествующего года. В течение 1872 г. были месяцы, когда цена на чугун колебалась между 25 и 64 долл. за тонну. [1] Этот бум совпал по времени с высокой кон'юнктурой в европейском хозяйстве, вследствие чего привоз металла наталкивался на большие затруднения. Заводы прибрежных штатов не могли справиться с таким расширением спроса потому, что применение нового бессемеровского метода выработки литого металла, сменившего к концу 60-х годов прежний малопроизводительный сварочный процесс, ограничивалось незначительными ресурсами местной бесфосфористой руды. Деградирование местной рудной промышленности обнаруживается из следующих цифр: в 1880 г. вся добыча С.-А. С. Ш. — 7.974 тыс. тонн, восточной руды — 4.305 тыс. тонн; в 1902 г. соответственные цифры — 35.554 тыс. тонн и 1.820 тыс. тонн.

К этому времени на арену вышли новые рудные месторождения Верхнего Озера: добыча в 1860 г.— 114 тыс. тонн, в 1865 г.— 193 тыс. тонн, в 1870 г.— 813 тыс. тонн, в 1873 г.— 1.195 тыс. тонн. Богатые запасы этого района бессемеровскими рудами и возможность далекой, но относительно дешевой, переброски по озерной системе к месту залегания обильных коксующихся коннельсвилльских углей Западной Пенсильвании — эти сырьевые и транспортные факторы создали новый штандорт американской железоделательной промышленности вблизи южного берега озера Эри в непосредственном соседстве с Коннельсвиллем. Так возник и развернулся обширный район, именуемый питсбургским.

Новый штандорт южной американской металлургии, осевший в штате Алабама, по преимуществу у г. Бирмингама, стимулировался также сырьевыми факторами, хотя нельзя не признать того влияния на возникновение района, которое оказал рынок, слишком удаленный от прежних центров снабжения железом. Местные заводы работают на углях южных отрогов аппалахской горной цепи, залегающих в непосредственной близости от местной руды. Такое сочетание двух важнейших сырьевых факторов ставит бирмингамскую группу в особое положение среди всех районов С.-А. С. Ш.

Переходя к третьему этапу в перемещении железоделательной промышленности С.-А. С. Ш.— к чикагскому периоду, можно с полным основанием считать этот новый штандорт обусловленным рыночным притяжением. Что о сырьевых преимуществах тут не может быть речи, видно из приведенной в следующей главе калькуляции транспортных сырьевых издержек на тонну продукции: чикагские заводы обременены лишним долларом по сравнению с питсбургскими предприятиями.

[1] Lewy, ibidem, стр. 24—25.

Что же касается роста емкости рынка территории, тяготеющей к югу озера Мичиган, то об этом можно судить по исчислениям районных отгрузок металла, впервые опубликованным в годовом номере „Iron Age“ за 1929 г. (в тыс. тонн):

Таблица 10

	Сортовое железо	Строит. железо	Листовое железо	Жесть для лужения	Трубы	Проволока
Рынок питсбургской группы .	3.523	1.570	2 357	664	1.334	982
„ чикагской „ .	2.445	820	2.074	523	623	1.053

Из приведенных данных совершенно очевидна непропорциональность развития производственнного аппарата питсбургского района: налицо несомненный захват им рынков, тяготеющих к чикагскому центру. Это — та искусственная гипертрофия питсбургского района, которая была порождена привилегированными в отношении его железнодорожными тарифными ставками и знаменитой политикой цен, так называемой „Pitsburg Surplus System“ Хотя эта последняя формально отменена еще в 1924 г., но некоторое действие она сохранила еще по сие время. [1]

Из предыдущего изложения явствует, что на два крупнейших железоделательных района Америки — питсбургский и чикагский — приходится 70—75% всего металлургического производства страны. Общим для их штандорта признаком является базирование на одном и том же по происхождению сырье: на верхнеозерной руде и битуминозных углях аппалахского хребта. Между этими двумя сырьевыми центрами, отделенными один от другого огромным расстоянием около 1.500 *км*, расположились заводы обеих групп.

Железоделательные заведения питсбургского района концентрируются вокруг самого города Питсбурга в расстоянии от него от 75 до 150 *км*. Вот какова производительность важнейших географических центров сосредоточения заводов этого района:

Pitsburg	13,4 млн тонн стали	Ochio	2,5 млн. тонн стали
Mahoning	6,1 „ „ „	Johnstown . . .	1,9 „ „ „
Cleveland	4,0 „ „ „	Shenango . . .	1,4 „ „ „
Wheeling	2,8 „ „ „	Итого . . .	31,6 млн. тонн стали

Ко всем перечисленным заводам руда подвозится комбинированным водным и железнодорожным путем. Добываемая у Верхнего озера, она перебрасывается по железной дороге к одному из озерных портов (важнейшее месторождение Мессаба расположено в 100 *км* от берега), оттуда на судах крупного тонажа следует к берегам озера Эри, тут перегружается в железнодорожные вагоны и доставляется, засим, к вышеперечисленным пунктам. Уголь подвозится по железной дороге из Коннельсвилля —

[1] Эта система изложена в вышеупомянутой работе Прэделя, стр. 271 и дальше, а также в брошюре von Haniel „Frachtverhaelltnisse und Frachtlage der amerikanischen Eisenindustrie“, Berlin, 1928.

центра пенсильванских коксующихся углей. Беря средние, нижеприведенные, удельные расходы сырья, фрахтовая калькуляция питсбургского района выразится в следующих цифрах (на тонну чугуна): [1]

1,5	тонны угля	0,22 долл.
1,9	„ руды	5,53 „
0,445	„ известняка	0,63 „
	Итого . . .	6,38 долл.

Почти все важнейшие заведения чикагского района расположены в одном центре — у самого города на южном берегу озера Мичиган и у соседнего города Жолье. Из 10,5 млн. тонн производительной способности сталеделательного аппарата района на долю чикагских заводов приходилось в 1925 г. — 9,5 млн., заведений же Жолье — 0,7 млн. тонн. Чикаго имеет преимущество расположения у самой водной системы и более короткого пути от руды. Но тем значительнее затраты по перевозке угля из далеких (до 400 *км*) месторождений штатов Кентукки и Западной Виргинии, который перебрасывается комбинированным способом — по речной системе притоков Миссисиппи и железной дорогой. В итоге фрахтовые затраты на тонну чугуна получаются следующие:

Доставка угля (1,5 тонн.)	4,02	долл.
„ руды (1,9 тонн.)	3,19	„
„ известняка (0,44 тонн.)	0,24	„
Итого . . .	7,45	долл.

Таким образом, транспортные сырьевые показатели обнаруживают преимущество питсбургского района перед Чикаго, выражающееся, примерно, в один доллар на тонне выпускаемой продукции.

Сопоставление двух приведенных калькуляций вскрывает ту особенность, которая является едва ли не самым важным фактором, определившим штандорт и даже самую судьбу железоделательной промышленности С.-А. С. Ш. Это — понижающее влияние длинного озерного пути на калькуляцию металлургического производства и притягательное действие угольных районов в отношении железоделательных заведений, преуспевающих вблизи угля, под защитой дорогостоящего железнодорожного транспорта. Несомненно, что при необходимости доставлять руду железной дорогой, центром металлургии был бы не Питсбург, а пункты, расположенные ближе к руде.

Что касается дешевизны перевозок сырьевых грузов по озерной системе С.-А. С. Ш., то она об'ясняется не только общеизвестными преимуществами водного транспорта перед железнодорожным, но и теми колоссальными достижениями в транспортном озерном хозяйстве, той технической рационализацией, которую американские компании непрерывно осуществляли в течение истекшего полвека. Соединяя в одних руках эксплоатацию рудников, железнодорожных линий, портовых доков, сооружений, погрузочных и разгрузочных устройств и озерного флота, Стальная Корпорация и другие железоделательные тресты довели механизацию всех операций до такой высоты, так сократили применение человеческого труда и затрачиваемое на эти операции время, что себестоимость перевозок оказалась за двадцать пять лет существования Корпорации сниженной в несколько раз и доведенной до 70 центов на тонну руды при расстоянии 1.500 *км*. [2]

[1] Извлечение из упомянутой работы Ханиеля, напечатанной в „Technik und Wirtschaft“, Mai 1929, стр. 125.

[2] Подробно об этом см. упомянутую работу Леви. Для иллюстрации дешевизны приведенной провозной платы укажем на то, что по данным „Shipbuilding and Shipping Record“ от 1/IV—26 г. фрахтовая ставка на то же расстояние из английских портов составляла 5 шилл. на тонну, т. е. около 1,25 долл.

Фрахтовая калькуляция северо-восточного прибрежного района, дающего стране свыше 10% металла, складывается дороже, чем в двух рассмотренных районах; она составляет от 7,5 до 9 долл. на тонну. В лучшем положении находятся те заводы, которые, как например, сосредоточенные у самого океана предприятия Вифлеемской Компании в Филадельфии и Балтиморе получают привозную руду непосредственно с пароходов, без перегрузки в железнодорожные вагоны. Весь район базируется на пенсильванских углях и местной, а также импортируемой руде из Чили и Кубы. Невыгоды фрахтовой калькуляции перекрываются преимуществами близости к емкому рынку прибрежных штатов, возможности экспортировать металл, большого притока лома и обширного резерва рабочей силы.

Выше мы упомянули об исключительно благоприятных сырьевых предпосылках южного района у города Бирмингама в штате Алабама. Тут фрахтовые затраты по сырью столь незначительны, что они не идут ни в какое сравнение с соответственными расходами рассмотренных районов: они едва составляют 50 центов на тонну чугуна. Однако, целый ряд других моментов ослабляет позицию южной металлургии С.-А. С. Ш.: малая заселенность района, ограниченные резервы рабочей силы, слабый приток лома, низкое качество руды (35% содержания против 50% и выше в рудах Северного озера).

Описанные штандорты американской железоделательной промышленности нельзя считать, конечно, застывшими раз навсегда в том положении, в котором они находятся сейчас. Что же может определить дальнейшую эволюцию районов?

Это в о - п е р в ы х, изменения в рыночной конфигурации С.-А. С. Ш. Процесс перемещения хозяйственного, в частности, сельскохозяйственного и промышленного центров страны передвигает медианы тяготения рынков к тем или иным производственным районам. И нам представляется, что возникший уже в начале нынешнего века процесс перемещения штандорта американской метуллургии с востока на северо-запад, запад и юго-запад продолжится и в дальнейшем. В том же направлении будут влиять и два других фактора: уплотнение потребления железа на западе и связанная с этим усиление притока там лома, а также момент технологической эволюции в металлургии. Последний заключается в том, что чем дальше, тем более снижается удельный вес расхода угля в производстве железных металлов.

Идеальный энергобаланс современного металлургического завода такой, при котором весь сложный металлургический цикл, вся его силовая система укладываются в контингенты технологического топлива (кокса), потребного для доменной плавки и получающихся отбросов — доменного, коксового газа, отходящего тепла металлургических печей и т. д. Таким образом, энергофикация на современных передовых заводах сводится к расходу только того угля, который нужен для выжигания кокса. Нормой же расхода угля на тонну кокса в настоящее время может быть принято количество в 1,3 тонны. Принимая во внимание, что удельный расход кокса на тонну чугуна измеряется той же весовой единицей, можно установить, что штандортная связанность современного металлургического завода с угольными месторождениями ослабляется. Действительно, при среднем содержании перерабатываемых в настоящее время руд в 50% и при одинаковых транспортных ставках на руду и уголь фрахтовое положение заводов с ориентировкой на руду на 60% сильнее углеориентирующихся заведений: 1,3 тонны угля против 2 тонн руды. При этом нужно еще иметь в виду, что потребное на единицу продукции количество руды есть вели-

чина, примерно, постоянная, в то время как расход топлива, с улучшением коэфициента его использования, непрерывно уменьшается [1].

Перечисленным естественным факторам, которые должны будут и в дальнейшем толкать американскую железоделательную промышленность на запад, могут оказать противодействие как железнодорожная тарифная политика С.-А. С. Ш., столь загадочная и подчиненная общим политическим влияниям и колебаниям, так и то направление, которое в дальнейшем будет взято в отношении реконструкции водных речных путей, строительства системы каналов и т. д. То или иное решение этих актуальных в настоящее время проблем С.-А. С. Ш. может, конечно, задержать или ускорить предполагаемые выше процессы будущего.

(Продолжение следует)

---

[1] См. упомянутую работу Прэделя, стр. 261—262.

Л. Улицкий

К методологии построения пятилетнего плана городской розницы [1]

Методы построения перспективных планов торговли на местах сложны и мало изучены. Они не могут вырабатываться так прогрессивно, как в центре, за отсутствием достаточных материалов, возможностей, подчас сил, а главное — концентрации и обмена опытом.

Трудности составления плана торговли на местах связаны еще, помимо прочего, и с тем, что не уяснены окончательно сама задача, цель плана, его об'ем и границы.

Этим и об'ясняется та первородная пестрота и стихийное разнообразие методологических приемов, используемых местами при составлении перспективных планов.

Вместе с тем, вряд ли следует подчеркивать значение торгового плана на местах. «Недостаточное знание нами многих элементов товарооборота и отдельных рынков может быть преодолено лишь при условии систематического изучения всеми местными плановыми органами товарооборота в целом и отдельных его секторов» подчеркивает Госплан СССР в тезисах к докладу на 1 с'езде президиумов Госпланов. [2]

Еще более должна обостриться потребность в торговом планировании на местах в тот, относительно недалекий период, когда, по предположениям Союзного Госплана, товарный дефицит в стране будет изжит и когда проблема продвижения из года в год растущего товарного массива предстанет в гораздо большей сложности и многообразности в том смысле, что потребитель не станет уже безоговорочно брать все, что ему предлагают, а станет более требовательным и разборчивым; тогда места должны будут, очевидно, взять на себя не малую роль в деле представительства требований и запросов потребителя не только на ближайший квартал и год, но и на более далекие отрезки времени, в частности, и на пятилетие.

Было бы опасно, если бы к этому времени места не вооружались рациональными приемами и методами планирования торговли и пребывали бы на этом участке хозяйствования в беспомощном состоянии.

Обмен опытом между работниками, занятыми построением планов на местах, на ряду с самокритикой местной плановой мысли и инструктажем центра, поможет выработать рациональные методы построения торгового плана с теми особенностями, которые вызываются сущностью местной экономики.

Эти особенности, прежде всего, несколько видоизменяют самую цель построения торгового плана на местах.

В центре план товарооборота ставит перед собой одну из основных задач — достижение рыночного равновесия в стране, дабы обеспечить тыл хозяйственному строительству и индустриализации страны, при чем

[1] В порядке обсуждения. *Ред.*

[2] „Информационный Бюллетень Госплана СССР". № 1, стр. 30, 1926 г.

здесь он может строиться на основе активного воздействия на обе стороны баланса, т.-е. на спрос и на предложение.

В центре во всю ширь ставится проблема распределения национального дохода на фонды накопления для расширенного воспроизводства и фонды потребления, которые обусловливают затем об'ем товарооборота. Здесь спрос и предложение должны быть как-то сбалансированы. Самый баланс должен указать, как пригнаны друг к другу отдельные части народнохозяйственного плана.

На местах не то. Здесь каждый район стремится к самоопределению. В конкуренции районов между собою, он должен попытаться определить свое значение, обосновать свои права и силы для того или иного развития. На основе межрайонного разделения труда, он стремится получить наибольшую и наилучшую оптимальную для него нагрузку, выявить свою, так сказать, специальность, т.-е. те специальные отрасли и виды хозяйства, которые наиболее эффективно будут развиваться на данной территории, с точки зрения географического разделения труда по всему Союзу.

Такова идея местного плана вообще. Отсюда каждый центр, каждый округ предусматривает максимально возможное форсирование производительных сил без оглядки на сферу товарооборота, которая должна быть сбалансирована где-то вне его компетенции, в центре. [1]

Поэтому, первая задача плана товарооборота на местах заключается в том, чтобы показать, насколько надо будет увеличить товарооборот, чтобы реализовать те доходы населения, которые являются результатом того или иного темпа стройки и переоборудования данного города или района.

Размер товарооборота является здесь, по существу, своего рода обоснованной заявкой, обращенной во вне, к центру, на определенные товарные массы, которые должны быть передвинуты на район в том случае, если темпы его развития приняты.

Таким образом, первая задача — задача количественного порядка.

Но едва ли не большее значение имеет вторая задача, до сего времени остававшаяся часто в тени, — задача качественного порядка, сущность которой заключается в том, чтобы учесть какие товары надо будет доставлять, куда растет местное потребление.

Эта задача тем более серьезна и ответственна, что она должна быть разрешена не только в смысле пассивного приспособления товаропроводящего аппарата к запросам потребителя, не только потому, что над данными о тенденциях потребления в прошлом довлеют не одни устремления потребителя, а условия снабжения каждого года, но и потому, что от торгового аппарата требуют ряда конкретных мероприятий для активного воздействия на потребителя, требуют помощи потребителю в смысле рационального построения своего бюджета, вообще, и пищевого рациона, в частности.

Наконец, третья основная задача — организационного порядка, сводящаяся к тому, чтобы приспособить местный торговый аппарат, складское, транспортное и прочее хозяйство к возрастающим товарным массам, которые должны быть пропущены данным центром.

[1] Это отнюдь не означает, что места должны строить свои планы не считаясь с реальными возможностями товароснабжения, какие рисуются по планам развития отдельных отраслей народного хозяйства СССР. Идея активного воздействия обобществленного товаропроводящего аппарата на структуру потребления, которая подчеркивается в дальнейшем, выдвигается именно с той целью, чтобы увязать в едином компромиссе интересы трудящихся, как потребителей и производителей.

Из сказанного вытекает, таким образом, и потребный об'ем торгового плана розничной торговли на местах.

Нет необходимости, исходя из высказанных соображений, загромождать план рядом больших, но практически мало полезных построений, исчислять, например, как это делают некоторые районы (об этом подробно ниже), товарную массу района, экспорт, импорт, изощряться в исчислении звенности в районном масштабе и т. д. Незачем также уделять большое внимание самостоятельному и детальному исчислению оборотов по товарам производственного назначения, которые в главнейшей массе запланированы в промфинпланах и планах кустарной промышленности.

Исключение ряда мало полезных и порой бесплодных исчислений откроет большие возможности по изучению качественных сдвигов в экономике торговли, в характере местного потребления и тем самым позволит с возможно большей точностью наметить те изменения, из которых следует исходить при построении пятилетнего плана местной торговли.

Методы построения перспективных планов торговли на местах весьма многообразны. Это разнообразие вполне закономерно, поскольку множество плановых ячеек Союза разрозненно занято составлением торговых планов. Но из всего этого многообразия уже как будто выкристаллизовались три основных метода, часто употребляемые при исчислении размеров городской розницы в пятилетней перспективе: 1) метод балансовый; 2) метод собирательный; 3) метод распределительный.

Сущность балансового метода заключается в исчерпывающем исчислении товарооборота района путем выявления товарной массы, обращающейся на данной территории, ее происхождения, звенности, т.-е. количества инстанций, которое проходит товар, намечающийся вывоз товарных излишков, «импорт» недостающих товаров и т. д.

Отличие балансового метода от двух других в основном сводится к тому, что он планирует не только количество и качество потребной для удовлетворения возрастающего спроса товарной массы, но и источники ее поступления, экспорт излишков и т. д. Этот метод, подчас, охватывает круг вопросов, далеко выходящий за пределы городской розничной торговли, но как нечто единое должен быть рассмотрен в целом.

Идея балансового метода исчисления товарооборота, как метода относительно боле совершенного, возникает на самых ранних стадиях развития методологии планирования, но по пути своего применения встречает целый ряд серьезных затруднений.

Еще в начале 1926 г. Госплан СССР в своих тезисах о методологии планирования, приуроченных к сезду президиумов Госпланов, [1] отмечал, что «товарные балансы — это общий фон и масштаб, на коих должно развертываться реальное планирование... Задача построения единого целостного плана торговли, охватывающего все эти элементы (товарные массы, торговый аппарат, торговые капиталы и цены. Л. У.), не может быть поставлена в настоящее время, в виду наличия многих элементов, еще не входящих в сферу планового воздействия и недостаточной изученности всех элементов товарооборота. В этих условиях это было бы бюрократизацией плана, а практически — отсутствием реального плана».

Правда, в настоящее время в области методологии планирования, в центре, судя по опубликованным материалам, проделана большая работа, но все же балансовый метод признается еще при качестве нашего статистического материала далеко еще не столь совершенным.

Так, например, Госплан СССР в контрольных цифрах на 1927/28 г. отметил следующее: «В области изучения рыночных явлений, в области

[1] „Информационный Бюллетень Госплана СССР", № 1, 1926 г.

баланса спроса и предложения для проектирования 1927/28 г. осталось возможным не ограничиваться лишь сопоставлением сплошных масс выбрасываемой на рынок товарной продукции с интегральной покупательской способностью городского и сельского населения. Опыт истекшего периода с полной очевидностью показал, что такое сопоставление принуждает оперировать со столь большими массами, при которых двухсот или трехсот-миллионная балансовая розница может оказаться в пределах точности исчисления, даже при более надежной статистике, чем та, которой мы располагаем. В нынешнем году более широко использованы выборочные показатели бюджетных обследований, позволяющие изучать не только об'ем, но и структуру спроса, характерную для различных групп населения» (стр. 6).

Между тем, еще в начале 1925 г., можно было встретить отдельные голоса местных работников, раздававшиеся в пользу применения именно этого метода в местном масштабе.

«Совершенно очевидно, что речь здесь идет (при планировании торговли *Л. У.*), прежде всего, о каком-то балансе товарного обращения, пишет т. Н. Дружинин в статье «К вопросу о составлении торговых планов». Этот баланс товарного обращения необходимо будет установить для того, чтобы учесть, какими же товарными ресурсами располагает сторона предложения, какие товарные массы требуются для полного насыщения платежеспособного спроса, определить их желательное соотношение и степень приближения действительных норм потребления к нормам потенциальным, нормам, которые должны быть достигнуты. И такой баланс должен быть дан, конечно, как в разрезе отдельных экономических районов и групп потребителей, так и в разрезе отдельных хотя бы важнейших товаров»[1] (разрядка наша *Л. У.*).

Мы позволяем себе выразить серьезные сомнения в реальности данного метода для исчисления товарооборота на местах по материалам начала 1925 г. Скорее всего, рекомендуемый автором прием остался благим пожеланием , либо мало полезным продуктом.

Однако, анализируемый метод, судя по опубликованным материалам, был в более совершенной форме применен на опыте составления контрольных цифр товарооборота Нижнего Поволжья.

Автор упоминаемой ниже статьи [2] ставит довольно широко проблему исчисления порайонных торговых балансов. По существу это едва ли не первая опубликованная попытка представить в развернутом виде методологию исчисления товарооборота на местах.

Автор полагает, что «в основу расчетов должна быть положена система трех балансов: а) баланса внутреннего производства, б) баланса доходов и расходов населения и в) торгового баланса района» (стр. 266). На методологии исчисления первых двух балансов автор останавливается вскользь и основное внимание обращает на последний, торговый баланс района.

Вкратце, построение плана предлагаемым способом сводится к следующему.

Исчисление товарной массы в обращении внутри района путем: а) сложения товарной массы сельского хозяйства внутреннего производства с б) внутренней товарной массой промышленности плюс в) ввоз сел.-хоз. товаров, помимо производственного аппарата, минус г) вывоз сел.-хоз. товаров непосредственно производителями и минус д) вывоз промтоваров через производственный аппарат.

[1] Журнал „Экономическое строительство" — орган Моссовета. 1925 г., № 1, стр. 48.

[2] Статья П. И. Питаевского „Схема контрольных цифр товарооборота Нижнего Поволжья". „Плановое Хозяйство", 1927 г., № 8.

Не трудно себе представить, насколько сложно подобное исчисление товарной массы в районном масштабе и какие необ'ятные возможности ошибок открываются применением рекомендованных приемов. Как бы ни совершенна была статистика на местах, но элементы, перечисленные выше, не могут быть еще определены с требуемой для выведения искомых величин приближенностью. Но осложнения ограничиваются не только этим.

Далее, следует исчислить накидки на цену производителя (стр. 276) по отдельным важнейшим товарам и отдельным секторам, [1] а также коэфициент звенности. Автор считает, что возможную звенность «необходимо наметить по отдельным товарным группам и определить взвешенный показатель по данным о товарной массе в обращении» (276). Но можно ли исчислять коэфициент звенности в местном масштабе по аналогии с центром?

Госплан имеет дело с более или менее замкнутой экономической областью, где почти каждый товар полностью совершает свой путь от производителя к потребителю. Коэфициент звенности означает здесь среднее количество промежуточных инстанций, которое приходится проходить товару на этом пути; между тем, ни город, ни район не могут иметь никакой экономической цельности. Для известной, весьма небольшой, части товаров и начало, и конец их жизненного пути находятся в пределах планируемой территории; другая часть товарной массы в ее пределах только зарождается для обращения, находя своего потребителя в других районах Союза; третья часть на данном рынке только заканчивает процесс своего обращения, а некоторая доля товаров проходит лишь мимоходом, появляясь на свет где-то в других областях СССР и находя своего потребителя тоже где-то вне данного рынка. Поэтому, в местных условиях коэфициент звенности является какой-то иррациональной величиной, мало пригодной для исчисления размеров местного товарооборота.

Но и этим трудности еще не заканчиваются, ибо предстоит особо подсчитать размер посреднического оборота и т. д.

Все эти исчисления проделаны по 71 товару для исчисления только годовых контрольных цифр.

Подобное построение плана товарооборота на местах вряд ли может быть признано плодотворным. Надо думать, что исследование 2-3 конкретных и реальных проблем в местном масштабе при много меньшей затрате труда принесло бы больше пользы. Ведь произведенные столь громоздким методом исчисления, прежде всего, вызывают серьезные сомнения насчет их статистической точности.

Оперируя столь условными и сомнительными в местном масштабе величинами, нет уверенности в том, что основная искомая величина (размер распределительной торговли) не окажется меньше возможных колебаний в подсчетах.

К тому же вообще, как правильно отмечает т. А. Гордон, [2] «закономерности, имеющие место в развитии, хозяйства района, являются результатом такого сложного сочетания экономических сил, являются значением функции со столькими независимыми переменными, что эмпирически обнаружить эти закономерности путем изучения хозяйства только данного района — невозможно... Мне кажутся, поэтому, совершенно безнадежными попытки дать самостоятельными силами самого района такую систему районных контрольных цифр, которая бы представляла собой баланс обменной реализации районной и внерайонной продукции и продукции города и деревни».

[1] В статье приведены средние данные по всем секторам (стр. 276).

[2] А. Гордон. „К построению районных контрольных цифр народного хозяйства" — журнал „Хозяйство Северо-Западного Края". 1926 г., № 1, стр. 7.

Нам кажется, что балансовый метод построения плана розничной торговли, по крайней мере в настоящее время, неприменим к отдельным районам, ибо для этого нет ни надлежащих статистических материалов, ни особой потребности.[1]

Другой метод, названный нами выше собирательным, исходит из анализа каждого отдельного рынка с тем чтобы путем проектировки оборотов по каждому товару или группе товаров получить в результате сложения намечающуюся сумму оборотов на конец планируемого периода.

Общий размер оборотов получается здесь после определения ассортимента этого же оборота, после подытоживания оборотов всех товарных групп.

При этом методе, в том случае, если обороты каждой группы не определяются попросту «наглазок», можно исходить из существующих норм потребления, намечать их изменения к концу планируемого периода, а затем путем умножения на увеличившееся население исчислять об'ем оборотов на каждом рынке; однако, и этот метод таит в себе большие возможности ошибок.

Нормы, выводимые по данным бюджетных обследований, не могут претендовать на точность, которая бы позволяла их распространять на все население. Количество наблюдений на местах (городских бюджетов) по которым выводятся нормы, отнюдь не достаточно, чтобы поглотить индивидуальные особенности ограниченного числа обследуемых, пусть даже самым тщательным образом подобранных. К тому же, бюджетные записи не охватывают всего населения и, следовательно, не отражают потребления города в целом. Но этим не ограничивается несовершенство бюджетных норм. Основная трудность построения плана заключается в этом случае в необходимости исчисления норм потребления в будущем, в придании этим нормам решающего значения для исчисления оборота. При этом, обычно пользуются методом перенесения пространственных изменений (т.-е. изменений от одной группы к другой по материальной обеспеченности) во времени, т.-е., к примеру, если средняя заработная плата за планируемый период изменяется на 20%, то в основу изменения норм потребления кладутся те сдвиги, которые происходят при переходе от группы бюджетов, отражающих существующий уровень зарплаты, к той группе, которая будет соответствовать намечаемому размеру зарплаты (т.-е. увеличенной на 20%).

Однако, в местном масштабе, этот прием почти непригоден. Если общее количество бюджетов, ведущихся в любом городском центре, недостаточно для обобщений норм потребления, то тем менее пригодным является количество бюджетов каждой группы в отдельности.

Попытка анализа диференциальных бюджетов за ряд лет по киевским материалам, которые ни по количественному, ни по качественному их состоянию не могут быть признаны непригодными для иллюстративных целей подтверждают, что даже по такому продукту, как ржаной хлеб, бюджеты не отражают не только количественных изменений при переходе от одной группы к другой, но и качественных.

Между тем, как известно, потребление ржаного хлеба при переходе от низших групп по материальному благосостоянию к высшим сокращается. И действительно, такую тенденцию бюджета отражают довольно четко. Но получить от тех же бюджетов на местах ответ, насколько снизится или повысится норма потребления при определенном росте зарплаты (а ведь именно это и требуется при проектировке оборотов по каждому товару

[1] Само собою разумеется, что указанное положение ни в какой мере не затрагивает положения о необходимости внутреннего баланса в плане, т.-е. пригнанности отдельных частей друг к другу.

в отдельности), невозможно, ибо почти ни разу за весь рассмотренный период нельзя было обнаружить сколько-нибудь мотивированных количественных изменений норм потребления при переходе от одной группы к другой. Часто же при переходе от низшей к высшей группе, вместо снижения норм потребления ржаного хлеба, отмечался рост. Если же взять другие, более эластичные товары, то здесь немотивированные колебания будут встречаться еще чаще. Помимо того, нормы потребления имеют еще ряд второстепенных дефектов: они не отражают ни спроса приезжего коллективного потребителя, играющего порой столь видную роль, ни гужевого вывоза за пределы данной территории, ни поправки на изменение запасов, ни, наконец, потребления тех или иных продуктов промышленностью.

Отсюда приходится сделать тот вывод, что пользоваться местными бюджетами для установления норм потребления к концу планируемого периода необходимо с крайней осторожностью.

Можно, пожалуй, использовать динамику по средним данным республики или Союза, но здесь поневоле утрачиваются особенности города или района, т.-е. исчезает самое ценное, что есть в наметке структурных сдвигов потребления на местах.

Но помимо всего этого, анализируемый метод имеет еще целый ряд серьезных дефектов. Прежде всего, по целому ряду товаров отсутствуют даже сколько-нибудь твердо установленные нормы потребления. Если в отношении питания и можно хотя бы с теми оговорками, о которых говорилось выше, исходить из тех или иных норм к концу планируемого периода, ибо здесь речь идет о массовых стандартах, выработанных физиологической структурой потребителя (хлеб, мясо и т. д.), то в других группах — одежды и туалета, а в особенности хозяйственного инвентаря, в отношении которых пока еще ни спрос, ни предложение не организовали твердых стандартов, почти невозможно говорить о каких-либо нормах потребления, да еще диференцировать их по ступеням доходности.

Между тем, небольшая ошибка в норме, поскольку оперировать приходится с малыми величинами, дает значительное расхождение в процентах, а будучи умножена на всю массу населения, разрастается в крупнейшую величину. Поэтому, в отношении промтоварной группы применяют иногда другие приемы, как-то: рост продукции соответствующей отрасли промышленности и т. п. Однако, и эти приемы значительно уменьшают ценность местного торгового плана, поскольку они заставляют оторваться от местных особенностей потребления.

Ко всем перечисленным соображениям надо добавить, что применением анализируемого метода поневоле разрывается необходимая связь и согласованность между оборотами различных товарных групп. Этим и создаются основания для ряда совершенно немотивированных сочетаний, ибо при планировании каждого рынка в отдельности невозможно не утратить цельности структуры потребления, т.-е. той перспективы, исходя из которой, только и можно намечать те или иные структурные изменения в потреблении населения, а, следовательно, и в розничном обороте.

Касаясь методологии построения торгового плана, т. Канторович, в своей статье «Проблема спроса и предложения промтоваров в перспективном плане»,[1] отмечает, что: «наибольшие трудности представляет, естественно, изучение размеров спроса. В практике наших регулирующих органов фигурируют обычно два метода расчета суммарных балансов спроса и предложения промтоваров. Первый из них рассчитывает спрос, базируясь на материалах бюджетных обследований. Путем умножения средних душевых бюджетных норм на число душ соответствующей группы, пытаясь устано-

[1] „Хозяйство Украины". 1927 г., № 11—12.

вить размер покупок, точнее, фонда потребления, с которым пытаются сопоставить реальный фонд предложения. Этот метод создает ложное представление об'ективности и научности. Материал бюджетов охватывает далеко не все группы населения; к тому же, он крайне дефектен... Для того, чтобы получить сколько-нибудь близкие к действительности цифры, приходится применять различные условные коэфициенты, брать по своему усмотрению более высокие или более низкие бюджетные группы и т. п., т.-е. добиваться этими искусственными путями тех цифр, которые отвечают априорным соображениям. Неудовлетворительность этого метода очевидна» (стр. 100).

Примерно, такого же мнения придерживается Н. В. Цубербиллер.[1]

«В виду того, замечает он, что определить общую сумму платежеспособного спроса в целом легче, чем определить возможные обороты с каждым товаром в отдельности, — при предвидении и расчетах будущих оборотов по продаже стремятся прежде всего установить общую ценностную величину оборотов, а затем уже, исходя из предшествующего опыта, распределить совокупный оборот между отдельными товарными группами».

Все эти соображения применимы к местам в еще большей мере, нежели к центру.

Наконец, последний метод, названный нами выше распределительным, сводиться к исчислению роста доходов населения, потенциального покупательского фонда населения и, далее, розничного оборота, который затем распределяется на отдельные товарные группы. Этот метод, опираясь в значительной мере на явную слабость двух предыдущих, в применении к местным условиям, отчасти, следовательно, обосновывается теми соображениями, которые высказывались против этих методов выше. Но, помимо этого, он имеет еще и ряд самостоятельных преимуществ.

Он прежде всего, опирается на большее количество твердых показателей. Доходы основной массы населения — трудящихся, а, в особенности, их динамику в будущем, можно исчислить относительно более верно, чем например будущие, обороты по той или иной группе товаров. Правда, потенциальный покупательский фонд населения при переходе его в реальный может дать целую гамму разнообразнейших и неуловимых комбинаций, связанных с товарными ценами наличием товаров на рынке и т. д. Но все же при нормальных рыночных условиях (т.-е. при отсутствии ажиотажа, а это предполагается данным при составлении всякого плана) величина покупательских фондов, фондов, реализуемых на рынке, может быть установлена с достаточным приближением.

Применением этого метода при проектировке отдельных товарных групп удается сохранять все время непосредственную связь между отдельными группами товаров в том виде, по крайней мере, в каком она существовала в прошлом и не утрачивая той необходимой цельности картины сдвигов в потреблении, которая и должна в основном оправдать построение ассортимента торговли в местном масштабе.

Поскольку намечать изменения ассортимента приходится путем внесения тех или иных обоснованных изменений в удельные веса данной группы, в бюджете населения или в обороте можно значительно легче избежать тех немотивированных сочетаний, которые неизбежны при построении плана, выше упоминавшимся методом. К тому же, при правильном определении тенденций потребления пределы возможных ошибок и просчетов значительно сужаются, ибо удельные веса товарных групп в обороте, в прошлом, являются довольно прочными барьерами для резких и ошибочных отклонений.

[1] См. книгу „Планирование работы торговых предприятий". Изд. НКТ СССР, 1927 г., стр. 78.

Разумеется и этому методу не избежать столкновения с недочетами бюджетных материалов, но последние используются здесь с такой стороны, которая значительно больше гарантирует от резких просчетов.

Ниже, вкратце, будет очерчена та схема, которая была использована при составлении пятилетнего плана Киевского ЦРК.

Рамки журнальной статьи не позволяют подробно останавливаться даже на главнейших этапах построения плана. Поэтому ниже будут, вкратце, приведены лишь самые общие выводы, полученные путем анализа местного бюджетного материала.

Оставляя в стороне методологию исчисления доходов населения на местах реализуемой на рынке части и, далее, общего об'ема розничных оборотов, не останавливаясь также на расхождении между покупательскими фондами и оборотами розницы, которое встречается в крупных городских центрах, переходим непосредственно к анализу структуры реализуемой на рынке части доходов трудящихся и тех сдвигов, которые произошли на протяжении минувших лет.

Эта часть работы представляет вообще один из основных элементов обосновывающих необходимость построения плана розничной торговли на местах. Здесь должны быть выявлены особенности потребления местного населения, оценены как с народнохозяйственной, так и с потребительской точек зрения, а затем на основе этих оценок должно быть запроектировано либо дальнейшее стимулирование этих особенностей, либо их ослабление и пресечение.

Изучая структуру розничного оборота и, в особенности, сопоставляя его со структурой бюджета, следует добавить к розничному обороту обороты передвижной и переносной торговли (1 разр.), обычно не включаемые в данные о распределительной торговле, а также обороты крестьянских привозов (базары и пр.); как ни грубы будут эти подсчеты, все же они необходимы для восстановления правильной физиономии структуры оборотов городской розницы.[1]

Проследив изменения в структуре розничного оборота на протяжении по возможности более продолжительного периода, необходимо подвергнуть аналогичному анализу данные бюджетов рабочих и служащих.

Уже анализ бюджета (реализуемой на рынке части), в указанных выше сгруппированных статьях, дает возможность сделать несколько общих выводов, которые помогут, сначала вчерне, наметить первый набросок будущего ассортимента.

Ниже эти данные приведены для иллюстрации (см. стр. 238).

Как видно из таблицы, первое трехлетие (1922/23 — 1924/25 гг.) отмечено в бюджете рабочего иными тенденциями, чем второе. В течение первых трех лет завершился в рабочем бюджете «восстановительный процесс». Этот период совпадает с прекращением инфляционных процессов в стране и со стабилизацией валюты, которая подвела прочный материальный фундамент под рабочий бюджет. Заработная плата поднялась за это трех-

[1] Аналогичные подсчеты были произведены ЦСУ по 55 городам Украины для 1927/28 г. (путем специального анкетного обследования). Полученные результаты продемонстрировали, что эти виды торговли составляют по Киеву, например, 8—9% всего розничного торга и около 13-14% оборотов по группе продуктов питания.

По всем же обследованным городам Украины базарная крестьянская торговля по своим оборотам дает около 32% всей торговли сел.-хоз. продуктами (поскольку в меньших городах она играет большую роль), доставляя, таким образом, треть всех сел.-хоз. продуктов городам. По отдельным же группам удельный вес сельской базарной торговли достигает в Киеве 80% (яйца, овощи).

См. „Вісник статистики України"—Эпштейн. „Базарна селянська торгівля харчовими продуктами в містах України 1927/28 року". 1929 р., № 1, стр. 104.

летие на 50—60% и рабочий приступил к более нормальной стройке своих расходов.

Структура рыночных расходов киевского рабочего

(Удельный вес трат в %% к реализуемой на рынке части)

Статьи \ Годы	1922/23 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Продукты питания	62,2	65,3	63,3	60,2	56,7
Одежда и туалет	23,9	21,7	24,2	24,0	26,8
Хоз. инвентарь	1,4	3,3	2,7	4,4	5,6
Топливо и осветит. материалы	10.3	5,8	5,4	6,6	6,4
Алкоголь и наркотики	2,2	3,0	3,5	3,7	3,4
Прочие	—	0,9	0,9	1,1	1,1

Это, прежде всего, сказалось на повышении удельного веса расходов на питание, которое до 1924/25 г. было недостаточно удовлетворительно, на снижении удельного веса трат на одежду и туалет, непомерно высоких в восстановительный период, поскольку рабочий должен был обеспечить своей семье необходимый минимум товаров этой группы, вне зависимости от нормальных порций бюджета, ибо без этого минимума рабочий и его семья не могли бы сплошь да рядом выходить из дому и т. д.

Второе трехлетие знаменуется совершенно иными сдвигами. Здесь, на ряду с непрерывным снижением удельного веса трат на пищу, растет значение расходов на одежду и туалет, хозяйственный инвентарь и т. д. Все эти сдвиги указывают на материально крепнущий бюджет, поскольку за счет первоочередных, относительно скоро насыщаемых, потребностей растут траты на более периферийные нужды.

Несколько иные сдвиги наблюдаются в бюджете служащего, заработная плата которого возрастала значительно медленнее, чем у рабочего.

Изменения эти представлены на помещенной ниже аналогичной таблице:

Статьи \ Годы	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Предметы питания	62,4	63,5	64,4	64,6
Одежда и туалет	21,1	21,8	22,5	23,0
Хозяйств. инвентарь	2,1	2,2	2,0	1,9
Топливо	12,2	9,8	8 3	7,8
Алкоголь и наркотики	2,2	2,7	2,8	2,7

Главнейшее отличие бюджетов рабочего и служащего заключается в том, что у последнего повышается удельный вес трат как на предметы питания, так и на одежду и туалет. Это достигнуто ценой снижения удельного веса расходов на хозяйственный инвентарь и топливо. Служащий, с более замедленным ростом зарплаты, несущий к тому же бремя прежних привычек к повышенному пищевому рациону, восстанавливает его прочнее и продолжительнее, чем рабочий. На ряду с этим, ему приходится восстанавливать свой одежный инвентарь, порядком потрепанный за годы войны и революции. Все это, служащий, как говорилось, осуществил относительным сокращением трат на топливо и хозяйственный инвентарь, представленный в его хозяйстве в гораздо большем об'еме, чем у рабочего.

Проанализировав, таким образом, бюджеты трудящихся, можно приступить к построению примерной модели бюджетов трудящихся в будущем.

Соображения, которые следовало бы положить в основу дальнейших построений можно свести к указанным ниже.

До конца пятилетия вряд ли целесообразно было бы менять удельный вес трат на продукты питания,[1] хотя, как известно, крепнущему бюджету свойственно снижение удельного веса этой группы. Дело в том, что и у рабочего и у служащего Киева в 1927/28 г. (а особенно в 1928/29 г.) снижение относительного значения трат на продукты питания связано было отчасти и с некоторым ухудшением пищевого рациона (рост цен); в связи с этим, проектируя стабилизацию веса расходов этой группы, удастся наметить перестройку пищевого рациона трудящихся в сторону более дорогой и питательной пищи.

Расходы на одежду и туалет должны будут в абсолютных размерах заметно возрасти за счет роста потребления, а с другой стороны уменьшиться, вследствие снижения цен. Поэтому, вряд ли следует ожидать заметного повышения удельного веса трат на эту группу. К тому же и товарные ресурсы, судя по опубликованным материалам, будут здесь все же неким, ограничивающим потребление, лимитом.[2]

Наиболее интенсивный рост следует ожидать, видимо, по группе хозяйственного инвентаря.

Если расходы на питание будут ограничены относительной полнотой удовлетворения этой потребности, а расходы на одежду и туалет некоторой недостачей этих товаров, то расходы на предметы хозяйственного обихода, являющиеся в большинстве недефицитными, должны явиться тем каналом, по которому должна быть направлена значительная часть прироста заработной платы. Увеличение расходов на эту группу товаров отнюдь не противоречит тенденциям самого бюджета рабочего. Из приведенной выше таблицы видно, что удельный вес расходов анализируемой статьи за 6 лет возрос в четыре раза.

---

[1] Надо все время иметь в виду, что здесь, как и всюду, речь идет о реализуемой на рынке части бюджета.

[2] Само собой разумеется, что влияние снижения цен на структуру потребления далеко не так просто. Однако, поскольку всех многообразных изменений здесь учесть нельзя, приходится исходить из наиболее типичных возможностей. „При определенных ценах известный вид товаров может занимать на рынке лишь определенное место; при измении цен место это может оставаться неизменным лишь в том случае, если повышение цен совпадает с уменьшением количества товаров и л и понижение цен с увеличением количества товаров". (разрядка наша *Л. У.*). (К. Маркс „Капитал" т. III, изд. 1922 г., стр. 157). Поскольку же повышение количества ныне дефицитных товаров к концу пятилетия, очевидно, не в состоянии все же будет удовлетворить полностью возросшего спроса, то, надо полагать, что при снижении цен здесь должно будет произойти незначительное изменение удельного веса трат, скорее всего, в сторону некоторого понижения. Это обстоятельство подтверждается также и тем, что удельный вес трат на одежду и туалет в иностранных бюджетах, а также и в довоенных русских, несмотря на высоту тогдашних покровительственных пошлин, значительно ниже, чем у нас. (см. Гамбургские бюджеты в кн. И. М. Дубинской „Бюджеты рабочих семейств на Украине в 1925/27 г." 1928 г., стр. 88; И. Б. Липкес „Годовые бюджеты киевских рабочих 1925/26 г.", стр. 76; данные из материала обследования Карадога Джонса см. журнал „Journal of the Royal statistical society",1928, part IV, vol XCI, p. 483. — London).

У служащего же, хотя и происходило уменьшение удельного веса трат на эту группу, но это связано было с тем, что замедленное восстановление его пищевого рациона и одежного инвентаря не давало ему еще возможности приняться за восстановление своего «основного капитала». Дальнейший рост материального благополучия рабочего и служащего должен будет несомненно повлечь за собой пополнение и хозяйственного инвентаря, обнимающего собой чрезвычайно широкую номенклатуру товаров от «веника до рояля».

По линии этой же группы будет, главным образом, итти расширение номенклатуры потребностей рабочих, культивирование новых предметов; здесь должна быть наиболее усилена активная роль кооперации, как организатора потребления. Здесь, наконец, должен сконцентрировать свою регулирующую и стимулирующую силу рабочий кредит.

Потребности же этой группы почти безграничны. Они могут растягиваться вширь и вглубь в прямой зависимости от роста дохода. Они находятся на стыке физических и культурных потребностей и в своей верхушечной части переступают группу последних (украшение жилища, музыкальные инструменты, радио). Поэтому, здесь можно ожидать наибольшего возрастания удельного веса трат.

Улучшение жилищных условий рабочих, с связи с тем, что процесс перемещения в более благоустроенные помещения нельзя считать уже завершенным, должно будет вызвать стабилизацию или даже некоторый рост значения трат на топливо, тогда как у служащих следует ожидать стабилизации или даже некоторого снижения удельного веса этой статьи.

Наконец, по понятным соображениям, надо рассчитывать на снижение потребления алкоголя и наркотиков.

Таковы те, наиболее общие качественные изменения в структуре бюджета, которые следует ожидать в бюджете трудящихся.

Что же касается количественных определений, то, тут, естественно, невозможно установить какие-либо коэфициенты всеобщей значимости. Они будут определяться местностью, характером населения, условиями снабжения и т. д.

Построив на основании изложенных соображений примерную модель бюджета рабочих и служащих (а затем средне-взвешенного бюджета трудящихся), можно перейти непосредственно к построению ассортимента розничной торговли.[1]

Но предварительно необходимо выявить степень соответствия между структурой бюджета и оборота.

(В %% к итогу розничного оборота и реализуемой на рынке части бюджета.)

Она иллюстрируется приведенной ниже таблицей (см. стр. 241).

Первое, что сразу же обращает на себя внимание при обозрении помещенной выше таблицы, — это тяготение оборота к бюджету трудящихся. Это особенно отчетливо выявляется по основным группам — питания, а также одежды и туалета, занимающим 85 — 90% всего оборота товаров потребительского назначения.

Расхождение же по второстепенным группам обусловлено разнообразными причинами (просачивание части хозяйственного инвентаря за

[1] Влияние остальных групп населения, доходы которых будут к концу пятилетия составлять, например в Киеве, не более 20%, а в других центрах и того меньше и которые по своей средней доходности и бытовым навыкам в подавляющем размере приближаются то к группе рабочих, то к группе служащих, столь ничтожно, что его можно без большой погрешности элиминировать.

пределы города, прохождение топлива и осветительных материалов по различным каналам с неучитываемым оборотом и т. д.).

Удельный вес отдельных групп в бюджете и обороте

(В %% к итогу розничного оборота и реализуемой на рынке части бюджета).

Статьи оборота и бюджета \ Годы	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	Расхожд. между бюдж. и оборотом, в %%	
				1925/26 г.	1927/28 г.
1. Продукты питания:					
В обороте	55 0	57,1	61,2	15,2	0,3
В бюджете трудящихся	63,4	62,5	61,0		
2. Одежд и туалет:					
В обороте	32,6	31.0	25,9	42,4	4,8
В бюджете трудящихся	22,9	23,0	24,7		
3. Хозяйственный инвентарь:					
В обороте	6,6	5,8	6,1	175,0	74,3
В бюджете трудящихся	2,4	3,1	3,5		
4. Топливо и осветит. материал:					
В обороте	1,8	2,0	1,8	333,3	300,0
В бюдж трудящихся	7,8	7,5	7,2		
5. Алкоголь и наркотики:					
В обороте	4,0	4,1	5,0	29,0	72,4
В бюджете трудящихся	3 1	3,2	2,9		

Самый факт смыкания бюджета и оборота является вполне закономерным явлением. Он об'ясняется процессом замыкания городов вокруг своего населения, стремлением их к самообслуживанию.

Городские центры, вследствие централизации нашего оборота, утрачивают свою товарораспределительную и распорядительную роль; их торговый аппарат все больше ограничивается обслуживанием населения, проживающего в городской черте.

Построив таким образом, примерную модель бюджета трудящихся к концу пятилетия, выявив связь между структурой бюджета и оборота, нетрудно перейти, далее, к построению ассортимента розничного торга. Предварительно следует, однако, продумать, какие изменения претерпит расхождение между бюджетом и оборотом в будущем.

Нет возможности на этом останавливаться здесь особо. Можно лишь отметить, что вряд ли существующие «ножницы» между структурой бюджета и оборота претерпят коренные передвижки своего раствора.

Таким образом, и с этой стороны не встречается особых затруднений для построения ассортимента розничного оборота. Имея, таким образом, структуру розничного оборота, можно затем распределить обороты по секторам, на основе динамики охвата каждой группы в прошлом и директивных указаний на будущее.

В дальнейшем же, если необходимо планировать какую-нибудь крупную торговую организацию, то после выявления ее места в оборотах каждой товарной группы, следует производить более детальное расчленение оборотов на основе тех же бюджетных материалов, с той целью, чтобы на их основе построить уже планы прочих элементов в деятельности торговой организации (сеть, склады, транспорт и т. д.).

Таковы те пути, которыми можно получить примерную схему оборотов городской торговли. Само собой разумеется, что применяя рекомендуемые методы, приходится прибегать к произвольным допущениям и приемам, но их здесь относительно меньше, ибо построение плана проходит все время на основе относительно большего количества твердых отправных точек.

С. К. Кондрашев

Вопросы освоения орошаемых земель в хлопковых районах

Под освоением обычно понимают создание хозяйства на вновь орошаемых землях и приведение его в такое устойчивое состояние, которое обеспечивает полный засев отведенных площадей и получение урожаев проектной высоты. Для достижения этих целей недостаточно окончить постройкой оросительную систему, которая обычно предусматривает лишь доведение воды до границ водного околодка площадью около 130—200 *га*. Дальше должно следовать построение мельчайшей сети с доведением воды до границ каждого надела (4—5 *га*) в случае индивидуальных хозяйств или до границ каждой орошаемой площадки при организации совхозов. Это называется ирригационным освоением. За этой гранью начинается ряд последовательных работ по хозяйственному освоению. Работы эти таковы: разбивка в натуре границ новых хозяйств сообразно ранее выработанному плану землеустройства, проведение грунтовых дорог, постройка мостов, заселение, снабжение переселенцев орудиями производства, ссудами на домообзаведение, а также семенная и продовольственная помощь до первого урожая, организация агротехнической помощи засевщикам, организация сети опытнопоказательных и кооперативных пунктов, проведение засельщиками внутринадельной сети, а совхозами — до границ каждой орошаемой площадки, планировка засельщиками или совхозами полей, посадка садов и древонасаждений, постройка школ и больниц, а для крупных участков, кроме того, постройка городов, под'ездных веток, энергетического хозяйства и пр.

Этот примерный перечень работ по хозяйственному освоению далеко не полон, но и он достаточен для оценки многочисленности и сложности работ по созданию новой хозяйственной жизни на вновь отвоеванных у пустыни землях. Поэтому, будет вполне правильным утверждение, что с завершением строительных ирригационных работ, борьба за урожай не кончается, а только начинается. Успешное проведение этой борьбы требует не только значительных денежных и материальных средств, создания специального хорошо слаженного органа, заранее согласованного, единого, беспросчетного и отчетливого плана и усиленной работы в первый период самих засельщиков; эта борьба требует еще и времени. За отсутствием собственного широкого опыта по освоению — нельзя привести отчетных сведений о потребных для него средствах и времени. Проектные и плановые материалы последнего времени предполагают, что полное освоение потребует около трех лет времени и вложений от 200 до 800 руб. на *га*, в зависимости от типа создаваемого хозяйства, степени участия засельщиков трудом в самом процессе освоения и размера того имущества, с которым засельщики приходят на новое пепелище.

Вопросам освоения вновь орошаемых земель местная плановая и техническая мысль до 1929 г. не придавала серьезного значения и их не разрабатывала в достаточной мере. Такое положение можно об'яснить тремя причинами:

а) Организационной оторванностью органов водхоза, где находилось строительство и эксплоатация, от НКЗемов, ведавших землеустройством и переселением.

б) Распыленностью прироста на период 1922—1929 гг., происходившей главным образом за счет мобилизации ранее выпавших из культуры земель.

в) Перегруженностью местных органов текущей работой, не позволявшей им итти впереди событий.

Летом 1925 г. автором настоящей статьи на заседании в Ташкенте при существовавшем тогда УполСТО был выдвинут вопрос о необходимости проработки проблемы освоения. Однако, это предложение не нашло отзвука среди собравшихся и не было признано имеющим актуальное значение. По мнению участников заседания, в обстановке средне-азиатского недостатка орошаемой земли и значительного количества безземельных, заботы об освоении представлялись в значительной степени излишними. Делалась, следовательно, ставка на заселенческую стихию и самотек.

Перспективные планы по ирригации того времени не предусматривали на освоение ни средств, ни времени. Составители их, очевидно, полагали, что освоение будет произведено средствами переселяющегося населения и что урожай может быть получен в год окончания ирригационного строительства.

В период 1926—1929 гг. произошло несколько обстоятельств, которые доказали необходимость полного овладения освоением, его тщательной предварительной подготовки и значительной государственной помощи населению при осуществлении освоения. При этом создался ряд неожиданных осложнений с освоением, которые можно разбить на три категории:

а) Освоение идет впереди строительства. Это происходит в обжитых районах, за счет улучшения эксплоатации и, хотя молекулярной, но массовой и непрерывной работы самого населения. При благоприятной экономической обстановке, наличии малоземелья и хороших, но пока необрабатываемых земель, такого рода процесс может продолжаться неопределенно долго, так как теоретические границы более рационального использования оросительной воды достаточно широки (примеры: Уч-Курган, Янги-Арык, Зеравшаню-Хорезм и др.).

б) Освоение запаздывает сравнительно со строительством или дает малый коэфициент земельного использования в силу непроизводства необходимых мелиоративных культур, технических работ и других поичин.

в) Освоение запаздывает в силу отсутствия в данном районе достаточных кадров засельщиков и непредусмотрения планом освоения переселения из других перенаселенных районов Средней Азии (Боссага-Керки) и, наконец,

г) Освоение запаздывает или производится в крайне ограниченной мере, в силу неблагоприятных природных, главным образом, почвенных условий ирригационно-подготовленного участка.

Новый темп развития хлопководства требует и нового темпа освоения. Прирост освоенной хлопковой площади к 1932/33 г. по первоначальной прикидке должен быть сравнительно с исходным годом пятилетнего периода около 900 тыс. *га* против 460 тыс. *га* прежнего плана, а освоенный прирост всей орошаемой площади к весне 1933 г. должен достичь около 1,7 млн. *га* против 1 млн. *га* первой пятилетки. Эти цифры в ближайшее время будут уточняться, но их масштаб достаточно характерен для заданий по освоению. Подобная обстановка создает условия, в которых освоение должно происходить ускоренным темпом. В связи с этим следует изучить неожиданности, а иногда и неудачи с освоением в недавнем прошлом, и учесть этот опыт для ближайшего будущего.

Практика ирригационных систем Средней Азии последних лет знает несколько случаев, когда освоение идет впереди постройки. Эти случаи относятся большей частью к старым системам, намеченным к коренному переустройству. Наличие неиспользованных или временно заброшенных земель и режим источника орошения позволили населению шаг за шагом непрерывно расширять размеры обрабатываемой площади. Из таких примеров можно указать на Южный Хорезм. В 1924/25 г., когда возникла мысль и организация по переустройству оросительных систем Южного Хорезма, их орошаемая площадь исчислялась в 101 тыс. *га*, а к 1927/28 г. эта площадь повысилась до 167 тыс. *га*. Нет сомнения, что до времени приступа к переустройству оросительных систем Южного Хорезма их освоения площадь возрастет еще больше. Та же картина замечается по Зеравшану. По-

Землянка, врытая в косогор, переселенцев-самовольцев, не получивших надела. Сел. Молдаванка под г. Фрунзе, Киргизия.

ливная площадь по Самаркандскому водному округу в 1923/24 г. равнялась 152 тыс. *га*, а в 1927/28 г. она возрасла до 222 тыс. *га;* по Зеравшанскому округу в 1924/25 г. поливалось 62 тыс. *га*, а в 1927/28 г.— 99 тыс. *га*. Отчетных данных за 1928/29 г по всей Зеравшанской системе еще нет, но по плану прирост был намечен — в 30 тыс. *га*. Интересны случаи с Уч-Курганом и Янги-Арыком; в 1927/28 г., когда составлялись проекты переустройства этих систем, предполагалось, что по Уч-Кургану прирост орошаемой площади будет 9,5 тыс. *га*, а по Янги-Арыку — 16 тыс. *га*. В период, когда проекты уточнялись и проходили положенные им инстанции орошаемая площадь на этих системах подросла, что уменьшило ожидавшийся прирост по Уч-Кургану до 5 тыс. *га*, а по Янги-Арыку — до 11 тыс. *га*.

К примерам, когда освоение идет впереди постройки, добавим лишь случай с Ат-Башинским участком, строящейся Чуйской системы (Киргизия). Постройка эта, как известно, была начата до войны. Тогда же в ожидании скорого орошения, Атбашинский участок был землеустроен и заселен, при чем был образован ряд поселков. Это было в 1912 г. Последующие события не позволили работу окончить, неокончена она и поныне, но поселки просуществовали до приезда автора в 1929 г. и будут, повидимому,

существовать и дальше, впредь до орошения этих земель. Вообще, все окрестности Фрунзе отличаются ускоренным процессом освоения. Сам город растет во все четыре стороны, при чем засельщики не требуют никаких коммунальных удобств и кредитов. Особенно резко этот процесс бурного освоения выражен на восточной стороне: город незаметно переходит в пригород, пригород смыкается с сел. Лебединским, затем идет Новый Петроград (выселок Лебединского), далее без перерыва Покровское, а потом Дмитровское. Каждое из сел тянется на несколько километров и располагается вдоль шоссированного Токмакского тракта и ничем не отличается от окраинных улиц Фрунзе.

Справедливость требует отметить, что опыт стихийного освоения уже начинает учитываться. Некоторые из наиболее прогрессивных органов водного хозяйства в своих планах делают ставку на руководство и помощь этой стихийной тяге самого крестьянства к расширению своей орошаемой площади. Так, например, вполне определенно поставлен вопрос о дополнительном освоении земель в Каракалпакской автономной области. Там в качестве центральной проблемы пятилетнего плана поставлено удвоение орошаемой и хлопковой площади к 1932/33 г., при чем выполнение этой задачи Управление водного хозяйства КАО думает произвести главным образом не за счет нового строительства, а за счет дополнительного освоения. Это освоение произойдет в большей степени за счет мобилизации окружающих хозяйств, ныне пустопорожних, пространств. Подобный процесс поэтому справедливо было бы назвать не дополнительным освоением, а, так сказать, «присвоением». Произойдет такое «присвоение» путем понижения современного гидромодуля с 0,75 *ск/лт* на 1 *га* до 0,60 и повышения коэфициента полезного действия систем с 0,40 до 0,60. В 1932/33 г. 65% площади будет орошаться из переустроенной сети, что возьмет на себя государство. Население же сделает дополнительную мелкую и мальчайшую сеть и планировку.

Перейдем к случаям, когда освоение запаздывает в силу отсутствия длительных о нем забот. Было бы несправедливым полагать, что заботы об освоении с завершением землеустройства, или вскоре после этого кончаются. Примером тому может служить современное состояние Голодной Степи. Эта система орошала в 1925 г. 43,6 тыс. *га*, а в 1928 г. — 65,1. Рост орошаемой площади произошел как за счет форсирования пропускной способности канала (59,5 *ск/м*^{3} в 1925 г. и 70,5 *ск/м*^{3} в 1928 г.), так и за счет повышения коэфициента полезного действия (с 0,38 до 0,52). В результате более жесткого водопользования, оросительная способность *ск/м*^{3} поднялась с 640 *га* в 1925 г. до 890 *га* в 1928 г. Число хозяйств в Голодной Степи насчитывается около 12.500, средний размер надела — 8 *га*, а средняя площадь пашни одного хозяйства — 5 *га*. Столь невысокий коэфициент земельного использования об'ясняется комплексом причин, обусловливающих высокий модуль; высокий модуль в свою очередь об'ясняется:

а) малой поливной струей (применяется большей частью 30 — 40 *ск/лт.*, между тем, как требуется 70 *ск/лт; б)* невыровненностью полей; в) чрезмерной величиной орошаемой площадки: 1—2 *га* в крестьянских хозяйствах и до 3 и даже 6 *га* на семхозе Пахма-Арал; г) плохим оборудованием мельчайшей сети и д) недостаточностью и невысокой квалификацией низового ирригационного аппарата.

Расширение орошаемой площади в Голодной Степи до сего времени шло в большей степени за счет форсирования пропускной способности магистрального канала. Теперь же наступил период, когда суммарный прирост орошаемой площади должен получаться за счет форсирования коэфициента земельного пользования внутринадельных земель. Надо срочно изучить

причины неполного освоения наделов, надо заранее подготовиться к более полному и быстрому освоению тех новых земель, какие будут вновь орошаться в Голодной Степи.

Обратимся теперь к случаям задержки освоения неподготовкой заселения при отсутствии дехканского самотека и напора.

Незадолго до приезда автора в Среднюю Азию (летом 1929 г.) в местной прессе появились известия о задержках в освоении вновь орошенных земель по Боссага-Керкинскому каналу. Нужно сказать, что Боссага-Керкинская система является крайне интересной и до некоторой степени исключительной системой, с следующими особенностями:

а) Своеобразным условиям питания — головной шлюз расположен далеко от реки, вода поступает через систему протоков, при чем начало главного из них находится за пределами СССР, на Афганской территории;

Склад неразобранного европейского с.-х. инвентаря в Ширкоте Кизыл-оях, Керк. окр.

б) По условиям питания распределителей; в магистраль спускается больше воды, нежели это требуется для орошения, при чем излишек воды сбрасывается в пески Кара-Кум. Сброшенная вода, при технической помощи работников УВХ, неуклонно проходит к Келифскому узбою. Таким образом, сброс Боссага-Керкинского канала может послужить началом новой системы;

в) На 2, 4 и 6 распределителях, где все население об'единено в артели, на площади старого орошения, разбитого на орошаемые площадки и имеющего мелкую сеть, постройки, насаждения и проч., вновь проведена мелкая и мельчайшая сеть по прямым линиям, для чего потребовались, где это вызывалось необходимостью, разрушение зданий и вырубка деревьев (что уже сделано), а также новая планировка полей (что еще предстоит), потому что старая планировка была приспособлена к старой сети, ныне забрасываемой;

г) Значительное количество земель по всей системе пустует, много полей старой культуры, построек и насаждений, заброшено. Ныне это — земли Госфонда, образованного из хозяйств эмигрантов, ушедших в Афганистан. Брошенные, закультивированные, но не обрабатываемые земли встречаются на всем протяжении канала от г. Керков до афганской границы.

Основные цифровые показатели по Боссага-Керкинской системе (получены в Госплане ТССР) таковы: площадь командования 22 тыс. *га*, удобных земель 16 тыс., в том числе тугайных 4 тыс. *га*. Всего в 1929/30 г. будет освоено 12 тыс. *га* (кроме тугайных), было же засеяно в год приступа к строительству 3,7 тыс.*га* и заброшено — 2,1 тыс. *га*. Из этих данных явствует, что значительная часть культурных земель была заброшена, а потому обстановка не благоприятствовала быстрому освоению нового прироста, если бы даже он и был возможен по условиям наличия ирригационно - подготовленной площади. Те артели, которые автору удалось видеть в 1929 г. около Кизил-Аяка, находились на площадях старого орошения, но с вновь построенной сетью. Таким образом, отождествлять ирригацию этих артелей с освоением прироста орошаемых земель было бы неправильно. Было бы вообще неправильным ожидать быстрого и действительного освоения действительного прироста в условиях, когда пустует 36% даже закультивированной площади. Не было ли целесообразней переселить из других районов Туркмении безземельных туркмен другого племени, нежели ушедшие в Афганистан (момент — крайне важный по местным родовым отношениям), а затем уже после полной мобилизации всех ранее обрабатывавшихся земель, приступить к переустройству канала для получения действительного прироста.

Канал мелкой сети на 6-м распределителе переустроенной Боссага-Керкинской системе. По бокам видны вдали — разрушенные постройки.

Керкинский случай позволяет сделать следующие выводы:

а) Освоение не может итти быстрым темпом, если нет в данном районе массового стремления получить землю и если в этих условиях заблаговременно не организовано массовое переселение из других районов республики.

б) В условиях, подобных керкинским до полного исчерпания ранее обрабатывавшихся земель нельзя говорить о приросте вновь орошенных земель и об освоении этих земель в точном и прямом значении этих понятий.

в) Ожидание немедленного освоения в условиях, подобных керкинским, может быть об'яснено лишь неполным представлением конкретной обстановки на местах.

Керкинский случай является антиподом Янки-Арыкскому и Уч-Кунганскому. В Керках из-за отсутствия населения (или других причин) 50% запаханной тракторами для населения земли оказалось в 1929 г. незасеянными (в тугаях не засеяно из запаханного тракторами до 90%). В противоположность этому в Фергане факт увеличения орошаемых посевов в районах предстоящего, но еще не произведенного, строительства, является неожиданностью для составителей проектов. Разгадка этих противоположных явлений кроется в наличии или отсутствии помощи по работам со стороны самого населения. В случаях, когда эта работа сопрягается с ирригационным строительством, можно ожидать быстрого и дешевого освоения; когда же напор со стороны населения отсутствует — освоение будет медленным, дорогим и потребует массы организационных забот.

Ручное мотыженье хлопчатника в артели Кизыл-Тепе, около Кизыл-Ояка по Боссага Керкинской системе.

Было бы несправедливым полагать, что Керкинский случай единичен. В целом ряде других районов освоение ими, вернее, расширение орошаемой площади могло бы итти более быстрым темпом, если бы в эти районы, обильные водой и землей, приселялось бы население из переуплотненных округов. В той же Туркмении по каналу Клыч-Ниаз-Бай (Ташаузский округ) по определению местных работников Упрадиса можно в короткое время без особых трудностей получить прирост до 20 тыс. *га*. Этот район автор в 1929 г. об'ехал на лодке и действительно был поражен, с одной стороны, многоводностью упомянутого канала, а с другой — обилием неиспользуемых земель. Если бы НКзем Туркмении начал бы сюда массовую переброску людей из перенаселенного и изсыхающего Теджена, то темп расширения орошаемой площади здесь сделался бы совсем иным, нежели в настоящих условиях. Правда, перенаселение совершается и сейчас, но оно производится в масштабе нескольких десятков семей и скорее поэтому напоминает лабораторный опыт, нежели народнохозяйственное мероприятие. Неизвестно также, почему этим районом не заинтересуется Главхлопком, так остро нуждающийся в земле для своих семхозов.

Приблизительно в таком же положении находятся все хлопковые и оросительные перспективы Таджикистана. Без массового переселения сюда из других районов (и в первую очередь из перенаселенного, но высоко-культурного по технике полеводства Ходжентского округа) нет гарантий в реализации намеченных для Таджикистана заданий. Медленность освоения можно наблюдать почти по всем законченным до сего времени ирригационным работам в Закавказье. Из ирригационно подготовленных в 1928 г. земель (по Кара-Сахкалу, Айгер-Гелю, водокачкам и Приараксинской ветке на Мугани) освоена весьма незначительная часть. Во всех этих случаях причиной медленного освоения в ЗСФСР является недостаточная подготовка заселения и отсутствие или неорганизованность самотека.

Из всего сказанного выводы напрашиваются сами собой. Практику предоставления освоения самотеку, забота о нем от случая к случаю и после окончания ирригационных работ нужно оставить как можно скорее. Нужно, наоборот, — ввести в практику заблаговременную выработку планов освоения и практику столь же серьезного их обсуждения и утверждения, как это делается со строительными проектами. Нужно организационно овладеть освоением и для этого создать специальные межнациональные органы в Средней Азии и Закавказье при краевых экономических центрах. В составе республиканских НКЗемов нужно создать специальные ячейки по переселению. Существующий отрыв органов водного хозяйства от НКЗемов должен быть заменен самым тесным сотрудничеством как в этапах до, так и после окончания строительства. В своей работе по организации и проведению освоения НКЗемы должны мобилизовать активность низовых советских органов и мелиоративной кооперации. При проведении мельчайшей сети и дренажной сети, а также планировки полей нужно мускульную силу людей заменить конной или еще лучше тракторной тягой. В состав переселяемого контингента желательно включить демобилизуемых красноармейцев, они будут технической силой вновь заселяемых районов, и, наконец, весь план освоения нужно строить с таким расчетом, чтобы период времени от конца строительства до конца освоения был бы минимален.

Henrich Grossmann. Das Akkumulations und Zusammenbruchsgesetz Kapitalistischen Systems.

Генрих Гроссман. „Закон накопления и крушение капиталистической системы." Том XI, 629, Лейпциг, 1929 г.

Вышедшая в начале 1929 г. книга Гроссмана посвящена самому актуальному вопросу современности — связи между капиталистическим накоплением и крушением капиталистической системы, а потому и должна быть изучена с особенным вниманием. Интересна она и тем, что автор германский „левый" социал-демократ, и постановка им вопроса показывает, как мысль о революционном взрыве преломляется в среде социал-демократов наиболее „революционно настроенных".

Разбор произведения Гроссмана облегчается тем, что вопрос ставится им конструктивно безукоризненно: первая глава Untergang d. Kapitalismus in d. bisherigen Darstellung (стр. 1—77) является обозрением состояния современной теоретической мысли по вопросу о крахе капитализма; вторая глава Zusammenbruchsgesetz (стр. 78 — 286), дает обоснование краха капитализма; третья глава Modifizierende Gegentendenzen (стр. 287—629)— излагает обстоятельства, осложняющие реализацию „закона краха" и его действие в условиях конкретного капитализма.

Работа Гроссмана затрагивает побочно многие проблемы теоретической экономии и критически разбирает мнения нескольких сот буржуазных ученых и марксистов по вопросам, которые, по мнению автора, связаны с изучаемой им темой. Мы принуждены, однако ограничиться в рецензии разбором концепции Гроссмана в целом и сопоставлением ее с построениями Маркса и Ленина, только вскользь затрагивая некоторые из его многочисленных экскурсов, вовсе не касаясь его полемики с представителями буржуазной и правой социал-демократической науки. Здес, кстати отметим, что чисто буржуазных ученых и социал-демократов из числа откровенных апологетов капитализма Гроссман критикует довольно резко, иногда сильно, иногда поверхностно, но всегда с остроумием или, по крайней мере, с острословием. В этих частях его работа интересна тем, что он впервые дает с марксистской точки зрения (на словах во всяком случае), систематический обзор и критику буржуазной литературы по вопросам капиталистического накопления и о революционном взрыве, при чем использует литературу до самых последних месяцев 1928 г.

В первой главе Гроссман разбирает мнения целого ряда авторов, таго или иначе высказывавших свой взгляд о „вечности" или историчности капиталистической системы, невозможности, возможности или неизбежности крушения капитализма и о характере этого крушения.

Разобраны мнения Сисмонди, Кларка, Маршаля, Диля, Бернштейна, Каутского, Люксембург, Экштейна, Симковича, Зомбарта, Шпитгофа, Сореля, Массарика, Шумпетера, Михельса, Кунова, Маркса, Брауналя, Бухарина. Харазова, Будина, Туган-Барановского, Бауэра, Гильфердинга, Мизеса и многих других.

Гроссман резко критикует опортунизм откровенных апологетов капитализма типа Каутский-Гильфердинг. С другой стороны приведя и разобрав по вопросу о крахе капитализма суждения даже самых бездарных буржуазных ученых, даже самые пошлые и нелепые „теории", Гроссман совершенно „забыл" теорию Ленина.

Из сторонников ленинской точки зрения Гроссман ограничивается разбором положений т. Бухарина. Ошибочный тезис т. Бухарина о том, что революция мыслится только в результате второго тура империалистических войн — позволяет Гроссману встать в революционную позу и критиковать большевистскую концепцию „слева".

„Для Бухарина крушение капитализма результат, правда, опосредствованных в экономике, но по отношению к ней трансцендентных причин. Наоборот, для Маркса крушение следствие имманентных причин, вытекающих из самых экономических закономерностей капиталистического механизма (48 стр.).

Неудачная формулировка т. Бухарина исправлена и на X пленуме ИККИ т. Куусиненом и многими другими ораторами и во всяком случае позицией Коминтерна не является. Необходимо указать также и на то, что Ленин, считая, что вероятней всего крах капитализма произойдет в результате империалистической войны— никогда не утверждал, что только при помощи войны может произойти революция.

Однако, в критике большевистской концепции Гроссман идет дальше: „учение о крахе капитализма в результате империалистической войны — опирается только на специфические русские особенности, не имеющие никакого отношенмя к другим войнам и другим странам".

Для доказательства Гроссман приводит пример целого ряда войн, ведшихся с XII века, которые не вызывали краха капитализма и пролетарских революций (стр. 48—50).

Рассуждения Гроссмана до конца вскрывают его меньшевистскую физиономию:

1) для него Октябрьская революция специфический русский результат — отметим, что если для него до сих пор существует Россия в форме совокупности царских губерний, то на самом деле это Союз советских республик, в которых пролетарская диктатура устанавливалась в течение целого ряда лет, союз, в котором мирно сожительствуют десятки национальностей. Наконец, не мешало бы Гроссману вспомнить и то что революция в результате империалистической войны была не только в „России", побеждала она и в Венгрии, и в Баварии. Революция, не установившая диктатуры пролетариата, но шедшая от революционных масс независимо, и наперекор с.-д. имела место и во всех частях Германии.

2) Гроссман делает исторический экскурс на 800 лет назад и не желеет язвительности, указывая, что в Амальфи в 1135 г., хотя флот и погиб, пролетарской революции не произошло, тоже было в Пизе в 1290 г. и во всех последующих войнах.

„Экскурс" изумительно наивен, — ведь промышленного пролетариата в этих почтенных и других средневековых городах не было, как не было и промышленного капитализма, не говоря уже о капитале финансовом, о сращении промышленного капитала с банковским. Ведь большевики, связывая революционный взрыв с войной, имели в виду только эпохи империализма, при том войны мирового масштаба и с необходимостью порожденные капиталистическими же и не только „терминологическими", а многочисленными в колоссальной интенсивности противоречиями, о которых Гроссман, если он так не любит работы коммунистов и не хочет читать „Империализма" Ленина, мог бы почитать у мелко-буржуазного автора начала XX века — Гобсона („Империализм").

Гроссман попросту отказывается от изучения основного и самого надежного пути к мировой революции, закрывает глаза и на утверждение пролетарской диктатуры на $^1/_6$ части земного шара, и на события, имевшие место после войны в его собственном государстве.

Однако, хотя Гроссман игнорирует самое важное обстоятельство, обусловливающее неизбежность пролетарской революции, пойдем вместе с ним дальше, так как вывод крушения капитализма из „имманентного, мирного, капиталистического развития" имеет для нас также интерес. Этому вопросу посвящается вторая глава его книги, задача которой „состоит в том, чтобы показать, как процесс капиталистического воспроизводства, вследствие причин, вытекающих непосредственно из хозяйственного кругооборота, ведет в конечном счете к крушению капиталистической системы".

Для решения этой проблемы, Гроссман берет... известную схему Бауэра, пытающуюся показать, что внутри самого капиталистического производства страны чистого капитала, не имеющей внешних рынков, возможен рост капиталистического накопления.

Продолжив Бауэровскую схему (которая исходит из положения, что постоянный капитал ежегодно возрастает на 10%, а переменный, а, значит, и численность занятых рабочих на 5%), Гроссман с торжеством указывает, что на 35 году ее начинает образовываться промышленная резервная армия, а вместе с нею на другом полюсе образуются капиталы, которые невозможно использовать.

В послесловии к 2 изданию I тома „Капитала" — Маркс писал: „Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь". Гроссману фактов реальной действительности не нужно, он берет совершенно произвольную схему Бауэра, настолько произвольную, что прирост населения в ней взят равным пяти процентам в год, т.-е. пять раз больший обычного, так что, если схему Бауэра употреблять для реальной жизни, сроки ее придется удлинить в пять раз и гроссмановский „крах" наступит, (т.-е. промышленная резервная армия образуется) на сто семьдесят пятом году.

Однако, почему думает Гроссман, что возникновение резервной армии и невозможность избежать ее в данной схеме обязательно обозначает крах капитализма? Ведь если бауэровская схемка и ее гроссмановское продолжение не позволяют никаких осложнений, то в реальном капиталистическом мире существует кредитная система способная пополнить любое подразделение схемы, в нем нуждающееся (о роли ее см. хотя бы тот же „Империализм" Ленина), с другой стороны, существует или может мыслиться массовая эмиграция, могущая удалить рабочие руки лишние для гроссмано-бауэровской схемы.

Наконец, самое главное: схема Гроссмана не только схоластична, — она в политическом отношении контр-революционна, а в теоретическом — противоречит основам марксизма. По Марксу промышленная резервная армия возникает не на 35 бауэровском году (или 175 году астрономическом), а немедленно, и не только в „чистом" капиталистическом обществе, но и во всяком, в котором капиталистические формы производства получили некоторое развитие.

Вопрос, который так живо ставит и так удивительно „решает" Гроссман, — был разрешен еще Марксом.

Так, в главе I тома „Капитала" „Всеобщий закон капиталистического накопления" Маркс выясняет, какое влияние оказывает развитие капитализма на условия существования пролетариата. Гроссман не заметил „слона", который заключается в том, что „вся характерная для современной промышленности форма движения возникает из постоянного превращения некоторой части рабочего класса в незанятые или полузанятые рабочие руки" (Маркс: „Капитал", т. I, стр. 650). Отсюда, вытекает ряд сложнейших диалектических последствий, ведущих к краху капиталистической системы.

Что можно сказать о бедном „марксисте" Гроссмане, который забывает сформулированный Марксом „Всеобщий закон капиталистического накопления". Подобно всем другим законам, в своем осуществлении он модифицируется многосложными обстоятельствами, анализ которых сюда не относится" (Маркс, цитируемые слова).

„Растут: гнет, рабство, вырождение и эксплоатация. Но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, все возрастающего в своей численности, воспитываемого, об'единяемого и организуемого самим механизмом капиталистического процесса производства" (Маркс цитируемые слова).

Больше того, марксов закон получил полное подтверждение в Западной Европе в первой половине XIX века и в XX веке, и на всем остальном земном шаре с момента капиталистического внедрения, при чем перенаселение в самой острой форме существует и в Китае, и в Индии, и в Италии, и в Африке, и в современной Англии, перенося образование промышленной резервной армии на 35 бауэровский год, или на 175 астрономический капиталистический год. Гроссман гораздо более реакционен, чем, например, Зомбарт и те западно-европейские марксисты, которые не мнят себя ортодоксами.

Схема Гроссмана схоластична, безграмотна и реакционна одновременно.

Маркс совершенно правильно отмечал, что абсолютный всеобщий закон капиталистического накопления „в своем осуществлении модифицируется многосложными обстоятельствами" — эту фразу цитирует и Гроссман.

Однако, для Маркса осложнения закона накопления закона перенаселения лежат в области перенаселения, и основным является открытие новых рынков... и т. д., которое вызывает повышение заработной платы" („Капитал", т. I, стр. 627).

Война 1914 — 1918 гг. по мнению Гроссмана, отдалила крушение капитализма на 10 бауэровских лет (с 30 года бауэровской схемы в предвоенные годы мировой капитализм вернулся к 20 Гроссман). выводит это отдаление краха из факта гибели ценностей. Он забывает только: 1) крах капитализма на $^1/_6$ земного шара и образование СССР, 2) что война вызвала колоссальную, до войны невиданную капиталистическую рационализацию в Соед. Штатах, которая привела к капиталистической рационализации, т.-е. ускоренному вытеснению постоянным капиталом переменного, и другие страны мира, 3) что война обострила все империалистические, т.-е., в конечном счете, экономические противоречия, 4) что война прекратила массовую разгрузку Европы от излишнего населения — очень многое еще не учитывает по вопросу о роли империалистической войны Гроссман, оперируя со своей произвольной схемой.

Что можно сказать в заключение? — Гроссман игнорирует основной ближайший путь мировой революции — через империалистические войны, обоснованный теоретически Лениным и целиком оправдавшийся после мировой империалистической войны, игнорирует и другой основной путь к мировой революции — через постоянно нарастающее ухудшение условий существования пролетариата в условиях и „мирного развития", указанный Марксом; не анализирует Гроссман и конкретной экономической и политической действительности. Вместо этих путей Гроссман идет по линии математического развития схоластически и произвольно построенной схемы Бауэра, и из нее приходит к своим специфическим выводам, которые не выдерживают столкновения ни с марксистско-ленинской теорией пролетарской революции, ни с конкретными основными фактами реальной действительности.

Гроссман выполняет основную задачу „левого меньшевизма": — затушевывает настоящие пути мировой революции и с них толкает пролетарскую науку на извилистую тропинку, ведущую в тупик „чистой меньшевистской схоластики".

Р. Новицкий.

Проф. Г. С. Гордеев. „Основные проблемы сельскохозяйственной экономии“, т. I, изд-во „Новый Агроном“, Москва, 1929 г., стр. 391. Ц. 3 р. 90 к.

Сел.-хоз. экономия, как наука насчитывает уже свыше сотни лет своего существования. Однако до самого последнего времени она развивалась на основе буржуазной и мелко-буржуазной политической экономии. Марксисты начали заниматься вопросами экономики сельского хозяйства лишь с 90-х годов прошлого столетия, когда перед рабочим движением Западной Европы был поставлен для разрешения крестьянский вопрос (дискуссия в германской социал-демократии). В России, тоже с 90-х годов, сначала в связи с борьбой народничества и марксизма, потом в связи с разработкой аграрной программы социал-демократической партии, во всей широте был поставлен так называемый аграрный вопрос.

После Октябрьской революции, когда пред пролетариатом встала задача социалистического переустройства деревни, задача завоевания университетских кафедр и воспитания агрономической молодежи в марксистско-ленинском духе встал вопрос о науке марксистской сел.-хоз. экономии, о ее предмете, системе и методе, а также и разрешении ряда неразработанных проблем по существу.

Тов. Гордеев рекомендует нам свой курс, как „первую попытку сконструировать марксистскую сел.-хоз. экономию“ (стр. 5). Это неверно. В нашей экономической литературе зарегистрировано уже несколько „попыток“. Так, например, проф. Кажанов угостил нас, читателей и своих слушателей 4—5 вузов СССР, где он занимает кафедры сел.-хоз. экономии, такой попыткой — в виде курса „Сельскохозяйственная экономия“ (Изд. „Новая Деревня“, Москва, 1929 г.). Марксисты, читавшие самую книгу и рецензию на нее тов. Сулковского („Аграрный Фронт“, № 2, 1929 г.) уже сделали для себя вывод, что попытка Кажанова не удалась и что „дух“ буржуазной идеологии продолжает господствовать над головой почтенного профессора.

Рецензируемая книга представляет собой первый том курса, который включает в себя: вопросы методологии, обзор эволюции сельского хозяйства, земельную ренту, земельный вопрос, учение о капитале, рабочий вопрос, закон падающей производительности, учение об интенсивном и экстенсивном сельском хозяйстве и теории мелкого и крупного хозяйств. Первый вопрос, который встает пред каждой наукой, вопрос о ее „самоопределении“,— о предмете, системе и методе науки. Эту проблему проф. Гордеев разрешает следующим образом: „Теоретически же предмет сел.-хоз. экономии имеет много общего с содержанием политической экономии, при чем область рассмотрения общественных отношений переносится на сельское хозяйство. Если политическую экономию назовем общим, то сел.-хоз. экономия может быть названа частным“ (13 стр.).

„Все содержание сел.-хоз. экономии можно обнять следующим определением: сел.-хоз. экономия есть дисциплина, изучающая общественные отношения людей, возникающие в процессе производства и обмена товаров в капиталистическом сельском хозяйстве“ (32 стр.). Необходимость выделения сел.-хоз. экономии из политической экономии обосновывается тем, что „сельское хозяйство представляет целый ряд деталей и особенностей, требующих более подробного рассмотрения и специального анализа“ (стр. 14).

На стр. 33 эти особенности автор сводит к наличию земельной ренты в капиталистическом сельском хозяйстве, что оказывает влияние на все стороны экономики этой отрасли. „Сел.-хоз. экономия начинается там, где система политической экономии, прилагаясь к сел.-хоз. производству, модифицируется под действием земельной ренты со всеми последствиями, которые она вызывает (33 стр.).

Таким образом, в книге тов. Гордеева мы имеем совершенно правильную, но как увидим позднее, недостаточно конкретизированную установку в вопросе о предмете и задачах сел.-хоз. экономии. Приводя мнения буржуазных ученых, которые также считают сел.-хоз. экономию частью политической экономии (Илай, Тэйлор, Бруцкус), автор упустил отметить, что их понимание политической экономии (а отсюда и сел.-хоз. экономии) ничего общего не имеет с марксизмом. Следовательно, мнения этих экономистов совпадают с мнением автора лишь формально. В противовес мнению некоторых экономистов, автор совершенно правильно утверждает, что сфера сел.-хоз. производства имеет одну главную особенность — наличие частной земельной собственности. Других принципиальных особенностей нет. Земельная собственность накладывает отпечаток на проявление всех экономических категорий в области сельского хозяйства.

Далее, автор предлагает „схему курса сел.-хоз. экономии“, которая значительно расходится с пониманием им предмета сел.-хоз. экономии. Схема расходится и с построением рецензируемого курса.

„Схема“ состоит из 23 тем, которые можно сгруппировать в три больших раздела: I — вводная часть темы 1 и 2, II — экономия капиталистического сельского хозяйства (с 3 по 16 тему) и III — экономия сельского хозяйства переходного периода (с 17 по 23 тему).

Выше тов. Гордеев утверждал, что сел.-хоз. экономия — наука о капиталистическом сельском хозяйстве, а здесь он включает в сел.-хоз. экономию и переходный

период. Почему это так делается — тов. Гордеев не об'ясняет.

Несмотря на то, что тов. Гордеев признает диалектический метод единственно правильным для сел.-хоз. экономии, и в отдельных темах владеет им прекрасно, в вопросе предмета сел.-хоз. экономии он немного отступает от диалектики. Маркс учил, что все явления, в том числе и экономические категории, надо рассматривать в их развитии, т.-е. изучать их от зарождения до исчезновения. Целиком и полностью это относится к категориям сел.-хоз. экономии. Этот момент в книге тов. Гордеева, по крайней мере в методологической части, не подчеркнут. Поэтому, в понимании земельной ренты, интенсивности, учение о капитале и т. д. чувствуется определенный разрыв капиталистической экономики от экономики докапиталистической и послекапиталистической (переходный период). Советскую сел.-хоз. экономию необходимо выделить в особый раздел, как это правильно и делает тов. Гордеев, но методологическую связь каждой темы сел.-хоз. экономии капитализма с соответствующей проблемой советской сел.-хоз. экономии надо также обязательно установить.

Просматривая отдельные темы в „схеме курса“, мы здесь не видим „земельной ренты“, хотя в рецензируемой книге ей отведено свыше 100 страниц (28% всей книги). А ведь земельная рента — неотъемлемая часть курса политической экономии. Тов. Гордеев перенес ее целиком из политэкономии, а не „модифицировал“ ее, как это делается им по отношению к другим категориям политической экономии.

Совершенно недостаточна и необоснована „схема“ в части, касающейся переходного периода (темы с 17 по 23). Три темы из семи (экономические категории переходного периода, проблема регуляторов и система планового хозяйства) в сел.-хоз. экономию не входят. Остальных четырех тем (из всех 23) для изучения сел.-хоз. экономии и в переходный период абсолютно недостаточно. Возможно, что автор боялся вторгнуться в пределы курса аграрной политики, куда пытаются перенести многое из сел.-хоз. экономии переходного периода. Но боязнь напрасная. Известно, что курсы аграрной политики, в педагогической практике, не идут дальше изучения истории аграрной программы партии и конкретных вопросов работы партии в деревне (кредитная, налоговая и т. п. политики). Теории отмирания капитализма в сельском хозяйстве и его социалистического переустройства должны быть одной из главнейших и больших частей сел.-хоз. экономии. Этого требуют сама жизнь и практика социалистического строительства.

Переходим к конкретным темам. Вторая глава дает общий обзор хозяйственных форм, включая сюда докапиталистические формы, капитализм и социализм. Научного значения данная глава не имеет, но для студентов вузов, где преподавание истории отсутствует, она является необходимой и вводит в круг вопросов собственно сел.-хоз. экономии.

Главы III, IV и V посвящены теории земельной ренты, глава VI — вопросу о национализации земли.

В виду тесной связи всех глав между собой, мы остановимся на всех их в совокупности.

Из буржуазных экономистов, писавших о земельной ренте, автор достаточно подробно останавливается на классиках (Рикардо, Тюнен, Андерсон), австрийцах (Менгер, Шумпетер) и англо-американцах (Кларк). Таким образом, все главнейшие школы политической экономией охвачены в их главнейших представителях. Потом, автор переходит к Марксу, изложение которого ведется в том порядке, какой имеет место в III томе „Капитала“. Относительно много внимания уделяется дифференциальной ренте и очень мало абсолютной ренте.

Известно, что теория земельной ренты Марксом не конкретизирована так, как это сделано по отношению к другим категориям политической экономии. Этим и об'ясняется особый интерес к проблеме со стороны современных экономистов-марксистов и наличие перманентной дискуссии по этому вопросу на страницах наших журналов. Тов. Гордеев сам принимал участие в этой дискуссии, а в своем курсе многие дискуссионные проблемы им опущены. А между тем, из практики работы в вузах нам известен огромный интерес студенчества к дискуссионным проблемам. Именно на них молодежь учится самостоятельно применять диалектический метод.

На ряду с общими вопросами теории земельной ренты, в последние годы усиленно дебатировался вопрос о земельной ренте в советских условиях. В дискуссии выявились прямо противоположные точки зрения (например, Берзтыс признавал все виды ренты в наших условиях, другие, наоборот, их отрицали). Точка зрения тов. Гордеева в этом вопросе является наиболее правильной. Автор признает категорию ренты только в капиталистическом секторе нашего сельского хозяйства. Однако вопроса о дифференциальном доходе „самостоятельных“ производителей в сельском хозяйстве СССР тов. Гордеев не касается, а это было бы необходимо для изучения всех проблем, „прилегающих“ к капиталистической земельной ренте. Совершенно недостаточно освещен вопрос о социальной сущности аренды в наших условиях. Дело в том, что аренда не только выражает докапиталистическую ренту (стр. 154), но и является специфической для переходного периода в том смысле, что служит средством перераспределения прибавочной стоимо-

сти кулацких хозяйств (кулаки арендуют землю у бедноты). Этот вопрос заслуживает пристального внимания.

Роль землевладения в развитии народного хозяйства и проблема национализации земли в условиях капитализма освещены достаточно полно. Зато ничего не сказано о национализации земли в условиях переходного периода.

Глава о законе падающей производительности представляет собой лучшее из всего, что написано на эту тему марксистами. Особенно ценным представляется нам взятый тов. Гордеевым метод подхода к вопросу и вытекающая отсюда классификация многочисленных версий „закона". Автор группирует все теории на три категории, трактующие „закон": 1) как проблему технико-агрономическую, 2) как проблему организации хозяйства и 3) как проблему экономическую. Пользуясь диалектическим методом автор раскрывает перед читателями „нутро" каждой теории, их внутренние противоречия и классовую сущность. В опровержение каждой версии „закона" автор приводит многочисленные фактические данные, большинство из которых публикуются впервые (особенно ценны американские данные).

Главы VIII (Учение о капитале) и X (Учение об интенсивном и экстенсивном сельском хозяйстве) трактуют собственно один вопрос — в о п р о с о к а п и т а л е в с е л ь с к о м х о з я й с т в е.

Автор дает сначала общие определения понятий капитала и его органического строения. В дальнейшем, дается классификация элементов сел.-хоз. капитала и критика подобных классификаций буржуазными экономистами. Этим и заканчивается учение о капитале. В заключение делается вывод, что производительность труда в сельском хозяйстве растет, в связи с ростом капиталовложений. Такие вопросы, как вопросы оборота сел.-хоз. капитала, накопления и воспроизводства, несмотря на их огромнейшее значение в сел. хоз. экономии, автором не только обойдены, но даже не поставлены. Известно, что Маркс этим вопросам придавал огромное значение и свою теорию воспроизводства начинал с анализа особенностей оборота капитала. Во II томе „Капитала" мы находим даже прямые указания Маркса по этому поводу, специально относящиеся к сельскому хозяйству.[1] Особенности оборота капитала в земледелии, отмеченные им, оказывают огромное влияние на процесс воспроизводства в сельском хозяйстве. Все эти вопросы тов. Гордеевым упущены. Поэтому, многочисленные фактические данные, приведенные как в VIII, так и в X и, особенно, XI главах, в сильной мере теряют свою ценность.

Глава X посвящена также проблеме капитала в сельском хозяйстве, хотя она и носит заглавие „Учения об экстенсивном и интенсивном сельском хозяйстве".

Содержание проблемы автор м сводится к следующим вопросам: 1) рост капиталовложений в сельском хозяйстве, 2) понятие интенсивности и взгляды на вопрос буржуазных экономистов, 3) интенсивность, как историческая категория, 4) интенсивность в крестьянском хозяйстве, 5) факторы интенсивности и закономерность интенсификации, 6) формулы интенсивности, 7) органическое строение капитала, 8) предел интенсивности.

„Интенсификацией сельского хозяйства будет называться рост вложения капитала на один и тот же участок земли; интенсивностью сельского хозяйства будет называться уровень затраты капитала на данный участок земли. Чем выше будет уровень затрат,— тем выше будет интенсивность" (28 стр.). Понятие интенсивности автор отграничивает от понятий производительности, рентабельности и рациональности. Интенсивность, по тов. Гордееву, — историческая категория, свойственная только капитализму.

„Интенсивность — не логическая, а историческая категория. Не может капитал прилагаться к земле не в капиталистическом обществе". Поэтому, ни в крестьянском, ни в социалистическом хозяйстве „не будет проблемы интенсивности в том смысле, как это понимается в капиталистическом обществе" (282 стр.). Разбирая мнения буржуазных экономистов о факторах интенсивности, автор приходит к выводу, что „интенсификация сельского хозяйства происходит под влиянием роста производительности труда, который ведет к повышению накоплений и расширению народного хозяйства". Этим самым автором исключается возможность интенсификации при падении производительности труда, что вполне допустимо, и непосредственно следует из формулы интенсивности. По тов. Гордееву, формула интенсивности заключается в отношении капитала (K) к площади земли ($\mathcal{З}$), т.-е. $\frac{K}{\mathcal{З}}$. Дальше эта формула конкретизируется и K разлагается на $C+v$. Следовательно, процесс интенсификации возможен при падении органического состава капитала, что всегда связано с падением производительности труда. Здесь т. в. Гордеев явно противоречит сам себе тем более, что несколько ниже он вводит понятия интенсивности низкого и высокого органического состава капитала. Из необходимости выразить высоту органического состава капитала и связать ее с об, абатываемой площадью автор приходит к выводу, что под K нужно понимать весь капитал а не только издержки производства, как это делают Ужанский и Бринкман. Свой взгляд он обосновывает ссылками на Маркса и Ленина, хотя ни тот ни другой не разбирали проблему интенсивности в том аспекте, как это ставится тов. Гордеевым. Все возражения против понимания интенсивности, ее формул и факторов Бринкманом, Студенским и др. в общем правильны. Но когда речь идет о понимании K, как всей суммы инвестированного капитала, тут доказательства автора становятся малоубедительными. В самом деле, предположим, что имеются два предприятия, в которых работает по одному трактору. В одном предприятии трактор работает 1 год и стоимость его равна 3.000 руб., а в другом предприятии — 3 год и стоимость его равна 1.000 руб. Обрабатываемая площадь ($\mathcal{З}$) и затраты переменной части капитала одинаковы (по 1.000). По тов. Гордееву мы будем иметь такое выражение интенсивности:

$$\text{I предприятие } \frac{3000\,c+100}{\mathcal{З}}=\frac{3100}{\mathcal{З}}$$

$$\text{II „ } \frac{1000\,c+100}{\mathcal{З}}=\frac{1100}{\mathcal{З}}$$

т.-е. получается разная интенсивность хозяйств, несмотря на то, что в действительности интенсивность одинакова. Если же брать $c+v$, как издержки производства, то получится, что интенсивность будет одинакова в обоих предприятиях. Другими словами, издержки производства на единицу площади точнее отображают интенсивность разных сел.-хоз. предприятий. В связи с этим, есть смысл поставить общий вопрос о необходимости особого выделения проблемы интенсивности в курсах сел.-хоз. экономии. Уж очень кажутся надуманными всякие определения интенсивности, чрезвычайно оторванные от реального процесса технической реконструкции сельского хозяйства. Не лучше ли было лишить проблему интенсивности мнимого самостоятельного значения и связать ее с особенностями строения сел.-хоз. капитала и его изменений, под влиянием растущих производительных сил. С другой стороны, общая часть вопроса об интенсивности должна быть неотъемлемой частью учения о земельной ренте (особенно диференциальной ренты I) и „закона" убывающей производительности (версия Маслова и др.).

Последняя глава книги посвящена вопросу о крупном и мелком хозяйстве и о росте сел.-хоз. техники. Теоретическая часть главы выполнена хорошо, если не считать ряда упущений второстепенного характера (например, не разрешен вопрос статистического соизмерения размеров предприятий, хотя приведены мнения многих авторов). Глава изобилует большим количеством ценного фактического материала. Пожалуй, было бы лучше, если бы автор не приводил многочисленных, часто очень второстепенных и скучных ученых почти по каждому случаю, что только запутывает общие идеи, положенные в основу всех суждений автора. Это замечание можно отнести почти ко всем главам работы.

В настоящей рецензии мы обращали внимание, главным образом, на недочеты работы и только потому, что нами руководило стремление об'ективно нащупать наиболее слабые места книги для того, чтобы их в дальнейшем изжить. Это отнюдь не означает, что книга не имеет положительных сторон. Отчасти на них мы уже останавливались. Но главное достоинство книги, несмотря на указанные недостатки, заключается в том, что она в ы д е р ж а н а с м а р к с и с т с к о й т о ч к и з р е н и я.

Указанные недостатки отражают на себе детские болезни марксистской сел.-хоз. экономии, болезни ее бурного роста в последние годы.

Мы считаем, что книга тов. Гордеева б у д е т с л у ж и т ь не только у ч е б н и к о м д л я в у з о в с к о й м о л о д е ж и, чего она целиком заслуживает, но и явится с и л ь н е й ш и м с т и м у л о м к д а л ь н е й ш и м м а р к с и с т с к и м и с с л е д о в а н и я м по с е л.-х о з. э к о н о м и и. Нам думается, что курс тов. Гордеева знаменует собой переход марксистской сел.-хоз. экономии на путь положительного разрешения проблем, так как до сего времени главное внимание было устремлено на критику буржуазных течений.

Таким образом, если рецензируемая книга является уже не первой попыткой сконструировать курс марксистской сел.-хоз. экономии, как мы отметили выше, то она все же является п е р в о й у д а ч н о й п о п ы т к о й.

Ф. А. Хоробрых.

[1]) Маркс. „Капитал", т. II, гл. XII, стр. 165 и гл. XIII, стр. 168 и след. Изд. „Пролетарий", 1923 г.

„Советская торговля". Е ж е н е д е л ь н ы й о р г а н Н а р о д н о г о К о м и с с а р и а т а в н е ш н е й и в н у т р е н н е й т о р г о в л и С С С Р (а н а ч и н а я с № 42 з а 1928 г. и Р С Ф С Р) и т о р г о в ы х п р е д с т а в и т е л ь с т в з а г р а н и ц е й. Из-во НКТорга СССР и РСФСР, Москва, №№ 1—52 за 1928 г. и 1—38 за 1929 г.

На протяжении минувшего года и 9 месяцев текущего года журнал „Советская Торговля" значительно подвинулся вперед по пути своего усовершенствования и охвата стоящих перед ним задач. Новые цели, выдвинутые редакцией журнала на 1928 г. (в передовой № 1 за 1928 г.), сводились, в основном, к следующему: 1) расширение круга сотрудников за пределы ведомства, т. е. привлечение новых

авторов, 2) усиление систематической публикации разного рода обзорных материалов, в частности, обзоров состояния основных товаропроводящих систем, 3) расширение круга заграничных сотрудников журнала (преимущественно по линии торгпредств) и 4) пополнение корреспондентской сети, с целью улучшенного освещения районного товарооборота.

Содержание большинства статей продолжает отличаться теми же недочетами, которые мы уже отмечали в рецензии о „Советской Торговле" за 1927 г.[1] Вопреки указанию редакции на достижение еще в 1927 г. „органической слитности освещения вопросов внутреннего и внешнего товарооборота в целом" (№ 1 за 1928 г.), в действительности статьи, помещенные и в 1928 и в 1929 гг. отличаются, как правило, резко выраженным односторонним характером. Они попрежнему останавливаются или на внутреннем, или на внешнем товарообороте. Не говоря уже об „органической слитности", до сих пор редакции не удалось добиться хотя бы более или менее механического соединения трактовки вопросов под углом зрения внутреннего и внешнего рынков.

Равным образом, большинство статей продолжает характеризоваться и другим общим недочетом, который мы подчеркивали в прошлом году. Это — решительное преобладание общесоюзного масштаба в ущерб освещению приводимых материалов в районном разрезе. К немногим благодарным исключениям в этой области следует отнести интересную статью П. Лещинского „Районы РСФСР в экспортной работе" (№ 9 за 1929 г.).

И наконец, касаясь общих недочетов, свойственных отделу статей в целом, мы должны вновь подчеркнуть сугубозлободневный уклон помещаемых в этом отделе материалов. Если в 1927 г. „Советская Торговля" хоть изредка опубликовывала статьи, посвященные пятилетним перспективам товарооборота, то в 1928 и 1929 гг. вопрос о пятилетнем плане совершенно исчез со страниц журнала (если не считать передовую в № 26 за 1929 г., посвященную лишь постановке вопросов пятилетки товарооборота, выносимых на общественный смотр в Наркомторге). Причиной тому служит, вероятно, уделение места для подобных вопросов перспективного характера в ежемесячнике „Вопросы Торговли". Однако, учитывая: 1) огромное значение связанных с пятилетним планом проблем, все теснее сплетающихся с вопросами текущего планирования и 2) невозможность освещения в „Вопросах Торговли" целого ряда специальных вопросов пятилетнего плана товарооборота, редакция „Советской Торговли" должна в ближайшее же время отказаться от своего „обета молчания" в указанной области и вплотную заняться, на ряду с текущими торгово-политическими делами, и анализом более отдаленных перспектив.

В области внутреннего товарооборота, в свою очередь, обращает на себя внимание преимущественно раз'единенное освещение вопросов, связанных с рынками либо сел.-хоз., либо промышленных товаров. Этот раз'единенный анализ приводит к особенно неблагоприятным последствиям в сфере вопросов продовольственного снабжения населения, которое не находит на страницах журнала достаточного освещения. Лишь в редких случаях журнал стирает грани между пищевыми товарами сел.-хоз. и промышленного происхождения (как, например: передовая—„Снабжение рынка жирами"—в № 47 за 1928 г. и статья Л. Залкинда „Перспективы и мероприятия в области продовольствия в 1929/30 г." в № 34 за 1929 г.).

Что касается статей, посвященных отдельным товарам, то за рецензируемый период следует отметить значительное расширение круга сел.-хоз. товаров, подвергаемых специальному анализу. Все же в области сел.-хоз. товаров главное внимание журнал попрежнему уделяет хлебу, останавливаясь при этом преимущественно на вопросах, связанных с заготовительным рынком. Вопросы же, соприкасающиеся со снабжением населения хлебом (а также и рядом других продуктов питания), играющие столь крупную роль, в связи с испытываемыми в течение последнего года трудностями, освещаются в чрезвычайно недостаточной мере. То обстоятельство, что „Советская Торговля" почти не откликается на такие злободневные и важные вопросы, как, например, вопрос о заборных книжках, в разрез с основной установкой редакции на злободневность материала (передовая в № 1 за 1928 г.), является существенным упущением, которое должно быть учтено в последующей работе журнала.

В отношении статей об отдельных промышленных товарах заслуживает упоминания крайне неравномерное освещение различных промтоварных рынков. Из 15—16 статей, помещенных на эти темы в 1928 г., 5 статей приходится на долю сел.-хоз. машин, а о таких товарах, как минеральные удобрения, большинство пищевкусовых продуктов (в указателе за первое полугодие 1928 г. статья о чайном рынке в № 3 ошибочно включена в раздел „сел.-хоз. рынки") и др., мы не находим за весь год никаких статей. Это свидетельствует о том, что редакция, повидимому, еще находится в значительной мере во власти „самотека" материалов. Путь продвижения статей от автора до страниц журнала должен стать об'ектом более действенного регулирования редакции.

[1] См. „Плановое Хозяйство" № 3 за 1928 г.

Некоторая неравномерность в освещении отдельных проблем дает себя чувствовать и в статьях, посвящаемых внешней торговле. Эта „диспропорция" обнаруживается, прежде всего, между анализом экспорта, которому отводится очень много места (особенно по линии так называемого второстепенного экспорта) и импорта, о котором за весь 1928 г. было помещено лишь 5 статей (в том числе за второе полугодие только 1 статья — о рационализации импорта — в № 51). Отмеченная особенность должна быть рассмотрена и под углом зрения роли отдельных союзных республик во внешней торговле СССР. Тогда как журнал уделяет значительное внимание освещению внешнеторговых операций Украины и Закавказья (частично и Белоруссии), вопрос об участии РСФСР и Средне-Азиатских республик во внешней торговле Союза остается совершенно незатронутым на страницах журнала. И, наконец, статьи на темы о международной торговле, общее число которых за 1928 г., примерно, вдвое меньше, чем в предыдущем году, оставляют в стороне целый ряд крупных вопросов из области мирового рынка (хлопок, шерсть, кожи, лес и др.). Это неполное освещение в отделе статей вопросов, связанных с анализом мирового рынка, служит признаком недостаточного выполнения одного из пожеланий самой редакции журнала — о привлечении заграничных сотрудников.

Отдел обзоров, во исполнение вышеотмеченных пожеланий редакции, был на первых порах несколько расширен, путем введения систематической публикации материалов о государственной торговле и о кооперативном обороте. Однако, это новшество не удержалось до конца минувшего года и обзоры „очередных вопросов государственной торговли" после № 30, а обзоры „очередных проблем кооперативного оборота" после № 43 — прекратили свое существование.

Тем самым, в отношении систематически публикуемых обзорных материалов, журнал восстановил свой прежний облик. В этом отделе, следовательно, попрежнему давал себя знать крайний недостаток обзоров товарооборота отдельных республик и областей. Не взирая на указанную задачу пополнения печатаемых материалов в районном разрезе, журнал в течение рецензируемого периода недостаточно подвинулся вперед в этом направлении. Число обзоров торговой жизни отдельных районов несколько увеличилось, но среди них чувствуется все еще определенное „засилие" крупнейших центров (Украина, Ленинград и т. п.), тогда как другие районы остаются не освещенными.

Некоторым восполнением упомянутого пробела является публикация довольно большого количества местных корреспонденций в хронике, в специальном отделе „На местах", при чем число этих корреспонденций обнаруживает отрадную тенденцию к неуклонному росту. Все же и здесь наблюдается преобладание крупных центров (Москва, Ленинград, Харьков, Ростов н/Д, Саратов), при крайней недостаточности материалов из Белоруссии, Закавказья, Средней Азии, вновь организованных областей др.

В дальнейшем, поэтому представляется необходимым установление постоянных корреспондентских связей со всеми республиками и областями, с тем, чтобы, от времени до времени, каждая из них получала освещение в отделе „На местах". На ряду с этим, следует пожелать, чтобы редакция включала в число периодически публикуемых материалов специальные обзоры товарооборота в районном разрезе, призванные отражать особенности отдельных местных рынков, отличающие их от изображаемой общесоюзной картины, а также и межрайонные торговые связи.

Обзоры, посвящаемые зарубежным странам, характеризуются прежнею полнотой охвата большинства государств, представляющих тот или иной интерес с точки зрения СССР. В этой области обращает на себя внимание лишь отсутствие данных о некоторых странах Ближнего Востока (Афганистан, Персия), безусловно заслуживающих освещения на страницах „Советской Торговли".

Отдел „Товарные рынки и цены" ведется без каких-либо существенных изменений, сохраняя свой установившийся круг товаров. При значительной широте этого круга, которую мы отмечали уже в прошлом году, все же нельзя признать перечень обозреваемых товаров исчерпывающим все запросы, предъявляемые к этому отделу журнала. В своей дальнейшей работе журнал должен учесть неуклонно повышающийся интерес планирующих и регулирующих органов к проблеме продовольственного снабжения страны, с одной стороны, и к рынку предметов домашнего обихода и культурно-просветительного характера, с другой стороны. В связи с этим, указанный отдел должен включить в свой состав переодические обзоры, посвящаемые: 1) мясному и овощному рынкам (за весь истекший период 1929 г. было помещено лишь 2 обзора мясного рынка в №№ 3 и 8 и один обзор овощного рынка в № 37) и 2) таким предметам, как мебель, швейные машины, книги, радио, граммофоны и т. п.

Совершенно не выполнена задача журнала, направленная на усиление связи с торгпредствами. Несмотря на вышеизложенное пожелание самой редакции и на задачи журнала, за весь 1928 г. и за 9 месяцев 1929 г. было помещено лишь по 3 заметки о работе торгпредства и

других советских организаций в Германии. Подобное положение представляется чрезвычайно ненормальным и должно подвергнуться изменению в ближайшее же время. Эта задача имеет огромное значение вследствие того, что большинства прежних самостоятельных изданий отдельных торгпредств ныне не существует.

Отдел „Рационализация торговли", переименованный со второго полугодия 1928 г. в „Вопросы торговой практики", изобилует попрежнему большим количеством интересных материалов о повседневной работе советского товаропроводящего аппарата и его важнейших изменениях и усовершенствованиях. Что же касается соответствующего заграничного опыта, то он получал оценку почти исключительно на примере Германии и то лишь в начале 1928 г. В виду большой важности учета всех рационализаторских мероприятий, проводимых в торговле зарубежных стран (в частности и в особенности С.-А.С.Ш.), следует настаивать на том, чтобы журнал возобновил и расширил публикацию заметок об иностранной торговой практике.

Аналогичное замечание может быть сделано и в отношении хроники „Советской Торговли". В то время, как внутренняя торговая хроника широко отражает все, что происходит в области товарооборота СССР (результаты деятельности правительственных и регулирующих органов, работа госторговли и кооперации, рационализация торговли, ее финансирование и кредитование, капитальное строительство, акционерные общества, биржи, ярмарки и т. п.), в хронике мирового хозяйства мы не находим ответа на многие вопросы, представляющие значительный интерес (как например, о производстве и потреблении целого ряда товаров).

С той же точки зрения мы должны высказаться и по поводу данных, помещаемых в отделе „Статистика". Статистические материалы, освещающие внутренний товарооборот, за истекший период пополнились некоторыми новыми публикациями (торговый оборот по республикам и по товаропроводящим системам, сел.-хоз. заготовки по районам и др.). Наоборот, публикуемые данные из области международной статистики еще более сократились и ограничиваются самым ничтожным количеством более или менее случайных публикаций.

Библиографический отдел „Советской Торговли" характеризуется в рецензируемый период большей полнотою по сравнению с предыдущим годом. Однако, помещенные в журнале рецензии отличаются, поневоле, очень небольшими размерами и недостаточной глубиной анализа. Учитывая при этом возможность публикации более обширных и основательных отзывов в „Вопросах Торговли", редакция „Советской Торговли" поступила бы наиболее правильно, если бы впредь отказалась от опубликования на своих страницах каких бы то ни было рецензий и вместо этого помещала бы более частые и более полные указатели литературы по товарообороту (в 1928 г. такие указатели были напечатаны лишь в №№ 9 и 24, а в 1929 г. только в № 4 и 18—19).

Перечень всех перечисленных отделов журнала был пополнен начиная с июля 1929 г. новым постоянным отделом „Социалистическое Соревнование", в котором помещаются заметки о ходе соревнования в различных звеньях товаропроводящего аппарата.

За рецензируемый период редакция выпустила ряд специальных номеров, целиком или в большей части посвященных описанию тех или иных итогов товарооборота в районном и отраслевом разрезах. Сюда относятся: итоги 1927/28 г., результаты с'езда торготделов РСФСР, товарооборот ЗСФСР, УССР и Сибири, итоги Советско-Германской экономической конференции, итоги рационализации товаропроводящего аппарата и контрольные цифры по внешней и внутренней торговле на 1929/30 г.

Все вышеизложенные замечания позволяют сделать вывод о том, что журналу „Советская Торговля" на протяжении рецензируемого периода еще не удалось избавиться от ряда более или менее существенных недочетов. Тем не менее, журнал продолжает расти и совершенствоваться и становится из года в год все более полезным и необходимым источником многочисленных и многообразных сведений о товарообороте СССР и иностранных государств.

Сав. Гессен.

„Мировое хозяйство на рубеже 1929 г." Под ред. Л. Я. Эвентова, Г. А. Фельдмана и Л. А. Мендельсона. Изд. „Плановое Хозяйство". Москва. 1929. 280 стр.

Вышедший в свет ежегодник „Мировое хозяйство на рубеже 1929 г." представляет собой новое явление не только в нашей периодической литературе, но и отчасти в мировой. Ежегодники по мировому хозяйству появлялись у нас неоднократно и ранее: напомним, например, о соответствующих изданиях ЦСУ, Центросоюза (под ред. С. А. Фалькнера), Кон'юнктурного Института НКФ. Но все они носили, как это обычно наблюдается и заграницей, исключительно статистический характер, представляя собой сборники, весьма ценного, но чисто табличного материала, расположенного по той или иной программе. Осмыслить эти груды статистических данных под силу было лишь лицам, близко соприкасающимся с соответственными проблемами мирового хозяйства. Неискушенный же читатель носился по этому морю цифр „без руля" методологических указаний и „без ветрил" экономической интерпретации и, естественно, часто тонул в нем.

Иной характер носит рецензируемый нами ежегодник, впервые выпущенный Секцией Мирового Хозяйства Госплана. Он выгодно отличается от своих предшественников тем, что в нем центральное место занимает экономический анализ важнейших фактов и процессов мирового хозяйства за 1928 г., построенный на широком фоне интересно и детально освещенных структурных сдвигов, имевших место запослевоенный период, табличному же материалу и диаграммам отведена второстепенная роль.

Таким образом, этот ежегодник удовлетворяет интересам более широкого круга читателей, чем сборники старого типа, являясь в то же время по своему богатому содержанию и широкому охвату весьма ценным пособием для лиц, специально посвятивших себя изучению мировой экономики.

Рецензируемый ежегодник делится по своему содержанию на три основных раздела: 1) положение отдельных стран, 2) важнейшие отрасли мирового хозяйства (в оглавлении, очевидно, по недосмотру, напечатано „народного хозяйства") и 3) основные отрасли мировой промышленности. Указанным разделам предпослана содержательная статья Б. Эвентова, в сжатом виде набрасывающего общую картину основных процессов мирового хозяйства за 1928 г.

Тов. Эвентов подчеркивает обострение внешних и внутренних противоречий капиталистического мира в итоге первого послевоенного десятилетия, столь богатого достижениями в деле реконструкции мирового хозяйства. Это обострение особенно сказалось в стремлении европейских стран к освобождению от американской гегемонии, чему в значительной мере содействовало финансовое укрепление Европы, где „создались предпосылки для политики, независимой от американского капитала", и, главным образом,—в борьбе англо-американских интересов, являющейся существенной чертой 1928 г. Поэтому автор прав, когда полемизирует с Зомбартом, который в общем, хотя и верно наметил основные тенденции развития капитализма в своем столь нашумевшем докладе на цюрихском конгрессе Союза социальной политики, но неправильно нарисовал перспективы дальнейшего капиталистического развития. Признавая правильными указания Зомбарта и ряда других буржуазных экономистов на углубление за послевоенный период процесса трестификации, на усиление моментов государственного вмешательства в хозяйственную жизнь, на дальнейшее развитие регулирующего воздействия организационного фактора в частном хозяйстве — тов. Эвентов справедливо подчеркивает явную переоценку этими экономистами роли регулирующих факторов в хозяйственной жизни и недооценку ими стихийных сил капитализма. Свою критику взглядов Зомбарта и др. тов. Эвентов обосновывает рядом убедительных аргументов, среди которых небезынтересно отметить: 1) данные, доказывающие ограниченную роль Федеральной Резервной Системы в С-А.С.Ш — которой раньше в Америке приписывали значение чуть ли не важнейшего фактора, способного ослабить рыночные колебания хозяйства С-А.С.Ш — в деле регулирования учетной ставки и в отношении влияния на успокоение биржевой лихорадки; 2) указание на преобладание стихийных факторов над рациональной деятельностью монополистических об'единений в условиях ценообразования, что обусловлено внутренней и внешней конкуренцией, ограниченной емкостью рынка (рост безработицы), зависимостью в издержках производства данного об'единения от ряда других хозяйственных организаций и др., 3) доказательство несколько преувеличенной оценки процесса индустриализации аграрных стран за послевоенные годы и т. д.

Рассматривая на фоне основных структурных диспропорций и сдвигов кон'юнктуру мирового хозяйства за 1928 г.—этот метод красной нитью проходит по всем разделам „Ежегодника", — автор вводной статьи приходит к следующим основным итогам.

В разрезе отраслевом (рассмотренном, кстати сказать, слишком уж кратко) автор останавливается на депрессивном состоянии ряда главных производств — угольного, отчасти чугуноделательного, судостроения, текстиля, а также железнодорожного транспорта и внешней торговле (падение темпа роста). При этом черты депрессии особенно сказались в Европе. Одновременно общие кон'юнктурные условия отразились на высоком уровне европейской безработицы.

В территориальном разрезе 1928 год отмечен неравномерным развитием кон'юнктуры. Большинство стран обнаружило кон'юнктурное оживление, особенно сильно выраженное во Франции, а также в Центральной Европе (Чехо-Словакия, Австрия, Польша) и С-А.С.Ш; умереннее сказался хозяйственный под'ем в Италии и еще слабее в восточных странах — Японии и Китае, при чем в последнем все еще продолжает царить разруха. Депрессией были охвачены две важнейшие страны капиталистической Европы — Англия и Германия.

Детальный анализ хозяйственного положения отдельных стран дан в ряде об-

зоров (10 обзоров по 15 странам) в первом разделе „Ежегодника", построенном по типу публикуемых Секцией Мирового Хозяйства бюллетеней серии Б с тем лишь вполне уместным отличием, что здесь сделано большее ударение на характеристику структурных сдвигов в наблюдаемых народнохозяйственных организмах.

Главный интерес „Ежегодника" концентрируется на этом, наиболее тщательно разработанном разделе.

Из указанных обзоров выделяются интересные, широкими мазками написанные статьи: Л. Мендельсона — по Англии, А. Зака — по Соединенным Штатам и Г. Фельдмана — по Германии.

Тов. Мендельсон правильно рассматривает депрессии английского народного хозяйства, как функцию и форму проявления более глубоких структурных противоречий мировой экономики в целом. Можно также вполне согласиться с автором, что роль преуспевающих в настоящее время „новых" отраслей производства (автомобильная промышленность, производство искусственного шелка, электротехническая и отчасти химическая промышленность) еще так невелика (12—15%), что не ими определяются ближайшие судьбы английской промышленности. Основные пути, по которым английская буржуазия пытается удержать свои позиции в мировом хозяйстве — это стремление к ликвидации организационной и технической отсталости и повышение нормы эксплоатации за счет снижения жизненного уровня рабочих масс.

По Соединенным Штатам А. Заком интересно очерчен так называемый процесс прогрессирующей „европеизации" американского народного хозяйства, как элегантно выражаются некоторые экономисты по поводу новых отрицательных тенденций, наблюдаемых в народном хозяйстве Заатлантической республики. Существо этого процесса заключается, с одной стороны, в замедлении роста американской экономики, в связи со вступлением ее в фазу интенсивного развития, пришедшую на смену длительной эры экстенсивной хозяйственной эволюции, а, с другой—во все возрастающем стремлении к завоеванию внешних рынков, вследствие ограниченной емкости внутреннего рынка (и в сильном росте протекционизма). Второй момент весьма детально обоснован у автора, остается пожалеть, что это не сделано с той же тщательностью относительно первого тезиса хотя бы на основании очень показательных данных о ходе капиталонакопления. Пробелом в этом обзоре также является игнорирование вопроса о характере послевоенных торгово-промышленных циклов в С-А.С.Ш, — вопроса еще так мало освещенного в нашей экономической литературе.

Г. Фельдман в обзоре по Германии останавливается на весьма существенном вопросе об особенностях депрессии 1928 г. и значительной роли в ней кон'юнктуры производства средств потребления, а также на замедленной ликвидации явлений, которые были свойственны уже изжитой фазе кон'юнктурного под'ема.

Из других обзоров следует отметить весьма содержательные статьи: Д. Опарина о Франции, — хотя в этом обзоре наблюдается явная „инфляция" денежно-капитального анализа; и В. Карра об Италии, которым интересно освещен на основании данных промышленных цензов процесс индустриализации Италии, а также— по материалам об эмиграции — больная для этой страны проблема аграрного перенаселения; К. Попова о Японии—единственный обзор, в котором затронута столь существенная для нас проблема о связи с СССР.

В остальных обзорах можно найти ряд интересных данных у С. Фейгиной по Бельгии, А. Снежинской — особенно по Польше, А. Зака — по Канаде и М. Когана — о столь мало освещенной у нас экономике Южной Америки (Аргентина, Бразилия, Чили).

Во всех приведенных обзорах, помимо анализа основных динамических и кон'юнктурных процессов, даны также осторожно формулированные и в основном вполне обоснованные прогнозы, которые вряд ли могут вызывать существенные возражения.

Следующий раздел — по отраслям хозяйства — состоит из 9 обзоров. Особое внимание здесь уделено промышленности, которой посвящены три статьи: Л. Мендельсона — „Общая характеристика положения мировой промышленности" — ярко написанный очерк, дающий сжатый анализ неравномерности развития капитализма за послевоенный период и освещающий вопрос о росте мощности производственного аппарата, недогрузке его и вытекающих отсюда социально-экономических последствиях; Г. Фельдмана — содержательная статья о процессах электрификации в важнейших странах, главным образом, в САСШ, где „заканчивается грандиозная эпоха электрификации промышленности", Германии, Англии, Франции и Японии; С. Фейгиной — „Международное картеллирование" — кон'юнктурный обзор за 1928 г.

Из других обзоров обращают на себя внимание детальный очерк Д. Опарина о ценах, где однако, почти не освещена такая центральная проблема, как причины общего снижательного движения мировых цен за послевоенные годы, и небольшая статья А. Зака о железнодорожном транспорте.

Особое внимание уделенное „Ежегодником" вопросам промышленности, сказалось еще в том, что ей посвящен еще

целый самостоятельный раздел — третий, где отдельно рассмотрены 12 отраслей мировой промышленности.

Особенно интересно и тщательно разработаны здесь три обзора В. Карра: об угольной промышленности, железоделательной промышленности и отчасти о цветных металлах. В этих обзорах обращает на себя внимание новый технико-экономический уклон анализа процессов в промышленности Запада, что представляет интерес для наших планирующих органов. Некоторые новые характерные моменты подчеркнуты также в краткой статье К. Попова о нефти (тенденция к созданию собственной нефтеперегонной промышленности).

Л. И. Фрейман.

„Recent Economic Ghanges in the United States". — Report of the Committee on Recent Economic Changes of the President's Conference on Unemployment — Herbert Hoover, Chairman. Vol. I and II. p. p. XXXVI + 950. New-York, 1929.

„Последние изменения в экономике Соединенных Штатов". — Отчет комиссии при президентской конференции по безработице, под председательством Герберта Гувера. Т. т. I и II. Стр. XXXVI + 950. Нью-Йорк, 1929 г.

Отчет комиссии по изучению последних изменений в экономике Соединенных Штатов представляет уже третью публикацию президентской конференции по безработице, учрежденной в 1921 г. Два других аналогичных сводных исследования были изданы: „Кон'юнктурные циклы и безработица" — в 1923 г. и „Сезонные колебания в строительной промышленности" — в 1924 г. В отличие от предшествующих двух трудов, посвященных специальным темам, настоящий обзор носит более всеоб'емлющий и разносторонний характер.

Как и в предшествующих случаях, вся исследовательская работа для комиссии была выполнена отдельными компетентными учеными - специалистами под общим руководством Национального Бюро экономических исследований. Собственный отчет комиссии, предпосланный основному содержанию книги в качестве обобщающей оценки, обнимает всего 14 страниц текста. В состав комиссии, в которой председательствовал Г. Гувер, входили между прочим Оуэн Д. Йонг, председатель американской федерации труда Уильям Грин, Дж. Клейн из департамента торговли и ряд крупнейших промышленников и банкиров.

Коллективное исследование под руководством Национального Бюро обнимает 14 монографий, написанных различными авторами. Две из них — вступительная часть и заключительный обзор — носят обобщенный и резюмирующий характер. Остальные 12 исследований расположены в виде последовательных глав, посвященных каждая отдельным основным отраслям народного хозяйства и важнейшим проблемам.

Задача монографического анализа последних изменений и современного положения отдельных сфер и отраслей народного хозяйства Соединенных Штатов формулирована Национальным Бюро как „fact report", „fact-finding study" — возможно более тщательная, точная и исчерпывающая систематизация фактического материала и притом такого, который поддается количественному, статистическому измерению. Такова общая установка деятельности Бюро, которое в своих публикациях стремится, прежде всего, обобщить строго научно проверенные факты, предоставляя делать теоретические и практико-политические выводы всем интересующимся и желающим. Настоящая коллективная работа Бюро выдержана в строго-эмпирическом характере.

Замечательно однако, что не только отдельные монографические исследования, но и сводные обобщающие обзоры и даже сама принципиальная оценка Гуверовской комиссии отмечены тою же печатью крайнего эмпиризма. Констатирование фактов, чистое описание — таков лозунг современной американской экономической мысли. Читатель не найдет здесь ни определенной теоретической руководящей идеи, ни ясной исторической перспективы — никакого единого принципа понимания или об'яснения. Разумеется, у отдельных авторов неизбежно проявляются определенные взгляды на описываемые и обобщаемые факты действительности, определенные тенденции об'яснения, но эти точки зрения тщательно и нарочито вуалируются и затушевываются.

Единственная общая точка зрения или, вернее, общее настроение, проникающее все отдельные части коллективного труда, это — настроение преклонения и восхищения пред лицом грандиозных рекордных чисел. Гипноз фактов — таков общий стиль книги.

Небоскребы, растущие десятками и сотнями в больших городах; железные дороги и речные пути, перевозящие ежегодно свыше 1,5 мрд. тонн грузов; 25 млн. автомобилей, несущихся по сотням тысяч миль шоссейных дорог; 20 тыс. миль регулярных воздушных путей; 17 млн. электрифицированных домов, 8 млн. домашних телефонов, 7,5 млн. радиоустановок; около 4 млн. детей и подростков, ежегодно посылаемых в среднюю школу, и

свыше 1 млн. студентов высших учебных заведений, картина грандиозная.

Правда, отмечаются и теневые стороны. Экономическое благосостояние далеко не равномерно распределяется по отдельным отраслям народного хозяйства и отдельным географическим районам страны. Сельское хозяйство и такие важные отрасли промышленности, как угольная и хлопчатобумажная, находятся в состоянии длительной депрессии на протяжении всех последних лет. Если южные и тихоокеанские штаты переживают эпоху интенсивной индустриализации, и сильный расцвет промышленности происходит также в северо-западном центральном районе, то средне-атлантические штаты дают значительно более замедленный рост, а штаты Новой Англии и земледельческого Запада и центрально-западного района представляют картину застоя, отражающую тяжелое положение текстильной промышленности, с одной стороны, и сельского хозяйства,— с другой.

Фермеры массами покидают свои земли и направляются в города. С другой стороны, необычайно интенсивный рост производительности труда в добывающей и обрабатывающей промышленностях и в транспорте, связанный с ростом энергетической и механической базы народного хозяйства, в 3,75 раза более быстрым, чем замедлившийся темп прироста населения, — далеко обгоняет рост абсолютного об'ема промышленной и транспортной продукции. Результатом является прогрессирующее вытеснение рабочей силы из производства — „технологическая“ или „конституциональная“ безработица (в отличие от кон'юнктурной безработицы), которая растет с каждым годом, независимо от циклической смены кон'юнктурных под'емов и депрессий.

Эта резкая диспропорция между темпом роста абсолютного об'ема продукции и роста производительности труда (выработки на одного рабочего) — замедление темпа продукции и резкое ускорение темпа производительности — представляет тенденцию совершенно новую в американском народном хозяйстве — характерную для периода после кризиса 1921 г. Здесь — ключ к об'яснению основного структурного сдвига в хозяйственном развитии Соединенных Штатов, явная печать новой стадии „европеизации“ американского народного хозяйства. Но авторы коллективного исследования и Гуверовская комиссия в своем обобщающем отчете отказываются видеть здесь коренной структурный сдвиг. „Ускорение, а не структурный сдвиг — вот ключ для уразумения последней стадии нашего экономического развития“.— „Изменения произошли не в структуре, а в темпе и в масштабе распространения“ (стр. IX). Факты констатируются, но непосредственная пестрота их не включается ни в какую стройную систему об'яснения. И на фоне такого калейдоскопического обозрения совершенно не убедительным и плохо мотивированным представляется предвзятый оптимизм комиссии, заявляющей о беспредельности человеческих потребностей, об отдаленности пределов насыщения спроса и неограниченности перспектив дальнейшего хозяйственного роста при единственном условии организованного и сознательного поддержания хозяйственного равновесия. Понятно, что комиссия совершенно „отвлекается“, при этом от классовых противоречий и классовой борьбы. Однако, весь вопрос в том, возможно ли вообще принципиально существование такого незыблемого равновесия в капиталистическом хозяйственном строе и существует ли это равновесие и в настоящее время в Соединенных Штатах? — Такого рода вопросами комиссия, по понятным причинам, даже не задается.

Если теперь обратиться к характеру и содержанию отдельных монографических исследований, то следует признать, что в узких пределах поставленной задачи почти все они достигают исчерпывающей полноты охвата и исключительной тщательности статистической систематизации и анализа эмпирического материала. Здесь не только использован весь имеющийся материал переписей, специальных исследований и богатой текущей статистики, но в ряде случаев были произведены специальные анкетные обследования для собирания первичного материала. Схемы этих анкет даны в виде приложения в конце второго тома. Авторы монографий широко пользовались сотрудничеством и помощью многочисленных правительственных, общественных и частных учреждений и организаций, а также отдельных специалистов-экспертов; одно перечисление учреждений и лиц, которым комиссия приносит благодарность за сотрудничество, обнимает пять страниц мелким шрифтом.

Из двух обобщающих очерков вводная статья в начале первого тома, принадлежащая перу проф. Эдвина ф. Гэя, построена на анализе материала современной иностранной (не американской) экономической литературы о Соединенных Штатах. Эта попытка взглянуть на современную хозяйственную действительность Соединенных Штатов со стороны, чужими глазами, по идее безусловно не лишена интереса, но по выполнению носит несколько поверхностный характер журнального реферата. В известной мере это об'ясняется низким качеством реферируемой популярной литературы об Америке, принадлежащей, большей частью, перу послевоенных европейских паломников в Мекку капиталистического хозяйственного прогресса.

Совершенно иной характер носит заключительный резюмирующий „Обзор“ проф. Уэслея С. Митчеля, помещенный в конце второго тома. Он подводит итог всем специальным монографическим исследованиям в превосходной характеристике последовательной смены кон'юнктурных колебаний в послевоенные годы в Соединенных Штатах на фоне одновременной эволюции мировой кон'юнктуры. Весьма знаменательным является опасение, высказываемое Митчелем в конце его „Обзора“ (стр. 910), что хотя серьезный хозяйственный кризис, возможно, не произойдет еще в течение ряда лет, однако, все же, чем дальше отходит в прошлое кризис 1921 г., тем больше забываются его тяжкие уроки и исчезает осторожность и предусмотрительность деловых кругов, характерная для последних лет.

Центральное место среди специальных работ, вошедших в состав I тома, занимает глава о промышленности, состоящая из трех статей, написанных разными авторами. Статья Д. С. Кимбалла — „Изменения в новых и старых промышленных отраслях“ дает тщательный цифровой анализ упадка одних и роста других отраслей промышленности. Среди новых быстро развивающихся отраслей на первом месте стоят: автомобильная промышленность, производство искусственного шелка, радиоаппаратуры, и химическая промышленность. Чрезвычайно содержательна статья Л. П. Ольфорда — „Технические сдвиги в обрабатывающей промышленности“, дающая исчерпывающий анализ динамики 13 основных факторов производства как для всей промышленности, так и по отдельным отраслям. Рост производительности труда, далеко обгоняющий рост физического об'ема продукции на почве непрерывного повышения вооруженности рабочего основным капиталом, абсолютное сокращение занятой рабочей силы в обрабатывающей промышленности, прогрессирующее снижение себестоимости единицы продукции как результат описанных выше процессов и всеобщей рационализации и интенсификации производства — таковы важнейшие из выводов, полученных им на почве точного статистического анализа эмпирического материала. Наконец, У. Л. Тсор в статье — „Меняющаяся структура промышленности“ анализирует процессы технической и финансовой концентрации и географического районирования промышленности за последние годы. Рост масштаба промышленного заведения, измеряемый увеличением средней мощности первичных двигателей, успехи концернирования и фузионирования промышленных предприятий, с одной стороны, быстрый и индустриальный рост Юга при одновременном упадке Новой Англии и средне-атлантического района, с другой стороны,— таковы основные констатируемые им тенденции. Среди других статей I тома выделяются по необычайному богатству и красочности конкретного материала работы: Лео Уольмана — „Потребление и уровень жизни“ и Джона М. Гриса — „Строительство“. Последняя статья представляет особый интерес для советского читателя, так как опыт послевоенного строительства в Америке содержит много поучительного, что может быть непосредственно учтено и использовано в осуществляемом ныне грандиозном хозяйственном строительстве СССР.

Из статей II тома большой интерес представляет „Труд“ Лео Уольмана, в значительной мере восполняющий содержание главы о промышленности. Глава „Сельское хозяйство“, написанная Э. Дж. Норсом, дает углубленный анализ причин современной сельскохозяйственной депрессии в Соединенных Штатах. Прогрессирующая механизация американского сельского хозяйства (за десятилетие с окончания мировой войны численность лошадей и мулов упала с 26,4 млн. до 19,5 млн. голов, а численность тракторов возросла с 80 до 853 тыс. штук), и обусловленная ею тенденция перехода от мелкого к крупному хозяйству представляются автору единственным возможным путем выхода из структурной депрессии. Недостаток места позволяет нам только упомянуть об интереснейших работах: „Деньги и кредит и их влияние на хозяйственную кон'юнктуру“ проф. Спрэйга и У. Р. Бэрджеса, „Внешние рынки и экспорт капиталов“ Дж. Х. Роджерса и „Национальный доход и его распределение“ Мориса А. Коплэнда. Последнее исследование во многом дополняет и уточняет известные работы о национальном доходе Уильфорда Кинга и его учеников.

Рецензируемая книга надолго явится источником для всестороннего изучения современной американской экономики. Следует поэтому приветствовать быстроту, с которой Госиздат предпринял русский перевод этого фундаментального труда, который должен выйти в свет в ближайшее время.

А. И. Зак.

ДИНАМИКА НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР

Бюллетень № 41

под ред. С. Г. Струмилина

СОДЕРЖАНИЕ

1. Сводная таблица контрольных цифр народного хозяйства СССР на 1929/30 г. . . . . 272—277
2. Контрольные цифры на 1929/30 г. и пятилетний план . . . . . 278—279
3. Контрольные цифры на 1929/30 г. и пятилетний план . . . . . 280—282
4. Капитальные вложения в государственную планируемую ВСНХ промышленность на 1929/30 г. 283
5. Процессы обобществления в контрольных цифрах 1929/30 г. . . . . 284—285
6. Капитальные вложения в основные фонды народного хозяйства . . . . 286—288
7. Трактороснабжение по республикам и районам 289
8. Капитальные вложения в новое строительство государственной планируемой ВСНХ промышленности на 1929/30 г. . . . . 290—293
9. Выполнение пятилетнего плана капитальных вложений в государственную планируемую ВСНХ промышленность за 2 года — 1928/29 и 1929/30 294—295
10. Удельный вес обобществленного сектора сельского хозяйства по посевным площадям за 1928—30 г. . . . . 296—297
11. Новое жел.-дор. строительство на 1929/30 г. 298

Сводная таблица контрольных цифр народного хозяйства СССР на 1929/30 г.

Таблица 1

Показатели	Абсолютные величины: По средне-годовым ценам 1926/27 г. или в натуральном выражении					Абсолютные величины: По ценам соответствующего года					В %% к предыдущему году: По средне-годовым ценам 1926/27 г. или в натуральном выражении				В %% к предыдущему году: По ценам соответствующего года			
	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	192 /30 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
I. Население на 1/IV каждого года (млн. душ)																		
1. Общая численность населения:																		
а) в городских местностях	25,3	26,7	27,9	29,3	30,7	—	—	—	—	—	105,5	104,5	105,0	104,8	—	—	—	—
б) в сельских „	119,2	121,2	123,4	125,5	127,8	—	—	—	—	—	101,7	101,8	101,7	101,8	—	—	—	—
Всего	144,5	147,9	151,3	154,8	158,5	—	—	—	—	—	102,4	102,3	102,3	102,4	—	—	—	—
2. Численность лиц в рабочем возрасте (16—59 лет)	77,4	79,7	82,2	84,4	86,9	—	—	—	—	—	103,0	103,1	102,7	103,0	—	—	—	—
в т. ч. в город. местностях	—	16,7	17,7	18,7	19,7	—	—	—	—	—	—	106,0	105,6	105,3	—	—	—	—
„ „ „ в сельск. „	—	63,0	64,5	65,7	67,2	—	—	—	—	—	—	102,4	101,9	102,3	—	—	—	—
3. Численность лиц наемного труда (сред. годовая в тыс., вкл. с.-х. раб. и лесн.)	10.218	10.990	11.456	12.150	13.264	—	—	—	—	—	107,6	104 2	106,1	109,2	—	—	—	—
а) в промышленности[1]	3.105	3.261	3.441	3.678	3.922	—	—	—	—	—	105 0	105,5	106 9	106 6	—	—	—	—
б) в транспорте[1]	1.191	1.257	1.255	1.270	1.308	—	—	—	—	—	105 5	99,8	101,2	103.0	—	—	—	—
в) в строительстве	427	547	684	818	1.161	—	—	—	—	—	128,2	125,0	119 6	141.9	—	—	—	—
г) в соц. культ. учреждениях	926	1.080	1.183	1.255	1.359	—	—	—	—	—	116,6	109,5	106,1	108,3	—	—	—	—
II. Капитальные вложения в основ. фонды (млн. руб.) (без мероприятий общего пользов. по сел.-хоз.)[2]	5.632	6.500	7.445	8.684	14.490	5.324	6.508	7.357	8.074	12.412	115,4	114,5	116,6	166.0	122,2	113,0	109,7	153,7
III. Основные фонды (в млн. руб.) (к концу года)	62.433	65.627	69.615	74.670	85.318	—	—	—	—	—	105,1	106,1	107,3	114,3	—	—	—	—
IV. Оборотные фонды (в млн. руб.) (к концу года)	—	—	—	—	—	13.336	14.032	16.436	16.764	18.721	—	—	—	—	105,2	117,1	102,0	111,7
то же без сел. хоз-ва	—	—	—	—	—	6.700	7.350	7.884	8.855	10.016	—	—	—	—	109,7	107.3	112,3	113,1
в т. ч. пром. организаций	—	—	—	—	—	3.438	3.775	3.936	4.159	4.478	—	—	—	—	109,8	104,3	105,7	107,7
„ „ „ торг. и кооп. организаций	—	—	—	—	—	2.322	2.518	2.941	3.598	4.311	—	—	—	—	108,4	116,8	122,3	119,8
V. Электрификация																		
1. Капитальные вложения (без фабр.-зав. станций в млн. руб.)	92	247	298	432	792	100	247	269	369	608	268,5	120,6	145,0	183.3	247,0	108,9	137,2	164 8
в т. ч. в район. станции	66	199	284	359	672	72	199	265	303	513	301,5	142,7	126,4	187,2	276,4	133 2	114,3	169,3
2. Основные фонды (без фаб.-зав. станций в млн. руб.) (к концу года)	429	654	917	1.301	2.024	—	—	—	—	—	152,4	140,2	141,9	155,6	—	—	—	—
в т. ч. район. станциях	302	486	744	1.064	1.681	—	—	—	—	—	160.9	153,1	143,0	158,0	—	—	—	—
3. Установленная мощность (тыс. квт.) (к концу года)	1.452	1.625	1.792	2.155	2.961	—	—	—	—	—	111,9	110,3	120,3	137.4	—	—	—	—
то же без фаб.-зав. станций	702	814	868	1.060	1.631	—	—	—	—	—	116.0	106,6	122 1	153,9	—	—	—	—
в т. ч районных станций	395	500	528	662	1.160	—	—	—	—	—	126,6	105,6	125,4	175,2	—	—	—	—
4. Выработка электроэнергии (млн. квт.)	3.240	3.910	5.160	6.465	8.693	—	—	—	—	—	120,7	132.0	125.3	134,5	—	—	—	—
то же без фаб.-зав. станций	1.580	1.990	2.503	3.225	4.693	—	—	—	—	—	125,9	125,8	128,8	145,5	—	—	—	—
в т. ч. районных станций	1.110	1.430	1.814	2.400	3.706	—	—	—	—	—	128,8	126,9	132,3	154,4	—	—	—	—
VI. Промышленность																		
1. Капитальные вложения в основ. фонды (млн руб.) (во всю промышленность)	1.001	1.333	1.734	2.304	4.419	1.003	1.333	1.679	2.102	3.654	133,2	130,1	132,9	191,8	132,9	126,0	125,2	173,8
2. Основные фонды (млн. руб.) (к концу года) (всей промышленности)	7.472	8.395	9.686	11.501	15.366	—	—	—	—	—	112,4	115,4	118,7	133,6	—	—	—	—

[1] Без управленческого аппарата.

[2] Эти мероприятия составляют: в 1925/26 г.— 30 млн. руб., в 1926/27 г.— 45 млн. руб. в 1927/28 г. 62 млн. руб. в 1928/29 г.— 453 млн. руб. и 1929/30 г.— 563 млн. руб.

Продолжение таблицы 1

Показатели	Абсолютные величины: По средне-годовым ценам 1926/27 г. или в натуральном выражении					Абсолютные величины: По ценам соответствующего года					В %% к предыдущему году: По средне-годовым ценам 1926/27 г. или в натуральном выражении				В %% к предыдущему году: По ценам соответствующего года			
	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
3. Валовая продукция (млн. руб.)																		
а) всей промышленности	13.689	16.042	19.093	22 292	28.135	14.141	16.042	18.314	21.401	26.117	117,2	119,0	116,8	126,2	113,4	114,2	116,9	122,0
в т. ч. гр. А	3.493	4.332	5.197	6.390	9.180	3.537	4.332	5.016	6.088	8.225	124,0	120,0	123,0	143,7	122,5	115,8	121,4	135,1
„ „ „ гр. Б	10.196	11.710	13.896	15.902	18.955	10.604	11.710	13.298	15.313	17.892	114,8	118,7	114,4	119,2	110.4	113,6	115,2	116 8
б) цензовой промышленности	9.665	11.439	14.131	17.115	22.521	9.956	11.439	13.566	16.416	20.819	118,4	123,5	121,1	131,6	114,9	118,6	121,0	126,8
в т. ч. гр. А	3.183	3.968	4.785	5.934	8.652	3.215	3.968	4 622	5.649	7.727	124,7	120 6	124,0	145,8	123.4	116,5	122,2	136,8
„ „ „ гр. Б	6.482	7.471	9.346	111.81	13.869	6.741	7.471	8.944	10.767	13. 92	115,3	125,1	119,6	124,(	110.8	119,7	120,4	121,6
в) мелкой промышленности	4.024	4.603	4.962	5.177	5.614	4.185	4 603	4.748	4.985	5.298	114,4	107,8	104,3	108,4	110,0	103,2	105,0	106,3
(вкл. мукомолье и с сырьем заказчика)																		
в т. ч. гр. А	310	364	412	456	528	322	364	394	439	498	117,4	113,2	110,7	115.8	113.0	108,2	111,4	113,4
„ „ „ гр. Б	3.714	4.239	4.550	4.721	5.086	3.863	4.239	4.354	4.546	4.800	114.1	107,3	103,8	107,7	109,7	102,7	104,4	105,6
4. Товарная часть (млн. руб.) всей промышленности.	12.156	14.159	16.672	19.270	24.213	12.561	14.159	15.989	18.505	22.504	116,5	117,7	115,6	125,7	112,7	112,9	115,7	121,6
в т. ч. гр. А	3.057	3.593	4.327	5.172	7.414	3.097	3 594	4.175	4.929	6.647	117,6	120,4	119,5	143,3	116,0	116,2	118,1	134,9
„ „ „ гр. Б	9.099	10.565	12.345	14.098	16.799	9.464	10.565	11.814	13.576	15.857	116,1	116,8	114,2	119,2	111,6	111,8	114,9	116,8
VII. Сельское хозяйство																		
А. Земледелие																		
1. Капитальные вложения (млн. руб.) без мероприятий общ. пользов.[1]	3.270	3.285	3.215	2.968	4.166	2.951	3.285	3.286[1]	2.917[1]	4.015[1]	100,5	97,9	92,3	140,4	111,3	100,0	88,8	137,6
в т. ч. мертвый инвентарь	455	463	537	625	888	399	463	537	610	889	101,8	116,0	116,4	142,1	116,0	116,0	113,6	145,7
2. Основные фонды (к концу года)	26.512	27.874	29.086	29.979	32.014	—	—	—	—	—	105.1	104,3	103,1	106,8	—	—	—	—
в т. ч. мертвый инвентарь	2.448	2.556	2.727	2.970	3.449	—	—	—	—	—	104,4	106,7	108,9	116,1	—	—	—	—
3. Валовая продукция (за с.-х. годы в млн. руб.)[1]																		
а) всего сел. хоз-ва	15.342	16.485	16.273	16.568	17.019	15.939	16.485	17.530	21.183	20.393	107,5	98,7	101,8	102,7	103,4	106,3	120,8	96,3
в т. ч. растениеводства	10.380	11.108	10.753	11.217	11.459	11.303	11.108	11.722	15.127	14.051	107,0	96,8	104,3	102.2	98.3	105,5	129,1	92.9
„ „ „ зерновых	3.608	3.881	3.592	3.551	3.650	4.743	3 881	3.913	5.392	5.236	107,6	92,6	98,9	102,8	81,8	100,8	137,8	97,1
„ „ „ технических	888	765	910	965	1.025	929	764	970	1.099	1.160	86,1	119,0	106,0	106,2	82,2	127,0	113,3	105,6
б) животноводства	4.962	5.377	5.520	5.351	5.560	4.636	5.377	5.808	6.056	6.342	108,4	102,7	96,9	103,9	116,0	108.0	104,3	104,7
в т. ч. прирост стада	+ 516	+ 574	+ 403	— 78,8	+ 309	+ 459	+ 574	+ 422	— 75,1	+ 295	—	—	—	—	—	—	—	—
4. Товарная часть (за с.-х. годы в млн. руб.) (без крестьянских покупок)	2.523	2.610	2.794	3.061	3.183	2.626	2.610	2.952	3.628	3.739	103,5	107,0	109 6	104,0	99,4	113,1	122,9	103,1
в т. ч. растениеводство	1.356	1.347	1.370	1,462	1.648	1.521	1.347	1.482	1.877	2.024	99,4	101,7	106.8	112.3	88,4	109,9	126,7	107,8
„ „ „ животноводство	1.167	1.263	1.424	1.599	1.535	1.105	1.263	1.470	1.751	1.715	108,2	112,7	112,3	96,0	114,3	116,4	119,1	97,9
Б. Лесное хоз-во (млн. руб.)																		
1. Валовая продукция	1.598	1.691	1.757	1.962	2.189	1 598	1.691	1.650	1.701	1.822	105,8	103,9	111,7	111,6	105,8	97,6	103,1	107,1
2. Товарная часть	655	724	766	883	1.182	655	724	719	765	984	110,5	105,8	115,3	133,9	110,5	99,3	106,4	128,6
В. Рыболовство и охота (млн. руб.)																		
1. Валовая продукция	338	364	391	415	473	301	364	385	416	470	107,8	107,4	106,3	113,9	121,0	105,7	108,2	112,9
2. Товарная часть	209	233	258	280	335	186	233	254	281	333	111,4	110,5	108,6	119,8	125,1	108,8	110,6	118,7
VIII. Транспорт (млн. руб.)																		
1. Капитальные вложения	563	696	991	1.318	2.337	529	696	949	1.197	1.912	123,6	142,4	133,0	177,3	131,6	136,4	126,1	159,7
в т. ч. ж.-д. транспорта	467	584	783	1.012	1.642	436	584	757	927	1.355	125,1	134,1	129,2	162,3	133,9	129,6	122,5	146,2

[1] Расхождение с соответствующими данными таблиц „Контрольные цифры и пятилетний план“ обусловлено изменением методов расчетов, применявшихся при составлении пятилетнего плана.

Продолжение таблицы 1

Показатели	Абсолютные величины: По средне годовым ценам 1926/27 г. или в натуральном выражении					В %% к предыдущему году: По средне-годовым ценам 1926/27 г. или в натуральном положении				По ценам соответствующего года			
	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
2. Основные фонды (без автотранспорта) (к концу года)	10.960	11 262	11.845	12.732	14.605	102,8	105,2	107,5	114 7	—	—	—	—
в т. ч. ж.-д. транспорта	9.754	9.987	10.411	11.047	12.290	102,4	104,2	106,1	111,3	—	—	—	—
3. Грузооборот (мрд. т.-км.)													
в т. ч. ж.-д. транспорта	68,9	81,7	88,2	105,8	125,1	118,6	108,0	120,0	118,2	—	—	—	—
4. Выручка (млн. руб.) (без сборов на просвещ.)	1.270	1.554	1.796	2.075	2.562	122,4	115,6	115,5	123,5	117,6	111,6	118,0	120,0
в т. ч. ж.-д. транспорта	1.259	1.544	1.785	2.052	2.529	122,6	115,6	115,0	123,2	118,0	111,7	117,5	119,8
IX. Строительство (млн. руб.)													
1. Стоимость стр-ва зданий и сооруж. без крестьян. строительства	1 364	1.963	2.656	3.581	6.860	143,9	135,0	135,0	191,6	137,5	129,9	126,0	168,3
2. То же вкл. крестьян. стр-во	2.833	3.567	4.281	5.251	8.516	125,9	120,0	122,7	162,2	120,3	116,4	117,1	143,9
X. Бюджет (млн. руб.)[1]													
1. Госуд. бюджет-брутто	4.054	5.626	7.077	8.045	10.851	138,8	125,8	113,7	134,9	133,4	121,5	116,1	131,1
2. Госуд. бюджет-нетто	2.227	3.218	4 467	5.265	7.422	144,5	138,8	117,9	141,0	138,9	134,1	120,4	137,0
3. Местный бюджет	1.190	1.662	1.970	2.100	2.775	139,7	118,5	106 6	132,1	134,2	114,5	108,9	128,4
4. Сводный бюджет-нетто	3.407	4.868	6.437	7.365	10.197	142,9	132,2	114,4	138,5	137,4	127,7	116,9	134,5
XI. Кредит и денежное обращение (млн. руб.) (к концу года)[1]													
1. Вклады и текущие счета	1.357	1.633	1.827	2.218	2.749	120,3	111,9	121,4	123,9	112,8	114,6	122,0	122.7
в т. ч. по БДК	—	25	109	255	458	—	436,0	233,9	179,6	—	437.5	241,0	177,9
2. Учетно-ссудные операции (краткосрочные)	2.551	3.356	3.946	4.839	5.499	131,6	117,6	122,6	113,8	123,3	120,5	123.2	112,5
3. Денмасса в обращении	1.256	1.691	1.997	2 592	3.004	134,6	118,1	129,8	116,0	106,1	121,1	130,4	113,6
XII. Индексы цен													
1. Общепромышлен. индекс отпускн. цен госпромышленности (1913 г. = 100)	198,2	192,8	185,3	184,8	177,4	97,3	96,1	99,7	96,0	—	—	—	—
в т. ч. изделия произв.-техн. потребления	176,8	175,	169,0	166,6	156,6	98,9	96,6	98,6	93,8	—	—	—	—
„ „ „ „ личного потребления	215,6	207,4	198,5	199,8	195,8	96,2	95,7	100,7	98.0	—	—	—	—
2. Индекс строительства (1913 г. = 100)	269,0	257,0	247,0	229,0	201,0	95,5	96,1	92,7	87,8	—	—	—	—
в т. ч. а) пром. строительства	270,0	257,0	246,0	226,0	194,0	95,2	95,7	91,9	85,8	—	—	—	—
б) ж.-д. строительства	257,0	248,0	241,0	228,0	210,0	96,5	97.2	94,6	92.1	—	—	—	—
в) жилищн. строительства	281,0	263,0	250,0	232,0	202,0	93,6	95,1	92,8	87,1	—	—	—	—
3. Индекс цен производителя на с.-х. товары (исчислен по товарной массе) (1926/27 г. = 100,0)	104,1	100,0	105,7	118,5	117,5	96,1	105,7	112,1	99,2	—	—	—	—
в т. ч. зерновые	129,9	100,0	106,8	149,7	143,8	77,0	106,8	140,2	96,1	—	—	—	—
„ „ „ технические	104,0	100,0	105,5	111,6	111,2	96,2	105.5	105,8	99,6	—	—	—	—
„ „ „ животноводство	94,6	100,0	103,3	109,5	111,7	105,7	103,3	106,0	102,0	—	—	—	—
4. Всесоюзный оптовый индекс ЦСУ (1913 г. = 100)	192,0	184,7	178,4	182,3	177,0	96,2	96,6	102,2	97,1	—	—	—	—
а) промышленный	200,0	196,8	187,7	187,4	179,9	98,0	95,4	99,8	96 0	—	—	—	—
б) сельскохозяйственный	171,3	156,6	156,7	170,3	169,6	91,4	100,1	108,7	99,6	—	—	—	—
5. Бюджетный Центр Бюро Стат. Труда (полный с перем. весами секторов) (1913 г. = 100)	—	202,8	198,7	209,8	201,4	—	98,0	105,6	96,0	—	—	—	—
в т. ч. товарная часть	—	212,3	207,0	217,4	207,1	—	97.5	104,9	95,4	—	—	—	—
а) промышленный	—	220,6	202,6	201,6	191,5	—	92,1	99,5	95,0	—	—	—	—
б) сельскозяйственный	—	207,0	210,3	228,2	218,4	—	101,6	108,5	95,7	—	—	—	—

[1] Перевод в неизменные цены произведен по оптовому индексу ЦСУ.

Таблица 2

Контрольные цифры на 1929/30 г. и пятилетний план

Натуральные показатели

ПОКАЗАТЕЛИ	Единицы счета	Абсолютные величины						В %% к предыдущ. году[2]				1929/30 г. в %% к 1927/28 г.	
		1927/28 г.[1]		1928/29 г.		1929/30 г.		1928/29 г.		1929/30 г.			
		По пятилетн. плану	Отчетные данные	По пятилетн. плану	Ожидаемое выполнение	По пятилетн. плану	Намеч. по к. ц. на 1929/30 г.	По пятилетн. плану (5:3)	Ожидаемое выполн. (6:4)	По пятилетн. плану (7:5)	Намеч. по к. ц. на1929/30г.(8:6)	По пятилетн. плану (7:3)	Намеч. по к. ц. на 1929/30 г. (8:4)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
I. Промышленность													
Выработка главнейших изделий госуд. промышленности													
1. Нефтедобыча	млн. тонн	11,7	11,8	13,2	13,7	14,8	16,2	112,8	116,8	112,1	118,2	126,5	137,8
2. Каменный уголь	„ „	35,4	35,4	41,1	40,6	46,6	51,6	116,1	114,6	113,4	127,2	131,6	145,3
3. Железная руда	„ „	5,7	6,0	7,1	7,1	10,2	10,8	124,6	118,3	143,7	150,7	178,9	180,0
4. Чугун	„ „	3,3	3,3	4,1	4,2	5,0	5,5	124,2	126,4	122,0	131,9	151,5	166,7
5. Прокат	„ „	3,2	3,3	3,6	3,7	4,0	4,25	112,5	113,1	111,1	114,9	125,0	130,0
6. Общее машиностроение (в ценах 1926/27 г.)	млн. руб.	583	591	737	792	959	1.155	126,4	134,0	130,1	144,5	164,5	195,4
7. Сельское машиностроение (в ценах 1926/27 г.)	„ „	153	148	210	212	262	371	137,2	143,0	124,7	175,1	171,2	250,7
8. Кирпич (все производство)	мрд. шт.	1,7	1,7	2,6	2,9	4,2	5,1	152,9	170,3	161,5	177,1	247,0	301,6
9. Цемент	млн. боч.	11,9	11,9	14,0	14,4	19,5	22,0	117,6	120,9	139,3	152,9	163,9	184,9
10. Суперфосфат (станд. 14%)	тыс. тонн	150	150	261	213	480	475	174,0	142,0	183,9	263,0	320,0	317,1
11. Хлоп.-бум. пряжа	млн. метр.	328	322	362	353	400	394	110,4	109,4	110,5	111,8	122,0	122,4
12. Хлоп.-бум. ткани	„ „	2.742	2.695	2.970	2.952	3.266	3.280	108,3	109,6	110,0	111,1	119,1	121,7
13. Шерстян. ткани (с платками)	„ „	96,6	96,4	105,4	113,2	124,0	131,2	109,1	117,4	117,6	115,9	128,4	136,1
14. Бумага и картон	тыс. тонн	316	320	410	411	510	481	129,7	128,4	124,4	117,0	161,4	150,3
15. Сахарный песок	„ „	1.340	1.340	1.340	1.280	1.600	1.070	100,0	95,5	119,4	83,6	119,4	79,9
16. Соль	млн. тонн	2,3	2,4	2,5	2,7	2,7	3,3	108,9	112,9	108,0	123,6	117,4	139,5
II. Транспорт													
1. Погрузка (железнодорожная)	млн. тонн	151	151	165	177	186	212	109,3	117,2	112,7	119,8	123,2	140,4
В том числе:													
а) хлеб	млн. тонн	14,2	14,3	14,7	15,0	16,2	16,2	103,5	104,9	110,2	108,0	114,1	113,3
б) каменн. уголь	„ „	30,0	30,0	33,0	34,0	37,9	42,2	110,0	113,3	114,8	124,1	126,3	140,7
в) нефтегрузы	„ „	8,2	8,2	8,96	10,0	9,7	10,5	109,3	122,0	108,3	105,0	118,3	128,0
III. Сельское хозяйство[3]													
А. Посевная площадь (на весну кажд. года)													
1. вся	млн. га	115,5	115,7	123,5	120,4	129,8	130,4	106,9	104,0	105,1	108,3	112,4	112,7
2. продуктивная	„ „	115,5	113,0	123,5	118,0	129,8	130,4	106,9	104,4	105,1	110,5	112,4	115,4
в т. ч. а) зерновые[4]	„ „	94,9	92,1	101,4	95,8	105,3	105,4	106,8	104,0	103,8	110,0	111,0	114,4
из них: совхозы	„ „	0,8	0,8	1,2	1,2	1,5	2,5	139,2	139,2	125,0	208,3	187,5	312,5
„ „ колхозы	„ „	1,1	1,1	2,5	3,4	4,4	9,6	147,1	323,6	181,8	282,4	400,0	872,7
б) хлопок	„ „	0,9	0,9	1,1	1,0	1,3	1,4	120,1	113,2	113,3	133,2	136,1	150,8
в) лен	„ „	1,3	1,3	1,4	1,5	1,5	1,6	107,9	113,5	106,6	108,8	115,1	123,6
г) сахарная свекла	„ „	0,8	0,8	0,9	0,8	0,9	1,0	110,4	101,8	109,2	122,4	120,5	124,7
Б. Продукция													
а) зерновые[5]	млн. цент.	735,4	726,7	814,2	762,5	883,0	889,0	110,7	104,9	108,5	116,6	120,1	122,3
в т. ч. совхозы	„ „	9,5	9,5	12,9	12,8	16,3	28,2	135,8	134,7	126,4	220,3	171,6	296,8
„ „ „ колхозы	„ „	8,4	8,4	23,0	29,1	42,2	90,2	273,8	346,4	183,5	310,0	502,4	1.073,8
б) льняное волокно (долгунец)	тыс. цент.	3.091	3 042	3.351	3.697	4.256	4.160	108,4	121,5	127,0	112,5	137,7	136,8
в) хлопок-сырец	„ „	8.902	8.220	10.899	9.766	13.608	14 520	122,4	118,8	124,9	148,7	152,9	176,6
г) сахарная свекла	млн. цент.	101,0	101,4	124,1	84,0	150,4	149,0	122,9	82,8	121,2	177,4	148,9	146,9
В. Животновод. (на весну кажд. года)													
а) лошади	млн. гол.	32,2	33,2	33,7	34,0	34,9	35,2	104,7	102,4	103,6	103,4	108,4	105,9
в т. ч. рабочие	„ „	22,4	22,6	23,3	22,9	24,0	23,8	104,0	101,5	103,0	103,9	107,1	105,2
б) крупн. рог. скот	„ „	67,2	69,8	69,0	68,1	72,8	71,1	102,7	97,6	105,5	104,4	108,3	101,9
в т. ч. коровы	„ „	29,8	30,3	30,6	30,3	32,0	31,4	102,7	100,0	104,6	103,6	107,4	103,6
в) свиньи	„ „	25,5	25,6	25,8	20,9	27,9	23,0	101,2	81,6	108,1	110,0	109,4	89,8

[1] К настоящему времени предварительные данные 1927/28 г., которые имелись к моменту составления пятилетнего плана, уточнены почти по всем показателям, поэтому выполнение плана преимущественно характеризуется в настоящей таблице не абсолютными величинами, а динамическими коэфициентами, показанными в гр. гр. 9—14.

[2] Проценты исчислены по полным данным (в тысячах), а не по округленным данной таблицы.

[3] Данные по сельскому хозяйству приведены за 1928, 1929 и 1930 гг.

[4] Посевная площадь зерновых на весну 1927 г. составляла 96,4 млн. га, хлопка — 0,75 млн. га, льна — 1,15 млн. га, и сахарной свеклы — 0,66 млн. га.

[5] Продукция 1927 г. по зерновым составляла 735,8 млн. цент, хлопка — 7.183 тыс. цент. льна — 2.344 тыс. цент и сахарной свеклы — 1 ,1 млн. цент.

Таблица 3

Контрольные цифры на 1929/30 г. и пятилетний план

Показатели	Абсолютные величины						В % % к предыд. году [2]				1929/30 г. в % % к 1927/28 г.	
	1927/28 г.[1]		1928/29 г.		1929/30 г.		1928/29 г.		1929/30 г.			
	Попятилетнему плану	Отчетные данные	Пятилетний план	Ожидаемое выполнен.	Пятилетний план	Намечается по к. ц. на 1929/30 г.	Пятилетний план (4:2)	Ожидаемое выполнен. (5:3)	Пятилетний план (6:4)	Намечается по к. ц. на 1929/30 г. (7:5)	Пятилетний план (6:2)	Намечается по к. ц. на 1929/30 г. (7:3)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
I. Труд												
1. Численность (сред.-год.) лиц наемного труда (в тысяч. без сельского и лесного хозяйств)	9.226	9.370	9.671	10.012	10.426	10.942	104,8	106,9	107,8	109,3	113,0	116,8
2. Заработная плата (годовая в черв. руб. без сельского и лесного хозяйств)	—	—	—	—	—	—	107,9	108,0	107,1	107,8	115,6	116,4
II. Капитальные вложения во все народное хозяйство												
(Млн. руб. в ценах соответств. лет, без мероприят. общ. пользов. по сельскому хозяйству)	7.050	7.357	8.123	8.074	10.166	12.412	115,2	109,7	125,2	153,7	144,2	168,7
III. Электрификация												
1. Мощность на конец года (тыс. *квт.* без фабр.-завод. станций)	880	868	1.003	1 060	—	1.631	114,0	122,1	—	153,9	—	187,9
В том числе районных станций	520	528	603	662	—	1.160	116,0	125,4	—	175.2	—	219,7
2. Выработка электроэнергии (млн. *квтч.* без фабр.-завод. станций)	2.400	2.503	3.248	3.225	—	4.693	135.3	128,8	—	145,5	—	187,5
В том числе районных станций	1.870	1.814	2.415	2.400	—	3.706	129,1	132.3	—	154,4	—	204,3
3. Капитальные вложения (млн. руб. в ценах соответств. лет без фабр.-завод. станций)	284	269	332	369	453	608	116,9	137,2	136,4	164,8	159,5	226,0

[1] К настоящему времени предварительные данные 1927/28 г., которые имелись к моменту составления пятилетнего плана, уточнены почти по всем показателям, поэтому выполнение преимущественно характеризуется в настоящей таблице не абсолютными величинами, а динамическими коэфициентами, показанными в гр. гр. 8—13. В частности несопоставимы абсолютные величины заработной платы, почему они и не показаны вовсе.

[2] Проценты исчислены по полным данным (в тыс.), а не по сокращенным данным этой таблицы.

Показатели	1927/28 г.[1]		1928/29 г.		1929/30 г.		1928/29 г.		1929/30 г.		1929/30 г. к 1927/28 г.	
	Попятилетнему плану	Отчетные данные	Пятилетний план	Ожидаемое выполнен.	Пятилетний план	Намечается по к. ц. на 1929/30 г.	Пятилетний план (4:2)	Ожидаемое выполнен. (5:3)	Пятилетний план (6:4)	Намечается по к. ц. на 1929/30 г. (7:5)	Пятилетний план (6:2)	Намечается по к. ц. на 1929/30 г. (7:3)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
IV. Промышленность												
А. Вся промышленность												
1. Валовая продукция в ценах 1926/27 г. (млн. руб.)	18.312	19.093	21.164	22.292	25 009	28 135	115.6	116,8	118.2	126.2	136,6	147.4
В том числе цензовой	13.882	14.131	16.439	17 115	19.885	22.521	118,4	121,1	121,0	131.6	143 2	159,4
„ „ „ мелкой (вкл. муком.)	4.430	4.962	4.725	5.177	5.124	5.614	106,7	104,3	108,4	108.4	115,7	113.1
2. Тоже в ценах соотв тств. года	17.951	18.314	20 358	21.401	23.081	26.117	113.4	116,9	113,4	122.0	128,6	142 6
В том числе цензовой [1]	13.521	13.566	15.646	16 416	18.097	20.819	115,7	121,0	115,7	126,8	133.8	153,5
„ „ „ мелкой (вкл. муком. и с сырьем заказчика)	4.430	4.748	4.712	4.985	4.984	5.298	106,4	105,0	105,8	106,3	112,5	111,6
Б. Планируемая промышленность												
1. Валовая продукция (в млн. руб.) в ценах 1926/27 г.	10.909	11.101	13.246	13.732	16.091	18 141	121,4	123,7	121,5	132,3	147.5	163,4
В том числе гр. А	4 393	4 362	5.516	5 699	6.960	8 345	125.6	130.7	126 2	146 4	158,4	191,3
„ „ „ „ Б	6.516	6.739	7.730	8.033	9 131	9.796	118,6	119,2	118,1	121,9	140,1	145 4
2. Число рабочих (в тыс.)	2 103	2.122	2.194	2 287	2.280	2.452	104,3	107,8	104,1	107,2	108,1	115,6
3. Выработка годов. (в руб. по ценам 1926/27 г.)	5.187	5.231	6.037	6.004	7 060	7.409	116,4	114,8	117,0	123.4	136.5	141.6
4. Себестоимость	100	100	93	95,5	86.0	85	— 7,0	— 4,5	— 7,5	— 11,0	— 14.0	— 15,0
5. Капит. вложен. (в цен. соответств. лет млн. руб.)	1.318	1.325	1 659	1.679	2.331	3.250	125.9	126.7	140,5	193.0	176.9	245.0
В том числе гр. А	938	950	1 224	1.239	1.738	2.408	130.5	130,4	142,0	194,4	185.3	253,5
„ „ „ „ Б	365	365	363	363	482	494	99,5	99,5	132,8	136,1	132,1	135,3
V. Сельское хозяйство												
1. Валовая продукция (млн. руб. в ценах 1926 27 г.)	14 526	14.526[2]	15.037	14.787[2]	16.303	15.186[2]	103 5	101,8	108 4	102,7	112.2	104.5
2. Машиноснабжение (в млн. руб.)	149	149	220	220	304	380	147.7	147,7	138,2	172,7	218,7	255,0
3. Трактороснабжение (в тыс. шт.)	3,3	3,3	9,7	9,7	25,0	41,0	290,1	290,1	258,8	122,7	750,8	1.242,4
4. Потребление минер. удобрен. (без известковой и жмых. муки) тыс. тонн	259	216	558	538	1.776	1.066	215,4	249,0	318,3	194,6	685 7	494.0
5. Капитальные вложен. (млн. руб. в ценах соответств. лет, без мероприятий общего пользов.)	3.022	3.022	3.183	2.684	3.504	3.693	105,3	88,8	110,1	137,6	115,9	122,2
В том числе обобществл. сектор	236	231	349	365	637	1.264	147,9	158,0	182,5	346,3	269,9	547,2
VI. Транспорт												
1. Грузооборот жел. дор. (мрд. тонно-*км.*)	88,1	88 2	97.0	105 8	108,7	125.1	110,1	120.0	112,1	118,2	123,4	141,8
2. Выручка жел. дор. (млн. руб.)	1.628	1.724	1.830	2 025	2.095	2.425	112,4	117,5	114,5	119,8	128,7	140,7
3. Капитальные вложения (млн. руб. в ценах соответств. лет)	896	949	1.125	1.197	1.496	1.912	125,6	126,1	133,0	159,7	167.0	201,5
В том числе жел.-дор. транспорт	714	757	844	927	1 087	1.355	118,2	122,5	128,8	146,2	152,2	179,0

[1] По конъюнктурным данным („карточек срочной отчетности"), т.-е. без незавершенного производства.

[2] Расхождения с данными сводной таблицы вызваны уточнением ЦСУ размеров натуральной продукции и изменением цен на некоторые продукты. Указанные уточнения и изменения, в целях сравнимости с данными пятилетнего плана, в настоящей таблице не учтены.

Контрольные цифры на 1929/30 г. и пятилетний план — *Продолжение таблицы 3*

Показатели	Абсолютные величины						В %%% к предыдущ. году[1]				1929/30 г. в %%% к 1927/28 г.	
	1927/28 г.		1928/29 г.		1929/30 г.		1928/29 г.		1929/30 г.			
	По пятилетнему плану	Отчетные данные	Пятилетний план	Ожидаемое выполнение	Пятилетний план	Намечается по к. ц. на 1929/30 г.	Пятилетний план	Ожидаемое выполнен. (5 : 3)	Пятилетний план	Намечается по к. ц. на 1929/30 г. (7 : 5)	Пятилетний план (6 : 2)	Намечается по к. ц. на 192 /30 г. (7 : 3)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
VII. Бюджет (млн. руб.)												
1. Сводный — нетто	6.008	6.218	7.123	7.269	8.633	9.779	118,6	116,9	121,2	134,5	143,7	157,3
2. Государственный — брутто	6.718	6.836	7.752	7.940	9.178	10.406	115,4	116,1	118 4	131,1	136 6	152,2
3. „ — нетто	4.229	4.315	5.103	5.197	6.145	7.118	120,7	120,4	120,4	137,0	145 3	165,0
4. Финансирование по госбюджету	1.943	1.959	2.705	2.811	3.310	4.272	139,2	143 5	122,4	152 0	170,4	218,1
В том числе промышленность	651	659	945	970	1.090	1.325	145,1	147 2	115,3	136,6	167,4	201,1
„ „ „ электрификация	135	135	184	186	225	300	135,9	137,8	122,3	161,3	166,2	222,2
„ „ „ транспорт	557	535	732	770	1.018	1.204	131,4	143,9	139,1	156,4	182,8	225,0
„ „ „ сельское хозяйство (без расх. прох. по смете НКЗ)	159	161	335	348	353	630	210,7	216,1	105,4	181,0	222,0	391,3
„ „ „ ирригация	37	35,5	40	39	65	120	109,3	109,9	162,6	307,7	177,6	338,0
VIII. Индексы												
1. Отпускных цен ВСНХ (1913 г. = 100)	185,3	185,3	182,7	184,8	174,7	177,4	98,6	99,7	95,6	96,0	94,3	95,7
2. Заготовит. цен на с.-х. продукты (перем. веса секторов 1913 = 100)	156,4	156,4	165,0	183,3	164,2	178,8	105,5	117,2	99,5	97,5	105,0	114,3
зерновые	134 6	134,6	156,6	190,4	155,4	180,6	116,3	141,5	99,2	94,9	115,5	134,2
технические	139,8	139,8	144,6	146,0	144,6	146,2	103,4	104,4	100,0	100,1	103,4	104,6
животноводство	181,8	181,8	183,4	197,6	183,0	198,7	100,9	108,7	99,8	100,6	100,7	109,3
3. Бюджетный (перемен. веса секторов)	198,7	198,7	204,3	209,8	199,2	201,4	102,8	105,6	97,5	96,0	100,3	101,4
В том числе товарная часть	207,0	207,0	207,0	217,1	201,0	207,1	100,0	104,9	97,1	95,4	97,1	100,0

[1] Расхождения с данными сводной таблицы вызваны уточнением ЦСУ размеров натуральной продукции и изменением цен на некоторые продукты. Указанные уточнения и изменения, в целях сравнимости с данными пятилетнего плана, в настоящей таблице не учтены.

Таблица 4

Капитальные вложения в государственную планируемую ВСНХ промышленность на 1929/30 г. По проекту районной секции Госплана СССР, доложенному на VI с'езде, плановых органов (в млн. руб. в ценах соответств. года)

Показатели / Республики и районы	Общая сумма капитальных вложений	В том числе			Прочие вложения (расшир. и реконструкц., капит. ремонт, охрана труда, жилстроит. и пр.	Удельный вес в СССР	
		Новое строительство				Общая сумма вложений	Новое строительство
		Всего	Гр. „А"	Гр. „Б"			
1	2	3	4	5	6	7	8
Всего по СССР	2.828,24	1.353,27	1.169,05	184,22	1.474,97	100	100
1. РСФСР	1.813,04	1.016,63	878,55	138,08	796,41	64,10	75,12
В том числе:							
1. Северный край	70,92	38,42	38,22	0,20	32,50	2,51	2,84
2. Ленинградская область	168,26	48,12	37,57	10,55	120,14	5,95	3,56
3. Карельская АССР	14,37	7,18	3,48	3,70	7,19	0,51	0,53
4. Западная область	43,79	16,19	14,74	1,45	27,60	1,55	1,19
5. Московская промышленная	289,72	148,50	131,97	16,53	141,22	10,23	10,98
6. Ивановская „	105,03	48,03	8,73	39,30	57,00	3,71	3,55
7. Центр.-Черноз. область	42,59	23,59	16,30	7,29	19,00	1,51	1,74
8. Нижегородский край	145,07	92,73	73,43	19,30	52,34	5,13	6,85
9. Уральская область	378,08	248,88	240,13	8,75	129,20	13,37	18,39
10. Башкирская АССР	16,10	3,29	3,27	0,02	12,81	0,57	0,24
11. Средне-Волжская область	24,77	11,77	9,82	1,95	13,00	0,88	0,87
12. Татарская АССР	10,27	6,72	6,72	—	3,55	0,36	0,50
13. Нижне-Волжский край	80,32	61,21	59,96	1,25	19,11	2,84	4,52
14. Крымская АССР	29,44	24,60	21,85	2,75	4,84	1,04	1,82
15. Северный Кавказ	155,92	83,89	73,46	10,43	72,03	5,51	6,20
16. Дагестанская АССР	5,25	3,33	1,92	1,41	1,92	0,19	0,25
17. Казакская АССР	53,26	29,77	28,43	1,34	23,49	1,88	2,20
18. Киргизская АССР	11,96	9,15	5,99	3,16	2,81	0,42	0,68
19. Сибирский край	123,29	94,97	88,04	6,93	28,32	4,36	7,02
20. Бурято-Монгольск. АССР	2,42	1.99	1,79	0,20	0,43	0,09	0,15
21. Якутская АССР	0,75	0.74	0,30	0,44	0,01	0,03	0,05
22. Дальне-Восточный край	41,46	13,56	12,43	1,13	27,90	1,46	0,99
II. УССР	713,70	184,61	180,01	4,60	529,09	25,24	13,64
III. БССР	51,75	35,82	24,30	11,52	15,93	1,83	2,64
IV. ЗСФСР	193,43	80,63	69,16	11,47	112,80	6,85	5,96
V. УзбекССР	39,13	23,22	11,75	11,47	15,91	1,38	1,71
VI. Таджикс. ССР	4,47	3,52	1,90	1,62	0,95	0,16	0,27
VII. ТуркССР	12,72	8,84	3,38	5,46	3,88	0,45	0,65

Примечание. В сумме нового строительства в сводной таблице капитального строительства промышленности планируемой ВСНХ, корреспондирует: 1.166,9 млн. руб. в новое строительство+52,2 млн. руб. проектировка + 114,0 вложений на научно-исследовательские работы за вычетом ГЕОЛКОМ и НТУ т.-е. всего 1.333,1. Небольшое расхождение (19,9 млн. руб.) об'ясняется в первую очередь различным распределением об'ектов по рубрикам нового строительства и реконструкции.

Общий размер капитальных вложений на 1929/30 г. устанавливается в следующих суммах:

А. Распределенное по республикам и районам новое строительство, включая проектировки и работы научно-исследовательского характера 1.353,27
Расширение, реконструкция, капитальный ремонт, охрана труда и прочее . . . 1.474,97

Итого . . . 2.828,24

Б. Не распределенные по республикам и районам:
ГЕОЛКОМ и НТУ 74,0
Втузы, стройконторы, ссуды жилстр., финансиров. электрификации и проч. . . . 288,5
Резерв 110,0

Всего . . . 3.300,7

Процессы обобществления в контрольных цифрах 1929/30 г.
(Удельные веса социальных секторов)

Таблица 5

Показатели	Государственное хозяйство					Кооператив-ное хозяйство		Итого хозяйств обобществленного сектора					Частное хозяйство				
	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
I. Численность лиц наемного труда	70,6	70,8	72,0	72,8	74,0	8,8	9,2	10,0	10,6	11,0	79,4	80,0	82,0	83,4	85,0	20,6	20,0	18,0	16,6	15,0
в том числе:																				
в промышленности	84,9	86,3	88,2	89,2	89,4	5,5	5,2	5 5	5.8	5 9	90,4	91,5	93,7	95,0	95,3	9,6	8,5	6,3	5,0	4·7
а) цензовой	94,8	95,4	95,8	96 0	96,0	2,7	2·8	2.9	3,2	3.3	97,5	98,2	98,7	99,2	99,3	2,5	1.8	1.3	0,8	0·7
б) мелкой	22,9	25.4	31,3	34 5	33.8	23.1	21,0	24 9	26.4	28,2	46,0	46,4	56,2	60,9	62,0	54,0	53.6	43,8	39.1	38 0
в сельском хозяйстве	28,6	28 2	30,9	32,9	39,1	4,2	4,3	4.6	4 8	4 8	32,8	32 5	35,5	37,7	43,9	67,2	67.5	64,5	62 3	56,1
„ строительстве	89.4	90,7	91,2	92 4	94,7	5.4	6,4	6,9	6.0	4.2	94 8	97,1	98,1	98.4	98,9	5,2	2,9	1.9	1.6	1,1
„ транспорте и связи	96.6	97,1	97,7	97.8	98 1	1.5	1 4	1,2	1.2	1,1	98,1	98,5	98,9	99,0	99,2	1,9	1.5	1,1	1.0	0.8
„ торговле	34,3	29,8	27,1	25 6	22,0	52,8	57,2	63 6	69,4	74,9	87,1	87,0	90,7	95,0	96,9	12,9	13,0	9,3	5,0	3,1
II. Капит. вложения за год	38,6	43,1	49,1	55,2	63,7	3,9	5,0	6,1	10,0	12,2	42,5	48,1	55,2	65,2	75,9	57,5	51,9	44,8	34.8	24,1
в том числе:																				
промышленность	91,3	93,2	94 3	95,5	96.4	2,6	2,1	1,9	1,8	2,2	93 9	95,3	96,2	97.3	98,6	6,1	4,7	3,8	2.7	1,4
сельское хозяйство	1,9	2,7	2,8	6.3	16.5	2,7	2,8	6.0	13.7	21.5	4,6	5,5	8,8	20,0	38,0	95,4	94,5	91,2	80,0	62 0
жилфонд в городах	35.6	23,5	32,7	27.6	26,0	18,6	32,9	27,9	31 3	38,6	54 2	56,4	60,6	58,9	64,6	45.8	43,6	39,4	41,1	35.4
торг.-склад. дело	66,7	59,5	52,3	26.9	41,4	26,3	40,5	47,7	73,1	58,6	93,0	100,0	100,0	100.0	100,0	7,0	—		—	—
III. Осн. фонды к концу года	48,8	49,1	50,1	52,0	55,7	1,4	1,5	1,7	2,2	3,2	50,2	50,6	51,8	54,2	58,9	49,8	49,4	48,2	45,8	41,1
в том числе:																				
промышленности	87,1	88,0	89 2	90,5	92,2	3,5	3,3	3,0	2.8	2.6	90 6	91,3	92,2	93,3	94,8	9,4	8,7	7,8	6,7	5,2
сельского хозяйства	2,6	2,6	2,7	2,8	4,5	1,7	1,3	2,1	2,8	4,6	4,3	4.4	4,8	5,6	9,1	95,7	95,6	95,2	94,4	90,9
жилфонда в городах	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	58.3	58,8	59 5	60,3	61,9	41,7	41,2	40.5	39,7	38,1
торг.-склад. дела	55,6	56,9	56,3	46.9	45,0	35,6	36,8	39,2	50,2	53,3	91,2	93,7	95,5	97,1	98,3	8,8	6,3	4,5	2,9	1,7
IV. Оборотные фонды	37,5	39,1	34,8	37,0	37,3	9,3	10,7	12,9	17,1	20,9	46,8	49,8	47,7	54,1	58,2	53,2	50,2	52,3	45,9	41,8
в том числе:																				
промышленности	98,6	98,9	99,0	99,2	99.2	—	—	—	—	—	98,6	98,9	99,0	99,2	99,2	1,4	1,1	1.0	0,8	0,8
сельского хозяйства	1,3	1,8	1,8	2,2	3,2	0.8	0,8	1,4	4.5	9,2	2,1	2 6	3,2	6,7	12,4	97,9	97,4	96.8	93,3	87,6
торговли	25,5	22,6	19,2	22,6	23.9	50,6	57,7	68,2	69,6	72,1	76,1	80.3	87,4	92,2	96,0	23,9	19,7	12,6	7,8	4,0
V. Валовая продукция	30,8	33,1	35,7	36,0	41,5	4,3	4,4	6,2	7,5	9,7	35,1	37,5	41,9	43,5	51,2	64,9	62,5	58,1	56,5	48,8
в том числе:																				
промышленности	64,5	66,3	68,9	70,7	72,9	8,4	8,5	11,7	14,1	15,3	72,9	74,8	80 6	84,8	88 2	27,1	25,2	19,4	15 2	11,8
а) цензовой	89,6	91,3	90.8	90,1	89.7	6,4	6,4	7.8	9,0	9.6	96,0	97,7	98,6	99 1	99.3	4.0	2.3	1,4	0.9	0,7
б) мелкой	5,0	4,3	6,2	7,0	6 8	13 1	13,6	23,2	30 9	37,9	18.1	17,9	29.4	37,9	44,7	81,9	82 1	70.6	62.1	55.3
сельского хозяйства	0,8	0,7	0,9	0,9	1,2	0,6	0,5	0,5	0,8	2,5	1 4	1,2	1,4	1,7	3,7	98,6	98,8	98,6	98,3	96,3
VI. Товарная продукция	50,4	52,9	55,1	56,1	59,5	8,0	8,2	11,4	13,8	15,9	58,4	61,1	66,5	69,9	75,4	41.6	38,9	33,5	30,1	24,6
в том числе:																				
промышленности	60,4	62,2	64,7	66.4	68,9	9,4	9 6	13,4	16,2	17 6	69,8	71,8	78,1	82,6	86,5	30,2	28,2	21,9	17,4	13,5
а) цензовой	87,7	89,7	89,0	88,0	87,6	7,6	7,6	9,3	10,9	11,5	95 3	97,3	98,3	98,9	99,1	4,7	2,7	1 7	1,1	0.9
б) мелкой	5.0	4,3	6,2	7,0	6,8	13,1	13.6	23,2	30,8	37,9	18,1	17,9	29.4	37,8	44 7	81,9	82,1	70,6	62,2	55,3
сельского хозяйства	2,7	2,2	2,9	3,2	3,4	1,1	0,9	0,8	1,6	5.5	3,8	3,1	3,7	4.8	8,9	96.2	96,9	96,3	95,2	91,1
VII. Торг.-посредн. оборот	34,0	32,4	31,2	30,1	30,0	41,5	48,7	57 5	63,3	66,7	75,5	81,1	88,7	93,4	96,7	24,5	18,9	11,3	6,6	3,3
в том числе:																				
оптовый	51,2	46,2	41,8	37,6	36,4	41.5	49,2	56 3	61.4	63,1	92,7	95,4	98.1	99,0	99,5	7.3	4,6	1 9	1,0	0.5
розничный	15,5	14,4	13,1	14 0	12,7	41,6	48,2	59,5	67,4	76.6	57,1	62,6	72,6	81,4	89,3	42,9	37,4	27,4	18,6	10,7

Таблица 6

Капитальные вложения в основные фонды народного хозяйства

(в млн. рубл. в ценах соответствующих лет)

ОТРАСЛИ	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	В %%% к предыдущ. году			
						1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
I. Промышленность (включ. промжилфонд)									
1. Планируемая	811	1.098	1.325	1.679	3.117[1]	135,4	120,7	126,7	185,6
в т. ч. гр. „А"	478	731	950	1.239	2.408	152,9	130,0	130,4	194,4
„ „Б"	278	342	365	363	494	123,0	106,7	99,5	136,1
2. Прочая госпромышленность	105	144	259	329	404	137,1	179,9	127,0	122,8
Итого по госсект.	916	1.242	1.584	2.008	3.521	135,6	127,5	126,8	175,3
В т. ч. промжилфонд	101	127	138	166	264	125,7	108 7	120.3	159,0
3. Кооперативный сектор	26	28	31	38	82	107,7	110,7	122,6	215.8
4. Частный сектор	61	63	64	56	51	103.3	101,6	87,5	91,1
Всего по промышленности	1.003	1.333	1.679	2.102	3.654	132,9	126,0	125.2	173,8
II. Электрификация									
1. Районные станции	72	199	215	303	513	276,4	108.8	140,9	169,3
2. Коммунальные станции	25	44	50	55	77	176,0	113,6	110,0	140,0
3. Электрификация села	3	4	4	11	18	133,0	100,0	275,0	163,6
Всего по электрификации	100	247	269	369	608	247,0	108,9	137,2	164,0
Кроме того, ф.-з. станции	35	50	65	67	145	142,9	130,0	103,1	216,4
III. Сельское хозяйство (производственн. фонды)									
1. Мертвый инвентарь:									
а) машины и орудия	135	174	212	250	410	128,9	121,8	117,9	164,0
б) тракторы	32	11	12	27	86	34,4	109,1	225 0	318,5
в) пр. с.-х. мелкий инвентарь	82	86	97	115	120	104,9	112,8	118,6	104,3
г) транспортн. инвентарь	151	192	216	218	273	127,2	112,5	100,9	125,2
Итого по мертв. инвент.	400	463	537	610	889	115.8	116,0	113,6	145,7
2. Хозяйственн. постр.	580	610	637	656	786	105.2	104.4	103,0	119,7
3. Скот, птица, ульи	1.006	1.142	1.053	528	1.027	113,5	92,6	49,9	194,5
4. Мелиорация (колхозы и кооперация)	15	28	37	22	62	186,7	132,1	59.5	281.8
5. Ирригация (совхозы и госорганы)	20	26	28	53	188	130.0	107,7	189,3	354.7
Итого по с. х. без жилстроительства	2 021	2.269	2.297	1.869	2.952	112,3	101,2	81,4	157,5
Сверх того по жилстроительству	931	1.015	989	1.048	1.063	109,0	97,4	106 0	101,4
Всего по сельскому хозяйству	2.952	3 285	3.286	2.917	4.015	111,2	100,0	88,8	137,6
В т. ч. государственный сектор	46	74	74	120	578	160,9	100,0	162,2	481.7
В т. ч. кооперативный „	60	64	157	245	686	106,7	245,3	156.1	280 0
В т. ч. частный „	2.846	3.147	3.055	2.552	2.751	110,6	97,1	83,5	107.8
Сверх того проч. мероприятия	30	45	62	453	563	150,0	137,8	730,6	124,3
Всего с прочими мероприятиями	2.982	3.330	3.348	3.370	4.578	111,7	100,5	100,7	135,8
В т. ч. государственный сектор	56	89	94	212	757	158.9	105.6	225,5	357,1
В т. ч. кооперативный „	80	94	199	462	983	117,5	211,7	232,2	212.8
В т. ч. частный „	2 846	3.147	3.055	2.696	2.838	110,6	97,1	8 ?,2	105,3
IV. Лесное хозяйство	5	8	13	21	47 6	160,0	162,5	161,5	226,7
V. Транспорт									
1. Железнодорожный	476	584	757	927	1.355	133,9	129,6	122,5	146,2
а) путь	198	307	394	512	896	155,1	128,3	129,9	175,0
б) тяга	238	277	363	415	459	116,4	131 0	114,3	110.6
В т. ч. капитальный ремонт	238	293	295	295	383	123,1	100,7	100,0	129,8
2. Водопути	7	9	9	17	34	128,6	100,0	188,9	200,0
3. Порты	9	13	20	23	38	144.4	153,8	115,0	165.2
4. Речные пароходства	17	21	37	54	73	123.5	176.2	145,9	135.2
5. Морские „	23	21	39	44	78	91,3	185.7	112,8	177,3
6. Шоссейные и грунтовые дороги	37	47	84	126	319	127,0	178,7	150,0	253,2
В т. ч. а) общесоюзного значения	11	14	32	50	104	127.3	228,6	156,3	208,0
В т. ч. б) местного „	26	33	52	76	215	126,9	157,6	146,2	282,9
7. Авиотранспорт	—	—	3	6	20	—	—	200.0	333.3
Всего по транспорту	529	695	949	1.197	1.917	131,4	136.5	126,1	160,2

[1] Общая сумма вложений по финансовому плану (3.250 млн. руб.) включает в себя ряд ассигнований, проходящих по капитальному строительству других отраслей (электрификация и т. д.).

Продолжение таблицы

ОТРАСЛИ	1925/26 г.	1926 27 г.	1927/28 г.	1928 29 г.	1929/30 г	В % к предыдущ. году			
						1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
В т. ч. жилстроительство	20	26	30	47	—	130,0	115,4	156,7	—
Кроме того автотранспорт	14	11	9	31	96	78,6	81,8	344,4	309,7
VI. Связь	21	34	38	56	87	161,9	111,8	147,4	155,4
VII. Торгово-складское дело и с.-х. индустрия	129	148	176	260	454	114,7	118,9	147,7	174,6
в т. ч. государственный сектор	86	88	92	70	188	102,3	104,5	76,1	268,6
в т. ч. кооперативный „	34	60	84	190	266	176,5	140,0	226,2	140,0
в т. ч. частный „	9	—	—	—	—	—	—	—	—
VIII. Просвещение	26	66	114	244	420	253,8	172,7	214,0	172,1
IX. Здравсохранение	42	80	89	92	132	190,5	111,3	103,4	143,5
X. Управление	44	53	61	59	68	120,5	115,1	96,7	115,3
XI. Коммунальное хозяйство (без электростанции)	113	121	170	231	343	107,0	140,5	135,9	148,5
XII. Жилстроительство в городах									
Всего по жилстроительству									
а) без жилстр. пром., тран. электрификацию.	360	438	513	526	666	121,5	117,1	102,5	126,6
в т. ч. государственн. сектор	128	103	168	145	173	80,5	163,1	86,3	119,3
в т. ч. кооперативный „	67	144	143	165	257	214,9	99,3	115,4	155,8
в т. ч. частный „	165	191	202	216	236	115,8	105,8	106,9	109,3
б) То же вкл. жилстроит. пром., трансп. и электрификацию	486	611	718	759	1.033	125,7	117,5	105,7	136,1
Всего по народному хозяйству	5.354	6.553	7 419	8.527	12.975	122.4	113.2	114 9	152,2
То же без проч. меропр. по с.-х.	5.324	6.508	7.357	8.074	12.412	122,2	113,0	109,7	153,7
Социальные секторы государственн. сектор	2.066	2.826	3.641	4.704	8.262	136,8	128,8	129.2	175.6
Социальные секторы кооперативный „	207	326	457	855	1 588	157.5	140,2	187,1	185,7
Социальные секторы частный „	3.081	3.401	3.321	2.968	3.125	110,4	97,6	89,4	105,3

Примечание. В вышеприведенных таблицах не учтены по техническим условиям поправки, внесенные в контрольные цифры на 1929/30 г. VI Всесоюзным с'ездом плановых роботников.

Трактороснабжение по республикам и районам *Таблица 7*

По проекту районной секции Госплана СССР, доложенному на VI с'езде плановых органов

(в штуках в переводе на трактор мощностью 10 HP)

Республики и районы	Наличие на 1/X — 29 г.	Завоз в 1929/30 г.	Наличие на 1/X — 30 г.
1. Всего по СССР	33.963	41.177	75.140
В том числе:			
резерв.	—	303	303[1]
2. I. РСФСР	22.212	29.632	51.844
В том числе:			
резерв.	—	120	120[2]
центр.	—	120	120
3. Северный край	78	34	112
4. Ленинградская промышленная	250	145	400
5. Карельская АССР	—	5	—
6. Западная область	355	108	463
7. Московская промышленная	758	220	978
8. Ивановская „	262	149	411
9. Центрально-Черноземная область	3.437	3.250	6.687
10. Нижегородский край	258	230	488
В том числе:			
Чувашская АССР	—	25	—
11. Уральская область	1.038	1.630	2.668
12. Башкирская АССР	545	1.396	1.941
13. Средне-Волжская область	2.087	5.359	7.446
14. Татарская АССР	128	303	431
15. Нижне-Волжский край	3.037	3.074	6.111
В том числе:			
АССР Немцев Поволжья	—	334	—
16. Крымская АССР	769	314	1.083
17. Северный Кавказ	5.963	3.600	9.563
18. Дагестанская АССР	139	113	252
19. Казакская АССР	885	4.122	5.007
20. Киргизская АССР	—	100	100
21. Сибирский край	1.647	4.037	5.684
22. Бурято-Монгольская АССР	14	43	57
23. Якутская АССР	—	15	15
24. Дальне-Восточный край	562	1.145	1.707
25. II. УССР	9.202	7.137	16.339
26. III. БССР	190	335	525
27. IV. ЗСФСР	926	1.150	2.076
28. V. Узб. ССР	1.105	2.620	4.053
29. VI. Тадж. ССР	—		
30. VII. Турк.ССР	328		

[1] По Средней Азии (Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан) завоз определяется в 2.620 тракторов, в том числе по хлопковым районам Узбекистана — 1.270, Таджикистана — 300, Туркменистана — 300.

Остальное количество в размере 750 тракторов по республикам не распределено. Распределение тракторов по Главхлопкому, Акц. О-ву Овцевод, Акц. О-ву Кендырь и Кенаф по республикам и районам подлежит дальнейшему уточнению.

[2] В графе „наличие на 1/X — 30 г." тракторы по резервам будут разверстаны по районам.

Капитальные вложения в новое строительство государственной, планируемой ВСНХ промышленности на 1929/30 г. *Таблица 8*

По проекту районной секции Госплана СССР, доложенному на VI с'езде плановых органов

(в млн. руб. в ценах соответств. года)

Республики и районы	Топливная	В том числе			Горнодобывающая	Электротехническая	Металлопром.	В том числе:			Химическая	В том числе:		Лесная	Стройматериалы	В т. ч.	Первичная обраб. волокна	Итого по гр. „А"
		Каменноуг.	Нефтяная	Торфяная				Черный металл	Цветной металл	Машиностроение		Коксохимическая	Искусств. волокон			Стеклольн.		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
I. Всего по СССР	200,95	101,31	92,84	6,80	16,80	34,42	450,84	155,22	87,40	208,22	203,83	36,90	24,30	81,69	164,91	10,74	15,41	1.169,05
1. РСФСР в том числе:	93,70	38,32	50,49	4,89	10,64	34,42	386,22	117,90	83,35	184,97	148,44	12,50	18,80	70,13	124,19	7,72	10,61	878,55
2. Северный край	0,08	—	—	0.08	—	—	—	—	—	—	1,10	—	—	33,95	3,09	—	—	38,22
3. Ленинградская область	0,80	—	—	0,80	—	3,08	7,30	2,50	4,40	0,40	15,82	—	5,30	1,74	7,18	2,5	1,65	37,57
4. Карельская АССР	—	—	—	—	0,28	—	—	—	—	—	0,10	—	—	2,90	0,20	—	—	3,48
5. Западная область	0,53	—	—	0,53	—	—	—	—	—	—	5,60	—	—	0,60	5,15	—	2,86	14,74
6. Московская промышленная	9,52	6,04	—	3,48	—	20,65	27,53	0,10	7,00	20,43	31,72	—	9,50	0,45	41,18	—	0,92	131,97
7. Ивановская „	1,76	—	1,76	—	—	—	—	—	—	—	1,27	—	—	—	4,37	0,45	1,33	8,73
8. Центр.-Черноземн. область	—	—	—	—	—	1,54	1,10	0,90	—	0,20	4,42	—	—	—	8,73	—	0,51	16,30
9. Нижегородский край	—	—	—	—	—	7,60	40,33	—	—	40,33	10,82	—	—	6,77	7,11	2,50	0,80	73,43
10. Уральская область	23,19	8,19	15,0	—	8,57	—	129,85[1]	63,40	31,05	35,20	55,73	9.50	—	3,60	19.19	0,13	—	240,13
11. Башкирская АССР	—	—	—	—	0,09	—	—	—	—	—	1,10	—	—	1,83	0,25	—	—	3,27
12. Средне-Волжская область	—	—	—	—	0,32	—	—	—	—	—	4,08	—	—	0,17	5,25	—	—	9,82
13. Татарская АССР	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4,03	—	4,00	1,16	1,53	—	—	6,72
14. Нижне-Волжский край	—	—	—	—	—	1,55	50,40	1,00	—	49,40	2,20	—	—	3,82	1,99	—	—	59,96
15. Крымская АССР	—	—	—	—	0,12	—	18,60	18,60	—	—	—	—	—	—	3,13	—	—	21,85
16. Сев. Кавказ	34,58	3,42	31,16	—	0,20	—	31,30	—	2,00	29,30	1,93	—	—	2,51	2,94	1.60	—	73,46
17. Дагестанская АССР	—	—	—	—	0,20	—	—	—	—	—	1 06	—	—	—	0,66	—	—	1,92
18. Казакская АССР	1,90	0,30	1,60	—	—	—	22,88	—	22,45	0.43	2,37	—	—	—	0.86	—	0,42	28,43
19. Киргизская АССР	4,68	4,28	0,40	—	—	—	0,25	—	—	0,25	—	—	—	0,07	0,14	—	0,85	5,99
20. Сибирский край	14,96	14,96	—	—	0,76	—	51,90	27,80	15,20	8,90	4,59	3,00	—	4,93	9,63	0,22	1,27	88,04
21. Бурято-Монгольская АССР	—	—	—	—	0,10	—	0,13	—	—	0,13	0,04	—	—	1,20	0,32	0,32	—	1,79
22. Якутская АССР	0,08	0,08	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0,13	0,09	—	—	0,30
23. Дальне-Восточный край	1,62	1,05	0,57	—	—	—	4,85	3,60	1,25	—	0,46	—	—	4,30	1,20	—	—	12,43
24. II. УССР	59,89	58,89	—	1,00	3,85	—	55,11	34,11	4,00	17,00	40,15	24,20	—	1,86	19,15	—	—	180,01
25. III. БССР	0,91	—	—	0,91	—	—	2,00	—	—	2,00	8,40	—	5,50	4,30	6,94	3,00	1,75	24,30
26. IV. ЗСФСР	45,50	4,10	41,40	—	0,95	—	4,31	3,21	—	1,10	3,79	—	—	5,10	9,09	—	0,42	69,16
27. V. Узб. ССР	—	—	—	—	0,51	—	3,05	—	0,05	3,00	3,00	—	—	0,05	5,14	0,02	—	11,75
28. VI. Таджик. ССР[1]	—	—	—	—	—	—	0.15	—	—	0,15	—	—	—	0.25	0.10	—	1,40	1,90
29. VII. Турк. ССР	0,95	—	0,95	—	0,85	—	—	—	—	—	0,05	—	—	—	0,30	—	1,23	3,38
30. Не распределено по районам	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1,00	—	—	0,52	—

Примечание: Размер капиталовложений в планируемую ВСНХ промышленность дается в таблицах 7 и 8 по проекту районной секции Госплана СССР, как он был доложен на VI с'езде плановых работников. По рассмотрении в СНК и утверждении лимитов по отраслям и республикам цифры капиталовложений в разверстке по районам подвергнутся уточнению и изменению.

[1] В т. ч. 0,2 на проект и разведки.

Продолжение таблицы 8

Республики и районы	Текстильная	В том числе: Одежда и туалет	В том числе: Швейная	Кожевенно-обувная	Химическая	Бумажная	Фарфоро-фаянсовая	В том числе: Пищевая	Сахарная	Соляная	Полиграфическая	Фото-кино-пром.	Итого по гр. „Б“	Всего
20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34
I. Всего по СССР	51,21	11,36	2,14	9,62	23,46	41,66	1,69	42,30	11,64	2,68	0,23	—	184,21	1.353,27
1. РСФСР в том числе:	36,47	7,31	0,09	5,57	21,54	36,40	1,69	27,31	11,44	1,78	—	—	138,07	1.016,63
2. Северный Край	—	—	—	—	0,10	0,10	—	—	—	—	—	—	0,20	38,42
3. Ленинградская область	1,00	3,42	—	—	—	5,40	0,33	0,40	—	—	—	—	10,55	48,12
4. Карельская АССР	—	—	—	—	—	3,70	—	—	—	—	—	—	3,70	7,18
5. Западная область	1,45	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1,45	16,19
6. Московская промышленная	11,40	3,89	0,09	—	0,53	—	0,70	—	—	—	—	—	16,52	148,50
7. Ивановская „	18,72	—	—	—	20,58	—	—	—	—	—	—	—	39,30	48,03
8. Центр.-Черноземн. область	2,40	—	—	0,85	—	—	0,10	3,94	3,14	—	—	—	7,29	23,59
9. Нижегородский край	1,50	—	—	1,00	—	16,80	—	—	—	—	—	—	19,30	92,73
10. Уральская область	—	—	—	1,33	—	7,40	—	0,02	—	—	—	—	8,75	248,88
11. Башкирская АССР	—	—	—	—	—	—	—	0,02	—	—	—	—	0,02	3,29
12. Средне-Волжская область	—	—	—	1,00	—	—	—	0,55	—	0,40	—	—	1,95	11,77
13. Татарская АССР	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6,72
14. Нижне-Волжский край	—	—	—	0,39	—	—	—	0,86	—	—	—	—	1,25	61,21
15. Крымская АССР	—	—	—	—	—	—	—	2,55	—	0,20	—	—	2,75	24,60
16. Сев. Кавказ	—	—	—	0,23	0,05	—	—	10,15	2,70	—	—	—	10,43	83,89
17. Дагестанская АССР	—	—	—	—	—	—	—	1,41	—	—	—	—	1,41	3,33
18. Казакская АССР	—	—	—	0,34	—	—	—	0,02	—	0,98	—	—	1,34	29,77
19. Киргизская АССР	—	—	—	0,08	0,04	—	—	3,04	2,60	—	—	—	3,16	9,15
20. Сибирский край	—	—	—	0,24	—	3,00	0,56	3,01	3,00	0,12	—	—	6,93	94,97
21. Бурято-Монгольская АССР	—	—	—	—	—	—	—	0,20	—	—	—	—	0,20	1,99
22. Якутская АССР	—	—	—	0,01	—	—	—	0,35	—	0,08	—	—	0,44	0,74
23. Дальне-Восточный край	—	—	—	0,10	0,24	—	—	0,79	—	—	—	—	1,13	13,56
24. II. УССР	0,50	—	—	1,00	0,68	—	—	1,82	—	0,60	—	—	4,60	184,61
25. III. БССР	1,80	2,94	0,94	2,30	0,92	0,50	—	3,06	—	—	—	—	11,52	35,82
26. IV. ЗСФСР	5,92	0,50	0,50	—	0,32	3,50	—	1,00	0,20	—	0,23	—	11,47	80,63
27. V. Узб.ССР	3,00	0,60	0,60	0,74	—	1,26	—	5,57	—	0,30	—	—	11,47	23,22
28. VI. Таджик.ССР	0,20	0,01	0,01	0,01	—	—	—	1,40	—	—	—	—	1,62	3,52
29. VII. Турк.ССР	3,32	—	—	—	—	—	—	2,14	—	—	—	—	5,46	8,84
30. Не распределено по районам	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Выполнение пятилетнего плана капитальных вложений в государственную плани
По проекту районной секции Гос

Республики и районы / Показатели и годы	ВСЕГО				
	За 2 года пятилетки		Итого	По пятилетке 1928/29—1932/33 г.	% выполн.
	1928/29	1929/30			
1	2	3	4	5	6
1. Всего по СССР	1.856,23	3.379,29	5.235,52	15.973,11	32,8
2. РСФСР	1.122,43	2.165,88	3.288,31	9.956,91	33,0
в том числе:					
3. Северный Край	25,75	84,75	110,50	299,8	36,87
4. Ленингр. Обл.	141,12	201,07	342,19	991,17	34,52
5. Карельск. АССР	10,07	17,17	27,24	48,60	56,06
6. Центральн. районы (Моск.-Пром. Обл. Иван. и Ниж. Край)	409,37	645,52	1.054,89	2.984,10	33,35
7. Центр.-Черн. область	24,89	50,90	75,79	421,30	17,99
8. Уральск. область	168,18	451,81	619,99	1.961,90	31,60
9. Башкирск. АССР	8,65	19,24	27,89	60,70	45,96
10. Ср.-Волжск. область	13,71	29,60	43,31	187,50	23,10
11. Татарская АССР	5,31	12,27	17,58	61,00	28,83
12. Нижн.-Волжск. Край	36,55	95,98	132,53	446,18	29,71
13. Крымская АССР	23,21	35,18	58,39	173,60	33,64
14. Сев. Кавказ	131,00	186,32	317,32	865,79	36,65
15. Дагестан. АССР	3,26	6,27	9,53	25,26	37,74
16. Казакская АССР	13,52	63,65	77,17	339,16	22,75
17. Киргизская АССР	2,73	14,29	17,02	43,90	38,77
18. Сибирский Край	35,48	147,33	182,81	610,50	29,95
19. Бур.-Монг. АССР	0,21	2,89	3,10	13,90	22,30
20. Якутская АССР	0,24	0,90	1,14	5,95	19,16
21. Дальне-Восточный Край	22,36	49,30	71,66	258,70	27,70
22. II. УССР	500,8	852,87	1.353,67	4.201,0	31,62
23. III. БССР	32,9	61,84	94,74	266,0	35,62
24. IV. ЗСФСР	162,2	231,45	393,65	1.127,9	34,90
25. V. Узб.ССР	26,3	46,76	73,06	340,8	21,44
26. VI. Тадж. ССР	2,40	5,29	7,69		
27. VII. Туркм.ССР	9,20	15,20	24,40	80,5	39,87

Примечание: 1. В сумму капитальных вложений не входят вложения в рыбную
2. В сумму итога по СССР и РСФСР вошли капитальные вложе
по старой и новой сеткам.

Таблица 9

руемую ВСНХ промышленность за 2 года—1928/29 и 1929/30 (по неизменным ценам)
плана СССР, доложенному на IV с'езде плановых органов

В том числе новое строительство					Удельн. веса всех капит. влож.				Удел. веса капит влож. в новое строительство			
За 2 года пятилетки		Итого	По пятилетке	% выполн.	1928/29 г.	1929/30 г.	За 2 г. пятилетки	За 5 лет	1928/29 г.	1929/30 г.	За 2 г. пятилетки	За 5 лет
1928/29	1929/30											
7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
697,28	1.616,60	2.313,88	8.149,31	28,4	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00
443,68	1.214,37	1.657,95	5.538,21	29,9	60,47	64,09	62,81	62,55	63,63	75,12	71,65	67,96
11,60	45,90	57,50	167,40	34,35	1,39	2,50	2,11	1,86	1,66	2,84	2,48	2,05
31,42	57,49	88,91	351,9	25,27	7,60	5,95	6,54	6,31	4,51	3,56	3,84	4,32
0,16	8,58	8,74	19,70	44,37	0,54	0,51	0,52	0,30	0,02	0,53	0,38	0,24
113,66	345,59	459,25	1.352,40	33,96	22,05	19,10	20,15	18,55	16,30	21,38	19,85	16,60
7,83	28,18	36,01	311,90	11,55	1,34	1,51	1,45	2,62	1,12	1,74	1,56	3,83
56,82	297,35	354,17	1.208,20	29,31	9,06	13,37	11,84	12,18	8,14	18,39	15,30	14,83
0,20	3,93	4,13	20,80	19,86	0,47	0,57	0,53	0,38	0,03	0,24	0,18	0,26
1,17	14,06	15,23	112,50	13,54	0,74	0,88	0,83	1,16	0,17	0,88	0,66	1,38
3,16	8,03	11,19	44,60	25,09	0,28	0,36	0,34	0,38	0,46	0,50	0,48	0,55
18,84	73,13	91,97	318,88	28,84	1,97	2,84	2,53	2,92	2,70	4,52	3,97	3,91
21,10	29,39	50,49	146,90	34,37	1,25	1,04	1,12	1,08	3,03	1,82	2,78	1,80
55,45	100,23	155,68	464,39	33,53	7,06	5,52	6,06	5,39	7,95	6,20	6,73	5,70
1,28	3,98	5,26	15,66	33,59	0,18	0,19	0,18	0,25	0,18	0,24	0,23	0,19
5,76	35,57	41,33	235,96	17,52	0,73	1,88	1,47	2,14	0,83	2,20	1,79	2,90
0,60	10,93	11,53	27,90	41,34	0,15	0,42	0,33	0,27	0,09	0,67	0,50	0,34
19,33	113,49	132,82	501,70	26,47	1,91	4,36	3,49	3,79	2,77	7,02	5,74	6,16
—	2,38	2,38	10,90	21,84	0,01	0,08	0,06	0,09	—	0,16	0,10	0,13
0,24	0,88	1,12	2,45	45,74	0,01	0,03	0,02	0,04	0,03	0,05	0,05	0,03
7,15	15,97	23,12	170,30	13,58	1,20	1,46	1,37	1,86	1,03	0,99	1,00	2,09
137,5	220,61	358,11	1.539,0	23,27	26,98	25,24	25,86	26,09	19,72	13,65	15,48	18,89
19,2	42,80	62,00	206,0	30,07	1,77	1,83	1,81	1,65	2,75	2,65	2,68	2,53
74,5	96,35	170,85	517,2	—	8,74	6,85	7,52	7,08	10,68	5,96	7,38	6,35
17,5	27,75	42,85	282,4	15,53	1,42	1,38	1,40	2,12	2,51	1,72	1,85	3,46
	4,16	6,56			0,13	0,16	0,14		—	0,25	0,28	—
5,0	10,56	15,56	66,55	23,38	0,49	0,45	0,46	0,51	0,72	0,65	0,68	0,82

промышленность.
ния по Западному району, который особо не выделяется, в виду несовпадения границ

Удельный вес обобществленного сектора сельского хозяйства по посевным площадям за 1928—30 г.

Таблица 10

Республики и районы / Показатели и годы	Вся посевная площадь									В том числе под зерновыми								
	1928 г.			1929 г.			1930 г.			1928 г.			1929 г.			1930 г.		
	Совхозы	Колхозы	Итого обобщ. сектор	Совхозы	Колхозы	Итого обобщ. сектор	Совхозы	Колхозы	Итого обобщ. сектор	Совхозы	Колхозы	Итого обобщ. сектор	Совхозы	Колхозы	Итого обобщ. сектор	Совхозы	Колхозы	Итого обобщ. сектор
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
1. Всего по СССР	1,16	1,24	2,38	1,37	3,10	4,47	1,85	11,23	13,08	0,76	1,15	1,91	1,07	3,73	4,80	1,92	10,89	12,81
2. РСФСР	0,62	1,25	1,87	0,99	3,91	4,90	2,13	11,43	13,56	0,47	1,17	1,64	0,85	3,85	4,70	1,82	11,36	13,18
В том числе:																		
3. Северный край	0,19	0,33	0,52	0,23	1,78	2,01	0,37	5,22	5,59	0,12	0,28	0,40	0,15	1,61	1,76	0,16	4,16	4,32
4. Ленинградская область	0,58	0,69	1,27	0,73	1,23	1,96	0,84	2,81	3,65	0,33	0,65	0,98	0,39	0,89	1,28	0,35	1,99	2,34
5. Карельская АССР	—	0,88	0,88	—	1,14	1,14	—	4,93	4,93	—	0,26	0,26	—	0,77	0,77	—	3,37	3,37
6. Западная область	0,71	0,46	1,17	0,70	0,98	1,68	0,89	3,13	4,02	0,53	0,36	0,89	0,56	0,94	1,50	0,67	2,71	3,38
7. Московская промышленная	0,92	0,47	1,39	0,99	1,11	2,10	1,19	5,85	7,04	0,59	0,37	0,96	0,63	0,96	1,59	0,83	5,3	6,13
8. Ивановская „	0,27	0,24	0,51	0,35	1,11	1,46	0,47	3,55	4,02	0,21	0,21	0,42	0,23	1,05	1,28	0,28	3,47	3,75
9. Нижегородская область	0,12	0,25	0,37	0,12	0,90	1,02	0,21	4,66	4,87	0,09	0,21	0,30	0,09	0,80	0,89	0,11	4,13	4,24
10. ЦЧО	2,05	0,70	2,75	2,38	2,88	5,26	2,43	9,34	11,77	1,49	0,61	2,10	1,62	2,62	4,24	1,89	9,40	11,29
11. Уральская область	0,16	1,55	1,71	0,38	5,99	6,37	1,6	14,1	15,7	0,1	1,43	1,53	0,34	5,45	5,79	1,55	12.89	14,44
12. Башкирская АССР	0,25	0,64	0,89	0,42	2,42	2,84	3,6	12,1	15,7	0,23	0,57	0,80	0,36	1,94	2 30	3,71	15,00	18,71
13. Средне-Волжская область	0,64	0,73	1,37	1,06	2,37	3,43	3,9	16,7	20,6	0,54	0,65	1,19	1,02	2,19	3,21	4.16	15,47	19,63
14. Татарская АССР	0,21	0,36	0,57	0,66	1,13	1,79	0,70	4,9	5,6	0,16	0,29	0,45	0.64	0,94	1,58	0,66	4,28	4,94
15. Нижне-Волжский край	0,50	1.52	2,02	1,53	4,93	6,46	3,3	14.4	17,7	0,42	1,44	1,86	1 50	4,70	6,20	3,49	13,69	17,18
16. Крымская АССР	2,06	3,72	5,78	3,23	14,76	17,99	6,5	21,0	27,5	1,95	3.71	5,66	2,84	14,14	16,98	6,35	22.15	28,50
17. Северный Кавказ	0.41	3,13	3,54	1,19	8,08	9,27	2,2	17,0	19,2	0,34	2,76	3,10	1,30	8,10	9,40	2,59	17,51	20,10
18. Дагестанская АССР	—	1,50	1,50	3,65	4,08	7,73	4,67	10,72	15,39	—	1,38	1,38	3,94	3,55	7,49	3,63	9,02	12,65
19. Казакская АССР	0,24	1,83	2,07	0,62	3,99	4,61	3,19	11,4	14,59	0,19	1.87	2,06	0,67	4,05	4.72	3,55	11,68	15,23
20. Киргизская АССР	0,12	1,39	1,51	0,30	4,31	4,61	1,9	8,45	10,35	0,09	1,25	1,34	0,32	4,03	4,35	2,76	9,56	12,32
21. Сибирский край	0,31	1,69	2,00	0,52	5,93	6,45	1,8	15,6	17,4	0,20	1,71	1,91	0,40	5,90	6,30	1,73	15,6	16,79
22. Бурято-Монгольская АССР	—	1,12	1,12	—	3,98	3,98	0,05	12,4	12.45	—	0,90	0,90	—	3,30	3,30	0,06	10,4	10,46
23. Якутская АССР	—	1,83	1,83	0,26	6,38	6,64	3,09	8,9	11,4	—	1,70	1,70	0,29	5,96	6,35	2,84	8,49	11,33
24. Дальне-Восточный край	—	0,11	0.11	—	1,33	1,33	—	5.3	5,3	—	0.10	0,10	—	1,33	1,33	—	5.0	5,0
25. II. УССР	2,65	1,30	3,95	2,80	3,98	6,78	2.5	11,28	14,37	1,91	1,24	3.15	2,03	3,90	5,93	2,47	10,63	13,10
26. III. БССР	1,32	1,12	2,44	1,44	3,24	4,68	1,57	11,72	13,29	0,82	0,90	1,72	0,89	2,86	3,75	0,99	10,52	11,51
27. IV. ЗСФСР	0,27	0,60	0,87	0,30	2,29	2,59	0,91	7,9	8,81	0,10	0.37	0,47	0,11	1,54	1,65	0,48	5,78	6,26
28. V. УзбССР	0,29	1,12	1,41	0,80	3,82	4,62	2 5	8,1	10,6	0,17	0,61	0,78	1,1	1,7	2,8	3,98	1,83	5,81
29. VI. Тадж.ССР	—	0.36	0,36	0,20	1,64	1,84	4,6	4,9	9,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—
30. VII. Турк.ССР	—	0,93	0,93	0,05	3,94	3,99	0.3	9,1	9,4	—	0,79	0,79	0,05	1,86	1,91	0,27	5,64	5,91

Примечания: Таблица составлена по данным контрольных цифр Со
По УССР удельные веса обобществленного сектора, исчи
По РСФСР данные по совхозам приведены без нетрести

южных республик на 1929/30 г.
слены по данным проектировки с.-х. секции Госплана СССР.
рованных совхозов.

Таблица 11

Новое жел.-дор. строительство на 1929/30 г.

Республики и районы / Показатели и годы	Протяжение (км)[1]	Общая стоимость (млн. руб.)	Израсходовано до 1/X — 29 г. (млн. руб.)	Контрольные цифры на 1929/30 г. (млн. руб.)
1	2	3	4	5
1. Всего по СССР	11.039	1.205,04	182,55	296.366[2]
2. РСФСР, в том числе:	8.390	970,690	151.060	220.270
3. Северный край	674	46,4	0,800	6.770
4. Ленинградская область	26	2,0	—	2.000
5. Карельская АССР	—	—	—	—
6. Западная область	640	99,00	1,000	15.000
7. Московская промышленная	355	56,00	—	8.000
8. Ивановская „	186	29,30	—	5.200
9. Центрально-Черноземная область	—	—	—	—
10. Нижегородский край	379	36,50	1.500	11.500
11. Уральская область	811	66,420	27.400	27.700
12. Башкирская АССР	—	48,90	—	—
13. Средне-Волжская область	386	48.900	—	7.000
14. Татарская АССР	—	—	—	—
15. Нижне-Волжский край	607	131,20	3.000	13.000
16. Крымская АССР	—	—	—	—
17. Северный Кавказ	173	5,020	1.350	2.840
18. Казакская АССР	2.450	250.350	107.500	80.720
19. Дагестанская АССР	—	—	—	—
20. Киргизская АССР	115	12.710	—	5.000
21. Сибирский край	971	133.900	4.840	24.060
22. Бурято-Монгольская АССР	—	—	—	—
23. Якутская АССР	—	—	—	—
24. Дальне-Восточный край	617	52,99	3.670	11.500
25 II УССР	779	71.390	17.930	29.756
26. III. БССР	—	—	—	—
27. IV. ЗСФСР	704	64.230	7.750	23.320
28. V. Узб.ССР	—	—	—	—
29. VI. Таджикск. ССР	—	—	—	—
30. VII. Турк.ССР	—	—	—	—
31. Итого средняя Азия Узб. ССР, Тадж. ССР, Турк. ССР[2]	1.162	103.720	10.410	27.000

[1] Километраж показан с приближением.

[2] Кроме того, здание Правления Турк. Сиб. ж. д. в Алма-Ата — 3 млн. руб., изыскания и общие расходы 18,5 млн. руб., а всего 321,866 млн. руб., а за снижением цен 290 млн. руб.

Г. М. Кржижановский

На пороге нового хозяйственного года[1]

Товарищи, нет сомнения, что страна с огромным напряжением ждет решений настоящего с'езда. Слишком ответственнен переживаемый момент, слишком динамично то время, в котором мы живем, слишком велика нужда в том, чтобы в эту текущую динамику в быстрейший срок было бы внесено плановое, организующее начало.

Совершенно бесполезно доказывать, что этот год—1929/30 г.—действительно является хребтовым годом пятилетки. Удачное выполнение заданий на 1929/30 г., удачная компановка плана на 1929/30 г. имеют огромное значение для всей перспективной пятилетней хозяйственной работы.

Товарищи, целый ряд моментов действует в одном и том же направлении, действует так, что нужды в плановом хозяйственном режиме становятся все более широкими, и все более и более неотложными, становятся достижения в этом, может быть, решающем направлении. Прислушиваясь к тому отзвуку, который находит работа наших плановых органов и, в частности, работа Госплана Союза, можно смело заявить, что еще никогда не было такой обстановки для самой благодарной работы того отряда трудящихся, который представлен на настоящем с'езде. Это не в силу того, что работников плановых органов чтут за старые заслуги. Мы живем сейчас в такой обстановке, когда критическое отношение к действительности, могучая волна самокритики для нас является неотложной реальной потребностью строительства. Смешно говорить, что в такое время прошлое может довлеть над настоящим. Не старые заслуги, а потребность времени—вот то, что выдвигает на новую роль плановые органы.

Не игра слов, а конкретный, определяющий термин, когда мы говорим, что мы строим плановое, социалистическое хозяйство. Здесь нельзя сделать никакого водораздела между словами „плановое" и „социалистическое". А если это так, то ясно, почему наше социалистическое строительство не может не быть строительством плановым. Правильное понимание этого поможет, быть может, в отыскании ведущего звена широкой организационной реконструкции.

Отмеченные выше моменты заставляют нас здесь особо учитывать ту ответственность, которая падает на нас за наши предстоя-

[1] Вступительное слово на VI Всесоюзном с'езде плановых органов 22/IX—1929 г.

щие решения. Мало сказать, что 1929/30 г. является хребтовым годом потому, что мы здесь используем целых два года времени в перспективе, охватывающей всего пять лет. Надо учесть то своеобразие, которое с самого начала для нас было ясным и которое приурочилось к этим первым двум вступительным годам нашей пятилетки. Этот момент был сугубо подчеркнут в свое время, еще на предыдущем Всесоюзном с'езде Госпланов, когда отдельные участники его пытались охарактеризовать трудности реализации пятилетки; он же нашел свое отражение и в дискуссии по финансовому плану, проведенной в Госплане, при чем наши финансисты тогда также утверждали, что двухлетний под'ем основных количественных и качественных хозяйственных показателей сильнейшим образом облегчит нам продвижение вперед в дальнейшее время.

Действительно, эти первые сдвиги являются предрешающими сдвигами. Вспомните, товарищи, что в начале составления пятилетнего плана нам постоянно приходилось срезать так называемые „горбы". Что означали эти горбы? Они означали то, что, подходя к проблемам долгосрочного характера для того, чтобы обеспечить себе правильный конечный исход, мы должны были на первых этапах пятилетней перспективы делать ряд ударных ставок. Нашими организованными усилиями мы эти горбы несколько срезали. Но вот прошел короткий период времени. Мы должны были убедиться в том, что, очевидно, нужны перманетные действия планового рычага, чтобы эти горбы не выростали перед нами вновь в том или ином направлении. Прошло немного месяцев после утверждения пятилетнего плана и в спешном ударном порядке и партия, и правительство вынуждены были поставить на решение целый ряд народнохозяйственных проблем, которые, казалось, были разрешены в пятилетнем плане.

В контрольных цифрах на 1929/30 г. нам приходится учитывать ряд поправок, явившихся неотложными. Это — не наша вина, а наша общая беда. Эта ударность работы характеризует то обстоятельство, что мы находимся еще на первых этапах действительно планового режима. Даже сроки нашей плановой работы еще подлежат переоценке. В частности, например, на тех собраниях, которые были перед настоящим с'ездом, в таком важном, скажем, вопросе, как культура, подчеркивалось, что наш хозяйственный год резко расходится с годом учебных заведений. Может быть нам придется еще и еще раз вернуться к установкам в этом направлении и продумать все, что нужно сделать для того, чтобы не быть в постоянной фазе запозданий.

Переходя непосредственно к контрольным цифрам 1929/30 г., нужно с самого начала подчеркнуть, что развертывание народного хозяйства в этом году будет протекать в условиях особой динамичности. То, что сейчас представляется нам возможным заверстать в условиях текущего года, является сверстыванием относительным.

Есть целый ряд моментов, которые заставят нас в текущем 1929/30 г. еще не раз возвращаться как бы к пройденным этапам. Но по тому, что намечено твердо, во всяком случае видно, что наступающий год будет годом большого напряжения народнохозяйственной энергетики. Для того, чтобы в этом убедиться, достаточно остановиться на основных элементах плана 1929/30 г. По промышленности, капитальных вложений было намечено в пятилетке 2.735 млн. руб.; по нынешним контрольным цифрам они намечаются в 3.654 млн.;[1] по электрификации намечалось по пятилетке 453 млн., по контрольным цифрам намечается 608 млн.; по обобществленному сельскому хозяйству намечалось 1.094 млн., по контрольным цифрам намечается 1.740 млн.; по транспорту намечалось 1.430 млн., по контрольным цифрам намечается 1.917 млн. и т. д.

Общий размер вложений в народное хозяйство, без частного сектора сельского хозяйства, превосходит наметку пятилетки, примерно на 3 мрд., доходя до цифры 10.137 млн. руб.

Достаточно этой справки, чтобы видеть, как далеко вперед мы ушли от наметок пятилетки в части капитального строительства, капитальных вложений в народное хозяйство. А если это так, и если даже в аспекте оптимального варианта пятилетки у нас второй год явился годом величайшего напряжения, то ясно, что эти новые наметки контрольных цифр, достаточно красноречиво говорят о той гигантской работе, которую предстоит проделать для того, чтобы их реализовать.

Важнейшая задача с'езда — оценить те шансы, которые позволяют нам итти настолько вверх против продуманного, сбалансированного плана, оцениваемого, как план величайшего напряжения. В последнем счете вы придете к тому выводу, что наш важнейший шанс — это шанс той социалистической реконструкции хозяйства, которая в течение этого года должна сделать громаднейший шаг вверх, должна сказаться сильнейшим положительным фактором, который в своем превышении того, что мы предвидили в пятилетке, и должен нам обеспечить возможность соответствующего повышения ее ставок. Если вообще ставки пятилетки вызвали среди наших врагов такого рода настроение, что они приписывали стране, нам, работникам этой страны, своего рода помешательство, то можно себе представить, как будет встречено за рубежом это новое форсирование пятилетки.

Порой, неподалеку от себя, мы уже сейчас слышим по этому поводу некоторый недоверчивый „шопоток".

Малодушному „шопотку" скептиков, наветам и клевете врагов, мы противопоставим здоровое уверенное чувство строителей, точные расчеты, опирающиеся на возможно более широкий фронт научно-исследовательской мысли и на гигантский рычаг самокритики трудящихся масс. Действительность покажет, что правы те, кто верит

[1] В неизменных ценах 1926/27 г.

в могучую силу пролетариата, проснувшегося к новой активности к новому творчеству.

Если позволено нам будет отойти от привычных форм и продумать, что же в этом предстоящем году из всех синтетических вопросов является наиболее важным вопросом, то я бы думал, что это вопрос один. Если по существу 1929/30 г. есть год гигантской строительной кампании,— а это так и есть — то вопросом, решающим все остальные вопросы, является учет эффективности этой строительной кампании, учет эффективности наших капитальных вложений.

По сути дела ответ на этот основной вопрос дают сами контрольные цифры, сам план во всей своей сложности, потому что капитальное строительство года — костяк плана — немедленно сопрягается со строительством прошлых лет, предопределяет строительство будущее реализируется в эксплоатационной практике и лишь вся хозяйственная машина в целом подводит соответствующие итоги, которые и даются в развернутом виде в перспективном плане.

Итак, учет эффективности капитальных вложений в развернутой форме дается нам только нашими перспективными планами. Но из этого не следует, что мы не можем подойти с некоторыми облегчающими моментами к этому учету. Больше того: мы должны подойти, ибо мы работаем, отнюдь, не в дружеском окружении, мы в борьбе продвигаемся вперед.

И по ходу этой борьбы нам важна ясность на каждом этапе нашего строительного звена. Поэтому все работы теоретического характера, направленные в помощь учету эффективности наших затрат, являются одним из важнейших завоеваний плановой мысли. Есть различные труды, накопившиеся в этой области. Я хочу обратить ваше внимание на одну работу, по-моему, чрезвычайно интересную,— это работу т. Струмилина, напечатанную в 7 номере „Планового Хозяйства“ — „Эффективность капитальных затрат“ Я сейчас не имею времени и возможности остановиться подробно на этой работе, но вот что в ней особенно ценно. Наши враги говорят, что мы создаем себе некоторый мираж, что несмотря на все так называемые достижения, которые они ставят в ковычках, у нас происходят не воспринимаемая нами, но явная хозяйственная деградация, и это говорится не только по отношению к сельскому хозяйству, но по отношению ко всему нашему хозяйству в целом. Одним из достоинств работы т. Струмилина является то, что он дает ответ на этот основной вопрос.

Можно ли говорить о деградации хозяйственного организма, если можно доказать, что в данном хозяйственном аггрегате при точном учете роста работоспособного населения одновременно идет такая созидательная работа по трудовооружению этих работоспособных, которая обеспечит, по меньшей мере для всей новой армии труда, такую вооруженность, которую имели в этом аггрегате ранее

все трудоспособные. Если дело так, то никакого спуска вниз не происходит. Тов. Струмилин берет 1928/29 г., когда работоспособное население составляло около 82 млн. человек, а в основных и оборотных фондах, в среднем на одного работника, приходилось 1 тыс. руб. Годовой естественный прирост работоспособного населения — 1,8 млн., значит вложений в основные производственные фонды должны по этому расчету быть не менее 1 мрд. 800 млн. (в расчете 1 тыс. руб. на каждого человека). Если бы мы спускались вниз — опасность деградации нависала бы. А что говорит действительность? Производственные фонды в 1927/28 г. составляли 27.663 тыс. руб., в 1928/29 г. — 30.036 тыс. руб., т.-е., другими словами, мы здесь имеем в этих производительных фондах на 3 мрд. скачек вверх. В предстоящем 1929/30 г. намечается повышение [1] на 6 мрд., т.-е., примерно, мы в 3 раза превосходим ту грань, которую отмечает т. Струмилин. Я считаю, что это чрезвычайно важный подсчет, которым должно воспользоваться для борьбы с наветами. Но это не все. Укажу еще одно место в статье т. Струмилина, которое, заслуживает особого внимания. Он устанавливает так называемый специальный коэфициент эффективности капитальных затрат, с учетом перспективной экономии труда и доказывает, что каждый час труда, затраченный в течение ближайшего пятилетия по нашей программе в капитальное строительство, обеспечивает по истечении пятилетки возможность сберечь в трудовых расходах не менее 7 час. Каждый час труда даст 7 час. экономии труда.

Эти два момента ясно говорят о том, какая огромная положительная работа совершается в нашем хозяйстве и как далеко отходим мы от возможностей деградации.

Другой, еще более красноречивый ответ в этом отношении дала наша хозяйственная действительность в истекшем году как-раз в разрезе сельского хозяйства. Между прочим, мы здесь заслушали на заседаниях Президиума Госплана очень интересный доклад т. Левина, где приводились очень богатые данные о таких сдвигах в сельском хозяйстве, которые говорят о дальнейшем его техническом под'еме. Но не это выполнение агроминимума является для нас решающим. Для нас решающим является то обстоятельство, что не прошло еще коротких месяцев с того времени, когда мы вместе с вами намечали строительство социалистического сектора сельского хозяйства, а теперь мы уже удваиваем задание. Такова встречная тяга бедняцко-середняцких миллионных масс. Если бы мы тут пошли с большей программой вспомогательных средств от нашего государства, если бы мы пошли с большим количеством тракторов, с большим количеством машинно-тракторных станций, с большим количеством всех тех приводов, которыми располагает советская власть

[1] Специальный расчет этого повышения см. в докладе т. Квиринга, печатающемся в этом же номере.

в этом отношении, — нет никакого сомнения, что мы имели бы еще большую встречную волну. Сейчас при неумолчных указаниях всех работников в этой области мы не удовлетворяем спроса. Трудовая установка миллионов в этом решающем направлении опрокидывает все установки правых уклонистов. Тут только удовлетворяй этой активности, доростай до нее. Без всякого преувеличения можно сказать, что на наших глазах развертывается действительно величественная картина нового деревенского Октября. На наших глазах темная власть земли замещается властью советов.

Товарищи, я думаю, что в контрольных цифрах на 1929/30 г. мы должны будем с прежней энергией выдвинуть энергетическое звено. События все более и более подкрепляют нас в том, что это звено действительно является ведущим звеном. В материалах Секции Электрификации, которые будут розданы с'езду, можно найти следующие поучительные цифры: вы увидите, что нынешний 1929/30 г. является переломным в нашем электростроительстве. Впервые в 1929/30 году, сразу в один год, вступают в эксплоатацию районные станции общей мощностью 0,5 млн. *квт* Промышленные станции того ранга, который можно приравнять к рангу районных станций, дают свыше 100 тыс. *квт*; кроме того, впервые электрификация находит применение в социалистическом секторе сельского хозяйства нашей деревни, который предполагает установить мощность энергии около 20 тыс. *квт* Из этих же материалов видно, что в этом году у нас действительно строится некая общая энергетическая крыша, которая позволяет нам рассчитывать, что вся энерговооруженность сделает громадный новый сдвиг. По данным ЦОС'а за первое полугодие истекшего 1928/29 г. энерговооруженность возрастает немногим больше, чем на 7% — это уже знаменательный сдвиг. Применительно к той программе, которую я здесь охарактеризовал можно ожидать значительно большего повышения энерговооруженности наших рабочих масс. Однако, товарищи, я склонен думать, что особый перелом в предстоящем году по линии энергетики нас ждет не в направлении этой материальной энерговооруженности, а в линиях живой энергетики. Вот, где собственно то звено, которое дает совершенно особую ситуацию и нашей работе, и работе хозяйственных и оперативных органов на предстоящий год. Я бы сказал так: перед нами, товарищи, настоящий энергетический Октябрь. Я с особой энергией подчеркиваю: „настоящий энергетический Октябрь".

По наметкам на 1929/30 г. около 40% всех рабочих будет охвачено 7-часовым рабочим днем. Данные статистики показывают, что мы уже имеем при 7-часовом рабочем дне нормальную, для 8-часового дня, производительность. Это еще не учтено нами, а это — огромный шаг в рационализации живой энергетики. Товарищи, вы, наверно, с неослабевающим интересом следите, как развертывается социалистическое соревнование. Можно было бы целые часы говорить на тему о тех поразительных фактах, о тех поразительных сдвигах, которые соревнование дает нам в отдельных областях нашего хозяйства. На наших глазах оно принимает самые своеобразные формы, при чем особенно интересным для нас является новая смычка города и деревни, рабочих и крестьян на почве социалистического соревнования. Пусть здесь много неувязки, пусть работа низов перехлестывается порой очень слабосильным организационно-плановым восприятием сверху, но в целом это — новый огромнейший фактор энергетики.

Третий момент в этом направлении это то, что мы называем „непрерывкой". Мне кажется, что еще очень многие не отдают себе отчета в том огромном значении, которое имеет переход на „непрерывку". Мы начали с удара на старый календарный год и перенесли его на хозяйственные рельсы. Это был первый удар по старым навыкам, по наследству старой России. Теперь мы должны сделать новый, более решительный, удар по линии рационализации использования времени. Я бы сказал так, что если мы задачам экономического районирования, использования природных территориальных ресурсов придаем огромное значение, то не меньшее значение по своим результатам в народнохозяйственной экономике по сдвигам живой энергетики будет иметь рационализация использования времени, связанная с „непрерывкой". Этот новый фактор может быть сильно изменит и ставки по линии электрификации.

Наконец, четвертый момент. Судя по материалам Секции Труда Госплана о видах безработицы, 1928/29 г. был годом перелома в явлениях безработицы. 1928/29 г. сокращает безработицу на 10% и расширяет число лиц, работающих по найму, на целый миллион человек. Это говорит красноречивым языком о могучей силе нашего хозяйства, которая в создании пролетарских кадров позволяет продвигаться такими гигантскими шагами вперед.

Итак, четыре момента, которые я отметил, говорят, что этот год является годом особого значения в живой энергетике. Но здесь все еще находится в движении, здесь многое еще растет на наших глазах. Мы сделали еще мало и находимся еще в положении хвостистов. Вы здесь имеете такой сложный интеграл хозяйственной действительности, что с нашими обычными балансами приходится быть очень и очень осторожными. Нам не дано кабинетного планового благополучия.

Но из этого не следует, что к балансам надо относиться легкомысленно. Каждому свое. К чему все это нас обязывает? Требуется, прежде всего, всесторонний качественный под'ем всех приводов, которыми мы располагаем по отношению к многообещающей энергетике живого труда. Все должны подтянуться.

Иные думают, что в условиях горячего строительства острота идеологических установок неуместна. Это — глубокая ошибка. Не забывайте о новой раскачке миллионных трудовых масс. Навстречу

ему должна итти железная устойчивость партийных рычагов. Всякая качка здесь была бы пагубной. Вот почему партия права, давая такой сокрушительный отпор всем разновидностям правых уклонов.

Что было во Владимире Ильиче особо поразительного, что так быстро завоевало ему совершенно особое, исключительное место в рядах всех политических деятелей? Удивительно гениальный, многосторонне отшлифованный ум, проникновенный подход к явлениям жизни и несокрушимая никакими обстоятельствами глубочайшая вера в пролетарскую победу. Этой верой прежде всего и должна быть проникнута вся наша плановая работа. Следующий привод — наши профсоюзы. Мы отмечаем, что на наших глазах мы имеем здесь некоторые сдвиги, но и здесь нужен новый, качественно, марш. Недавно мне пришлось слышать очень интересную речь тов. Кагановича по поводу того, что наблюдается сейчас с коллективными договорами. Вот уже сколько лет, из года в год, одной из наших важнейших политических и хозяйственных кампаний мы считаем кампанию по проведению коллективных договоров. Мы пишем превосходные резолюции. С каждым годом они все более умны, все более уточнены, все более отточены, но тов. Каганович подчеркивает, что между этими резолюциями и действительностью имеются еще порядочные ножницы. Число конфликтующихся по коллективным договорам не убывает, а растет, как будто бы у нас в нашем советском хозяйстве есть „стороны“ прежнего типа. Тов. Каганович говорит, что анализ приводит к тому положению, что у нас еще налицо некоторый тред'юнионизм в профсоюзах и некоторый бюрократизм наших хозяйственников. Так вот, на ряду с поднимающейся энергией рабочего класса, с его новым подходом к социалистическому хозяйству, эти пережитки должны быть выметены в ближайший срок и в рядах профсоюзов, и в среде хозяйственников.

Мы наблюдаем на каждом шагу расшифровки секрета выполнения наших планов. Возьмите, например, эффект хлебозаготовок, когда план заготовительной кампании доведен до села, и эффект хлебозаготовок, когда он ограничивается прежним централизованным порядком. Возьмите вы эффект в распределении займа индустриализации в том случае, когда кампания доведена до низов, до фабрик, до села, или когда она ведется прежним порядком, ограничиваясь средними звеньями. Тут можно было бы привести много поразительных цифр. Дорога эффективности ясна.

Каковы же способы этого реального внедрения планов в основную трудовую массу?

Создать для этих масс максимально благоприятную обстановку труда и движения вверх. В данном случае решающую роль играют вопросы кадров, которые организуют труд, вопросы рычагов культуры, которые облегчают под'ем вверх. Эти огромнейшие вопросы, уже стоявшие ребром в аспекте пятилетки, с еще большей остротой возникнут теперь, когда мы осуществляем пятилетку, именно

в своеобразных условиях энергетики этого года, в условиях того огромнейшего строительства, когда качество работы является решающим. С'езд должен будет уделить этим вопросам огромное внимание.

Но, товарищи, я думаю, что не меньшее внимание с'езд должен будет уделить и вопросам организационным, потому что не только культура, не только кадры, но и вся обстановка хозяйственная, весь госаппарат в целом является действующим фактором народнохозяйственной жизни. А у нас, когда линия госаппарата совершенно своеобразно скрещивается с хозяйственной линией, это будет иметь особо большое значение. Вопросы организационные являются вопросами, которые потребуют корректирования плановой мысли и все, что товарищи могут сказать в этом направлении, помочь своим опытом, опытом мест, опытом различных отраслей народного хозяйства — они должны сказать и сделать, потому что этот вопрос еще ждет плановой установки.

В своем докладе т. Струмилин будет подчеркивать не только одни положительные стороны народнохозяйственной энергетики. Он будет подчеркивать специфическую обстановку, которая создалась у нас на продовольственном рынке, которая создалась в бюджете рабочего. Вы увидите, что вопросы организации здесь являются, быть может, тоже решающими вопросами. Мы за один год можем сделать немногое для того, чтобы дать большой сдвиг, например, скажем, в таком тяжеловесном по технической сущности разрезе хозяйства, как сельское хозяйство. Но в течение года в организованном подходе к всемерной помощи бюджету рабочих мы можем сделать очень многое.

Я думаю, товарищи, что эта же энергетика с новой остротой поставит вопросы о научно-исследовательских работах. Организация народнохозяйственного питания, модель его, громаднейший фронт работ по стандартизации, по учету потерь — все это ждет своих исследователей. Без этого мы не можем сделать и дальнейшего очередного планового этапа к работам генплана.

Товарищи, я кончаю свое вступительное слово, которое и так уже затянулось. Позволю себе закончить его только одним пожеланием. Вы все, наверное, читали, что на Днепрострое сейчас происходит решающий цикл работ — плотина, которая, по справедливости, называется одной из величайших плотин мира, — ее судьбы сейчас решаются, потому что они зависят от кладки бетона, от размера тех операций, которые мы можем делать по бетону. Сообщалось, что две консультации (там находятся американцы и немцы) приблизительно сошлись в возможности учета этой работы, при чем немцы говорят, что 800 *куб. м* в сутки — это задание предельное; американцы максимумом считают — 1.300 *куб. м* в сутки. Об'явлено было социалистическое соревнование рабочих Днепростроя и они заявили, что берутся поставить мировой рекорд — 1.500 *куб. м* в сутки.

Это такой рекорд, которого мир еще не видал. Рабочие Днепростроя заявили, что, когда они достигнут этого рекорда, они зажгут на левом берегу красную звезду. Товарищи, бывшие там, говорят, что скоро эта звезда будет зажжена.

Таковы силы новой энергетики нашего труда. Мое горячее пожелание: пусть работы этого с'езда пойдут под знаком этой красной звезды, знаком новой социалистической энергетики.

С. Г. Струмилин

Контрольные цифры на 1929/30 г.[1]

Контрольные цифры этого года впервые проектируются на основе утвержденного перспективного плана народного хозяйства. 1929/30 г. является уже вторым годом нашего пятилетнего плана. И с этой точки зрения контрольные цифры на 1929/30 г. представляют собой особый интерес. В них впервые подводятся итоги выполнения нашего перспективного плана за первый год пятилетки и утверждаются основные плановые вехи и задания второго года. В этих контрольных цифрах мы должны дать первую обстоятельно конкретизированную проверку тех генеральных линий нашей хозяйственной политики, которые нашли свое отражение в пятилетке.

В порядке самокритики мы должны, прежде всего, использовать все уроки хозяйственного опыта истекшего 1928/29 г. и, отразив их конкретно в необходимых уточнениях и коррективах к перспективным наметкам втсрого года пятилетки, тем самым дать уже вполне выверенный и законченный плановый профиль 1929/30 г.

Что же дает нам хозяйственный опыт первого года пятилетки?

Уроки 1928/29г.

Мы не располагаем еще отчетными данными за весь 1928/29 хозяйственный год. Но те предварительные подсчеты, которые основываются на данных кон'юнктурной статистики за первые 10—11 месяцев истекшего года, позволяют нам с достаточной точностью характеризовать общий об'ем и структуру хозяйственного роста Союза за 1928/29 г. По наиболее общему показателю роста *народного дохода* всей страны в целом, в его физическом выражении, мы можем констатировать выполнение нашего плана за первый год пятилетки в полных ста процентах, без заметного снижения или превышения первоначальных предположений. Но по отдельным отраслям хозяйства мы имеем уже существенные отступления от плановых наметок. А если перейти от неизменных цен к рыночной оценке чистой продукции страны, то эти отступления окажутся еще значительнее. В наиболее суммарном выражении эти отклонения могут быть охарактеризованы в следующих цифрах.

В неизменных ценах народный доход за 1928/29 г. превысил план всего на 159 млн. руб. или 0,6%. В пределах той точности,

[1] Сводный доклад VI с'езду плановых работников.

какая нам доступна в исчислениях подобного рода, такие расхождения вообще можно игнорировать. Но в рыночной оценке выполнение превысило план уже на огромную сумму почти в 2 мрд. руб. или 8%, что целиком об'ясняется, стало быть, сдвигами цен, имевшими место в значительно большей мере, чем то было предусмотрено планом.

По физическому об'ему мы заметно превысили план по промышленности и транспорту, но зато недовыполнили его по сельскому хозяйству.

В области промышленности наибольшее превышение против плана дала крупная обобществленная промышленность. По планируемому кругу она выросла на 24% вместо намеченных 21,4%. В общем по всей цензовой промышленности продукция возросла по подсчетам ЦСУ на 21,0% вместо 18,4%, а с учетом мелкой кустарно-ремесленной промышленности, давшей всего 4,3% прироста, вместо ожидавшихся 6,7%, весь прирост промышленной продукции выражается в 16,8% вместо намеченных по плану 15,6%. Однако, необходимо отметить, что по частному сектору мы имеем при этом даже прямое сокращение продукции (на 8,9%). И стало быть, все перевыполнение плана падает на обобществленный сектор вообще (+22,9%) и на планируемую крупную промышленность в особенности (+24%). В важнейшей и решающей области мы оказались сильнее, чем предполагали по плану.

В области сельского хозяйства мы можем отметить вполне аналогичную картину. Урожай 1928 г., как это выяснилось по ходу заготовок, оказался ниже, чем мы его оценивали в прошлом году по хлебо-фуражному балансу ЦСУ. А это сказалось очень заметным образом и на приросте животноводства. В индивидуальном секторе по подсчету ЦСУ мы имеем к весне 1929 г. даже абсолютное сокращение стада, вместо прироста в 2,4% по плановым предположениям. Но зато в обобществленном секторе сельского хозяйства фактические достижения обогнали план по всем основным показателям Так например, посевная площадь совхозов к весне 1929 г. увеличилась на 27,5% вместо 7,1%, посевы колхозов — на 207,1% вместо 94,1%, общая доля урожая зерновых 1929 г. по обобществленному сектору выросла за год с 2,6 до 5,6% валового сбора, вместо намеченных планом 4,9% и т. д.

Анализируя все данные этого рода, мы неизбежно приходим к следующему, чрезвычайно важному для нас, выводу.

Мы знаем, что генеральная линия нашей хозяйственной политики — это курс на скорейшее обобществление народного хозяйства СССР, а ведущим по этому пути началом является индустриализация страны и радикальная реконструкция ее энергетической базы. Но до последнего времени находились скептики, утверждавшие, что мы ставим перед собой явно непосильные задачи на этом пути. Однако, опыт первого же года пятилетки решительно опровергает это мнение. Характерно в этом отношении не только то, что план в о б щ е м выполняется, но и то, по каким линиям он л е г ч е в с е г о выполняется. Если в пределах ч а с т н о г о с е к т о р а наши плановые наметки и в промышленности, и в сельском хозяйстве не на все 100% оправдались действительностью, то в о б о б щ е с т в л е н н о м с е к т о р е они ссуществлены даже с превышением. Конечно, этот ускоренный против плана рост обобществленного сектора не случайно сопровождался недовыполнением планов в частнохозяйственном секторе. Последний именно потому и отставал в своем росте от намеченных темпов или даже падал, что индивидуальное хозяйство поглощалось обобществленным. Индивидуальные кустари поглощались промысловой кооперацией, мелкие крестьянские хозяйства — колхозами. И, наоборот, обобществленный сектор рос быстрее намеченных темпов, именно за счет относительного или даже абсолютного сокращения частного сектора. Таким образом, в нашем плане, прежде всего, сказалась явная недооценка наших возможностей в области социализации производства.

Вместе с тем превышение наших планов в области роста нашей обобществленной крупной п р о м ы ш л е н н о с т и, при отставании от них в области наименее обобществленных областей сельского хозяйства, тоже весьма знаменательно. Оно еще раз подтверждает, что намеченный нами курс на индустриализацию страны в высокой степени правилен и плодотворен. И, очевидно, вопреки распространенному среди наших скептиков и правых маловеров мнению, наша программа индустриализации не только не преувеличена, но даже скорее, наоборот, намечена слишком осторожно и подлежит исправлению в сторону дальнейшего увеличения.

Таковы уроки нашего хозяйственного опыта, вытекающие из анализа п р о и з в о д с т в а народного дохода в 1928/29 г. Обращаясь к р а с п р е д е л е н и ю народного дохода, мы прежде всего должны констатировать следующие факты.

Исходя из необходимости возможно быстрого под'ема сельского хозяйства не только в обобществленном, но и в индивидуальном его секторе, партия и правительство в хозяйственном плане истекшего года осуществили целый ряд мероприятий, стимулирующих такой под'ем. Сюда относятся: повышение заготовительных хлебных цен, облегчение сельхозналога для середняцких слоев деревни, предоставление значительных льгот за выполнение известного „агроминимума“ мер, диктуемых селу в порядке контрактации, премирование расширения посевов бедняцко-середняцких масс деревни полным освобождением всего прироста посевов от сельхозналога и т. д. В то же время, поднимая, вместе с хлебными ценами, покупательную способность села, мы не могли итти о д н о в р е м е н н о на снижение цен по линии индустриальных продуктов широкого потребления. Такое снижение, вообще говоря, является одним из настоятельных требований нашей политики цен, но при данных условиях оно оказалось бы невыполнимым по условиям рыночного баланса.

Это был совершенно необходимый в данных условиях плановый маневр. Чтобы сельское хозяйство не стало тормозом общего хозяйственного под'ема, нужно было уделить ему несколько большую долю из народного дохода, чем это делалось раньше.

Это не могло, однако, не отразиться на темпе роста зарплаты городского пролетариата. Благодаря росту сел.-хоз. цен, при стабильности индустриальных, реальная оплата труда пролетариата не могла не замедлить своего роста. Таким образом, уже по замыслу этого маневра он должен был ради усиления слабейшего звена хозяйственной цепи сельского хозяйства несколько польготить, в процессе перераспределения народного дохода, деревню за счет города. Однако, в процессе фактического выполнения указанного маневра мы пошли в этом отношении дальше намеченных лимитов.

Благодаря общей ограниченности рыночной продукции и резкому разрыву цен госзаготовителей и частного рынка деревня повысила индекс заготовительных цен на свою продукцию вместо плановых 5,5%, на целых 17,2%. А индустриальный пролетариат, в связи с соответствующим под'емом бюджетного индекса (на 5,6%, вместо 2,8%), повысил реальный уровень своей зарплаты всего на 3,4% вместо намеченных по плану 5,2%. Нет никакого сомнения, что большая часть этих потерь пролетариата в зарплате, а их надо расценивать сотнями миллионов рублей, оказалось в карманах кулацкой верхушки деревни, наиболее успешно использовавшей рыночную кон'юнктуру вышеуказанного разрыва.

На этом участке планового фронта, где еще приходится преодолевать сопротивление рыночной стихии, мы потерпим, вероятно, еще не одну неудачу. Но такого рода неудачи при том богатстве плановых приводов, какими мы располагаем, отнюдь не являются непоправимыми. Если нам порою отказывает один рычаг, мы на помощь ему можем двинуть другие. Если в 1928/29 г. враждебные пролетариату социальные группы, использовав благоприятную кон'юнктуру, урвали из народного дохода больше, чем следовало, то в условиях диктатуры пролетариата такой прорыв легко ликвидировать уже в следующем 1929/30 г. И в контрольных цифрах этого года мы совершенно определенно ставим перед собою такую задачу. Реальный прирост зарплаты пролетариата должен быть обеспечен полностью в значительно повышенном против прошлого года темпе. Излишки кулацкого накопления могут и должны быть использованы для ускорения темпов нашего хозяйственного роста вообще, а по линии роста обобществленного сектора в особенности.

В числе других плановых неудач прошлого года мы поставили бы на первом месте недовыполнение плана по снижению себестоимости промышленной продукции. Вместо намеченных 7% мы будем здесь, повидимому, иметь не более 4,5%—5%. Это означает потерю в накоплении промышленности не менее 200 млн. руб. Эта большая неудача отнюдь не является результатом просчета и нереальности

задания. О том, что задание было вполне реально, говорит опыт второго полугодия, давшего снижение, заведомо превосходящее заданные 7%. Причина указанной неудачи лежит в том, что за первую половину года себестоимость была снижена всего на 2,3%. Иначе говоря, целое полугодие шло под знаком „самотека" без достаточных организационных усилий, без необходимого общественного под'ема и одушевления на этом участке планового фронта.

Тем более характерны те успехи, какие оказались достигнутыми к концу года, когда пролетариат активно, в порядке социалистического соревнования, принял участие в деле рационализации производства и снижения себестоимости. Эти успехи и уровень себестоимости, достигнутый к концу года, дает нам право не снижать, а даже повысить наши задания в этой области на следующий год.

В области производительности труда мы шли в прошлом году в общем на уровне плановых заданий. В области капитальных затрат, включая дополнительные сверхплановые ассигнования, имевшие место после сверстки контрольных цифр, мы, вероятно, даже превзойдем первоначальный план. Бюджет по имеющимся предварительным расчетам будет выполнен с превышением доходов над расходами миллионов на 200.

Все эти весьма благоприятные показатели отнюдь не следует, конечно, истолковывать в том смысле, что план истекшего года был запроектирован без всякого напряжения. Нет, весь опыт его выполнения свидетельствует о достаточной напряженности прошлогоднего плана, взятого в целом. Достаточно вспомнить о пережитых трудностях на продовольственном фронте, об узких местах на фронте строительства, о транспортных затруднениях, о сжатости нашей импортной программы, о напряженности нашей кредитной системы и т. д. Все эти трудности, однако, несмотря на преувеличенное их подчеркивание со стороны пессимистов, не помешали нам в общем выполнить намеченную программу социалистического строительства полностью и даже с некоторым превышением как-раз на самых для нас важных участках индустриализации и социализации нашей страны.

Установки на 1929/30 г.

В проектировках на 1929/30 г., учитывая опыт первого года пятилетки и такие богатейшие, еще не использованные резервы, как социалистическое соревнование и непрерывная производственная неделя, мы считаем вполне реальным дальнейшее ускорение темпов индустриализации и социализации нашего хозяйства, по сравнению с темпами оптимального варианта пятилетки.

Этому несомненно будет содействовать и тот маневр в области перераспределения народного дохода, который должен выправить не вполне благоприятные для нас в этой области результаты про-

шлого года. И усиленная программа займов в городе и в деревне и паенакопление кооперации и целый ряд новелл в области промыслового обложения, при правильном классовом подходе к их осуществлению, должны нам дать значительные дополнительные ресурсы для вышеуказанной цели.

Наконец, к ней же ведет и тот об'ективный факт, что само реальное строение народного дохода, т.-е. чистой продукции 1929/30 г. предопределяет собою усиление доли общественного накопления за счет непроизводственного потребления.

В балансе непроизводственного потребления продукция сельского хозяйства играет огромное, чтобы не сказать решающее, значение в нашей стране. На будущий год мы намечаем большое расширение этой продукции. Но плоды этого расширения войдут лишь в потребительский баланс 1930/31 г., потребление же 1929/30 г. придется базировать на урожае 1929 г. таком, каков он есть. А этот урожай несколько ниже наших ожиданий по пятилетке. Так, например, вместо 10% прироста сбора по зерновым, мы собрали только на 2,8% больше, чем в 1928 г., т.-е. на 7% ниже плана, а продукцию животноводства будем иметь, вероятно, почти на 10% ниже плана. Уже эти две статьи означают значительное реальное сокращение потребительного фонда страны. А между тем общая сумма ожидаемого народного дохода на 1929/30 г. отнюдь не меньше учтенной по пятилетке. Значит, доля в нем ценностей, подлежащих по самому своему назначению производственному использованию и накоплению, больше, чем было намечено по пятилетке.

Из этого вытекает реальная осуществимость более высоких темпов продукции и капитальных вложений, чем нами проектировалось на этот год в пятилетке. Но эта установка имеет и оборотную сторону. Высокая норма накопления предполагает высокие качественные достижения в области производительности труда, снижения себестоимости, качества продукции. А эти достижения, помимо технической базы, пред'являют весьма повышенные требования и к живой рабочей силе, призванной осуществить такие достижения. Только очень высокая активность пролетариата может нам обеспечить высокие производственные достижения. А для этого должна быть в достаточной мере обеспечена энергетическая база необходимой нам активности, т.-е. соответствующий продовольственный и общий потребительский фонд рабочему классу. Говоря короче, высокая норма накопления в наших советских условиях предполагает и высокую норму потребления трудящихся масс.

Продовольственным проблемам в предстоящем году, поэтому, должно быть оказано самое пристальное внимание. Чем менее обеспечено продовольственное снабжение страны наличными ресурсами, в порядке обычного рыночного самотека, тем больше придется затратить усилий для посильной рационализации его методами планово-оперативной самособранности и организованности.

При отсутствии избытков в рамках того или иного вида снабжения, мы должны направить его, прежде всего, туда, где оно всего нужнее, где оно даст наиболее полный эффект при своем использовании. Так, например, если наибольшую активность по плану должны проявить индустриальный пролетариат в городах и трудовые кадры социалистического сектора в деревне, то им, прежде всего, и должно быть обеспечено возможно полное и бесперебойное снабжение всем необходимым.

Это предполагает диференцированный классовый подход к проблемам снабжения. Это предполагает значительное расширение круга нормированного снабжения. Это, с другой стороны, предполагает углубление и обострение классовых противоречий вокруг проблем распределения и перераспределения народного дохода. Это сулит нам свои трудности в процессе осуществления народнохозяйственного плана на 1929/30 г. Но от них нам некуда уйти. Их можно и должно преодолеть.

Темпы роста

Количественный рост народного хозяйства СССР, запроектированный нами в контрольных цифрах на 1929/30 г., может быть выражен следующими показателями.

Планируемая промышленность — это ведущее звено нашего обобществленного хозяйства — получает задание увеличить свою продукцию на 1929/30 г. на 32,3%, против 21,5% намеченных по пятилетке. Железнодорожный транспорт увеличит свою валовую выручку на 23%, вместо 14%, индустриальное строительство возрастает на 92%, вместо 52%, торгово-посреднический оборот в неизменных ценах — на 34,6%, вместо 25%.[1]

Лишь сельскохозяйственная продукция урожая 1929 г. отстает от этих темпов.

Если, исходя из чистой продукции 1927/28 г., исчисленной по пятилетке и об'емных темпов роста по всем отраслям хозяйства, определить общий об'емный рост продукции за два первых года пятилетки, то получим такое сопоставление. (См. табл. 1 на стр. 25).

Приведенный расчет весьма условен, но в качестве индекса физического об'ема народной продукции он все же достаточно показателен. Продукция всей страны в целом за первый год пятилетки возросла на 12,3%, а за второй обещает дать еще более грандиозный прирост в 21%, против 16% намеченных, в пятилетнем плане. И это, несмотря на то, что по сельскому хозяйству мы имеем недобор за первый год примерно на 165, а за второй даже в 700 млн. руб. против пятилетнего плана.

Правда, с учетом намеченного снижения цен на 1929/30 г. прирост народного дохода за этот год будет значительно ниже. И в

[1] С учетом падения цен ожидается увеличение этого оборота на 26%, против 20% по пятилетке.

общем, динамика его за последние годы по последнему пересчету произведенному в Госплане, представится в следующих цифрах — по ценам каждого года:

Годы	Народный доход		Год. прирост в %	
	Общий в млн. руб.	На 1 душу в руб.	Общий	На 1 душу
1925/26	21.230	147	—	—
1926/27	22.945	155	8,0	5,4
1927/28	25.351	168	10,5	8,4
1928/29	29.897	193	17,9	14,9
1929/30	33.845	214	13,2	10,9

Данные этого расчета, к сожалению, несравнимы с данными пятилетки вследствие целого ряда уточнений в оценках и учете продукции. Но динамика приведенного ряда весьма любопытна. Мы имеем здесь несомненно резко возрастающий ряд. А если учесть некоторое повышение цен в 1928/29 г., об'ясняющее преувеличенный прирост дохода этого года и видимое снижение для следующего, то реальное возрастание этого ряда даст еще более резкий темп, чем номинальное. Очевидно потенции советского хозяйства еще только развертываются.

Любопытно отметить, что по некоторым показателям, например, по грузообороту железных дорог и по общей сумме доходного бюджета, мы уже на целый год обогнали темпы пятилетки.

Мы видим, однако, что власть стихий еще больно дает себя знать на фронте сельского хозяйства. Лишь усилиями ряда лет сможем мы изжить здесь путы векового прошлого. Однако, блестящий марш социалистического сектора сельского хозяйства нам явственно говорит, что и здесь перелом не за горами.

Если рассматривать план, как внутренне связанное целое, в котором слишком быстрое продвижение на одном участке, при резком отставании на других, ставит под угрозу не только цельность планового замысла, но и самую реальность его осуществления, то игнорировать или недооценивать наше отставание в области сельского хозяйства нам, конечно, не приходится. Метеорологические условия и тому подобные об'ективные факторы, стоящие вне нашего планового воздействия, могут нам не только затруднять наши задачи, но и притти на помощь. И тогда выполнение нашей пятилетки чрезвычайно облегчится. Но, если не рассчитывать на такие случайности, то, очевидно, из-за отставания в области земледелия нам приходится именно на этом участке нашего строительного хозяйственного фронта развивать особо бдительную зоркость, поддерживать особую напряженность трудовых строительных отрядов.

Уже в плане предстоящего года мы намечаем к осуществлению очень большие задания в области сельского хозяйства. Расшире

Таблица 1

Физический об'ем народной продукции
(в неизменных ценах 1927/28 г.)

Отрасли хозяйства	Абсолютные итоги в млн. руб.					Годовой прирост в %%			
	1927/28 г.	1928/29 г.		1929/30 г.		1928/29 г.		1929/30 г.	
		По пятилетн. плану	Ожидаемое исполнение	По пятилетн. плану	По контрольным цифрам	По пятилетн. плану	Ожидаемое исполнение	По пятилетн. плану	По контрольным цифрам
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Промышленность:									
а) цензовая . . .	5.214	6.172	6.313	7.469	8.308	18,4	21,1	21,0	31,6
б) мелкая	1.235	1.318	1.288	1.429	1.396	6,7	4,3	8,4	8,4
Итого . . .	6.449	7.490	7.601	8.898	9.704	16,2	17,9	18,8	27,7
в) акциз	1.360	1.612	1.609	1.870	2.108	18,5	18,3	16,0	31,0
Итого с акцизом . . .	7.809	9.102	9.210	10.768	11.812	16,6	18,0	18,3	28,2
2. Сельское хозяйство:									
а) земледелие . .	9.466	9.797	9.636	10 600	9.896	3,5	1,8	8,4	2,7
б) лесн. хозяйство	1.459	1.634	1.630	1.823	1.819	12,0	11,7	11,6	11,6
в) рыболовство и охота	360	383	383	436	436	6,3	6,3	13,9	13,9
Итого . . .	11.285	11.814	11.649	12.859	12.151	4,7	3,2	8,9	4,3
3. Строительство:									
а) не сельское . .	1.068	1.463	1.442	2.224	2.760	37,0	35 0	52,0	91,6
б) сельское . . .	520	498	535	502	531	—4,3	2,8	0,8	—0,8
Итого . . .	1.588	1.961	1.977	2.726	3.291	23,5	24,5	39,0	66,6
4. Транспорт:									
а) железнодоржн.	1.061	1.162	1.278	1.299	1.505	9,5	20,5	11,8	17,8
б) прочий	82	90	92	100	99	9,2	12,5	11,0	7,4
Итого . .	1.143	1 252	1.370	1.399	1.604	9,5	19,9	11,7	17,1
5. Народная связь . .	118	130	130	142	163	9,8	9,8	9,0	25,2
6. Товароснабжение . .	2.738	3.313	3.395	4.141	4.570	21,0	24,0	25,0	34,6
Всего . . .	24.681	27.572	27.731	32.035	33.591	11,7	12,3	16,2	21,2
Индекс	100	111,7	112,3	129,8	136,1	—	—	—	—

ние посевов зерновых культур на 8% и общее повышение сбора зерновых в 1930 г. на 166%, при огромном расширении обобществленного клина и контрактации хлеба на корню, а также решительные сдвиги в области под'ема хлопководства и других сырьевых культур уже и в предстоящем году потребуют от нас очень больших жертв.

Качественные показатели

Намеченные выше, количественные темпы роста предполагают не меньшие достижения в области качественных показателей. Задания плана в этой области направлены по трем основным линиям: 1) по линии повышения общей производительности труда, 2) по линии снижения себестоимости продукции и 3) по линии улучшения качества этой продукции.

В области повышения производительности за счет намеченной планом технической реконструкции и рационализации труда мы рассчитываем по планируемой промышленности поднять общий уровень производительности не ниже 23%. Дальнейшее уточнение расчетов вероятно, позволит нам поднять эту норму до 25%. По сравнению с прошлогодним достижением в 16%, это задание очень велико, но и сумма капитальных затрат в промышленность за 1929/30 г. превысит почти в два раза затраты истекшего года. А капитальное перевооружение труда — основной ресурс для повышения его производительности. Достаточно сказать, что только по линии электрификации мы за 1929/30 г. повышаем вложения с 369 млн. в прошлом году до 608 млн. руб., т.-е. на 65%, при чем выработка электроэнергии повысится на 34,5%, а установленная мощность — на 37,4%. При этом, основные фонды промышленности (в неизменных ценах) даже без электростанций возрастают за год на 33,5%, а рабочая сила только на 6,6%. Таким образом, капиталовооруженность каждого рабочего возрастает по меньшей мере на те же 25%, которых мы от него ожидаем в области повышения производительности труда.

В связи с таким крупным скачком (от 16 к 25%) в нормах производительности, мы соответственно повышаем свои задания и в области снижения себестоимости. Она должна быть снижена по нашей установке за 1929/30 г. на 11%. Это трудное, но все же осуществимое задание. Исходя из расчетов ВСНХ, обосновывающих 9,5% снижения и внося в них некоторые поправки, вытекающие из установок Госплана, мы можем представить суммарный расчет по снижению себестоимости в следующей схеме. (См. таблицу 2 на 27 стр.).

Эта схема как нельзя лучше выявляет, по каким линиям намечаются наиболее крупные сдвиги в рационализации промышленности. Наиболее значительные эффекты обещает нам снижение норм потребной для производства рабсилы и материалов (—8,3%). Что

Таблица 2

Схема заданий по снижению себестоимости в планируемой промышленности на 1929/30 г.

Элементы	Структура 1928/29 г.	Снижение по элементам за счет		Общее снижение в % % за счет			Остаток себестоимости	Структура 1929/30 г.
		норм	цен	норм	цен	итого		
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Сырье и материалы:								
а) сельское хозяйство	16 6	2,0	1,0	0.33	0,16	0.49	16,11	18.1
б) промышленность	25,2	7,0	6,0	1,76	1,41	3,17	22,03	24,8
Итого	41,8	5,0	3,96	2,09	1,57	3,66	38,14	42,9
2. Топливо и энергия	4.6	12,0	4 0	0,55	0,16	0,71	3,89	4,4
3. Зарплата с начислениями	31 2	20,0	— 9,0	6.24	— 2 16	4,08	27,12	30,5
4 Налоги и сборы	5,0	—	—	—	—	—	5.00	5,6
5. Амортизация	5,0	15,0	—	0,75	—	0,75	4,25	4,8
6. Прочие накладные расходы	4,1	17,0	—	0,70	—	0,70	3,40	3,8
Заводская себестоимость	91,7	11,3	— 0 53	10,33	— 0,43	9,90	81,80	92,0
7. Трестовские расходы:								
а) уравнительный сбор	3,4	—	—	—	—	—	3,40	3.8
б) прочие	4,9	23,0	—	1,13	—	1,13	3,77	4,2
Итого	8,3	13,6	—	1,13	—	1,13	7,17	8.0
Коммерческая себестоимость	100,0	11,46	— 0,49	11,46	— 0,43	11,03	88,97	100,0

касается эффекта от снижения цен по топливу и материалам, то оно с избытком перекрывается намеченным повышением уровня оплаты труда. Снижение амортизации и прочих заводских и трестовских накладных расходов на единицу продукции тоже составляет весьма заметную величину (2,6%). Но оно является естественным результатом резкого повышения продукции по отношению к этим мало зависящим от размеров производства видам расходов.

Собственно говоря, рационализация производства характеризуется в этой схеме с достаточной полнотой только тремя коэфициентами: снижением нормы потребной рабсилы на 20%, нормы топлива на 12% и прочих материалов на 5%. О факторах, повышающих эффективность использования труда, мы уже говорили. Повышение коэфициентов использования топлива тоже в достаточной степени обеспечено огромной программой электрификации и затратами на обновление прочих силовых установок. Но к этому следует прибавить, что заверстанное здесь задание заслуживает огромного внимания не столько в интересах снижения себестоимости, где роль его невелика, сколько с точки зрения общего топливного баланса страны. К этому балансу в 1929/30 г. пред'являются настолько повышенные требования, что свести его удовлетворительно можно только при запроектированной норме рационализации топливосожигания. Что же касается намеченной экономии в нормах сырьевого и материального снабжения в 5%, то хотя она и не слишком велика, но при огромном удельном весе этой статьи в валовой продукции, значение ее в нашем общем — тоже весьма напряженном — сырьевом балансе трудно переоценить.

Все эти задания должны быть выполнены, ибо только при этом условии окажется вполне реальной намеченная программа строительства и все количественные достижения в области запроектированных темпов роста народного хозяйства.

Наконец, несколько слов об улучшении качества продукции. Мы уже не в первый раз выдвигаем это задание. Но поскольку качество продукции не поддается точному учету, это задание большей частью остается без всякого исполнения. А при нажиме по линии снижения себестоимости мы зачастую наблюдаем даже явное ухудшение качества произведенной продукции. Но мы не можем допустить такого явного обхода плановых директив. Чтобы догнать и перегнать своих капиталистических соперников советская промышленность должна не только удешевлять, но и улучшать свою продукцию.

Как же этого достигнуть?

Мы считаем возможным и необходимым итти в этом отношении по двум путям. Прежде всего, при заключении коллективных договоров, должно быть со стороны хозяйственников внесено общее требование о снижении брака за 1929/30 г. по меньшей мере на 10%, против существующей нормы. А если при этом еще в договорах будут точно установлены условия браковки[1], то дело будет стоять на совершенно твердом фундаменте. Практика же социалистического соревнования и социалистического сотрудничества, опираясь на такой фундамент, обеспечит нам дополнительное ускорение качественных достижений на этом фронте.

Второй путь заключается в повышении общего уровня качества продукции путем пересмотра программного ассортимента изделий по каждому тресту. Задача сводится к получению из одного и того же материала большего выхода высшего сорта изделий. При недостатке сырьевых ресурсов, этот путь заслуживает особливого внимания. Например, у нас не хватает хлопка для существующих текстильных предприятий при данном ассортименте их изделий. Но если мы возьмем установку на более высокий средний номер пряжи, перезаправим ткацкие станки так, чтобы за счет сокращения более грубых и дешевых тканей, например, бязи и рядовых ситцев, увеличить процент более дорогих ситцев, нансука, батиста, маркизета и т. п., то из того же количества хлопка создадим большую массу ценностей. Правда, для этого придется затратить и большее количество труда, так как более высококачественный ассортимент изделий повышает общую трудоемкость работы. Но это повышение трудоемкости нам крайне желательно. В особенности в текстильной промышленности, где в настоящих условиях чувствуется перенасыщение рабочей силой. Но и в других отраслях мы могли бы этим путем дать занятие дополнительным кадрам рабочих, за счет сокращения безработной армии труда.

Труд и культура

Выполнение высоких качественных показателей требует организованных усилий всего пролетариата. И потому одной из наиболее центральных проблем плана является проблема обеспечения необходимой активности и организованности, мобилизуемой по плану рабочей силы.

Общий размер наемной армии труда в СССР в середине 1928/29 г. составлял 12.150 тыс., а через год нам потребуется уже 13.264 тыс. Это составляет прирост в 1.114 тыс. или 9,2%, вместо 7,5% запроектированных по оптимальному варианту пятилетки. Средний уровень оплаты труда по всем его категориям намечается повысить по номиналу на 7,9%, в том числе для промышленных рабочих на 9,0%.

При 25% повышения производительности труда такая прибавка заработной платы представляется довольно скромной. Однако, если учесть еще проектируемое снижение бюджетного индекса на 4%, то общий под'ем реальной оплаты труда придется определить не ниже 13,5%. Но это только индивидуальная часть заработной платы. А между тем, в наших советских условиях рабочий класс, помимо

[1] Т.-е. говоря иначе, стандартные качества изделий, не подлежащих браковке.

индивидуальной оплаты труда, получает довольно крупные суммы в порядке коллективного обслуживания его нужд по социальному страхованию, фондам улучшения быта рабочих и другим статьям. В частности за 1929/30 г. только по отчислениям от прибылей в фубр промышленный пролетариат получит миллионов на сто больше прошлогоднего. А это составляет еще добавочную прибавку к фонду зарплаты индустриального пролетариата около 3%. Правда, зато по фонду социального страхования в предстоящем году проектируется некоторое сокращение пособий из рассчета на одного рабочего. Но в общем, по совокупному фонду индивидуальной и коллективизированной заработной платы мы будем иметь, несомненно, больше 13,5% прироста.

В условиях неблагоприятного продовольственного баланса было бы неосторожно итти на более значительное повышение реальной оплаты труда в предстоящем году. У нас, к сожалению, до сих пор нет еще сколько-нибудь достоверного хлебофуражного баланса. Предварительные подсчеты, которые до сих пор получались из ЦСУ, примерно, гарантируют нам стабильность хлебоснабжения на уровне прошлого года. Баланс мясного снабжения тоже складывается для будущего года стесненным. По другим пищевым ресурсам, за исключением рыбы, растительного масла и картофеля, мы тоже не имеем видов для осуществления желательного под'ема. По сахару нам угрожает значительное недовыполнение плана. В общем же, по всему продовольственному балансу для городского населения, мы, вероятно, повысим снабжение на 5% против второго полугодия 1928/29 г. Такая программа еще не соответствует нашим производственным задачам. И мы должны принять решительные меры для ее расширения.

В числе этих мер укажем большую программу контрактации мясного скота, обеспечивающую нам, путем удлинения сроков нагула и снабжения концентрированными кормами, не менее 150 тыс. тонн добавочной мясной продукции. На ряду с этим, намечен ряд мер, ограничивающих вывоз из страны на предстоящий год дефицитных продовольственных продуктов и усиливающих их ввоз. Вполне возможен и необходим значительный ввоз мясного скота и риса из стран Востока, ввоз сахара-сырца, селедки и целого ряда других продуктов. Как ни ограничены наши экспортные ресурсы, но необходимые комбинации для указанного импорта могут быть найдены. Их необходимо изыскать.

На ряду с этим, программа снабжения городского населения вообще и рабочих центров в особенности должна быть продумана на предстоящий год так, чтобы не оставалось риска каких-либо заторов и перебоев. Покупательный спрос пролетариата, в связи с намеченным ростом зарплаты, возрастает в предстоящем году значительно сильнее, чем у других групп населения. Учитывая это, программа нормированного снабжения должна быть построена на

диференциальной основе. При этом условии мы можем утверждать, на базе проработанных в Госплане продовольственных балансов по всем основным продуктам питания, что рабочему населению может быть обеспечена не только стабильность, но и достаточное улучшение продовольственного снабжения.

Если взять за базу вполне нормальный по условиям снабжения 1927/28 г., то душевой рацион рабочего за год стоил 134 руб. 66 коп. В 1928/29 г. этот рацион по тем же ценам оставался, примерно, на том же уровне — 133 руб. 98 коп. — с ухудшением по хлебу на 9,5%, но с компенсацией этого недобора по другим продуктам. В 1929/30 г. этот рацион может быть поднят до 139 руб. 35 коп. в ценах 1927/28 г.; т.-е. на 4% против среднегодовой нормы истекшего года и процентов на 10 против второго полугодия того же года.

Это не много, но все же вполне достаточно, чтобы обеспечить расширенное воспроизводство рабочей силы и подвести необходимую энергетическую базу для дальнейшего развития активно-творческой самодеятельности пролетариата.

В области снабжения прочими предметами широкого потребления, кроме пищевых, наши возможности несравненно шире. И с этой точки зрения намеченный прирост реальной заработной платы вполне обеспечен.

Огромное расширение строительной программы 1929/30 г. с 4.262 по пятилетке до 5.409 млн. руб. т.-е. на 27% и общее ускорение темпов развертывания работы промышленности и транспорта потребует от нас соответствующего расширения кадров рабочей силы вообще и квалифицированной в особенности.

Это сильно облегчает нашу задачу по борьбе с безработицей. Вопреки предсказаниям пессимистов об угрожающем нам росте безработицы, мы можем уже в 1928/29 г. отметить определенный перелом в этом отношении, а за 1929/30 г. мы намечаем снижение резерва городской армии безработных на целый десяток процентов. Но вместе с тем возрастают наши трудности по комплектованию новых кадров квалифицированной рабочей силы. На бирже труда находить их становится все труднее. И нам предстоит на это дело затратить не мало организационных усилий и средств.

Подробная программа мероприятий в этой области: по переквалификации безработных, обучению новых кадров, расширению контингентов техникумов и втуз'ов дана в материалах секции труда и культуры. И здесь мы должны остановиться только на одном вопросе, не получившем еще окончательного разрешения.

Нам нужно не только обеспечить наличную потребность в квалифицированных кадрах с количественной стороны, но и со стороны их качества. В частности, мы должны обеспечить лучший социальный отбор из рядов пролетариата тех кадров, какие придется выдвигать на командные должности. В этих целях еще в пятилетке нами была выдвинута идея специального классового стипендиального

фонда, который мы назвали рабочим фондом социального воспитания. Его назначение обеспечить содержание обучающихся ныне детей рабочих во всех средних общеобразовательных и профессиональных школах, чтобы свести к минимуму огромный отсев рабочей молодежи этих школ вынужденной по своей необеспеченности рано уходить из школы на фабрику или другую работу.

Мы предполагали создать этот фонд по образцу существующего уже классового медицинского фонда в порядке дополнительного отчисления от заработной платы рабочих и служащих органам социального страхования. Это расширение функций социального страхования функциями общественного воспитания пролетариата, на наш взгляд, является вполне своевременным. Огромные успехи по линии обобществления на всех участках нашего хозяйственного фронта не могут остаться без влияния на систему нашего распределения благ вообще и на систему оплаты труда в особенности. В области зарплаты мы давно уже вступили на путь частичного ее обобществления. Уже теперь коллективизированная часть зарплаты, которую рабочий класс получает в порядке социального страхования, фондов улучшения быта рабочих и в других формах, составляют не менее 12—15% от индивидуальной зарплаты. Но это только начало.

Тенденция к обобществлению зарплаты неизбежно должна получить дальнейшее свое развитие. За рабочим медфондом уже намечается рабочий фонд общественного воспитания, за ним, несомненно возникнет потребность в таких же рабочих фондах общественного питания. И со-временем индивидуальная часть зарплаты превратится лишь в специальный добавочный премиальный фонд за повышенного качества индивидуальную работу.

Конечно — это пока лишь перспектива, но и в настоящее время потребность в создании специального рабочего фонда социального воспитания ни у кого не вызывает сомнения. Спорят лишь о размерах его и формах организации. Была, между прочим, высказана мысль о возможности его образования за счет дополнительного отчисления от прибылей. Но это едва ли рациональный путь. Потребность в рациональном воспитании рабочей молодежи имеется налицо во всех отраслях труда и производства, а не только в хозрасчетных да еще прибыльных. Наша политика цен не обеспечивает прибыльности горного дела, металлургии и многих других отраслей труда, но дети горняков и металлистов, обучающиеся в школах, нуждаются в нашей помощи не меньше других. Воспитание детей рабочих и по существу входит в общую стоимость воспроизводства рабочей силы и, стало быть, должно покрываться за счет необходимого, а не „прибавочного“ продукта рабочих. Вот почему, проектируемый фонд должен образоваться в том же порядке, как и другие формы зарплаты, т.-е. включаться в калькуляцию себестоимости, а не отчисляться за счет прибылей.

В отношении размеров проектируемого фонда мы считали бы возможным на первый год ограничиться отчислением одного процента от зарплаты всякого рода хозрасчетных — государственных и частных предприятий, что по планируемой промышленности составит около 30 млн. руб., а по всем отраслям труда, не включая сюда госбюджетных учреждений, до 80 млн. руб. В последующие годы этот процент отчисления придется, конечно, постепенно повышать и круг страхуемых расширять, включая соответствующие затраты в общую норму планового повышения зарплаты.

В области жилищного строительства за 1929/30 г. мы намечаем ряд мероприятий по удешевлению строительства минимально на 13,7% и повышаем общую сумму затрат по этой линии с 562 млн. руб. в 1928/29 г. до 819 млн. руб., т.-е. на 45,6, а в пределах обобществленного сектора даже на 56,2%. Такого скачка в этой области мы еще не имели за весь советский период строительства. И все же это позволит нам повысить душевую норму жилфонда только с 5,8 до 5,9 *кв. м* в обобществленном секторе, т.-е. едва на 1,7%.

Балансовые проблемы

Центральной частью нашего плана является программа капитального строительства. Ей посвящен особый раздел контрольных цифр. Но в порядке балансовой проверки плана нам надлежит прежде всего выяснить, в какой мере обеспечена эта программа реальными ресурсами. И каково то распределение народного дохода, какое вытекает из нашей программы накопления.

Конечно, в этой области возможны только очень приблизительные ориентировочные расчеты. Но все же мы не могли бы их обойти Приведем поэтому прежде всего следующую таблицу (см. таблицу 3 на стр. 34).

Как видим, в рыночной оценке каждого года народный доход за 1929/30 г. возрастает, говоря грубо, на 4 мрд., а по физическому об'ему этого дохода на 6 мрд руб. Любопытнее всего, однако, то, что весь этот прирост целиком падает на обобществленный сектор, так как доход частного сектора даже сокращается на 750 млн руб. Это последнее сокращение об'ясняется, прежде всего, процессами обобществления индивидуального производства значительной части крестьян, кустарей и ремесленников в кооперативном секторе. Не даром этот сектор дал за один год рекордный прирост в 34,2%, т.-е. дал лишних 1.150 млн. руб. В этой цифре, вероятно, и оказались три четверти миллиарда, потерянные частным сектором. А во-вторых, на этот факт не остался, конечно, без влияния и урожай 1929 г. Как известно, посевы индивидуального сектора в этом году дали всего 1% прироста, а скот—даже некоторое снижение. Неважный урожай в целом ряде районов, с одной стороны, и кооперирование значительных трудовых масс, с другой—в достаточной степени об'ясняет указанный факт. К этому можно добавить лишь одно, что

Таблица 3

Баланс производства и распределения народного дохода СССР

(в ценах каждого года)

Социальные секторы и классы	В млн. черв. руб.			Структура в % к итогу			Прирост за год в %	
	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
А. В приходе (по секторам)								
1. Государственный сектор	10.633	12.620	16.167	41,9	42,2	47,8	18.7	28,1
2. Кооперативный „	2.515	3.357	4 505	9,9	11,2	13,3	33 5	34,2
Итого	13.148	15.977	20.672	51 8	53,4	61,1	21,5	29,4
3. Частный	12.203	13.920	13.173	48,2	46,6	38,9	14,1	—5.4
Всего	25.351	29.897	33.845	100,0	100,0	100,0	18,0	13 2
Б. В расходе (по классам)								
1. Пролетариат:								
а) сельскохозяйственный	560	632	734	2,2	2,1	2,2	12,9	16.1
б) индустриальный и проч.	8.684	10.045	11.731	34,2	33,6	34 6	15,7	16'8
Итого	9.244	10 677	12.465	36,4	35,7	36,8	15,5	16,7
2. Крестьяне-земледельцы	13.264	15.545	16.726	52,3	52,0	49.3	17 2	7.6
3. Ремесленники и проч. трудовые занятия	1.799	1.745	1.656	7,1	5,8	4,9	—3,0	—5,1
4. Городская буржуазия	568	515	467	2,2	1,7	1,4	—9,4	—9,3
5. Прочие группы	504	527	549	2,0	1 8	1 6	4,5	4 1
Итого доходов населения (по 1—5) брутто	25.379	29.009	31.863	100 0	97,0	94,0	14,3	9,8
в т. ч. повторный учет	2.238	2.436	3.281	8 8	8,2	9,7	8,9	34,7
Итого без повторного учета (нетто)	23.141	26.573	28.572	91,3	88,8	84,3	14 8	7.5
Накопление обобществленого сектора	2.210	3.324	5.273	8 7	11 2	15,5	50.4	58,7
Баланс	25.351	29.897	33.845	100,0	100,0	100,0	18,0	13,2
То же в ценах 1926/27 г.	25.070	28.133	34.218	—	—	—	15,8	21,6

в недалеком будущем этот процесс поглощения частного сектора обобществленным пойдет, несомненно, еще быстрее. Распределение народного дохода по отдельным группам населения показывает, что не только буржуазия, но и довольно широкие слои неземледельческого трудового населения обнаруживают хотя и медленное, но весьма последовательное абсолютное снижение своих доходов. Это об'ясняется абсолютным сокращением их численности. Крестьянство, включая сюда и кооперированную его часть, пока еще не обнаруживает такого абсолютного падения. Но, если учесть, что уже в 1930 г. по нашему плану весь прирост населения деревни исчисляется в 1,1 млн. душ, а население колхозов должно вырасти на 2,2 млн. душ, то значит и здесь мы должны получить абсолютное снижение числа индивидуальных хозяйств, а затем и их доходов.

В свете этих фактов мы уже можем обратиться к масштабам возможного накопления. В нашей таблице приведены только итоги прибылей и рентных доходов госсектора. Но государство располагает еще целым рядом иных методов аккумулирования ресурсов для производственного накопления. Этой цели могут служить и налоги, и займы, и паенакопление кооперации, и многие другие пути. С учетом всех этих источников общий итог ресурсов, которые охватываются нашим финансовым планом, достигает 17,200 млн. руб. Из них на управление и оборону намечается обратить всего 1.712 млн. руб., на культурное строительство 3.772 млн. руб. и на финансирование народного хозяйства 11.724 млн. руб. По пятилетке эта последняя цифра была на 2,800 млн. руб. ниже.

Если же выделить из указанной программы финансирования затраты амортизационного и операционного назначения и учесть лишь те суммы, какие обращены на накопление производственных фондов обобществленного сектора, то получим для 1929/30 г. сумму в 8.884 млн. руб. За 1928/29 г. эта сумма достигала только 4.327 млн. руб.

Этот скачек в накоплении оказался возможным, конечно, только потому, что и народный доход по обобществленному сектору дает не меньший скачек. В самом деле, этот прирост составит по нашей таблице 4.695 млн. руб., а сумму накопления мы увеличиваем на 4.557 млн. руб. Таким образом, мы почти весь прирост народного дохода в обобществленном секторе целиком обращаем на цели социалистического накопления. Это свидетельствует об известном напряжении плана. Но его не следует преувеличивать.

Необходимо помнить, что р е а л ь н ы й прирост народного дохода в 1929/30 г. составит не 4, а 6 мрд. руб. Благодаря игре цен реальное значение рубля в народном доходе 1929/30 г. равно 1 руб. 13 коп. в доходе предыдущего года. Таким образом, хотя фонд потребления за 1929/30 г. не дает в и д и м о г о прироста, но его реальное значение все же будет значительно выше прошлогоднего.

Обращаясь к темпам роста народного дохода по отдельным социальным группам, важно отметить следующее характерное обстоятельство. За 1928/29 г. пролетариат увеличил свой доход только на 15,5%, а крестьянство благодаря росту цен—на 17,2%. Предстоящий год резко изменяет это соотношение. Крестьянство получает прирост только в 7,6%, в то время как пролетариат—на 16,7%.

Однако, при оценке этого факта опять-таки не следует забывать о смещениях цен. В сущности огромный прирост доходов деревни за 1928/29 г. на 2,3 мрд. руб. в большей своей части имеет только номинальное значение. Он об'ясняется переоценкой всей его продукции по повышенным ценам. Но реальное для него значение имело повышение цен только в отношении товарной части его продукции. А в этой части имело место следующее. Всего на повышении цен сельской продукции деревня выиграла по подсчетам Госплана 459 млн руб. в том числе за счет сверхплановых накидок 329 млн. руб. Но в то же время на повышении промышленных цен сверх плана и обратных покупках хлеба в городе она потеряла 214 млн. руб. Таким образом, чистый ее выигрыш не превышает 245 млн. руб.

Заверстанные в нашем финансовом плане меры по кредитным операциям и прочим из'ятиям из доходов деревни намечают повышение их против прошлого года на 398 млн. руб. Таким образом, они в достаточной мере перекрывают вероятное накопление свободных ресурсов деревни.

В финансовом отношении программа строительства 1929/30 г. хотя и с напряжением вполне обеспечена. Бюджет, запроектированный в 10,4 мрд. руб., выделяет для этой цели около 3,810 мрд. руб., да еще местный бюджет должен дать для этого свыше 1 мрд. руб., остальное покрывается собственными ресурсами обобществленного сектора и привлеченными средствами населения. В частности, за счет эмиссионных источников в кредитный план заверстано около 380 млн. руб.

В материальном отношении намеченная программа продукции и капитального строительства, как это удостоверено всей суммой построенных нами специальных балансов, тоже выполнима. И баланс топлива, и баланс строительных материалов в общем вполне увязываются с намеченным планом. Баланс металла требует некоторого подкрепления за счет импорта, но это подкрепление вполне осуществимо.

Из других балансов особого внимания заслуживает баланс рыночного спроса и предложения (см. табл. 4). Этот баланс при намеченных сдвигах цен тоже оказался довольно напряженным. Дело в том, что в области цен, исходя из установок пятилетки, мы сочли возможным следующие задания. Отпускные цены ВСНХ должны быть снижены в среднем на 4% в том числе по группе Б на 2%. По розничным ценам в городской торговле мы должны получить 2,7%

Таблица 4

Баланс реализации промышленных товаров

Статьи баланса	В млн. черв. руб.			В %% к предыдущему году	
	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
1	2	3	4	5	6
А. Предложение					
1. Запасы товаров к началу года:					
а) у производителей	1.250	1.350	1.386	108,0	102,7
б) в товаропроводящих каналах	1.630	1.990	2.581	122,1	129,6
Итого запасов	2.880	3.340	3.967	116,0	118,8
2. Товарная продукция:					
а) крупной промышленн. (с акцизом)	10.961	13.314	17.054	121,5	128,1
б) мелкой промышленности	2.360	2.535	2.750	107,4	108,5
Итого	13.321	15.849	19.804	119,0	125,0
3. Прочее предложение	552	583	704	105,6	120,8
Итого по 1—3	16.753	19.772	24.475	118,0	123,8
4. Торгово-транспортная накидка	3.229	3.858	4.748	119,5	123,1
Всего по 1—4	19.982	23.630	29.223	118,3	123,7
Б. Спрос					
1. Организованного рынка:					
а) на средства производства	6.609	8.142	11.565	123,2	142.0
б) „ „ потребления	811	950	1.105	117,1	116,3
Итого	7.420	9.092	12.670	122.5	139,4
2. Широкого рынка (населения):					
а) на средства производства	2.267	2.510	2.878	110,7	114,7
б) „ „ потребления	6.511	7.070	7.655	108,6	108,3
Итого	8.778	9.580	10.533	109,1	109,9
3. Прочий спрос	406	544	708	134,0	130,1
4. Запасы товаров к концу года:					
а) у производителей	1.350	1.386	1.513	102,7	109.2
б) в товаропроводящих каналах	2.239	2.904	3.594	129,7	123,8
Итого	3.589	4.290	5.107	119,5	119,0
Всего по 1—4	20.193	23.506	29.018	116,4	123,5
Балансовая разница	— 211	+ 124	+ 205	—	—
Баланс	19.982	23.630	29.223	118,3	123,7
Предложение на широкий рынок в ценах потребления	8.567	9.702	10.736	113,2	110,7

Таблица 5

Индексы цен по переменным весам секторов (1913 г.=100)

Наименование индексов	1927/28 г.	1928/29 г.		1929/30 г.		в %% к предыдущему году прирост (+) и убыль (−)			
						1928/29 г.		1929/30 г.	
		по пятилетнему плану	отчетные данные	по пятилетнему плану	по контрольным цифрам	план	исполнение	по пятилетнему плану	по контрольным цифрам
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Отпускных цен госпромышленности:									
а) по группе А	169,0	164,0	166,6	154,0	156 6	— 3,0	— 1,4	— 6,1	— 6,2
б) „ „ Б	198,5	198,5	199,8	192,9	195,8	0,0	+ 0,7	— 2,8	— 2.0
Тотальный	185,3	183,3	229,0	175,6	177,4	— 1,1	— 0,3	— 4,2	— 4,0
2. Всесоюзный оптовый:									
а) промышленный	187,7	185,7	187,4	177,4	179,9	— 1 1	— 0,2	— 4,5	— 4,0
б) сельскохозяйственный	156,7	166,3	170,3	166 3	169,6	+ 6,1	+ 8,7	0,0	— 0 4
Тотальный	178,4	180,3	182,3	175,2	177,0	+ 1,1	+ 2,2	— 2,8	— 2,9
3. Общеторговый розничных цен:									
а) промышленных	198,0	198,0	203.0	190 0	195,5	0.0	+ 2 5	— 4,0	— 3,7
б) сельскохозяйственных	194,0	194,0	223.0	189,0	219,0	0,0	+ 14.9	— 2.8	— 1,8
Тотальный	197,0	197,0	210,0	190,0	203,7	0,0	+ 6,6	— 3,5	— 2,7
4. Заготовительных цен на сел.-хоз. продукты:									
а) зерновые	134,6	156,6	190,4	155,4	180,6	+ 16.3	+ 41,5	— 0,8	— 5,1
б) технические	139,8	144,6	146 0	144,6	146,2	+ 3,4	+ 4,4	0,0	+ 0,1
в) животноводство	181,8	183.4	197,6	183,0	198.7	+ 0,9	+ 8,7	— 0,2	+ 0,6
Тотальный	156,4	165,0	183,3	164,2	178,8	+ 5,5	+ 17,2	— 0,5	— 2,5
5. Бюджетный:									
а) промышленный	202,6	202,6	201,6	196,5	191 5	0,0	— 0,5	— 3,0	— 5,0
б) сельскохозяйственный	210 3	210,3	228,2	204,4	218,4	0,0	+ 8,5	— 2,8	— 4,3
Тотальный (33 товара)	207,0	207,0	217,1	201,0	207.1	0,0	+ 4 9	— 2,9	— 4 6
„ (39 товаров)	198,7	204,3	209,8	199,2	201,4	+ 2,8	+ 5.6	— 2,5	— 4,0
6. Строительства	247,0	222,0	229,0	200,0	200,0	— 10,1	— 7,3	— 9,9	— 12,7

снижения. Бюджетный индекс при этих условиях сможет дать до 4% снижения (см. табл. 5). Спрос широкого рынка при таких установках возрастает на 9,9%, а предложение без дополнительных мероприятий нам давало рост всего в 7,1%. Однако, с учетом намеченной продажи сахара и некоторых других товаров по повышенным ценам на ненормированном рынке, а также специальных новелл по дополнительному обложению предметов роскоши и комфорта возможное предложение возрастает на 10,7% и, таким образом, в общем перекрывает спрос.

В результате выполнения плана, в народном хозяйстве СССР за 1929/30 г. должны произойти следующие социальные сдвиги

Таблица 6

Процессы обобществления по контрольным цифрам 1929/30 г.

(в млн. черв. руб.)

Показатели	Годы	Всего—абсол. данные	В том числе секторы в %%			
			государственный	кооперативный	итого обобществленный	частный
1	2	3	4	5	6	7
1. Наемный труд в млн. работников	1928/29	12.151	72,8	10,6	83,4	16 6
	1929/30	13.264	74,0	11,0	85,0	15,0
2. Валовая продукция:						
а) промышленности	1928 29	21.402	70.7	14,1	84.8	815,
	1929/30	26.117	72,9	15,3	88 2	211,
б) сельского хозяйства	1928/29	21.183	0,9	0,8	1,7	98,3
	1929/30	20.393	1,2	2,5	3,7	96,3
3. Товарная продукция:						
а) промышленности	1928/29	18.505	66,4	16,2	82,6	17,4
	1929/30	22.505	68,9	17,6	86,5	13,5
б) сельского хозяйства	1928/29	3.628	3,2	1,6	4,8	95,2
	1929/30	3 739	3,4	5,5	8,9	91,1
4. Торгово-посреднический оборот	1928/29	49.716	30,1	63,3	93.4	6,6
	1929/30	62.632	30,0	66,7	96,7	3,3
5. Основные фонды к концу года в неизменных ценах 1926/27 г.	1928/29	74.670	52,0	2,2	54 2	45,8
	1929/30	85.318	55,7	3,2	58,9	41,1
6. Оборотные фонды к концу года	1928/29	16.764	37,0	17,1	54,1	45,9
	1929/30	18.731	37,3	20,9	58,2	41,8
7. Капитальные вложения за год	1928/29	8.527	55,2	10,0	65,2	34,8
	1929/30	12.975	63,7	12,2	75,9	24,1

Наемный труд в частном секторе уже в прошлом году составлял не свыше 16.6% (батраки в крестьянских хозяйствах, пастухи и т. п.). В 1929/30 г. удельный вес их падает до 15%. В продукции промышленности доля частника падает за год с 15,2% до 11,8%, в том числе в цензовой с 0,9% до 0,7%. Паровой транспорт давно

уже обобществлен на все 100%. В торговом обороте доля частника падает в рознице с 18,6% до 10,7%, а по всем оборотам с 6,6% до 3,3%. В основных фондах страны эта доля падает за год с 45,8% до 41,1%, а в капитальных вложениях с 34,8% до 24%. И даже в сельском хозяйстве, где преобладает пока частнохозяйственная стихия, мы идем колоссальным темпом к обобществлению. Достаточно сказать, что посевная площадь совхозов к 1930 г. вместо 25% по пятилетке возрастает на 108%, площадь колхозов вместо 82% на 182% и т. д. Правда, эффект от этих приростов мы получим только в 1931 г. А пока в валовой продукции сельского хозяйства доля обобществленного сектора составляет всего около 3,7%, а в товарной 8,9%. Но уже через год мы и в этой области будем иметь в 2—3 раза более высокие достижения.

Таким образом, в общем и 1929/30 г. также, как и прошлый, по сравнению с пятилеткой, обещает нам при заметном отставании в темпах развития индивидуального хозяйства в деревне огромное превышение в темпах индустриального развития и обобществления хозяйства.

Буржуазная критика уже отмечала, что выполнение нашей пятилетки даже с большой скидкой против ее наметок придется рассматривать как жесточайшее поражение капиталистической системы хозяйства. Вступая во второй год пятилетки, мы с удовлетворением можем констатировать, что мы продвигаемся по намеченному пути даже скорее, чем предполагали, как бы это не опрокидывало „плановые“ предвидения наших противников.

Э. И. Квиринг

План капитального строительства на 1929/30 г.[1]

Общие установки плана капитального строительства даны в пятилетнем плане, почему мы на них не будем сейчас останавливаться. Мы исходим в основном из позиции пятилетнего плана, и поэтому я, главным образом, буду говорить о тех изменениях, которые вносят контрольные цифры текущего года в пятилетний план. Мы идем выше пятилетнего плана. Причины и условия, которые позволили нам итти выше наметок пятилетнего плана, изложены в сводном докладе о контрольных цифрах. В отношении капитального строительства я хочу лишь особо подчеркнуть тот факт, что опыт работ последнего года показал, что мы можем производить строительство крупнейших предприятий, заводов и фабрик более быстрым темпом, чем это намечалось пятилетним планом. И вот это ускорение темпа строительства,— это форсирование строительных работ позволило нам, по отношению целого ряда строительных об'ектов в плане текущего года, исходить из более повышенных темпов, чем те темпы, которые были намечены пятилетним планом. В этом отношении огромное значение имеет использование иностранной технической помощи, главным образом американской. Наиболее разительны примеры постройки таких заводов, как Сталинградский тракторный завод, как автозавод и целый ряд других, которые по плану текущего года намечено окончить в два строительных сезона вместо 3—4 по пятилетнему плану. Этот факт дал нам возможность и обязал нас, по целому ряду крупнейших сооружений, предусмотреть в плане текущего года гораздо больше капитальных вложений, чем это было намечено по пятилетке, и соответственно этому производственные результаты скажутся значительно раньше. Достаточно сказать, что, например, второй тракторный завод, который по пятилетке должен был быть закончен в последний год пятилетки, т.-е. в 1932/33 г., по нашим теперешним предположениям будет закончен в 1930/31 г. Мы начинаем это строительство с предстоящего хозяйственного года и в течение двух строительных сезонов строительство этого огромного гиганта должно быть закончено. Это выполнимо только при том условии, если мы в полной мере и умело используем иностранную техпомощь примерно таким же образом, как это сделано с автозаводом, который также должен быть закончен в два строительных сезона. Это возможно при условии, что к делу будут привле-

[1]) Обработанный доклад на VI С'езде плановых органов.

чены иностранные строительные фирмы, которые в короткий срок дадут совершенно законченный проект; это возможно при условии, что само строительство будет как следует организовано; это возможно при условии максимального использования строительных механизмов, а также при условии своевременного и достаточного финансирования. В итоге всех поправок к пятилетке размер капитальных затрат проектируется нами на будущий год на 2,5 мрд. выше, чем это было намечено в пятилетке только по обобществленному сектору: против 7,6 мрд. — 10,1 мрд. Вместе с частным сектором общий размер капитальных вложений составляет в предстоящем году 3 мрд. Такой рост капитальных вложений дает огромный рост основных фондов народного хозяйства. Прирост фондов в прошлом году составлял 5 мрд руб. В этом году прирост составляет уже 10 мрд. руб., при чем темпы прироста основных фондов значительно ускорились по сравнению с предыдущим годом. Это ускорение особенно заметно по промышленным фондам. В прошлом году мы имели рост в 15%, в этом году по плану намечается рост 34%, т.-е. темп роста промышленных фондов удваивается. То же самое по транспорту: в прошлом году прирост фондов составлял 7,4%, в этом году 15%. И даже по сельскому хозяйству, где темп прироста фондов значительно отстает, все же против 3% прошлого года мы намечаем в текущем году прирост на 6,9%.

Понятие капитальных вложений шире понятия капитального строительства. В сумму 13 мрд. капитальных вложений в народное хозяйство включается 2 мрд. руб. на живой и мертвый инвентарь сельского хозяйства, и, следовательно, 11 мрд. руб. составляет все строительство вместе с оборудованием и по линии НКПС вместе с паровозами и подвижным составом. Чисто строительные работы составляют сумму около 8,5 мрд. руб., при чем, если исключить из этой суммы сельское жилищное строительство, то получается сумма городского промышленного и хозяйственного строительства около 7 мрд. руб Нужно заметить, что чистое строительство дает рост против предыдущего года на 94%, следовательно, строительные работы в текущем году почти удваиваются против строительных работ предыдущего года.

Если мы обратимся к росту строительства по отдельным отраслям народного хозяйства, то мы получим следующие темпы, если брать только социалистический сектор нашего хозяйства: по сельскому хозяйству вместо 150 млн. в прошлом году мы имеем строительство на 550 млн. руб., т.-е. увеличение на 270% по промышленности вместо 1 мрд. руб. на чисто строительные работы — 2 мрд. руб. По электрификации — также увеличение на 90%. По просвещению вместо 223 млн. — 546 млн. руб.

Анализ вложений по социальным секторам обнаруживает огромный рост социалистического сектора и соответственное падение частного сектора.

В приведенной ниже таблице дано распределение капитальных вложений по социальным секторам за последние пять лет. Доля частного сектора из года в год снижается. От 57% в 1926/27 г. до 24% в 1929/30 г. и соответственно доля государственного сектора повышается с 38% до 65%, доля кооперативного сектора также вырастает от 3,5 до 10,4%.

Таблица 1

Капитальные вложения в сельское хозяйство по секторам (в % % к итогу)

Годы / Секторы	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	Примечание
Государственный .	38,6	43,2	49,4	57,1	65,1	По данным первого варианта, представленного на утверждение с ез да. В настоящее время вносится ряд поправок и уточнений.
Кооперативный . .	3,5	4,5	5,6	7,9	10 4	
Частный	57,9	52,3	45,0	35,0	24,5	
Итого (без прочих) мероприят.	100	100	100	100	100	

Мы видим, как на протяжении последних пяти лет частный сектор в капитальных вложениях страны очень круто теряет свой удельный вес.

Но при анализе соотношений капитальных вложений в обобществленный сектор и в частный сектор мы, помимо сопоставления общих размеров вложений, должны еще сравнивать, в какой мере вложения по этим секторам обеспечивают простое воспроизводство данного сектора и в какой мере они обеспечивают расширенное воспроизводство, ибо, товарищи, именно путем такого анализа мы получаем совершенно законченное представление о том, как идет рост секторов.

Если мы с этой стороны подойдем к вопросу и будем исходить из того положения, что амортизационные суммы, идущие на покрытие износа, покрывают в общем и целом простое воспроизводство, [1] а все, что идет выше амортизационных сумм, обеспечивает расширенное производство, то мы получим следующие разительнейшие данные: по промышленности и электрификации из общей суммы капитальных вложений по обобществленному сектору на будущий год из общей суммы в 5.155 млн. руб. на износ идет 534 млн. руб., или 11% всех вложений, а на расширенное воспроизводство идет 4.800 млн. руб., или 89% всех вложений.

По частному сектору все вложение в промышленность и электростроительство, в том числе и концессионную, на будущий год соста-

[1] Это, конечно, надо брать условно, потому что амортизационные суммы могут быть несколько больше или меньше фактического износа, но сути дела это не меняет.

вляет 60 млн. руб. Уже одно это цифровое сопоставление говорит о ничтожной роли частного капитала в области крупной промышленности. К тому же из 60 млн. руб.—40 млн. руб. идет на покрытие износа и только 20 млн. руб. идет на расширенное воспроизводство. Нужно прямо сказать, что ни о каком расширении воспроизводства в частном секторе промышленности не приходится говорить. По сельскому хозяйству мы имеем сопоставление социалистического сектора с индивидуальным крестьянским сектором. Более подробную группировку на капиталистические и простые товарные крестьянские хозяйства мы сейчас не можем дать, так как нет соответствующих данных. Поэтому в частный сектор по сельскому хозяйству входят и кулацкие хозяйства капиталистического типа и бедняцко-середняцкие хозяйства. В социалистическом секторе из общей суммы вложений в 1.326 млн. руб. лишь 8,5% — 111 млн. руб.— идет на покрытие износа, а на расширенное воспроизводство идет 1.215 млн. руб.— 91,6%. Процент износа в социалистическом секторе сельского хозяйства еще очень низок, так как здесь мы строим заново, и вложения особенно выросли лишь за последние годы. Фонды социалистического сектора в сельском хозяйстве еще низки по сравнению с капитальными вложениями.

В индивидуальном крестьянском секторе из общих вложений в 2.800 млн. руб. — 2.000 млн. руб. идут на покрытие износа, т.-е. 71%, и лишь 800 млн. идет на расширенное воспроизводство. Таким образом, общий размер капитальных вложений в частный крестьянский сектор выше вложений в социалистический сектор сельского хозяйства (2.800 млн. руб. и 1.326 млн. руб.), но зато из общей суммы вложений в обеспечение расширенного воспроизводства, вложения в социалистический сектор превышают вложения в частный крестьянский сектор (1.215 млн. руб. и 800 млн. руб.).

Следовательно и в сельском хозяйстве расширенное воспроизводство в социалистическом секторе опережает расширенное воспроизводство в частном секторе.

Все это говорит о том, что при твердом проведении генеральной линии партии на дальнейшее форсирование процессов обобществления в сельском хозяйстве мы можем достигнуть очень и очень значительных результатов. Это говорит о том, что победа социалистического сектора при таких темпах развертывания обеспечена.

Но мы имеем не только простое увеличение размера капитальных вложений в строительство, мы имеем значительное укрупнение строительства.

Снижение стоимости строительства проверить очень трудно. Довольно часто и теперь еще мы имеем случаи, когда фактическая стоимость превышает сметную. В других случаях сметная стоимость в процессе строительства вырастает. Вот несколько примеров. В прошлом году Уралмашстрой в плане стоял в сумме 38 млн. руб., в этом году он стоит в сумме 57 млн. руб. Сельмашстрой Ростовский стоял

в сумме 42,5 млн. руб., теперь стоит 71 млн. руб., но и мощность его повышена до 84 млн. руб. валового выпуска продукции вместо 37,5 млн. руб.; затем Березняковский комбинат — 48 млн. руб. и 85 млн. руб., Воскресенский Угрешско-Донской — 60 млн. руб. и 119 млн. руб. По некоторым из этих об'ектов мы имеем изменение проектировок, по другим же мы имеем просто рост сметной стоимости. Это особенно относится к химическим заводам, стоимость которых в пятилетие показана значительно ниже, чем она выявилась теперь по проектам. Что же в этих условиях можно считать снижением цен, если мы в прошлом году признали, что химический комбинат можно построить за 50 млн. руб., а теперь оказывается нужно 80 млн. руб.?

Если несколько лет тому назад нам казалось чрезвычайно трудным приступать к такому строительству, как Днепрострой, то теперь мы имеем уже в процессе строительства десятки строительств, почти равных Днепрострою. По выше лимитному промышленному и электростроительству мы имеем следующие данные о размерах строительств. В списках имеется 349 об'ектов стоимостью до 5 млн. рублей каждый, общая стоимость которых составляет 524 млн. руб.; 108 об'ектов стоимостью от 5 до 15 млн. руб. на общую стоимость в 900 млн. руб., 27 об'ектов стоимостью от 15 до 30 млн. руб. каждый, общая стоимость 500 млн. руб., 13 об'ектов стоимостью от 30 до 50 млн. руб., общая стоимость 500 млн. руб. и 23 об'екта стоимостью каждый свыше 50 млн. руб., общая стоимость 2.500 млн. руб. Значит в плане капитального строительства по электрификации и промстроительству мы имеем в 1929/30 г. 23 об'екта, которые стоят 2.500 млн. руб., примерно около 100 млн. на один об'ект. Наконец, даже постройка каждого совхоза или машинно-тракторной станции, это по об'ему работ крупное строительство, а если прибавить сюда поселковое жилстроительство, которое принимает все большие масштабы, мы получим крупнейшие строительные работы для нужд гигантской строительной индустрии, которая выдвигается на одно из первых мест в числе отраслей народного хозяйства.

Нужно прямо сказать, что с организацией строительного дела у нас обстоит до сих пор не вполне благополучно. Организация строительного дела не поспевает за огромным ростом строительства, наши организации не поспевают перестроиться за темпом капитальных вложений, и, в частности, чрезвычайно плохо у нас обстоит дело с таким производством, как заводское производство строительных конструкций, производство строительных деталей и т. п. Известно, что современное строительство в передовых капиталистических странах в значительной части производится заводским путем: подготовляются конструкции, детали, целые части строений и затем все это собирается на месте строительства. В этом отношении мы очень отстали, почему мы должны обратить особое внимание на укрепление наших строительных контор, превращение их в крупней-

шие тресты, на организацию производства строительных конструкций, строительных деталей. Эта задача очень слабо разрешается в плане будущего года, точнее сказать, мы только подходим к ее выполнению. Мы должны помнить, что без разрешения этой задачи невозможно выполнить грандиозные планы капитального строительства, которые из года в год все больше и больше будут расти.

В организации строительного дела, как нами уже указывалось, особое значение должно иметь привлечение иностранного опыта. В строительной технике мы крайне отстали, и перенять методы работы передовых капиталистических стран и, главным образом, С.-А. С. Ш. нам крайне необходимо.

Огромное значение для правильной организации строительных работ, как нам неоднократно приходилось отмечать, имеет своевременная разработка проектов. Мы знаем, что это было нашим слабым местом в предшествующие годы. В прошлом году в план капитального строительства по промышленности 64% всего об'ема капитального строительства было включено в контрольные цифры без наличия законченных проектов. Само собой разумеется, это сказывается очень отрицательно на самом строительстве. Тут и удорожание, и удлинение сроков, словом, очень много недочетов нашего строительного дела происходит главным образом вследствие плохой подготовленности проектов. В текущем году положение несколько лучше, но все же и в текущем году проектное дело остается слабым местом. По данным ВСНХ мы имеем к началу года готовых проектов 60% к об'ему капитального строительства. Против прошлого года это уже шаг вперед, но все же и в этом году мы вступаем в новый строительный год, не имея проектов 40% строительства промышленности (по об'ему). По количеству строительных об'ектов положение еще значительно хуже. Здесь мы имеем утвержденных проектов лишь 30% об'ектов и эскизных проектов 13%. Это значит, что по большинству об'ектов, которые включены в план текущего года, мы опять не имеем разработанных проектов. Правда, по расчетам ВСНХ, к 1 января текущего года значительное количество этих проектов будет закончено, и на 1 января мы будем иметь больше, чем в прошлом году. Но и в текущем году мы вынуждены при рассмотрении в правительстве капитального строительства, по списку выше лимитных работ, сделать то же самое, что и в прошлом году, когда мы выделили в условный список целый ряд строительств, по которым к началу года не имелось готовых проектов с тем, что к производству строительных работ разрешается приступить только в том случае, если к указанным срокам проекты будут закончены. Эту меру надо провести и в текущем году, оставив сравнительно небольшие суммы на всякие подготовительные работы.

В связи с состоянием проектного дела и всего строительного дела в целом мы выдвигаем следующие общие установки относительно сроков окончания строительных работ. Мы считаем, что

опыт последних лет показал, что для среднего размера предприятия, стоимостью, примерно, до 10 млн. руб., при условии, что к началу хозяйственного года проекты полностью будут готовы, строительные работы могут быть закончены в течение одного строительного сезона; заводы большего масштаба, в 20—25 млн. руб. и даже до 50 млн. руб. и свыше, как, например, Челябинский тракторный завод, автозавод, при привлечении иностранной технической помощи могут быть закончены в два строительных сезона. Если мы выдержим эти темпы строительства, то нам не страшно будет, если скажем, в текущем году по плану не предусмотрены деньги по тем или иным новым заводам. А что у нас было до сих пор? Строили обычно небольшой завод стоимостью в 10—12 млн. руб, строили 3—4 года. Финансирование растягивалось: скажем, в первый год дают 1 млн. руб., второй год—3 млн. руб., на 3 год—4 млн. руб. Такой порядок мы уже переросли. На этой стадии мы уже оставаться дальше не можем. Лучше отложить начало строительства ряда заводов на год, чтобы не растягивать строительство по финансовым соображениям.

В плане капитального строительства промышленности на будущий год мы исключили десятки предприятий, которые были в списках пятилетнего плана, и кроме хорошего ничего от этого не произойдет, по той простой причине, что если мы на будущий год на эти предприятия дадим деньги, мы их кончим в тот же срок, который был намечен пятилеткой, а может быть и раньше. Факт тот, что мы значительно превысили пятилетку, но вместе с тем мы произвели перегруппировку об'ектов, мы исключили из этого плана десятки об'ектов, главным образом по легкой промышленности, и включили некоторые новые. Таким образом, мы стремились концентрировать работу капитального строительства, чтобы получить больший народнохозяйственный эффект. Я думаю, что эта установка абсолютно правильна.

Как же сводится материальный баланс плана капитального строительства? Здесь мы имеем строительные материалы и затем производственное оборудование. Можно сказать, что по большинству стройматериалов баланс напряженный менее, чем в прошлом году; по некоторым материалам, и, пожалуй, по самым главным—по цементу и железу—этот баланс более напряжен, чем в прошлом году. Так, по кирпичу имеется дефицит 7% вместо 11% прошлого года, и, наоборот, по цементу в прошлом году мы имели 7%, а в этом году 11%. По круглому лесу мы имеем дефицит в 2%, по пиленому лесу вместо 2% прошлого года имеем 11% дефицита. по кровельному железу, исходя из постановления правительства о производственной программе в 300 тыс. тонн, мы имеем 27% дефицита. Отсюда ясно, что речь идет о том, сможем ли мы заставить огромное количество строительств брать другие кровельные материалы взамен кровельного железа. В 1928/29 это не удалось, и на складах оста-

лось около 3 млн. штук черепицы. В предстоящем году нужно особенно активно внедрять в строительство черепицу и др. подобные кровельные материалы. По оконному стеклу дефицит вместо 20% прошлого года сократился до 10%. Нам приходилось неоднократно подчеркивать крайнюю ориентировочность баланса строительных материалов, и мы считаем, что сделанный расчет может быть погрешен в пределах 10%. Заявки, как общее правило, увеличены. Размер производства это, пожалуй, более точная цифра, во всяком случае она точнее, чем заявка.

Поэтому, при соответствующем маневрировании, при перегруппировке строительных материалов и при значительном увеличении импорта металла, что мы включили в свой импортный план, мы сможем свести концы с концами, но, конечно, с очень значительным напряжением. Что касается баланса оборудования, то он тоже сводится за счет импорта.

Теперь перейдем к снижению стоимости строительства. Правительство из года в год принимало соответствующие постановления и, пожалуй, из года в год, по крайней мере за последние два года, мы должны констатировать невыполнение этих постановлений. В прошлом году была дана задача снизить себестоимость на 15%. По предварительным ориентировочным подсчетам, промышленность вместо 15% дала 8% снижения, а жилищное строительство вместо 11% — 7%. Одним словом, по всем строительным отраслям мы не выполнили плана снижения стоимости строительства и к тому же директива правительства по снижению цен на строительные материалы тоже не выполнена.

На будущий год мы принимаем так же как и ВСНХ 14% снижение стоимости строительства. Нужно подчеркнуть, что потребуются серьезные организационные меры для того, чтобы намеченное снижение было претворено в жизнь. На ряду со снижением стоимости строительных работ мы ставим особенно остро в плане текущего года вопрос о снижении цен на оборудование. Здесь положение крайне неблагополучно.

В прошлом году цены по общему машиностроению были снижены всего на 2%, а в предыдущем году они были повышены на 1 — 2%. Индекс отпускных цен ВСНХ по общему машиностроению составляет 2,36, в то время как по сел.-хоз. машиностроению, благодаря тому, что этот вопрос был остро поставлен перед ВСНХ и хозорганами, мы имеем индекс 1,4. Если ВСНХ на протяжении ряда лет сумел добиться очень больших успехов в области сел.-хоз. машиностроения, то мы считаем, что такие же задачи стоят перед ВСНХ и в области всего машиностроения. Тут мы имеем огромные ресурсы для снижения себестоимости. Поэтому в плане будущего года по машиностроению мы ставим 15% снижение себестоимости и 10% снижение цен. Это будет весьма реальный вклад в народное хозяйство, это несколько снизит стоимость наших заводов и фабрик. Задачу эту

нужно ставить как длительную задачу, чтобы добиться решительного перелома в нашем машиностроении, чтобы рационализировать это производство, чтобы поставить его технически хотя бы на ту же высоту, на которой стоит сел.-хоз. машиностроение. Нужно добиться того, чтобы на протяжении ближайших трех лет снизить цены по общему машиностроению.

На ряду с проблемой цен по общему машиностроению стоит вопрос и относительно снижения цен на строительные материалы, на цемент, кирпич и др. Здесь надо особо подчеркнуть совершенно безобразное положение, которое имеет место за последние годы, — это крайне высокие цены на такие стройматериалы, как песок и гравий, строительный индекс которых неизмеримо высок. Это происходит главным образом потому, что мы до сих пор ничего не сделали для массовой постановки их добычи, почему мы в этом деле целиком и полностью зависим от крестьянина и крестьянской лошадки. Ничего не сделано по механизации добычи и транспортирования, что нужно особенно подчеркнуть. Это, главным образом, дело наших строительных организаций. Кому важнее всего получить дешевый песок и дешевый гравий? Это не такое сложное производство, что тут надо организовывать специальные тресты и специальные хозяйственные органы? Неужели теперь, когда имеются крупнейшие строительные организации, они не могут поставить рационально добычу этих материалов для собственных работ? Конечно, могут. И поэтому мы считаем, что стройконторы должны получить деньги на организацию у себя производства стройматериалов. Мы принимаем увеличение оборотных средств стройконтор в будущем году на 55 млн. руб., при чем некоторая часть этой суммы, по нашему предложению, должна быть покрыта за счет отчисления трестов, работодателей. При заключении соответствующих договоров на строительные работы должно быть оговорено, что тресты вносят определенный процент к об'ему капитального строительства в пай строительных организаций. Только при таких условиях мы можем обеспечить правильный рост капиталов строительных организаций, а это первое условие для того, чтобы рационализировать производство строительных работ.

Переходя к рассмотрению капитальных вложений по отдельным отраслям народного хозяйства. Начнем с электрификации. Ведущее значение электростроительства не приходится доказывать, однако нужно отметить, что уже в текущем году сказывалось в ряде районов отставание электростроительства, и ряд хозяйственных районов не мог дать полную нагрузку своим предприятиям вследствие недостатка электрической энергии. Такое положение создалось вследствие некоторого отставания темпа электростроительства в последние два года. В контрольных цифрах прошлого года мы отмечали это отставание, указывая, что по районным электростанциям в 1927/28 г. вошло в работу аггрегатов мощностью всего в 35.000 *квт.*

Мы имели типичный пример, когда растягивание финансирования по большому количеству об'ектов ведет к малой эффективности. В предстоящем году это отставание будет перекрыто. При общем размере капитальных вложений в электростроительство в 608 млн. руб., из которых 510 млн. руб. на районные станции, в 1929/30 г. будет введено в действие районных станций на общую мощность в 500 тыс. *квт.*, что дает рост мощности районных электростанций с 662 тыс. *квт.* до 1.160 тыс. *квт.*, т.-е. на 75%.

Такой крупный рост мощности районных станций говорит о значительном улучшении на фронте электростроительства.

И здесь одним из важнейших является вопрос о сроках строительства. Мы исходим из того положения, что в дальнейшем крупные районные электростанции (тепловые) должны быть построены в два года. Для этого нужно укрепить Энергострой — поднять состояние проектных работ, иметь типовые проекты целых станций и отдельных деталей.

Всего в постройке в будущем году будет районных станций на общую мощность в 2.850 тыс. *квт.*, в том числе начинаются работы по расширению и постройке новых станций на мощность в 1.322 тыс. *квт.*

Список районных станций, внесенных в план 1929/30 г., еще в окончательном виде Президиумом Госплана не утвержден — возможны еще некоторые изменения. Основной принцип плана 1929/30 г.— не разбрасываться, концентрировать работы на важнейших станциях, чтобы возможно скорее закончить строительство.

Помимо районных станций, о которых сказано выше, необходимо еще указать на значительное строительство промышленных электростанций, которые идут по плану капитального строительства промышленности, но размер которых очень значителен. План строительства промышленных станций на будущий год включает около 150 станций, общей мощностью примерно в 1 млн. *квт.* из которых 62 теплоцентрали в 300 тыс. *квт.* и 60 установок, использующих отбросы топлива, мощностью около 450 млн. *квт.* Общая мощность промышленных электростанций дает рост с 1.1 млн. *квт.* до 1,33 млн. *квт.*, что дает рост на 230 тыс. *квт.* При чем по промышленному строительству идут такие станции, как Магнитогорская в 100 тыс. *квт.* Чем она отличается от районной станции — совершенно неизвестно, тем более что она и по своему характеру будет станцией районного порядка. То же самое нужно сказать о станциях при заводе им. Дзержинского и им. Томского по 44 тыс. *квт.*

По плану электрификации идут также коммунальные станции и сельская электрификация. В этом году по сельской электрификации дается 18 млн. руб. При чем необходимо особо подчеркнуть, что строительство социалистического сектора в сельском хозяйстве дает совершенно новую опору для развития электростроительства на селе. Из этих 18 млн. руб. для Зернотреста отпускается 5,8 млн. руб., 1,5 млн. руб. для старых совхозов и 3,5 млн. руб. для крупных колхозов и машинно-тракторных станций. Как видим, из вложений по сельской электрификации значительная часть направляется на обслуживание социалистического строительства в сельском хозяйстве. На строительство новых коммунальных станций в контрольных цифрах намечено 75 млн. руб.

Перехожу к промышленности. Общий размер капитального строительства в промышленности намечается нами в 293,2 млн. руб. без резерва, чему корреспондирует заявка ВСНХ в 3.069 млн. руб. Кроме того, мы намечаем резерв в 100 млн. руб., у ВСНХ стояло раньше 130 млн. руб., но так как они должны были произвести кое-какие поправки в своем плане, то неизвестно сколько у ВСНХ осталось по резерву; не считая резерва, мы идем по плану капитального строительства промышленности ниже ВСНХ, примерно, на 150 млн. руб.

Было бы неправильно построить анализ капитального строительства промышленности на противопоставлении нашего и ВСНХ-овского вариантов, так как разница этих вариантов незначительна. Дальше я скажу, в чем эта разница заключается. Самое главное, что всех должно интересовать сейчас, это — в какой мере контрольные цифры капитального строительства промышленности превышают пятилетний план, какие изменения контрольными цифрами текущего года мы вносим в пятилетку?

Изменения эти следующего порядка: мы идем выше пятилетнего плана, считая вместе с резервом, на 681 млн. руб. При этом по группе „А" мы даем увеличение против пятилетки на 658 млн. руб. (без резерва), а по группе „Б" мы даем уменьшение против пятилетнего плана на 78 млн. руб. Так как резерв в 100 млн. руб. пойдет главным образом по группе „А", можно считать превышение пятилетнего плана по группе „А", примерно, в 750 млн. руб. Следовательно, наш план идет значительно выше пятилетки по группе „А" и несколько ниже по группе „Б".

Чтобы к этому вопросу не возвращаться, я должен сказать, что снижение по группе „Б" и ходит главным образом из того, что сырьевая база легких отраслей промышленности не дала того роста, который был намечен в пятилетнем плане, кроме того, переход на непрерывное производство и целый ряд других рационализаторских и реконструктивных мероприятий дают возможность лучше использовать наличное оборудование, — все это дает возможность несколько задержать строительство в этих отраслях.

Мы стремились провести это сокращение таким образом, чтобы не переводить на консервацию строительства, которые уже начаты. Пожалуй, по всему плану на будущий год, по линии легкой промышленности, мы имеем, может быть 3 — 4 об'екта, по которым мы все-таки пошли на некоторую консервацию, на некоторую приостановку строительства.

Обращаясь к распределению капитального строительства по отраслям, нужно отметить, что на первом месте идет металлопромышленность, по которой мы даем больше пятилетки на 327 млн. руб. — вместо 670 млн. руб. — 997 млн. руб., — в том числе выше пятилетки по металлургии на 140 млн. руб., по цветной металлургии на 36 млн. руб., по общему машиностроению на 154 млн. руб., в том числе по сел.-хоз. машинам и тракторостроению на 85 млн. руб. Все эти увеличения основаны главным образом на том, что мы форсируем строительство ранее включенных в планы об'ектов и в некоторых частях включаем такие заводы, которые были в пятилетке намечены на более поздние сроки, например, автозавод, затем Челябинский тракторный завод, на который намечено нами 30 млн. руб. Затем по топливной промышленности мы идем выше пятилетнего плана на 100 млн. руб., из них 40 млн. руб. идет по каменноугольной промышленности. В частности, в каменноугольной промышленности мы идем выше ВСНХ на 20 млн. руб. Мы считаем, что топливный баланс настолько напряжен, что положение с запасами топлива настолько обостряется, что мы вынуждены значительно форсировать строительство новых крупных шахт. В частности, я обращаю ваше внимание на то, что по каменному углю механизация добычи повышается до 37% по всей добыче вместо 24% в прошлом году.

Выше пятилетнего плана мы идем также по строительным материалам, правда, всего на 37 млн руб., при чем мы идем выше ВСНХ на 28 млн. руб., включая 11 млн. руб., намеченных нами по резерву. Нужно сказать, что ВСНХ уже второй год не предусматривает в своих планах достаточных вложений в стройматериалы, несмотря на огромный дефицит и напряжение на рынке. И в прошлом и в текущем году, нам приходилось увеличивать вложения в промышленность стройматериалов. Наши Промсекция и Стройсекция считают необходимым повысить заявку ВСНХ на 70 млн. При верстке мы вынуждены были снизить вложения до 208 млн. руб. вместе с резервом против 252 млн. руб., намеченных нашими секциями. Нужно подчеркнуть, что по стройматериалам мы идем с большим напряжением, и для большей страховки плана нужно было бы увеличить размер вложений. Чтобы не возвращаться к балансу стройматериалов, нужно сказать, что мы в контрольных цифрах увеличиваем продукцию стройматериалов против ВСНХ довольно значительно. ВСНХ дает рост продукции по всем стройматериалам в 30%, Госплан 56%. Это увеличение основано не только на дополнительном вложении 17 млн. руб., но и на проведении мероприятий в области рационализации ныне действующих предприятий. В ряде отраслей, производящих строительные материалы, в частности, в кирпичной, использование существующего оборудования по данным самого ВСНХ крайне недостаточно и простая рационализация при незначительных вложениях может дать очень большой эффект.

По лесной промышленности мы идем на 52 млн. руб. выше пятилетки. Однако, если не считать резервов, то мы идем несколько ниже плана, принятого недавно СНК. Мы намечаем 172 млн. руб. и и 19 млн. руб. перенесено по сметам НКЗемов республик на лесное хозяйство. Всего 191 млн. руб. По решению СНК намечено 200 млн. руб. При распределении резерва нужно иметь в виду дополнительные нужды лесной промышленности, чтобы обеспечить выполнение намеченного СНК плана.

Против плана ВСНХ мы произвели некоторую перегруппировку вложений. Мы считали крайне важным приступить к выполнению программы строительства сушилок, чтобы снадбить страну сухим лесом. До сих пор в этом направлении почти ничего не сделано и ВСНХ в своем плане не предусмотрел никакого сдвига. Мы включили дополнительно в план, строительство сушилок на сумму 7 млн. руб., исключив некоторые другие заводы из списка ВСНХ.

По химической промышленности мы идем на 113 млн. руб. выше пятилетки, при чем по гр. „А“ на 91 млн. руб., по гр. „Б“ на 22 млн. руб., по гр. „Б“ включено строительство резинового комбината (25 млн. руб.), исходя из форсированного автостроения. По группе „А“ превышение пятилетки основано отчасти на том, что ряд химических комбинатов по проектной стоимости выходит значительно дороже, чем было намечено в пятилетнем плане. Вместе с тем мы намечаем форсирование тукового производства, в частности, производство фосфоритной муки. Но даже при таком превышении пятилетки на 113 млн. руб., мы идем на 50 млн. руб. ниже ВСНХ. Не останавливаясь на остальных отраслях промышленности, я лишь отмечу, что по первичной обработке волокнистых веществ мы идем выше пятилетки на 38 млн. руб. (80 и 42 млн. руб.), что вызвано форсированием сырьевой базы для текстильной промышленности. Что касается разногласий с ВСНХ, то помимо отмеченных выше, мы произвели ряд перегруппировок, исключили одни об'екты и включили другие, на чем я сейчас останавливаться не могу. Самая главная поправка заключается в том, что мы сократили по плану ВСНХ нижелимитное строительство с 570 млн. руб. на 116 млн. руб. ВСНХ в своем докладе пишет, что эта группа работ обеспечивает прирост продукции для будущего года. В известной мере это правда, но все же как-раз по группе нижелимитных работ всегда больше всего недочетов, бесплановости и излишних затрат. Поэтому мы считали, что наиболее целесообразно сокращать как-раз по этой группе.

Итак, несмотря на огромное превышение пятилетнего плана по всем решающим отраслям промышленности, все же мы сокращаем план капитального строительства, представленный ВСНХ в Госплан, на 137 млн. руб. без резерва, а вместе с резервом и дополнительными статьями на 209 млн. руб., планы же республик и районов приходится сокращать, примерно, миллионов на 500.

В борьбе за более широкие требования мест и ведомств по адресу Госплана выдвинуты резкие обвинения: зарезали наш план удар по металлу, разгром химии и т. д.

Такие аргументы бьют мимо цели. Госплану действительно приходится „резать“ кое-какие запросы и аппетиты. Но это резание ни в какой мере не похоже ни на удары, ни на разгром, по той простой причине, что наши контрольные цифры идут значительно выше пятилетки, той самой пятилетки, которая признана высшими органами „планом великих работ“, планом строительства социализма. Дальнейшее повышение плана промышленного строительства было бы возможно лишь за счет понижения вложений по другим отраслям народного хозяйства, что совершенно невозможно. План ВСНХ именно исходит из такого положения.

Чтобы еще сильнее подчеркнуть намеченный в контрольных цифрах размах капитального строительства промышленности, дадим динамику вложений с 1924/25 г.

За пять лет с 1923/24 г. по 1927/28 г. общая сумма капитального строительства промышленности составила 3,5 мрд., а в 1929/30 г. мы намечаем 3 мрд., значит за один год мы строим почти столько же, сколько построили на протяжении пяти лет. За последние два года, 1927/28 и 1928/29, которые являются целиком реконструктивными годами, размер капитального строительства промышленности составил 2 мрд. 900 млн., т.-е. несколько меньше, чем намечено на будущий год. Еще разительней сопоставление по группе „А“. Вложения в тяжелую промышленность за пятилетие составили 2,6 мрд. руб. всего на 300 млн. руб. больше, чем на предстоящий год, а за два последние года эти вложения составили 2,2 мрд. руб. или на 230 млн. руб. меньше, чем намечено по плану 1929/30 г. Вот какими шагами мы идем вперед. Быстрый рост строительства по гр. „А“ изменяет и структуру вложений между тяжелой и легкой промышленностью. В то время как в прошлые годы мы имели удельный вес вложений по группе „А“ в 76—78%, в 1929/30 г. этот процент повышается до 85% (84,6%), и соответственно по группе „Б“, вместо 22—24%, снижается до 15,5%. Нужно еще отметить очень значительный рост строительства новых заводов. Этот процесс имеет место за все последние годы. Уже в 1926/27 г. новое строительство составило 30% всего строительства промышленности, а в 1929/30 г. новое строительство составит 46%.

Транспорт

Транспорт, как известно, в 1928/29 г. был именинник, в том смысле, что он получил неожиданно для себя несколько лишних сотен миллионов дохода. В 1929/30 г. грузооборот будет также значительно выше, чем было намечено пятилеткой, почему и доходы транспорта идут значительно выше пятилетнего плана. Капитальные вложения в транспорт намечаются также выше пятилетки. Без учета капитальных ремонтов, которые по НКПС'у идут по эксплоатационным расходам, по пятилетнему плану было намечено на капитальное строительство 1 мрд. 18 млн. руб., а дается на будущий год 1 мрд. 260 млн. руб. Против 1928/29 г. это дает рост на 77,7%.

Динамика капитальных вложений по отдельным видам транспорта за последние годы дана в таблице 2 (стр. 56).

В эту таблицу внесены поправки, принятые на с'езде Госпланов, поэтому она несколько отличается от таблицы, напечатанной в докладе Госплана Совету Народных Комиссаров.[1] Однако, эти поправки изменили лишь некоторые детали, не меняя сущности первоначального варианта Госплана. Последняя графа этой таблицы показывает процент роста к предшествующему году. Из таблицы видно, что вложения в существующие железные дороги растут на 46%. По новому ж.-д. строительству вместо 127 млн. руб. в 1928/29 г. дается 290 млн. руб., что дает рост больше, чем в два раза. По водным путям вместо 15 млн. руб. дается 32 млн. руб., по шоссейным и грунтовым дорогам дается рост в три раза — вместо 25 млн. — 87 млн. руб., по морскому судостроению рост в два раза — вместо 14 млн. — 28 млн. руб., по речному судостроению вместо 32,5 млн. — 67 млн. руб. — рост больше, чем в два раза. По воздушному транспорту дается также рост больше, чем в три раза.

По контрольным цифрам транспорта мы имеем значительные расхождения с НКПС'ом; однако, эти расхождения больше всего относятся к области финансовых расчетов. Госплан принимает грузооборот в 212 млн. тонн и доход НКПС'а в 2.553,5 млн. руб. НКПС устанавливает свой доход в 2.467,8 млн. руб. Есть разногласия также по эксплоатационной смете и по размерам потребного для транспорта оборотного капитала.

Разногласия по размерам капитальных вложений с НКПС незначительны и сводятся, главным образом, к понижению Госпланом расценок по отдельным работам.

НКПС переживает к началу нового хозяйственного года большие затруднения с товарными вагонами. Небывалая концентрация хлебных перевозок уже в сентябре пред'явила к НКПС требования, которые он не смог удовлетворить. Было бы несправедливо взваливать на транспорт всю ответственность за это дело. Очень значительная часть вины лежит на потребителях, задерживающих вагоны под разгрузкой, в особенности на НКТорге, у которого не оказалось точного плана направления хлебных грузов. Но еще более неправильно выгораживать НКПС. При правильной организации транспорта, своевременной мобилизации общественного мнения можно было значительно смягчить транспортные затруднения, не доводя до затора движения по отдельным направлениям.

[1] В ней исправлены также опечатки по отделу тяги и пути.

Таблица 2

Капитальные вложения в транспорт (по смете НКПС)

(без капитального ремонта)

ПОКАЗАТЕЛИ	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г. (смета)	1929/30 г.		В %% к предшествующему году				
					Персп. план	Контр. цифры	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г. План	1929/30 г. Контр. цифры
Железные дороги	166,5	212,1	354,5	414,9	583,9	606,2	127,4	167,1	117,0	140,7	146,1
Новое ж.-д. строительство	29,2	46,1	83,5	127,6	206,0	290,0	157,9	181,1	152,8	161,4	227,3
Внутр. водн. пути	6,1	7,5	9,0	15,8	22,6	32,0	123,0	120,0	175,6	143,0	202,5
Морск. торг. порты	6,6	8,7	14,5	16,4	21,5	23,6	131,8	166,7	113,1	131,1	143,9
Шосс. и грунт. дороги	6,2	7,6	22,6	25,5	58,9	87,2	122,6	297,4	112,8	231,0	342,0
Морск. судостроение	4,5	5,0	10,0	14,1	21,5	28,4	111,1	200,0	141,0	152,5	201,4
Речное „	2,3	3,7	11,1	32,5	33,0	67,0	160,9	300,0	292,8	101,5	206,2
Воздушн. транспорт	—	1,1	1,9	7,9	15,0	20,0	—	172,7	415,8	189,9	253,2
Прочие	19,1	69,1	33,7	54,6	55,6	105,8	361,8	48,8	162,0	101,8	193,8
Итого	240,5	360,9	540,8	709,3	1.018,0	1.260,2	150,1	149,8	131,2	143,5	177,7

Представители НКПС, ссылаясь на затруднения в перевозках, требовали больших бюджетных дотаций, высокопарно говорили о задачах реконструкции транспорта, которые, якобы, не учитывает Госплан. Мы должны здесь со всей решительностью отвергнуть эти обвинения. Затруднения на транспорте НКПС'ом мотивируются, главным образом, недостатком вагонов. Госплан на 1929/30 г. почти полностью удовлетворил заявку НКПС на товарные вагоны. Никакой урезки мы не производили.

Очень незначительные сокращения произведены Госпланом по заказу паровозов. Вместо 618 новых паровозов по заявке НКПС Госплан дает 560 и вместо восстановления 200 старых — дается 150. Это сокращение заказов на паровозы является следствием специальной проверки плана паровозостроения, намеченного пятилеткой. Эта проверка показала, что если принять выполнение грузооборота, намеченного пятилеткой в четыре года, то все же нам нужно примерно на 800 паровозов меньше, чем намечалось по пятилетке.

Текущие транспортные затруднения не связаны с недостатком паровозов, поэтому представители НКПС переходят к мотивам о задержке реконструкции транспорта.

Мы должны подчеркнуть, что по основным статьям реконструкции транспорта автосцепке и автотормозам вложения на будущий год приняты Госпланом согласованно с НКПС. Как автоторможение, так и автосцепка могут быть проведены при паровозе типа „Э". Что же касается нового, более тяжелого типа паровозов, то НКПС'ом такой тип еще не закончен разработкой.

Нет у НКПС'а также законченного плана проведения автосцепки. До сих пор НКПС'ом даже не установлен еще окончательный стандарт большегрузного вагона. Следовательно, у НКПС'а не закончена разработка ряда важнейших элементов плана реконструкции. Опасность задержки реконструкции транспорта идет именно с этой стороны.

Предстоящий год еще является подготовительным к коренной реконструкции транспорта.

Поэтому особое внимание в течение этого года должно быть обращено на упорядочение существующего транспортного хозяйства, его рационализацию, проведение работ по увеличению пропускной способности ж.-д. узлов, в частности, улучшения связи и постановки блокировки, т.-е. всего цикла мероприятий, которые при небольших капитальных вложениях значительно поднимают пропускную способность железных дорог.

Что касается других видов транспорта, то наши проектировки очень незначительно разнятся от плана НКПС.

Исходя из указанных установок и составлен план капитальных вложений в железнодорожный транспорт. После работы комиссии с'езда, которая несколько увеличила вложения в транспорт, — раз-

ногласия свелись почти исключительно к разногласиям по финплану

Поэтому резкие выступления представителей НКПС против. контрольных цифр по транспорту, предложенных нами, явились совершенно необоснованными.

Народная связь

Организация связи пред'являет из года в год все большие требования значительных капитальных вложений. Советский союз крайне отстал по организации телефонной и телеграфной связи. Крайне недостаточна также радиосвязь. Мы только приступили к организации радиовещания в общесоюзном масштабе. С текущего года впервые рациовещание проходит по госбюджету по смете НКПиТ. Размер капитальных вложений в радиовещание на 1929/30 г. составляет 17 млн. руб., что дает возможность расширить количество радиоустановок до 1.700.000 при необходимой сети радиовещательных станций, радиоузлов и пр. С вложениями по радиовещанию общий размер капитального строительства по НКПиТ составит 86,6 млн. руб. против 55,6 млн. руб., что даст рост против 1928/29 г. на 56%. Без радиовещания размер капитальных вложений составит 69,4 млн. руб. против 55,6 млн. руб., что даст рост на 24,8%.

И по народной связи капиталовложения на 1929/30 г. намечены выше пятилетки, при этом нужно признать, что в пятилетие прирост был намечен очень скромный, поэтому даже значительно увеличенный план строительства на 1929/30 г. далеко не удовлетворяет потребности.

Распределение вложений по видам связи дано в следующей таблице:

Таблица 3

	1928/29 г. смета	1929/30 г. пятилетка	Контр. цифры	1929/30 г. в %% к пятилетке	1928/29 г. контр. цифры
Гражд. сооружений	10.93	11.30	14.00	103.4	128
Почта	4.25	7.00	6.60	164.7	155.3
Телеграф	1 97	4.10	6.38	208	323.8
Телефон	31.94	29.80	31.80	93 3	99.5
Радио	2.20	2 40	3.38	109	153.5
Лаборатории	0 42	0.60	0.70	142.8	166.7
Хоз. инвентарь	0 45	0.80	0.60	177.8	133.3
Разные	3.49	4.00	6.00	114.5	171.9
Итого	55.65	6.00	69.46	107.8	124.8
Радиовещан.	—	—	17.23	—	—
Всего	55.65	60.00	86.69	107.8	155.8

До сих пор бюджет НКПиТ составлялся без дотации. Начиная с прошлого года НКПиТ получает ссуду на строительство телефонных станций. Крупное строительство по радиовещанию в текущем

году не укладывается в доходные поступления НКПиТ, почему его смета сводится с дотацией из госбюджета в 6 млн. руб. В ближайшие годы строительство народной связи придется значительно форсировать.

Сельское хозяйство

Я не буду говорить о вложениях в сельское жилищное строительство. Общий размер капитальных вложений, которые так или иначе планируются нашими государственными и кооперативными органами, составляет, примерно, 2,6 мрд. руб. Из них капитальных вложений 2,2 мрд. руб. При этом непосредственно финансируются государством (по государственному бюджету и кредиту) 50%, а 50% идет за счет собственных средств населения и соответствующих органов. В приведенной таблице показано распределение средств по их назначению.

Таблица 4

	1927/28 г.		1928/29 г.		1929/30 г.	
	абс.	в %%	абс.	в %%	абс.	в %%
1. Совхозы (без Зернотреста)	35	6,6	79	10,9	195	15,0
2. Зернотрест	8	1.5	70	9,7	170	13,1
Итого	43	8,1	149	20,6	365	28,1
3. Машино-тракторные станции	—	—	—	—	30	2,3
4. Хозорганы	6	1,1	14	1.9	40	3,1
5. Колхозы	62	11,7	101	14,0	286[1]	22,1
6. Госмеропр. (НКЗ и пр.)	61	11,6	85	11,8	129	10,0
7. Коопер. (без колхоз.)	101	19,1	142	19,6	228	17,6
8. Индивидуал. хоз-ва	257	48,4	232	32,1	218	16,8
Итого	530	100,0	723	100	1.296	100
Нераспределено	—	—	46	—	50	—
Всего	530	—	769	—	1.346	—

Таблица показывает очень бурный темп финансирования совхозного строительства, удельный вес которого в общей сумме составляет: 28,1% по контрольным цифрам против 8,1% в 1927/28 и 20,6% в 1928/29 г.

Интенсивным является также темп финансирования колхозов, удельный весь которых за те же годы дает: 11,7%, 14,0%, 22,1%.

Присоединяя к совхозам и колхозам машинотракторные станции и хозорганы, работающие в области сельского хозяйства (главным образом, по линии сел.-хоз. индустриализации), удельный вес финансирования обобществленного сел.-хоз. производства и сел.-хоз. индустрии определится (по тем же годам): 20,9%, 36,5% и 55,6%.

Финансирование сел.-хоз. кооперации по линии снабженческих

[1] Сверх того, по бюджету автономных республик — 4 млн. руб., иностранный кредит и пр.—10 млн. руб.

операций показывает незначительный темп роста, так как значительные средства направляют непосредственно на финансирование высших производственных форм кооперативного движения.

Одновременно за последние два года произошел решительный перелом в сторону стабилизации и даже некоторого сокращения кредитов, которые мы вкладывали непосредственно в индивидуальное хозяйство, так как обслуживание последнего идет все более по линии обобществления. В такой динамике финансового обслуживания сельского хозяйства со всей выпуклостью сказывается выполнение генеральной линии партии в области сельского хозяйства.

Ирригация

Ирригация имеет огромное значение, прежде всего, для развития производства хлопка в Средней Азии и Закавказьи, поэтому наши ирригационные работы сконцентрированы в указанных районах. Наши водохозяйственные учреждения пережили тяжелый период развала, неорганизованности, технической неподготовленности и бесхозяйственности.

Только в последнее время несколько упорядочены работы строительных органов, поскольку улучшилась подготовка проектов и самое производство работ. Организационно-техническая сторона дела имеет огромное значение, так как мы уже теперь вплотную подошли к началу производства крупных ирригационных сооружений для орошения десятков тысяч *га*.

Развитие капитальных вложений в ирригацию шло по годам следующим образом: в 1924/25 г. — 9,1 млн. руб., 1925/26 г. — 20,4 млн. руб., 1926/27 г. — 22,8 млн. руб., 1927/28 г. — 31,4 млн. руб., 1928/29 г. — 36,8 млн. руб., а на предстоящий 1929/30 г. сразу намечается скачок до 122,5 млн. руб., при чем даже такое резкое повышение не полностью обеспечивает программу расширения хлопковых площадей.

В соответствии с ростом капитальных вложений за последние годы происходит прирост поливных хлопковых площадей: в 1925/26 г. 654,3 тыс. *га*, 1926/27 г. — 752,6 тыс. *га*, 1927/28 г. — 914,3 тыс. *га*, 1928/29 г. — 1.025,5 тыс. *га*, 1929/30 г. — 1.394 тыс. *га*, т.-е. на следующий год намечается прирост в 368,5 тыс. *га*.

Капитальное строительство в области торговли, кооперации и индустриализации сельского хозяйства

Строительство, включаемое в сводный план торгового, кооперативного и индустриализации сельского хозяйства крайне разнородно. Сюда входит все строительство, обслуживающее систему распределения товаров (элеваторы, склады, лавки, холодильники и т. п.) сюда же включена целая группа производственных предприятий, которые, по мере их укрупнения, принимают все более промышленный характер (беконные заводы, плодоовощные фабрики, масло-заводы, яично-птичная промышленность, и т. п.); включена также такая крупная отрасль промышленности как мукомольная, а рядом идут хлебозаводы и учреждения общественного питания.

Указанные предприятия находятся в ведении НКТорга, кооперативных систем, НКЗемов. В главной части это предприятия местного значения. Наиболее централизованы под руководством НКТорга элеваторы, холодильники и ряд предприятий, имеющих преимущественно экспортное значение.

Такая распыленность и разрозненность весьма затрудняют как планирование этого строительства, так и непосредственное руководство работами как по проектировке, так и по строительству.

В этом мелком строительстве особое значение приобретает типизация проектов и выработка типового оборудования. Эти задачи должны быть решены в предстоящем году.

При построении плана капитального строительства в области торговли и кооперации были положены в основу задачи по развертыванию прежде всего тех отраслей, которые могут обеспечить повышение товарных выходов продуктов, продовольствия — мяса, яиц, молочных и плодоовощных. При этом для достижения эффекта в кратчайший срок, на протяжении уже 1929/30 г., по таким отраслям, как молочная и плодоовощная, ставка делается на мелкие установки, располагающиеся в ближайшем соседстве с сырьем и могущие дать продукт не позже весны 1930 г. по молоку, и с осени 1930 г. — по плодоовощам.

Точно так же особое внимание было обращено на строительство в области общественного питания и хлебопечения.

На ряду с указанными отраслями очень значительное развитие получает строительство, связанное с экспортом, призванное к тому, чтобы в максимальной степени заместить недостаточность сельскохозяйственного экспорта. Общий план строительства намечается на 1929/30 г. в размере 474 млн. руб., что по сравнению, с 1928/29 г. дает почти удвоение программы. По видам строительства план распределяется следующим образом (в млн. руб.):

Таблица 5

Виды строительства	1928/29 г. (план)	1929/30 г. (план)	1929/30 г. в % к 1928/29 г.
Индустриализация сельского хозяйства . .	93	164	176
Обслуживание торговли	71	110	169
Промышленность не сел.-хоз. значения .	80	126	158
Общественное питание	18	40	222
Прочие виды строительства	9	34	—
Итого . . .	271	474,0	175

Наибольший рост в 1929/30 г. намечается по линии общественного питания и индустриализации сельского хозяйства.

Строительство по главнейшим отраслям запроектировано в следующих размерах (в млн. руб.):

	1928/29 г.	1929/30 г. (план)
Мясная промышленность	21,5	44,5
Яично-птичная промышленность	11,0	16,5
Молочная „	26,8	31,5
Плодоовощная „	6,1	18,0
Лен и др. волокнистые	4,7	9,5
Картофель	3,0	8,3
Мукомольная промышленность	33,0	41,5
Элеваторы	13,5	22,5
Холодильники	18,0	19,0
Хлебозаводы	14,1	22,5
Лавки и склады	48,5	76,0
Разное экспортное строительство	23,5	60,0

Финансовое покрытие плана проектируется в следующем виде (в млн. руб.):

	1928/29 г.	1929/30 г.
Государственный бюджет	60	125
Система сел.-хоз. кредита	47	60
Прочие источники	164	289
Итого	271	474

Покрытие плана идет, главным образом, по линии „прочих“ источников, т.-е. преимущественно собственных средств и средств государственного бюджета. Для того, чтобы запроектированный темп развертывания строительства оказался реальным, на сельскохозяйственную и потребительскую системы кооперации ложится обязанность привлечь в наибольшей степени средства населения, непосредственно заинтересованного в торговом и кооперативном строительстве.

Жилищное строительство

В области городского жилищного строительства у нас в истекшем году было неблагополучно. План строительства невыполнен на несколько процентов и в результате этого, вместо средней нормы в 5,8 *кв. м* на душу населения, мы к текущему году выходим с нормой только в 5,6 *кв. м* на душу населения. Следовательно, необходимо подогнать упущенное. По плану на будущий год по обобществленному сектору намечается к постройке 6 млн. *кв. м* и по частному сектору 3 млн. *кв. м*, а всего 9 млн. *кв. м*. Это должно довести квартирную площадь на душу городского населения до 5,9 *кв. м*.

По обобществленному сектору вложения в жилищное строительство превышают 1928/29 г. на 77% и пятилетку на 15%. Общий размер финансирования жилищного строительства обобществленного сектора намечается в 672 млн. руб., в том числе 41% идет по промышленному жилищному строительству.

Размер вложений в коммунальное строительство на будущий год составит 420 млн. руб. против 288 млн. руб. 1928/29 г., что даст рост в 45%.

И жилищное, и коммунальное строительство крайне отстают от потребностей. Плохие жилищные условия и прямой недостаток жилищ начинает все более сказываться на производстве. И все же огромный рост промышленного строительства не дает возможности повести более широкое жилищное строительство. Когда производственная база страны будет значительно укреплена, тогда представится возможность повысить удельный вес жилищного строительства.

Но если сейчас еще нельзя более широко удовлетворить потребность в жилстроительстве, то нужно поставить вопрос о планировке этого строительства. Мы строим сейчас дома, в которых будут жить и лет через 20 — 30, т.-е. тогда, когда социализм будет уже полностью осуществлен. Об этом мы сейчас очень мало думаем. Между тем мы вплотную подошли к задаче строительства новых поселений социалистического типа. Строительство в крупных городах идет безсистемно. Мы еще не думаем о том, как нужно перестраивать наши города. План нового жилстроительства должен быть составлен именно исходя из задачи социалистической перестройки городов и поселений. К разрешению этой задачи должно быть приступлено в предстоящем году.

Строительство социально-культурного сектора

Культурная революция с каждым годом требует все больших и больших вложений в строительство школ техникумов, вузов. Обеспечение охраны здоровья вызывает значительное строительство учреждений по здравоохранению.

Размер и динамика строительства по социально-культурному сектору представлены в таблице 6 (См. стр. 64).

Общий размер строительства по просвещению намечен на 1929/30 г. в 485 млн. руб. против 243 млн. руб. 1928/29 г., что дает рост в 2 раза. Особенно значительный рост строительства намечается по вузам, техникумам и ФЗУ, т.-е. по линии подготовки кадров.

Быстрый рост народного хозяйства предъявляет огромные требования на руководящие кадры. Принятые планы подготовки кадров вызывают большое школьное строительство. При этом нужно указать, что и здесь мы не можем в должной мере удовлетворить потребность, а вынуждены несколько сократить размеры строительства по бюджетным соображениям.

На этом я кончаю изложение плана капитального строительства на 1929/30 г. Должен оговориться, что по ряду разделов я

Таблица 6

Капитальные вложения по сектору культурного строительства
(в млн. руб.)

ОБ'ЕКТЫ	1927/28 г.	1928/29г.[1]	1929/30 г.	В % к предыд. году	
				1928/29 г.	1929/30 г.
I. Просвещение	113,9	243,7	485,5	213 9	199,2
1. Соцвос	—	171,5	322 9	—	188,8
в том числе:					
всеобщее обучение	—	140,0	272,8	—	194,8
2. Подготовка кадров	—	53,2	134,4	—	252,6
в том числе: [2]					
а) вузы [2]	—	22,7	48,8	—	—
б) техникумы	—	16,3	43.4	—	266,2
в) школы ФЗУ	—	5,8	32,0	—	551,7
3. Научные учреждения (по Главнауке) [3]	—	4,0	6,9	—	172,5
4. Полит. просвет учреждения [4]	—	15,0	21,3	—	142,0
II. Здравоохранение	88,0	92,0	134,0	104.5	145,6
III. Социальное обеспечение	0,8	0,8	2,3	100,0	287,5
ВСЕГО по социально-культурному сектору 5	202,7	336,5	621,8	166,0	184,7

ограничил свое изложение лишь суммарными данными, без более детального анализа необходимости этих вложений по существу.

Северная Америка и Советский Союз

Теперь я хотел бы еще весьма коротко дать некоторое сопоставление размеров строительства у нас и в С.-А.С Ш. С.-А.С.Ш. все больше становятся нашим наиболее серьезным контрагентом на мировой арене. Мы настолько быстро растем, что нам уже не очень зазорно сопоставлять наше строительство со строительством С.-А.С.Ш. Конечно, в абсолютных размерах Америка идет еще значительно выше нас, но мы из года в год весьма быстрым темпом поднимаемся к американским, масштабам строительства. Я не могу поручиться за полную точность цифр по американской статистике. Не знаю, в какой мере эти цифры полностью сопоставимы с нашими. Данные по С.-А.С.Ш. взяты из трудов комиссии работавшей под председательством Гувера. По этим данным на протяжении последних лет в С.-А.С.Ш. общий размер строительства ежегодно составляет

[1] 1928/29 г.— по исчислениям (отчетных данных нет).

[2] Первоначальный расчет по вузам и техникумам — 110 млн. руб. Расчет понижен вследствие сокращения первоначальных расчетов госбюджетных источников.

[3] Учреждение НТУ особо по плану промышленности.

[4] По политпросвету не уловлен ряд об'ектов, проходящих по специальным источникам (профсоюзы, кооперация и т. п.). Добыть данные не удалось.

[5] В строительном балансе контрольные вложения по социально-культурному сектору учтены в сумме 420 млн. руб. Вся сумма вложений выше, так как здесь учтены капитальные вложения промышленности и транспорта на подготовку квалифицированной рабочей силы.

примерно, 7 мрд. долл., т.-е., примерно, 14 мрд. руб. Конечно, стоимость нашего строительства и американского различна. Для сравнения нужно внести дополнительную поправку на разность коэфициента. Надо думать, что в Америке строительство, по крайней мере, в полтора раза дешевле, чем у нас. Прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что размер строительства в С.-А. С. Ш. на протяжении последних 4-5 лет стабилен, на сумме около 7 мрд. долл., при чем за последний год эта сумма даже несколько снижается. У нас же, как я докладывал, идет как-раз наоборот. На будущий год мы намечаем размер чистого капитального строительства около 6 мрд. руб. Крайне интересно провести сопоставление капитальных вложений у нас и в Америке по отраслям. В структуре вложений по отраслям получается большая разница. В С.-А.С.Ш. на первом месте идет жилищное строительство. В настоящее время оно занимает около 40% всего строительства. В 1928 г. в жилищное строительство в С.-А. С. Ш. было вложено около 5,5 мрд. руб. В предстоящем году у нас вкладывается в жилищное строительство около 1 мрд. руб. В торговое строительство у них было вложено 1,7 мрд. руб., а у нас 256 млн. руб. В промышленное строительство в Америке было вложено 1.200 млн. руб., у нас 1.500 млн. руб. По просвещению в Америке — 760 млн. руб., у нас — 420 млн. руб. Затем идет группа предприятий общественного пользования: сюда относятся:— коммунальное и, главным образом, шоссейное строительство.

В Советском Союзе мы имеем стремительный промышленный рост, стремительное наростание капитального строительства в промышленности. Мы создаем новую социалистическую промышленную базу, мы получили слишком малое наследство от капиталистического строя. А С.-А.С.Ш. имеют уже огромную промышленную базу. Поэтому и получается, что в промышленность по чистому строительству (очевидно у американцев тоже оборудование не считается) мы вкладываем больше, чем С.-А.С.Ш. С поправкой на индексы можно сказать, что по промышленному строительству размер нашего строительства находится где-то очень недалеко от того размера, который имеет место в С.-А.С.Ш. Во всех остальных областях: по линии обслуживания, распределения жилищного строительства, богатая Америка идет далеко впереди нас.

Это видно на вложениях в шоссейное строительство. Шоссейное строительство в Америке составляет в год 1.200 млн. руб. По другим данным, на содержание шоссе и строительство этих шоссейных дорог и улиц вкладывается ежегодно 2 мрд. долл. Трудно расчленить, сколько идет на содержание, сколько на строительство. По другому источнику, на строительство дорог и улиц в С.-А.С.Ш. вкладывается 600 млн. долл., значит 1.200 млн. руб., у нас соответственно 120 млн. руб. Эта огромная разница является показателем нашей крайней отсталости в автомобильном хозяйстве. Структура строительства Америки в известной мере говорит о том, в каком

направлении у нас в дальнейшем пойдет направление капитальных вложений, когда мы укрепим нашу промышленную базу, когда достигнем значительных успехов на этом фронте, тогда перед нами с каждым годом все более и более резко будут выступать нужды жилищного строительства, коммунального порядка, шоссейного строительства и т. д.

Тов. Боголепов на нашем с'езде в своем докладе отметил, что этот план не удовлетворяет заявки ведомств и соответственно заявки республик на 0,5 мрд. руб. Если бы кто-нибудь на этом основании сделал вывод, что наш план составлен с резервами, что его легко выполнить, он впал бы в крупнейшую ошибку. Наш план крайне напряженный, это план, выполнение которого требует огромных усилий всей страны. Я понимаю, что после наших докладов на трибуну с'езда Госпланов выйдут представители областей и республик, будут излагать свои нужды, доказывать необходимость включения в план того или иного об'екта. Украина будет нас упрекать в том, что мы не включили Краматорский завод, Киевский литейный завод и целый ряд других об'ектов. Представители ЦЧО нас будут обвинять в том, что у нас в плане нет ассигнований на Липецкий завод в таком размере, в каком бы это им хотелось. Представители Сибири будут требовать, чтобы мы в этом году включили завод сел.-хоз. машиностроения. Все области будут требовать дополнительных вложений. Национальные республики также заявят свои требования.

Вряд ли представляется возможным привести какие-либо аргументы по существу против большинства этих заявок. Трудно доказать украинцам, что им не нужен Краматорский завод в этом году. Невозможно доказать сибирякам что им не нужен завод сел.-хоз. машиностроения. Ни у кого для этого аргументов нет. Но мы знаем, что это не вкладывается в материальный и финансовый план предстоящего года.

Вместе с тем мы считаем, что у республик и мест также нет аргументов в пользу того, что тот или иной об'ект нельзя отложить на один год при том огромном плане капитального строительства, который мы наметили. Таких аргументов ни один представитель области и республики привести не сумеет. Поэтому я считаю, что наш план в максимальной степени соответствует реальным ресурсам страны в том виде, как мы их могли учесть.

Мы не будем утверждать, что намеченный нами план капитального строительства во всех своих деталях непогрешим, что в нем нельзя произвести некоторых перегруппировок, поправок и изменений, которые не меняют общих очертаний плана.

Мы твердо уверены в том, что составленный нами на 1929/30 г. план капитального строительства обеспечивает возможно быстрые темпы строительства социализма в нашей стране и что при всей его напряженности он выполним.

Н. А. Ковалевский

Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 г. в порайонном аспекте [1]

Территориальное распределение капитальных вложений в народное хозяйство

Капитальные вложения в народное хозяйство СССР по его важнейшим разделам распадаются между союзными республиками следующим образом (см. табл. 1 на стр. 68).

Распределение капитальных вложений в государственную планируемую ВСНХ промышленность по районам СССР с разделением на новое строительство и прочие работы дано на диаграмме [1] (см. стр. 70).

В этой диаграмме обращает на себя внимание то, что основные вложения приходятся на старые промышленные районы. Резко выделяются Украина, Ленинград и Центрально-Промышленный район, даже раздробленный на три области. Затем, в виде исключения резко выделяется Урал со своими 378 млн. руб., в котором мы, осуществляя наметки пятилетнего плана, начинаем колоссальное новое строительство, вкладывая только по новому строительству 249 млн. руб.

Интересно проследить, как эти проектировки корреспондируют наметкам пятилетнего плана. Диаграмма 2 (см. стр. 71) показывает сравнение выполнения пятилетнего плана за два первых года по капитальным вложениям в промышленность с самим пятилетним планом в процентах к заданиям пятилетки по каждому району.

Эта диаграмма очень поучительна. Здесь видно, что отстает больше всего выполнение пятилетки в Центрально-Черноземном районе, который и без того является отсталым по своему развитию районом. В пятилетнем плане в первые два года по выполнению заданий он оказывается последним. Первой идет Карелия, в связи с огромными заданиями по формированию развития лесной и лесобумажной промышленностей, затем хорошо идет Башкирия, Туркменистан, Киргизия, Дагестан и Сев. Край. Довольно ровно на высоком уровне идут Белоруссия, Ленинградская область, Сев. Кавказ, Закавказье и Центрально-Промышленные районы. Все эти районы превышают средний уровень по Союзу в целом, дающий за два первые года около 33% выполнения задания по капитальным вложениям

[1] Доклад на VI с'езде плановых органов 23 сентября 1929 г., несколько сокращенный автором в первой части.

Таблица 1

Об'ем капитальных вложений в народное хозяйство союзных республик на 1929/30 г. (в ценах 1929/30 г.) [1]

Отрасли народного хозяйства	РСФСР	УССР	ЗСФСР	БССР	УзбССР	ТаджикССР	Турк. ССР	СССР
Промышл. планир. ВСНХ. . . .	1.813,1	713,7	193,4	51,8	39,1	4,4	12,7	2.828,2 [1]
Электрификация	418,6	132,2	25,9	13,8	3,7	1,0	1,5	596,6 [3]
Сельское хозяйство (об'ем капит. влож.) [2]	—	—	—	—	—	—	—	2.183,6
В т. ч. по госбюдж. и кредиту .	746,2	185,0	49,6	44,3	45,1	11,3	12,7	1.094,2
Сельск. хоз. (капит. и некапит. влож.) [2]	—	—	—	—	—	—	—	2.595,1
В т. ч. по Госбюдж. и кредиту .	843,1 [4]	217,6	61,6	50,9	55,6	12,1	15,0	1.255,9
Лесное хозяйство	39,1	2,1	2,0	3,0	0,78	0,1	0,2	47,6
Новое жилищное строительство [1]	588,3	161,8	35,3	21,0	10,8	2,9	4,1	824,2
Коммунальное хозяйство [1] . . .	294,7	75,7	24,5	10,9	9,0	1,6	3,2	419,6
Торговое строит. (включая индустриализ. с. х.)	331,7	74,2	17,0	16,0	18,4	4,4	5,5	467,2
Транспорт (все виды)	—	—	—	—	—	—	—	1.215,0
Здравоохранение	102,9	14,5	9,4	2,5	5,0 [5]	—	0,3	134,6
Просвещение	—	—	—	—	—	—	—	485,0
Нарсвязь	—	—	—	—	—	—	—	87,0
Итого	—	—	—	—	—	—	—	9.187,7
Итого с некапит. вложен. в сел. хоз. .	—	—	—	—	—	—	—	9.599,2

[1] Двойной счет имеется по промжилстроительству (в виду невозможности точно выделить его из общей суммы капит. вложений; по промышленности — цифра порядка 260 млн. руб.) и по коммунальным электростанциям (сумма 77 млн. руб.). Вне сопоставления остались вложения на общую сумму 3.717 млн. руб., из которых главнейшие (в млн. руб.):

По промышленности — суммы, неразверстанные территориально (в млн. руб.)

Капит. вложения по НТУ, Геолкому	74,0
ВТУЗ'ам, Стройконторам, ссудам жилтов. и проч.	288,5
Резерв	110,0
	472,5

Капит. вложений по план. ВСНХ промышленности 2.828 + 472,5 = 3.300 млн. руб.

Вложения в прочую част. и коопер. пром.	537,0

По сельскому хозяйству (не вошли в проектировки республик):

Жилстроительство	1.063
Ирригация	188
Прочие	732
	1.983

По транспорту (не вошли в проектировки республик):

Шоссейные и грунтовые дороги	319
Капит. ремонт в ж.-д. стр-ве	383
	702

[2] Без сельской электрификации, вложения в которую прошли по графе „Электрификация", и без ирригации.

[3] Не распределено по республикам 12,1 млн. руб.— итого проектировка составляет 608,7 млн. руб.

[4] В эту сумму не вошли ассигнования Госплана СССР по индустриализации с. х.— 38,5 млн. руб., прошедшие по вложениям в торговлю, а также дополнительные ассигнования по кадрам по Зернотресту в 5,3 млн. руб.

[5] С Таджикской ССР.

в промышленность за пятилетие. [1] Эти цифры очень показательны; они говорят о том, что при несомненности геометрической прогрессии в развитии капитальных вложений мы явно перехлестываем наметки пятилетнего плана. Т.-е. мы вложим больше в промышленность, чем было намечено в пятилетнем плане. Нет сомнения, что эти вложения в планируемую промышленность, если мы пойдем тем же темпом, каким идем сейчас, за пятилетие далеко превысят те 16,4 мрд. руб. в неизменных ценах 1926/27 г., которые намечались нами еще так недавно.

Особенно приковывают наше внимание отстающие районы: ЦЧО, Якутия, Узбекистан, Бурято-Монголия, Казакстан, Сред. Волга. Но, нужно сказать, что эти цифры, взятые сами по себе, вне связи с общей системой мероприятий по капитальному строительству промышленности, еще не дают подлинного представления о том, что происходит. Нужно учесть, что по ряду районов, и это в огромной степени относится к названным отстающим районам, капитальные вложения в их промышленность, и в особенности в новое строительство, сосредоточены в последние годы пятилетнего плана. Понятно, почему так происходит: для того, чтобы вооружить надлежащим образом отсталые районы, нужно в первую очередь развернуть индустрию в тех районах, где она уже есть. Базой для индустриализации отсталых районов являются районы старой индустриальной культуры. По этим районам мы и имеем в этом году колоссальные капитальные вложения.

На рубеже в этом отношении стоит Урал. Он стоит на рубеже как географически, так и в социально-техническом смысле. Это с одной стороны, район достаточно отсталый по сравнению с основными индустриальными районами, передовыми индустриальными районами европейской части Союза, а с другой стороны, это есть база для индустриализации восточных районов. Поэтому здесь протекает двусторонний процесс. Мы интенсивно вкладываем капиталы в новое строительство Урала и в реконструкцию его старых предприятий в тех пределах, в каких это технически возможно и рационально, форсированным темпом осуществляя индустриализацию района; с другой стороны, мы тем самым подготовляем базу для дальнейшего индустриального движения на восток.

Новым индустриальным районом является Кузнецкий район Сибкрая, в который в этом году мы вкладываем 123 млн. руб., осуществляя невиданное по масштабу для Сибири промышленное строительство.

На старые индустриальные районы падает, таким образом, чрезвычайно ответственная задача; и нужно сказать, что во всяком случае некоторые из них эту задачу выполняют с честью. В первую

[1] Если брать распределенные по районам капитальные вложения. Всего же сумма 3,3 мрд. руб. вложений в планируемую промышленность в 1929/30 г. вместе с 1,65 мрд. руб. вложений за прошлый год составляет 33% вложений пятилетия.

Капитальные вложения в планируемую ВСНХ промышленность по районам СССР на 1929/30 г. (в ценах соответств. года)

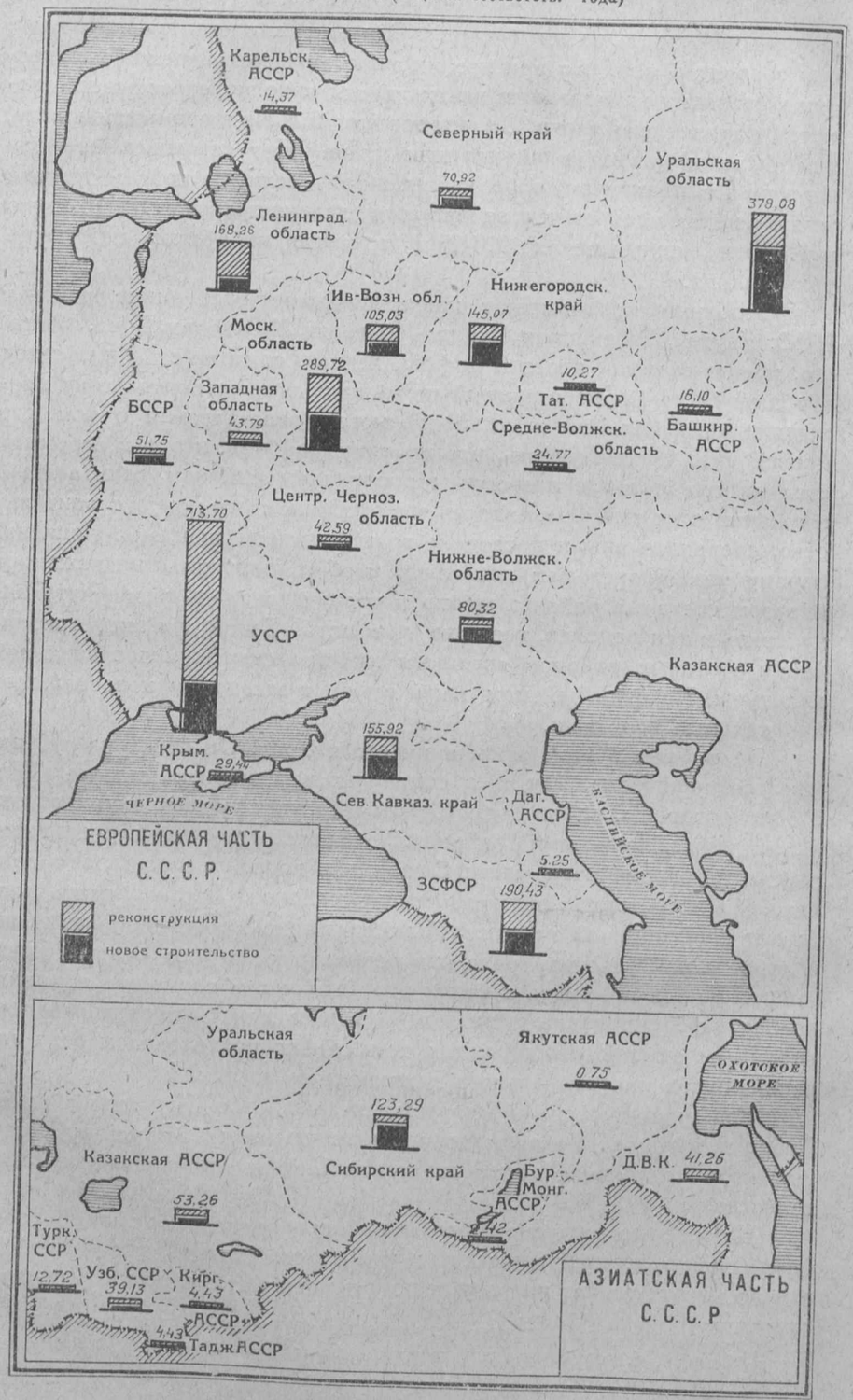


Диаграмма 1

очередь это нужно сказать относительно Ленинграда, на металлопромышленность которого падает чрезвычайно ответственная задача — в первые же годы дать необходимую продукцию для вооружения других районов: мощное паровозостроение, дизелестроение, машиностроение (Ленинград разрешает наиболее трудные задачи в тонком машиностроении), развитие электро-технической промышленности, создание электроаппаратуры, наконец, тракторостроение — вот область, в которой Ленинград имеет огромные заслуги. В осо-

Диаграмма 2

бенности поучителен пример с тракторостроением. В пятилетнем плане намечалось на предстоящий год выпустить на „Красном Путиловце“ 3 тыс. тракторов, а к концу пятилетия дать 10 тыс. тракторов. Но уже, в 1929/30 г., „Красный Путиловец“ дает 10 тыс. тракторов — задание, намеченное ему для последнего года пятилетки. Теперь уже к концу пятилетия намечается ежегодный выпуск в размере 25 тыс. тракторов. Ленинград с честью выполняет задачи, которые на него возложены. То же можно в значительной степени сказать и о центрально-промышленных районах и о горно-промышленном районе Украины — основных старых индустриальных районах СССР.

Отклонения от пятилетки в районировании нового промышленного строительства

Что касается н о в о г о строительства промышленности, то здесь, в особенности, мы считаем необходимым обратить внимание, с точки зрения районирования его, на две отрасли: на металл и текстиль. По обеим этим отраслям мы идем не так, как мы намечали в пятилетнем плане. По металлопромышленности, при докладе о районир-

рования ее в пятилетнем плане, мы обращали внимание на необходимость резкого сдвига строительства новой промышленности на восток, сдвига, который шел бы по линии будущего размещения всей промышленности по территории Союза, и который отвечал бы будущим капитальным вложениям в железнодорожное строительство и развертыванию других отраслей народного хозяйства на территории СССР. Нужно сказать, что первые два года пятилетия в этом отношении отклоняются от того, что намечено в пятилетнем плане, отклоняются в сторону усиления влияния юга. Проектировки и их выполнение по металлопромышленности юга идут с превышением того, что было намечено пятилетним планом, масштаб заводов увеличивается, самое строительство заводов форсируется; наоборот, выполнение плана строительства новых заводов на востоке отстает от того, что было намечено пятилеткой, а самый масштаб предприятий остается прежним. В особенности это должно быть отмечено в отношении Урала. Так в 1929/30 г. по пятилетке мы должны были уже приступить к началу строительства второго уральского металлургического завода-гиганта; однако, в настоящее время мы, к сожалению, не можем похвалиться этим, — мешает в первую очередь неразведанность рудной базы и недостаток необходимых квалифицированных кадров специалистов для того, чтобы осуществить работы по разведкам, по проектировке и по подготовке строительства в такой короткий срок.

Необходимо особо пристальное внимание со стороны плановых и оперативных органов страны, чтобы всячески подтягивать выполнение пятилетнего плана в восточных районах.

С еще большей силой это должно быть подчеркнуто по отношению к текстильной промышленности. В пятилетнем плане мы запроектировали довольно существенные сдвиги текстиля в районы, производящие текстильное сырье и отдельные районы потребления. Мы запроектировали текстильные предприятия в ДВК, Новосибирске, усилили текстильную промышленность в Ср. Азии, Закавказьи, Поволжьи, на Украине и запроектировали ряд предприятий в Белоруссии и ЦЧО. Мы должны констатировать, что пока эти сдвиги не выполняются. Но надо сказать, что здесь причина невыполнения одной из основных принципиальных установок пятилетнего плана уже иного порядка: она об'ясняется об'ективным обстоятельством перехода на непрерывную неделю и на три смены. Оказалось возможным и рациональным, в результате этого перехода, использовать полностью наличный основной капитал старых текстильных районов и поэтому в первые годы пятилетия не приходится говорить о новом строительстве в текстильной промышленности; выполнение этого строительства, проектировки которого были особо отмечены постановлением VI С'езда советов, как сдвиг промышленности в новые и, в особенности, восточные районы, отодвигается поэтому на последующие годы пятилетия.

Процессы обобществления в с. х. и необходимость форсированного „вооружения“ обобществленного сектора

В области сельского хозяйства порайонная проработка плана приковывает внимание к следующим вопросам. В первую очередь надо подчеркнуть, что все решительно проектировки районов и все те данные за истекшие годы, которые мы имеем по районам, говорят нам совершенно единодушно, что темпы коллективизации сельского хозяйства в проектировках предшествующих лет нами недоучитывались, преуменьшались и в действительности оказались превзойденными. Соответствующие наметки районов на 1929/30 г. также говорят о гораздо более решительных процессах обобществления, чем это можно было ожидать. Так например, по приведенным ниже районам, динамика обобществления посевов (в процентах ко всей посевной площади) такова:

	1928 г.	1929 г.	1930 г.
1. УССР	3,95	6,78	14,37
2. Казакская АССР	2,70	4,60	14,59
3. Сибирский край	2,00	6,45	17,40
4. Нижне-Волжский край	2,02	6,46	17,70
5. Средне-Волжская область . . .	1,37	3,43	20,60
6. Крымская АССР	5,78	17,99	27,50

Эти показатели можно было бы продолжить по ряду районов, но вообще следует отметить, что заверстанные в контрольных цифрах на 1929/30 г. показатели обобществления посевных площадей сейчас таковы, что в известной доле преуменьшают те процессы, которые в действительности имеют место в деревне. Они преуменьшают их из соображений необходимости надлежащим образом технически обеспечить коллективизацию сельского хозяйства и не итти по пути скороспелых колхозов, недостаточно вооруженных средствами производства. Сама же, так сказать, „динамика спроса“ на коллективизацию такова, что можно было бы достигнуть поражающих темпов, если бы мы были технически надлежащим образом вооружены для удовлетворения этого спроса. Например, по Сред. Волге Областная плановая комиссия считает, что к 1932/33 г. можно говорить о 50—60% коллективизации посева. По Ниж. Волге и ЦЧО можно говорить о 60% коллективизации к тому же сроку. Мы можем со всей ответственностью заявить, что через 3 года после выполнения пятилетнего плана, можно будет говорить о сплошной коллективизации таких районов, как ЦЧО, Ср. и Ниж Поволжье.

Это обстоятельство заставляет призадуматься над необходимостью гораздо более форсированного удовлетворения запросов со стороны коллективизирующегося сельского хозяйства, обращенных к промышленности. Эти запросы выражаются, прежде всего, в потребности в тракторах, сельскохозяйственных машинах и минеральных удобрениях. Необходимо форсированное развитие промышленности по всем этим трем направлениям. Можно при этом сказать, что трактор сейчас является тем р е ш а ю щ и м рычагом, получив кото-

рый в свои руки пролетариат может реконструировать сельское хозяйство и повести его по пути полного обобществления, по пути перестройки на социалистических началах.

Приведенная диаграмма 3 дает распределение тракторов в предстоящем году, исходя из цифры — 41.000 шт. тракторов в переводе на десятисильные.

Запросы, пред'явленные со стороны союзных республик и идущие преимущественно по линии совхозов Зернотреста, Овцевода и проч. союзных организаций, мы предполагаем удовлетворить в размере 36.000 шт., а остальные 5.000 шт. бросить специально на коллективизацию крестьянских хозяйств, которая по проектировкам республик — это надо прямо заявить — недостаточно обслуживается технически. Мы распределяем эти 5 тыс. шт. между районами, где процесс коллективизации идет особенно интенсивно: это Украина, получающая 7.137 тракторов, это ЦЧО, куда мы считаем необходимым дать вместе с распределяемыми по союзным организациям 3.250 шт., при наличии 3.437 шт., в настоящее время, это Ниж. Волга, которая должна получить 3.074 шт., Сев. Кавказ — 3.700 шт., Сибирь — 3.037 шт., Казакстан — 4.112 шт., ДВК — 1.145 шт. и др.

Можно с уверенностью сказать, что если бы нам сверх этих 41.000 тракторов (в переводе на десятисильные) удалось бы в порядке какой-нибудь специальной конвенции, с рассрочкой на 2—3 года, получить 50.000 добавочных тракторов, то они были бы немедленно поглощены районами и дали бы результаты уже в этом году.

Мы должны здесь подчеркнуть, что за последние годы вооруженность обобществленных посевов тракторами падает по всем районам. В целом по Союзу вооруженность тракторами падает с 28% на 14%, а по отдельным районам это падение еще более ярко. Именно из этих соображений, в нашем докладе Президиуму Госплана 16 сентября 1929 г. мы так настойчиво подчеркивали необходимость особо форсированного, сугубо форсированного, развития тракторостроения по сравнению с тем, что намечалось еще в недавние дни всеми нашими проектирующими организациями. Необходимо отметить, что и Главмашиностроя за эти последние недели изменил ряд проектировок, принимая все более высокие наметки.

Если учесть те результаты, которые мы теперь имеем после проработки материалов, поступивших из районов, после того, как мы заслушали более 20 серий докладов областных и республиканских плановых комиссий, мы утверждаем, что вопрос о тракторостроении нужно поставить таким образом: нужно поставить генеральную задачу удовлетворения, если можно так выразиться, **абсолютной потребности** страны в тракторах. Не той потребности, которая выявляется сейчас, сегодня, с точки зрения распределения тех тракторов, которые мы завозим и в небольшом количестве производим сами, а с точки зрения удовлетворения того, спроса, который пред'явит страна, с точки зрения рациональной

Распределение тракторов по районам СССР в контрольных цифрах 1929/30 г.

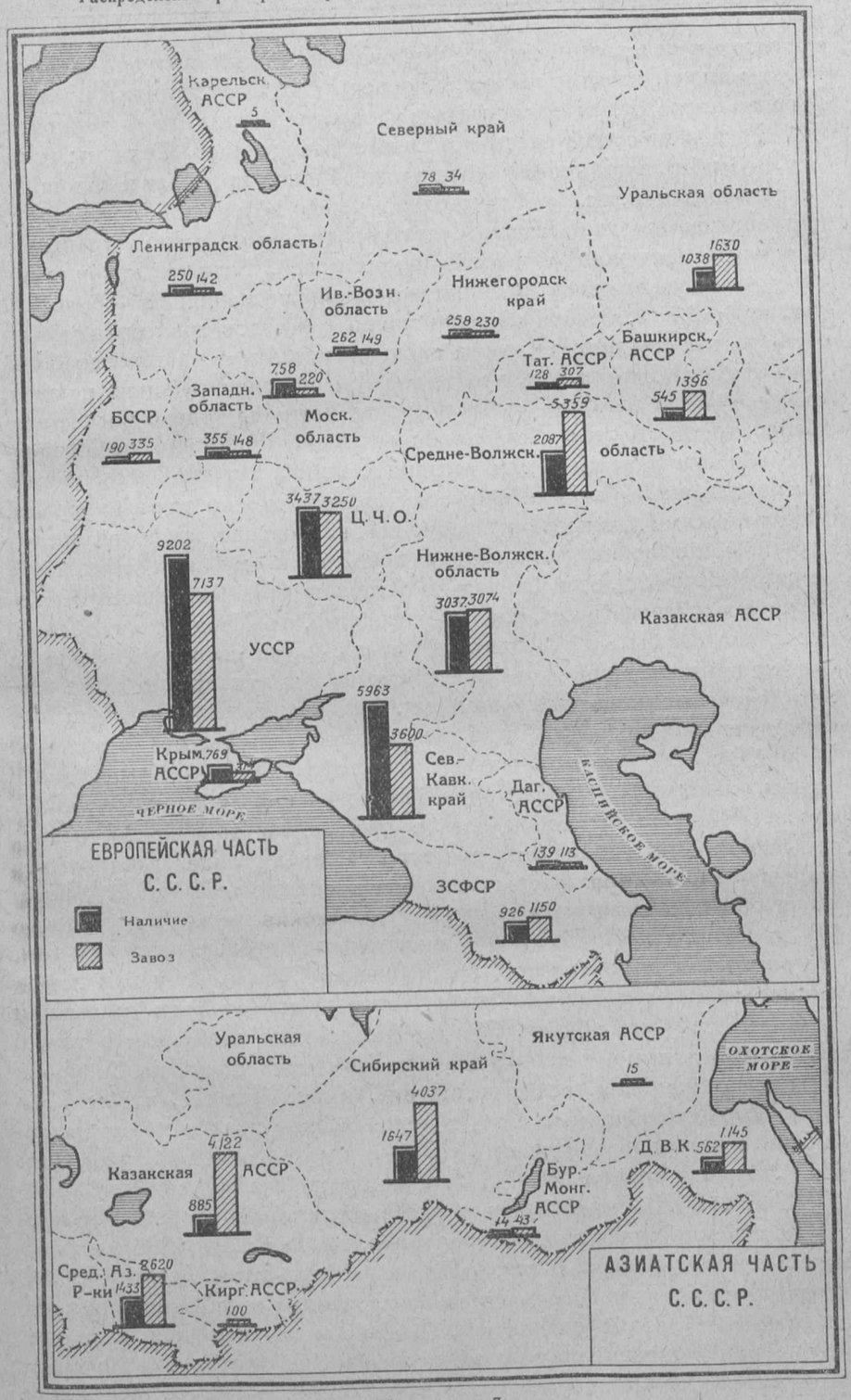


Диаграмма 3

постановки сел.-хоз. и соответствующих отраслей промышленности в тот момент, когда тракторные заводы будут отстроены и когда мы не в праве будем отказывать в удовлетворении этой потребности.

Грубая прикидка здесь показывает следующее. Если мы говорим, что, примерно, через 7—8 лет ряд районов подойдет к сплошной коллективизации, то приблизительно через небольшой после этого промежуток времени можно будет говорить о сплошной тракторизации и механизации обработки наших полей. Если мы к концу пятилетия проектировали расширение площади пашни со 186 до 202 млн. *га* (+8,7%), то при наличии мощных отрядов тракторов можно быть уверенным в том, что эта площадь возрастет на гораздо большую цифру. Дело в том, что мы имеем, по ряду районов целины, которые могли бы быть легко подняты, было бы только достаточно средств производства. Вот вам показатели. Например, по Ивановской области имеется 6 млн. *га* пашни, из них только 2 млн. *га* сейчас использованы, а 4 млн. *га* находятся, если можно так выразиться, „под отхожими промыслами", заброшены и состоят в резерве, на тот случай, когда вернется из города работник и ему понадобится эта земля. Между тем, если бы только половину этих брошенных земель поднять и пустить в сел.-хоз. производство, то Ивановская область перестала бы быть потребляющей, стала бы на свои ноги в смысле снабжения себя продовольствием, смогла бы интенсивно использовать свою площадь для кормовых, для технических культур; вся структура сельского хозяйства резко изменилась бы в этой области. Я не буду говорить о земельных просторах Сибири, Казакстана и других наших восточных районов, где появление добавочных тракторов знаменовало бы собой резкое увеличение товарности, резкое повышение продукции этих районов. Приведу лишь для примера цифры по Сибкраю, которые говорят о следующем: там 8% населения обобществит в этом году 17% посевной площади и даст около 40% товарного хлеба. Это решающие цифры, которые говорят о том, что каждый новый трактор, брошенный в Сибирь, дает нам новые и новые запасы товарного хлеба, который может быть и должен быть вывезен из Сибкрая. Эти же показатели говорят и о том, в какой мере должно форсировать развитие транспорта из Сибири и Сибирскую жел.-дор. сверхмагистраль, в особенности, чтобы итти в ногу с развивающимся сельским хозяйством края и не оставлять Сибирь в положении бутылки с узким горлом, из которой продукция может лишь с трудом попадать на рынки других районов.

Так вот, если учесть эти процессы, то становится ясно, что расчет потребного производства тракторов, грубо говоря, должен быть таков: примерно через 8 лет, мы должны быть готовы к тому, чтобы удовлетворить потребность страны в сплошной тракторизации и механизации сел.-хоз. производства. А это значит, что при исключительно рациональной постановке дела и полном устранении в сельском хозяйстве непроизводительных потерь, — при обслуживании

одним трактором 200 *га* пашни — мы должны будем иметь около 1 млн. штук тракторов в переводе различных систем и различных мощностей на десятисильные; а при 250 млн. *га* пашни и при обслуживании 1 трактором 150 *га* — ок. 1,7 млн. штук. Да, кроме того, не менее 70.000 штук будет необходимо уже в конце пятилетия для промышленности. А это значит, что при 5 годах амортизации трактора ежегодная продукция наших тракторных заводов должна составить до 350.000 штук тракторов в переводе на десятисильные.

В соответствии с этими соображениями мы проектируем развертывание тракторостроения в таких масштабах: 25.000 тракторов к концу пятилетия должен дать, как минимум, „Красный Путиловец". Однако, у нас возникает сомнение — действительно ли при такой потребности в тракторах тип десятисильного трактора, который вырабатывает „Красный Путиловец", не найдет себе большего распространения, чем 25.000 шт. Если это неверно, если наши сомнения подтвердятся, то мы полагаем, что нужно проектировать расширение „Красного Путиловца" на большую — предельную мощность, ибо потребление страны практически не ограничено. В этих же целях Сталинградский завод нужно проектировать на 50 .000—60.000 шт. тракторов пятнадцатисильных. Челябинский завод минимум на 40.000 тракторов тридцатисильных и добавочно на 5.000—10.000 стосильных гусеничного типа. Наконец, в связи с тем, что эти заводы удовлетворить всю потребность страны не смогут, мы склонны сейчас пересмотреть наше отношение к тракторостроению на Украине. Необходимо будет теперь же, в 1929/30 г., начать проектировать крупное тракторостроение в Харькове, — по наметкам Главмашстроя, примерно шестидесятисильных тракторов гусеничного типа в масштабе около 30.000 шт. в год с началом постройки завода не позже 1930/31 г. И, наконец, мы считаем необходимым поставить вопрос о тракторостроении в ЦЧО (Воронеже) с проектировкой в этом году тракторного завода на 40.000 тракторов типа десяти-пятнадцатисильных трехколесных тракторов для пропашных культур. Это при американском темпе строительства даст к концу пятилетия около 200.000 шт. тракторов различных мощностей и потребуется, примерно 3—4 года непрерывной работы этих заводов для того, чтобы удовлетворить потребность страны в тракторах, как она намечается нами через 7—8 лет.

Для тех, кого пугает эта перспектива, напомним, что в С.-А. С. Ш. посевная площадь которых близка к нашей, всего лишь при 15% механизации работает в настоящее время 800.000 шт. тракторов. Нет никакого сомнения, что через 7 лет их будет работать там гораздо больше.

Данные о динамике посевных площадей по отдельным районам Союза с разбивкой по социальным секторам чрезвычайно показательны в том отношении, что они отвечают на вопрос, где, как и почему происходило сокращение

посевных площадей, то самое сокращение, которое мы наблюдаем по ряду районов за последние годы. Они отвечают на этот вопрос совершенно убийственно. Оказывается, как правило, сокращались посевы в хозяйствах зажиточных, кулацких; близки были к стабильным, но шли на повышение, середняцкие посевы, и резко повышались посевы хозяйств бедняцких, малопосевных.

Это великолепный ответ на вопрос о том, что происходит в нашем сельском хозяйстве. Еще пару лет тому назад экономисты, группирующиеся вокруг профессоров Кондратьева и Макарова, начали бить набат относительно „деградации" сельского хозяйства. Сейчас, после того, как прошло 2—3 года, мы можем совершенно отчетливо ответить на вопрос о том, что же происходит.

Да, в сельском хозяйстве есть деградация; больше того,— есть разложение, загнивание. Но гниет кулацкая верхушка сельского хозяйства. И по поводу ее-то гибели и забило уже несколько лет тому назад тревогу выродившееся народничество.

Теперь от этой мутной струи пьют воду представители правого уклона внутри партии, пытаясь спекулировать на трудностях реконструктивного периода и перепевая старые Кондратьевские мотивы.

В сельском хозяйстве действительно происходит загнивание, но это загнивание происходит не в сельском хозяйстве вообще, не в сельском хозяйстве в целом, как это думают проф. Кондратьев, проф. Макаров и некоторые другие. Оно происходит в кулацком секторе сельского хозяйства, поражает кулацкую часть индивидуального сектора. Беднота же и середняк идут иными путями развития. Они не только повышают размеры своих посевов. Тот процесс стремительной коллективизации, который мы наблюдаем по ряду районов, говорит нам о том, что индивидуальное крестьянское хозяйство в его бедняцкой и середняцкой частях приходит к выводу, что на путях частного хозяйства ему больше нет подлинного развития, что путь прогресса для него лежит через коллектив к крупному машинному обобществленному сельскохозяйственному производству.

И эта здоровая часть крестьянских хозяйств все больше и больше начинает отделяться от кулака и испытывать тягу к широким путям коллективного социалистического строительства.

С точки зрения социальной значимости такого фактора, как загнивание кулацкой верхушки крестьянских хозяйств, мы можем сказать, что он знаменует собою начало агонии частного сельского хозяйства.

Мы ставим вопрос — долго ли может продолжаться эта агония, и можем ли мы ее растягивать, и отвечаем: нет! мы должны форсировать этот процесс, мы должны подхватить процесс коллективизации, должны возглавить его, приложить все усилия к тому, чтобы не оказаться в хвосте этого величайшего исторического движения, знаменующего собою, начиная с этого года, резкий перелом в процессе сельскохозяйственного производства, технически вооружить

этот процесс и в возможно краткий исторически срок покончить с этим лихорадочным состоянием загнивания кулацкой верхушки, борющейся против тех социальных условий, в которых она явно развиваться больше не может.

Мы должны готовиться к тому, чтобы уже в недалеком относительно будущем весь индивидуальный сектор сельского хозяйства перевести на рельсы обобществления.

В свете этих явлений ясно, что те продовольственные трудности, которые мы переживаем, это не просто трудности роста, это трудности реконструкции, больше того, это трудности подлинной революции, ибо только теперь деревня подходит к своему подлинному Октябрю, с корнем вырывающему старые устои и создающему на новой энергетической и технической базе новые производственные отношения в сельском хозяйстве.

Эта революция, как и всякая революция, связана с ожесточенной классовой борьбой, с отчаянным сопротивлением экспроприируемых, с саботажем производства, колебаниями промежуточных слоев и т. д. и т. п.

Эти процессы обобществления сельского хозяйства по разным районам протекают различно и базируются на различных основаниях. Если взять ЦЧО, то здесь причина одна. На этой карте, только что выпущенной Комиссией генплана, показывающей плотность населения по экономическим районам Союза, изображено распределение населения на территории СССР по переписи 1926 г. В 11 красках эта карта показывает плотность населения. Наиболее светлые тона—это наименее заселенные пространства, где приходится менее одной десятой человека на *кв.* километр территории, а темно-зеленые тона— это места наибольшего заселения,—это свыше 70 чел. на *кв.* километр. Вы видите, что районами основных сгустков населения являются ЦЧО, Украина, отчасти Татария, Чувашия и Среднее Поволжье. Этот сгусток населения на территории ЦЧО, в отношении вооруженности средствами производства, представляет собой наиболее бедный участок Европейской части Союза. В то время как по УССР вооруженность сельскохозяйственными средствами производства составляет 115 руб. на душу населения, а по Союзу в целом 111 руб.,—по ЦЧО она составляет лишь 98 руб. на душу населения. И как раз этот район наиболее характерен в смысле разрешения проблемы коллективизации.

Еще недавно нео-народники твердили нам, что в ЦЧО, в перенаселенных районах ни о какой тракторизации речи быть не может, что пути развития этих областей идут по линии индивидуальных хозяйств датского типа, развивающих интенсивные культуры, мелких, но хорошо обставленных индивидуальных хозяйств.

Действительность показала, что пути развития ЦЧО, пути изживания аграрной перенаселенности будут совершенно иными. Даже

быстрее, чем мы ожидали, действительное развитие показало в какой мере мы были правы в наших теоретических спорах с нео-народниками, которые мы вели и здесь, и на Воздвиженке. Оно полностью подтвердило правоту наших позиций. Тот процесс коллективизации, который сейчас так бурно начинает развиваться в ЦЧО, говорит о том, что исторический факт оскудения ЦЧО, не находящей себе путей для дальнейшего развития в старых социальных формах и при старой сел.-хоз. технике, сейчас, после переворота, сталкивается с возможностями сплошной коллективизации сельского хозяйства, его коллективного перевооружения, вооружения новейшими методами производства и полнейшей технической реконструкции. Можно с уверенностью сказать, что через ряд лет, семь-восемь максимум, самый термин „оскудение ЦЧО“ будет сдан в архив, и мы будем иметь цветущий край, поднимающийся на базе новой техники, новой энергетики, нового вооружения крестьянского труда.

По иному протекают процессы коллективизации в других районах, скажем, Нижнем Поволжьи, Сибири. Там они идут прежде всего по линии охвата колоссальных свободных площадей; путем применения новейших методов машинной обработки земли там стараются поднять неиспользованные территории. На Дальнем Востоке мы видим особый подход к этому вопросу, об'ясняющийся тем, что индивидуальное хозяйство переселенца в современной экономической обстановке становится все более и более беспомощным перед лицом тех почти первобытных трудностей, которые ему приходится преодолевать в этом крае. В особенности это нашло себе резкое отображение после ряда лет стихийных бедствий, поразивших Дальний Восток. Августовские ливни, изливающие потоки океанской влаги на Дальнем Востоке, третий год смывают посевы. Индивидуальному хозяйству в особенности трудно противостоять этим стихийным бедствиям в обстановке и без того тяжкой борьбы с природой, где оно брошено почти на произвол судьбы, несмотря на огромные затраты государства, достигающие по линии финансирования 1.200 руб. на хоз-во для внедрения такого переселенческого двора на Дальнем Востоке. Вы, вероятно, обратили, товарищи, внимание на статью т. Лежнина в № 5 „Планового Хозяйства“. При поддержке редакции „Планового Хозяйства“ там поставлен вопрос о революции в переселенческом деле. Такую же постановку вопроса мы имеем теперь и со стороны официальных органов ДВК. Ребром ставится вопрос о том, что пора прекратить индивидуальное переселение, что оно, во-первых, слишком дорого обходится, во-вторых, не оправдывает себя, а в-третьих — то положение, которое получается в результате, не может быть больше терпимо. В этом году мы имеем в среднем по ДВК 57% „обратничества“, а в некоторых районах края оно доходит и до 90%, т.-е. из 100 переселенных дворов по некоторым районам 90 идут обратно, а в целом по ДВК 57. Можно себе представить край, дороги которого загружены этими потоками переселенцев,

лечебные пункты загромождены бездомными людьми, край, вся жизнь которого систематически, из года в год, нарушается этой безобразной организацией переселения. С этим нужно покончить. Сами товарищи из ДВК и мы в Госплане приходим к убеждению, что необходимо внедрять переселенцев на Дальний Восток путем организации коллективов, прежде всего, на местах выселения; тех же, кто идет самотеком, организовывать в коллективы в местах заселения, давать оборудование, сел.-хоз. машины, тракторы, устраивать машинно-тракторные станции. Элементарные подсчеты показывают, что такое водворение коллективных хозяйств обойдется гораздо дешевле, чем индивидуальное переселенчество, а эффект будет совершенно иной. Вместо того, чтобы человек был одиноко заброшен в новое, неосвоенное место, он попадет в коллектив и будет пользоваться поддержкой государства, он получит машинное оборудование, которое будет его обслуживать; он не попадет в положение человека, который с'ел свои семена и идет обратно, не имея впереди ничего, кроме перспектив голода и нищеты. Картина будет совершенно иная.

Как видим вопрос о коллективизации в различных районах ставится на основании различных причин.

В Белоруссии идут крупнейшие работы по мелиорации больших заболоченных пространств, и это приводит к убеждению, что является полной бессмыслицей устройство индивидуальных частных хозяйств за советский счет на этих вновь завоеванных для общественного труда землях. Белоруссия приходит к выводу о необходимости перехода к коллективному заселению мелиорируемых площадей. В то же время наростает процесс обратного движения хуторского хозяйства в крупные коллективы.

В связи с этим, мы считаем необходимым поставить вопрос ребром о том, что расселение на хутора приходит к концу, что расселение крупных поселков является нерациональным. При переходе на коллективное хозяйство с дальнейшим переустройством селений большие селения будут иметь явное преимущество перед хуторскими хозяйствами в смысле большего коммунального благоустройства, в культурном и прочих отношениях. С процессом переселения на хутора нужно кончать, и держать курс только на коллективное устройство.

В связи с этим, мы ставим вопрос о том, не пора ли в нашем бюджете покончить со статьей ассигнований на индивидуальное землеустройство. Может быть, сейчас это звучит очень резко, но для нас является бессмыслицей заниматься индивидуальным землеустройством и устраивать отдельные крестьянские дворы в то время, когда нехватает землеустроителей для устройства коллективных хозяйств, которые остаются „в затылке“, и не получают землемеров, чтобы провести грандиозное землеустройство площадей коллективов, без чего нельзя создать крупное производство. 16 млн. руб. заверстано в контрольных цифрах 1929/30 г. на землеустройство индивидуальных хозяйств. С нашей точки зрения это теперь уже является

ложными издержками организации в процессе развертывания народного хозяйства. Эти 16 млн. руб. лучше бросить на Челябинский тракторный завод, их лучше бросить на будущее энергетическое вооружение крестьянского хозяйства, и тогда через пару лет они скажутся таким колоссальным эффектом народнохозяйственной продукции, который ни в какое сравнение не может итти с крохоборческим индивидуальным землеустройством, отжившим свой век, устаревшим, с которым нужно кончать.

О судьбах перенаселенных районов

В связи с распределением капитальных вложений по районам резко встал вопрос о судьбе перенаселенных районов и о необходимости более интенсивных капитальных вложений на развитие их промышленности. Вы знаете, что неоднократно мы дебатировали вопрос о судьбе развития Правобережья Украины; точно также мы особое внимание уделяли ЦЧО. При прохождении контрольных цифр по Нижегородскому краю, мы также обратили внимание на необходимость усиления развития Чувашской республики, которая является кризисным районом из-за ее перенаселенности. То же самое должно быть сказано и по отношению к Татреспублике, не входящей в крупное областное об'единение и поэтому может быть страдающей организационно больше, чем другие от невозможности получить должное внимание к этим проблемам.

Судьбы этих перенаселенных районов будут, конечно, различны. Мы имеем такой район, как ЦЧО, где последними исследованиями установлены колоссальные залежи Липецких руд, достигающие 50 млн. тонн. В пятилетнем плане намечена здесь постройка металлургического завода-гиганта, который сейчас Гипромез считает возможным проектировать величиной на мощность порядка 1—1,5 млн. тонн выплавки чугуна в год. Тов. Буров, обследовавший этот район, поставил также вопрос о том, не следует ли, если подтвердятся в дальнейшем догадки о еще больших залежах — порядка 80 млн. тонн руды,— не следует ли здесь в Липецком районе, построить завод-гигант, сверх американского типа, на мощность около 3,5 млн. тонн выплавки. В контрольных цифрах мы заверстали сумму в 700 тыс. руб. на проектировку и предварительные разведочные и прочие работы по этому строительству с тем, что если в течение года ЦЧО справится с этой предварительной работой и если кон'юнктура года будет достаточно благоприятна, а выполнение плана будет итти хорошо, может быть можно будет за счет резерва выделить сумму порядка 4 млн. руб. для начала строительства того металлургического комбината, который положит начало решительному перелому в судьбах развития ЦЧО, положит начало развитию в ней индустрии. Если же будет в дальнейшем осуществлен на территории ЦЧО и тракторный завод, то это положит начало резкому перелому в судьбах развития этого района.

На Правобережьи Украины есть свои хозяйственные районы, которые позволяют проектировать там крупное развитие индустрии. Достаточно упомянуть о Днепрострое, о Криворожьи. Но если ставить вопрос ребром сейчас о том, как быть с теми кадрами избыточного населения, которые имеются на Правобережьи, то на этот вопрос приходится отвечать несколько иначе, чем это хотелось бы, иногда, товарищам. Неоднократно в этом зале вы слышали постановку вопроса: как быть с местечковой проблемой, этим крайним выражением полунищеты, полупролетарского состояния избыточного населения Правобережья и Белоруссии, не находящего должного применения для своей рабочей силы. Здесь, товарищи, нужно ответить, что отнюдь не в узком кругу экономики Правобережья Украины найдет себе полное разрешение эта проблема, точно так же как и не только в самой Белоруссии.

Если заглянуть вперед, то станет ясно, что, идя теми темпами, которыми мы пошли в эти два года пятилетия, идя этими темпами, мы в течение пятилетия вложим в промышленность ресурсы порядка 30 мрд. руб., в неизменных ценах 1926/27 г. а в течение следующего пятилетия, сможем вложить в промышленность ресурсы несравненно большего масштаба.

В самом деле, в истекшем 1928/29 г. мы вложили в промышленность 1.860 млн. руб. И предполагали (по пятилетке) рост вложений в промышленность равный 48% (48% прироста). Вместо этого мы теперь проектируем около 4 мрд. руб. вложений в промышленность (в неизменных ценах) в течение 1929/30 г., т.-е. 220% роста вложений (120% прироста).

Но предположим самый худший случай: предположим, что в этом году при осуществлении контрольных цифр мы получим срыв на целые 0,5 мрд. руб., которые (допустим это) целиком упадут на промышленность. Тогда в этом худшем случае рост капитальных вложений в промышленность составит 197% (97% прироста).

Предположим далее, что наученные горьким опытом мы затем, в последующие годы будем брать вариант уже не такого высокого напряжения, а несравненно более легкий: лишь 50% прироста вложений в промышленность.

В таком случае этот пониженный вариант развития нашей промышленности выразится в следующих цифрах капитальных вложений в нее (для сопоставимости в неизменных ценах 1926/27 г.):

Первое пятилетие		Второе пятилетие	
1 г.	1.860 млн. руб.	6 г.	17.400 млн. руб.
2 „	3.500 „ „	7 „	26.000 „ „
(вместо 4 мрд., проектируемых в контрольных цифрах 1929/30 г.).		8 „	40.000 „ „
3 г.	5.250 млн. руб.	9 „	60.000 „ „
4 „	7.750 „ „	10 „	90.000 „ „
5 „	11.600 „ „		
Итого . . .	30.460 млн. руб.	Итого . . .	233.400 млн. руб.

Эти цифры говорят о том, какого величайшего напряжения героический прыжок совершаем мы в этом году. Но вместе с тем они говорят нам о том, что, идя даже гораздо более спокойными темпами, чем те, которые обозначились в этом году, мы достигнем масштабов промышленной продукции современной Америки через 10—12 лет.

Я повторяю: если мы мы будем итти даже значительно более медленными темпами, чем те которыми идем сейчас,— это будет достигнуто вне всякого сомнения. А если взять те гипотезы которые уже сейчас успели устареть, хотя бы гипотезу, которую набросал т. Сабсович, и которая в комиссии генплана была принята, как одна из рабочих гипотез,— она будет бита! Она уже теперь превзойдена; наметки пятилетнего плана выше ее проектировок на первое пятилетие, а вложения в первые два года, в свою очередь, уже выше, чем намечено было в пятилетнем плане. Контрольные цифры вложений в планируемую промышленность в этом году на 300 млн. руб. превышают сумму, которая намечена для последнего года пятилетия. Реальность, в которой мы с вами уже живем, то что мы предлагаем сейчас, как совершенно реальную возможность, 3.300 млн. руб. вложений в промышленность [1] в течение предстоящего года,— превышает самые смелые предположения. В первые два года мы превзошли те темпы, которые намечались пятилетним планом; нет сомнений, что превзойдем и то, что намечено было, как гипотеза генплана, на последующие пятилетия; а по этой гипотезе мы должны были догнать современную Америку в 15—17 лет. Этот срок теперь выглядит растянутым, мы сейчас уже говорим о сроке более близком и о движении гораздо более стремительном: 12 лет, примерно, тот срок, который мы сейчас ориентировочно прощупываем, как срок, в который мы даем промышленную продукцию современной Америки.

А если говорить о технике производства, то нужно полагать, что лет через 5 мы сумеем не только строить заводы новейшего типа, но сумеем строить и заводы более нового типа, чем строят в Европе и чем иногда, может быть, строят в Америке. Почему нам не только не итти в ногу, почему нам в новом строительстве не воспринять то, что может сдвинуть нас вперед по сравнению с передовыми странами капитализма? Новый метод перегонки нефти под высоким давлением приводит сейчас в содрогание американских капиталистов, потому что он знаменует собой отсталость, моральную изношенность огромного основного капитала нефтеобрабатывающей промышленности. Между тем нас он в содрагание привести не может; наоборот, он делает нашу позицию более выигрышной, так как мы можем наше новое строительство повести с учетом

[1] В ценах 1929/30 г., включая 50 млн. руб. резерва, добавочно заверстанные с'ездом.

новейших достижений в нефтепереработке. Это только один из примеров, а их может быть достаточно много и они еще впереди.

У нас будут возможности новейшего строительства, в котором мы будем в состоянии итти впереди по сравнению не только с Европой, но и по сравнению со стареющим в этом смысле американским капиталом. Через десяток лет возможно такое положение, когда наша техника будет по ряду отраслей качественно превышать технику передовых стран капитализма. Что это не представляет собой чего либо исключительного, об этом могут сказать шахтеры Донбасса и присутствующие здесь представители Украины: они знают, что в шахтах Донугля процент механизации превышает процент механизации забоя в Англии уже сейчас. Между тем мы считаем, что мы лишь вступили на путь механизации.

А если это так, если таковы грандиозные перспективы строительства в последующие 5—10 лет, то для нас становится ясным, что избыточное население местечек Правобережья Украины, Белоруссии и других районов найдет применение своему труду не в узком кругу экономики данной области, а на широком поле работ Союза советских республик. Тов. Бессонов, как-то неудачно отозвавшись о ЦПР, назвал это скопление промышленности в одном районе, в одном кулаке, проклятым наследием царизма. Это, конечно, не верно. Это „проклятое наследие" вместе с Ленинградом и горнопромышленным районом Украины есть оплот индустриальной мощи СССР, на котором сейчас базируется революционное переустройство всего Союза.

А вот поистине проклятым наследием царизма следует считать судьбу десятков и сотен тысяч полупролетариев, искусственно собранных политикой царизма в этих грязных местечках, лишенных средств производства, лишенных возможностей производительного труда.

Однако было бы не меньшей нелепостью, с точки зрения планового хозяйства, тащить крупную индустрию в эти „дыры" только потому, что там имеются скопления свободной рабочей силы. Местечки Правобережья Украины и бывшей „черты оседлости" растают как дым в лучах электрического солнца индустриализации. Не крупную индустрию надо тащить в эти поселения (не они являются ведущими), а их незанятую, исторически искусственно задерживавшуюся „в резерве", рабочую силу надо использовать в местах нового строительства мощной индустрии. Днепрострой, индустрия Криворожья лишь первые ласточки лишь первые возможности в этом отношении. Безработное население местечек, излишки перенаселенных округов Правобережья найдут производственное применение на гигантах Донугля, Югостали, Урала, Кузбасса, найдут себе применение на обобществленных пашнях Украины, Сибири ДВК уже в это пятилетие.

В связи с бурным темпом развития, принятым в контрольных цифрах на 1929/30 г., надо предвидеть рост рабочих, занятых в

промышленности в пятилетие не на 32%, как предлагалось в плане, а на величину, близкую к 60—70, может быть, даже 80% т.-е. на величину порядка 3 млн. чел., а во всем народном хозяйстве прирост занятых порядка 8 млн. чел. за пятилетие. Один только 1929/30 г. уже намечает прирост лиц занятых наемным трудом на 1.114 тыс. чел.

В Президиуме Госплана, на докладе по контрольным цифрам Украины, мы слыхали голос представителей УССР, которые говорили о недостатке рабочей силы на Украине, и, как это ни странно, при проработке контрольных цифр Украины в Союзном Госплане — ставили вопрос о переброске квалифицированной рабочей силы из других районов Союза в УССР. И это при наличии в УССР такого сгустка населения, как Правобережье Украины. Ставить вопрос о переброске на Правобережье рабочей силы — неправильная постановка вопроса. Избыточную рабочую силу этих сгустков населения УССР мы должны обучить, подготовить, должны создать рабочие кадры для использования не только в районах Украины, но и для переброски по всему Союзу, ибо, я полагаю, для украинского пролетария СССР является отечеством, независимо от того, где он будет работать, и думаю, что он будет чувствовать себя не хуже на местах нового крупного строительства, получая нормальную заработную плату и живя в условиях крупного социалистического производства, чем он чувствует себя сейчас, будучи безработным, или полузанятым в „родном“ городе, или местечке.

Мы явно выходим из полосы избыточности населения и входим в полосу недостатка рабочей силы. Голос Украины лишь первый симптом в этом отношении. Отсюда — проблема подготовки и социалистического распределения рабочей силы на территории СССР. Отсюда потребность в новом Наркомпросе и в новом Наркомтруде, в основательной их перестройке в соответствии с величайшими задачами реконструктивного периода.

Некоторые организационные проблемы районов

Затем, товарищи разрешите остановится еще на некоторых организационных проблемах, которые мы считаем своим долгом подчеркнуть в вашем сознании, в связи с порайонной проработкой и пятилетнего плана и контрольных цифр этого года. Дело в том, что при порайонной проработке сам метод мышления является другим, чем при проработке отраслевой. Здесь мы должны по необходимости прорабатывать комплекс явлений, складывающихся в отдельных районах; а эти пути мышления наталкивают на такие вопросы, которые не возникают у отраслевиков, у работников отдельных отраслей хозяйств, поскольку они идут по „вертикали“, и не рассматривают народное хозяйство в „горизонтальном“ сечении, в котором сочетание отдельных отраслей по каждому району составляет единое целое. Тут для нас становится совершенно ясной необходимость нового организационного подхода ко всей нашей народнохозяйственной деятельности. В этом году по этой части, хотя бы в порядке исследования, должны быть проделаны известные работы. Так, например, для нас становится совершенно ясным, что то, что делает сейчас Ленинград в части комбинирования металлопромышленности, абсолютно не было бы возможно при частно-капиталистическом строе и было бы невозможным у нас, если бы не было синтетического мышления в Ленинграде, в его областной Плановой комиссии и в его областных хозяйственных органах. Тот плодотворный результат, который даст Ленинград, как единое производственное целое, расположенное на небольшой территории, является великолепным образчиком того, в какой мере полезен и для других районов такой комплексный подход к народнохозяйственным явлениям.

Нас чрезвычайно порадовало и то, что мы услыхали от молодой Иваново-Вознесенской Плановой комиссии. Едва только область успела организоваться, едва успела приступить к работе, как уже метод комплексного мышления здесь сказался. В докладе о контрольных цифрах этого года по Иваново-Вознесенской Области товарищи поставили вопрос о необходимости об'единения текстильной промышленности, расположенной на ее территории в единый комбинат, в единый комплекс. Можно сказать, что, несмотря на то, что тут районирование шло несколько иначе, чем намечал первоначально Госплан, тем не менее в Ивановской области мы имеем, повидимому, удачный образчик такого районного комплекса. Товарищи ивановцы, об'единяющие у себя большую часть текстильной промышленности, расположенной на территории центрально-промышленного экономического района, сумели уже сейчас подойти к ней, как к комплексу и ставят вопрос об устранении встречных перевозок, устранении нелепостей администрирования рядом стоящих огромнейших предприятий одной и той же отрасли промышленности, не связанных вовсе друг с другом и сносящихся через Москву и т. д. и т. п. Для нас ясно, что разрешение тех вопросов, которые ставят ивановцы, бесспорно будет знаменовать собой рационализацию хозяйства в районе уже в широком смысле этого слова, рационализацию, которая несомненно приведет к соответствующему снижению себестоимости продукции текстильной промышленности, в итоге устранения тех дефектов, которые сейчас имеются. Между тем самая постановка вопроса об устранении этих дефектов стала возможна лишь благодаря комплексному, подходу к хозяйству края, благодаря иному, связанному с ним, методу мышления. Только благодаря этому методу Ивановской Плановой комиссии удалось обнаружить существующие дефекты.

Вы знаете, товарищи, что украинцы уже ставят правильно вопрос о внутреннем районировании Украины, вопрос об организационном оформлении таких хозяйственных комплексов, как, во-первых, Днепровский район, во-вторых, район Донбасса и, наконец, в-третьих, сел.-хоз. районы Украины.

С этой же точки зрения, мы сейчас усиленно подчеркиваем необходимость проработки проблем Урала как хозяйственного комбината. Размах работы на Урале настолько велик, что товарищи уральцы испытывают на себе колоссальную тяжесть этого гигантского строительства. Масштаб развертывания индустрии Урала требует новых потоков сил и организаторов, и специалистов на Урал. Необходимо всячески поддерживать и укреплять Урал в эти решающие годы его развития. Надо добиться во что бы то ни стало, чтобы Урал не отставал в отдельных частях развертывания своего хозяйства, чтобы с ним не случалось того, что происходит сейчас в области его электрификации, где мы недосчитываемся мощности порядка 150, а то и 200 тыс. *квт* к концу пятилетия, которые будут необходимы при запроектированном развертывании промышленности. Уже сейчас Урал испытывает трудности по линии энергетического снабжения. Нужно принять все необходимые меры, чтобы таких недочетов не было, а для этого в первую очередь необходим углубленный комплексный подход к проектировкам развития народного хозяйства края.

Сказанное о комплексном проектировании в огромной степени относится и к Кузбассу, и к другим районам.

Особо следует остановиться на экономическом районе, который организационно не имеет сейчас своего оформления, который территориально относится к трем образованиям: ДВК, Бурято-Монголии и Сибкраю и в котором по пятилетнему плану мы должны проектировать начало крупного индустриального строительства с таким расчетом, чтобы в начале следующего пятилетия (т.-е. теперь уже через 4 года) развернуть там гигантское строительство, гораздо более крупное, чем то, которое мы ведем в районе Днепростроя. Мы имеем в виду использование величайших запасов энергии реки Ангары и тех природных богатств, которые имеются в близком соседстве от нее. Залежи железных руд, пояс цветных металлов, который начинается в ДВК, идет через Бурято-Монголию, проходит затем через зарубежную Монголию и входит снова в пределы СССР в юго-восточном углу Сибирского края; богатства лесов Прибайкалья, минеральные ископаемые,— все это вместе с возможностями получения огромных количеств исключительно дешевой энергии (до 0,25 копза *квтч*) позволит нам развернуть здесь ряд производств, недоступных в других районах, и в первую очередь производство алюминия в масштабах, далеко превышающих все проектировки, которые имели место у нас до сих пор.

В огромных масштабах там должны быть поставлены: электроплавка чугуна, электролиз железа, ферросплавы, должны быть развернуты заводы азотных удобрений как для внутренних рынков, так и для экспорта, должна быть развернута синтетическая химия, получение нефти из бокхедовых углей Прибайкалья, поставлена переработка леса, животного сырья и т. д. и т. п.

Прибайкалье—будущий центрально-промышленный район всей восточной половины СССР. Все, что строится там сейчас: например, Петровский металлургический завод, десятитысяч-киловаттная станция в Иркутске, пробные установки по ожижению бокхедовых углей, цементный завод, стекольный завод, и т. д.,—все это мы рассматриваем как вспомогательные заводы для будущего гигантского строительства. Вы знаете, товарищи, с чего должен был начаться Днепрострой. Он должен был сначала построить маленькую вспомогательную электростанцию, прежде чем строить большую. Однако, эта вспомогательная станция Днепростроя около 10 тыс. *квт* сделала бы честь такому району, как, скажем, Средняя Волга. Эту десятитысяч-киловаттную станцию в Иркутске мы рассматриваем, именно как такую вспомогательную станцию, которая даст потом привод к Ангаре, к месту строительства крупной электростанции первой очереди. (Э. И. Квиринг: вы далеко смотрите).—Я согласен с тем, что мы смотрим далеко. Но нужно смотреть далеко для того, чтобы не пропустить то, что близко. А близко вот что: то строительство, которое развернуто по пятилетнему плану в Бурято-Монголии и прилегающих районах и которое начато в этом году,—оно является беспризорным. Бурято-монголы жалуются, что они не могут найти должного внимания в Союзных органах, что они должны обращаться за тысячи верст для того, чтобы получить ответ на те вопросы, которые должны разрешаться на их собственной территории. Они не находят себе общего языка с соседями для разрешения этих вопросов, потому что они представляют собой раздробленные на части куски. Взгляните на современные границы области. Территория Бурято-Монгольской республики разорвана на части. Отдельные округа Бурято-Монголии заброшены в другие края и выглядят островами на территории ДВК и Сибкрая. На этих „островах" бурято-монгол, сидя у себя дома, чувствует себя за-границей, так как он отрезан от своей области, от своего района.

Для основных же районов Сибкрая и ДВК углы Прибайкалья — это далекие задворки, для которых ни в Новосибирске, ни в Хабаровске, отстоящих от Байкала на 2—3 тыс. *км*, нехватает и не может хватить внимания. Тем более, это так при современных сибирских методах транспорта и связи, когда телеграмма из Новосибирска в Верхнеудинск идет несколько дней. При этих условиях идея руководства строительством в Прибайкальи из краевых центров Сибири и ДВК была бы подлинной бюрократической утопией.

Когда мы говорим, скажем, о необходимости использовать сырьевые ресурсы, животноводческие ресурсы края, то это разумеется обязывает нас к соответствующим действиям. И вот получается, что в Агинском округе Бурято-Монгольской республики расположены крупные животноводческие ресурсы. Экономически они неразрывно связаны со смежными скотоводческими районами русского казачьего населения Забайкалья. Все это вместе тяготеет

к Чите. Но административно они разорваны и никакое единство ни учета, ни планового использования этих ресурсов при таком организационном уровне края невозможно.

Контрольными цифрами 1929/30 г. намечено строительство трех мясо-хладобойно-консервных и утилизационных комбинатов для переработки животноводческого сырья: на ст. Оловянной, ст. Мысовской и в Култуке. Они должны использовать богатые животноводческие ресурсы как самой Бурято-Монголии, так и зарубежной Монголии и смежных округов ДВК. Насколько это важно сейчас как для ДВК, так и для вывоза в Европейскую часть СССР, говорить не приходится. И что же получается: комбинат на ст. Оловянная, использующий бурято-монгольское и монгольское сырье, оказывается стоящим на территории ДВК, хотя он и стоит в центре животноводческого бурято-монгольского района. Комбинат в Култуке стоит на берегу Байкала, но... в Сибкрае, в его крайнем юго-восточном углу. И вот скот пойдет из зарубежной Монголии, пройдет через территорию Бурято-Монголии, будет питаться ее фуражем, а перерабатываться будет в Сибкрае. По усам текло, а в рот не попало.

Или вот примеры со строительством двух сравнительно крупных об'ектов: Петровского металлургического завода и механизированного стекольного завода. Петровский завод строится не на основных железнорудных месторождениях, расположенных в Бурято-Монголии, а в стороне от них, ибо он строится хотя и в том же Прибайкалье, но на территории... ДВК. Это поведет к повышенной себестоимости металла, но зато завод будет стоять в ДВК!

В пятилетнем плане запроектирован в Бурято-Монголии механизированный завод оконного стекла. На берегу Байкала находятся знаменитые Голутвинские пески, исключительные по качеству материала для развертывания будущего стекольного завода, но они находятся на территории Сибкрая, а завод запроектирован в Бурято-Монголии. Как разрешить этот вопрос при существующих административно-организационных границах? А рядом, „острова" Бурято-Монголии, которые находятся на территории Сибкрая. Как разрешить вопрос об их экономическом развитии? Как проектировать их будущее развитие? При таких условиях у Бурято-Монголии опускаются руки, пропадает стимул к строительству.

Внимание Сибири приковано к Кузбассу, где развертывается грандиозное строительство. ДВК занят своими заботами. В итоги, край явно задерживается в своем развитии.

Радикальным выходом из этого положения может быть только завершение районирования, которое организационно спаяло бы Прибайкалье и открыло бы ему возможности нормального экономического развития.

Но время не ждет, и для того, чтобы не потерять темпа в подготовительных работах, мы ставим вопрос о создании Союзной организации для проведения комплексных разведок и проектировок

по этому району, по всем трем областям. Эти разведки и проектировки должны быть подчинены единой синтетической мысли, прорабатывающей и проектирующей будущее развитие индустрии в этом районе. Это необходимо начать уже в этом 1929/30 г.

На разведки и проектировки по этому комплексу в пятилетнем плане принято 15 млн. руб. Но как они будут осуществляться? Для нас совершенно ясно, что они будут т о р м о з и т ь с я, если не будет достигнуто соответствующего организационного закрепления. Мы считаем необходимым особо отметить, что и проектировки будущего крупного строительства в Прибайкальи и выполнение пятилетнего плана, и современная кон'юнктура восточного сектора СССР, как внутренняя, так и международная, усиленно подчеркивают необходимость внимательного отношения к этому вопросу.

Два слова о соседнем районе — ДВК. То обстоятельство, что он три года под ряд поражается стихийными бедствиями — ливнями исключительной силы, и наше недостаточно внимательное отношение к нему — привели к чрезвычайному повышению цен в этом районе, чрезвычайному вздорожанию жизни, ухудшению положения рабочего класса, к тому, что под удар поставлено выполнение по этому краю наметок пятилетнего плана. Между тем резрешение остро стоящей проблемы продовольственного снабжения этого края требует всего лишь 300 тыс. тонн хлеба и если эти 300 тыс. тонн хлеба будут туда поданы — атмосфера разрядится, положение в основном станет нормальным.

Нужно сказать, что события на КВЖД не отразились сколько-нибудь решающим образом на экономической жизни края; но на его хозяйственной жизни отражаются удары стихии, поразившей его в продукции хлебов; отражается и то, что при недороде хлеба в прошлом году мы не снабдили его в достаточной мере для потребления и для семян. В результате продовольственное положение там затруднительно, часть переселенцев с'ела свои семена и идет обратно Требуется особое внимание к этому району для того, чтобы выполнить контрольные цифры этого года и итти по пути пятилетнего плана.

Этот район требует того, чтобы о нем говорить особо. Правительственная комиссия, которая работает сейчас в ДВК, должна будет иметь главным последствием своих работ пересмотр нашего отношения к этому краю, неисчислимые богатства которого дают возможность получить от него гораздо больше, чем мы наметили в пятилетнем плане и чем мы предполагаем получить в будущем году.

Наконец, последний вопрос из возникающих у нас в связи с порайонной проработкой плана, который я хочу затронуть, — это вопрос о будущем новых городов. Урал, Кузбасс, Сибирь говорят нам о том, что строительство новых городов идет так бурно, что осуществляется в настоящее время стихийно, — никаких планов нет. То, что делается по Кузбассу, — достойно всяческих карикатур и юмористических рассказов. Преставитель Сибплана рассказывал нам

о „проспекте имени Семашко“ в Кузбассе. Я уже не буду повторять этого рассказа, но картина действительно совершенно юмористическая. Подобные картины говорят о том, что органы, регулирующие развитие городов, застигнуты врасплох. Они не ожидали наступившего бурного роста городов и совершенно к нему неподготовлены. Даже в тех редких случаях, когда строительство ведется в какой-либо мере планомерно, оно все же́ абсолютно не отвечает запросам будущих индустриальных гигантов и часто просто идет порча мест, вместо того, чтобы на чистом месте разбить великолепные города будущего социалистического хозяйства данного района. С точки зрения уже сравнительно недалекого будущего—10—15 лет—происходит совершенно нелепое, бесплановое строительство.

Кузнецк, я рискую это здесь сказать, может быть в будущем, выражаясь по-старому, будет столицей Сибири, ибо на территории Прокопьевского района сосредоточены богатства, равные угольным богатствам Донбасса, а территория эта около 20 *км* поперек. Место исключительное по качеству, великолепные леса, великолепная река, прекрасный здоровый климат, возвышенное место около—300 *м* над уровнем моря,—все условия для того, чтобы разбить великолепный город-сад—центральный город будущего гигантского индустриального района. И вместо этого мы имеем нуль в смысле проектировок и совершенно карикатурное строительство в действительности. (Тов. Циперович: А сколько этот нуль стоит?)—Очевидно, что-то стоит! замечание тов. Циперовича правильно. Не надо забывать, что за одно только пятилетие мы предполагаем израсходовать на строительство около 40 мрд. руб. (в ценах 1926/27 г.). Расходуя колоссальные народнохозяйственные ресурсы на строительство городов без плана, мы строим города, которые через 10—15, много, 20 лет нужно будет сносить, ибо они не будут отвечать элементарным требованиям будущего города.

Поэтому мы со всей силой выдвигаем проблему создания единого союзного центра, который занялся бы проектированием в ближайшее же время типа будущего индустриального города, типа будущего „города-деревни“ для районов, с преобладанием сельского хозяйства, наконец городов смешенного типа и, таким образом, дал бы возможность, если не совсем стандартно, то, применяясь к особенностям индустрии и особенностям географических, климатических и экономических условий каждого района, конкретизировать это строительство в каждом отдельном случае, имея общее представление о будущем развитии наших городов.

Здесь нужны новые идеи, новые люди, чтобы действительно предвосхитить устройство будущего социалистического города и дать такое строительство городов, которые не пришлось бы ломать и за которое наши дети не покрыли бы нас позором.

Современное Главное управление коммунального хозяйства не отвечает запросам, которые пред'являет к такому центру период реконструкции. Входит оно в Наркомат внутренних дел. Но что такое „внутренние дела“? Все относится к внутренним делам, за исключением того, чем ведает Наркоминдел. Промышленность не относится к внутренним делам? А сельское хозяйство—не внутреннее дело? Однако же они не входят в сферу компетенции Наркомвнудела. То, что по признаку исправдомов, кладбищ, записи актов гражданского состояния и надзора за чистотой, осуществляемого милицией, строительство городов попало в Наркомвнудел, является сейчас анахронизмом.

Нужно создать какой-то центр, который бы руководил этим гигантским строительством, повел это строительство по правильному пути, поставил бы его по промышленному, создав специальную отрасль машинной индустрии—строительство,—применив новейшие методы американской техники и с'экономив на этом деле миллиарды рублей.

Только при этих условиях сможем мы надлежащим образом и необходимыми темпами развернуть строительство и построить такие города, которые будут отвечать будущему нашего народного хозяйства.

М. И. Боголепов

Финансовый план 1929/30 года [1]

I

Финансовое планирование в пределах пятилетнего хозяйственного плана представляет значительные трудности. Эти трудности коренятся в общей установки общего хозяйственного плана, требующего в первые годы весьма значительных капитальных вложений с тем, чтобы впоследствии, в последние годы пятилетки, получить более высокий темп развития продукции, и, следовательно, финансов. Эта основная особенность пятилетнего хозяйственного плана приводит к тому, что максимум финансового напряжения, как и максимум организационных усилий, выпадает по преимуществу на второй год пятилетки. Поэтому нет ничего удивительного в том, что при разработке контрольных цифр на 1929/30 г. пришлось значительно превзойти наметки второго года пятилетнего плана и подыскать дополнительные ресурсы, при помощи которых можно было преодолеть указанную выше особенность пятилетнего плана.

При разработке контрольных цифр на 1929/30 г. выяснилось, что общая сумма финансовых ресурсов, привлекаемых к обслуживанию целей общего хозяйственного плана, составляет по счету нетто 18.277 млн. рублей. Эта сумма следующим образом распадается по отдельным источникам:

Бюджетная система	8.915	млн. руб.
Кредитная система	1.519	„ „
Средства хозорганов	3.791	„ „
Фубры	198	„ „
Соцстрах	1.236	„ „
Госстрах	385	„ „
Кооперативные паи	545	„ „
Фабзавуч	178	„ „
Самообложение	144	„ „
Общественные организации	435	„ „
Иностранный кредит	190	„ „
Прочие источники	741	„ „
	18 277	млн. руб.

Из общей суммы ресурсов финансового плана в $18^1/_4$ мрд. руб. плановому воздействию общего хозяйственного плана подвергаются 17 мрд. руб., так как около 1 мрд. руб. уходит на обслуживание внутренних целей и внутренних потребностей различных общественных и бюджетоподобных организаций, только частью своих ресурсов привлекаемых на служение общему хозяйственному плану. Таким образом, если сравнить контрольные цифры 1929/30 г. со вторым годом пятилетки, то обнаружится, что общий размер ресурсов финансового плана превосходит пятилетку на 3 мрд. руб., или на 21,1% больше второго года пятилетнего плана. Отсюда видно, что контрольные цифры 1929/30 г. по об'ему финансового плана совпадают с третьим годом пятилетнего плана, когда общий размер финансовых ресурсов плана определялся равным 17 млн. руб.

[1]) Литературно обработанный доклад на VI с'езде плановых органов.

Если рассмотреть детально количественное различие в отношении 1929/30 г. между пятилетним планом и контрольными цифрами, то окажется, что главнейшее повышение контрольных цифр выпадает, главным образом, на две основные системы — на бюджетную систему, дающую чистый прирост против второго года пятилетки в 1 мрд. руб., и на систему производственных финансов, равным образом превышающую пятилетний план на 1 мрд. руб.

Чрезвычайно характерной чертой контрольных цифр является значительное превышение приростом об'ема финансового плана общего прироста народного дохода в 1929/30 г. Народный доход дает прирост в 4 мрд. руб., между тем как финансовый план возрастает с 11,5 мрд. руб. прошлого года до 17,2 мрд. руб. 1929/30 г. Таким образом, народный доход дает прирост в 4 мрд. руб., а финансовый план в 5,7 мрд руб. Такое превышение не только поглощает весь прирост народного дохода, но одновременно захватывает те части народного дохода, которые в недавнем прошлом были вообще для финансового плана недосягаемы.

Это обстоятельство, подчеркивая напряженную финансовую мобилизацию народных хозяйственных ресурсов, вызванную стремлением преодолеть основные трудности общего хозяйственного пятилетнего плана, говорит о победоносном развитии обобществленного сектора народного хозяйства. Наконец, следует отметить также и то обстоятельство, что в 1929/30 г. финансовый план мобилизует 50,7% народного дохода.

Это — основные показатели финансового плана, самым наглядным образом отражающие глубокие процессы, видоизменяющие экономическую и социальную структуру СССР.

Напряженность плана финансовой мобилизации легко можно увидеть из того, что в контрольных цифрах 1929/30 г. переход отдельных сумм из одного частного финансового плана в другой делается более обильным и интенсивным, нежели это было в предшествующем году.

Если обозреть всю совокупность отдельных финансовых планов, то легко заметить, что около 2,5 мрд. руб. переходит из плана в план. Это составляет 13% от всего финансового плана. Такое повышение мобильности финансовых ресурсов является несомненным доказательством того, что финансовое обслуживание задач общего

хозяйственного плана в 1929/30 г. будет происходить с более строгим и более точным учетом всех финансовых ресурсов. Финансовому плану удалось почти полностью вскрыть взаимные финансовые связи отдельных хозяйственных отраслей. Вскрывая эти связи, финансовый план наметил систему мероприятий, которые не только воздействуют на эти финансовые связи отдельных планов, но усиливают их там, где это нужно по соображениям интересов планового хозяйства.

Необходимость такого маневра легко можно видеть на целом ряде примеров, из которых мы приведем наиболее характерные.

Подсчет финансовых ресурсов всей кооперативной системы определил для 1929/30 г. общую сумму в 1,271 мрд. руб., между тем планы той же самой кооперации дают расходную сумму в 994 млн. руб. Таким образом, по кооперативному финансовому плану мы имеем превышение доходов над расходами, равное 277 млн. руб. При таком положении вещей сам собой вытекает финансовый маневр, который перекидывает средства из кооперативной системы в другие отрасли народного хозяйства.

Можно указать еще на один пример. Значительная прибыль образуется в пределах местной промышленности и, после удовлетворения плановых потребностей этой промышленности, остается значительная сумма приблизительно в размере 300—400 млн. руб., которая, вероятно не без затруднений, но с большой пользой для общего промышленного плана, переброшена на питание тяжелой индустрии.

Количественную картину расходного финансового плана 1929/30 г. можно представить в следующей таблице:

	1928/29 г.	1929/30 г.	+	В %
Бюджетная система	6,4	8,6	2,2	34,4
Кредитная „	0,8	1,7	0,9	—
Соцстрах	1,1	1,2	0,1	—
Финансы производств. организаций . .	2,4	4,1	1,7	70,8
Прочие ресурсы	0,7	1,6	0,9	—
Всего . . .	11,4	17,2	5,8	50,8

Эта таблица показывает, что бюджетная система нетто дает прирост в 34%, а система финансов производственных организаций дает прирост почти в 71% при общем росте всех ресурсов на 50,8%. Эти соотношения превосходно рисуют в намеченном плане процесс растворения финансов старого типа в народном хозяйстве нового типа.

При построении финансового плана на пять лет было уже указано, что наиболее характерной чертой финансовой системы Союза ССР будет более быстрый рост финансов производственных организаций. Это вполне естественно, так как указанный рост будет прямым результатом больших напряженных усилий бюджетного хозяйства по наполнению производственных организаций дополнительными ресурсами. При построении пятилетнего плана мы предвидели наиболее ясное выражение этого процесса в конце пятилетнего плана, но, благодаря успешному завершению первого года пятилетки и нащупыванию обещающих перспектив второго года, процесс растворения финансов старого типа не только стал заметен уже на втором году плана, но получает здесь ярко выраженный характер.

На почве этого факта самым очевидным образом встает перед нами задача общей реконструкции системы финансов, которая должна учесть происходящие изменения и перестроить финансовую организацию на новых началах.

Другой наиболее характерной чертой финансового плана 1929/30 г. является соотношение собственных средств в той или иной отрасли промышленности и бюджетных средств, притекающих в эту отрасль. Это соотношение для двух лет можно представить в следующей таблице (в %%):

	1928/29 г.		1929/30 г.	
	Собств. сред.	Бюдж. сред.	Собств. сред.	Бюдж. сред.
Сельское хозяйство	21,5	46,5	32,6	40
Промышленность	30,0	40,6	45	37
Транспорт и связь	60	33,6	63	29

Таблица показывает, что на протяжении двух лет совершается более быстрый рост собственных ресурсов в наиболее важных хозяйственных планах, в особенности в промышленности, и одновременно понижение удельного веса бюджетных средств. Из этого факта с неизбежной логикой вытекает другая задача для финансовой политики. Эта задача сводится к рационализации финансовой структуры каждой отдельной отрасли народного хозяйства. Если внутренние финансовые ресурсы отдельных отраслей народного хозяйства неуклонно и быстро приобретают более высокий удельный вес, а потому и более важное практическое значение, то само-собой понятно, что финансовая структура отраслевого хозяйства должна быть облечена в такую четкую форму, которая не только не затруднила бы финансовое планирование, но помогала бы ему так же, как это делает строгая и совершенно отчетливая структура бюджета.

Интересно отметить, что даже в таких отраслевых планах, как план сельского хозяйства, бюджет в 1929/30 г. склонен отступить на второй план, т.-е. в такое время, когда бюджетные ассигнования на сельское хозяйство растут особенно интенсивно, увеличиваясь на 81% против предшествующего года. Характерно также и то, что опережающий рост производственных финансов имеет место при необычайном росте самого бюджета.

Поэтому необходимо раскрыть внутренний смысл данного явления и извлечь из этого факта все необходимые финансово-политические и плановые выводы.

Мы можем сказать, что государственный бюджет начинает уже в 1929/30 г. пожинать свои посевы: его дрожжи бурно поднимают тесто здорового народного хозяйства, и потому его удельный вес начинает отступать перед ресурсами отраслевого хозяйства. Но такое отступание бюджета отнюдь не означает понижения его значения в общей системе финансового плана. Наоборот, напряженность бюджета не только не ослабевает, но усиливается; но она вызывается в данное время несколько иными причинами, чем это было два-три года тому назад. В настоящий момент бюджет видит свою задачу, главным образом, в том, чтобы свои дополнительные ресурсы направлять в наиболее отстающие по темпу развития отрасли народного хозяйства и в наиболее отсталые области социально-культурной жизни.

II

Переходя к оценке финансового плана 1929/30 г., прежде всего следует отметить, что этот план составлен для такого года, который в системе пятилетнего плана должен быть назван критическим годом. Это название можно дать 1929/30 г. потому, что, именно, в этом году, как было сказано в начале статьи, мы ожидаем зенита напряженности как общехозяйственного, так и финансового планов.

К показателям напряженности, о которых было уже сказано, можно добавить еще два, наиболее ярких и красноречиво говорящих. Один из этих показателей заключается в том, что для 1929/30 г. общий прирост государственного бюджета запроектирован в 31,1%. Другой показатель заключается в промфинплане, который, наметивши 11% снижения себестоимости промышленной продукции, все эти 11% полным рублем записывает в свой финансовый план. Таким образом, необычайно высокий рост бюджета, напоминающий нам о лучших годах восстановительного процесса, и полный учет всех возможных ресурсов промфинплана дают финансовой политике те задания, которые по своей ответственности и по своим размерам не могут не вызвать напряжения финансовой системы на протяжении всего года.

Нет сомнений, что в этом задании заключается известный риск, который нужно строго учесть и быть готовым и к тому, чтобы во всякое время иметь в запасе необходимые меры для предотвращения того или иного прорыва.

Само собой разумеется, что наилучшим средством для избежания возможного риска было бы наличие в плане свободных резервов, страхующих реальность финансового плана. Но в наших проектировках свободные резервы учтены в скромных размерах, что, собственно говоря, и создает напряженность всего плана.

Нужно иметь в виду, что возможные прорывы в финансовом плане могут повести к трем последствиям. Они, во-первых, могут

заставить нас принять такие финансовые меры, которые по необходимости повысят цены и, таким образом, столкнутся с общей установкой хозяйственного плана, предусматривающего известное снижение цен. Во-вторых, эти прорывы могут заставить нас в течение года сократить отдельные хозяйственные планы и, таким образом, несколько видоизменить общую концепцию и структуру общего хозяйственного плана. И, наконец, в-третьих, эти прорывы могут принудить к излишней, дополнительной против намеченной планом, эмиссии. Поэтому, признавая план 1929/30 г. напряженным, следует считаться с тем, что он во всех направлениях и во всех отношениях приближен к возможным лимитам и пределам, переход за которые был бы или рискованным, или бесполезным.

Основные черты финансового плана можно особенно ярко наблюдать при анализе главных оперативных планов, при помощи которых будет выполняться общий финансовый план.

Остановимся в немногих словах на бюджетном плане 1929/30 г.

Бюджетный план 1929/30 г. составлен в сумме 10,406 мрд. руб. Сравнивая эту сумму с предполагаемым исполнением бюджета предшествующего года (7,940), мы видим, что запроектированный бюджет вырастает на 31,1%. В этой проектировке следует отметить два факта.

Бюджет 1929/30 г. прежде всего растет своим естественным ростом, подчиняясь общему ходу развития хозяйственной жизни. Этот естественный рост государственного бюджета можно оценить в 18.5%. Но кроме этого естественного роста, бюджетный план 1929/30 г. предусмаривает ряд таких мероприятий, при помощи которых общие размеры бюджета повысятся еще на 1 мрд. руб., что в общем результате и дает рост брутто-бюджета на 31,1%. Такое сильное возрастание бюджета естественным образом выражается в том, что отношение государственного бюджета брутто к общей массе народного дохода повысится с 26.5% в 1928/29 г. до 30,8% в 1929/30 г. Если же взять бюджет 1929/30 г. без миллиарда дополнительных изъятий, то его отношение к народному доходу определится в 27,8%. Если же взять нетто-бюджет 1929/30 г., то окажется, что возрастание нетто-бюджета составит 38,3%. Сравнивая запроектированный бюджет с бюджетом второго года пятилетки, мы видим, что он вырастает против наметок пятилетнего плана на 1, 228 мрд. руб. и главное возрастание в этом сравнении приходится как-раз на налоговые изъятия, что вполне соответствует характеру тех мероприятий, при помощи которых в 1929/30 г. дополнительно будет изъято около миллиарда рублей. Если же мы сравним бюджет 1929/30 г. с его предшественником, то окажется, что его прирост в абсолютной сумме даст 2,581 мрд. руб. Следующая таблица покажет подробно различие между бюджетом 1929/30 г. и бюджетом второго года пятилетки, а также бюджетом 1928/29 г.

Прирост бюджета 1929/30 г. против второго года пятилетнего плана

Налоги	523	млн. руб.
Неподатные доходы	114,5	„ „
Займы	221,5	„ „
Транспорт	338	„ „
Связь	31	„ „
Всего	1.228	млн. руб.

Против исполненного бюджета 1928/29 г.

Налоги	1.313,5	млн. руб.
Неподатные доходы	406,0	„ „
Займы	400,0	„ „
Транспорт	415.5	„ „
Связь	46,0	„ „
Всего	2.581	млн. руб.

В этой таблице наиболее интересна цифра 2,5 мрд. руб., которая, как было сказано выше, распадается на две части: 1,5 мрд. руб. естественного прироста и 1 мрд. руб. дополнительных из'ятий. Естественный прирост в 1,5 мрд. руб., основанный на анализе общего роста народного дохода, развития сельского хозяйства и промышленной продукции и проверенный анализом доходных поступлений предшествующего года, не возбуждает никаких сомнений. Эти деньги можно принять за считанные 1 мрд. руб. дополнительных из'ятий распадается на следующие цифры:

Единый сель.-хоз. налог	—55	млн. руб.
Промналог	260	„ „
Подоходный налог	35	„ „
Др. налоги	192	„ „
Акцизы	183	„ „
Таможенный доход	52	„ „
Неподатные доходы	194	„ „
Займы	140	„ „
Всего	1.001	млн. руб.

Для того, чтобы извлечь этот миллиард, необходим целый комплекс мероприятий, который обеспечит эти дополнительные из'ятия. Кроме того, необходимо эти мероприятия связать с общей реконструкцией финансовой системы, чтобы одновременно достигнуть двух целей, ведущих к реализации одного и того же плана.

Характерным представляется показатель движения доходов от единого сел.-хоз. налога. Этот доход для 1929/30 г. предусмотрен на 55 млн. руб. меньше, чем в предшествующем году (430—375). Это—единственный бюджетный источник, который стоит совершенно особняком среди всех других растущих источников. Единый сел.-хоз. налог для первых лет пятилетки декретирован в связи с особыми задачами в области сельского хозяйства. Но в свете изменившейся кон'юнктуры сельского хозяйства и сельского населения, по нашему мнению, наблюдается некоторое расхождение между установкой по

единому сел.-хоз. налогу и складывающимися отношениями в деревне. Достаточно указать на то, что с каждым годом, по мере дальнейшего развития процесса индустриализации, вызывающего колоссальные ассигнования на капитальное строительство, неземледельческие заработки крестьян в городе начинают расти особенно быстрым темпом. Можно указать на то, что в 1929/30 г. земледельческие доходы населения увеличиваются на 4%, а неземледельческие заработки вырастают на 20%. Между тем в едином сел.-хоз. налоге поступления от обложения неземледельческих заработков крестьян не превышает по своему удельному весу 15%. Такая диспропорция в развитии крестьянского прямого обложения и роста их экономических ресурсов никоим образом не устраняется тем, что для 1929/30 г. самообложение запроектировано в 144 млн. руб., а страховые платежи в 223 млн. руб. Единственным коррективом в данном случае может послужить лишь повышенная программа займов в деревне.

Отсутствие какого-либо прироста по единому сел.-хоз. налогу, равным образом, стоит в противоречии также и с повысившимися сел.-хоз. ценами. Здесь же попутно следует отметить и то неудобство, которое вытекает из стабилизации сел.-хоз. налога для местного бюджета, в котором поступления от единого сел.-хоз. налога играют значительную роль. Отсутствие роста такого налога при наличии в местном хозяйстве растущих задач по необходимости ставит систему местных финансов в довольно трудное положение.

Главное устремление финансовой политики по из'ятию дополнительного миллиарда направлено по линии промыслового налога. Здесь попутно можно привести некоторые данные, которые дадут достаточное освещение намечаемой податной политики.

Податные из'ятия в расчете на одну душу населения составляли в 1925/26 г. 15 руб., в 1928/29 г.—27 руб., а для 1929/30 г. они намечены в размере 35 руб. Но в то же время свободный остаток дохода на одну душу населения составлял в 1925/26 г. 132 руб. в 1928/29 г.—166 руб., а в 1929/30 г.—179 руб. Следовательно, при одновременном усилении роста податных из'ятий свободный остаток дохода неизменно растет. Таким образом, более энергичная податная политика является экономически обоснованной.

В области промыслового налога план 1929/30 г. прежде всего строится на применении принципа однократного обложения. Этот принцип знаменует собой начало серьезной рационализации налогов. Кроме перехода к однократному обложению в области промыслового налога, одновременно делается опыт обложения торгово-промышленного оборота по масштабу оборотов текущего года, между тем как во все предыдущие годы это обложение совершалось по масштабу оборотов прошедшего года. Необходимость этой реформы диктуется соображением о том, что при особенно быстром из года в год росте товарооборота удержание старого масштаба промыслового обложения

означало бы значительное неиспользование всех финансовых возможностей. При проектировке промыслового налога на 1929/30 г. переход к обложению по текущему обороту дает дополнительные ресурсы в размере до 200 млн. руб.

Реформа промыслового налога в сторону однократного обложения и обложение оборота текущего года создают весьма удобную почву для реформы акцизного дохода. Характерной чертой акциза является однократное обложение продукции по размерам производства текущего года. Поэтому промысловый налог, преобразованный на указанных началах, технически почти отождествляется с акцизным налогом. Это отождествление делает весьма легким переход от одной формы обложения к другой. Такой переход был уже испробован в виде опыта в конце 1928/29 г., когда акциз на ткани был преобразован в промысловый налог.

Известно, что для взимания налогов по акцизной системе необходимы два существенных условия. Перое условие заключается в том, что должны быть выбраны предметы потребления широкого спроса. Второе условие заключается в том, чтобы акцизное производство было по возможности сконцентрировано на немногих предприятиях, что удешевляет издержки взимания.

В настоящее время акцизная система облагает 13 видов товаров. Если принять во внимание первое условие акцизного обложения, то не трудно будет понять, почему эти 13 товаров почти целиком входят в состав так называемого бюджетного набора. Отсюда ясно, что технически весьма совершенное обложение социально-политически не могло быть удовлетворительным, так как миллиардная масса акцизного дохода всей своей тяжестью падает на весьма ограниченное количество товаров. После реформы промыслового налога является в высшей степени целесообразным разгрузить предметы бюджетного набора от акцизного обложения и то, что раньше падало на 13 товаров, распределить в той или иной пропорции, сообразуясь с социальной значимостью отдельных товаров, на 113, а может быть и на 213 отдельных товаров. Вследствие такой реформы экономическая база податного дохода нисколько не ослабеет, а, наоборот, можно ожидать дальнейшего укрепления ее, а с точки зрения социального эффекта эта реформа будет приемлемее для социалистического государства, нежели акцизная система старого типа.

Из отдельных акцизов остановимся лишь на акцизе за водку. Общая программа реализации водки в 1929/30 г. должна составить 5.043 тыс. гектолитров против 5.289 тыс. гектолитров прошедшего года. Таким образом, контрольные цифры, 1929/30 г. выдерживают указание пятилетнего плана. Из этих 5,043 тыс. гектолитров 1.353 тыс. будет продано в городе и 3.690 тыс. в селе. Для того, чтобы полностью использовать финансовый эффект этого вида дохода, контрольные цифры предполагали поднять цены столового вина на 4 руб. с 12,3 литра и простого — на 2 руб.

С'езд Госпланов, обсуждавший контрольные цифры 1929/30 г., пошел в этом направлении дальше. Он запроектировал поднять цены на столовое вино на 6 руб., с 12,3 литра и на простое на 3 руб. с 12,3 литра что по подсчетам с'езда должно давать дополнительный доход в размере 50 млн. руб. Равным образом, как Союзный Госплан, так и с'езд Госпланов запроектировали повышение акциза на пиво, что должно дать дополнительных 15 млн. руб. В отношении водки повышение акцизной ставки запроектировано в несколько большем размере, нежели повышение отпусных цен. Это мероприятие допущено для того, чтобы таким маневром из'ять часть прибыли Центроспирта, получающейся вследствие намеченного снижения себестоимости производства.

Из других проблем доходного бюджета 1929/30 г. следует остановиться на плане значительного повышения доходов от государственной и кооперативной торговли. Уже в прошедшем году был сделан опыт продажи некоторых товаров по двойным ценам для того, чтобы удовлетворить повышенный спрос потребителя на предметы, ограниченные лимитами нормировочного снабжения. На будущий год этот опыт в фискальных целях нужно будет расширить. Предположено реализовать по двойным ценам целый ряд товаров, находящих себе повышенный спрос на рынке и, таким образом, обеспечить дополнительный доход в пределах 170 — 300 млн. руб. Разница этих предельных цифр обусловлена различием в списке и количестве тех товаров, которые будут продаваться по двойной цене.

Наиболее сложной и трудной задачей доходного бюджета является прежде всего займы. При анализе займовой практики последнего времени обнаружилось, что широко практиковавшийся способ извлечения запасных капиталов государственных и кооперативных предприятий при помощи 8% займа приводит к достаточно сложной бухгалтерии. Между тем одной из задач финансовой реконструкции и рационализации является возможное упрощение всей финансовой механики. Между прочим предполагается в недалеком будущем провести так называемую унификацию всех платежей промышленности в бюджет. На почве этого стремления появилась мысль отказаться от системы 8% займа, как средства из'ятия резервных капиталов. Контрольные цифры 1929/30 г. уже учитывают этот маневр и переводят то, что ранее изымалось при помощи 8% займа, в разряд неподатных доходов бюджета, получаемых в результате из'ятия бюджетом промышленных и торговых прибылей. Этот переход, во-первых, сокращает размеры общей займовой программы; во-вторых, устраняет излишнее мажорирование государственного долга и, в-третьих, устраняет ненужные расходы по оплате и по погашению 8% займа. Таким образом, займовая программа в контрольных цифрах представляет собой чистые цифры, характеризующие действительное из'ятие, при помощи займов, ресурсов одного сектора другим. Общая программа займов 1929/30 г. запроектирована в сумме 1,250 мрд. руб.

Бюджет записывает себе в качестве выручки по этой программе 950 млн. руб. Разница между этими цифрами в 300 млн. руб. представляет собой запроектированные размеры возможного сброса займов населением. По программе население должно дать в 1929/30 г. займов на 950 млн. руб. Скидывая с этой суммы сброс, мы получим бюджетную выручку в 650 млн. руб., а остальная сумма приходится на долю сберегательных касс (210 млн. руб.) и кооперации (90 млн. руб.). В займовой программе наиболее трудным пунктом является расчет на извлечение 250 млн. руб. из деревни. Экономически такой рассчет совершенно оправдан. Он превосходно укладывается в систему баланса спроса и предложения, но технически распространение столь крупной суммы займов в деревне, превышающей программу прошлого года на 195%, представляет собой задачу величайшей трудности, и эта задача потребует не только от финансового, но и от всего советского аппарата и всей советской общественности больших усилий и напряжения.

С'езд Госпланов, обсудив программу государственных займов 1929/30 г., не только признал ее необходимой и возможной для осуществления, но добавил, сюда еще 75 млн. руб., предполагается, что дополнительные 75 млн. руб., равным образом, должны быть размещены среди деревенского населения. Таким образом, с'езд Госпланов еще более подчеркивает необходимость широкой работы среди деревни. Равным образом, с'езд Госпланов постановил следующее: прибавляя к расчетам Госплана 10 млн. руб. по промысловому налогу, с'езд подчеркивает, что в будущем году работа органов Наркомфина во взимании налогов должна быть особенно активной и поэтому к предложенным Союзным Госпланом 40 млн. руб. за счет более энергичной работы органов Наркомфина с'езд присоединил на тех же основаниях 10 млн. руб.

Следует здесь сказать два слова о 90 млн. займе у кооперации. Необходимость этого займа об'ясняется тем соотношением расхода и дохода кооперативного плана, о котором было сказано выше. Мы находим, что займовый метод из'ятия в данных условиях является наиболее целесообразным.

III

Обращаясь к расходной стороне единого государственного бюджета, нужно сказать, что прирост нетто-бюджета составит 2.004 мрд. руб. Эти 2 мрд. руб. направляются расходным бюджетом по следующим адресам: на финансирование народного хозяйства из бюджетного прироста направляется 1.148 млн. руб. или 57,4% всего прироста бюджета, при чем на сельское хозяйство из этой суммы будет направлено 282 млн. руб. и на промышленность 355 млн. руб. Таким образом, приведенные цифры обнаруживают совершенно ясно и наглядно главное устремление бюджета к всемерному обслуживанию индустриализации народного хозяйства. Социально-культурные

расходы поглощают из 2 мрд. руб. прироста 176 млн. руб. или 9%. Очень скромная доля социально-культурных доходов в этом приросте об'ясняется тем, что социально-культурная программа свое главное удовлетворение находит по линии местных финансов. Местные же финансы получают из общего прироста государственно-бюджетных ресурсов 396 млн. руб. или 20% прироста государственных бюджетных средств. Наиболее скромную порцию из всего прироста бюджетных ресурсов получают общегосударственные расходы в том числе и оборона. На их долю из 2 мрд. руб. выпадает 165 млн. рублей или 8%.

В дальнейшем изложении мы остановимся только на тех расходах единого госбюджета, при помощи которых наполняются ресурсами отдельные отрасли народного хозяйства.

План бюджетного финансирования народного хозяйства в 1929/30 г. представлен в следующей таблице:

Финансирование народного хозяйства (млн. руб.)

	1928/29 г.	Контрольные цифры 1929/30 г.	Разность	Второй год пятилетки	Контр. цифры против 5-летн. плана
Сельское хозяйство	348	630	282	353	277
Водное хозяйство	39	120	81	65	55
Промышленность	970	1.325	355	1.090	235
Заем хозяйств. восстановления	28	65	37	62	3
Электрификация	186	300	114	225	75
Торговля и кооперация	270	350	80	272	78
Центр. Коммунальный Банк	62	150	88	100	50
Транспорт	770	1.204	434	1.018	186
Связь	49	79	30	57	22
Прочие	89,3	49	— 40	62	— 13
Всего	2.811,3	4.272	1.461	3.310	962

Интересно отметить, что второй год пятилетнего плана намечал повышение расходов по финансированию народного хозяйства против первого года в размере 499 млн. руб. Контрольные же цифры 1929/30 г. эту наметку пятилетнего плана почти утраивают и дают увеличение данного расхода на 1,461 мрд. руб. Таким образом, 1 мрд. руб. дополнительных бюджетных из'ятий уходит целикои на увеличение ассигнований по финансированию народного хозяйства.

Необычайно сильное увеличение бюджетных расходов на финансирование народного хозяйства приводит к тому, что сальдо расчетов между бюджетом и промышленностью сильно изменяется против наметки второго года пятилетки в пользу промышленности.

Необычайно сильное увеличение финансирования ставит на очередь вопрос о внутренних соотношениях в системе единого государственного бюджета.

Так как главное наростание в области бюджета идет по линии финансирования отдельных хозяйственных планов, то разумеется,

по этой причине растут расходные бюджеты как Союза, так и союзных республик. Старые рамки бюджетов союзных республик при наличии новых увеличенных хозяйственных планов приводят к тому, что союзные республики в 1929/30 г. по необходимости сталкиваются с большими дефицитами. Республики планируют свои бюджетные доходы, считая по старым нормам, а расходы они предусматривают на основании новых планов. Поэтому в их бюджетах появились

Баланс расчетов промышленности и государственного бюджета (млн. руб.)

	1928/29 г.	1929/30 г.
Изъятия:		
Подоходный налог	76	104
Отчисления прибылей	303	433
„ резервных капиталов	138	142
Всего:	517	679
Расходы бюджета на промышленность	850	1.150
А. Сальдо в пользу промышленности	333	471
Расходы по финансированию промэкспорта	100	120
„ по электрификации	186	300
„ на другие виды промышленности	120	175
Б. Полное сальдо в пользу промышленности	739	1.066

огромные дефициты, в общей сложности превышающие 500 млн. руб. Естественно, когда республики пересчитают свои доходы на основании мероприятий Госплана, обеспечивающих дальнейшие бюджетные изъятия в 1 мрд. руб., то их дефициты значительно сократятся, но совершенно они не исчезнут.

Для покрытия этих дефицитов можно применить два метода.

Первый метод мог бы свестись к тому, чтобы те расходы или часть расходов, которые вызываются расширением программы финансирования отдельных отраслей народного хозяйства, принять на общий союзный счет.

Второй метод мог бы заключаться в том, чтобы часть союзных ресурсов временно, впредь до пересмотра закона о бюджетных правах союзных республик, была передана в распоряжение союзных республик.

Из этих двух методов покрытия дефицитов союзных республик второй метод лучше. Он гарантирует более точное отражение бюджетами союзных республик отдельных сторон их хозяйственной жизни и их хозяйственных планов.

Этот пример с бюджетами союзных республик лучше всего выражает необходимость принципиального пересмотра закона о бюджетных правах. Этот пересмотр должен дать как количественные изменения в структуре единого государственного бюджета, так и

качественные его изменения, которые будут продиктованы проведением широкой программы реконструкции и рационализации всей финансовой системы.

Говоря о бюджете союзных республик, следует вспомнить об обширной области местных финансов. Местные финансы тесно и органически связаны с единым государственным бюджетом, а всего более с бюджетами союзных республик. Поэтому, когда речь заходит о реформе закона о бюджетных правах Союза и союзных республик, то одновременно нельзя не коснуться вопроса о пересмотре положения о местных финансах.

Нам думается, что вопрос о реформе отношений между Союзом и союзными республиками должен самым тесным образом сплестись с вопросом о пересмотре системы местных финансов не только с точки зрения увеличения доходов местных финансов, как это мыслилось совсем недавно, а, главным образом, с точки зрения большей согласованности отношений между тремя бюджетными сферами на почве осуществления задач пятилетнего плана. Кроме того, произведенное районирование всего Союза, равным образом, подчеркивает неизбежную необходимость пересмотра всей конструкции местных и республиканских финансов.

Современное положение местных финансов представляется в достаточно удовлетворительном виде. В 1928/29 г. в области местных финансов целиком был выполнен тот план, который был намечен контрольными цифрами соответствующего года. Но присматриваясь к отдельным частям местных финансов и к отдельным районам, мы наблюдаем, что в некоторых местах при количественном выполнении всего плана наблюдаются качественные осечки. Кроме того, в плане строительства в области школ и в других культурных областях, ведаемых местным бюджетом, мы наблюдаем частичное не выполнение плана, потому что силы и средства местного бюджета оказались в отдельных пунктах страны бессильными перед напряженностью положения. Общая финансовая система идет на помощь местному бюджету, и эта помощь идет по трем направлениям. Прежде всего, местный бюджет получает от государственного бюджета целевые ссуды, или так называемые субвенции. Второй метод заключается в том, что государственный бюджет просто на-просто покрывает дефициты отдельных местных бюджетов в форме так называемых бюджетных дотаций. И, наконец, третий метод заключается в том, что союзные республики за счет ресурсов местного бюджета образуют фонды регулирования. За счет их они пополняют дефициты наиболее отсталых районов.

Но совокупность всех этих трех методов в 1928/29 г. не смогла все-таки устранить некоторые перебои в выполнении намеченного плана в области местного строительства.

Это одно обстоятельство уже подчеркивает лишний раз необходимость пересмотра всей системы местных финансов. Местный

бюджет играет огромную роль в жизни СССР. На местный бюджет возложено ответственное задание обслуживания социально-культурных потребностей страны. Это можно видеть из следующей таблицы, которая рисует картину удовлетворения социально-культурных потребностей за счет государственного и местного бюджетов.

Социально-культурные расходы (в млн. руб).

	Гос. бюджет	Местный бюджет	Всего
1928/29 г.	461	1.024	1.485
1929/30 г.	637	1.393	2.030
	+176	+369	+545

Таблица показывает, что общий план в области социально-культурных расходов повышается на 545 млн. руб., что дает прирост в 36,8%. Таким образом, удовлетворение социально-культурных потребностей в 1929/30 г. дает более высокий процент прироста, нежели общий прирост бюджетных ресурсов по свободному бюджету (34,5%). Итти дальше этих наметок трудно, так как местный бюджет, помимо социально-культурных расходов, обязан производить целый ряд других расходов, равным образом, имеющих большой удельный вес в жизни страны. Напряженность по линии социально-культурных потребностей угрожает тем, что потребности коммунального хозяйства и внешнего благоустройства городских поселений могли бы существенно пострадать и отстать об общего хода экономической жизни и от тех задач, которые, главным образом, ставит городам быстро развертывающийся темп индустриализации.

Подводя итоги всему сказанному, мы можем в заключение привести сводную таблицу расходов финансового плана, которая отчетливо и ясно покажет направление всех финансовых ресурсов по отдельным участкам хозяйственного и социально-культурного фронтов.

Финансовый план — нетто

	1928/29 г.		1929/30 г.		Прирост в %
	млн. руб.	удельный вес	млн. руб.	удельный вес	
Сельское хозяйство, лесное хозяйство и ирригация	1.207	10,7	2.724	15,9	125,0
Промышленность и электрификация	2.917	25,7	4.127	24,0	42,0
Транспорт и связь	1.172	10,4	1.784	10,4	53,0
Торговля и кредит	575	5,1	894	5,2	56,0
Коммунальное и жилищное хозяйство	716	6,3	1.213	7,1	70,0
Прочие отрасли народного хозяйства	360	3,2	972	5,7	170,0
Итого . . .	7.032	61,4	11.724	67,5	67,0
Социально-культурные потребности	2.753	24,0	3.772	21,9	37,0
Общегосударственные расходы .	1.662	14,6	1.712	9,9	6,0
Всего . . .	11.447	100,0	17.208	100,0	50,0

Группа отраслевых народнохозяйственных планов и по удельному весу в общем финансовом плане, и по размеру прироста в 1929/30 г. получает еще более видную и быстро растущую позицию.

IV

В заключение нашего очерка, по необходимости, из-за обилия материала, несколько схематичного, мы остановимся на кредитном плане.

В общем кредитном плане наиболее интересной частью является план краткосрочного кредита. В этом плане наиболее наглядно скрещиваются взаимные связи и отношения основных частей советской финансовой системы. Содержание этого же плана определяет размеры необходимой эмиссии свежих денег.

Центральной задачей государственного банка в области активной кредитной политики за последние годы является финансирование и контрактация сел.-хоз. продукции (хлеб и сырье). Довольно быстро растет финансирование государственной торговли, по преимуществу внешней. Кредитование промышленности, не считая заготовок сел.-хоз. сырья для промышленности, остается в ограниченных рамках, так как проблема оборотных средств промышленности решается по линии государственного бюджета и мобилизации внутренних ресурсов самой промышленности. Эти основные тенденции нашли отражение и в кредитном плане на 1929/30 г. Общий об'ем средств, потребных государственному банку в 1929/30 г., определяется в 770 млн. руб., не считая необходимого планового резерва и фонда для приобретения валютных ценностей. Указанные 770 млн. рублей следующим образом распределятся по отдельным отраслям народного хозяйства:

Контрактация и закупка хлеба и сел.-хоз. сырья . .	375 млн. руб.		48,6%
Кредитование промышленности	190	„	„ 24,8%
„ торговли	160	„	„ 20,7%
„ кооперации	45	„	„ 5,9%

Значительное оздоровление и увеличение оборотных средств промышленности, а также быстрый рост кооперативных ресурсов вследствие активной паевой кампании приводят к тому, что при росте товарооборота на 26% и промышленной продукции на 22%, прирост краткосрочного кредита определится всего в 16%. Такое отставание в приросте кредита, как элемента общей финансовой системы, было подмечено при составлении общего пятилетнего плана развития народного хозяйства. Эта черта является характерной для планового хозяйства, в котором план заранее учитывает мобилизацию ресурсов внутри отдельных отраслей хозяйства и перераспределение этих ресурсов между отдельными отраслями, минуя государственный банк, через бюджет или банк долгосрочного кредита.

Три основных источника питают ресурсы Государственного банка: собственное накопление, вклады и эмиссия. Кроме того, позиция банка, как кассира бюджетного хозяйства, равным образом,

является источником банковских средств. При построении кредитного плана на 1929/30 г. в вопросе об эмиссии, как элементе банковских ресурсов, конкурировали между собою три позиции. Одни считали, что план должен быть составлен без эмиссии, так как эмиссия должна служить в качестве резерва всего финасового плана и поэтому не должна быть вводима в план. Другие, равным образом, стояли за безэмиссионный план, полагая, что народное хозяйство обойдется наличным количеством денежных знаков в обращении. Наконец, третьи думали, что план должен учесть эмиссию в размерах, вытекающих из анализа всего финансового плана и что она должна в условиях напряженного финансового плана быть не простым резервом, а активной силой, содействующей реализации всего плана. На последнюю позицию встал Госплан, определивший эмиссию будущего года в 380 млн. руб., а если не считать покрываемый эмиссией хлебный резерв, в 230 млн. руб. По второму году пятилетнего плана, не предусматривавшего образование хлебного фонда, эмиссия определялась в 200 млн. руб. Поэтому можно сказать, что, по существу, контрольные цифры намечают эмиссию в меньшем размере, нежели второй год пятилетнего плана, так как 1929/30 г. в контрольных цифрах и по размерам прироста производства, и по об'ему финансового плана далеко вышел за пределы наметок пятилетнего плана. Преуменьшенный об'ем эмиссии об'ясняется тем, что в конце предшествующего года часть задачи 1929/30 г. в области хлебозаготовок и заготовок сырья была уже решена, что и вызвало, главным образом, в 1928/29 г. эмиссию в больших размерах, нежели это было предусмотрено в соотвествующем плане.

Отказ в принятии точки зрения, рассматривающей эмиссию, как резерв всего плана, логически приводит к требованию точного выполнения всех отдельных финансовых и экономических планов.

И. А. Бялый

Баланс, кризисы, роль суб'ективных и об'ективных факторов[1]

Плановый характер советского хозяйства, зависимость каждого отдельного проявления хозяйственной жизни от сознательного воздействия государства на экономику ставит в совершенно особые условия процесс построения теории советского хозяйства. Экономическая действительность, находясь в несравненно большей зависимости от экономической науки, чем во все предыдущие формации, больше чем когда бы то ни было подталкивает последнюю, требуя вместе с тем от нее освещения именно тех проблем, без теоретического разрешения которых невозможно развитие планирования, а следовательно, и развитие советской экономики, как переходной к социализму. Это обстоятельство, стимулируя с громадной силой развитие теории советского хозяйства, делает на ряду с этим неизбежным известную нестройность в ее развитии.

Политическая экономия Маркса представляет собою систему, которая воспроизводит в нашем сознании весь механизм капиталистических отношений и дает ясное представление о роли и значении каждого из его многочисленных элементов. Но стройность марксовой системы, в качестве одной из основных своих предпосылок, имела то обстоятельство, что перед исследователем находился вполне развитый об'ект исследования, позволивший ему начать свой анализ с простейших элементов системы, наиболее отдаленных от поверхности явлений. В условиях переходной экономики столь нормальный (с точки зрения метода исследования) ход теоретической мысли совершенно исключен. Во-первых, поскольку теоретическое освещение закономерностей переходной экономики является необходимым условием ее прогрессивного развития, теория не может ждать полного сформирования об'екта исследования; во-вторых, теоретическое исследование в наших условиях должно стремиться в том или ином разрезе представить закономерности всей системы в целом, ибо только в таком виде теория может быть непосредственно использована политикой. Поэтому, в то время, как у Маркса

[1] Помещая статью тов. Бялого, дающего ценную критику работ т. Бухарина и Базарова. Редакция считает вместе с тем необходимым отметить, что некоторые вопросы, затронутые автором (вопрос о схемах воспроизводства, о стимулах хозяйственной деятельности), недостаточно освещены в статье и требуют дальнейшего обсуждения. Ред.

теория воспроизводства капитала представляет собою одно из заключительных звеньев, которому предшествует изолированный (точнее — абстрагированный) анализ каждой составной части капиталистической системы отношений, у нас она в той или иной степени, в том или ином разрезе выступает в каждой теоретико-экономической дискуссии, под каким бы официальным названием эта дискуссия не проходила. Следовательно, особое положение теоретической экономии в переходный период выражается, между прочим, в том, что теоретическая мысль вынуждена работать над проблемой воспроизводства советского хозяйства в целом тогда, когда частные проблемы советской экономики еще не нашли сколько-нибудь исчерпывающего разрешения.

Но, указанным обстоятельством, влияние специфических особенностей советской экономики на процесс теоретической разработки проблем воспроизводства не ограничивается. Дело в том, что поскольку в наших условиях политика является составной частью экономики, генеральная линия экономической политики становится фактором хозяйственного равновесия. А это обстоятельство приводит к тому, что представление об условиях разновесия находится в теснейшей связи с решением вопроса о характере необходимой генеральной линии экономической политики. Совершенно естественно поэтому, что разные генеральные линии экономической политики должны быть связаны с различными теориями воспроизводства.

В статье, помещенной в №№ 2 и 4 „Планового Хозяйства“ за 1929 г., мы пытались изложить основные элементы учения о воспроизводстве, исходя из той генеральной линии, которую проводит партия. В настоящей статье мы подвергнем рассмотрению теорию В. А. Базарова, сформулированную им в специальной работе.[1]

Прежде чем приступить к разбору работы Базарова, напомним о теории потухающей кривой, защищаемой Базаровым в 1925 г.

Как известно, эта теория представляет собою попытку по-своему разрешить проблему воспроизводства в той хозяйственной обстановке, которая сложилась к 1925 г. Устанавливая определенные закономерности, касающиеся темпа развития всего нашего хозяйства, Базаров (вместе с Громаном) пытался разрешить основной вопрос накопления „общественного капитала“. Однако, в руках Громана и Базарова проблема воспроизводства оказалась исключительно технико-производственной проблемой. Марксистской критике никакого труда не стоило доказать, что поскольку авторы теории потухающей кривой абстрагировались от социально-экономических моментов, их выводы являются ошибочными даже с чисто производственной точки зрения. На вопросах темпа развития промышленности, денежного обращения, кредита, т.-е. на конкретных вопросах хозяйственной динамики, было доказано, что

[1] В. А. Базаров. „Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР. ГИЗ.

проблемы воспроизводства, как проблемы одной технической увязки отраслей и расширения производства материальных благ, в природе не существует. На конкретном процессе развития советского хозяйства была лишний раз подтверждена правильность того положения Маркса, что воспроизводство материальных благ есть лишь одна из сторон процесса воспроизводства, что вместе с ним происходит воспроизводство определенной системы экономических отношений и что обе эти стороны расширенного воспроизводства находятся между собой в постоянной зависимости и взаимодействии. Тогда же было подчеркнуто, что это положение, обязательное для всякой экономической формации, особенно важно учитывать при анализе переходной экономики, с присущей ей, исключительной динамичностью не только производительных сил, что имеет место и при капитализме, но и производственных отношений.[1]

Но несмотря на то, что полемика вокруг теории потухающей кривой была по существу полемикой по вопросам воспроизводства в хозяйстве СССР, авторы этой теории всячески пытались сузить рамки вопроса до отдельных „эмпирических законностей“, устанавливаемых ими только для области материального процесса производства. Тем большего внимания заслуживает попытка В. А. Базарова развить свою теорию потухающей кривой в аспекте соответствующей теории воспроизводства в капиталистическом хозяйстве и хозяйстве СССР.

* * *

В своей книге Базаров делает попытку использовать учение Маркса о воспроизводстве и кризисах в капиталистическом хозяйстве для анализа соответствующих проблем в хозяйстве СССР. При этом, основным его положением является утверждение, что схемы простого и расширенного воспроизводства общественного капитала, изложенные Марксом во втором томе, должны быть положены в основу борьбы за равновесие в нашем хозяйстве. Автор тратит чрезвычайно много труда на то, чтобы путем детализации этих схем, доказать их необходимость для построения и реализации баланса нашего народного хозяйства.

Но выдвинув положение о реальности марксовых схем в условиях СССР, Базаров обращает внимание на то обстоятельство, что при капитализме воспроизводство совершается при абсолютном господстве одной (капиталистической) формации, в то время как у нас, из пяти, образующих нашу экономику, формаций ни одна не способна играть столь господствующую роль. Из этого положения он выходит путем своеобразного использования марксова метода абстракции: Маркс абстрагировался от всех докапиталистических формаций и рассматривал проблему воспроизводства в условиях

[1] См. Р. Е. Вайсберг. „Советское хозяйство, как переходное“. „Плановое Хозяйство“. № 9 за 1925 г.

чисто капиталистических отношений. Желая следовать этому же методу, Базаров из всех пяти укладов, в совокупности образующих нашу экономику, оставляет только социалистический, применительно к которому и доказывает правильность своей теории баланса.

В этом методе кроется абсолютно неправильное понимание воспроизводства в советском хозяйстве, но вместе с тем и исключительно примитивное толкование марксовой теории воспроизводства и, в частности, схем второго тома.

Остановимся, вкратце на втором вопросе.

Туган-Барановский и Р. Люксембург имели то общее, что одинаково неправильно понимали схемы расширенного воспроизводства Маркса. И тот и другая относились к ним как к цифровому выражению равновесия между отраслями в процессе расширенного воспроизводства материальных благ. Эту вульгаризацию марксовых схем очевидно допускает и Базаров, поскольку он считает возможным на их основе решать проблему воспроизводства при социалистических отношениях. Наличие расширяющегося производства материальных благ, наличие широкого разделения труда и необходимость увязки между отряслями производства — эти черты, присущие всякой экономической формации, очевидно, по мнению Базарова, исчерпывают собою содержание марксовых схем расширенного воспроизводства. Только при таком понимании схем возможно распространять их на социалистическое хозяйство.

Одной из основных отличительных черт схем второго тома является то обстоятельство, что отрасли, между которыми должно быть сохранено равновесие, делятся на C + V + m. Уже одна эта ценностная формулировка отраслей исключает внеисторический характер схем. Она показывает, что в схемах речь идет не о простом факте сохранения равновесия между отраслями в процессе расширения производства, а о таком равновесии, которое достигается на фоне превращения рабочей силы в товар, на фоне борьбы классов в процессе распределения производимого продукта, борьбы, которая определяет не только размер прибавочного продукта, но и степень его накопления. Далее совершенно ясно, что Маркс, разбивая все общественное производство на два подразделения, не случайно отдельно выделил отрасли, производящие материальные элементы дохода и отдельно — отрасли, производящие материальные элементы постоянного капитала. Р. Люксембург такое деление об'ясняет желанием Маркса оттенить внеисторический, вечный момент процесса воспроизводства, заключающийся в необходимости для всякой общественной формации часть общественного дохода производить, как средства производства для следующего производственного периода. Но при этом Р. Люксембург игнорирует значение данной Марксом ценностной формулировки каждого подразделения. Бесспорно, что изложенная Р. Люксембург задача, является действительно внеисторической, вечной задачей. Но в своих схемах

Маркс показал, что осуществление этой вечной задачи в условиях капиталистических отношений встречает постоянные препятствия со стороны противоречий капиталистической системы и что препятствия эти возникают именно из того, что общественное производство делится не на средства производства и работников, а на постоянный капитал, переменный капитал и прибавочную стоимость. Таким образом Маркс в своих схемах сформулировал основные социально-экономические отношения, на фоне которых в условиях капитализма происходит достижение равновесия в процессе расширенного воспроизводства и основные социально-экономические противоречия, которые постоянно мешают достижению равновесия.

Еще яснее историчность марксовых схем выступает в связи с вопросом о так называемом недопотреблении.

Туган-Барановский об'явил, что не найдя почвы в своих собственных схемах расширенного воспроизводства, Маркс в теории кризисов, об'ясняя причины последних недопотреблением, встал по существу на позиции Сисмонди; Р. Люксембург так же как и Туган поняла схемы расширенного воспроизводства и обвинила Маркса в полном игнорировании момента потребления. В действительности же Марксу было чуждо понимание недопотребления в том виде, как оно фигурировало у Сисмонди, и вместе с тем проблема потребления, в противоположность мнению Р. Люксембург, играет решающую роль в его теории воспроизводства и с достаточной ясностью поставлена в схемах второго тома.

Маркс никогда не считал, что причиной кризиса является низкий уровень потребления. Все цитаты, выписанные Туганом для подтверждения этой клеветы на Маркса, говорят не о низком уровне потребления, как причине кризиса, а об узком базисе, на котором основываются условия потребления, что при элементарно-добросовестном отношении к делу смешивать довольно трудно. Причиной кризисов, по Марксу, является противоречие между условиями производства и условиями реализации прибавочной стоимости. Интересы производства прибавочной стоимости требуют максимального сокращения заработной платы, следствием чего является увеличение накопления, т.-е. увеличение той части общественного дохода, которая превращается в постоянный капитал для следующего производственного периода; в интересах реализации произведенной прибавочной стоимости, наоборот, является рост заработной платы и следовательно увеличение размеров общественного дохода, который реализуется, как доход, а не превращается в постоянный капитал. Это — внутреннее противоречие, подготовляющее окончательный взрыв капаталистической системы, периодически реализуется в экономических кризисах. Но в противоположность мнению Сисмонди, оно реализуется отнюдь не только в форме недопотребления. Напротив, у Маркса имеются прямые указания на то, что, когда увеличение накопления в такой мере усиливает спрос

на рабочую силу, то происходит значительное увеличение реальной заработной платы, кризис делается неизбежным. Кризис здесь об'ясняется не низким уровнем потребления, ибо как-раз к моменту его наступления заработная плата находилась на наиболее высоком уровне; он об'ясняется здесь узким базисом, на котором покоятся условия потребления в капиталистическом обществе. Когда заработная плата низка, создается пониженный спрос на продукты людского потребления; но когда она выходит за пределы того узкого базиса, который обусловлен законами капиталистического накопления, это последнее (накопление капитала) прекращается и наступает кризис. Нашла ли отражение в схемах второго тома такая трактовка недопотребления?

Кто ищет в марксовых схемах „недопотребление" в сисмондистском духе, тот, разумеется, его там не найдет. Но он, в противоположность мнению Тугана, не найдет его и в марксовой теории кризисов. Однако, абсолютно неправильно было бы из этого обстоятельства делать тот вывод, что схемы вовсе игнорируют момент потребления. Основное противоречие капитализма, противоречие между условиями производства и условиями реализации прибавочной стоимости, которое и создает узкий базис для потребления, не только лежит в основе теории кризисов Маркса, но зафиксировано уже и в схемах второго тома. Формулировка каждого отдельного подразделения фиксирует уже существование рабочей силы, как товара, борьбу за уровень заработной платы и зависимость накопления капитала от исхода этой борьбы. С другой стороны, разбивка всего общественного производства на два подразделения по такому принципу, что одно (I) производит только материальные элементы постоянного капитала, а другое (II)—только материальные элементы дохода фиксирует, что основной задачей и вместе с тем, основной трудностью расширенного капиталистического воспроизводства является задача превращения части общественного дохода, создаваемого рабочим классом, в постоянный капитал, принадлежащий классу капиталистов, для осуществления чего необходимо удержание потребления рабочего класса в весьма узких рамках. Таким образом, марксовы схемы представляют собою ни что иное, как фиксирование узкого базиса, на котором покоятся условия потребления в капиталистическом обществе, как основной трудности в деле достижения пропорциональности в процессе расширенного воспроизводства. И совершенно ясно, сколь хорошо понял Маркса В. Базаров, если он считает возможным схему расширенного воспроизводства положить в основу борьбы за пропорциональность в социалистическом хозяйстве.

* * *

Мы указывали выше, что попытка распространения схем второго тома на советское хозяйство при абстрагировании от всех

элементов последнего, кроме социалистического, грешит как вульгаризацией схем второго тома, так и совершенно неправильным подходом к изучению советской экономики. Вопрос о вульгаризации схем второго тома мы рассмотрели. Остановимся на втором вопросе.

Воспроизводство материальных благ происходит у нас в оболочке чрезвычайно сложных и противоречивых производственных отношений. Наличие капиталистического круга воспроизводства и постоянная борьба его против социалистического круга воспроизводства представляет собою постоянно действующее внутреннее противоречие нашей экономики, оказывающее отрицательное влияние на условия производства материальных благ. Естественно, что построить учение о воспроизводстве, значит, прежде всего, научно учесть влияние на воспроизводственный процесс основного социально-экономического противоречия нашего строя. Базаров же взял схемы Маркса, выхолостил из них всякий социально-экономический смысл, затем предположил, что в нашей экономике нет ни капиталистических отношений, ни отношений простого товарного производства и, освободившись таким образом от усложняющих анализ обстоятельств, показал с тщательностью, заслуживающей лучшего применения, как нужно строить и реализовать баланс советского народного хозяйства на основе марксовых схем воспроизводства. При такой постановке вопроса народное хозяйство превращается в сумму отраслей производства, требующих взаимной увязки в количественном отношении. С этой точки зрения совершенно правильно будет наше хозяйство рассматривать как социалистическое, а социалистическое хозяйство, как капиталистическое, и употреблять для анализа закономерностей социалистического хозяйства без всяких изменений схемы, построенные Марксом в результате анализа специфических особенностей капиталистической системы отношений.

Изложенное отношение к проблеме воспроизводства нашло вполне соответствующее дополнение во взглядах автора на проблему кризисов в нашем хозяйстве.

Единственной специфической чертой экономики СССР, которую Базаров признает, является принципиальное изменение положения рабочего класса. Это изменение он кладет в основу своего учения о кризисах в СССР и, как увидим ниже, на основании его строит понятие цикла без кризиса.

„Но те новые общественные отношения, которые установились после октября 1917 г., радикально изменили экономическое положение рабочей силы как в городе, так и в деревне и сделали восстановление довоенного уровня и типа хозяйственного равновесия неосуществимым. До войны у нас, как и во всем капиталистическом мире, народное хозяйство страдало от противоречия между общественным характером производства и частно-капиталистическим присвоением; несмотря на весьма скромный по своей абсолютной величине уровень развития производительных сил, промышленная

продукция имела постоянную тенденцию к относительному перепроизводству, к расширению за пределы до-нельзя сжатого платежеспособного спроса основной массы населения. В настоящую „переходную эпоху“ нашей системе хозяйства присуще прямо противоположное противоречие между довольно быстро растущим платежеспособным спросом трудящихся масс и недостаточным для удовлетворения этого спроса ростом общественных производительных сил. Если над старым миром дамокловым мечом нависает кризис перепроизводства, то горизонты советского хозяйства то и дело омрачаются угрозою товарного голода, кризиса недопроизводства.[1]

В капиталистическом хозяйстве кризисы перепроизводства возникают вследствие недопотребления, т.-е. вследствие своеобразного взаимоотношения между заработной платой и производительностью труда. Реальная заработная плата определяется ценностью рабочей силы и следовательно в основном остается неизменной. Накопляемая же прибавочная стоимость через повышение органического строения капитала, ведет к систематическому росту производительности труда. В результате этого, в процессе накопления капитала, доля рабочего в общей сумме производимых им продуктов систематически сокращается, что означает недопотребление, периодически реализующееся в кризисах. Кризисы перепроизводства в капиталистическом хозяйстве являются таким образом следствием закона отставания заработной платы от производительности труда.

В советском хозяйстве, вследствие изменения положения рабочего класса, относительной прибавочной стоимости нет, а следовательно и нет закона отставания заработной платы от производительности труда. Наоборот, поскольку рабочий класс оказался хозяином производства, у нас образовалась противоположная тенденция — отставания производительности труда от заработной платы. Таким образом, когда хозяином производства является капиталист, не представляющий собою основного потребителя, создается тенденция к перенакоплению; когда же хозяином становится сам рабочий класс, который является одновременно и основным потребителем, образуется не менее сильная тенденция к недонакоплению, за счет увеличения потребления. Поэтому если обязательным спутником капитализма являются периодические кризисы **перепроизводства**, то законом нашего хозяйственного строя является **недопроизводство**, т.-е. **товарный голод**. Правда, наше хозяйство от капиталистического отличается не только национализацией основной массы средств производства, но еще и наличием планового начала, при помощи которого тенденция к „перепотреблению“ могла бы быть устранена. Но Базаров в рассуждения по этому поводу не вдается и „перепотребление“, т.-е. товарный голод признает таким же стихийным законом в нашем хозяйстве, как кризисы перепроизводства при капитализме.

[1] Стр. 98—99.

„Обычно возникновение товарного голода об'ясняют теми или другими частными ошибками экономической политики последнего времени. Я менее всего склонен отрицать наличность такого рода ошибок. Но если бы даже никаких ошибок не было, если бы наши директивные органы были всеведущи и идеально предусмотрительны, товарный голод был бы лишь несколько смягчен в своих наиболее острых проявлениях, но не устранен в корне. Пока мы находились на очень низком уровне развития производительных сил, создать стойкое относительное равновесие между продукцией и платежеспособным спросом можно было только капиталистическими методами органичения этого последнего. Поскольку же наш хозяйственный и политический строй исключает или по крайней мере существенно ограничивает эти методы, постольку в рассматриваемую эпоху тенденция к относительному недопроизводству должна быть признана столь же характерной для нашей социальной структуры, как тенденция к перепроизводству для капитализма.[1]

Таким образом, противоречием капитализма является отставание заработной платы от производительности труда, противоречием нашего хозяйственного строя — напротив, отставание производительности труда от заработной платы. При чем, поскольку заявляется, что влияние этого противоречия проявляется совершенно независимо от успехов экономической политики, очевидно предполагается, что оно действует столь же стихийно, как и противоречие капиталистического строя.

В изложенной теории воспроизводства и кризисов в хозяйстве СССР сказывается не только вульгарно-материалистический подход к политической экономии, о чем говорилось выше, но и враждебное отношение к советской системе хозяйства. Единственно новое, что Базаров нашел в нашей экономике — это такое изменение положения рабочего класса, которое ведет к постоянной задержке процесса расширенного воспроизводства, т.-е. к задержке в развитии производительных сил. Поскольку же положительной роли планового начала Базаров не признает, получается, что на смену отрицательным моментам капиталистических отношений явились специфически-советские отрицательные факторы, а капиталистические стимулы прогресса (конкуренция) в советском хозяйстве устранены, но ничем не возмещены. Наличие в нашей экономике капиталистического сектора и его стремление установить господство над сектором простого товарного производства Базаров, как мы видим, совершенно не учитывает в своей теории воспроизводства и кризисов. Это обстоятельство лишний раз показывает, что трудности расширенного воспроизводства он видит не в противодействии социалистическому строительству со стороны капиталистических элементов, а в том, что рабочий класс стал хозяином средств производства.

[1] Стр. 99.

Нетрудно догадаться, как представляет себе Базаров пути преодоления противоречия нашей экономики. Борьба против капиталистического сектора и уменьшение его удельного веса не может, по Базарову, служить средством преодоления трудностей воспроизводственного процесса; коллективизация крестьянского хозяйства, как путь к национализации средств производства в сельском хозяйстве, по Базарову, должна не ослабить, а усугубить об'ективные хозяйственные трудности, ибо, согласно его теории противоречие нашей экономики и возникающие из него хозяйственные трудности, и даже кризисы проистекают именно от господствующего положения рабочего класса. Если наша партия путь ликвидации об'ективных возможностей экономических кризисов видит в борьбе против капиталистического сектора и в постепенном обобществлении простого товарного производства, то для Базарова, очевидно, единственным средством борьбы с хозяйственными трудностями является ликвидация диктатуры пролетариата.

Свои теоретические соображения по вопросу о воспроизводстве и кризисах Базаров использует в целях подкрепления его старой теории потухающей кривой. В свое время, кроме методологических соображений, выдвинутых против этой теории (о которых мы выше упоминали) указывалось также на весьма слабую ее обоснованность со стороны конкретной действительности. В частности, обращалось внимание на то, что темп роста промышленной продукции в 1924/25 г. находится в диаметральном противоречии к основным положениям этой теории.

С точки зрения методологической Базаров свою старую позицию, в рассматриваемой книге довел, как говорится, до логического конца, развив как бы вместо ответа на аргументы его критиков, свои исходные методологические положения до теории воспроизводства и кризисов. Что касается фактов конкретной действительности, то Базаров считает необходимым счесться лишь с неприемлемым для его теории темпом развития промышленности в 1924/25 г. Производит он это следующим образом. Весь период восстановительного процесса он делит на два цикла: с начала нэпа до кризиса 1923 г. и с момента ликвидации последнего до окончания восстановительного периода и удовлетворяется тем, что в пределах каждого цикла теория потухающей кривой остается в силе.

„Таким образом, „большой цикл" пятилетнего восстановительного процесса расслоился на два подцикла: первый начинается во второй половине 1920/21 г. и оканчивается на рубеже 1923 и 1924 календарных годов; второй об'емлет календарный 1924 г. и два последующие хозяйственные года".[1]

„Как видим, динамика восстановительного процесса по формальной структуре своей, аналогична „автокаталитической" реакции

[1] Стр. 106

а также динамике капиталистической промышленности в тот период, когда эта последняя переходит от депрессии к оживлению при посредстве технической реконструкции, повышающей производительность труда (см. главы IV' и V'). В том и другом случае движение должно носить не равномерно затухающий, а циклический характер, с одним, однако, крупным различием: так как наша государственная система кредита принципиально отлична от частно-капиталистической, то можно думать, что во второй своей части цикл восстановительного процесса обойдется без типичной для капиталистического цикла фазы ажиотажа и „расцвета", раздувающего об'ем продукции на приостановленном в своем росте или даже деградирующем уровне, с нарушением нормальных пропорций между отдельными отраслями хозяйства. А раз это так, восстановительный цикл должен более или менее плавно подвести продукцию к новому уровню без того кризиса на финише, который при капитализме является неизбежным последствием и стихийным разрешением противоречий, накопленных в течение фазы „расцвета".[1]

Восстановительный период содержит в себе таким образом два законченные цикла, но второй цикл оказывается без кризиса, вследствие особого положения кредита в условиях СССР. Но в таком случае непонятно, почему автор отрезок времени с 1924 г. по конец восстановительного периода об'являет циклом? Цикл ведь понятие определенное, включающее в себя стихийный переход от под'ема к кризису. С другой стороны, представляется чрезвычайно странной та исключительная роль, которую Базаров в данном случае отводит кредиту в деле образования кризиса. Мы видели выше, что при общем решении вопроса Базаров не считал явления кредита основной причиной кризисов. Сам автор наличие двух законченных циклов в течение восстановительного периода обосновывает следующим образом:

„Каковы причины этого усложнения формы восстановительного процесса? Вызвано ли расщепление последнего на два цикла случайно комбинацией кон'юнктурных условий или к тому имеются более глубокие основання? По нашему мнению, двуциклический тип движения предрешался всей структурой нашей пореволюционной экономики и был лишь несколько модифицирован явлениями „случайного" и чисто кон'юнктурного порядка. Дело в том, что реконструкция методов использования рабочей силы, составляющая основу нашего восстановительного процесса, не могла быть проведена до конца в обстановке 1920, 1921 и 1922 гг., когда государственный бюджет опирался на „эмиссионный налог", а стремительно падающая валюта, с одной стороны, исключала возможность правильного финансирования промышленности на основе банковского кредита и, с другой стороны, делала крайне проблематичными всякого рода

[1] Стр. 102—103.

калькуляции издержек производства и выручки. При таких условиях, при отсутствии элементарнейших предпосылок учета производительных сил, никакая серьезная рационализация их была, конечно, невозможна". [1]

Все дело, следовательно, сводится к уровню производительности труда. С начала нэпа до кризиса 1923 г. темп роста промышленной продукции испытывал потухающую кривую. В 1924/25 г., благодаря проведенной денежной реформы, производительность труда делает сильный скачок вверх, вследствие чего и темп роста промышленной продукции в этом году значительно превышает темп предыдущих лет. Таким образом, фактором, определившим движение кон'юнктуры, явился уровень производительности труда. Его повышение сделалось началом нового цикла.

Это до чрезвычайности странное положение вполне согласуется и даже непосредственно вытекает из представления Базарова о характере и корнях кризисов в хозяйстве СССР. Выше мы указывали, что по Базарову причиной кризисных затруднений в нашем хозяйстве является отставание производительности труда от заработной платы при чем, так как значение планового начала им совершенно игнорируется и действие сформулированного им основного противоречия нашей экономики рассматривается, как стихийный процесс, то и понятно, что рост производительности труда, последовавший после проведения денежной реформы, он рассматривает как временный период под'ема нового цикла. Сменится ли этот под'ем упадком? Да, по Базарову, он должен смениться упадком. Тенденция рабочего класса повышать жизненный уровень до нормы, превышающей уровень производительности труда, ослабит накопление и создаст товарный голод, а постепенное исчарпание восстановительных возможностей сделает невозможным соответствующую компенсацию со стороны восстановительного процесса. Но смена под'ема упадком непримет крутой формы, делающей ее похожей на капиталистический кризис, так как в советском хозяйстве имеет место регулирование кредита со стороны государства. Только таким образом и возможно понять странное утверждение, что второй цикл восстановительного периода, оставаясь законченным циклом, не завершился кризисом и при том только из-за государственного регулирования кредита.

Теория потухающей кривой, подвергшись уточнению, оказалась, таким образом, „оправданной". Доказано, что она подвергалась некоторому нарушению только потому, что в 1924 г. произошло событие (денежная реформа), ослабившее действие основного противоречия советской экономики. Но после создавшегося, вследствие этого обстоятельства, под'ема жизнь снова пошла в строгом соответствии с теорией потухающей кривой. Когда будет новый под'ем,

[1] Стр. 106.

который положит начало третьему циклу, и будет ли под'ем вообще? Из теории Базарова этого нового под'ема не видно, так как она пророчит неспособность нашего хозяйства, после завершения восстановительных тенденций, превзойти довоенный темп накопления при значительном превышении довоенных потребительских норм рабочего класса. Мы видим, таким образом, что защита Базаровым теории потухающей кривой опирается на его теорию воспроизводства и кризисов и вместе с этим представляет собою развитие этой теории. Но так же как и сама теория, это ее „развитие" носит на себе яркую печать примитивизма и вульгаризации.

Теория потухающей кривой является в корне ошибочной потому, что она основана на одностороннем учете факторов из сферы только производительных сил. Наличие к моменту введения нэпа больших запасов неиспользуемого основного капитала оказало, конечно, громадное влияние на темп развития всего нашего хозяйства. Далее, по мере использования этих запасов, т.-е. по мере завершения восстановительных тенденций, происходило весьма серьезное обострение проблемы темпа расширения производства. Но это обострение проблемы расширения производства могло превратиться в систематическое сокращение темпа, т.-е. в развитие потухающей кривой лишь при прочих равных условиях. А поскольку эти прочие условия, т.-е., прежде всего, состояние производственных отношений в переходный период, подвержены особенно частым изменениям, исходить из наличия „прочих равных условий" значит отрицать обратное влияние производственных отношений на производительные силы.

История советского хозяйства представляет собою наиболее сильное подтверждение общеизвестного положения Маркса, что тот или иной темп развития народного хозяйства зависит не от одних только производительных сил, а от характера сочетания последних с производственными отношениями:

а) Во время военного коммунизма имела место деградация производительных сил вследствие того, что мы были вынуждены создать такую систему производственных отношений, которая не соответствовала бы уровню развития производительных сил. б) В период с начала нэпа до кризиса 1923 г. темп развития промышленности сильно отставал от последующих лет, несмотря на то, что запасов основного капитала в этот период было значительно больше, т.-е. состояние производительных сил значительно сильнее благоприятствовало быстрому развитию. Произошло это потому, что в первый период нэпа была крайне слаба регулирующая роль социалистических командных высот и, наоборот, сравнительно сильна роль товарно-капиталистической стихии. Именно такое состояние производственных отношений не позволило провести денежную реформу раньше 1924 г. и заставляло мириться с далеко неполным использованием приевшихся восстановительных возможностей. в) Базаров пророчил, что после

завершения восстановительного процесса, мы обречены на довоенный темп развития, но жизнь это пророчество ни в какой мере не оправдала и именно потому, что реконструированные производственные отношения (ликвидация феодализма в деревне, национализация промышленности и рост, на основе успехов первых лет нэпа, планового начала и вообще влияния социалистических командных высот) в очень сильной мере компенсировало отсутствие восстановительных возможностей.[1]

Базаров пытается спасти свою теорию потухающей кривой (т.-е. удержаться на позиции игнорирования роли производственных отношений) ссылкой на рост производительности труда, происшедший в 1924/25 г. Но для того, чтобы этот рост не противоречил его теории, Базаров должен суметь его об'яснить при помощи этой последней, ибо она ведь решает вопрос о законах темпа развития нашего хозяйства. Но в том то и дело, что без анализа производственных отношений Базаров мог лишь сослаться на денежную реформу, но не мог об'яснить, почему она была проведена в 1924 г., а не раньше. Все перечисленные периоды представляют собою последовательные этапы процесса перерождения экономики диктатуры пролетариата в социалистическую экономику, процесса происходящего путем взаимодействия развивающихся производительных сил и производственных отношений. В свете такой оценки их для нас делается совершенно понятным и более медленный темп развития промышленности после 1924/25 г., чем до него и высокий темп развития нашего хозяйства после завершения восстановительного процесса. Для Базарова же, разумеется, не существует этих этапов врастания в социализм. Прошлое советского хозяйства представляется ему в виде стихийного, циклического использования производственного аппарата, полученного от капитализма, а будущее — в виде чахлого состояния, обусловленного систематическим отставанием производительности труда от уровня потребления.

Таким образом, попытку Базарова включить теорию потухающей кривой в общую теорию воспроизводства и кризисов в хозяйстве СССР следует считать вполне „удавшейся" в том смысле, что в результате получилась стройная теория, основанная на вульгаризации марксового учения о воспроизводстве и кризисах, соединенной с об'ективно (безотносительно к суб'ективным намерениям автора) враждебным отношением к советской системе.

* * *

В „Заметках экономиста" т. Бухарин посвящает один параграф вопросу о природе наших кризисов, при чем в этом параграфе он

[1] См. вышеупомянутую статью т. Р. Е. Вайсберга.

выявляет к схемам второго тома, примерно, такое же отношение, какое[1] мы находим и у Базарова.

Утверждение, что схемы применимы в нашем хозяйстве, да еще с большим правом, чем в другом, свидетельствует о том, что их рассматривают с точки зрения балансовой увязки отраслей. Несмотря на то, что выводы т. Бухарина в отношении природы наших кризисов принципиально отличаются от учения Базарова, неправильное отношение к схемам второго тома не могло не найти в них своего печального отражения.

В самом начале статьи т. Бухарин ставит перед собой задачу ответить на следующие вопросы.

„...Не есть ли „товарный голод" общий закон нашего развития? Не обречены ли мы на периодические или непериодические „кризисы"?... Не суть ли эти „критические" затруднения—железный закон нашего развития"?

Сразу же вслед за этими вопросами, он заявляет:

„В этой, встречающейся и в нашей экономической литературе, постановке вопроса уже заранее заложен определенный порок. Здесь смешиваются две совершенно различные вещи: с одной стороны, отставание — в каждый данный момент — развертывающихся производительных сил от еще более быстро растущих потребностей („спроса" — в широком смысле этого слова), с другой — специфически острая, „кризисная", форма, а именно форма товарного голода (где уже идет речь о спросе платежеспособном). Первое явление выражает лишь тот факт, что общество действительно переходит к социализму, что рост потребностей является непосредственной двигательной пружиной его экономического развития, что производство становится средством и т. д. Совсем другое — моменты кризисного характера, которые нарушают ход воспроизводства. Они могут лежать лишь в нарушении условий экономического равновесия, т.-е. вытекать из неправильного сочетания элементов воспроизводства (включая сюда и момент потребления). „Извращенный" — по сравнению с капиталистическим — характер „кризисов" определяется действительно принципиально новым соотношением между потребностями масс и производством. Но это соотношение не есть развивающийся антогонизм (наоборот, производство догоняет все время потребление масс,

[1] „В переходный период (переходный от капитализма к социализму) классы еще остаются и классовая борьба временами даже обостряется. Но общество переходного периода есть в то же время известное единство, хотя и противоречивое. Поэтому и для этого общества (с гораздо большим, если уж на то пошло, „правом") можно построить, по аналогии со вторым томом „Капитала" „схемы воспроизводства", т.-е. наметить условия правильного сочетания различных сфер производства и потребления и различных сфер производства между собой, или, другими словами, условия подвижного экономического равновесия. По сути дела, в этом и состоит задача выработки народнохозяйственного плана, который все больше и больше приближается к балансу всего народного хозяйства, плана сознательно намечаемого являющегося и предвидением (прогнозом), и директивой одновременно".

идущее впереди, являющееся основным стимулом всего развития), поэтому здесь нет базы для „закона кризисов", для закона неизбежных кризисов. Но здесь могут быть „кризисы", вытекающие из относительной анархичности, т.-е. относительной бесплановости хозяйства переходного периода".

В этой цитате имеется вполне определенный ответ на поставленные вопросы. Однако, в правильности его и убедительности аргументации мы сомневаемся.

С первого взгляда кажется совершенно непонятным, почему это т. Бухарин считает, что в вышеприведенных вопросах „уже заранее заложен определенный порок". Непонятно почему это тот, кто ставит вопрос о товарном голоде, оказывается виновным в смешении „спроса — в широком смысле этого слова" (в смысле потребностей) с платежеспособным спросом. У нас как будто бы считается аксиомой что товарный голод (независимо от его размеров) одними потребностями непосредственно не определяется. Однако, следующие фразы приведенной цитаты свидетельствуют о том, что причиной недовольства т. Бухарина в данном случае, является то обстоятельство, что в его личной концепции потребностям придается особое значение.

В предпоследней фразе т. Бухарин отмечает, что в нашем хозяйстве нет базы для закона неизбежных кризисов. Этот вывод сделан на основании того обстоятельства, что „характер (наших) кризисов" определяется действительно принципиально новым соотношением между потребностями масс и производством, при чем это новое соотношение состоит в том, что „производство догоняет все время потребление масс, идущее впереди, являющееся основным стимулом его развития" (разрядка наша *И. Б.*).

Следовательно, ход рассуждения у т. Бухарина таков:

1 посылка. При капитализме стимулом развития производства является не потребности масс, а частнохозяйственное накопление, вследствие чего (согласно Марксу) создается основное противоречие капитализма, выражающееся в периодических кризисах.

2 посылка. При диктатуре пролетариата основным стимулом развития государственной промышленности является рост потребности масс.

Вывод. Следовательно, при диктатуре пролетариата нет базы для закона неизбежных кризисов.

Первая посылка и вывод т. Бухарина — совершенно правильны. Однако, утверждение, что основным стимулом всего нашего хозяйственного развития является потребность масс, грешит на наш взгляд, тем существенным недостатком, что не критически переносит на переходную экономику стимулы развития социалистического хозяйства. Мы уже не говорим о том, что в капиталистическом секторе потребности не могут служить стимулом развития. Даже в отношении нашей государственной промышленности нельзя приписывать только одним потребностям роль основного стимула

развития. В отличие от капитализма этот момент является, конечно, весьма существенным фактором в развитии нашей государственной промышленности. Однако, вряд ли кто решится утверждать, что осуществляемый в настоящее время темп развития государственной промышленности обусловлен только стремлением государства полнее удовлетворить потребности трудящихся масс. Совершенно ясно и особенно на данном этапе, что условия борьбы с капиталистическими тенденциями в нашей экономике, стремление социалистического сектора установить господствующее влияние на всю переходную экономику, в целях ее социалистической переделки, не в меньшей мере является стимулом развития нашей государственной промышленности, чем отмечаемый т. Бухариным рост потребностей. В конечном итоге, действие обоих стимулов полностью совпадает, ибо ликвидация капиталистических тенденций и осуществление социалистической переделки нашей экономики будут, конечно, сопровождаться гигантским ростом личного потребления. Однако, на переживаемом этапе переходной экономики оба эти стимула не только не сливаются, но иногда испытывают даже известные коллизии. Так осуществляемый в настоящее время темп и тип индустриализации не способствуют нимедленному росту потребления трудящихся и тем не менее являются безусловно необходимыми для успешного продвижения к социализму. Одни интересы непосредственного потребления трудящихся не обусловливают осуществляемый темп (и особенно тип) индустриализации, его можно понять только в том случае, если видеть, что, на ряду с потребностями, стимулом развития нашей промышленности является также борьба против капитализма за социалистическое хозяйство.

Мы видим, таким образом, что вторая посылка не связана с правильным положением об отсутствии в нашем хозяйстве закона неизбежных кризисов. Это положение с очевидностью вытекает из самого факта замены капиталистических отношений переходными. Смазывание же переходных черт нашей экономики, которое т. Бухарин допускает в своей второй посылке, бьет по существу значительно дальше вопроса о наличии в нашем хозяйстве закона неизбежных кризисов, оно в значительной степени уже предрешает вопрос о корнях возможных в нашем хозяйстве кризисов. И в полном соответствии с этой „диспропорцией" т. Бухарин сразу же вслед за правильным утверждением об отсутствии закона неизбежных кризисов заявляет: „Но здесь могут быть „кризисы", вытекающие из относительной анархичности, т.-е. относительной бесплановости хозяйства переходного периода".

В этом раз'яснении уже совершенно явственно идет речь о природе возможных в советских условиях кризисах, при чем решение этого вопроса страдает теми же недостатками, что и рассмотренные суждения по вопросу об основном стимуле развития нашей государственной промышленности.

Капиталистические кризисы Маркс выводил из определенной классовой структуры капитализма. Туган-Барановский их выводил из анархичности; бесплановости капиталистического хозяйства. Теперь же т. Бухарин, изучая советские кризисы, выбрасывает совершенно все социально-экономические проблемы, и причины наших кризисов тоже видит только в анархичности хозяйства переходного периода, при чем, как бы нарочно, желая подчеркнуть, что в понятие анархичности и бесплановости он не включает основных социально-экономических противоречий нашего строя, тов. Бухарин заявляет: „Относительная бесплановость... хозяйства переходного периода имеет своей основой существование мелких хозяйств, форм рыночной связи, т. е. значительных элементов стихийности. Поэтому и сам план имеет особую природу: это вовсе не более или менее „законченный" план развитого социалистического общества".

Оказывается, таким образом, что все об'ективные трудности бескризисного воспроизводства проистекают только от наличия в нашей экономике мелких хозяйств и рыночных форм связи. Наличие капиталистических элементов в нашем хозяйстве, пытающихся сомкнуться с крестьянством и ремесленниками, буржуазное окружение — все это, оказывается никакого влияния на процесс воспроизводства не имеет, трудностей бескризисного развития не увеличивает и факторами наших кризисов не является. Интересно, что т. Бухарин находит нужным специально подчеркнуть, что наш план „это вовсе не более или менее законченный план развитого социалистического общества". Очевидно, он опасается, что „мыслящий рабочий", к которому он в начале своей статьи апеллирует против поверхностных исследований нашей экономики, примет наш план за „законченный" социалистический план, а может быть и наш строй за законченное социалистическое общество.

Мы видим, что вопрос о факторах кризиса решается в полном соответствии с отношением автора к возможности применения к переходной экономике схем второго тома. Проблема бескризисного воспроизводства полностью сводится к проблеме балансовой увязки отраслей народного хозяйства, а кризисы ставятся в исключительную зависимость от возможностей безошибочного учета рыночных процессов и тенденций. И подчеркивая суб'ективный характер причин советских кризисов, автор заявляет:

„В нашем плане есть много элементов предвидения стихийной равнодействующей... Именно поэтому, у нас невозможен „идеальный" план. Именно поэтому, здесь до известной степени могут иметь место ошибки. Но ошибка имеющая, свое об'яснение и даже неизбежная ошибка, не перестает быть ошибкой. Это во-первых, грубейшее нарушение основных пропорций (как у нас в случае с зерновым хозяйством, о чем ниже) и соответствующие просчеты отнюдь не неизбежны".

Если раньше причины кризиса были сведены к ошибкам, совершаемым в процессе увязки отраслей, то здесь указывается, что эти ошибки вполне возможно избежать. Получается таким образом, что при правильной политике кризисы в нашем хозяйстве невозможны. За абсолютно правильным утверждением, что в нашем хозяйстве не действует закон неизбежных кризисов, таким образом, скрывается игнорирование тех социально-экономических противоречий, которые представляют собою об'ективную базу специфически-советских кризисов. Умаление об'ективных трудностей бескризисного развития совершенно естественным следствием имеет отмеченное преувеличение роли суб'ективных факторов.

Общеизвестно, что одной из основных особенностей советской системы отношений является то обстоятельсто, что в противоположность капитализму, политика у нас представляет собою составную часть экономики. Это обстоятельство колоссально увеличивает роль суб'ективных факторов в наших хозяйственных трудностях: поскольку политика есть экономический фактор, без правильного курса невозможно преодоление хозяйственных трудностей; с другой стороны, серьезные ошибки политики, при прочих равных условиях, сами по себе в состоянии вызвать серьезные хозяйственные затруднения. Однако, это чисто экономическое значение политики не дает нам права игнорировать об'ективные экономические факторы.

Строительство социализма происходит у нас в форме жестокой классовой борьбы, исход которой зависит не только от степени правильности политики. Даже при абсолютно правильной политике не исключена возможность частичной победы капиталистических элементов на том или ином участке хозяйственного фронта, что неизбежно вызовет увеличение хозяйственных трудностей Но наличие в нашей экономике капиталистических тенденций создает серьезные хозяйственные затруднения даже тогда, когда им не удается одержать побед над социалистическим сектором. Самый факт существования капиталистических тенденций заставляет государство в целях их преодоления, проводить такой план хозяйственного строительства, который создает большое напряжение, ряд серьезных, но временно неизбежных хозяйственных трудностей. Поэтому теория т. Бухарина, учитывающая существование рыночных форм связи, но не учитывающая социально-экономических противоречий, возникающих из факта существования капиталистических тенденций, в совершенно неправильном свете изображает корни наших хозяйственных затруднений.

Что же касается кризисов, то если бы обстановка сложилась таким образом, что капиталистическим элементам удалось бы использовать переживаемые хозяйственные трудности и оттянуть из-под влияния государственного сектора значительную часть крестьянства, наше хозяйство вступило бы в полосу кризиса. Преодоление кризиса без правильной политики было бы совершенно невозможно;

в этом сказывается исключительное значение суб'ективного фактора в нашей экономике. Однако, отмеченное значение суб'ективного фактора не должно затемнять того обстоятельства, что возникновение кризиса обусловливается не только суб'ективным фактором, но и независящим часто от него обострением внутреннего противоречия нашей экономики.

Кое-кто недоволен проводимой в настоящее время политикой индустриализации и считает, что она именно и является тем суб'ективным фактором, который создает кризисные затруднения. В действительности, если бы восторжествовала линия на свертывание индустриализации — капиталистический сектор окреп бы настолько, что оказался бы в состоянии оттянуть значительную часть крестьянства из-под влияния социалистического сектора, что привело бы к серьезному хозяйственному кризису. В этом случае кризис явился бы результатом такой победы капиталистического круга воспроизводства, которая была значительно облегчена неправильной политикой государства. Правильная же политика значительно увеличивает шансы бескризисного развития, но даже и она, поскольку хозяйственное развитие происходит в форме борьбы двух противоположных кругов воспроизводства, не может избавить нас от временных, но весьма серьезных хозяйственных трудностей.

Мы видим, таким образом, что в противоположность мнению Бухарина трудности бескризисного развития в нашем хозяйстве состоят не столько в том, что наличие форм рыночной связи создает возможность просчетов и ошибок со стороны государства, сколько в том, что развитие хозяйства в условиях борьбы двух противоположных социально-экономических тенденций создает возможность временного разрыва связи социалистического сектора с частью крестьянских хозяйств. В борьбе против капиталистического сектора за связь с крестьянским хозяйством правильная политика является необходимой предпосылкой. Однако, проблему бескризисного развития сводить к проблеме одного только материального балансирования, значит воскрешать в советских условиях блаженной памяти Тугана-Барановского.

Л. Шанин

На путях преодоления нэпа[1]

VI

В капиталистических условиях интересы отдельного предприятия доминируют над всем. Здесь вся работа подчинена задаче сохранения и приумножения индивидуального капитала. Но отдельное хозяйство может остаться владельцем реализуемой им стоимости лишь постольку, поскольку деньги благодаря самому акту реализации implicite возвращаюся к нему. „Эквивалентное возмещение" капиталиста есть поэтому основа основ.

В нашем построении внутрисиндикатских взаимоотношений, (если их брать в последовательно развернутом виде) для эквивалентного возмещения стоимости трестовской продукции вообще нет места. Тот приток ресурсов к отдельной хозяйственной единице, который в наших условиях имеет место, не есть эквивалентное возмещение продукции, реализованной трестом. У нас внутри синдикатских отношений, при последовательном их развитии, и самое понятие эквивалетного возмещения будет отсутствовать. Его место заступает целевое комплектное снабжение, ориентирующееся не на состоявшуюся ранее реализацию, а исключительно на следующий производственный акт. При том, приток этот происходит независимо от того, укладывается ли он в эквивалентное возмещение или нет, больше ли он его или меньше, ибо он определяется отнюдь не задачей имущественного возмещения, а той конкретной технико-производственной задачей, которую данная единица должна разрешить в следующем производственном обороте. Этот приток ресурсов обращен лицом не назад, к уже состоявшемуся отпуску трестовской продукции, а вперед, к новому производственному акту, который должен еще только совершиться. Снабжение, таким образом, коренится не в имущественном титуле, возникшем из предыдущего акта реализации, а определяется производственным заданием. В наших условиях приток ресурсов есть не функция предыдущего акта реализации, а функция будущей, заданной работы.

На первых стадиях синдикатского развития указанная конструкция взаимоотношений еще не выступает ясно. Сначала кажется, что мы стоим целиком на почве эквивалетного возмещения, от которого по особым соображенияи делаются только отдельные, частичные отклонения (отчисления прибылей, амортизационных сумм и т. д.).

[1] Окончание. См. „Плановое Хозяйство" № 8, 1929 г.

Эти отчисления, правда, сокращают размер притекающих сюда ресурсов, но не меняют еще принципиальной базы взаимоотношений, как взаимоотношений эквивалентного возмещения. Позже становится ясно, что мы имеем дело не с исключениями и только, что постепенно и самая база этих взаимоотношений коренным образом меняется. Если сначала именно отклонения от эквивалентного возмещения имеют свою специальную мотивировку, свое конкретное деловое лицо, а все обратно протекающие к тресту средства независимы от особого целевого назначения и опираются в этом движении единственно на имущественный титул, то, под конец, мы имеем уже противоположную картину: направляемые к отдельной единице ресурсы перестают носить характер безличного остатка, полученного после немногих вычетов из суммы эквивалентного возмещения, и сами становятся строго целевыми. Так, постепенно, ликвидируется вся конструкция эквивалентного возмещения. Даже то, что данная точка продолжает к себе притягивать, притекает к ней уже не в порядке эквивалентного возмещения. Если денежные суммы на выплату заработной платы и децентрализованное снабжение и т. д. направляются тресту, то суммы эти представляют здесь не столько возмещение какой-то части ранее отданной стоимости, а финансирование (на основе определенных технических коэфициентов) расходов на заработную плату и дополнительное снабжение, при чем техническое проведение этих расходов синдикат делегирует тресту, вместо того чтобы производить их самому, как он это делает в пределах централизованного снабжения. В сущности и суммарная заработная плата оплачивается здесь уже не трестом, а синдикатом, при чем синдикат только делегирует тресту (заводу) техническое выполнение этой операции. Поэтому даже там, где синдикат снабжает трест денежными средствами, мы имеем не кругооборот самостоятельного капитала треста и, в частности, не возвращение трестовского денежного капитала к повторной денежной форме, а технический момент движения, фактически об'единенного синдикатом капитала данной отрасли.

Если свободным распорядителем ресурсов отдельной хозяйственной единицы является сама эта единица, если именно она дает направление основной массе своих ресурсов, если по ее собственным распоряжениям отдельные части этих ресурсов получают то или другое назначение, то все эквивалентное возмещение отпущенной продукции должно обязательно вернуться именно к ней. Но наша система хозяйственного управления построена на том, что распоряжение ресурсами отдельных единиц все более притягивается к вышестоящим хозяйственным органам. Поэтому нет необходимости, чтобы ресурсы от вышестоящей организации сначала полностью подвозились к самой этой хозяйственной единице и чтобы эта последняя следующим актом направляла их, скажем, НКФину, в БДК и т. д. Естественно, что вместо того, чтобы эта часть средств такими

кружными путями шла к своему конечному назначению, вышестоящая организация сама направляет ее непосредственно по адресу.

Меняет ли это техническое упрощение что-либо в существе хозяйственных взаимоотношений? На первых порах нет, ибо даже тогда, когда вышестоящий орган непосредственно адресует соответственные части эквивалентного возмещения окончательному их адресату, здесь все же презюмируется единство всех стоимостных частей трестовской продукции. Первично существует единство всего потока эквивалентного возмещения, которое лишь в порядке вторичного акта разделяется на отдельные части, получающие различное направление. При этом несущественно, возвращается ли это эквивалентное возмещение сначала целиком к хозяйственной единице, продукцию которой оно должно возместить, или непосредственно направляется синдикатом в конечные адреса. Если даже в фактическом своем движении средства эти и не представляют реального единства и разбиты на разные потоки, то в идее они все же продолжают существовать, как единая масса. Но чем полнее утверждается на практике непосредственное адресование отдельных стоимостных частей синдикатом, тем более и в идее это единство становится лишь условным и мнимым, а на каком-то этапе развития, вместо единства всего стоимостного эквивалента (в имущественном титуле отдельной единицы), создается в корне отличное единство, непосредственно выражающее реальный смысл совокупного движения отдельных стоимостных потоков.

Протекающий здесь трансформационный процесс складывается из трех этапов.

1. Сначала утверждается определенное назначение отдельных стоимостных частей эквивалентного возмещения, но без того чтобы синдикат непосредственно направлял эти суммы к конечному адресату. Указанные части продолжают свой обычный путь к производящей их хозяйственной единице, нормально возмещаемой в ходе кругооборота своего капитала. Соответственные суммы в форме отчислений, производимых в последующем порядке, направляются к конечным адресатам самой хозяйственной единицей.

2. Позже эти назначения начинают непосредственно определять реальное движение соответственных частей от синдиката к НКФину и т. д., минуя фазу первичного возмещения хозяйственной единицы. Здесь, вместо лишних, встречных пробегов устанавливается движение по прямым и коротким линиям. Но, в идее, отдельные потоки все еще представляют части единой имущественной массы треста.

3. И, наконец, третья ступень, когда не только реальный поток ресурсов разбит на отдельные части, имеющие первоначально разные направления, но потоки эти и, в идее, не об'единены более единством имущественного титула треста. Здесь протекающий к тресту поток определяется уже только целевыми моментами. Принцип прежнего единства тускнеет. Он заменяется другим бытовым пониманием

фактического движения, исходящим не из единства имущественного титула отдельной хозяйственной единицы, а из единства движущихся ресурсов об'емлющего целого.

Если в товарно-денежном хозяйстве все товары своими ценами показывают, что они представляют частную собственность на определенную сумму денег и ожидают своего превращения в деньги,— это высшее их выражение,—то в социалистическом обществе продукты и фактически, и в идее представляют не деньги, и не частное имущество отдельной производственной единицы, а оперативную собственность народнохозяйственного целого. И нужно, чтобы продукты, соответственно этой своей общественной природе (практически, в самих бытовых буднях выявляемой), и в идее представляли только это организованное целое в его оперативном движении.

VII

Согласно нынешним законоположениям 88% трестовской прибыли в обязательном порядке изымаются у треста и передаются НКФину, БДК и т. д.[1] При нынешнем построении синдикатской работы, когда синдикат сам непосредственно производит указанные платежи в НКФин и БДК, подавляющая часть трестовских прибылей, вообще, не проходит через трестовскую кассу или трестовский счет в банке. Следовательно, подавляющая часть созданного трестом прироста стоимости к нему вообще не возвращается из процесса обращения.

То же, хотя и в меньшей мере, относится и к аммортизационным суммам. Поскольку ВСНХ, по соглашению с НКФином, имеет право предписать отдельному тресту внести часть или даже полностью всю аммортизационную сумму вкладом в БДК, эта последняя претерпевает ту же судьбу, что и указанная часть прибылей. По мере того, как синдикат сосредоточивает у себя выполнение таких отчислений, и эта часть стоимости продукции не возвращается к тресту из сферы обращения. Таким образом, в трестовскую кассу не обязательно возвращается даже и оборачивающаяся часть авансированных ресурсов.

[1] Эти 88% складываются следующим образом:

	В %%
1. Подоходный налог	10,00
2. Отчисления в доход государства	38,34
3. Резервный капитал (8% заем)	8,73
4. Спец. капитал БДК	8,73
5. Вклад в БДК (половина капитала расшир. предпр.)	10, 9
6. Особые отчисления (из прибыли шерстяных трестов в „Овцевод"—10% и т. д.) около	0,75
7. Проф.-техническое образование	2, 7
Итого . . .	88 15
8. Фонд улучшения быта рабочих и служащих	8,73
9. Премиальный фонд . . . . . не более . . .	0,22
10. Капитал расширения предприятия, остающийся в распоряжении треста	10, 9
Итого . . .	100,00

Но мало того, и та часть стоимости, которая возвращается к тресту, претерпевает глубочайшие изменения. Если для капиталистического хозяйства прохождение каждою поступающею в обращение частью капитала денежной фазы является обязательным, и фаза эта представляет венчающую точку кругооборота капитала, то в наших условиях, даже возвращающаяся к тресту часть авансированнного капитала не обязательно принимает денежную форму. Трест сдает синдикату свою продукцию; но одновременно идет встречный поток синдикатского снабжения, и в этой части денежная форма здесь выпадает. На первых порах денежная фаза выпадает здесь только технически, как это бывает при всяких безналичных расчетах, хотя на самом деле трестовский капитал невидимо фазу денежного капитала здесь все же проходит. Но позднее эта фаза выпадает и по экономическому своему существу, выпадает коренным и конститутивным образом.

Если на первых порах, когда синдикат еще не овладел согласованым регулированием обоих товарных потоков (снабженческого и реализационного), как взаимно обусловливающих друг друга, если в этот период комиссионные поручения и платежеспособная сила треста являются для синдиката единственно руководящими, то позже, вместо безразличной силы денежного капитала, растущую роль играют производственно-технические моменты. Синдикат энергично отсеивает пред'являемые к нему требования, не довольствуясь одной платежеспособностью треста; он выдвигает в качестве решающего критерия технико-производственную надобность, в соответствии с производственной программой.

Вследствие технической некомпетентности и неподготовленности к выполнению регулирующих функций, синдикат сначала осуществляет этот подход лишь частично и робко; эти технико-производственные критерии фигурируют в его работе только рядом с коммерческими критериями, сохраняющими еще первенствующее значение, но постепенно первые получают преобладающее значение и начинают суверенно определять снабженческую работу синдиката.

Однако и на этой стадии, где товарные потоки определяются единственно технико-производственными нормами, денежно-расчетные моменты не исчезают бесследно. Утратив свое определяющее значение, они сохраняют здесь значение последующих (в сущности, уже беспредметных) расчетно-технических операций. На первых порах технико-производственное нормирование трестовского снабжения и отпуска продукции неотступно переводится на денежно-расчетный язык и завершается в денежной форме; все операции проводятся именно в этих привычных терминах, хотя существо операций уже определяется другими моментами. Только позже эти другие подлинно решающие моменты будут выступать как самостоятельно завершающие и законченно выражающие собою всю операцию.

Мы имеем здесь нечто, аналогичное тому, что происходит при усвоении нового языка. Усваивая содержание книги, написанной на непривычном языке, мы сначала мысль ее неуклонно переводим на привычный язык. Лишь позже мы начинаем смысл ее брать непосредственно на языке самой книги без того, чтобы переводить его на привычную речь. Мы начинаем мыслить непосредственно оборотами и образами нового языка.

Хотя технико-производственные нормы, по существу, играют сейчас всеопределяющую роль (трест при данном снабжении должен дать столько-то продукции определенного качества, [1] мы все еще оформляем это, уловленное нами, натуральное существо в терминах денежного расчета. Но мы уже близки к тому, чтобы натурально-производственными нормами не только руководствоваться, но и самые расчеты завершать, в натуральных, а не денежных терминах. Сегодня синдикатское снабжение треста еще сопровождается условным денежным расчетом и отношения получают свое формальное завершение в этом последнем. Но мы идем к тому, чтобы преодолеть и эту (теперь уже беспредметную) форму расчетов, как она преодолена во взаимоотношениях между заводоуправлением и отдельным цехом, где ведется только расчет передаваемого в цех материала, сданной цехом выработки и остатка материалов. Таким образом, характер и титул даже той части ресурсов, которая направляется („возвращается") тресту, претерпевает радикальное изменение. А в денежной „натуре" к тресту притекает только совершенно небольшая часть средств (стоимость заработной платы, части материалов, которыми трест снабжается децентрализованно, и местных расходов); только в отношении этой части стоимость продукции реально проходит денежную фазу.

Былое единство притекающих к тресту денежных средств здесь радикально разрушено. Отклонение от прежнего типа начинается с того, что не все элементы стоимости возвращаются тресту. Сначала делаются отдельные строго целевые отчисления, которые сами по себе еще не разрушают идеи „эквивалентного возмещения". В принципе же все возмещается. Но постепенно с ростом отчислений принцип „возмещения" вообще отбрасывается и в трест направляются лишь технически мотивированные и целевым образом определяемые квоты материальных и денежных ресурсов. То, что не возвращается тресту, не требует особой мотивировки. Только то, что направляется тресту, теперь должно быть мотивировано. Так, количество переходит в качество. [2] Теперь уже не данной хозяйственной единице принадлежит стоимость ее продукции, и только в виде исключения из нее делаются отдельные отчисления в пользу целого, а вся она фактически принадлежит целому, а в отношении треста делаются лишь производственно мотивированные назначения. [1] При чем все эти назначения идут в порядке производственно-технических норм, одних, совершенно минующих денежную форму (материальное снабжение), а других, получающих также и денежную форму (но не в качестве денежного возмещения, а подвоза определенной квоты ресурсов, которая технически требуется здесь именно в денежной форме). Единство имущественного титула, об'единяющего все стоимостные элементы трестовской продукции (c + v + m), сменяется последовательным производственно-целевым подходом.

Если в настоящий момент у нас, по видимости, еще сохраняется иллюзия собственных капиталов трестов, которыми трест в той или другой части будто бы самостоятельно распоряжается, то фактически (хотя и неформально) все трестовские капиталы уже об'единены в синдикаты и реально представляют собою об'единенный капитал отрасли, а не индивидуальные капиталы трестов. Последним предложением РКИ об образовании нового Химуправления — Химсиндиката, которому передаются все капиталы химических трестов, и новыми тезисами РКИ и ВСНХ эта, фактически уже реализованная в текстильной промышленности, тенденция получит и формальное утверждение.

VIII

Мы видели, что возможны три метода подвоза ресурсов. Один — эквивалентное возмещение отпускающей товар единицы с тем, чтобы она сама производила все платежи и отчисления. Другой — путь отказа от полного возмещения этой единицы с тем, чтобы необходимые отчисления делались непосредственно синдикатом и, таким

[1] В отношении сноса оборудования это пока менее ярко выражено; здесь еще нет той наглядности, которая есть в оборотных ресурсах.

[2] Аналогичные переходы количества в качество мы имеем каждый раз, когда в старый хозяйственный уклад внедряются элементы нового. То же имело место и в период внедрения элементов товарного хозяйства в натуральное, а затем и в период вытеснения первым второго и т. п. Маркс писал: „Те самые обстоятельства, которые создают основное условие капиталистического производства — существование класса наемных рабочих,— содействуют переходу всего товарного производства в капиталистическое товарное производство. В той мере, как последнее развивается, оно действует разрушающим и разлагающим способом на всякую более старую форму производства, которая, рассчитанная преимущественно на непосредственное собственное потребление, превращает в товар (сначала *Л. Ш.*) только излишек продукта". Позднее „...продажу продукта оно делает преобладающим, главным интересом, при чем сначала оно как будто не затрагивает самого способа производства,— таково было, например, первое действие капиталистической мировой торговли на такие народы, как китайцы, индийцы, арабы и т. д. Но потом, пустив корни, оно разрушает все формы товарного производства, основой которых служит или собственный труд производителя, или же просто продажа в виде товара только излишков продукта. Сначала оно придает товарному производству характер всеобщности и потом, постепенно, превращает все товарное производство в капиталистическое производство". (Маркс „Капитал", т. II, стр. 12, 13).

[1] Переход от единства одного типа к единству другого, более высокого типа, как правило, происходит на основе предварительного разложения первого. Разложение низшего единства является необходимым условием перехода к высшему. Для того чтобы капиталистический тип соединения рабочей силы и средств производства мог

образом, избегался двойной пробег ресурсов (один раз к организации, эквивалентно-возмещаемой, а потом от нее к конечным адресатам отчислений). И третий — путь об'единения всех средств и обязательств в об'емлющей организации, с нормированным целевым питанием и нормированной сдачей продукции об'емлемой единицы.

Совершенно очевидно, что рядовой и равноправный контрагент не может встать на второй и третий путь. Он не призван разбивать общую сумму эквивалентного возмещения на отдельные составные части и давать каждой из них особое направление. Только вышестоящая об'емлющая организация, а не рядовой коммерческий контрагент, может, взамен эквивалентного возмещения, организовать производство отчислений за счет подчиненной хозяйственной единицы (а на следующей ступени — организовать и совокупное капиталоуправление).

Но если внутри синдицированных отраслей такого рода сращивание капиталов и их фактическое превращение в единый капитал всей системы в значительной мере подготовлено и проведено, то в межотраслевой сфере, во взаимоотношениях между различными отраслевыми системами, как правило, еще полностью господствует практика эквивалентного возмещения. Если внутри синдицированных отраслей излишние пробеги ресурсов сейчас уже преодолеваются, то в межотраслевых взаимоотношениях эквивалентное возмещение поступает от равноправных систем полностью, и возможность прямого платежа контрагентом в общехозяйственные органы (НКФину, БДК и т. д.). исключена. Только тогда, когда синдикат будет иметь дело не с другим равноправным синдикатом или кооперативным центром, а с об'емлющим его оперативным органом (типа Синдиката синдикатов), и платежи отдельному синдикату будут поступать, следовательно,

состояться, необходимо было, чтобы докапиталистические формы соединения рабочей силы и средств производства были разрушены. Обезземеливание крестьян и разложение ремесла были способами такого разложения прежнего соединения рабочей силы и средств производства для подготовки более высокой капиталистической формы их соединения, соответственно характеру технического прогресса.

„Каковы бы ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами", которые „для того, чтобы вообще производить... должны соединиться. Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, различает отдельные экономические эпохи социальной структуры".

„Если продажа собственной рабочей силы (в форме продажи собственного труда, или в форме заработной платы) представляет не изолированное явление, но предпосылку товарного производства, накладывающую свою печать на все общество... то это предполагает исторические процессы, которыми разлагалось первоначальное соединение средств производства с рабочей силой: процессы, в результате которых масса народа, рабочие, как неимущие, противостоят неработающим, как имущим, как собственникам средств производства. Имело ли соединение перед своим разложением такую форму, что сам рабочий принадлежал в качестве средства производства к числу других средств производства, или же он был их собственником,— это дело не изменяет". (Маркс. „Капитал", т. II, стр. 13, 9).

только от об'емлющего органа, только тогда отпадет необходимость реального эквивалентного возмещения отдельного синдиката, с последующими отчислениями этим последним в центральные органы. В этих условиях необходимое адресование ресурсов (отчислений) Синдикат синдикатов будет производить непосредственно. Вместо отдельных встречных денежных потоков, на основе единства имущественного титула отдельных единиц, (хотя бы и синдикатского масштаба), где конечное адресование ресурсов достигается через ряд встречных и искусственных (с точки зрения этого конечного результата) операций, мы будем иметь непосредственное конечное адресование, на основе народнохозяйственного единства всех ресурсов. В этих условиях и отдельный синдикат будет получать уже не эквивалентное возмещение, а как и все остальные хозяйственные организации, только то, что ради определенных хозяйственных целей должно быть к нему направлено. Когда эти условия созреют пробьет час нэпа внутри нашего обобществленного сектора.

IX

Особая природа советского синдиката ярко выступает и в его юридической конструкции. Эта сторона дела получила несколько времени тому назад, достаточное освещение в специальной работе Всесоюзного совета синдикатов, посвященной вопросам синдикатского права. („Синдикаты и внутрисиндикатские отношения", Москва, 1927 г.)

Чисто внешне взаимоотношения между синдикатом и трестом строятся на добровольно-договорных началах. Но достаточно ближе присмотреться к фактическому содержанию взаимоотношений обоих чтобы убедиться, что от договорных отношений двух равноправных сторон тут не осталось почти что и следа. Ни в самом содержании, ни в порядке возникновения этих договоров нет почти ничего, что напоминало бы договорно-коммерческую связь двух индивидуальных единиц атомизированного капиталистического хозяйства.

Проф. Шретер, в названном сборнике, пишет: „В типичных случаях, сама завязка правоотношения, т.-е. возникновение обязанности треста представить товар синдикату происходит не в силу паритетного договора, как это вытекало бы из поставки или договора комиссии, а в силу постановления общего собрания или групповых собраний членов синдиката; при определении обязанностей треста последний не торгуется, он не имеет права соглашаться или не соглашаться", как это предполагается при индивидуалистических договорах (ibidem, стр. 12).

„Договор возникает из свободного волеизъявления сторон... Договор считается заключенным лишь тогда, когда между сторонами достигнуто соглашение... по всем существенным его пунктам... Договор есть компромисс — равнодействующая сталкивающихся отдельных эгоистических воль... „Если мы обратимся к анализу внутрисин-

дикатских договоров, то мы убедимся, что ни один из вышеописанных моментов не является их обязательным и неотъемлемым свойством. Первый момент — договорная автономия отсутствует во внутрисиндикатских договорах.. Источником обязательства является не волеизъявление сторон, а воля коллектива, так как в основе синдикатских соглашений лежит не автономная воля договаривающихся сторон, а плановые начала, определяемые уставом синдиката или постановлением общего собрания... Но не только самая завязка соглашения... находится вне сферы заключаемого договора, но и самые существенные его пункты предрешаются, помимо воли непосредственных участников договора, или распоряжением органов административной власти (цена), или постановлением внутрикорпоративных органов (количество, условия расчета)" (ibidem, стр. 41—44).

„Синдикат и входящий в него трест в хозяйственном отношении составляют единое целое. Синдикат по своему социально экономическому назначению не имеет своей задачей самостоятельное хозяйствование в своих собственных интересах. Его хозяйственная деятельность имеет служебное значение. Цель синдиката двоякая: с одной стороны — рациональная организация финансовой и торговой деятельности трестов и сокращение торговых издержек, а с другой стороны — регулирование, методами коммерческого воздействия, производственной деятельности трестов с точки зрения интересов всей, объединяемой синдикатом, данной отрасли промышленности, а также всего народного хозяйства в целом. Поэтому синдикат и трест, заключая между собой договор на реализацию продукции треста или на снабжение треста сырьем и иными материалами, не ставят себе задачи согласования двух имущественных интересов, обмена имущественными выгодами.

Синдикат и трест договариваются между собой, как и в каком порядке осуществить единый имущественный интерес. Внутрисиндикатский договор не создает для сторон субъективных правомочий, обладающих имущественной ценностью, но распределяет между сторонами обязанности, связанные с осуществлением общего задания. Внутрисиндикатский договор — это договор — план, это взаимная инструкция, определяющая обязательное поведение каждой стороны по осуществлению данной хозяйственной операции" (ibidem, стр. 42).

У наших трестов одна общая цель, один интерес — осуществлять свою хозяйственную деятельность так, чтобы она соответствовала началам планового, социалистического хозяйства. Коммерческий расчет есть только метод организации госпромышленности. Выступая разрозненно на рынке, тресты были бы не в состоянии действовать так, как этого требует плановое хозяйство. Только через синдикат достигается эта организационная возможность. [1]

[1] Если обратиться к конкретному содержанию внутрисиндикатских договоров, то ярко выступает следующее: они почти не содержат условий, исполнение которых служит для получения имущественной выгоды той или иной стороною. В этих пунктах содержатся лишь директивы хозяйственной политики, преследующие цели регулятивно-планового порядка. Наиболее полно и всесторонне разработанным внутрисиндикатским договором, охватывающим исчерпывающим образом все содержание внутрисиндикатских соглашений, является типовой договор ВМС со своими членами. В этом договоре содержатся 62 пункта. Из них лишь 20 пунктов касаются оперативных взаимоотношений, а остальные 42 пункта касаются исключительно области регулирования. „То социально-экономическое явление, которое облекается в форму внутрисиндикатского договора, совершенно иного порядка, чем то, что составляет социально-экономическую сущность всякого другого договора. Материальная основа внутрисиндикатского договора — это не законом защищенный имущественный интерес, но организационный план для осуществления определенной общей цели" (ibidem, стр. 42).

Такие основные элементы договора, как цена и условия, на которых синдикаты должны реализировать трестовские товары, устанавливаются не в порядке соглашения с трестом, а на основании постановлений синдикатских органов. Эти „постановления, по существу, являются постановлениями одного из контрагентов, обязательными для другого контрагента, которому остается только оформить эти постановления своей подписью, без какой-либо возможности внести в них какие-либо изменения, даже и в том случае, когда он, при принятии указанных постановлений собранием уполномоченных или на торговых совещаниях, был против них. Здесь мы имеем типичный пример того отсутствия свободного волеизъявления со стороны треста — члена синдиката, которое лишает документ, внешне являющий собой вид договора, значения договора, как правоустанавливающего акта, и превращает его в исполнительный документ, лишь оформляющий права и обязанности, установленные в другом месте и другими актами (постановлениями собраний уполномоченных или торговых совещаний синдиката)... основанными... на суверенитете коллектива" (Киснемский, „Элементы корпоративных отношений в практике внутрисиндикатского оборота", ibidem, стр. 56, 57).

Договоры эти и по существу лишены самого характерного стремления каждой из сторон к использованию выгод от конъюнктуры рынка, и к извлечению максимальной прибыли, за счет своего контрагента. Они характеризуются совершенно другими принципами (уравнительным строением цен по отпускаемым трестам сырью и материалам, разложением между ними рисков и т. д.), чуждо индивидуалистическим и паритетным договорам. Эта тенденция получила наиболее глубокое проявление в практике двух прейскурантов: одного (единого) торгового прейскуранта, строющегося независимо от производственной стоимости товара в отдельных трестах и другого производственного прейскуранта, отражающего различную себестоимость товара у различных трестов.

При создании единого торгового прейскуранта, товары того или иного треста с высокой себестоимостью продаются ниже себестоимости и убытки треста возмещаются за счет всей объединенной промышленности данной отрасли. В форму какого договора можно облечь столь сложные взаимоотношения? „Совершенно очевидно, что здесь

мы подошли к моменту, когда корпоративная власть синдиката доходит до той высшей точки, когда она не только предопределяет все основные условия договоров, заключаемых с отдельными трестами, но уже совершенно уничтожает и самую возможность такого изолированного договора, ибо нельзя заключить отдельно с данным трестом ни комиссионного договора — для того, чтобы продавать товар ниже его себестоимости для треста, ни договора купли-продажи—для того, чтобы затем продать товар ниже той суммы, которую надо заплатить за него тресту. Здесь явное „перерастание" корпоративной сущности отношений над их частно-правовой оболочкой". Необходимо поэтому, чтобы„... корпоративная природа синдикатского об'единения разорвала, наконец, изношенную договорную оболочку и нашла собственную правовую форму" (Шкляр, „Внутрисиндикатские отношения в связи с ростом корпоративных начал в синдицированной промышленности", ibidem, стр. 37, 38).

Договор между синдикатом и трестом является лишь исполнительным документом, не производящим право, а исполняющим правовые императивы, возникающие из целевого назначения синдиката, согласно норм, содержащихся в утвержденном уставе синдиката.

В основе взаимоотношений между синдикатом и трестами лежит „уставно-плановое начало... Договоры между синдикатом и его членами, по исполнению социально-целевых функций первого, отличаются тем основным признаком, что в них отсутствует автономия сторон. Содержанием этих квази-договоров является установление взаимоотношений сторон по осуществлению определенного оперативного плана, к исполнению которого стороны уже обязались в силу постановлений устава".[1] (Фрадкин, „Внутрисиндикатские отношения и наше законодательство", ibidem, стр. 17, 18).

На ряду с корпоративными началами, в синдикатской работе известное место занимают и публично-правовые элементы. „Устав синдиката, будучи, по условиям своего возникновения, продуктом договорного соглашения между участниками синдиката, фактом утверждения правительством (СТО, ЭКОСО), становится в отношении к синдикату независимым от него статутом, обязательным для него образом определяющим его организацию, функции, порядок деятельности и проч. Следовательно, по материальному своему содержанию, устав синдиката представляет собою постановление правительства. Поэтому, и сам синдикат, несмотря на свою формально-правовую самостоятельность, — не суверенный носитель свободно избираемых им хозяйственных целей, но социально-целевое образование со специализированными функциями. Финансово-операционный план синдиката, как программа его деятельности, принимается общим собранием членов синдиката, в порядке их хозяйственного самоопределения. Но утверждение этого плана органами ВСНХ и регулирование его Наркомторгом создает необходимую согласованность деятельности синдиката с общим централизованным планом всего народного хозяйства... При таких условиях финансово-операционный план синдиката, по своему существу, становится тем же, чем является программа деятельности для всякого вообще государственного органа...

„Формальная договорная автономия синдиката совмещается с весьма глубоко проникающим государственным регулированием его оперативной работы". Помимо утверждения ВСНХ финансово-операционного плана синдиката, „таксировка Наркомторгом его отпускных цен, регулирование им размещения товарных масс и т. д. все это, не затрогивая формальных приемов торговой деятельности синдиката, определяет направление и содержание его операций. Наиболее яркими примерами использования договорного института для целей государственного воздействия через синдикаты на торговый оборот является включение в состав генеральных договоров мер экономического воздействия за нарушения постулатов государственной политики" (Иваницкий, „Публично-правовая сущность и частно-правовые элементы организации советских синдикатов", ibidem, стр. 8 и 9).

Мы, конечно, далеки от того, чтобы в лице синдикатов иметь чистый тип публично-правового института, но мы имеем здесь сочетание публично-правового и частно-правового начал.

„Такое сочетание публично-правовой природы государственного хозяйства, с используемыми в нем частно-правовыми структурными приемами, должно дать единую правовую систему советского государственного хозяйства, вполне обеспечивающую, с одной стороны, прогрессивное развитие социалистических элементов советской экономики, с другой — жизнеспособность государственных предприятий, как участников рыночного — торгово-промышленного строя. В этой правовой системе, публично-правовые и частно-правовые элементы должны не механически сосуществовать, а образовать одно органическое целое, в котором заимствованные из частно-правового обихода формы и связи обращаются в институты чисто служебного значения, играют роль технических средств для разрешения социально-политических и государственно-экономических задач... Эти частно-правовые элементы представляют собою лишь чисто внешние приемы

[1] Но и взаимоотношения между синдикатом и трестами не исчерпываются одними лишь односторонними волеизъявлениями синдиката, хотя последние явно и доминируют в них.

Где-то власть синдиката в отношении отдельных трестов кончается и в дальнейшем по тому же правоотношению начинается паритетное отношение. Так например, если властью синдиката определяется размер поставки, ее контингенты, цены и т. д., то, с другой стороны, вопрос о забраковании той или другой партии, о скидках за несоответствие качества, вопрос о процентах за несвоевременную уплату и проч. разрешаются на паритетных основаниях, по соглашению с синдикатом. Сюда нужно отнести и такие детальные вопросы, как место доставки, порядок приемки и проч. Правда, значение всех этих моментов сугубо второстепенное.

особой системы управления государственным хозяйством, совершенно не затрогивающие его общей публично-правовой установки. Они не только не препятствуют проведению государственной политики в области государственного хозяйства, но, напротив того, сообщают ей особую гибкость и эластичность" (ibidem, стр. 6, 7).

В первом периоде синдикатского развития, сочетание договорного и корпоративного начал, частно-правового и публично-правового начал являлось основным условием жизненности, практичности и прогрессивности данной формы (при чем, на первых порах, договорные моменты преобладали над корпоративными, а корпоративные над публично-правовыми). Но развитие идет в сторону совершенно несомненного преобладания корпоративного начала над договорным и публично-правового над частно-правовым. Сейчас старая мера сочетания одного и другого сплошь и рядом уже не гарантирует жизненности построения синдикатской работы. Сейчас старое сочетание не всегда уж играет роль прогрессивного начала. В настоящих условиях именно преодоление этих разнородных моментов в построении синдикатской работы и большая внутренняя унификация последней, на основе своеобразного публично-правового начала, а не сохранение тех и других, выражает прогрессивные тенденции нынешней стадии синдикатского развития.

X

Одним из наиболее интересных моментов эволюции синдикатской системы является ее взаимоотношения с планирующими и управляющими органами (ВСНХ).

Наши тресты и синдикаты являются детищем нэпа. Они пришли на смену главкистской военно-коммунистической системе управления-не сумевшей разрешить задачи послевоенного восстановления нашего хозяйства. Военно-коммунистическая система сорвалась, прежде всего, из-за „отрицательного воспроизводства" периода гражданской войны и интервенции (и тех социально-политических осложнений, с которыми это „отрицательное воспроизводство" было связано); но она сорвалась отчасти и из-за технической беспомощности тогдашней главкистской системы и ее неподготовленности к руководству народным хозяйством. Последнее обнаружилось вскоре же после ликвидации гражданской войны; уже через короткое время стало ясно, что главкистские (военно-коммунистические) методы управления хозяйством не обеспечат того быстрого восстановления народного хозяйства, которое нам до-зарезу было необходимо.

На смену главкистской системе пришел нэп с его коммерциализацией хозяйственных отношений (даже внутри обобществленного сектора). Коммерческий расчет, самоснабжение отдельных предприятий, непосредственный выход на рынок, работа „с целью получения прибыли" в этом мы пытались найти выход из тупика, куда зашло все наше хозяйство в том числе и обобществленный сектор хозяйства,

(при том не только в своих взаимоотношениях с частным сектором, но и во взаимоотношениях отдельных своих частей). Прямое централизованное управление хозяйством не могло решить задачи быстрого хозяйственного под'ема даже в пределах одного лишь обобществленного сектора. Центр тяжести оперативной хозяйственной работы был поэтому перенесен на отдельные хозяйственные единицы, действующие на началах коммерческого расчета.

Но нэп ни в какой мере не означал отказа от государственного управления и планирования. Основных социалистических позиций, в их существе, мы не собирались сдавать. Только методы осуществления задач менялись. И чтобы удержать в руках хозяйственных центров руководство и планирование обобществленным сектором (и прежде всего промышленностью), мы построили двойственную систему хозяйственного руководства.

Спасая наше хозяйство нэпом, мы одновременно спасали социалистическое ядро нашего хозяйства от отрицательных сторон нэпа. Именно поэтому, на ряду с коммерциализацией оперативной работы, была сохранена сестема государственного управления и планирования обобществленного сектора. Правильно, недавно, отмечал по этому поводу т. Гольцман в статье „Управление промышленностью в Германии и в СССР". „Цель отделения плановых функций, сосредоточенных в ВСНХ, от оперативных функций, сосредоточенных в трестах, заключалась в том, чтобы, восстанавливая промышленность на основе новой экономической политики, дать все же направление этому восстановительному процессу по пути, предусмотренному планом. В оперативной деятельности треста могли отражаться как положительные, так и отрицательные стороны нэпа. В своей оперативной работе тресты... рисковали подвергнуться влияниям со стороны представителей частного капитала, что довольно часто имело место. Но плановые функции, сосредоточенные в ВСНХ, не должны были подвергаться влияниям рыночной стихии. Они должны были представлять собою кристаллическое выражение генеральной линии..., они должны были переламывать отрицательные влияния новой экономической политики и направлять экономику страны, в первую голову промышленности, по пути социалистической реорганизации".

Отделение плановых функций от оперативных,—этот тип регулирования промышленности, в основном, сохранился до сих пор. А между тем целесообразно ли сохранять этот тип регулирования?

„Мы видели причины, приведшие в начале новой экономической политики к такому отделению. Эти причины в настоящее время больше не действуют. Государственное начало оказалось победителем в борьбе с нэповской стихией. Опасность затопления... социалистического здания промышленности нэповскими волнами оказалась нереальной... С другой стороны, тресты и синдикаты настолько укрепились, что планирующие органы не в состоянии

одной только силой „приказа“ оказать серьезное влияние на их деятельность... Концентрировав в своих руках сбыт продукции, синдикаты невольно подходят к постановке вопросов планирования... На практике эта эволюция синдикатов привела к тому, что они вынуждены были изучать условия роста продукции, капитального строительства и т. д. параллельно с деятельностью органов ВСНХ и дублировать, следовательно, их работу...

Следовательно, выдвигается необходимость слияния главков и синдикатов по всей линии промышленности... Нет абсолютно ничего нетерпимого в том, что функции планирования, якобы девственные по своей социалистической природе, будут соединены с оперативными функциями такой прозаической вещи, как торговля.

Если верно, что эволюция современной системы управления идет по пути отмирания части государственных органов и превращения аппарата регулирования в аппарат оперативный (а это безусловно верно), то первые шаги этого процесса должны сказаться, прежде всего, в области промышленности, где последовательно-социалистический тип предприятий нами уже достигнут...

Приобретая оперативное руководство над предприятиями, ВСНХ приобретает вместе с тем влияние не только силой приказа, силой постановления, иначе говоря, силой принуждения или морального авторитета, но приобретает также действительную хозяйственную власть и становится зачатком того оперативного распределительного органа в промышленности, какой нам представляется в идеале, при социалистическом строе“.

Эти начала получили наиболее яркое выражение в реорганизованном в прошлом году ВТС. Последнему было передано планирование и регулирование промышленности, и управление, и руководство подведомственными ВСНХ предприятиями: текстильными трестами, торговыми, сырьевыми, сбытовыми и снабженческими обществами. На этой же основе РКИ предполагает реорганизовать в ближайшее время и остальные синдикаты и главные управления. Среди них, в одну из первых очередей намечены к реорганизации Химсиндикат и Главхим. РКИ предлагает все руководство химической промышленностью теперь же об'единить в одном органе, путем слияния Главхима с Химсиндикатом и передачи об'единенному органу всех капиталов химической промышленности и сосредоточения у него всей прибыли последней. Здесь намечается не только слияние управленческой работы с оперативной, но и значительное усиление оперативных позиций синдиката и Главхима, путем передачи им всех капиталов трестов.

Таким образом под управление промышленностью подводится не только новая оперативная, но и материальная база, между тем, как сейчас Главные управления ВСНХ не имеют никакого права непосредственного распоряжения материальными ресурсами подведомственной им отрасли промышленности. По проекту РКИ, тресты,

как коммерческие организационные центры, ликвидируются, а заводы непосредственно подчиняются общеотраслевому центру. В виде некоторого рудимента бывших трестов, предполагается оставить лишь особые технические управления, образуемые при главнейших заводах или в районах нескольких заводов. В задачи этих технических управлений входит изучение производства на основе заводских технических отчетов и калькуляций, наблюдение за выполнением директив по снижению себестоимости, установление норм сырья, топлива и материалов, контроль за качеством продукции, введение новых технологических процессов, руководство рационализаторской работой и т. п.

Намечаемую в лице особых технических управлений организацию технического руководства промышленностью нельзя считать окончательной. Хотя сейчас организация их, повидимому, была бы действительно целесообразной, но есть основания думать, что они представляют собою только переходную форму в развитии централизованного технического руководства промышленностью.

Мы идем, таким образом, к полному сращиванию, с одной стороны, трестов и синдикатов, и, с другой — синдикатов с соответственными наркоматскими управлениями. Но одновременно (как это можно усмотреть из опыта создания Госбанковского текстильного агентства внутри текстильного синдиката) намечается еще и сращивание этих новообразований с соответственными банковскими организациями. Не только организация нашего материального хозяйства подымается сейчас на высшую ступень, но одновременно подготовляется сращивание материального и финансового хозяйств (знаменательный начальный шаг по пути натурализации обобществленного сектора) и сращивание оперативно-хозяйственного и управленческого аппаратов (многозначительное звено в процессе преобразования советского государства).

XI

Такова линия общего развития синдикатской системы. Линия эта не представляет собою произвольной конструкции. Она — результат не спекулятивного умозрения, а анализа фактического развития наших синдикатов.

Было бы недопустимо, если бы мы, анализируя реальный ход развития синдикатской системы, ограничивались одним лишь скудным описанием отдельных частностей. Задача всякого теоретического изучения заключается в том, чтобы заставить эти частности говорить языком обобщений, языком больших линий развития. Но из того, что практика подводит нас к такого рода обобщениям, не следует, что практика полностью достигла того уровня, который абстрактно выражен в этих обобщениях. Из того, что та или иная общая тенденция уже наметилась не следует, что она единодержавно господствует в практике, вытеснив и преодолев остатки прежних

образований. Было бы недопустимо из-за деталей не увидеть общей линии. Но не менее ошибочно было бы, под влиянием выявившейся общей линии, оторваться от реальной действительности с ее многообразием перекрещивающихся тенденций, и разнообразием стадий развития. Дать этой тенденции (как бы она ни была важна для понимания основной линии развития) заслонить все многообразие фактической действительности было бы также недопустимо. Лишь конкретное описание может показать, каков на данной стадии удельный вес и значение этой тенденции в многообразной практике отдельных синдикатов, в какой мере она фактически окрашивает собою работу того или иного из них.

На деле не все синдикатские организации одинаково продвинулись в обрисованном направлении. Одни находятся в начале этого процесса, другие прошли уже полпути и больше. Одни пошли уже далеко в организации сбыта, другие в организации снабжения и т. д. Дальше всех пошел ВТС. Но и он не поглотил еще формально трестов и не оформился в синдикато-трест. Даже в этом авангардном синдикате наметились только основные элементы, а последовательная перестройка, на основе новых принципов и в нем не закончена. Поэтому, о полном, „классическом" преодолении нэпа внутри отдельных отраслей обобщественного сектора пока нельзя еще говорить. В одних синдикатах сохраняется не только коммерческая форма, но и самый коммерческий характер взаимоотношений (на ряду, конечно, с тенденциями к их преодолению). В других — коммерческое существо на три четверти уже выветрилось, но осталась еще коммерческая форма и еще не произведена формальная реконструкция, дающая новому существу соответственное выражение.

Однако, отнюдь не обязательно, чтобы все элементы новой системы сначала созрели в недрах старой формы и чтобы лишь потом, когда они созреют, этому внутренне законченному процессу было дано соответственное внешнее выражение. Разве в нашем духе отрекаться от стимулирования сверху органических процессов? Ведь именно в этом, последнем порядке было произведено слияние ВТС и Главтекстиля и передача синдикату управленческих функций. Именно в этом порядке РКИ предполагает сейчас произвести реорганизацию Главхима и входит с общим предложением о реорганизации синдикатской системы.

Для того, чтобы оформление могло состояться, нет надобности, чтобы все элементы были предварительно налицо. Не надо из органичности процесса делать себе идола. Она лишь метод (один из методов) осуществления нужного перехода. Решающее значение имеет, очевидно, существо перехода, а не его метод. Важно лишь переход осуществить наиболее коротким и практичным путем. Решающее значение имеет только вопрос о практической подготовленности перехода.

Если элементы данного перерождения на три четверти определились и тем самым выяснилась подготовленность синдиката к охвату всех сторон деятельности треста, выяснилась его практическая компетентность и деловая квалификация, то завершение процесса может быть произведено и сверху в порядке регулирующего акта.

Если в прошлом развитие синдикатской системы характеризовалось спонтанностью и органичностью, то на базе этого предыдущего развития мы сейчас повидимому подошли к полосе планомерной, сознательно-принципиальной реконструкции синдикатов сверху.

XII

В тот период, когда мы над отдельными фабриками и заводами создавали трестовскую систему, мы строили в сущности второй этаж нашего хозяйственного здания. После этого внутри обобществленного сектора нам оставалось построить еще только два этажа: целостные отраслевые организации (отраслевые синдикаты, перерастающие в отраслевые тресты), а затем единый народнохозяйственный центр оперативного типа (Синдикат синдикатов, постепенно превращающийся в сверхтрест и прибирающий к своим рукам одновременно и производство и „обращение", и перераспределение ресурсов, т.-е. функции финансовой системы, и функции управления). Система отраслевых об'единений, — наш третий этаж, сейчас близок к своему завершению. Нам остается, следовательно, построить еще только один, последний этаж, и социалистическая организация оперативного руководства обобществленным сектором будет закончена.

Предстоящая нам, по этому четвертому этажу, строительная работа будет, в основном, воспроизводить черты проделанной только что эволюции от треста к синдикату. Различие между работой по третьему и четвертому этажам будет заключаться, прежде всего, в том, что в последнем строительство будет происходить на более высокой ступени и с меньшим числом об'ектов. Немногочисленность отраслевых систем и то обстоятельство, что развитие пойдет здесь на основе решающего опыта трестовской эволюции к отраслевому синдикато-тресту, позволяет думать, что эволюция от третьего этажа к четвертому пойдет скорее и легче, чем строительство предыдущего этажа и не потребует для себя 6—7 лет, как это было с синдикатами.[1] Есть основание думать, что задача эта будет вчерне решена еще в пределах нынешнего пятилетия.

[1] Это ускорение в темпе развития отмечает и Совет синдикатов. „Если в синдикатах, организовавшихся до 1926/27 г., процесс синдицирования растянулся на ряд лет и происходил постепенно, то синдикаты, организовавшиеся в 1927/28 г., уже в 1928/29 г. концентрируют сбыт подавляющей части продукции, об'единяемых ими отраслей промышленности" („Синдикатская система СССР" 1929 г., стр. 1).

Правильный учет путей и методов синдикатского строительства и умелый перенос их в следующий этаж, при социалистической реорганизации межотраслевых отношений, сыграет огромную роль в процессе преодоления нэпа внутри обобществленного сектора.

Именно такая организация, как синдикат, т.-е. одна из „самых нэповских" организаций, стала основным органом преодоления нэпа (внутри обобществленного сектора). И это понятно. Нэп означает, прежде всего, рынок. Преодоление нэпа означает поэтому, прежде всего, преодоление рынка. Но очевидно, что непосредственно эту задачу должна была взять на себя та государственная организация, которая действует на рынке и его организует. Внутри отдельных отраслей такой организацией является синдикат и кооперативная система; в межотраслевой сфере такой организацией станет Синдикат синдикатов. Вот почему значение их для проблемы преодоления нэпа внутри обобществленного сектора огромно.

Мы значительно ближе к замене товарно-денежных форм „обращения" социалистическим распределением ресурсов, чем это кажется сейчас. Значительный шаг в этом отношении (и прежде всего в пределах обобществленного сектора) будет сделан еще в нынешнее пятилетие.

Широко усвоено, что наша пятилетка есть план великих работ. Но не надо упускать, что это пятилетие будет периодом и великих организационных реформ и начала преодоления нэпа.[1]

---

[1] Настоящая статья в основном была написана задолго до постановки НКРКИ и ВСНХ вопроса о реорганизации управления промышленностью. Последующие конкретные предложения РКИ и ВСНХ нашли поэтому в ней лишь слабое отражение.

Е. С. Ефраимский

Порайонный план и его значение для кооперативного планирования[1]

II

Значение порайонного подхода при планировании сел.-хоз. кооперации мы уже коротко, и в самом общем виде, определили выше, указав, что районный разрез кооперативного плана и есть собственно основная форма его. Это целиком вытекает из самой сущности кооперации, являющейся орудием организационно-производственной и социальной реконструкции села.

В осуществлении районной политики эта сущность кооперации раскрывается с наибольшей полнотой, ибо здесь кооперация непосредственно и сознательно ставится на службу народнохозяйственным целям; здесь возможности, доставляемые кооперативной формой организации, используются с необыкновенной полнотой. Вместе с тем здесь же обнаруживается и величайшая необходимость кооперации. В самом деле, осуществление таких сложнейших и тончайших конструктивных задач, какие выдвигаются районированием, в условиях многомиллионного распыленного мелкого крестьянского хозяйства было бы совершенно невозможно без кооперативной организации их. Придание известной территории той или иной специализации, неизбежно связанное в большинстве случаев с коренной ломкой веками существовавших здесь приемов хозяйствования; внедрение новой машинной техники, также вызывающей необходимость перестройки организационного уклада хозяйства — все это в условиях централизованной плановой системы хозяйства было бы неосуществимым без кооперации. В этой ее роли в качестве мощного орудия в руках ведущего социалистического уклада и заключается ее гигантское социальное значение. Но эта ее сущность в условиях планового хозяйства в противоположность стихийному, где ее роль в качестве орудия подчинения отсталых укладов капиталистической линии развития проявляется в об'ективной закономерности, должна быть так сказать, организована или иначе: кооперация должна быть поставлена на службу сознательно осуществляемой политике пролетарского государства, ибо только в этом случае она „приобретает" свою сущность.

---

[1] Окончание. См. „Плановое Хозяйство" № 7, 1929 г.

В этом отношении нам предстоит еще многое сделать. Тов. Калинин на XVI партконференции отмечал, что сел.-хоз. кооперация не развила всех своих способностей и возможностей в деле производственного кооперирования крестьянства; то же в известной мере отмечает и пятилетний план сел.-хоз. кооперации. Это значит, что основную свою задачу—производственной реконструкции крестьянского хозяйства — кооперация должным образом еще не поставила, следовательно, сущности своей еще в полной мере не обнаружила. Эта задача форсированным темпом ставится сейчас. Первым шагом в этом направлении является постановление ЦК ВКП(б)[1] „об организационном построении сел.-хоз. кооперации", в котором задача производственного кооперирования, задача непосредственного и всестороннего воздействия на самый процесс производства в крестьянском хозяйстве поставлена с исчерпывающей полнотой. Но задача воздействия на процесс производства, столь диференцированного по различным районам, не может не ставиться и разрешаться диференцированно. Поэтому п. „а" постановления говорит: „Разрешение этих задач должно итти по линии: а) образования специальных систем сел.-хоз. кооперации по основным отраслям сел.-хоз. производства для каждого района..." При этом речь, конечно, идет не только о приспособлении производственной деятельности кооперации к ныне существующей территориальной диференциации сел.-хоз. производства, но и, очевидно, об участии ее в создании новой специализации данной территории, в создании нового района. Иначе и быть не может. Если районирование означает построение районов, а район есть пока еще строящийся район, то районирование кооперативной работы не может быть ничем иным, как диференцированным, по районам, строительством будущей специализации, ибо осуществление будущей сел.-хоз. специализации района, как уже было отмечено, без помощи кооперации невозможно. Выражаясь фигурально, кооперация здесь выступает в роли общественного подрядчика, непосредственно выполняющего для государства, для народного хозяйства по инженерному проекту Госплана постройку нового здания реконструированного сельского хозяйства.

Эта роль кооперации, ее значение в разрешении реконструктивных задач сельского хозяйства в достаточной степени оценена и используется системой финансового капитала. Германский финансовый капитал, благодаря наличию в стране широко разветвленной, организационно-крепкой системы сел.-хоз. кооперации, уже во время войны при помощи этой последней удовлетворительно разрешил некоторые, довольно крупные реконструктивные задачи в сельском хозяйстве (значительные изменения в зерновом клине, увеличение мясного животноводства, временное, правда, но достаточно приемлемое в условиях войны разрешение кормового вопроса и т. п.). Возникшая из уроков войны (вернее, снова ожившая) идея обеспечения Германии собственным продовольствием воплотилась в довольно внушительные планы технической реконструкции германского сельского хозяйства, предусматривавшие значительную механизацию его, увеличение применения искусственных удобрений и т. д.[1] Громадная роль кооперации в разрешении этих задач выявилась уже в самом начале, при запроектировании необходимых для решения упомянутой задачи темпов механизации сельского хозяйства. Дело в том, что с развитием техники усложняются и укрупняются сел.-хоз. машины, становящиеся, таким образом, все менее доступными мелкому хозяйству, благодаря чему осуществление механизации сельского хозяйства в условиях мелкого хозяйства становится невозможным. То же самое и с осуществлением предположенных мероприятий по улучшению обработки, удобрениям и т. п. Из центрального министерства организовать и проконтролировать исполнение этих мероприятий 5 млн. сельских хозяйств мудрено. Какой же выход из этого положения? Этот выход монополистический капитализм уже давно видит в кооперативной организации закупки и использования сел.-хоз. машин. При таком положении и при условии выдачи государством испрашиваемых у него кредитов задача оказывается более или менее разрешимой — по крайней мере теоретически.[2] В какой степени кооперативная организация окажется при режиме эксплоатации финансовым капиталом крестьянства действительно способной выполнить возложенную на нее миссию подчинения мелкого крестьянского хозяйства капитализму, покажет, будущее, так как мы находимся только в начале осуществления плана механизации германского сельского хозяйства. Нет сомнения, однако, что монопольно-высокие цены на сел.-хоз. машины, их дороговизна, вытекающая из сложности их, потребуют высоких, недоступных мелким хозяевам, паев от вступающих в машинные товарищества, что несомненно ограничит и емкость сельского хозяйства в отношении этих машин;

[1] Статья была уже готова, когда было опубликовано (в „Правде" от 29/VI) это постановление, с которым выводы и предложения статьи целиком совпадают.

[1] См. любопытные расчеты E. Zander'a в „Technik in der Landwirtschaft". №№ 2, 4, 5 и 7 за 1925 г. Подробнее о постановке вопроса об обеспечении Германии собственным продовольствием и роли кооперации в решении этой проблемы см. нашу работу „Сел.-хоз. кооперация в системе монополистического капитализма", Харьков. 1929 г.

[2] Значение кооперации здесь лучше всего иллюстрируется следующими двумя подходами к разрешению задачи механизации германского сельского хозяйства. Э. Цандер, принимая, что для увеличения продукции сельского хозяйства на 20% потребуется капитальных вложений на 11 мрд. марок, исходил при этом из того положения, что машины и прочее приобретаются единоличными хозяевами. Для этого ему пришлось „наделить" тракторами хозяйства в 20 (и выше) *га*, что вряд ли реально. Короче, Э. Цандер сводит свой план с громадным напряжением. Совершенно иные, куда более оптимистические перспективы механизации германского сельского хозяйства рисует Курт Рихтер в своей книге „Die Genossenschaft in der deutschen Landmaschinen Wirtschaft", опирающейся главным образом на кооперативную организацию машинопользования.

выходом из этого положения будет, очевидно, организация кооперативных (возможно и частнокапиталистических) прокатных пунктов и т. п., тем более, что кооперативная форма организации крестьянских средств производства сама становится в противоречие с господствующим социальным укладом капитализма. Такова уже природа финансового капитала, что отдельные экономические задачи его вступают в противоречие друг с другом (задача извлечения монополистической сверх-прибыли, т.-е. „задача" эксплоатации крестьянства и задача реконструкции, повышения производительности сельского хозяйства.). Однако, важно то, что при всем том в непосредственном разрешении этих противоречивых задач, кооперация призвана играть (и играет) громадную, хотя очень мало почтенную, роль основного исполнительного аппарата финансового капитала.

Благоприятное положение нашей кооперации, гарантирующее выполнение ею возложенных на нее задач, прежде всего заключается в отсутствии противоречий между ее производственными и социальными задачами. Решение производственных задач само подготовляет решение стоящих перед нею социальных задач, не только не встречающее сопротивления со стороны господствующего уклада, но и всячески им поощряемое. Отсюда гигантское значение работы советской кооперации даже в чисто организационно-технической области. Работа же ее здесь также встречает благоприятствующие моменты в отсутствии противоречий с господствующим экономическим укладом (отсутствие эксплоатации государственной промышленностью крестьянства и т. п.). Вот почему на задачах кооперации в области реконструкции сельского хозяйства в наших условиях необходимо сделать особенно сильное ударение. В кооперации мы создаем „ту степень сочетания частного интереса с общим" (Ленин), без коей немыслимо увлечь крестьянство на путь широкой реорганизации его хозяйства.

Как же должна кооперация подойти к выполнению стоящих перед ней задач?

Необходимо прежде всего учесть, что задача реконструкции сельского хозяйства. между прочим, находящая себе выражение в районной специализации его и имеющая целью общий под'ем его производительности,— имеет две стороны.

Первая, собственно „районная", сторона задачи заключается в осуществлении тех технически-организационных мероприятий, которые служат специализации данного района, кристаллизации его качественной физиономии. Это — наиболее диференцированная — качественно и количественно — сторона общей задачи.

Вторая, социальная и обще-реконструктивная сторона задачи, менее диференцирована по районам и менее связана с специфической качественной характеристикой района: задача обобществления — социалистической переделки производственных отношений — касается всех районов, независимо от их специализации; то же самое и в отношении общей механизации, химизации и т. д. Это, однако, не значит, что районные особенности не вносят и сюда некоторых и довольно значительных изменений.

Остановимся сначала на первой стороне задачи.

Если в своих социальных и обще-реконструктивных задачах кооперация сколько-нибудь самостоятельна, то в своих, собственно „районных", задачах кооперация и ее планы целиком определяются общей сел.-хоз. политикой и планом. Это, прежде всего, означает то, что порайонный кооперативный план может быть составлен только тогда, когда налицо будет порайонный сел.-хоз. план. Только четкий перспективный порайонный план сельского хозяйства может служить директивой и руководством для составления плана сел.-хоз. кооперации. Пока такого порайонного плана развития сельского хозяйства еще нет, невозможно говорить о конкретных очертаниях кооперативного порайонного плана. Однако, основные методологические установки могут быть сформулированы уже теперь. К ним мы сейчас и перейдем.

1. Самый характер порайонного плана сел.-хоз. кооперации выдвигает на передний план вопрос об увязке кооперативного планирования с государственным, или говоря уже, с наркомземовским. Здесь требуется самая тесная связь не только между соответствующими секциями Госплана, но и между кооперативными центрами, с одной стороны, и наркомземами республик — с другой. Трудности согласования, возникающие здесь в связи с самостоятельностью республиканских наркомземов и отсутствием общесоюзного, разумеется, нелегко преодолимы. На чем следует, главным образом, строить это сотрудничество? Мы бы сказали — на совместном разрешении даже организационных вопросов. Самый приступ, например, к осуществлению чисто „районных" мероприятий, расстановка основных сил, пионеров, переустройство района,— все это должно быть и спланировано, и непосредственно осуществлено в теснейшем сотрудничестве с органами Наркомзема. Громадное значение при этом приобретает использование сел.-хоз. кооперацией научно-исследовательских учреждений НКЗ: опытных станций, селекционных заведений, питомников и т. п., помощь которых может оказаться весьма существенной в запроектировании и осуществлении такой системы мер и такого их территориального распределения по району, которые сразу дали бы толчок к переустройству района.

Связь кооперации с органами НКЗ, вообще желательная и необходимая в области планирования, не должна ограничиться обменом планами и последующим обсуждением способов их осуществления: к самому составлению планов каждого органа (кооперации и НКЗ) должны быть привлечены работники другого. Такое сотрудничество безусловно гарантирует максимальное соответствие кооперативных планов действительным возможностям и потребностям сельского хозяйства и всего народного хозяйства.

2. Порайонное кооперативное планирование, на основе определенных порайонных заданий, требует различных подходов, в зависимости от характера заданий. Если, как, например, в отношении ЦЧО, новых сел.-хоз. областей Сибири и Казакстана, районное задание имеет в виду значительную реконструкцию района, изменение его качественной физиономии, то в таких случаях задача неизмеримо сложней, чем в условиях необходимости лишь углубления наметившихся тенденций, продолжения уже обозначившегося курса.

Возьмем эти наиболее сложные случаи. Как здесь подойти к выполнению стоящих перед кооперацией задач? Представим себе, что одной из реконструктивных задач в данном районе является насаждение известной промышленной культуры, как, например, свеклосеяние, которое предполагается развить в некоторых округах Сибири (Западной). В кооперативном плане эта задача находит свое выражение (или отражение) в запроектировании для данного района ряда свеклосевных товариществ, контрактации N-го количества *га* плантаций и т. д. При этом центр тяжести осуществления плана находится в самом кооперативном строительстве, а не в контрактации и др. мероприятиях, которые являются в известной мере следствиями первой.[1] При областном подходе, упомянутое запроектирование будет выражено известной суммой специальных товариществ, тысяч *га*—и только. Этого далеко недостаточно. Вот почему, такой подход должен быть дополнен еще, так называемым, микрорайонным, выражающимся в доведении плана до района (укрупненной волости) включительно. При таком подходе, на передний план выступает такая задача: как и где начать? Начать ли формирование лица будущего района одновременно во всех точках его площади или как-нибудь иначе. Элементарное соображение о наиболее эффективном использовании имеющихся средств (кредитов, машин, посевматериала и т. п. для новоорганизуемых товариществ) говорит против одновременного начала, против сплошного подхода к реконструкции района. В каждой известной административной единице—укрупненной волости (районе)—необходимо (и возможно) выделить часть территории (примерно, площадь сельсовета), которая представляла бы наиболее благоприятное сочетание природных и экономических условий, с точки зрения поставленных перед всем районом производственных целей: выделенная территория и должна служить об'ектом первичного воздействия кооперации. В микрорайонном плане (в зависимости от длительности, на какую рассчитан план)

[1] В самом деле, контрактация в качестве стимула может иметь значение там, где идет лишь речь об увеличении продукции уже давно производимой культуры, но создать при помощи контрактации новые отрасли (культуры, группы культур), разумеется, невозможно. Лишь кооперативное товарищество, непосредственно организующее новое производство, может обеспечить его внедрение в данный район (см. об этом ниже §§ 4, 5).

затем предусматривается и очередность дальнейшего развертывания кооперативного строительства.

В пределах всей области, в наиболее подходящих округах, возможно (и весьма желательно) выделение одного-двух сплошных районов (укрупненных волостей), целиком охватываемых кооперацией в первый же период строительства и предназначенных служить базой слияния на весь сел.-хоз. район. „Базовые" специальные кооперативы в укрупненных волостях, построенные в оптимальнейших (сравнительно с наличными в волости—районе) природно-экономических условиях, „базовые" кооперированные районы (один-два, не более)—для всей области,—все это безусловно надежный и достаточный фундамент для производственной реконструкции района (в согласии с плановым заданием). Такая, строго взвешенная, целесообразная, научно-обоснованная дислокация первых кооперативов, пионеров переустройства района, сопровождаемая сосредоточением в них необходимых средств и людских сил, требуется самой ответственностью задачи. Увлечь крестьянство на путь коренной перестройки своего хозяйства, не обеспечив ему в первый же год сколько-нибудь осязательного результата, значит погубить дело совершенно: в то же время успех находящегося в данном районе у всех на виду, „базового" товарищества может оказать громадное влияние на ускорение процесса перестройки остальных хозяйств района. Этим самым при гораздо меньшей затрате средств и сил может быть обеспечен значительный эффект, ибо дальнейшее кооперирование уже сможет развиваться на базе перестроившегося крестьянского хозяйства.

3. Перейдем теперь к вопросу о мобилизации и использовании средств, при помощи которых кооперация осуществляет свое воздействие на реконструируемый район. Отнюдь не становясь на точку зрения „благотворительности" в работе кооперации, мы все же считаем необходимым, на ряду с использованием мобилизуемых в самом крестьянском хозяйстве средств, привлечение известной части их извне. Речь тут может итти в первую голову о государственных кредитах во всех видах. Но особую роль должно сыграть снабжение крестьян сортовым посевным материалом, если речь идет о введении новой культуры, племенным скотом, если речь идет о насаждении молочного или мясного животноводства и т. д. В ряде случаев, особенно, скажем при развитии интенсивного молочного животноводства в ЦЧО, Левобережной Украине (Донбасс) и др. кооперация встретит условия, перестройка которых без внесения новой техники, новых методов хозяйств почти ничего не может дать. Здесь нельзя ограничиться, так сказать, экстенсивными методами воздействия на крестьянское хозяйство (например, созданием выгодных возможностей сбыта обычно потребляемой в хозяйстве молочной продукции, путем сбыта в свежем виде или даже путем заводской переработки). Эти методы, может быть, поднимут товарность этого вида продук-

ции (очень часто, как это имело место в Германии, за счет недопотребления семьи), но не повысят производительность этой отрасли хозяйства, не вызовут желательного переустройства его, наконец, не вызовут повышения удельного веса этой отрасли во всей системе хозяйства до той желательной степени, которая позволила бы нам сказать, что реконструкция района имела, действительно, место. Отсталому, в особенности, бедняцкому хозяйству надо помочь приспособиться к новым, созданным кооперацией, возможностям сбыта; полагаться же на магическое влияние этих возможностей (будь то маслодельный завод или хорошо налаженная организация сбыта свежего молока) ни в коем случае нельзя. В лучшем случае такое искусственно созданное „влияние рынка" обеспечит слишком медленный темп переустройства крестьянского хозяйства. Этому экстенсивному, полустихийному методу необходимо противопоставить интенсивные производственные методы работы кооперации по переустройству крестьянского хозяйства. Суть этих методов (разумеется, не исключающих и первые) заключается во внедрении в самое крестьянское хозяйство ряда организационных мер. Сюда относится прежде всего, обновление породы скота, ее улучшение путем организации случных племенных пунктов; организация кормового хозяйства, включая, где это требуется, и организацию стойлового кормления (проблема самих кормов, затем — кормления и т. д.); рационализация ухода за скотом; „капитальные вложения" в оборудование, постройки и т. д. [1] Все эти мероприятия уже не означают „пассивного приспособления" отсталого крестьянского хозяйства к выявившейся для него новой доходной возможности — и только, что обычно оставляет строй хозяйства, по крайней мере, на долгие годы неизменным. Нет, здесь мы имеем уже подлинную реконструкцию хозяйства, меняющую весь облик района, при том не преходящую, а постоянную.

В перспективном порайонном плане все эти мероприятия учитываются в суммарных по району показателях количества посевного материала, необходимого для снабжения предполагаемых к организации товариществ, племенного скота — для организации случных пунктов на товарищеских началах (или при общих молочных товариществах) и т. д. Что касается, так называемых, экстенсивных методов переустройства района, по сути своей относящихся к рыночным методам воздействия на крестьянское хозяйство, то они, естественно, должны применяться параллельно. В каких, конкретно, формах, — об этом речь будет итти сейчас.

[1] Свое подлинно организующее и реконструирующее значение эти мероприятия уже проявляют в том, что применяются в условиях иногда совершенного отсутствия даже эмбрионов будущей, организуемой кооперацией, специализации района: например, когда мы путем этих мероприятий беремся создавать молочное животноводство в районах с отсталым, играющим лишь служебную роль животноводством, когда мы создаем в этих целях молочное товарищество из нескольких десятков дворов с „дохлыми" коровенками, с ничтожным выходом молока и т. д.

4. Отдельные элементы перспективного (его в то же время можно было бы назвать конструктивным) порайонного плана развития кооперации взаимно контролируют друг друга. План организации товариществ является в известной мере директивой для планирования сбыта, поскольку в интересах развития этих товариществ необходимо обеспечение сбыта продукции их членов. Но, в то же время, показатели заготовок (сбыта), поскольку они определяются давлением определяющих работу кооперации потребностей промышленности, продовольствия рабочих и т. п. моментов, — являются, в известной мере, и директивой (контрольными цифрами) и для развития сети кооперативных товариществ, для развития кооперирования; ибо последние суть главное условие поднятия сел.-хоз. производства до уровня, диктуемого „заготовительными" показателями.

Имея в виду эту диалектическую связь обоих элементов плана, остановимся сейчас на конкретных очертаниях их взаимоотношений.

В условиях все растущей емкости рынка для сел.-хоз. продуктов проблема сбыта у нас, вообще говоря, разрешается сравнительно легко. Однако, в новых, реконструируемых районах, характерных своей специализацией, проблема сбыта все же значительна. Специализация на производстве какой-нибудь культуры, поглощающей основную часть пашни, уничтожение обычной в наших условиях смешанности крестьянского хозяйства, создававшей в нем чуть ли не полную автаркию, делает крестьянина весьма зависимым от рынка. И здесь дело не только в том, чтобы сбыть продукт вообще, но и в том, чтобы сбыть своевременно, дабы обеспечить таким образом, возможность своевременного же начала следующего производственного цикла. Отсюда — гигантское значение контрактации для крестьянина, представляющей, кстати заметим, неизмеримо больше выгоды нашему кооперированному крестьянину, нежели пресловутое ломбардирование, применяемое „образцовой" германской кооперацией — немецкому крестьянину. С этой стороны, значение контрактации вырастает до степени косвенного фактора реконструкции, а там, где она сочетается с прямым внедрением рядом организационных мер в производственные процессы крестьянского хозяйства, она поднимается и до уровня прямого фактора переустройства крестьянского хозяйства. Но все-таки пределы влияния, могущего быть оказанным на крестьянское производство через контрактацию, ограничены и, главное, не носят систематического характера. Главная задача и роль контрактации в деле формирования района заключается прежде всего в подведении прочного базиса под исполненное риска, в условиях работы на широкий рынок, существования специализированного крестьянского хозяйства, дабы, таким образом, подвести прочный базис под специализацию всего района. Разумеется, при этом не последнюю роль играет и соответствующая политика цен, снабжение районов технических культур хлебом и т. п. Большое значение приобретает контрактация в руках упомянутых выше „ба-

зовых" товариществ: в их руках контрактация, соединенная с производственной помощью окружающему некооперированному крестьянству, может послужить действительным средством, хотя бы частичного, втягивания последних в процесс реконструкции хозяйства. Подобно контрактации, индустриализация сельского хозяйства (устройство маслодельных заводов, льнообрабатывающих и хлопкоочистительных заводов и др.) имеет значение главным образом для кооперированного крестьянства, уже втянутого в процесс переустройства их хозяйств, хотя при этом некоторое влияние и на сохраняющее старый уклад крестьянское хозяйство она также окажет.

Исходя из всего этого, а также из указанной в начале настоящего пункта взаимосвязи сбытовой проблемы (тождественной, по крайней мере, сейчас с контрактацией) с организационно производственной, необходимо показатели контрактации запроектировать, исходя из желательной к концу планового периода степени перестройки и оформления района. Показатели контрактации, таким образом, будут служить директивой, определяющей темпы организационной работы кооперации, директивой тем более авторитетной, что она продиктована потребностями всего народного хозяйства. Имеющиеся уже в настоящей пятилетке показатели по контрактации (или просто, по заготовке), скажем, технических культур, будучи разверстаны по районам (в том числе и новым), должны означать для кооперации директиву о разворачивании интенсивной организационной работы (в особенности, в новых районах) на предмет соответствующей плановым заданиям перестройки существующего в этих районах в настоящее время уклада (системы) хозяйства. Так должны преломляться в порайонном кооперативном плане эти общие количественные показатели-директивы.

5. Усиленно подчеркиваемая нами задача кооперации непосредственно способствовать реконструкции хозяйства в соответствии с районной специализацией выдвигает перед ней самой задачу более глубокой специализации. Роль кооператива в качестве инициатора переустройства крестьянского хозяйства, выражающаяся уже в том, что специальный кооператив создается еще до того, как новая специальная культура внедрилась в хозяйство и для того, чтоб производство этой новой культуры организовать, эта весьма ответственная производственная роль требует сосредоточения на себе всего внимания членов, большой подготовки, специальных знаний и т. п. Такую роль не может выполнять ни кредитное товарищество, имеющее ряд побочных функций, ни какая-нибудь иная универсальная форма кооператива, а только специальное товарищество. Исходя из этих же соображений, мы считаем необходимым и в зерновых районах, в целях организации там специализированного, но рационально ведущегося хозяйства, в целях перестройки его для производства наиболее необходимых товарных хлебных культур,— организовать

сеть первичных хлебных товариществ. Даже в „переходной" украинской степи имеет смысл организовать эти товарищества, ибо с их помощью удастся осуществить и те мероприятия, которые не меняя пока зерновой характеристики этого района, постепенно подготавливали бы переход его к иной специализации. Несмотря на давно и ярко определившийся зерновой уклон степи, там остается еще решить ряд больших организационно-производственных задач зернового хозяйства, с которым кредитная кооперация не справится. Здесь требуется специальная хлебная кооперация[1] в крайнем случае, хотя бы в виде районных центров, могущих обслужить в организационно-техническом, производственном отношении и зерновые колхозы.

В свете проблемы порайонной специализации должны рассматриваться и задачи машинотракторных станций, которые особенно много могут сделать в отношении производственной реконструкции хозяйства и всего района. Их роль и значение в этом отношении почти равняются роли „базовых" кооперативов. Поэтому в запроектировании количества этих станций необходимо самым строгим образом учесть порайонное их распределение.

6. Само собой разумеется, что специализация районов, вносящая полную ясность в перспективы развития отдельных видов кооперации, достаточно точно определяет также будущую и настоящую потребность в кооперативных кадрах. Задача организации строительства новых районов (переустройство старых) уже теперь пред'являет достаточно дифференцированный спрос на работников различной специальности. Отсюда, без лишних слов, видно громадное значение и безусловная необходимость порайонного подхода и в отношении плана подготовки и мобилизации для настоящего времени кооперативных кадров. При этом необходимо учесть растущее значение, в особенности, для первичной кооперации кооператора-агронома, постепенно, в связи с прогрессирующей специализацией кооперации, становящегося „центральной фигурой" кооперативного аппарата.

7. Порайонная специализация нашего сельского хозяйства, выдвигающая задачу усугубленной специализации кооперации, в то же время обусловливает убывающее значение универсальных ее видов, в первую очередь сел.-хоз. кредитных товариществ. Даже специализированная форма кредитного товарищества (немецкого, вообще

[1] В отношении старых зерновых районов, в том числе и украинской степи, запроектированный Всесоюзным советом колхозов усиленный темп строительства колхозов (их простейших видов-товариществ СОЗ, в особенности), может в известной мере снять проблему строительства специальной хлебной кооперации. Но только до известной степени. Наличие больших трудностей в организации даже простейших колхозов необходимо учесть заранее и, поэтому, одновременно необходимо запроектировать организацию известного числа хлебных кооперативов, хотя бы с большим радиусом действия. Во всяком случае, районный центр хлебной кооперации безусловно необходим (повторяем, и для организационно-производственного и сбыто-снабженческого обслуживания колхозов, трудности формирования коих можно будет, таким образом, облегчить).

европейского типа) в (наших) условиях курса на комплексный кредит, материальное содержание которого целиком определяется данной районной специализацией, не оправдает себя, и функции кредитных товариществ с успехом смогут (должны будут ходом вещей) выполнять специальные товарищества. Старые возражения о неизбежности в таких случаях членства во многих кооперативах теперь отпадают, так как при специализации района с отличающей ее преобладанием одной-двух рыночных культур (или продуктов) может явиться надобность состоять только в одном, иногда в двух кооперативах.

8. Наконец, последний но в то же время очень важный вопрос, это—участие сел.-хоз. кооперации в организации совершенно новых районов земледелия путем переселения и заселения.

В общем народнохозяйственном плане районы заселения несомненно должны быть также специализированы, подчинены выполнению какой-нибудь определенной функции.[1] Однако, есть опасность, что эта специализация не будет осуществлена, если переселенцы будут предоставлены самим себе, если им самим придется приспосабливаться к новым условиям хозяйствования.[2] Так оно обычно и бывает: воспитанный веками на определенном производственном укладе, переселенец нередко целиком переносит его и в новую заселяемую область, хотя эта последняя ни в какой мере не отвечает потребностям прежнего уклада. Отсюда масса неудач, убытки, разорение и, в конце-концов, возвращение обратно или уход на новые места. В других случаях, переселенческое хозяйство, страхуя себя от риска, перестраивается на натуральный лад. В том и другом случае задача осуществления специализации нового района стоит под угрозой. Отсюда ясно значение организации такого обслуживания переселенцев на новых местах, которое обеспечило бы, с одной стороны, быстрое приспособление их к новым условиям, с другой — формирование специализации нового района. Разумеется, при этом одной лишь организацией сети агрономических учреждений в заселяемых районах не обойдешься. Здесь необходимо мобилизовать конструктивные способности кооперации, которая руководствуясь плановым заданием о характере специализации района и указаниями местных агрономических учреждений, непосредственно организовала бы эту специализацию, подобно тому, как это она призвана выполнять в реконструируемых районах старого земледелия.

Однако, конструктивная роль кооперации в строительстве нового района не исчерпывается этим. Сама организация заселения должна быть взята в кооперативные руки, что в громадной степени

[1] Так, собственно, ныне вопрос и ставится государственными органами, ведающими переселением. См. об этом статью М. Сафьянова: „Новое в переселении“ „Экономическое обозрение“, № 4, 1929 г.

[2] См. об этом главу о переселении в цит. выше книге Всесоюзного совета колхозов-

уменьшило бы издержки переселения, освободило бы государственную казну от части расходов, и, что особенно важно, рационализировало бы самое дело. Основные условия успешного заселения новой области, это — соответствующая подготовка ее, приведение в вид, доступный для обработки и эксплоатации. Само собой разумеется, что осуществление этих работ одними лишь средствами государства невозможно; но отдельные переселенцы также не смогут справиться с этой работой. И вот здесь нам совершенно непонятно то упорство, какое проявляется нашими органами переселения и кооперацией в игнорировании опыта Зап. Европы и др. стран. Там, в Италии отчасти Румынии, затем в Палестине, издавна вошли в практику, так называемые оккупационные товарищества. Занимающиеся за известную плату (по договору с государством, частными лицами, желающими парцеллировать свои имения и др.) подготовкой подлежащей колонизации земли. В Италии эти оккупационные товарищества (там они называются: „трудовые товарищества“) часто сами арендуют подготовленное („оккупированное“) ими имение или неудобные земли, образуя арендное товарищество. Типические оккупационные товарищества имеются в Палестине, где им, действительно, приходится отвоевывать у природы куски годной для обработки земли.

У нас эти оккупационные товарищества должны создаваться из самих переселенцев; помощь государства должна при этом выразиться лишь в обеспечении этих товариществ агротехническими силами, в нужных случаях,— продовольствием, частью материалами. Таким образом, кооперативно-организованный переселенец, рационально, благодаря кооперации, используя свои средства, сам подготовит себе свой будущий надел. Легко понять отсюда, как облегчится и задача коллективизации на новых землях.

Эту практику сел.-хоз. кооперация с успехом могла бы распространить и на мелиорационное дело, организуя мелиоративные товарищества из крестьян, которые потом захотят переселиться на мелиорированную землю. Речь идет, конечно, о мелиорации дальних земель. Таким путем, кооперация уже сейчас могла бы включиться в будущие гигантские работы по ирригации нижнеднепровской степи, взяв на себя непосредственное выполнение хотя бы части работ силами кооперативно-организованных будущих переселенцев.

Только так, широко понятые задачи кооперации могут оправдать ее роль и назначение в качестве орудия технической и организационной реконструкции сельского хозяйства.

* * *

Исчерпав (разумеется, далеко не полно) организационно-производственные задачи кооперации, связанные с районированием и районной специализацией сельского хозяйства, мы можем теперь коротко остановиться на социальных ее задачах, на второй стороне

воздействия кооперации на крестьянское хозяйство. Но прежде — два слова о некоторых общих технико-реконструктивных задачах кооперации, менее связанных с проблемой районной специализации.

Как мы отметили уже выше, технико-реконструктивные задачи (машинизация, химизация и т. п.), помимо своей районной определенности, имеют еще и общее значение: машинизировать вообще необходимо все районы, то же и с химизацией. И тем не менее, по крайней мере, в условиях недостаточного предложения сел.-хоз. машин, и здесь, в решении проблемы машинизации вообще, необходим порайонный подход, правда, ограничивающийся весьма скромной целью: установления известной очередности в снабжении районов машинами и удобрениями.

В перспективном плане кооперации эта проблема может быть выражена следующим образом: для первых лет перспективного плана очередность снабжения устанавливается не только в том отношении, что, скажем, тракторы, необходимые, вообще говоря, всем районам, направляются, в связи с значением для нас зерновой проблемы, теперь в основном в зерновые, но также и в том отношении, что в связи с необходимостью увеличения снабжения не специальными машинами (тракторами, скажем), ограничивается снабжение некоторых районов специальными машинами; в следующие годы, по мере преодоления давления производственных лимитов, уже предусматривается все возрастающее снабжение каждого района необходимые ему не только неспециальными, но и специальными машинами.

* * *

Что касается социальных задач кооперации, то мы, избегая повторений,[1] отметим в двух словах только наиболее важные положения.

Собственно социальные задачи в значительной мере разрешаются уже описанной организационно-производственной работой кооперации, поскольку она, таким образом, подготавливает переход к высшим коллективным формам земледелия. В этом отношении кооперация во всех районах одинаково хорошо делает свое дело

[1] По вопросу о порайонном подходе к планированию колхозного строительства написано довольно много. Укажем хотя бы на цитированную выше книгу Всесоюзного совета колхозов, обильные указания, разбросанные по многочисленным изданиям Госплана СССР и республиканских госпланов (материалы к пятилетке); см. так же статью Терлецкого: „Основные задачи коллективизации крестьянского хозяйства", в № 5 „На аграрном фронте" за 1928 г. Нужно при этом отметить, правда, что порайонный подход Всесоюзного совета колхозов страдает существенными недостатками, вытекающими из того, что вопрос о различии темпов по районам решается в зависимости не от должного, необходимого в том или другом районе темпа, а от „возможного", по мнению авторов, в силу тех или иных социальных условий. В этом отношении Терлецкий, правильно подчеркивающий мысль о необходимости более сильного темпа коллективизации в зерновых районах, стоит на более верной позиции.

подталкивая все районы к переходу к высшим производственным и социальным формам хозяйства. Однако, хотя задача коллективизации касается всех районов, вопрос о темпах перерастания различных видов кооперации в высшие формы и непосредственной организации этих высших форм может (и должен) разрешаться в зависимости от того или иного назначения района, от его специализации. Чем, с точки зрения потребностей народного хозяйства, ответственней в каждый данный момент функция района, тем совершенней в производственном и благополучней в социальном отношении должен быть этот район, тем, иначе говоря, интенсивней в нем должен быть темп коллективизации. В настоящий момент это означает необходимость всемерного усиления темпа коллективизации в зерновых и некоторых сырьевых районах. Наиболее важные пункты экономической смычки города и деревни должны быть в первую очередь изолированы от влияния капиталистических элементов, что предполагает устранение самой возможности их существования там (уничтожение процесса диференциации, удаление частнокапиталистических элементов связи, частной торговли и т. д.).

В остальных районах темпы коллективизации варьируют в зависимости от силы процесса диференциации крестьянства: в районах с более резкой диференциацией темпы коллективизации должны быть безусловно усилены. Но в этих районах процесс коллективизации и может пойти более быстрым темпом, в виду наличия благоприятных социальных условий. На это указывает и план Всесоюзного совета колхозов.

Этими указаниями мы можем ограничиться, отсылая читателя за более детальными суждениями по этому предмету к указанной литературе.

Т. К. Энгеев

Задачи и методы балансового учета международных хозяйственных отношений [1]

I

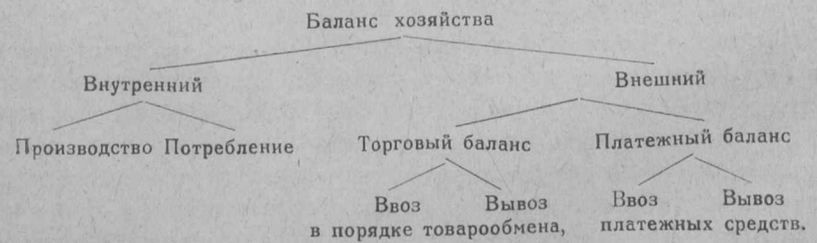
Для оценки хозяйственного положения отдельных стран чрезвычайно важное значение имеют опыты статистических характеристик состояния народного хозяйства этих стран. Пользование статистическими данными, отображающими те или другие стороны хозяйственной, политической, культурной и пр. жизни какой-либо страны, во многом способствует уяснению характера и уровня ее экономического развития. Данные такого порядка, однако, являясь разрозненными и не сведенными в единую систему цифр, не в состоянии еще обеспечить полного и достаточно всестороннего представления о хозяйственной жизни той или другой страны. Ясно ощущавшаяся необходимость в такой системе учета фактов экономического бытия, которая в состоянии была бы характеризовать жизнь народного хозяйства каждой страны и тем самым выявлять пути ее экономического развития, заставила выдвинуть идею баланса народного хозяйства.

Эта идея первоначально получила свое выражение в конструкции „баланса производства и потребления" (the balance of produce and consumption), предложенной А. Смитом. По мысли А. Смита такой „баланс производства и потребления" должен был отвечать на вопрос, увеличивается ли богатство страны или уменьшается. Если ценность ежегодного производства земли и труда — говорит Смит — превышает годовое потребление, капитал общества должен ежегодно увеличиваться в соответствии с этим превышением. Общество в этом случае живет в пределах своего дохода и то, что ежегодно от этого дохода остается, прибавляется, естественно, к его капиталу и служит в дальнейшем увеличению его годового производства. Если ценность ежегодного производства, напротив того, оказывается недостаточной для годового потребления, капитал общества должен будет ежегодно сокращаться в соответствии с этим недостатком.

Идею такого „баланса производства и потребления" А. Смит выдвинул в противовес утверждению (защищавшемуся меркантилистами), что вопрос о том, богатеет ли страна или беднеет, должен решаться на основе данных ее торгового баланса. Смит считал, что данные, характеризующие внешнехозяйственный оборот какой-либо страны, являются недостаточными для характеристики состояния народного хозяйства этой страны в целом. Может быть так — рассуждал Смит, — что баланс производства и потребления страны складывается из года в год с превышением производства над потреблением, капитал страны, в соответствии с этим, непрерывно возрастает и, используя этот растущий капитал, страна увеличивает свое производство; в это же время торговый баланс этой страны остается все время пассивным. Есть ли при этом достаточное основание утверждать, что хозяйственное благополучие страны идет на убыль? На этот вопрос Смит отвечает отрицательно. Исчерпывающую и правильную характеристику состояния народного хозяйства страны может дать, по мнению Смита, только баланс производства и потребления.

Такой баланс для Смита является чисто теоретической концепцией, необходимой ему в качестве аргумента в споре с меркантилистами. Методы построения баланса, как система учета производства страны и ее потребления, остаются при этом совершенно неясными. Только много позже были сделаны попытки разрешить вопрос о методах построения такой конструкции. И здесь продолжателям Смита пришлось столкнуться с известными трудностями.

Вместе с Смитом они исходят обычно из того, что баланс производства и потребления, или как он теперь называется, баланс народного хозяйства, должен вести учет как внутрихозяйственному (производство и потребление), так и внешнехозяйственному (ввоз и вывоз) обороту ценностей. В качестве одной из иллюстраций такого понимания баланса народного хозяйства можно привести схему баланса, предложенную Грунтцелем. Для учета оборота материальных ценностей Грунтцель считает целесообразным сконструировать баланс народного хозяйства следующим образом: [1]



Приведенная схема ясно разграничивает „внутренний" баланс от „внешнего", исходя из того, что это есть лишь части целого — баланса хозяйства. При этом Грунтцель в понятие „торговый баланс"

[1] В основу настоящего очерка легли положения доклада на ту же тему, сделанного автором в Ранион'е.

[1] Gruntzel. „Handels-Zahlungs und Wirtschaftsbilanz". Wien, 1914, стр. 6—8.

и „платежный баланс“ вкладывает содержание, несколько отличное от того, которое обычно вкладывается в эти понятия. Если оставить в стороне эти детали, следует отметить, что в приведенной схеме делается попытка дать баланс народного хозяйства в более или менее развернутом виде. Баланс хозяйства, каким его конструирует Грунтцель, выглядит несколько яснее баланса производства и потребления, о котором писал А. Смит. Разворачивая баланс, Грунтцель показывает, что баланс хозяйства покрывает собой „внешний“ баланс. Авторы, работавшие над этим балансом, исходят обычно из того, что как внутрихозяйственный оборот данной страны, так равным образом, и ее международные хозяйственные отношения, должны получить полное отображение в одном балансе народного хозяйства.

Правильно ли, однако, считать, что баланс внешнехозяйственных отношений страны — с одной стороны — и баланс „внутренний“ — с другой, являются частями целого и что данные обоих этих балансов могут быть сгруппированы вместе при построении баланса народного хозяйства?

Для ответа на этот вопрос следует прежде всего остановиться на учете материальных ценностей. „Внутренний“ баланс ведет учет производству и потреблению материальных ценностей. „Внешний“ баланс учитывает ввоз их и вывоз. Если эти балансы представлять себе как части единого целого—баланса народного хозяйства — то следовало бы ценности, произведенные в стране и ценности ввезенные в страну, рассматривать заодно и вести учет таким ценностям на „приходной“ или „активной“ стороне баланса. Им при этом противопоставлялись бы ценности, потребленные и вывезенные из страны. Такая группировка ценностей не должна вызывать против себя возражений: товары, ввозимые в страну наравне с товарами, произведенными в стране, увеличивают фонд ранее произведенных (и ввезенных) товаров, предназначенных для внутреннего потребления. Точно так же можно считать, что вывоз товаров за границу является формой их потребления, а потому потребление ценностей и их вывоз должны получать отражение на расходной, „пассивной“ стороне баланса.

Несколько по иному обстоит дело с учетом оборота нематериальных ценностей—всякого рода услуг. „Внутренний“ баланс обычно не ставит своей целью учета услуг: во внутренне-хозяйственном обороте услуги „потребляются“ в момент их „производства“, они не накапливаются подобно товарным ценностям. Это не исключает возможности учета оборота услуг; однако, организация такого учета наталкивается на большие трудности. При построении „внешнего“ баланса оборот услуг не может не учитываться, так как на почве предоставления и использования услуг между странами происходят платежи и расчеты. В той части, в какой „внешний“ баланс касается учета услуг, он включает, таким образом, данные, которые не используются при построении „внутреннего“ баланса.

„Внешний“ баланс включает также данные, характеризующие передвижки капиталов, происходящие между страной и заграницей. Капиталы движутся через границы страны в форме товарных ценностей, услуг или благородных металлов. Передвижки материальных ценностей и услуг из данной страны или в данную страну находят свое отражение в тех частях „внешнего“ баланса, который учитывает товарооборот с заграницей и оборот услуг. При этом, с точки зрения тех целей, которым служат „внешние“ балансы, является важным установить, какая часть этих передвижек происходит с одновременным возмещением стране — контрагенту эквивалентного количества тех или других ценностей и какая часть передвижек совершается с тем, что такое возмещение должно совершиться лишь в будущем. В отношении последней группы операций (кредитных операций) „внешние“ балансы ведут особый учет, так как без такого учета было бы невозможно устанавливать размеры передвижек капиталов между странами.

Несколько иначе обстоит дело с учетом внутрихозяйственного оборота капиталов и с „внутренними“ балансами. На внутреннем балансе отражается прирост материальных ценностей или же убыль их, имевшие место в отчетном периоде времени. Происходящие за данный период времени передвижки этих ценностей из одного хозяйства в другое не изменяют общего количества ценностей в стране, а лишь служат их перераспределению среди отдельных хозяйств. Это в одинаковой мере относится и к капитальным благам. С точки зрения тех задач, которые стоят перед „внутренними“ балансами такие передвижки капиталов, происходящие внутри народного хозяйства, не представляют интереса; поэтому во „внутренние“ балансы включаются лишь данные о производстве и потреблении материальных ценностей (включая капитальные блага).

При указанном обстоятельстве, становится невозможным такое построение баланса народного хозяйства, которое свелось бы к простому суммированию данных „внешних“ и „внутренних“ балансов. Часть данных „внешних“ балансов, характеризующих передвижки капиталов из страны заграницу и из-за границы в страну, не должны, как видно из изложенного, включаться в баланс народного хозяйства; такое включение этих данных в баланс хозяйства привело бы к двойному счету части хозяйственного оборота.[1]

„Внешний“ баланс не во всех частях, таким образом, используется при построении баланса народного хозяйства. Он не покрывается полностью балансом народного хозяйства. Поэтому было бы неправильным считать, что он является только частью целого — баланса народного хозяйства. Играя вспомогательную роль при по-

[1] В своем методологическом опыте построения баланса народного хозяйства СССР, Зейлингер и Гухман ограничиваются включением в баланс лишь данных о ввозе и вывозе товаров (см. их работу „К методике построения баланса народного хозяйства СССР“. „Плановое Хозяйство“. 1928 г. № 4).

строении баланса народного хозяйства, он в то же время является самостоятельной категорией учета международного хозяйственного оборота.[1]

Исторически случилось так, что идея „внешнего" баланса получила всеобщее признание в то время, когда о балансе „внутреннем", а тем более о балансе народного хозяйства, знали очень немногие. Это—в основном — об'ясняется тем, что в капиталистическом народном хозяйстве факты, относящиеся к внешнехозяйственному обороту, гораздо более уловимы и обозримы по сравнению со всей совокупностью внутрихозяйственных фактов. „За недостаточностью точной статистики производства и потребления" — пишет Георг Кемени, касаясь вопроса о значении учета внешнехозяйственных отношений в капиталистических условиях—„пытались, на основании сравнительно легко уловимого внешнего оборота, строить обратное заключение относительно изменений в его структуре".[2] „Внешний" баланс той или другой страны рассматривался в этих условиях в качестве статистико-экономической конструкции, которой можно пользоваться для характеристики народного хозяйства этой страны.

Начало такому применению „внешнего" баланса положили меркантилисты. Они считали, что, располагая данными о внешне-торговом балансе страны, можно решать вопрос о состоянии народного хозяйства этой страны; превышение вывоза над ввозом означало, что в страну приливают драгоценные металлы, а это обстоятельство—по мнению меркантилистов — свидетельствовало о накоплении страною капитала; превышение же ввоза над вывозом рассматривалось как обратный, а, значит, неблагоприятный показатель.[3] Такое понимание значения внешне-торгового оборота для народного хозяйства привело к тому, что „внешний" баланс стал рассматриваться в качестве конструкции, при посредстве которой становилась возможной характеристика экономического положения той или другой страны.

Теория торгового баланса в том его виде, в каком ее излагали меркантилисты, была, как известно, дискредитирована. Однако, представление о „внешнем" балансе, как показателе состояния народного хозяйства страны, сохранилось еще на долгие времена. Место торгового баланса заняли „платежный" и „расчетный" балансы. Если раньше для характеристики экономического положения страны при-

[1] Цоллингер пытается обойти указанные методологические затруднения, возникающие при построении баланса народного хозяйства, путем включения в этот баланс не всех оборотов по „внешнему" балансу, а лишь его сальдо (Zollinger „Die Bilanz der internationalen Wertübertragungen". Jena, 1914, стр. 13). Этим путем, однако, проблема не разрешается, а только обходится.

[2] Г. Кемени. „Иностранные вексельные курсы и переворот в международных экономических отношениях". Москва, 1923 г., стр. 14.

[3] Ср. Н. Н. Шапошников. „Протекционизм и свободная торговля". Москва 1924 г., стр. 17—18.

бегали к данным ее торговых балансов, то теперь с этой целью стали пользоваться платежными и расчетными балансами. Данные этих балансов служат в качестве показателей состояния народного хозяйства страны, подобно тому, как раньше для той же цели служили данные торговых балансов. Автор работы о народнохозяйственных балансах Хермберг не без основания видит в этом типический пример часто наблюдаемого явления, когда представления, давно теоретически опровергнутые, на практике вновь и вновь возвращаются к жизни.[1]

Недостаточность данных „внешних" балансов (или даже целой системы „внешних" балансов) для сколько-нибудь полной и всесторонней характеристики экономического положения той или другой страны не должна в наше время вызывать сомнений. „Внешние" балансы в состоянии отражать лишь одну группу хозяйственных явлений, совершающихся в народном хозяйстве, а именно группу явлений, непосредственно связанных с взаимоотношениями этого народного хозяйства с внешним миром. При этом вся совокупность внутрихозяйственных актов, не связанных непосредственно с международным хозяйственным оборотом, во „внешних" балансах не получает своего отражения. Вот почему опыты характеристик экономики страны на основе данных ее „внешних" балансов не бывают обычно особенно содержательными и не могут претендовать на правильность и полноту.

Более внимательное рассмотрение задач, которым может служить изучение „внешних" балансов, позволяет нам установить, в чем заключается значение этих балансов.

1. Между внешнехозяйственным оборотом и денежным обращением страны существует тесная связь: состояние внешнехозяйственного оборота данной страны оказывает, как известно, непосредственное воздействие на курс валюты этой страны. Эта связь между состоянием „внешнего" баланса—с одной стороны—и курсом валюты—с другой, и обусловила интерес к проблемам „внешнего" баланса со стороны теоретиков и практиков денежного обращения. Знание состояния внешнего хозяйственного оборота дает возможность правильной ориентировки в вопросах денежного обращения и

[1] P. Hermberg. „Volkswirtschaftliche Bilanzen". Leipzig. 1927 г. ср. стр. 3. В качестве примера понимания „внешнего" баланса, как показателя состояния народного хозяйства, можно привести следующее замечание из книги одного русского автора: „Каждый, изучающий экономическое положение какой-либо страны, прежде всего, должен обращать внимание на результаты расчетных балансов, ибо в них, как в зеркале, отражаются не только экономическая политика правительства страны, состояние народного хозяйства и экономическое положение населения, но и талантливость или бесталантливость правительства и законодательных учреждений. У нас, к сожалению не понимают значения расчетных балансов"... (С. С. Хрулев. „Финансы России и ее промышленность". Петроград, 1916 г., стр. 16). С последним нельзя не согласиться.

является необходимым для осуществления тех или других мероприятий в области денежной и валютной политики. [1]

Вот почему организация учета внешнехозяйственных отношений имеет существенное значение для дела регулирования денежного обращения: воздействуя на внешнехозяйственный оборот в целях создания более благоприятной платежной кон'юнктуры, можно — с большим или меньшим успехом — добиваться передвижки курса валюты на уровень, отвечающий интересам развития народного хозяйства. При этом, однако, необходимо, чтобы наблюдение за кон'юнктурой внешнехозяйственных платежных отношений носило бы более или менее текущий характер, т.-е. чтобы в распоряжении регулирующих органов были данные, которые могли бы характеризовать состояние международного оборота в течение ближайших отрезков времени, а не за периоды времени, давно оставшиеся позади. В течение послевоенных лет дело наблюдения за внешнехозяйственным оборотом достигло в этом отношении заметных успехов. Из публикуемых в печати материалов видно, что учет оборота отдельных стран с мировым хозяйством производится систематически, в порядке текущего наблюдения, при чем в большинстве случаев он осуществляется уже не отдельными исследователями, а производится регулирующими правительственными органами.

2. „Внешние" балансы играют, далее, серьезную роль при разрешении вопроса о платежеспособности страны. Для определения платежеспособности страны во внешнехозяйственном смысле, необходимо знание соотношения суммы всех обязательств данной страны перед внешним миром и суммы всех требований к нему, а также того, как в течение периода времени, для которого должна быть выявлена платежеспособность страны, складывается соотношение между ее поступлениями из-за границы по ее текущим внешнехозяйственным операциям и текущими платежами по этим операциям. Вся совокупность указанных данных, необходимых для характеристики платежеспособности страны, может быть почерпнута из „внешних" балансов страны.

При решении вопроса о платежеспособности той или другой страны, известное значение может иметь финансовое состояние государственного хозяйства этой страны. Если должником заграницы является государство, то для его кредиторов важное значение имеет вопрос о том, как сводятся бюджеты этого государства. Исследователи, изучающие, например, вопрос о платежеспособности СССР, интересуются государственным бюджетом Союза и тем, может ли Союз располагать достаточными — для внешних платежей — излишками поступлений по бюджету над расходами по нему. [1] Однако, в основном проблема платежеспособности сводится к проблеме трансферта, т.-е. к исследованию возможностей для данной страны располагать необходимым (для производства предстоящих платежей) количеством требований к заграницe. Внешнехозяйственная платежеспособность может считаться гарантированной лишь при превышении суммы поступлений по внешнехозяйственным операциям над суммами текущих платежей, производимых данной страной заграницe.

Вопрос о платежеспособности страны может приобрести интерес актуальности в связи с разрешением вопроса о возможности предоставления данной стране внешних кредитов. Для иллюстрации того, как важно при предоставлении кредитов изучение расчетных и платежных позиций иностранного контрагента, можно сослаться на пример, приводимый К. Льюис. В 1923 г. один штат Бразилии получил заем в Соед. Штатах. По своим внешним долгам штат платил аккуратно. Активные статьи его „внешнего" баланса и ресурсы, казалось, были достаточны для того, чтобы он мог принять на себя новое обязательство по этому займу. Сделанный, однако, при этом анализ недооценил того факта, что Бразилия имела большой внешний долг, что она должна была иметь значительное превышение экспорта товаров над импортом для того, чтобы производить платежи по этому долгу и что в ее экспорте наибольшее значение играло кофе, цены которого подвергались значительным колебаниям. Ход экспорта кофе определял курс мильрайза. Через некоторое время после предоставления займа, цена кофе упала, а с ней упал и курс. Налоги, собираемые в штате, оказались недостаточными для того, чтобы покрыть бюджетные нужды и обеспечить платежи по иностранным займам. Выплата процентов по новому займу была отсрочена и не была до сих пор (1927 г.) возобновлена; возобновление ее ожидается в ближайшем будущем. Если бы — говорит К. Льюис — эти обстоятельства были бы приняты в расчет, возможно, что ссуда все же была бы предоставлена, однако, в этом случае приостановка выплаты процентов не была бы неожиданностью. [2]

Серьезное значение вопрос о платежеспособности, выявляемой на основе данных „внешних" балансов, приобретает при установлении платежных возможностей страны — должника, договаривающейся со своим кредитором о порядке погашения предоставленных ей займов. Так, при урегулировании междусоюзнических долгов после мировой войны, страны, задолжавшие во время войны, при переговорах со своими кредиторами о порядке погашения своей военной задол-

[1] It is absolutely vital to a sound monetary policy that we shoud be accurately aware to the direction and magnitude of the movements of international balances". (I. Keynes. „The British Balance of Trade 1925—1927". „The Economic Journal". Декабрь, 1927 г. стр. 565).

[1] См. например, Л. Пасвольский и Г. Моультон. „Русские долги и восстановление России". Москва, 1925 г., стр. 122—132.

[2] C. Lewis. „The International Accounts". 1927 г. Ср. стр. 51.

женности, прибегают к посредству данных „внешних“ балансов для характеристики об'ема своих платежных возможностей.

Наконец, как было уже отмечено, выявление платежных способностей на основе данных о внешнехозяйственном обороте имеет место при установлении размеров платежей, подлежащих взысканию с данной страны для возмещения военных расходов других стран. Здесь достаточно сослаться на работы, проделанные как специально организованной для этого комиссией (The Reparation Commission), так и отдельными исследователями для выявления репарационных возможностей побежденной Германии. Расчеты, сделанные различными авторами для установления платежных возможностей Германии, как и расчеты комиссии экспертов, работавших над этими вопросами, базируются в первую очередь на анализе ее внешнехозяйственного оборота и данных „внешних“ балансов.

3. „Внешние“ балансы служат, далее, для характеристики направления и размеров миграции капиталов. С развитием международных кредитных отношений, перемещение капиталов из одних стран в другие, постоянно возрастая в своих размерах, начинает играть все большую роль в международном хозяйственном обороте. „Старая аксиома, что „торговля следует за флагом“ — пишет Boggs — „должна быть перефразирована: в применении к современному положению надо сказать, что торговля следует за иностранными инвестициями“. [1] По мере развития иностранных инвестиций возрастало и значение учета происходящих перемещений капиталов.

Данные „внешних“ балансов о размерах экспорта или импорта капиталов позволяют выявлять роль народного хозяйства отдельных стран в мировом хозяйстве. Страны, вовлеченные во внешнехозяйственный оборот, являются или кредиторами в отношении мирового хозяйства, или его должниками. Подсчеты размеров инвестированных капиталов дают возможность устанавливать, как далеко продвинулись процессы насыщения народного хозяйства иностранными капиталами или, напротив того, каких размеров достиг экспорт капиталов из этих стран. Такого рода данные имеют, естественно, крупное значение для выяснения экономического положения и роли стран в мировом хозяйстве, а вместе с тем, и для анализа политических взаимоотношений стран между собой.

4. Характеристика целей, которым служит организация учета внешнехозяйственного оборота, была бы не полной, если бы здесь не было отмечено, что без данных „внешних“ балансов невозможен какой-либо анализ внешнехозяйственных связей данной страны, а без него — неосуществима рациональная внешнехозяйственная политика. Сведения о торговом балансе страны, вместе с данными о том, как складывается весь ее „внешний“ баланс в целом, безусловно

[1] T. Boggs. „The International Trade Balance in theory and practice“. N. 7., 1922 г., стр. 2.

необходимы при разрешении всех вопросов торговой политики и таможенного обложения. Данные о размерах платежей иностранным транспортным кампаниям в оплату оказываемых ими услуг по перевозке грузов, идущих из страны за границу и из-за границы в страну, — необходимы для органов, регулирующих туземное судостроение. Цифры, характеризующие передвижки капиталов из-за границы в страну и обратно, играют серьезную роль при установлении центральными банками их дисконтной политики. Размеры комиссионного вознаграждения, выплачиваемого страной иностранным банкам, не могут не быть приняты в расчет при разрешении вопроса о целесообразности расширения сети кредитных учреждений данной страны за границей. Учет того, сколько могут израсходовать в стране иностранные туристы, посещающие ее, помогает устанавливать, стоит ли предпринимать те или другие шаги и нести затраты на улучшение в отраслях хозяйства, связанных с туризмом; учет же расходов туземных туристов может позволить, в нужный момент, провести меры к ограничению этих расходов. Расходы, связанные с эмиграцией и иммиграцией, учитываемые при составлении „внешних“ балансов, также должны быть приняты во внимание при рассмотрении вопросов, связанных с эмиграцией и иммиграцией. Этот неполный перечень „статей“ внешнехозяйственного оборота, с указанием на назначение учета каждой из них, показывает, насколько всесторонне важно значение организации такого учета.

Интерес к проблемам учета внешнехозяйственного оборота питается, таким образом, из довольно разнообразных источников. В зависимости от экономической ситуации, складывающейся в мировом хозяйстве и в народном хозяйстве какой-либо страны, перед организацией учета международных платежных отношений ставятся те или другие задачи. В периоды денежных реформ „внешние“ балансы изучаются для установления того, в какой мере состояние внешнехозяйственного оборота может содействовать успеху реформы и воспрепятствовать ему. Широкие инвестиции капитала за границей возбуждают интерес к вопросу о размерах капиталов, вкладываемых в иностранные дела и о том, как такие инвестиции сказываются на народном хозяйстве, экспортирующем капиталы. Необходимость урегулирования международных кредитных отношений с особенной настойчивостью выдвигает вопрос о платежеспособности стран — должников и „внешние“ балансы этих стран подвергаются тщательному изучению.

Период, наступивший непосредственно после войны и характеризовавшийся полной дезорганизацией денежного и кредитного хозяйства стран Европы и коренными сдвигами в хозяйственных взаимоотношениях Старого и Нового Света, заставил с особенной настойчивостью заняться проблемами учета внешнехозяйственных отношений. Мероприятия, проводившиеся для упорядочения денежного обращения в ряде крупнейших капиталистических стран Европы,

требовали изучения их внешнехозяйственного оборота и постановки наблюдения за ним. Международные расчеты по военным и прочим долгам можно было производить лишь на основе знания „внешних" балансов. Все это обусловило появление огромного интереса к проблемам международных платежей и расчетов. По мере, однако, того как „валютный хаос" стал понемногу изживаться и вопросы погашения задолженности и порядка выплат репараций получили некоторое оформление, этот интерес должен был ослабеть. Этого в действительности не произошло. С восстановлением международных хозяйственных связей, с развитием кредитных отношений, с начавшейся миграцией капиталов, изучение внешнехозяйственного оборота получило новый толчок для своего развития. Экономическая эволюция современных кипиталистических стран и самый характер их хозяйственных связей и взаимоотношений, а также применяемое ими регулирование их международного хозяйственного оборота, требуют внимательного учета и постоянного наблюдения за „внешними" балансами.

II

Международный хозяйственный оборот заключается в передвижениях разнообразных ценностей из одних стран в другие. Учет этих обращающихся между различными странами ценностей производится по их денежным стоимостям. Страна, участвующая в международном хозяйственном обороте, ввозит и вывозит известное количество таких ценностей, при чем за ввезенные ценности страна выплачивает заграница их стоимость или — на соответствующие суммы — становится должником заграницы, а за ценности, вывезенные за границу страна получает покрытие их стоимости или же приобретает право требовать этого покрытия в будущем. Двухсторонний характер этих отношений позволяет вести их учет при посредстве построения балансов, в которых находят свое отражение указанные передвижки ценностей.

Следует различать два основных типа „внешних" балансов. Один из этих типов — балансы состояния. Балансы этого типа ближе всего подходят к конструкции бухгалтерских балансов, содержащих опись (инвентарь) имущества хозяйства, составленную на ту или другую дату. Такая опись — баланс — дает представление о состоянии имущественных средств данного хозяйства на определенный момент. Другой тип внешних балансов — это балансы оборотов, учитывающие движение ценностей (их приход и расход) за определенный период времени. Балансы, построенные таким образом ближе всего походят на обыкновенный счет, при посредстве которого обычно ведется учет движения в хозяйстве материальных ценностей. Это различие двух типов внешних балансов делается очень редко и игнорирование его ведет к постоянным методологическим ошибкам, допускаемым при построении системы учета международных хозяйственных отношений.

Мысль о построении особого баланса, при посредстве которого можно было бы выявлять состояние международных расчетов на какой-либо момент, возникла сравнительно недавно и самая конструкция баланса состояния остается еще недостаточно проработанной. Баланс состояния характеризует соотношение между задолжностью заграницы данной стране и задолженностью данной страны загранице, устанавливаемое на определенную дату. Баланс этот — по содержанию учитываемого им материала — является балансом требований к загранице и обязательств перед ней. Построение его предполагает возможным выявление обязательств страны перед заграницей и ее требований к внешнему миру по каждой группе внешнехозяйственных отношений. При этом, учету должны подлежать обязательства страны перед заграницей, возникшие в предшествующие периоды времени и имеющиеся на данный момент по ее внешнеторговым операциям, по ввозу капиталов, по использованию краткосрочных кредитов и пр., а также требования этой страны к загранице (имеющиеся на данный момент), возникшие в результате разнообразных внешнехозяйственных отношений в течение периода времени, предшедствующего моменту учета. Учету подлежат все, имеющиеся на данный момент, требования и обязательства независимо от их срочности. В баланс, составленный, например, на 1 января 1928 г., должны быть включены по активу — все требования, имеющиеся у данной страны к загранице независимо от того наступят ли сроки платежей по этим требованиям в течение предстоящего года или через 10 или 20 лет и по пассиву — все, имеющиеся у этой страны, обязательства перед заграницей, независимо от того, каким путем эти обязательства возникли и когда наступят сроки погашения этих обязательств.

Такой баланс, характеризующий соотношение обязательств и требований данной страны, каким оно складывается на определенный день, называется нами расчетным балансом. К. Льюис называет его балансом иностранных долгов и инвестиций.[1]

Было бы, однако, мало целесообразным вводить в нашей литературе новый термин: обилие их едва ли может способствовать изживанию той терминологической путаницы, которая существует

[1] C. Lewis, цитированное сочинение ср. стр. 58. Расчетный баланс в этой конструкции был охарактеризован нами в нашей статье „Проблемы платежного баланса" в „Экономическом обозрении" № 7 (июль) за 1927 г. Одновременно эта конструкция была выдвинута в цитированной работе К. Льюис, появившейся также в 1927 г. К этой конструкции расчетного баланса, „охватывающего обязательства и требования к загранице безотносительно к их срокам, и дающего, так сказать, бухгалтерское описание и подсчет основных фактов, на основе которых возникают платежи и получения из-за границы, весьма близок проф. М. Боголепов (см. его работу „Торговый, расчетный и платежный балансы" в сборнике „Вопросы баланса и экспертизы". Москва, 1927 г., стр. 163).

в обозначении различных конструкций, предназначенных для учета международных хозяйственных отношений.

Учитывая характер международных расчетных отношений, можно наметить следующую примерную схему расчетного баланса.

Расчетный баланс страны А на 1 января 1928 г. [1]

Актив

А. Долгосрочная задолженность

1. По государственным займам, предоставленным правительством страны А правительствам других стран.
2. По государственным ценностям других стран, размещенным в стране А.
3. По муниципальным ценностям других стран, размещенным в стране А.
4. По ценностям частных акционерных предприятий других стран, размещенным в стране А.
5. По предприятиям (не акционерным) и имуществу за-границей, находящимся во владении страны А.

Б. Краткосрочная задолженность

6. По кредитам, оказанным правительством страны А правительствам других стран.
7. По коммерческим кредитам, оказанным страной А заграница.
8. По банковским кредитам, оказанным страной А заграница.
9. По вкладам страны А в иностранных банках.
10. Задолженность по бумажным деньгам других стран, находящимся в стране А.

Пассив

А. Долгосрочная задолженность

1. По государственным займам, предоставленным правительствами других стран правительству страны А.
2. По государственным ценностям страны А, размещенным заграницей.
3. По муниципальным ценностям страны А, размещенным заграницей.
4. По ценностям частных акционерных предприятий страны А, размещенным заграницей.
5. По предприятиям (не акционерным) и имуществу страны А, принадлежащим заграница.

Б. Краткосрочная задолженность

6. По кредитам, предоставленным правительству страны А, правительствами других стран.

[1] В основу нами взята схема E. Lewis, ср. цит. соч., стр. 96.

7. По коммерческим кредитам, предоставленным стране А заграницей.
8. По банковским кредитам, предоставленным стране А за-границей.
9. По вкладам заграницы в банках страны А.
10. Задолженность по бумажным деньгам страны А, находящимся заграницей.

Расчетный баланс, составленный по такой схеме, должен будет показать какие требования (по видам и суммам) к заграница имеются в стране А на день составления баланса и какие обязательства (также по видам и суммам) перед заграницей эта страна имеет на тот же день. Сальдо сумм всех требований и обязательств должно будет указать: 1) является ли страна А должником заграницы или кредитором ее, или же она, кредитуя заграницу (по одним странам) сама задолжала у нее (по другим странам); 2) каков об'ем инвестиций данной страны заграницей или же как велика задолженность ее перед заграницей. Расчетный баланс, по приведенной выше схеме, может быть составлен с распределением всех видов задолженности по странам; в таком развернутом балансе должно указываться, в какие именно страны произведены те или другие инвестиции и какие страны являются кредиторами данной страны по всем видам ее обязательств перед заграницей.

Характеризуя состояние задолженности страны на данный момент, расчетный баланс может быть использован для выявления направления и об'ема передвижек капиталов, происшедших за тот или другой (более или менее длительный) период времени. Для этой цели должны быть составлены два расчетных баланса — один на начало периода и другой — на конец его.

Сопоставление сумм по отдельным статьям баланса может показать, какие виды задолженности претерпели за отчетный период времени изменения, инвестировала ли страна заграницей новые капиталы или сама ввозила их и какими именно передвижками капиталов об'ясняется происшедшее за этот период времени изменение в размерах сальдо по расчетам с заграницей.

Исследователи, посвящавшие свое внимание изучению расчетных взаимоотношений капиталистических стран с внешним миром, обычно ограничивались — до последнего времени — подсчетами общих размеров иностранных инвестиций или выявлением общих размеров задолженности данной страны перед заграницей. Производство этих подсчетов, в условиях капиталистической экономики, сопряжено с огромными трудностями; их результаты могут носить характер экспертных оценок, правильность и точность которых подвергается оспариванию. Понятно поэтому, что в экономической литературе, посвященной вопросам международных расчетов, нельзя отыскать построенного по тем принципам, которые изложены выше, расчетного баланса какой-либо страны.

Если проблема организации совершенной системы учета расчетных отношений для капиталистических стран остается в основном еще впереди, то в СССР она может считаться более или менее успешно разрешенной. Необходимо отметить, что работа по составлению расчетных балансов в СССР протекает в особых условиях. В роли импортера — (и — в незначительной степени — экспортера) капиталов выступают государственные предприятия, что чрезвычайно облегчает дело организации учета всякого рода передвижек капиталов. При современном состоянии наших хозяйственных отношений с внешним миром, баланс задолженности Союза может отразить лишь наши расчеты с заграницей по внешней торговле; что касается других элементов внешне-торгового оборота, то они не оказывают почти никакого влияния на состояние расчетов Союза с границей.

Задолженность по внешней торговле имеется у Союза по экспортным и импортным коммерческим кредитам, а также по кредитам, полученным у иностранных банков. Вся задолженность является долгом государственного хозяйства Союза внешнему миру. Это обстоятельство следует отметить потому, что оно предопределяет особое отношение со стороны государства к делу построения расчетного баланса. Дело в том, что органы, регулирующие внешнехозяйственный платежный оборот в капиталистических странах, непосредственно не заинтересованы в исправном погашении внешней задолженности какого-либо предприятия, поскольку по этой задолженности государство не несет ответственности. Международные хозяйственные операции осуществляются, как правило, хозяйственными предприятиями, действующими за свой страх и риск. Невыполнение теми или другими коммерческими предприятиями или лицами обязательств перед заграницей или даже их полное банкротство не сказывается отрицательно на кредитоспособности государства, в котором находятся обанкротившиеся предприятия. В условиях существующей в СССР организации внешнехозяйственных отношений, государство, напротив того, является весьма заинтересованным в своевременном и аккуратном выполнении его органами лежащих на них обязательств. Подрыв кредитоспособности его организаций при советской системе хозяйства является подрывом кредитоспособности государства. Вот почему, организация учета задолженности Союза внешнему миру приобретает чрезвычайно серьезное значение, а расчетный баланс превращается в наших условиях в один из важнейших элементов системы учета внешнехозяйственных отношений. Построение расчетного баланса Союза становится в такой обстановке необходимой предпосылкой рационального регулирования международного платежного оборота СССР.

Опыт построения расчетного баланса был проделан у нас впервые НКТоргом Союза в сентябре месяце 1926 г. В это время за границей и в Союзе среди торгующих организаций, участвующих

во внешне-торговых операциях, была произведена перепись всех обязательств этих организаций перед заграницей. В последующем, для построения расчетного баланса, НКторг получал необходимые сведения путем затребования соответствующих данных от его торговых представительств за границей и других торгующих организаций Союза, имеющих право выхода на внешний рынок.

Расчетный баланс — как было указано выше — является балансом состояния, выявляющим требования данной страны к заграница („актив“ или „дебет“ баланса) и обязательства ее перед ней („пассив“ или „кредит“ баланса). На ряду с такой конструкцией, не меньшее значение имеют балансы, построенные по схеме приходо-расходного счета, или, как они были названы выше, балансы оборотов. На одной стороне такого счета—баланса должны получить отражение поступления в страну из-за границы, а на другой — выплаты, произведенные страной заграница. В балансе, построенном по схеме приходо-расходного счета, его „приходная“ сторона обозначается обычно по примеру того, как это делается в балансе состояния, как „актив“ или „дебет“ баланса, а „расходная“ сторона — как „пассив“ или „кредит“. Такое обозначение затемняет лишь приходо-расходный характер такого баланса и от него следовало бы отказаться. Введение в практику обозначения разных частей этого баланса как „поступления“ или „приход“ — с одной стороны, и „платежи“ или „расход“ — с другой, весьма способствовало бы уяснению различия между балансами состояния и балансами оборотов. Вместе с тем это облегчило бы читаемость балансов.

Ознакомление с встречающимися в экономической литературе определениями балансов оборотов показывает, что конструирование таких (приходо-расходных) балансов производится двумя способами. Ряд исследователей считает, что такой баланс должен отражать — с одной стороны — требования данной страны к заграница, возникшие в результате экспорта товаров и услуг и других элементов внешнехозяйственного оборота в течение того периода времени, за который составляется баланс, а с другой — обязательства ее перед внешним миром, возникшие в течение того же периода времени — в результате импорта товаров, услуг и др. элементов внешнехозяйственного оборота. Такое понимание об'екта учета, приводит этих авторов к конструкции баланса требований и обязательств, охватывающего оборот требований и обязательств за определенный период времени. Балансы этого рода обозначаются обычно как Forderungsbilanz, Verpflichtungsbilanz, Balance of International Indebtednes и пр. Отчетливое определение такого баланса можно найти у Меерверта, который называет его „Verkehrsbilanz“ и определяет, как „противопоставление всех денежных требований и обязательств данной страны, возникших в течение года“.

Другой автор—Цоллингер, определяет такой баланс, как „противопоставление требований и долгов, которые возникли у страны

в течение известного периода времени в результате сношений с заграницей, содержащее активное или пассивное сальдо, оказавшееся к концу этого периода"; такой баланс он — в отличие от других — называет Zahlungsbilanz.[1] Близок к такому пониманию баланса требований и обязательств автор большого исследования „Международные платежные отношения и вексельный курс" „Ф. Шмидт, предлагающий конструкцию „баланса требований за хозяйственный год" (Forderungsbilanz für ein Wirtschaftsjahr)[2]. I. Friedrich пишет, что Forderungsbilanz „устанавливает все возникшие в течение хозяйственного года требования на заграницу — как статьи актива — в противопоставление статьям пассива, которые представляют задолженность заграницe".[3] Подобные определения можно встретить и у других авторов.

Как видно из приведенных определений, их авторы считают, что система учета международного платежного оборота должна включать такую конструкцию, которая ставила бы своей задачей учет возникающих в течение данного периода времени — хозяйственного года — требований к заграницe и обязательств перед ней; условимся обозначать, предлагаемую этими авторами конструкцию, как Forderungsbilanz. Такой баланс требований отличался бы от охарактеризованного нами выше расчетного баланса тем, что расчетный баланс учитывает все требования и обязательства страны, возникшие за весь период существования внешних сношений страны, оставшиеся непогашенными к моменту составления баланса и подлежащие погашению в будущем. „Forderungsbilanz" имеет в виду учет требований и обязательств, возникших в течение данного хозяйственного года, независимо от того, были ли они погашены в течение этого года или же они будут погашены в следующие годы. Расчетный баланс, составленный на определенный день, устанавливал бы соотношение всех требований к заграницe и всех обязательств страны перед заграницей, в то время как Forderungsbilanz, в том виде, как его понимают цитированные авторы, должен был бы показывать поступление новых требований к заграницe в распоряжение страны за данный отчетный период времени и выдачу страной новых обязательств заграницe за тот же период времени. Такой Forderungsbilanz является, как видно из указанного, балансом оборотов.

На ряду с такой конструкцией баланса оборотов, может быть построен баланс, который ставил бы своей задачей учет поступивших за данный период времени — по имевшимся в распоряжении страны требованиям к заграницe — платежей и произведенных (за тот же период времени) — по обязательствам страны перед заграницей — выплат. Речь идет в этом случае не о балансе требований — Forderungsbilanz'e, а о балансе платежей — Zahlungsbilanz'e.

[1] Zollinger, цит. соч., стр. 8.

[2] Dr. F. Schmidt. „Internationaler Zahlungsverkehr und Wechselkurse". 1922 г., ср. стр. 7—10.

[3] I. Friedrich. „Der Zahlungsverkehr mit dem Auslande". 1923 г., стр. 7.

Вопрос о том, что именно должно быть об'ектом учета баланса оборотов — требования и обязательства страны, возникшие в течение данного периода времени, или же полученные — в течение этого периода времени — платежи и произведенные выплаты, представляет — при нынешнем состоянии учета международного оборота — не только теоретический, но и практический интерес.

Анализ структуры Forderungsbilanz'a показывает, что этот баланс не в состоянии характеризовать движения задолженности данной страны заграницe — с одной стороны и задолженности заграницы данной стране — с другой так как такой баланс не учитывает, какая часть обязательств оказалась погашенной. В то же время Forderungsbilanz не может дать ответа на вопрос о том, как же за отчетный период времени сложился баланс платежей данной страны с заграницей. То обстоятельство, что рассматриваемая конструкция учета — Forderungsbilanz — не может служить ни для одной из указанных целей, делает построение ее нецелесообразным. Построение специального баланса оборотов для выявления соотношения возникших — за отчетный период времени — требований к заграницe и обязательств перед ней, тем менее целесообразно, что сведения о движении задолженности могут быть получены из сопоставления данных двух расчетных балансов, из которых один характеризовал бы состояние международной задолженности на начало отчетного периода — года, — а другой — на конец его (или на начало следующего года).

Расчетные балансы, отвечая на вопрос о движении задолженности, не могут, однако, характеризовать размеров международного платежного оборота. Этой последней задаче служит баланс международных платежей или платежный баланс.

Учет международного платежного оборота должен быть организован таким образом, чтобы он мог давать представление как об об'еме внешнехозяйственных платежных отношений, так и о характере их. Это возможно при посредстве платежного баланса, который позволяет выявлять соотношение поступивших в страну из-за границы в течение определенного периода времени платежей — по разного рода внешнехозяйственным операциям — с выплатами, произведенными — по такого рода операциям — данной страной заграницe в течение того же периода времени. Такой баланс является балансом оборотов и в нем находят свое отражение все „входящие" и „исходящие" платежи данной страны за известный период времени.

Платежный баланс мыслим для любого промежутка времени: дня, месяца, года, десятилетия и т. д. Обычном периодом времени, на который производится построение баланса, является год, так как в течение года завершается определенный цикл хозяйственного развития, обусловленный сменой времен года. При этом годовой ба-

ланс является результатом наложения друг на друга балансов каждого из дней данного года.

Некоторые исследователи под платежным балансом понимают так называемый баланс срочных платежей. В нашей литературе имеется, например, определение платежного баланса, данное А Фин-Енотаевским, который предлагает „под платежным балансом страны... понимать платежи ее или ей срочные в данный момент. Разница между платежами данной страны и причитающимися ей получками в данной момент, сальдо взаимных платежей двух (?) стран в данный момент и определяет активность или пассивность платежного баланса данной страны". [1] Такое же определение дает и профессор М. Н. Соболев: „под платежным балансом,— пишет он,— будем называть соотношение платежей страны и платежей стране срочных в данный момент". [2]

Что может означать такая конструкция платежного баланса? Она имеет одно из следующих двух значений. Под платежами срочными в данный момент могут разуметься платежи срочные в течение данного дня, поскольку сроки платежей устанавливаются обычно на определенные дни. При таком понимании — платеж срочный в данный момент есть платеж, срочный в течение данного дня, а баланс срочных платежей есть ни что иное, как платежный баланс дня. Если следовать такому пониманию баланса срочных платежей, то можно установить, что эта конструкция полностью покрывается понятием платежного баланса дня.

Однако, на ряду с таким пониманием платежного баланса, как баланса срочных платежей, возможно другое понимание. Так, например, Ф. Шмидт, предложивший, в цитированной выше работе, целую систему балансов, считает, что платежным балансом может считаться то, что в одно определенное мгновенье выявляется на валютном рынке данной страны, как предложение и спрос. При этом Шмидт различает так называемый Grundzahlungsbilanz, под которым он понимает меняющееся каждую минуту состояние расчетов по требованиям к заграницe и обязательствам перед нею, поскольку те и другие стали и станут срочными и появились на рынке платежных средств. Такой Grundzahlungsbilanz является составной частью Gesammtzahlungsbilanz'а, который представляет собой возникающее в каждое данное мгновенье соотношение между спросом и предложением на валютном рынке, обусловленными как расчетами с заграницей, так и спекуляцией и интервенционными валютными операциями регулирующих органов. [3]

Из определений Ф. Шмидта следует, что платежный баланс, понимаемый в качестве баланса срочных платежей, есть ни что

[1] „Новые идеи в экономике". Сборник № 7, Ленинград, 1924 г., стр. 88—89.
[2] „Экономическое Обозрение", Октябрь, 1925 г., стр. 50.
[3] F. Schmidt, цит. соч., ср. стр. 41.

иное, как соотношение платежей, совершающихся в международном обороте каждую данную минуту. Такой платежный баланс можно было бы назвать Augenblickszahlungsbilanz — платежным балансом мгновенья.[1] Конструкция баланса срочных платежей, понимаемая таким образом, может представлять интерес лишь как рабочая гипотеза, которая используется при исследовании вопроса о связи между внешнехозяйственным платежным оборотом и состоянием курса валюты; но она не может быть включена в систему балансов, служащих для учета международного хозяйственного оборота, так как построение ее является практически невозможным.

III

Характеризуя систему учета международного хозяйственного оборота, мы остановились на следующих четырех балансах: 1) расчетном балансе (или балансе международной задолженности), 2) балансе требований и обязательств (Forderungsbilanz), 3) платежном балансе и 4) балансе срочных платежей. Перечисленные четыре конструкции учета являются основными конструкциями, с которыми приходится сталкиваться в теории и на практике. Необходимо при этом отметить, что в работе некоторых исследователей можно встретить перечисленные выше конструкции под другими обозначениями, а также конструкции, которые могут оказаться затруднительным — без специального анализа — свести к одной из указанных выше.

Из четырех вышеуказанных конструкций, одна — Forderungsbilanz по соображениям, приведенным ранее, является не необходимой, другая — баланс срочных платежей — не может быть рассматриваема в качестве конструкции, служащей целям учета международного хозяйственного оборота. Таким образом, в основном, система учета международного хозяйственного оборота состоит из двух балансов: 1) расчетного или баланса международной задолженности, понимаемого как баланс состояния, т.-е. как баланс, имеющий своей целью характеристику состояния — на какой-либо определенный день — расчетов данной страны с заграницей по ее требованиям к заграница и обязательствам перед ней и 2) платежного баланса, понимаемого в качестве баланса оборотов и характеризующего платежные взаимоотношения данной страны с заграницей за какой-либо определенный период времени — по всем видам внешнехозяйственных операций.

Платежный баланс, ведя учет платежному обороту между данной страной и заграницей, в состоянии ответить не только на вопрос о том, из каких элементов состоит внешнехозяйственный оборот этой страны и какую роль каждый из этих элементов играет во всем обороте, но он позволяет судить и о том, какое влияние вне-

[1] Ср. Kellenberger. „Wechselkurs und Zahlungsbilanz im Kriege und Frieden". 1919 г., стр. 13.

шнехозяйственный оборот должен был оказать в течение данного периода времени на валютный рынок страны. Спрос на иностранную валюту и предложение ее обусловливаются в основном внешнехозяйственными сделками, которые регистрируются платежным балансом. При этих обстоятельствах состояние платежного баланса, определяющееся в зависимости от того, превышает ли — в течение данного отрезка времени — сумма „входящих" платежей сумму платежей „исходящих", или имеет место обратное явление, в свою очередь может определять состояние валютного рынка страны. При этом, однако, было бы ошибочно игнорировать влияние на этот валютный рынок факторов, лежащих вне сферы международного платежного оборота. К числу таких факторов может быть отнесена валютная спекуляция, арбитраж, интервенционные мероприятия органов, регулирующих денежное обращение страны и пр.

Учитывая, что платежный баланс не в состоянии характеризовать всю совокупность факторов, влияющих на валютный рынок страны, Шмидт выдвинул мысль о построении особого баланса, который он называет „общим платежным балансом" (Gesammtzahlungsbilanz) и который ставит своей задачей учет как внешнехозяйственных, так и внутрихозяйственных платежных оборотов, оказывающих влияние на состояние валютного рынка страны. Такую конструкцию едва ли можно рассматривать, как предназначенную для учета соответствующих платежных отношений, так как организация такого учета в условиях капиталистического народного хозяйства представляет огромные трудности. Ее значение сводится, главным образом, к тому, чтобы подчеркнуть, что состояние валютного рынка страны определяется не в зависимости от того, как складывается ее международный платежный баланс, а в зависимости от того, как складывается ее „общий платежный баланс".

Конструкция, которая в условиях капиталистического народного хозяйства носит характер теоретической концепции, в условиях советской организации народного хозяйства приобретает важное значение для дела учета внешнехозяйственных и внутрихозяйственных платежных отношений. При этом, однако, под влиянием своеобразной организации народного хозяйства Союза, она модифицируется и приобретает особое строение.

Такая конструкция, как „общий платежный баланс", призвана — как было уже указано — служить для характеристики всей совокупности платежных операций, сказывающихся на состоянии валютного рынка страны. Об'ектом учета такой конструкции должен явиться оборот валютных ценностей, поступающих на валютный рынок страны в результате внешнехозяйственных операций этой страны или же в результате валютных операций внутрихозяйственного характера — с одной стороны, и снимаемых с валютного рынка в связи с внешнехозяйственными, а также и внутрихозяйственными валютными операциями — с другой. Оборот валютных ценностей, обусловленный

внешнехозяйственными операциями данной страны, может быть охарактеризован при посредстве данных платежного баланса этой страны. Внутрихозяйственный же оборот валютных ценностей должен быть подвергнут дополнительному учету. В чем может выражаться этот внутрихозяйственный оборот валютных ценностей?

1. Страна, в которой имеет место добыча благородных металлов, располагает известным фондом этих металлов, который может быть мобилизован как для расплат с заграницей, так и для удовлетворения внутреннего на него спроса. Поскольку благородные металлы являются товаром, обладающим максимальной ликвидностью, размеры добычи этих металлов или же размеры выявляющихся на рынке предложения их и спроса на них должны быть учтены при характеристике оборота валютных ценностей.

2. Некоторое количество валютных ценностей может находиться в стране в иммобильном виде; металлические монеты — полноценные а иногда и неполноценные — тезаврируются населением и в иные периоды времени, при порче денежного обращения, можно наблюдать их массовый уход из сферы обращения. Такое явление наблюдалось в России в годы мировой войны. В послереволюционные годы, примерно тоже случилось с иностранной валютой (главным образом, в эффективах), которая использовалась преимущественно в качестве средства накопления. При соответствующей благоприятной кон'юнктуре, эти иммобилизованные ценности могут возвращаться в оборот и оседать в кассах кредитных учреждений. Наиболее интересным примером в этом отношении может служить факт детезавризации золотой монеты царского чекана, наблюдавшийся в период проведения денежной реформы (1924—1925 гг.).

3. Известное количество валютных ценностей в стране может быть обращаемо на пополнение фонда эмиссионного обеспечения, т.-е. на пополнение валютных ресурсов эмиссионного банка страны. Обращение части валютных ценностей, поступивших в страну из-за границы, в фонд обеспечения эмиссии или мобилизации для этой цели ценностей, обращающихся в стране, не могут не оказывать влияния на состояние валютного рынка страны. Германское статистическое управление включает данные, характеризующие движение ценностей, входящих в состав эмиссионного покрытия, в платежный баланс Германии в качестве одной из его статей; так в платежных балансах Германии за 1924—1926 гг. по этой статье фигурируют значительные суммы.[1] Включение в платежные балансы такой статьи нельзя признать методологически правильным. Обращение валютных ценностей в фонд эмиссионного обеспечения является операцией внутрихозяйственного характера, непосредственно несвязанной с международным платежным оборотом. Правда, на нужды эмиссионного обеспечения могут быть обращаемы валютные ценности, посту-

[1] „Wirtschaft und Statistik". 1927 г., № 9.

пившие в страну в результате внешнехозяйственных операций; однако, в этом случае эти ценности уже должны были быть учтены в качестве поступивших в страну по одной из операций с заграницей. Кроме того, на пополнение фонда эмиссионного обеспечения могут обращаться валютные ценности, извлекаемые из внутрихозяйственного оборота; в этом последнем случае данные, характеризующие движение ценностей, входящих в состав эмиссионного покрытия, не имеют непосредственного отношения к внешнехозяйственным операциям страны. Поэтому, эти данные не должны включаться в платежные балансы. Наличие их в платежных балансах превращает последний — в собственном смысле этого слова — в то, что Шмидт называет „общим платежным балансом" (Gesammtzahlungsbilanz).

Приведенная выше краткая характеристика внутрихозяйственного оборота валютных ценностей свидетельствует о том, что изучение факторов, обусловливающих состояние валютного рынка, было бы неполным, если бы наш анализ ограничился изучением динамики внешнехозяйственных платежных взаимоотношений. Естественным продолжением этого анализа должно быть исследование внутрихозяйственного оборота валютных ценностей. Построение и изучение платежного баланса не может считаться достаточным для полной ориентировки в состоянии валютного рынка страны. Необходимо, очевидно, конструирование такого баланса, в котором бы нашли свое отражение не только внешнехозяйственные платежные взаимоотношения, но также и внутрихозяйственный оборот валютных ценностей. Таким балансом мог бы служить валютный баланс, характеризующий соотношение между поступлениями валютных ценностей на валютный рынок страны и расходованием их как для нужд внешнехозяйственного оборота, так, равным образом, для удовлетворения внутрихозяйственного спроса на них. Такой баланс может давать характеристику указанного соотношения в течение периодов различной длительности, как это имеет место в отношении платежного баланса: возможен валютный баланс дня, декады, месяца, года. Те соображения, которые указывают на целесообразность установления для платежного баланса такого периода, как год, остаются в силе и для валютного баланса: основную роль в нем, как правило, играют внешнехозяйственные платежи и их годовая цикличность обусловливает целесообразность установления годового периода для валютного баланса.

Из данного выше определения валютного баланса следует, что его задачей является характеристика соотношения между поступлением и расходованием валютных ценностей в стране. Это определение указывает на то, что валютный баланс может быть построен таким образом, что будет учитывать передвижение валютных ценностей, происходящее в народном хозяйстве в течение определенного периода

времени. Однако, при той организации народного хозяйства, которая имеет место в советской России, возможно и иное построение валютного баланса. В СССР мы имеем централизованный порядок управления организациями, обслуживающими внешнюю торговлю СССР и кредитными учреждениями, через аппарат которых проходят все международные платежи Союза, а также сосредоточение в руках государства большей части валютных ресурсов народного хозяйства. Забота о поддержании устойчивости курса валюты, построенной по системе золотого обеспечения, а также необходимость поддержания ресурсов на уровне, обеспечивающем выполнение обязательств перед внешним миром, требуют от государственной власти внимательного наблюдения за принадлежащими ему валютными ресурсами, а также правильного администрирования ими. В указанных условиях приобретает большое значение учет движения валютных ценностей, происходящего в государственном хозяйстве и обусловленного как внешнехозяйственными отношениями, так и внутрихозяйственным оборотом этих ценностей. Таким образом, рядом с валютным балансом, в котором находят свое отражение передвижки валютных ценностей, происходящие в народном хозяйстве, может быть сконструирован валютный баланс, ведущий учет движения валютных ценностей, происходящего в рамках государственного хозяйства.

Построенный таким образом валютный баланс имеет своей целью дать характеристику соотношения между размерами поступлений валютных ценностей в распоряжение государственного хозяйства (как по внешнехозяйственным, так и по внутрихозяйственным операциям) в течение данного периода времени и расходом этих ценностей, произведенным государственным хозяйством в течение того же периода времени.

Какая же из этих двух конструкций валютного баланса представляет больший интерес и имеет большее значение при осуществлении работы по регулированию валютного рынка СССР? Сделанные выше указания на своеобразие той экономической обстановки, в которой происходит работа по регулированию внешнеторгового и валютного оборота Союза, заставляют признать основное значение за валютным балансом второго типа. Если в первые годы работы по изучению валютного баланса СССР это отличие между двумя указанными конструкциями валютного баланса не всегда было ясно даже для работников, непосредственно занятых в составлении этого баланса, то в настоящее время основные принципы обеих конструкций достаточно выявлены и опыт работы в области валютного регулирования привел к построению валютных балансов, учитывающих движение валютных ценностей, происходящее в государственном хозяйстве. [1]

[1] О принципах построения валютного баланса СССР см. работу В. С. Яновского „Структура платежного баланса СССР" (в „Вопросах баланса и экспертизы", том II) и нашу работу „Проблемы валютного баланса" (в „Вестнике Финансов", 1927 г. № 2).

Характеристика такой конструкции учета, как валютный баланс, показывает, что система учета внешнехозяйственного, а также валютного оборота Союза была бы неполна, если бы она не включала — помимо расчетного и платежного балансов — также и валютный баланс. Построение валютного баланса приобретает в условиях экономики Союза тем большее значение, что происходящий между СССР и капиталистическими странами хозяйственный оборот протекает не столько между народным хозяйством Союза и народным хозяйством этих стран, сколько между ними и государственным хозяйством СССР.

Рассмотренные выше конструкции расчетного, платежного и валютного балансов являются отдельными элементами системы учета внешнехозяйственных платежных отношений. Каждая из них, как уже отмечалось, служит определенным целям. Пользование данными какой-либо одной из этих конструкций, без знания того, каковы результаты учета, произведенного при посредстве других конструкций, не в состоянии обеспечить полного и всестороннего представления о международных хозяйственных отношениях отдельных стран. Бесспорно все же, что основное значение в системе учета внешнехозяйственного оборота имеют балансы оборотов: в капиталистических условиях — платежный баланс и в условиях советской экономики — валютный баланс СССР.

Б. Г. Быховский

Экомомика современной Японии

Экономическое положение Японии одной из ведущих стран современного империализма, является ярким завершением быстрого скачкообразного развития молодой промышленной страны.

Как известно, феодальная Япония выступила на путь капиталистического развития в конце 60-х годов прошлого века после буржуазной революции 1868 г. и до конца XIX века чрезвычайно быстро успела развиться в аграрно-промышленную страну.

Сельское хозяйство. Ограниченные природные возможности Японии (обрабатываемые поля составляют только 15,76% всей площади страны и равны 15 млн. акров), густота и бедность ее населения, неравномерность распределения земельной собственности, огородный характер сельского хозяйства и старая сельскохозяйственная культура страны обусловили то, что уже в начале XX века сельское хозяйство в Японии достигло своего предельного развития.

Эпоха русско-японской войны, характеризуемая значительным ростом промышленности, быстрой концентрацией производства, созданием монопольных промышленных об'единений, срастанием финансового и промышленного капиталов, т.-е. эпоха перехода индивидуалистического капитализма в Японии в капитализм империалистический знаменует начало упадка сельского хозяйства и дальнейшее экономическое развитие Японии, как чисто индустриальной страны.

Слишком тесные для промышленного развития страны внутренние рынки толкают японский капитал к выходу на заграничные товарные рынки. Конкуренция мировых рынков требует низких цен на сел.-хоз. продукты, дающие промсырье и продовольствие для рабочих, занятых в промышленности. К тому же завоевание деревни, как рынка, современной индустрией вызвало разрушение сельской кустарной промышленности.

По данным официальной статистики («Japan Jear Book» 1929 г.) 46% всей посевной площади Японии составляют арендные земли и 49% земли самостоятельных крестьян. Так как 73% крестьян владеют карликовыми участками размером до 2,5 акров, то понятным становится развитие в стране системы земельной аренды.

Только 30,5% крестьян сеют исключительно на своей земле. Полуарендаторы составляют 41,1% всей крестьянской массы и арендаторы чистого типа 28,4%. Таким образом, 70% крестьянских хозяйств принадлежит арендаторам и полуарендаторам, жестоко эксплоатируемым земельными собственниками.

Система земельного ростовщичества развита в Японии в почти небывалых для других стран размерах.

Обостренное состояние земельного вопроса и сел.-хоз. политика японского империализма ведут к быстрой пролетаризации безземельных и карликовых крестьян-собственников, и способствуют углублению сел.-хоз. кризиса в послевоенной Японии.

Кризис сельского хозяйства влечет за собой тенденцию к ликвидации производства менее выгодных культур, которым трудно выдерживать иностранную конкуренцию и процесс концентрации культур, которым благоприятствует природа, или таких, в развитии которых непосредственно заинтересовано правительство. Таким образом, рис — главный предмет питания народа и шелковица, как корм для шелковых червей, поскольку шелк является основным предметом экспорта, стали основными культурами японского сельского хозяйства.

При почти полной стабильности посевной площади за последние пять лет (1928 г. — 3.191.734 чобу; чобу равен 3,3 *м*) и несмотря на интенсивное применение удобрения, средний уровень урожая риса за последние 10 лет не превышает 58 млн. коку,[1] и доходит до 62 — 63 млн. коку в особо урожайные годы. Урожай 1927 г. принадлежал к числу изобильных, дав свыше 62 млн. коку. Урожай истекшего 1928 г. также, вопреки первоначальным опасениям недорода, оказался хорошим, дав 60,3 млн. коку.

Между тем по данным японской статистики,[2] при среднем урожае в 58 млн. коку, и расходе его на различные производства в размере 6 — 7 млн. получается постоянный дефицит в 12 — 15 млн. коку.

Дефицит этот обычно покрывается ввозом риса из колоний: Формозы, Кореи, а также и Сайгона, Китая, Африканской Индии и Сиама.

Импорт риса регулируется правительством, принимающим деятельное участие в его ввозе и пытающемся, устанавливать и поддерживать определенные цены на рис путем так называемой «рисовой политики». В соответствии с обстановкой и ожидаемой урожайностью, пошлины на рис то понижаются, то повышаются, то временно и вовсе снимаются.

Шелководство. Шелководство занимает второе место в сел.-хоз. жизни страны. Благодаря тому, что эта отрасль сельского хозяйства дает сырье для одной из важнейших отраслей японской промышленности, работающей притом почти исключительно на экспорт, она усиленно покровительствуется правительством и показывает неуклонный решительный рост.

Сбор шелковых коконов в период 1910 — 1915 гг. составляет в среднем 43 млн. камме,[3] в период 1915—1920 гг. — 61 млн. камме, 1920 — 1925 гг. — 66 млн. камме и достигает в 1928 г. 93 млн. камме против 91 млн. в 1927 г.

Число хозяйств, занятых шелководством, исчисляется в 1928 г. в 2.154.420, при чем это количество увеличилось, по сравнению с предыдущим годом, на 61.000 хозяйств и на 103.000 хозяйств, по сравнению с 1926 г.

Остальные хлебные культуры Японии, как-то: пшеница, ячмень, овес, кукуруза, картофель, сравнительно мало развиты и не отражают хлебную конъюнктуру страны.

Промышленные культуры: табак, хлопок, чай, лен, конопля и др. обнаруживают общую тенденцию к сокращению посевной площади и не играют заметной роли ни в качестве предметов экспорта, ни сырья для японской промышленности.

Рыбное хозяйство. Рыболовство является одной из основных отраслей народного хозяйства Японии. Рыба служит здесь не только продуктом питания, занимая в этом отношении второе место после риса, но и удобрением рисовых полей.

[1] Коку равняется 4,96 бушеля.
[2] „Japan Jear Book". 1929 г.
[3] „Economic Review". Tokyo, № 5, 1928 г. и № 1, 1929 г.; 1 камме — равняется 3,75 *кг.*

Природные условия Японии сложились исключительно благоприятно для развития рыболовства и морского промысла.

По данным официальной статистики министерства земледелия, в 1927 г. в рыбном и морском промысле Японии было занято 1.495 тыс. чел. Общий годовой лов рыбы и продуктов моря оценивается в 400 млн. иен.[1]

Рыбное хозяйство Японии, так же как и полеводство, и притом под влиянием тех же экономических факторов, мало изменилось за последние 10 лет. Достаточно указать, что в 1921 г. рыбное-морское дело занимало 1.392 тыс. чел. и что, следовательно, увеличение на 103 тыс. чел. за пять лет следует отнести за счет естественного прироста. Количество вылавливаемой рыбы и продуктов моря за последнее десятилетие тоже мало изменилось. По данным японского министерства земледелия, за время 1919—1927 гг. уловы колеблются в сторону как увеличения, так и снижения в пределах до 12,4%.

Добывающая промышленность. Естественные ресурсы Японии, за исключением меди, вообще не очень велики. Сырьевая база страны не соответствует ни в какой мере степени развития промышленности и не может обеспечить Японии соответствующее место в числе индустриально развитых стран мира. Не даром, вся японская экономическая литература непрестанно повторяет, что глубочайший смысл экономической мировой политики государства заключается в поисках на стороне естественных ресурсов, могущих обеспечить развитие страны. Правильное разрешение этой проблемы трудная, но необходимая для бытия Японии задача.

Каменный уголь составляет 71,5% добычи недр Японии. Эта отрасль горного дела дает последовательный рост с 22 млн. тонн в 1914 г. до 31,5 млн. тонн в 1927/28 г. Развитие добычи угля тормозится по двум причинам:

1) японский уголь весьма низкого качества. Внешний рынок этого угля — Малайский Архипелаг, Индо-Китай и Китай — в значительной степени насыщен этим углем, и охотно заменяет его более высокосортным углем других производителей; 2) внутри страны серьезную угрозу угольной промышленности представляет развитие гидро-электростанций с использованием белого топлива, и переоборудование двигателей для перехода их на жидкое нефтяное топливо.

Нефтяной вопрос очень остро стоит перед Японией. Потребление нефтепродуктов в Японии составляет, примерно, 1,65 млн. тонн в год, и имеет тенденцию непрерывного роста. Основной нефтяной баланс складывается следующим образом.[2]

Добыча нефти в Японии покрывает только около 23% этого количества (из них 300.000 тонн добывается в Японии и 90.000 тонн на Сахалине). Таким образом, 77% всех потребляемых нефтепродуктов приходится импортировать из-за границы.

Между тем, потребности промышленности, а в первую очередь, флота, основного оружия японского империализма, требуют обеспечения их нефтяным топливом, получаемым из районов, находящихся под большим

[1] „Japan Jear Book". 1929 г.
[2] „Trans Pacific". Tokyo 29/XII—28 г.

Флот	400.000 тонн.
Автомобили и аэропланы	200.000 „
Перепродажа	400.000 „
Машины	330.000 „
Железные дороги	220.000 „
Освещение	120.000 „

или меньшим контролем Японии. Естественно, поэтому, что японское правительство берет на себя риск эксплоатации новых нефтяных источников. С 1927/28 финансового года положено начало проведению в жизнь пятилетней программы нефтебурений, с общей суммой расходов в 2,5 млн. иен. С другой стороны, правительство, и в первую голову, морское министерство, — произвело ряд удачных опытов, в связи с проблемой гонки нефти из Фушунского угля (Манчжурия), годного для этой цели. Интересно отметить также усилие Японии в деле ожижения угля. Вообще, все возможности получения искусственной нефти и превращения рыбного масла, в огромных количествах имеющегося в Японии, в топливо, самым тщательным образом разрабатывается соединенными усилиями японского правительства и капитала, при ближайшем участии науки и техники.

Проблема искусственного жидкого минерального топлива приобретает еще большее значение для Японии, так как стремления ее получить нефтяные концессии в Мексике, Восточной Индии, Румынии, Турции и других странах пока безуспешны.

Переходя от добычи угля и нефти к добыче металлов, составляющих сырьевую базу японской металлопромышленности, необходимо, в первую очередь, остановиться на добыче меди. Япония относительно богата медью. Довоенная добыча ее в 60—70 тыс. тонн позволяла удовлетворить нужды промышленности, определившиеся в то время в 30—50 тыс. тонн, и экспортировать за границу около 30 тыс. тонн, т.-е. от 40 до 55% всей добычи меди.

Добыча военных годов достигла даже рекордных цифр в 100—110 тыс. тонн. Кризис 1920—1921 гг. снижает добычу до 50 тыс. тонн. В то же время рост электропромышленности вызывает усиленное потребление меди внутренним рынком, которое приходится покрывать заграничным импортом. Несмотря на все попытки поднятия добычи меди, таковая достигла в настоящее время только довоенного уровня и ежегодно отстает на 10—15 тыс. тонн от роста потребления меди внутри страны. Недостающее количество ввозится, главным образом, из Соед. Штатов, и в настоящее время вывоз меди совершенно не фигурирует в экспортном балансе страны.

Значительным препятствием на пути индустриального развития Японии является недостаток в железе и чугуне. Для создания сырьевой базы металлов Япония обращает свое внимание, в первую очередь, на азиатские страны и Австралию. В течение многих лет Япония старалась наладить снабжение своей промышленности железом из Китая. Около 100 млн. иен было обращено Японией на приобретение китайских железных рудников и постройку доменных печей. В настоящее время около 90% железных ресурсов Китая находятся под японским контролем. Однако, лихорадочное стремление Японии приобрести железо-сырьевую базу в Китае — не увенчалось успехом. Китай слишком беден железом; к тому же, хотя и медленно развивающаяся промышленность Китая и осложнение японо-китайских отношений, создали в настоящее время условия, при которых Японии трудно рассчитывать на китайское железо. В значительной степени японская промышленность использовала избытки индийского чугуна.

В настоящее время группа японских железных компаний заключила крупный контракт с австралийскими железно-рудными компаниями на закупку Японией в течение 12 лет около 10 млн. тонн австралийской руды.

В японской экономической литературе появились сообщения о переговорах Японии с Ново-Зеландией о концессионном договоре на ряд железных залежей.

Все указанное лишний раз подтверждает, как сильно Япония обеспокоена созданием источников снабжения сырьем своей растущей промышленности.

Обрабатывающая промышленность. Обрабатывающая промышленность является той областью японского хозяйства, быстрое развитие которой позволило Японии, несмотря на целый ряд неблагоприятных факторов, занять одно из первых мест в ряду современных индустриальных империалистических держав.

Динамика роста продукции важнейших отраслей японской промышленности за последнее пятилетие, видна из следующей таблицы: [1]

Таблица 1

Продукция важнейших отраслей производства Японии

Предметы продукции	Годы				
	1928	1927	1926	1925	1924
Железная руда . . . . . в тыс. тонн.	1.400	1.270	1.135	931	832
Сталь казенных заводов . . „ „ „	1.175	1.012	906	607	516
Сталь частных заводов . . „ „ „	650	507	437	406	390
Кораблестроение . . . . . „ „ „	68	42	52	56	73
Уголь . . . . . „ „ „	31.361	31.199	29.256	29.220	27.816
Медь . . . . . „ „ „	65	60	62	62	62
Нефть в млн. галлонов	77	74	75	79	76
Сера . . . . . в тыс. тонн.	61	56	46	45	45
Цемент . . . . . „ „ „	4.000	3.375	3.350	2.620	2.297
Бумага европейская . . . „ „ „	589	521	471	422	370
Бумага японская . . . . . „ „ „	585	536	500	414	357
Сульфат-аммоний . . . . . „ „ „	230	175	150	130	115
Суперфосфат . . . . . „ „ „	705	735	755	640	580
Шелк-сырец 1.000 кип	537	531	464	428	375
Шелковые ткани для экспорта 1.000 хики .	3.395	3.380	3.129	2 887	2.803
Искусственный шелк в млн. фун. . . .	15	10	4	3	1
Бумажная пряжа в тюках	2.426	2.529	2.608	2.437	2.073
Бумажная ткань в млн. ярдах	1.373	1.296	1.278	1.178	1.031
Шерстяной муслин в млн. ярд	160	146	156	159	139
Сукна „ „ „	44	34	44	37	41

Из приведенной таблицы можно усмотреть, что продукция тяжелой промышленности за последнее пятилетие почти удваивается. Значительны также успехи шелковой, бумажной, цементной и химической промышленностей. Что касается темпа развития основной для Японии хлопчатобумажной промышленности, то он значительно более замедлен.

Современное состояние силового хозяйства Японии выражается в лошадиных силах следующим образом:

Паровые двигатели	535.834
Паровые турбины	1.160.279
Газовые двигатели	37.717
Нефтяные двигатели	21.277
Электрические двигатели	1.794.644
Водяные двигатели:	
Турбинные	871.403
Прочие	231.419

При общем населении около 60 млн. чел., официальная статистика насчитывает на конец 1927 г. — 9.608 тыс. рабочих. По отраслям хозяй-

[1] D-r Otto Richter. „Die gewerbliche Production Japans im Jahre 1928". „Wirtschaftsdienst", Hamburg, № 5, 1929 г.

ства они распределяются следующим образом: фабрики и заводы, — 2,147 тыс., рудники — 289 тыс., сельское хозяйство — 3,118 тыс., рыболовство — 797 тыс., лесное хозяйство — 310 тыс., торговля — 1,109 тыс., средства сообщения — 775 тыс. и прочие отрасли хозяйства — 1,063 тыс.

Из общего числа 2,147 тыс. фабричных рабочих, в текстильной промышленности занято 52,2%, металлической и механической 17,9%, пищевкусовой — 8,9%, химической — 5,9% и т. д. Интересно отметить, что в 1913 г. общее число японских фабричных рабочих равнялось всего 916.250 человек.

Общая сумма капиталовложений во все области японского хозяйства, из которых львиная доля падает на промышленность, определялась за последние годы, кончая 1924/25 г., по японским статистическим данным, в 10.850 млн. иен оплаченного капитала, при общем числе отдельных компаний 93.567 против 1.765 млн. иен оплаченного капитала в довоенные годы, при общем числе компаний — 13.879.

Для роста капиталовложений и степени концентрации капиталов показательно, что по данным, приведенным, « Japan Advertiser » от 1/XI—1928 г., на первое полугодие 1928 г., общий капитал 1.592 ведущих предприятий японского хозяйства, составлял 7.292 млн. иен, а капиталовложения всей промышленности 10.850 млн. иен.

Таковы общие черты, характеризующие современную японскую промышленность.

Рассмотрение отдельных отраслей ее надлежит начать с ведущей отрасли японской индустрии — текстильной промышленности. В качестве показателей удельного веса ее в обще-промышленном балансе страны, характерно то, что текстильная промышленность занимает свыше 30% всех промышленных предприятий страны. По числу же занятых в ней рабочих на ее долю приходится 52,2% всего промышленного пролетариата Японии. Изделия текстильной промышленности занимают около 70% всего японского экспорта. Правда, в отношении капиталовложений, эта отрасль промышленности значительно уступает ряду других, что об'ясняется, впрочем, тем, что она требует для своего производства сравнительно меньших основных капиталов. Основное место в текстильной индустрии Японии занимает хлопчатобумажная промышленность.

Со времени войны эта область промышленности сделала колоссальный скачок вперед. Число довоенных обществ хлопчатобумажной промышленности определялось в 40 с лишним, число фабрик — 125, число веретен — 2,5 млн., и число ткацких станков — 24.000.[1] Капиталовложение предприятий об'единенных в Spinners Assotiation не превышало 68 млн. иен, а общее капиталовложение 80 млн. иен. Довоенное потребление хлопка Японии составляло 6,2% мировой добычи. За время мировой войны рынки Южной Америки, Индии, Ост-Индии, Африки, не говоря уже об азиатских рынках, выпали из сфер влияния европейских хлопчатобумажных производителей, и были всецело захвачены Японией. Хотя в послевоенные годы Японии пришлось вновь встретиться с европейской конкуренцией, которая на некоторых рынках и вытеснила Японию, но, благодаря дешевизне рабочих рук, широкому применению женского труда, двухсменной работе днем и ночью, показатели развития хлопчатобумажной промышленности Японии на 1927 г., по данным Japan Spinners Assotiation, рисуются в следующем виде: указанное об'единение состоит из 64 обществ и контролирует 90% всей хлопчатобумажной промышленности Японии, располагая 257 фабриками. Капиталовложение этой отрасли промышленности достигает 392 млн. иен оплачиваемого капитала, при резервах в 190 млн. иен. Число веретен достигает 6 млн., ткацких станков — 75.000. Японское потребление хлопка достигает 10,3% мирового его потребления, оставляя далеко позади себя Германию, Францию и Италию. По новейшим данным, в 1928 г. оплаченный капитал хлопчатобумажной промышленности достиг 425 млн. иен, при резервах в 225 млн., число веретен увеличилось до 6,2% млн.[1] О тенденциях концентрации хлопчатобумажной промышленности можно судить по тому, что из 6,2% млн. веретен в руках 13 крупнейших предприятий сосредоточено было больше 50% означенного количества.[2]

[1] J. Rasch. „Die Eigenentwicklung der fernöstlichen Textilindustrie". „Wirtschaftsdienst", Hamburg, № 2, 1929 г.

Характерной особенностью японской хлопчатобумажной промышленности является, кроме широкого применения женского и детского труда, практикующаяся здесь работа в две смены — дневную и ночную, по 11 часов в каждой. Естественно, что при одинаковом оборудовании японская хлопчатобумажная промышленность выпускает двойную продукцию, при двойном потреблении сырья. Таким образом, японская хлопчатобумажная промышленность, занимая среди мировых стран седьмое место, по количеству веретен, по выпуску продукции и потреблению хлопка стоит на третьем месте.

Двойная загрузка предприятий японской хлопчатобумажной промышленности, при низкой зарплате и широком применении женского и детского труда, обусловливала высокую рентабельность этой промышленности, которая доходила в военные годы до 50%. Послевоенные годы приносят резкое снижение дивидендов хлопчатобумажной промышленности. В 1923 г. они не превышают уже 16,7—21,1%, в 1927 г. — 14,7% и в 1928 падают до 13,5%. Уменьшение доходности предприятий японской хлопчатобумажной промышленности об'ясняется тем, что за последние годы эта отрасль промышленности нагружена примерно только на 80%. Работая, главным образом, на экспорт, японская хлопчатобумажная промышленность тяжело ощущает рост текстильной промышленности Китая и проникновение его на рынки голландской и британской Индии, Малайского Архипелога, находившиеся еще недавно в сфере исключительного влияния японской текстильной промышленности. Потеря рынков сбыта пряжи побудила Японию перейти от производства и экспорта полуфабрикатов к производству и экспорту готовых изделий и улучшению качества продукции. В то время, как производство пряжи сокращается в 1928 г., по сравнению 1926 г., с 2.608 тысяч тюков на 2.426, производство бумажной ткани в миллионах ярдах увеличивается с 1.278 до 1.373.

На ряду с переходом Японии от производства полуфабрикатов к производству готовых фабрикатов, и выработке более высоких сортов тканей, идет рационализация и механизация предприятий текстильной промышленности, увеличивается число усовершенствованных машинных веретен и т. д.

Последнее обстоятельство тесно связано с намечаемой отменой с лета 1929 г. ночных работ текстильной промышленности. Результатом предстоящей отмены ночных работ является усиленное производство и импорт текстильного оборудования. В течение второй половины 1928 г.[3] за границей было закуплено свыше 350.000 веретен, всего же за 1928 г. из Англии было импортировано свыше 12 тыс. тонн текстильного оборудования, против, 7,5 тыс. тонн за 1927 г., и 6,3 тыс. за 1926 г.

[1] „Economic Review". № 1, 1929 г.
[2] „Wirtschaftsdienst". № 48, 1928 г.
[3] „Trans Pacific". Tokyo, № 2, 1929 г.

Наконец, чтобы компенсировать частично потерю старых рынков, Япония успешно помещает свои текстильные изделия на новых рынках Новой Зеландии, Аргентины, Персии, Турции, Балкан и Южной Африки.

В связи с переходом японской хлопчатобумажной промышленности на выработку более высоких сортов пряжи и в связи с улучшением качества китайского хлопка в импорте в Японию увеличивается удельный вес американского и китайского, за счет уменьшения роли индийского хлопка.

Нельзя также не упомянуть о влиянии на японскую хлопчатобумажную промышленность изменения мировой кон'юнктуры, в связи со снижением урожая, после рекордных сборов 1926 г.

Интересно также отметить, что китайская хлопчатобумажная промышленность, в развитие которой упирается японский хлопчатобумажный рынок на 40% находится в руках Японии, которая управляет свыше полутора-миллионами веретен в Китае. Другие отрасли текстильной промышленности, как-то: шелкопрядильное дело и шерстяная промышленность, развиваются весьма успешно. Из таблицы продукции важнейших отраслей промышленности видно, что за последние пять лет общая продукция шелка-сырца возросла до 45%, продукция шерстяной промышленности — от 10 до 35%, в зависимости от отдельных видов изделия.

Необходимо отметить падающую тенденцию рыночных цен на японский шелк-сырец. В то время, как количественное выражение экспорта шелка-сырца увеличивается, ценностное выражение экспорта падает на 8,5 млн. иен и составляет в 1928 г. 732,7 млн. иен. Об'яснение этого явления лежит, с одной стороны, в росте продукции шелковых коконов, и с другой — в низком качестве продукции. Экспорт шелка занимает столь серьезное место в экспортном балансе страны, что беспокойство шелковых промышленников всецело разделяется правительством. Создана специальная комиссия, которой ассигновано 40.000 иен для изучения возможности рационализации производства шелка и дефектов экспортируемых товаров. Обращает на себя внимание также самая молодая отрасль текстильной промышленности — производство искусственного шелка. Зарождение ее относится к 1922 г. За пятилетие с 1924 г. по 1928 г. она довела свое производство с 1 до 15 млн. фунтов.

Электропромышленность. Энергетические ресурсы Японии, богатство ее водной энергией, наличие и запасы которой определяются от 10 до 12 млн. лошадиных сил, плохое качество и дороговизна угля и почти полное отсутствие жидкого топлива обусловили развитие электро- и, в первую очередь, гидроэлектропромышленности.

Зародившись в начале 90-х годов прошлого столетия, эта отрасль промышленности в настоящее время достигла колоссальных успехов, и по росту капиталовложений, продукции и концентрации производства занимает первое место в промышленном развитии Японии. Из оплаченной капитализации всех промышленных обществ страны, определяемой на 1928 год. в 10.850 млн. иен, на долю электропромышленных компаний приходится 2.353 млн. иен, или около 22%.

Характерной особенностью этой отрасли промышленности является то, что около 25% ее капиталовложений составляют иностранные и, в первую голову, американские капиталы.[1] Электропромышленность, вообще, является в последние годы излюбленным местом инвестирования капиталов как отечественных и так и иностранных.

Рост концентрации электропромышленности виден из того, что, по данным официальной статистики, из общей суммы капиталовложений электропромышленности в 2.350 млн. иен 105 главных фирм располагают

[1] „Economic Review". № 2, 1929 г.

оплаченным капиталом 1.600 млн. иен. Из отдельных предприятий электропромышленности, фирма Tokyo Electric Light C⁰ располагает капиталом в 350 млн. иен, фирма Toho Electric Power C⁰ — 130 млн. иен и т. д.[1]

В настоящее время в Японии насчитывается 5.800 силовых установок, общей мощностью 4,852 млн. *квт*. Количество динамо-машин, употребляемых для промышленных целей, составляет 299.000, с мощностью 2.293 тыс. лошадиных сил. По сравнению с 1914 г., увеличение производства электроэнергии достигает 800%.

О размерах электрификации Японии свидетельствует то, что из 12.038 городов и деревень Японии только в 473 деревнях отсутствует электрическое освещение. Значителен также рост электрификации железных дорог. Помимо действующих электрических железных дорог, с 1929 г. в течение шести лет в Японии должен осуществиться грандиозный проект электрификации пяти важнейших железных дорог. Проект этот потребует 40 млн. иен и явится началом общей замены на японских железных дорогах паровой тяги на электрическую.[2]

Все же значительный рост потребления электроэнергии не может поспеть за ростом производства, и перед электропромышленностью Японии стоит вопрос перепроизводства на 200—250 тыс. *квт*.

Последнее обстоятельство вызывает падение рентабельности электропромышленности, которая с 12,1% в 1925 г. упала до 10,1% в 1928 г.

«В связи с избытком электроэнергии и острой конкуренцией между обществами, наблюдается понижение ставок на электроэнергию. Явление это должно повлечь за собою новое падение прибылей электропромышленности».[3]

Для прекращения взаимной конкуренции между отдельными обществами и урегулирования рынка, выдвинут проект создания мощного электроконцерна, с участием правительства, с капиталом 650 млн. иен.

Металлообрабатывающая промышленность. Тяжелая металлообрабатывающая промышленность за последние годы в Японии достигла особенно значительного развития и опередила, по темпу роста своей продукции, другие отрасли промышленности. Производство стали казенных заводов за пятилетие с 1924 по 1928 г. удвоилось, производство стали частных заводов возросло на 60%. В 1918 г. произведено чугуна 695 млн. тонн и 540 млн. тон стали. В 1927 г. производство чугуна достигает 1.285 млн. тонн и производство стали 1.915 млн. тонн. Таким образом, по сравнению с 1918 г., производство чугуна почти удвоилось, а стали почти утроилось.

Как общее правило, японская тяжелая промышленность в 1928 г. была завалена заказами и не успевала сдавать таковые заказчикам, что создавало даже спекулятивную тенденцию рынка.

Характерно, что при общей тенденции падения доходности японских предприятий, дивиденды десяти крупнейших металлообрабатывающих заводов возросли в первой половине 1928 г. до 2,5%, и во второй половине того же года — до 5% против 1,25% в 1926 и 1927 гг. То же явление наблюдается и по отношению к дивидендам пяти ведущих японских верфей, которые поднялись в 1928 г. до 10% против 1,3% в 1927 г.

При общем росте сталепродукции за 1928 г., по сравнению с 1927 г., на 22% рост этот по отдельным видам продукции и заводам распределяется неравномерно, и для отдельных обществ доходит до 140%.

[1] „Trans Pacific". Tokyo, 2/X—28 г. и „Japan Jear Book". 1929 г.
[2] „Japan Advertiser" 24/X—28 г.
[3] „Oriental Economist". № 1, 1929 г.

Об'яснить значительные успехи тяжелой промышленности Японии можно рядом причин.

Реконструктивный период, который переживает ряд главнейших отраслей японской промышленности и, в первую очередь, текстильная, дает многочисленные заказы тяжелой индустрии. Кроме того, металлообрабатывающая промышленность является в Японии еще сравнительно новым делом, так как и в настояще время большинство оборудования японских фабрик иностранного происхождения: американского, английского и немецкого. Переход японской промышленности на отечественное оборудование ставит перед тяжелой промышленностью огромные перспективы роста. Уже в настоящий момент отдельные отрасли машиностроения достигли и достигают такой ступени развития, что могут успешно конкурировать с иностранными, не только на внутреннем, но и на внешнем рынках. К числу таких отраслей относится производство электроаппаратов, динамо-машин, значительного количества моторов, вагоностроение. паровозостроение, судостроение. [1]

Достаточно указать, что из числа 20.250 новых вагонов японских железных дорог в 1927 г., только 1.405 импортированы из-за границы. Все прочие выстроены на японских заводах. Постройка 1.072 миль новых дорог и 143 миль электрических железных дорог в течение двух ближайших лет тоже будет осуществлена, главным образом, путем заказов отечественной промышленности.

В связи с постройкой новых заводов и переоборудованием ряда действующих заводов, нужно ожидать дальнейшего роста производства чугуна и стали, каковой уже в ближайшие годы, по мнению японских экономистов, должен достичь 50%.

Работая над реконструкцией других отраслей промышленности, тяжелая индустрия Японии уделяет огромное внимание вопросам рационализации производства. Достаточно указать, что на правительственных сталелитейных заводах потребление угля на тонну стали составляло в 1919 г. 4,6 тонны, в 1924 г. — 3,6 тонны и в 1927 г. — 2,5 тонны. [2]

Не останавливаясь в отдельности на других отраслях японской промышленности, необходимо обратить внимание на успехи химической промышленности как в области производства искусственных удобрений так и красителей. Все же Япония ввозит значительное количество химических продуктов. Не менее значительны успехи бумажной промышленности, которой тоже приходится считаться с тенденцией перепроизводства продукции.

Вообще, общей характерной чертой всех отраслей японской промышленности является быстрый рост продукции, который во всех отраслях, кроме тяжелой, обгоняет по темпу своего развития рост потребления.

Емкость японского рынка, и без того очень ограниченная, была еще значительно подорвана после землетрясения в 1923 г. Так как большинство отраслей японской промышленности работают или переключаются для работы на мировые рынки, то перед Японией остро стоит проблема сырья и сбыта. Медленно изживая промышленный и финансовый кризис, почти все отрасли японской промышленности переживают период реконструкции и дополнительных значительных капиталовложений и относительно малых дивидендов.

Рабочий вопрос. Характерной чертой японского империализма является крайняя степень эксплоатации труда, немыслимая в Европе и

[1] „Weltwirtschaft". Berlin, 1929 г., № 1—3.
[2] „Trans Pacific" от 29/XII—28 г. и 28/II—29 года.

в Америке. Данные о зарплате японского рабочего за 1924—1926 гг., почерпнутые из официальных японских источников,[2] таковы:

	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Средний дневной заработок фабричного рабочего мужчины (в иенах)	1,97	1,94	2,34
То же, женщины	0,96	0,96	0,96
Средний дневной заработок рабочих мужчин и женщин	1,75	1,74	1,70

По отдельным отраслям промышленности, зарплата в 1926 г. колебалась для мужчин от 1,56 иен до 2,81, и для женщин от 0,93 до чего вследствие замены в производстве в результате рационализации квалифицированных рабочих неквалифицированными и расширенного применения женского труда не только не увеличилась, за три года, но, наоборот, упала с 1,75 иен в 1924 г. до 1,70 иены в 1926 г. Зарплата женщин оставалась на том же уровне и зарплата мужчин поднялась на 30—35%, при индексе цен того же года в 237.

Средний рабочий день, по тем же официальным данным за 1926 г., для всей японской промышленности равен 10,26 часам, колеблясь по отдельным отраслям производства от 9,42 часов в механической, и до 11,10 часов в текстильной промышленности.

Социальное законодательство Японии поражает своим несовершенством. Вообще, читая отчеты об условиях труда в Японии, читатель зачастую переносится в условия и обстановку эпохи первоначального накопления в Англии.

Число организованных рабочих Японии, по официальным данным, составляет 285.000 человек при 423 об'единениях. Та же официальная статистика отмечает за 1925—1926 гг. 788 забастовок, длившихся 9.307 дней с 2.834 участниками. По результатам: из 495 забастовок в 1926 г. окончились компромиссом 161, отклонением требований бастующих — 195 и принятием требований рабочих — 139. [2]

Тяжелые условия труда японского пролетариата составляют одно из самых узких мест японской промышленности.

Внешняя торговля. Анализ внешнего торгового баланса страны всегда является одним из основных показателей ее хозяйственного развития. Для выявления динамики развития японской внешней торговли чрезвычайно интересны, приведенные в « Trans Pacific » от 29/XII—28 г., данные (см. таб. 2 на стр. 204).

За 60 лет внешняя торговля Японии возросла в 160 раз. Японский экспорт, достигший в довоенные годы 650 млн. иен, при импорте в 760 млн. иен и общем пассивном торговом балансе, за годы империалистической войны, достигает своего рекордного развития, при чем торговый баланс в это время становится активным и имеет тенденцию роста. Самый значительный оборот внешней торговли приходится на 1920 г., хотя этот год знаменует собой вновь переход к пассивному балансу. Дальнейшие годы характеризуются падением внешней торговли и углублением финансового и экономического кризиса. После сравнительно благоприятных для внешней торговли 1924 и 1925 гг., которые все же характерны значительным пассивным балансом, за последние три года внешняя торговля Японии имеет тенденцию падения экспорта, при несколько более замедленном падении импорта.

[1] „Japan Jear Book". 1929 г.
[2] „Japan Jear Book". 1929 г.

Таблица 2

Размер внешней торговли Японии в тысячах иен

Годы	По экспорту	По импорту
1868	15.553	10.694
1878	25.988	32.874
1905	335.108	489.056
1913	656.173	769.183
1914	613.129	610.422
1917	1.640.709	1.053.522
1918	2 021.938	1.701.384
1920	2.040.000	2.378.000
1921	1.308.000	1.677.000
1922	1.687.000	1.933.000
1923	1.492.000	2.017.000
1924	1.858.000	2.508.000
1925	2.354.000	2.627.000
1926	2.098.000	2.425.000
1927	1.992.000	2.179.000
1928	1.971.689	2.192.856

Между отдельными группами товаров экспорт и импорт Японии распределяется следующим образом:[1]

Таблица 3

Экспорт

Род товаров	1928 г.	1927 г.	1926 г.
	В миллионах иен		
Текстильные изделия	1.319	1.378	1.433
Предметы питания	111	88	95
Спецпродукты (камфара, ментол, рыбий жир).	46	49	59
Прочие товары	201	189	194
Всего	1.677	1.704	1.787
% всего экспорта	85	85	87
Импорт			
Хлопок	550	625	726
Шерсть	112	102	86
Предметы питания	254	285	310
Удобрения	141	150	187
Химикаты	110	108	113
Металлы	91	75	78
Железные и стальные изделия и машины	217	193	214
Автомобили	32	18	16
Лес	111	104	104
Бумага и целлюлоза	27	27	22
Кожи	18	17	18
Уголь	37	35	28
Всего	1,799	1.851	2,008
% всего импорта	82	85	84

[1] „Wirtschaftsdienst". Hamburg, № 11, 1928 г. D-r O. Richter. „Der auswertige Handel Japans".

Таким образом, ясно видно падение вывоза текстильных изделий — основной статьи японского экспорта. Сокращается также вывоз специальных японских товаров (камфара, ментоль и рыбий жир). На ряду с общим сокращением растет вывоз продукции пищевкусовой (сахар, рыбные консервы), фарфоровой, бумажной, металлической и ряда других отраслей промышленности.

Об'яснение падения японского экспорта нужно искать в ослаблении для импортных товаров покупательной способности азиатских рынков, и, в первую очередь, китайского, вследствие индустриализации этих стран, а также вследствие гражданской войны в Китае.

Распределение японского экспорта и импорта по странам видно из следующей таблицы:

Название стран	Экспорт			Импорт		
	1928 г.	1927 г.	1926 г.	1928 г.	1927 г.	1926 г.
	В миллионах иен			В миллионах иен		
Соединенные Штаты	810	834	861	630	674	680
Китай	530	491	575	380	360	397
Британская Индия	145	168	156	265	271	391
Индо-Китай и Нидерландская Индия	130	136	131	185	195	181
Европа	165	168	129	405	388	416

Несмотря на влияние бойкота японских товаров, экспорт Японии в Китай, по сравнению с 1927 г., возрос на 47 млн. иен, импорт на 20 млн. иен. Правда, 1927 г. был неблагоприятным для развития японо-китайской торговли, но и по сравнению с 1926 г. снижение экспорта и импорта не столь значительно. Нельзя, конечно, отрицать, влияния бойкота японских товаров в Китае, в смысле ухудшения японо-китайской торговли, которое особенно ощущается среди мелких и средних коммерсантов Японии, ведущих торговлю с южным Китаем. Все же, как общее правило, следует признать, что Япония не потеряла своего доминирующего положения на китайских товарных рынках. «Поскольку бойкотистские воззвания печатаются на японской бумаге, как самой дешевой, и поскольку Япония поставляет на рынки Китая товары, которые больше подходят к его требованиям, чем товары других конкурентов, Япония удерживает за собою китайский рынок».[1] Торговля с Соед. Штатами падает, как результат сокращения экспорта хлопка — с одной, и падения цен на шелк — с другой стороны. Напротив, торговля с Европой имеет тенденцию роста.

Финансовое положение. Финансы Японии развивались в полном соответствии с общехозяйственным развитием страны. Империалистическая война отразилась на финансах Японии значительным ростом накоплений, инвестированием капиталов, увеличением золотого запаса страны, и выступления Японии, впервые за всю ее историю, на мировом рынке капиталов, в качестве заимодавца. Японское финансовое хозяйство достигает своего высшего расцвета к 1920/21 г., т.-е. периоду максимального экономического под'ема страны.

Переход от условий военного и послевоенного времени к нормальному положению, особенно тяжело отразился на финансах, как и на всей хозяйственной жизни страны и вызвал финансовый кризис Японии в 1921 — 1922 гг.

[1] Цитированная работа O. Richter'a.

Землетрясение 1923 г. и связанные с ним пожары и наводнения, принесшие Японии убыток в 10 мрд. иен, не могли способствовать оздоровлению финансов страны. Период между 1924—1927 гг. знаменует собою некоторое улучшение финансового хозяйства Японии. В неблагоприятном положении находится только золотой запас страны, как результат ряда лет с пассивным торговым балансом. В 1927 г. финансовое хозяйство переживает новый кризис, возникший в результате грюндерской, спекулятивной деятельности ряда японских фирм, и связанных с ними банков, выросших на высоких военных дивидендах. В результате регулирования и санирования финансового рынка и, в первую голову, японских банков, произошла известная перегруппировка капиталов и 1928 г. знаменует собой улучшение финансовой конъюнктуры Японии.

На ряду с ростом накопления и капиталовложений, для японского финансового хозяйства характерно падение рентабельности предприятий. В период военного бума доходность отдельных предприятий доходила до 50%, при среднем доходе в 20—25%. В тоже время на первое полугодие 1928 г. средний доход 1.591 ведущего предприятия Японии составляет 9,5%, против 9,7% в предыдущем году.[1] По отдельным отраслям промышленности, как уже упоминалось, падение рентабельности еще значительнее.

Уже во время империалистической войны Япония выступила в качестве взаимодавца, предоставив кредиты России, Англии и Франции в размере 630 млн. иен. По официальным данным, инвестирование Японии в одном Китае на 1928 г. достигает 2.533 млн. иен. В то же время заграничные займы, вложенные в японскую промышленность на конец 1928 г., по официальным источникам, достигают 300 млн. иен. Большинство из них вложены в электротехническую промышленность.

Вместе с правительственными займами, заключенными заграницей, внешний национальный долг Японии достигает 1.811,5 млн. иен. Всего же вместе с внутренними займами, национальный долг Японии достигает 5.586 млн. иен, что составляет около 88,032 иены на душу населения.

Как известно, до мировой войны весь золотой запас Японии не превышал 218 млн. иен и составлялся путем скупки золота японским Госбанком у отдельных экспортеров и частных банков. Годы мировой войны принесли резкое изменение в положении международных расчетов Японии. Активный торговый баланс в течение ряда лет довел золотой запас Японии к 1920 г. до 2.000 млн. иен, из которых заграницей было депонировано свыше 1.000 млн. В течение дальнейших восьми лет , золотой запас Японии постепенно падает и на первое января 1929 г., по данным министерства финансов, составлял 1.191 млн., против 1.203 млн. на 1 января 1928 г. Из 1.191 млн. иен золота на 1 января 1929 г. в распоряжении Госбанка находилось 1.885 млн. иен, и правительства — 106 млн. иен. Основная причина столь резкого падения золотого запаса заключается в ежегодных пассивных балансах страны. Кроме того, Япония расходует около 75 млн. ежегодно на платежи процентов по займам и около 15 млн. иен на правительственные закупки за границей.

Таким образом, правительственного запаса золота может хватить на один оперативный год и перед правительством остро стоит вопрос о пополнении своего золотого запаса, посредством покупки такового у Госбанка или частных фирм.

Одной из мер приостановки утечки золота за границу считают снятие золотого эмбарго и возврат страны к разменной системе.

Вопрос этот тесно связан с денежным обращением Японии и стабилизацией валюты. В то время, как на 1927 г. эмиссия Госбанка дошла до

[1] „Japan Advertiser" от 1/XI—28 г.

2.650 млн. иен, на конец 1928 г. денежная масса в обращении определяется суммой в 1.581 млн. иен, при обеспечении в 1.060 млн. иен.[1] (Нормальный уровень эмиссии последних лет выражается в цифре от 1.700 — 1.500 млн. иен). В то же время, по сравнению с прошлым годом, нельзя не отметить улучшения курса иены, хотя в течение года отмечается 86 резких колебаний ее курса. Все же следует признать, что в скрытом виде инфляция продолжает существовать в Японии. Интересно подчеркнуть, что важнейшие торговые палаты Японии высказались за снятие эмбарго, как меры, которая должна повести к стабилизации валюты, укреплению финансового положения страны и прекращению утечки золота из Японии.

Банки. В 1873 г. открылся первый в Японии банк. В 1879 г. число банков достигает 153, в 1882 г. открылся Bank of Japan. В апреле 1928 г. в Японии действовало 1.364 банка, кроме отделений иностранных банков. Последние не играют заметной роли в финансовой жизни страны. К концу 1927 г. насчитывается только 22 отделения иностранных банков с капиталом в 7 млн. иен. Если из числа 1.364 японских банков исключить 34 банковских института специального назначения, то общее количество японских банков равно 1.322. Из них 1.231 банк с коммерческими, и 111 с чисто сберегательными функциями. За последние годы наблюдается процесс укрупнения банков, сопровождающийся резким сокращением числа их. Политика министерства финансов, в целях санирования финансового хозяйства страны, всячески форсирует этот процесс. Таким образом, число коммерческих банков с 1.701 в 1923 г. сокращается в 1928 г. до 1.221.[2] Введенный 1 января 1928 г. японский закон о банках должен еще больше углубить этот процесс и довести число японских банков до 800.

На ряду с быстрым ростом капиталовложений, для японских банков характерна тенденция их концентрации. В этом отношении не маловажную роль сыграл кризис 1927 г., вызвавший прилив капиталов в более крупные и центральные банки, за счет мелких и провинциальных институтов.

На первое полугодие 1928 г. из 5.961 млн. иен депозитов 413 банков, входящих в расчетные палаты Японии, 51,3% находились у пяти крупнейших банков Японии «big five».[3]

Название банков	Депозиты в тысячах иен
Митцуи	618.578
Митцубиши	525.151
Даичи	566.520
Сумитомо	597.442
Ясудо	745.225
Всего	3.050.913

Интересно отметить еще, что в связи с финансовой паникой, последовавшей за банковым кризисом 1927 г. и ограничением сферы приложения капитала, возросло участие вложений средств в ценные бумаги. Характерно, что общая сумма ценных бумаг пяти указанных банков с 1926 по 1928 г., удваивается. Портфель ценных бумаг, указанных пяти банков, занимает 42% общей суммы ценных бумаг всех ассоциированных банков Японии (2.876 млн. иен).

Намечавшееся еще с мирного времени слияние капиталов в руках гигантских предприятий банков пошло вперед, в направлении, дальнейшей концентрации и усиления сращения индустриального и финансового капиталов. Для иллюстрации достаточно упомянуть, что Bank of Japan факти-

[1] „Economic Review". №№ 1 и 2, 1929 г.
[2] „Japan Jear Book". 1929 г.
[3] „Trans Pacific". Tokyo, 22/IX—28 г.

чески управляет 3.500 промышленными предприятиями, с количеством рабочих 928.000 человек. Такую же картину мы наблюдаем и в отношении «big five» банков.

Госбюджет. Госбюджет Японии растет наравне с общим ростом ее финансового хозяйства. В 1914 г. бюджет Японии равнялся 650 млн. иен. В 1922 г. он достигает 1.500 млн. иен, в 1928/29 г. — 1.709 млн. иен, и на предстоящий 1929/30 г. запроектирован в 1.738 млн. иен.[1]

Приходная часть бюджета составляется из налогов, доходов от госмонополий и госпредприятий. Расходная часть бюджета, как и в большинстве капиталистических стран, в львиной доле тратится на нужды администрации (46%), обороны (28%), погашение госдолгов (13%).

Резюмируя все вышесказанное, необходимо отметить следующие основные положения:

Глубокий кризис сельского хозяйства Японии, его значительное отставание от промышленности, недостаточность сырьевых ресурсов страны, не могут обеспечить потребностей растущей индустрии. Обрабатывающая промышленность, при более чем достаточной энергетической базе, достигла высокого технического и финансового уровня, работая почти исключительно на импортном сырье, и в значительной степени пользуясь импортным оборудованием. Упадок сельского хозяйства, пауперизация крестьянства, низкий потребительский уровень рабочего класса составляют узкое место японского империализма, обусловливая перманентную слабую емкость внутреннего рынка. Избыток японских капиталов, образовавшихся в результате благоприятной промышленной и финансовой кон'юнктуры во время мировой войны, ищет выхода в отсталые страны.

Поиски сырьевой базы, слабая емкость внутреннего рынка и помещение избыточных капиталов в соседние колониальные страны, при возрастающей трудности эксплоатации последних, делают японский империализм особенно агрессивным.

Лицо империалистической Японии особенно резко выступает в китайском вопросе, в разрезе сравнения ее политики с политикой других мировых держав. Соед. Штаты при огромном финансовом могуществе и незначительных вложениях капиталов в настоящем, могут строить свою политику без оглядки на должника. Стремясь к общему господству на финансовом рынке Китая, Соед. Штаты, обойденные к тому же при разделе Китая на сферы влияния, могут позволить себе проводить политику «открытых дверей» или «пацифистского империализма» (Галкович). Иное положение Англии и Японии. При заинтересованности этих стран в ряде концессий и руководстве важнейшими отраслями китайской промышленности «Япония и Англия жизненно заинтересованы в том, чтобы Китай оставался в том виде, в котором он находился в течение предшествующих десятков лет».[1] Если принять во внимание, что Китай является для Англии только одной из колониальных стран, в которых она заинтересована, а для Японии основным пунктом, где сосредоточены ее интересы, если учесть, наконец, то, что Япония ввозит в Китай товары, конкурирующие с теми отраслями китайской промышленности, которые развиваются уже на первых ступенях индустриализации (хлопчатобумажные ткани и бумага), то ясны станут те экономические факты, которые легли в основу японо-китайских отношений и вызвали японскую оккупацию частей китайской территории, с одной стороны, и антияпонское движение — с другой.

---

[1] „Wirtschaftsdienst". Hamburg, № 50, 1928 г. „Economist" № 4449, 1929 г. Лондон.

[2] Галкович. „Тихоокеанская проблема". „Мировое Хозяйство и Мировая Политика", № 2, 1929 г.

В. Карра

Техно-экономическая и организационная структура железоделательной промышленности С.-А.С.Ш.[1]

В настоящей статье из всего многообразия проблем и вопросов американской металлургии рассматриваются только те, которые являются актуальными в советском строительстве этой наиважнейшей из отраслей производства средств производства. Для того, чтобы осуществить лозунг «догнать и перегнать», важно установить, каким образом страна самой передовой металлургии в мире — С.-А. С. Ш. — разрешала и преодолевала те задания, которые стоят и перед нашей железоделательной промышленностью. Тем более, что по целому ряду определяющих факторов и условий можно установить большое сходство в обстановке развития черной металлургии в С.-А. С. Ш. и у нас.

Как и там, в СССР мы имеем огромнейший по емкости внутренний рынок с разбросанными на большой территории центрами спроса на металл. Подобно северо-американской республике, мы стоим перед локализацией месторождений сырья и топлива в районах, отстоящих один от другого на огромные расстояния свыше 1.500 *км*. Если в отношении старого железоделательного центра — Юга — налицо более благоприятные условия сырьевого штандорта (криворожская руда лежит в 300 *км* примерно, от донецкого угля), почти не имеющие аналогии в американской ситуации, то все будущие использования богатейших ресурсов Кузнецкого бассейна, возрождения Урала и сочетания богатств этого последнего с сибирским топливом ставят перед нами проблемы, которые оказались блестяще разрешенными американской практикой. Особое внимание привлекает использование американцами водных путей сообщения для преодоления огромных расстояний между месторождениями топлива и руды и рынками сбыта, что в порядке более длительных, генеральных, перспектив может приобрести актуальность и для СССР с его богатством мало утилизированных пока водных путей.

Приведенных соображений достаточно, чтобы понять, насколько важно для нас, прежде всего, изучение географического размещения или штандорта американской железоделательной промышленности. Этому вопросу отведена в статье специальная глава.

Другой комплекс актуальных для СССР вопросов касается степени и направления в современной металлургии процесса интеграции и дифференциации отдельных производств. Вступив на путь широкого строительства новых металлургических заводов и реконструкции старых, мы должны выбрать оптимальные формы разделения труда между заведениями и производствами большой и малой металлургии. Материал по С.-А С. Ш. представляется особенно поучительным в этом отношении, вследствие чего и этому вопросу в работе уделен специальный раздел.

[1] Настоящая работа воспроизводит в основном первую часть доклада автора в Секции мирового хозяйства Госплана СССР на тему: „Техно-экономическая и организационная структура железоделательной промышленности С.-А.С.Ш., Германии и СССР".

Анализ работы Стальной Корпорации представляется целесообразным, чтобы показать, каких результатов может достигнуть мощный трест, образующий замкнутое целое и руководимый единым плановым началом в ограниченных, конечно, пределах капиталистической обстановки. Такой анализ может дать материал для сравнения с работой нашего доминирующего треста — Югостали.

Рассмотрение народнохозяйственных показателей американской металлургии, составляющее содержание одной из глав, дает соотношения, интересующие нас в аспекте установления пропорциональности в развитии металлургии, в общей системе советского народного хозяйства и внутренней структуры самой железоделательной промышленности. Весьма актуальными кажутся, наконец, вопросы освещенные в разделе техноэкономических показателей, о размерах предприятий, отдельных аггрегатов, о сроке их службы, с одной стороны, сортамента металлургической продукции, с другой.

Народнохозяйственные показатели американской металлургии

Вес и значение железоделательной промышленности С.-А. С. Ш. в мировом хозяйстве и народнохозяйственной системе самой страны могут быть установлены на следующих показателях. Из общего итога мирового выпуска чугуна за пятилетний период — 1924—1928 гг.— в 392 млн. дл. тонн на долю северо-американской республики приходится 182 млн., т.-е. 46.3%; из итога выработанной в мире стали в 466 мл. дл. тонн—228 млн., т.-е. 49%.[1] Эти цифры недалеки от того соотношения, которое получено нами при исчислении мирового железного баланса на 1927 г. в сумме мирового видимого потребления прокатного продукта и чугунных отливок в 87—88 млн. *м* тонн на С.-А. С. Ш. приходится около 37 млн., примерно 42%. Эта страна потребляет почти столько же черного металла, сколько нижеследующие восемь передовых в хозяйственном отношении государств в совокупности:

Баланс потребления черного металла в 1927 г.

(проката и готового литья)

С.-А. С. Ш.	37.008	тыс. тонн	37.008 тонн
Германия	12.250	„ „	
Англия	9.964	„ „	
Франция	4.841	„ „	
СССР	3.750	„ „	
Канада	1.891	„ „	
Япония	1.650	„ „	
Италия	1.530	„ „	
Бельгия	1.318	„ „	37.194 тыс. тонн

Обладая столь мощной производительностью и таким массивным рынком, американская железоделательная промышленность базируется на чрезвычайно значительных рудных ресурсах. Достоверных, эксплоатируемых ныне запасов, по последним геологическим оценкам, насчитывается около 6 мрд. тонн[2], что при 50% содержания металла и нынешних размерах выработки чугуна гарантирует промышленность сырьем на 50—70 лет.

Вес рудных ресурсов С.-А. С. Ш. в мировых далек от указанных выше соотношений производства металла: в мировом итоге достоверных запасов в 32,5 мрд. тонн, американские с цифрой в 6 мрд. тонн едва составляют 18%. Эти цифры говорят о том, что в С.-А. С. Ш. рудоносные недра используются гораздо интенсивнее, чем в прочих странах.

[1] Подсчет по данным „Iron Age", годовой выпуск от 3 января 1929 г., стр. 80.
[2] „Wirtschaft und Statistik" 1922 г. № 16, стр. 563.

Следует оговорится, что, давая около половины мировых итогов в производственной сфере, американская железоделательная промышленность, в порядке нормальной мировой конъюнктуры, играла по самое последнее время относительно скромную роль в непосредственном снабжении мирового хозяйства черным металлом: в общей массе экспорта железа из пяти важнейших металлургических стран в 94 млн. дл. тонн за четырехлетие—1925—1928 гг.,— на долю С.-А. С. Ш. приходится всего 8 млн., т.-е. около 8,5%[1]. Только в военные и послевоенные годы пертурбации в европейском хозяйстве подняли чрезвычайно высоко американский экспорт, доведя его за четырехлетие — 1917—1920 гг. — до огромной цифры в 21 млн. дл. тонн металла.[2] Но приведенные данные о размерах экспорта железа вызывают преувеличенное представление об изолированности американской черной металлургии, так как за их пределами остаются значительные массы металла, поступающие на мировые рынки в составе американских фабрикатов: металлических изделий, машин всех видов и, особенно сельскохозяйственных, транспортного оборудования, тракторов, автомобилей, автомобильных частей и др. готовых металлических товаров.

Каковы же значение и роль железоделательной промышленности С.-А. С. Ш. в народнохозяйственной системе самой страны? Это можно установить путем сопоставления данных цензов по движению главнейших элементов черной металлургии с таковыми всей обрабатывающей промышленности.[3]

Таблица 1

Показатели обрабатывающей промышленности и производства черных металлов в С.-А.С.Ш.

(чугуна, стали и проката)

	1899 г	1904 г.	1909 г.	1914 г.	1919 г.	1921 г.	1923 г.	1925 г.
Капитал								
Вся промышленности (в млн. долларов)	8.975	12.675	18.428	22.717	44.197	—	—	—
Железоделательной промышленности (в млн. долл.)	573	936	1.492	1.720	3.458	—	—	—
Железоделательной ко всей промышленности (в %%)	6,4	7,4	8,1	7,5	7,8	—	—	—
Мощность двигателей в тыс. лошад. сил								
Вся промышленность	10.098	13.488	18.675	22.264	29.297	—	33.056	35.772
Железоделательная промышленность	1.598	2.422	3.274	3.928	5.420	—	5.943	6.143
Железоделательная ко всей промышленности (в %%)	15,8	18,0	17,5	17,6	18,5	—	18,0	17,2
Валовая продукция в млн. долл.								
Вся промышленность	11.407	14.794	20.672	24.246	61.737	43.427	60.258	62.714
Железоделательная промышленность	—	—	—	1.236	3.623	1.901	4.161	3.711
Железоделательная ко всей промышленности (в %%)	—	—	—	5,1	5,9	4,4	6,9	5,9
Число рабочих в тыс.								
Вся промышленность	4.713	5.468	6.615	7.015	9.030	6.938	8.768	8.384
Железоделательная промышленность	222	242	278	278	416	254	424	399
Железоделательная ко всей промышленности (в %%)	4,7	4,4	4,2	4,0	4,6	3,7	4,8	4,8

[1] „Iron Age" от 3/1—1929 г., стр. 81.
[2] Annual Stat. Report of the Amer. Iron and Steel Institute for 1926 г., стр. 74.
[3] „XIV Census of the United States", volume 10, стр. 310; „Biennial Census of Manufactures". 1925 г., стр. 14—15, 417.

По этим данным цензов, вес железоделательной во всей промышленности С.-А. С. Ш. за показанный период измеряется в отношении инвестированного капитала средней величиной в 6—8%, по мощности двигателей—в 15—18%, по валовой продукции—в 4,5—7%, по численности рабочей силы—в 3,5—5%. Из таблицы видно, что за двадцатилетний период — 1899—1919 гг.[1] — металлургический капитал обогнал в своем росте общепромышленный, вследствие чего и удельный вес первого заметно возрос. Та же тенденция обнаруживается и в движении энергетического показателя, что является вполне естественным, если принять во внимание, что движение этого последнего в значительной мере представляет собой натуральное выражение движения капитала. Все это означает, что в условиях интенсивно протекающей индустриализации страны важнейшая из сфер производства средств производства — металлургия — обгоняет в своем поступательном движении всю промышленность в целом. Снижение в тех же показателях в 1923 и 1925 гг. не принимает таких размеров, чтобы из этого факта делать выводы обратного характера.

Сопоставление рядов мощности двигателей и рабочей силы позволяет заключить, что к концу периода 1899—1925 гг. при почти одинаковом индексе роста рабочей силы как по всей промышленности, так и в сфере железоделательной индустрии (175—180), мощность двигателей дает в металлургии значительно больший под'ем: она превышет в 1925 г. таковую 1899 г. на 284%, в то время как по всей промышленности этот процентаж измеряется лишь цифрой в 254. Таким образом, мы наблюдаем в железоделательной промышленности указанного периода еще более интенсивный процесс механизации, чем то имеет место во всей промышленности в целом.

В отношении движения валовой продукции, в изменяющихся ценах соответственных годов, мы можем, элиминируя 1921 кризисный год, установить общую тенденцию опережения металлургией всей промышленности, с понижательной реакцией от 1923 к 1925 г. Интересно отметить, что по размерам валовой продукции железоделательная промышленность С.-А. С. Ш. занимает, после пищевой и текстильной, третье место в промышленной системе страны.

Имея в виду рассмотреть вопросы металлургического хозяйства С.-А. С. Ш. в тесном смысле слова, мы, однако, не можем, устанавливая роль черного металла в экономике страны, не коснуться кратко той сферы, которая ближайшим и непосредственным образом опирается на металлургию — металлообработки. Эта отрасль металлической промышленности, менее концентрированная и механизированная, чем металлургия, при большей численности рабочей силы, показывает весьма значительные размеры валовой и крупный коэфициент чистой продукции:

Таблица 2

Производство железных и стальных изделий (без машин) в С.-А. С. Ш.[2]

	1919 г.	1921 г.	1923 г.	1925 г.
Число заведений	6.926	5.627	5.700	5.473
То же в металлургии	695	628	658	595
Число рабочих (в тыс.)	442	318	468	451
Мощность двигат. (в тыс. лош. сил)	1.030	—	1.259	1.375
Валовая продукция (в млн. долл.)	2.266	1.554	2.666	2.750
Чистая „ „ „	1.144	780	1.386	1.445
Тоже по металлургии				
Валовая продукция	3.623	1.901	4.161	3.711
Чистая „	1.321	535	1.289	1.281

[1] Цензы после 1919 г. не учитывают капитала промышленности.

[2] „Biennial Census of Manufactures". 1925 г., стр. 417.

Констатируя на этих цифрах те особенности металлообрабатывающей промышленности, о которых упомянуто выше, можно одновременно сделать тот общий вывод, что непосредственно и целиком бизирующая на черном металле отрасль промышленности весьма значительно повышает вес железоделательной индустрии в народном хозяйстве страны.

Представление о тех нитях, при посредстве которых в настоящее время реализуется связь железоделательной промышленности со всем народным хозяйством, дает материалы о распределении в С.-А. С. Ш. железного проката по основным группам потребления:[1]

Таблица 3

Распределение в С.-А. С. Ш. железного проката

	1923 г.		192 г.		1925 г.		1926 г.		1927 г.		1928 г.	
	Млн. тонн	%	Млн. тонн	%	Млн. тонн	%	Млн. тонн	%	Млн. тонн	%	Млн тонн	%
Железные дороги	9,1	26,9	7,9	27,9	8,5	25,1	8,5	23,7	6,3	19,0	6,1	16,1
Строительство	5,2	15,4	5,1	18,0	5,9	17,4	7,0	19,5	7,3	22,0	6,3	16,6
Автомоб. произв.	3,7	10,9	2,8	9,9	4,4	13,0	5,2	14,5	4,7	14,0	6,8	18,0
Газовое, водопроводное, нефтяное и горное дело	3,6	10,7	2,6	9,2	2,7	8,0	3,4	9,5	2,8	8,4	3,6	9,5
Экспорт	2,0	5,9	1,7	6,0	1,7	5,0	1,8	5,0	1,8	5,4	2,4	6,3
Сельское хозяйство	1,4	4,1	0,9	3,2	1,2	3,5	1,4	3,9	1,8	5,4	2,5	6,6
Консерв. промышленность	1,2	3,6	1,1	3,9	1,5	4,4	1,4	3.9	1.5	4,5	1,9	5,0
Машиностроение	1,0	3,0	0,9	3,2	1,2	3.5	1,4	3,9	1.3	3.9	1,3	3,4
Прочие	6,6	19,5	5,3	18,7	6,8	20,1	5,8	16.1	5,7	17.2	7,0	18,5
Итого	33,8	100,0	28,3	100,0	33,9	100,0	35,9	100,0	33,2	100,0	37,9	100,0

Из таблицы видно, что около половины металла поглощается тремя крупными группами — жел.-дор. транспортом, строительством и автопромышленностью — и что отчетливо выраженный рост спроса на железо обнаруживается со стороны автопромышленности, сельского хозяйства и отчасти строительства. В последние годы консервная промышленность, играющая столь крупную роль в переработке продуктов сельского хозяйства С.-А. С.Ш., выдвигается как первостепенная группа потребления железа. Некоторый под'ем в последние годы дает и потребление машиностроения. Определенно же затухающий характер носит ряд железнодорожного спроса.

Пользуясь данными промышленных цензов и приведенными ниже подсчетами, можно осветить общие экономические условия развития американской железоделательной промышленности (см. стр. 216).

Перед нами прежде всего факт укрупнения заведений по обоим основным разделам металлургического дела как по доменным цехам, так и по выработке стальной болванки и проката. В 1925 г. при значительном увеличении валовой продукции против 1914 г. вся железоделательная промышленность уместилась почти в том же количестве заведений, что и до войны (595 против 587). Доменное производство, вообще более централизованное, дает значительное сокращение числа производящих единиц, против довоенного периода. Увеличение числа сталеделательных и прокатных заведений (473 против 427) далеко не соответствует росту продукции. Что

[1] „Iron Age" от 3/I—1929 г., стр. 8—9.

касается колебаний по приведенным в таблице промежуточным срокам, то 1919 г. отражает в себе все специфические черты ближайшего к войне периода с неестественно разбухшим производственным аппаратом и с избытком малоквалифицированной рабочей силы. Последующий в таблице

Таблица 4

Основные показатели развития железоделательной промышленности С.-А. С. Ш.

	1914 г.	1919 г.	1921 г.	1923 г.	1925 г.
Число заведений					
Вся железоделательная промышл.	587	695	628	658	595
Доменное производство	160	195	134	169	122
Производство стали и проката	427	500	494	489	473
Число рабочих в тыс.					
По всей железоделательн. промышл.	278,1	416,7	254,2	424,9	399,9
Доменное производство	29,4	41,7	18,7	36,7	29,2
Производство стали и проката	248,7	375,1	235,5	388,2	377,7
То же на одно заведение					
По всей железоделательн. промышл.	474	600	404	645	672
Доменное производство	184	213	139	217	239
Производство стали и проката	582	750	477	794	784
Мощность двигателей в тыс. лош. сил.					
По всей железоделательн. промышл.	3.925	5.399	—	5.999	6.143
Доменное производство	1.221	1.581	—	1.686	1.380
Производство стали и проката	2.703	3.818	—	4.313	4.766
То же на одно заведение в лош. сил.					
По всей железоделательн. промышл.	6.700	7.760	—	9.116	10.320
Доменное производство	7.619	8.108	—	9.975	11.311
Производство стали и проката	6.330	7.736	—	8.820	10.076
То же на одного рабочего в лош. сил.					
По всей железоделательн. промышл.	14	13	—	14	15
Доменное производство	42	38	—	46	47
Производство стали и проката	11	10	—	11	13
Валовая продукция в млн. долл. 1914 г.					
По всей железоделательн. промышл.	1.236	1.640	1.138	1.971	2.146
Доменное производство	317	360	251	480	442
Производство стали и проката	918	1.280	887	1.491	1.704
То же на одно заведение в тыс. долл.					
По всей железоделательн. промышл.	2,0	2,3	1,8	2,9	3,0
Доменное производство	1,9	1,9	1,9	2,9	3,4
Производство стали и проката	2,1	2,5	1,8	3,0	3,6
То же на одного рабочего в долл. 1914 г.					
По всей железоделательн. промышл.	4.446	3.932	4.480	4.637	5.365
Доменное производство	10.782	8.633	13.420	13.080	15.130
Производство стали и проката	3.700	3.413	3.760	3.843	4.600

кризисный 1921 г., в порядке обычной гибели маломощных предприятий, устраняет этот излишек аппарата и рабочих рук и даже в 1923 г., с его высокой кон'юнктурой и возрождением обычно малорентабельных заводов, под давлением общего процесса укрупнения обнаруживается падение числа заведений против 1919 г. Рост емкости заведений можно далее проследить

на уплотнении их рабочей силой, на усилении степени их механизации и на увеличении выпуска продукции. За исключением кризисного 1921 г. все эти показатели дают под'ем, при чем с 1914 по 1925 гг. на одно заведение рабочая сила возрастает по всей металлургии с 474 до 521 чел., мощность двигателей — с 6.760 до 10.320 лош. сил, валовая продукция — с 2 до 3 млн. долл. (в неизменных ценах 1914 г.).

В рядах численности рабочих обращает на себя внимание небольшая относительно доля рабочей силы, падающей на доменное производство — менее 10%, что об'ясняется высоким строением капитала в этой отрасли металлургии. Но то обстоятельство, что при общем увеличении физического об'ема производства железоделательной промышленности сталеделательные и прокатные цеха показывают довольно большой прирост рабочей силы, в то время как доменные в годы хорошей кон'юнктуры либо незначительно ее увеличивают (1923), либо сохраняют в тех же размерах (1925), стоит в связи со специфическими условиями послевоенного периода. За счет более интенсивного использования лома выпуск чугуна ныне значительно отстает в своем росте от выработки стали и он оказывается недостаточным, чтобы сколько-нибудь заметно перекрыть происходящее одновременно сильное увеличение производительности труда, каковое явление имеет место в сталелитейном и прокатном деле, с его более высоким ростом продукции и менее значительным увеличением продуктивности труда. Отставание продукции доменных цехов видно из следующих цифровых показателей:

Таблица 5

Выработка чугуна, стали и проката в С.-А. С. Ш.

	1914 г.		1923 г.		1925 г.	
	В млн. тонн	1914 = 100	В млн. тонн	1914 = 100	В млн. тонн	1914 = 100
Чугун	23,3	100	40,4	173	36,7	158
Сталь	23,5	100	44,9	191	45,4	193
Прокат	18,4	100	33,3	181	33,4	182

В какой мере поступательное движение рабочей силы в доменном производстве задерживается значительно более быстрым темпом под'ема производительности труда, видно из того, что согласно приведенным в таблице 4 (на стр. 216) показателям развития валовой продукции, выработка на одного рабочего по доменным цехам возросла от 1914 г. к 1923 г. на 21%, а к 1925 г. — на 40%, в то время, как по стали и прокату соответственное увеличение выразилось только в 4 и 24%.[1] Такое опережение становится вполне понятным при рассмотрении энергетических показателей. Та же таблица обнаруживает, что вооруженность рабочего в доменных цехах, примерно, в 4 раза выше, чем в сталеделательных и прокатных: на 1 занятого рабочего приходилось в 1923 г. — 46 против 11 лош. сил, в 1925 г.—47 против 13 лош. сил. В конечном счете эти преимущества доменных заведений сводятся к лучшей их организации, большему охвату

[1] Более значительный рост производительности труда мы находим в исчислениях американской комиссии Гувера, совсем недавно оп бликовавшей двухтомное исследование „Recent Economic Changes in the United States", vol I, стр, 55. Путем использования специального материала в этой работе исчислены индексы движения производительности труда одного рабочего в час. Повышенные цифры роста производительности труда этих подсчетах об'ясняются сокращением продолжительности рабочего дня против 1914 г.

интеграционным процессом и к меньшей распыленности, чем то имеет место в целом ряде мелких, разрозненных сталеделательных и прокатных заводов с их более низкой технической и организационной структурой.

Относительно малая трудоемкость доменного процесса может быть подтверждена показателями строения издержек производства в части тех их элементов, которые даются промышленными цензами-стоимости материалов и заработной платы:

Таблица 6

Элементы издержек производства в железоделательной промышленности С.-А. С. Ш.

	1914 г.		1919 г.		1921 г.		1923 г.		1925 г.	
	В млн. долл.	В %	В млн. долл.	В %	В млн. долл.	В %	В млн. долл.	В %	В млн. долл.	В %
Доменные цеха										
Валовая продукция .	317,6	100	794,4	100	419,7	100	1.007	100	765.2	100
Материалы	265,4	84	621,2	78	361,0	86	827 6	82	617,4	81
Зарплата	22,7	7	73,7	9	29,3	7	58,9	6	45,3	6
Сталелитейные и прокатные цеха										
Валовая продукция .	918,6	100	2.828	100	1.481	100	3.154	100	2.946	100
Материалы	590.8	64	1.680	59	1.005	68	2.044	65	1 811	61
Зарплата	188,1	20	637	23	324	22	637	20	614	21

Мы видим, что доле зарплаты в 6—9% в доменном производстве противостоит цифра в 20—23% — в сталелитейном и прокатном. Нужно сказать, что за приведенный период 1914—1925 гг. удельные соотношения показанных элементов издержек в значительной мере стационарны и делать, на основании обнаружившихся колебаний стоящих, повидимому, в связи с конъюнктурными факторами, какие-либо структурные выводы не представляется возможным.

В дополнение к приведенным выше показателям силового хозяйства металлургии С.-А. С. Ш. отметим протекающий процесс интенсивной электрификации его. Из следующих данных видно, что наибольшее увеличение силовой мощности за шесть лет падает на электромоторы, с которыми по темпу развития конкурируют только паровые турбины и в меньшей мере моторы внутреннего сгорания. Роль малоэффективных паровых машин сильно снижается. Интересно еще отметить сильный рост расхода покупаемой со стороны электроэнергии, что стоит в связи с практикуемой многими заведениями продажей газа и образующегося вследствие этого дефицита в энергетическом хозяйстве предприятий:

Мощность двигателей в производстве стали и проката [1]
(в тыс. лош. сил)

	1919 г.	1925 г.	1925 г. в % к 1919 г.
Все первичные двигатели	3.819	4.764	124.7
Паровые машины	2.245	2.014	89,7
Паровые турбины	611	962	157,4
Двиг. внутр. сгор.	257	358	139,3
Электромоторы на чужом токе . . .	695	1.426	205,2
Все электромоторы	2.350	3.758	159,9
На чюжом токе	695	1.426	205,2
На своем токе	1.655	2.331	148,0

[1] Biennial Census of Manufacturers. 1925 г., стр. 443.

В нижеследующей таблице приведены натуральные показатели развития железоделательной промышленности С.-А. С. Ш. с 1860 годов, когда стало обнаруживаться ее довольно интенсивное по темпу развертывание [1].

Таблица 7

Натуральные показатели развития железоделательной промышленности С.-А. С. Ш.

Годы	Добыча руды в млн. дл. тонн	Выжиг кокса в млн. кор. тонн	Выпуск чугуна в млн. длинных тонн				Выработка железа и стали в млн. дл. тонн			Выработка проката в млн. дл. тонн	
			всего	на антраците	на древес. угле	на коксе	всего	мартен.	бес-семер	всего	рельс
1863	—	—	0,8	0,5	0.2	0,1	—	—	—	—	—
1868	—	—	1,4	0,8	0,3	0,3	—	—	—	—	—
1873	—	—	2 6	1,2	0,5	0,9	—	—	—	—	—
1878	—	—	2,3	1,0	0,3	1,0	—	—	—	—	—
1883	—	—	4,6	1,7	0,5	2,4	1,7	0,1	1,5	—	—
1888	—	—	6,5	1,7	0.5	4,3	2,9	0.3	2 5	—	—
1893	11,6	—	7,1	1,3	0,4	5,4	4,0	0.7	3,2	4,9	1,1
1898	19,4	—	11,8	1,2	0,3	10,3	8,9	2,2	6,6	8,5	1,9
1903	35,0	25,3	18,0	1,9	0,5	15,6	14,5	5,8	8,6	13,2	2,9
1908	35,9	—	15,9	0,4	0,2	15,3	14,0	7,8	6,1	11 8	1,9
1913	61,9	46,3	30,9	0,3	0,3	30,3	31,1	21,6	9,5	24,8	3,5
1918	69,7	56,5	39,1	0,3	0.3	38,5	44,5	34,3	9,4	31,2	2,5
1923	69,4	56,9	40,4	—	0,3	40.1	44,9	35,9	8,5	33,3	2,9
1924	54,3	44,3	31,4	—	0.2	31.3	37,9	31,6	5,9	28,1	2,4
1925	61,9	51,3	36,7	—	0,2	36,5	45,4	38,0	6,7	33,4	2,8
1926	67,6	56,0	39,4	—	0,2	39,2	48,3	40,7	6,9	35,5	3,2

Приведенные данные рельефно отображают те большие сдвиги, которые металлургия С.-А. С. Ш. претерпела на протяжении шестидесятилетнего периода своего развития. Мы видим прежде всего, что подлинно высокий уровень производительности достигнут был ею к концу прошлого столетия. Это были именно те годы, когда американская железоделательная промышленность заняла первое место в мировом хозяйстве, оттеснив на второй план историческую страну черного металла — Англию. Одновременно можно констатировать, что примерно к тем же годам С.-А. С. Ш. в значительной мере эмансировались от иностранного полуфабриката, обеспечив свои прокатные заведения собственным литым металлом. В самом деле, если еще в 1890 г. при выработке проката в 6 млн. тонн, сталеделательные заводы дали стране только 4,3 млн. тонн слитков, недостающий же полупродукт был доставлен из-за границы, то уже в 1901 г. выпуск стали превышает выработку металлургического фабриката — проката: 13,5 против 12,3 млн. тонн.

Из качественных процессов, выявившихся в развитии металлургии С.-А. С. Ш. и стоявших в связи с достижениями техники в области применения металла, обращает на себя внимание постепенное и неизменное устранение превалирования чугуна над ковкими железом и сталью и последующее доминирование этих продуктов. В этом можно убедиться из следующего подсчета, произведенного на основе данных предшествующей таблицы.

Отмечаемое явление сводится к двум процессам: к замене чугунных отливок фабрикатами из ковкого железа и литой стали, вследствие чего вырабатываемый чугун в большей мере направляется в передел, спрос же на готовое литье сжимается; этот процесс обнаруживается вплоть до начала нынешнего столетия. К концу первой декады этого последнего в плавке ковкого железа и стали начинает брать верх мартеновский метод, связан-

[1] Данные взяты из ежегодника „Americon Iron and Steel Institute".

ный с использованием больших порций лома, что неминуемо ведет и к сокращению доли используемого в производстве стали передельного чугуна.

Таблица 8

Показатели роста выпуска чугуна и стали в С.-А. С. Ш.

	1881 г.		1890 г.		1900 г		1910 г.		1920 г.	
	Млн. тонн	Сталь от чугуна в %	Млн. тонн	Сталь от чугуна в %	Млн. тонн	Сталь от чугуна в %	Млн. тонн	Сталь от чугуна в %	Млн. тонн	Сталь от чугуна в %
Выпуск чугуна	4,1	100	9,2	100	13,8	100	27,3	100	36,9	100
Выпуск стали	1,6	39	4,3	47	10,2	73	26,3	96	42,1	114

Указанный выше переход с бессемеровской плавки стали на мартеновскую обозначился с отчетливостью лишь к началу нынешнего века; но с этой поры продвижение мартена протекает с нарастающей силой, и в наши дни бессемеровский продукт составляет едва 14—15% всей выработки. Столь успешное внедрение мартеновской плавки было обусловлено тремя важнейшими факторами: ограниченностью запасов бесфосфористых руд, годных для бессемерования, накоплением в стране дешевого лома, включаемого большой долей в мартеновскую шихту и, в не меньшей мере, относительной дешевизной строительства и эксплотации мартеновских установок, не требующих больших капиталов, более гибких в приспособлении к требованиям рынка, к размерам нагрузки и т. д.

Среди основных процессов, протекших, в американской металлургии, первостепенное значение имел, как и во всех других странах, переход на коксовую плавку. Как показывает та же таблица (стр. 219), древесноугольный металл утратил свой удельный вес еще с шестидесятых годов. Что касается антрацитной плавки, то она довольно долго держалась в восточных штатах в специфических условиях близости к рудам и к антрацитным залежам и удаленности от месторождений коксующихся углей Западной Пенсильвании.

Интересно проследить по таблице характерный момент — постепенную утрату металлургией первоначального железнодорожного уклона. Если в период лихорадочного транспортного строительства, в 80 годы, продукция рельс составляла свыше 80% всей выпущенной стальной болванки, то уже в 1890 г. это соотношение не превышает 30%, а в начале нынешнего века оно держится у уровня в 20%.

Штандорт железоделательной промышленности

За восемьдесят лет своего существования, примерно с 1850 г., американская железоделательная промышленность проделала длинный путь перемещения с востока, от прибрежных штатов, на северо-запад в направлении Великих Озер и, частично, к далекому югу в сторону Мексиканского залива. Этот процесс по времени прошел через три важнейших этапа: господство Восточно-Пенсильванского железоделательного района и металлургии прибрежных штатов (Нью-Йорк, Нью-Джерси), длившееся 25 лет и склонившееся к закату в 80 годы; последующий период безраздельного доминирования, вплоть до начала нынешнего века, питсбургского района: наконец, возникновение и развертывание Чикагского металлургического центра, значительно сузившего в наши дни сферу рыночной экспансии питсбургской группы заводов. Утрата металлургией восточных штатов первенствующего положения в 80 годы произошла не только под напором конкуренции питсбургских предприятий, но и в результате частичной уступки позиций новому южному району Бирмингама в штате Алабама. Одновременно с чикагским центром железоделательная промышленность С.-А. С. Ш. дала в нынешнем веке три ответвления менее крупного масштаба: первое — группу заводов в центре Озер (Буффало, Толедо, Детройт), второе — на самом далеком севере их (Дулус), а также третье — в западных штатах в районе Скалистых гор.

О том, где осела железоделательная промышленность С.-А. С. Ш. к концу упомянутого второго, питсбургского, этапа развития, какой вес обрели в этот период отдельные районы и как затем развернулась третья фаза, чикагская, с новыми райоными соотношениями, показывает сводка производительной способности доменного и сталелитейного аппарата, опубликованная Американским Институтом черных металлов и приведенная в работе Прэделя: [1]

Таблица 9

Годовая производительность американской железоделательной промышленности (в тыс. кор. тонн)

Районы	Чугун				Сталь			
	1901 г.		1925 г.		1901 г.		1925 г.	
	В тыс. тонн	В %	В тыс. тонн	В %	В тыс. тонн	В %	В тыс. тонн	В %
Среднеозерный (Буффало-Толедо, Детройт.)	325	1,4	4.259	8,7	—	—	2.619	4,4
Северо-Восточный	3.821	16,3	6.233	11,9	3.148	17,2	7.602	12,9
Питсбургский	12.595	53,8	26.673	51,0	12.044	65.8	33.181	56,4
Чикагский	2.207	9,0	8.487	16,2	2.341	12.8	10.491	17.8
Северноозерный	130	0,5	746	1,4	40	0,2	1 272	2,1
Западный	306	1,3	714	1,3	250	1,3	1.761	3,0
Южный без Бирмингама	2.675	11,4	2.383	4.5	96	0,5	429	0,8
Бирмингам	1.459	6,2	2.762	5,2	338	1,8	1.414	2,4

Полученные в таблице показатели позволяют сделать ряд выводов. Прежде всего, несомненен рост чикагского района, который к 1925 г. оттеснил группу восточных штатов на третье место. Затем, столь же очевиден общий процесс территориальной децентрализации американской железоделательной промышленности. Действительно, в 1901 г. около 97% чугуна дают 5 районов, в 1925 г. тоже количество — 6 центров; по стали в 1901 г. около 96% продукта падает на 3 территориальные группировки, в 1925 г.— на 6. Особенно бросается в глаза тот факт, что по выработке стали вес питсбургского района, составлявший в 1901 г. около двух третей всей продукции страны, в 1925 г. скатывается до половины ее. Более высокий коэфициент децентрализационного процесса обнаруживающийся в отношении сталеделательных заведений, следует об'яснить тем, что расширение рынка потребления железа имело последствием накопление лома в новых районах и местах; подобная же рассеянность лома на территории страны не могла не создать сырьевых штандортных предпосылок для возникновения в этих районах мартеновских заведений.

[1] A. Predoehl. „Die oertliche Vertheilung der amerikanischen Eisen und Stahlindustrie“ Weltwirtschaftliches Archiv, 1928, B. 27, H. 2, стр. 316—317.

Данные скомбинированы по нашей районной схеме. В работе Прэделя приведены детальные исчисления отдельных подгрупп районов; в нашей таблице Канада не включена.

Установим факты и цифровую меру территориального перемещения железоделательной промышленности С.-А. С. Ш., перейдем к выявлению тех факторов, которые вызвали это передвижение. В этом отношении приходится сразу же установить, что два важнейших сдвига в эволюции штандорта американской металлургии были обусловлены совершенно различными факторами: перегруппировка 1880—1900 гг. — новой сырьевой ориентировкой, процессы же 1900—1925 гг. — новой рыночной ориентировкой.

Первый по возникновению железоделательный район С.-А. С. Ш. с заводами, размещенными в полосе между восточным склоном аппалахских гор и берегом Атлантического океана (штаты Нью-Йорк, Нью-Джерси, восточная часть Пенсильвании, с центрами в Балтиморе, Филадельфии и др. городах), базировался долгое время на антрацитах Восточной Пенсильвании и местной руде (отчасти привозной), в отношении же сбыта продукции — на емких рынках тех северо-восточных и восточных штатов, через которые шла колонизация и культурное освоение Нового Света. Мы видели выше, что к концу прошлого века рынок С.-А. С. Ш. в значительной мере снабжался черным металлом извне. В особенности сильно чувствовалась недостаточность железоделательного аппарата страны в начале 70-х годов, когда горячка железнодорожного строительства достигала апогея. В одном 1871 г. железнодорожная сеть С.-А. С. Ш. была расширена на семь тысяч миль, дав рост на 13% против предшествующего года. В течение 1872 г. были месяцы, когда цена на чугун колебалась между 25 и 64 долл. за тонну. [1] Этот бум совпал по времени с высокой кон'юнктурой в европейском хозяйстве, вследствие чего привоз металла наталкивался на большие затруднения. Заводы прибрежных штатов не могли справиться с таким расширением спроса потому, что применение нового бессемеровского метода выработки литого металла, сменившего к концу 60-х годов прежний малопроизводительный сварочный процесс, ограничивалось незначительными ресурсами местной бесфосфористой руды. Деградирование местной рудной промышленности обнаруживается из следующих цифр: в 1880 г. вся добыча С.-А. С. Ш. — 7.974 тыс. тонн, восточной руды — 4.305 тыс. тонн; в 1902 г. соответственные цифры — 35.554 тыс. тонн и 1.820 тыс. тонн.

К этому времени на арену вышли новые рудные месторождения Верхнего Озера: добыча в 1860 г.— 114 тыс. тонн, в 1865 г.— 193 тыс. тонн, в 1870 г.— 813 тыс. тонн, в 1873 г.— 1.195 тыс. тонн. Богатые запасы этого района бессемеровскими рудами и возможность далекой, но относительно дешевой, переброски по озерной системе к месту залегания обильных коксующихся коннельсвилльских углей Западной Пенсильвании — эти сырьевые и транспортные факторы создали новый штандорт американской железоделательной промышленности вблизи южного берега озера Эри в непосредственном соседстве с Коннельсвиллем. Так возник и развернулся обширный район, именуемый питсбургским.

Новый штандорт южной американской металлургии, осевший в штате Алабама, по преимуществу у г. Бирмингама, стимулировался также сырьевыми факторами, хотя нельзя не признать того влияния на возникновение района, которое оказал рынок, слишком удаленный от прежних центров снабжения железом. Местные заводы работают на углях южных отрогов аппалахской горной цепи, залегающих в непосредственной близости от местной руды. Такое сочетание двух важнейших сырьевых факторов ставит бирмингамскую группу в особое положение среди всех районов С.-А. С. Ш.

Переходя к третьему этапу в перемещении железоделательной промышленности С.-А. С. Ш.— к чикагскому периоду, можно с полным основанием считать этот новый штандорт обусловленным рыночным притяжением. Что о сырьевых преимуществах тут не может быть речи, видно из приведенной в следующей главе калькуляции транспортных сырьевых издержек на тонну продукции: чикагские заводы обременены лишним долларом по сравнению с питсбургскими предприятиями.

[1] Lewy, ibidem, стр. 24—25.

Что же касается роста емкости рынка территории, тяготеющей к югу озера Мичиган, то об этом можно судить по исчислениям районных отгрузок металла, впервые опубликованным в годовом номере „Iron Age“ за 1929 г. (в тыс. тонн):

Таблица 10

	Сортовое железо	Строит. железо	Листовое железо	Жесть для лужения	Трубы	Проволока
Рынок питсбургской группы .	3.523	1.570	2 357	664	1.334	982
„ чикагской „ .	2.445	820	2.074	523	623	1.053

Из приведенных данных совершенно очевидна непропорциональность развития производственнного аппарата питсбургского района: налицо несомненный захват им рынков, тяготеющих к чикагскому центру. Это — та искусственная гипертрофия питсбургского района, которая была порождена привилегированными в отношении его железнодорожными тарифными ставками и знаменитой политикой цен, так называемой „Pitsburg Surplus System“ Хотя эта последняя формально отменена еще в 1924 г., но некоторое действие она сохранила еще по сие время. [1]

Из предыдущего изложения явствует, что на два крупнейших железоделательных района Америки — питсбургский и чикагский — приходится 70—75% всего металлургического производства страны. Общим для их штандорта признаком является базирование на одном и том же по происхождению сырье: на верхнеозерной руде и битуминозных углях аппалахского хребта. Между этими двумя сырьевыми центрами, отделенными один от другого огромным расстоянием около 1.500 *км*, расположились заводы обеих групп.

Железоделательные заведения питсбургского района концентрируются вокруг самого города Питсбурга в расстоянии от него от 75 до 150 *км*. Вот какова производительность важнейших географических центров сосредоточения заводов этого района:

Pitsburg	13,4 млн тонн стали	Ochio	2,5 млн. тонн стали
Mahoning	6,1 „ „ „	Johnstown . . .	1,9 „ „ „
Cleveland	4,0 „ „ „	Shenango . . .	1,4 „ „ „
Wheeling	2,8 „ „ „	Итого . . .	31,6 млн. тонн стали

Ко всем перечисленным заводам руда подвозится комбинированным водным и железнодорожным путем. Добываемая у Верхнего озера, она перебрасывается по железной дороге к одному из озерных портов (важнейшее месторождение Мессаба расположено в 100 *км* от берега), оттуда на судах крупного тонажа следует к берегам озера Эри, тут перегружается в железнодорожные вагоны и доставляется, засим, к вышеперечисленным пунктам. Уголь подвозится по железной дороге из Коннельсвилля —

[1] Эта система изложена в вышеупомянутой работе Прэделя, стр. 271 и дальше, а также в брошюре von Haniel „Frachtverhaelltnisse und Frachtlage der amerikanischen Eisenindustrie“, Berlin, 1928.

центра пенсильванских коксующихся углей. Беря средние, нижеприведенные, удельные расходы сырья, фрахтовая калькуляция питсбургского района выразится в следующих цифрах (на тонну чугуна): [1]

1,5	тонны угля	0,22 долл.
1,9	„ руды	5,53 „
0,445	„ известняка	0,63 „
	Итого . . .	6,38 долл.

Почти все важнейшие заведения чикагского района расположены в одном центре — у самого города на южном берегу озера Мичиган и у соседнего города Жолье. Из 10,5 млн. тонн производительной способности сталеделательного аппарата района на долю чикагских заводов приходилось в 1925 г. — 9,5 млн., заведений же Жолье — 0,7 млн. тонн. Чикаго имеет преимущество расположения у самой водной системы и более короткого пути от руды. Но тем значительнее затраты по перевозке угля из далеких (до 400 *км*) месторождений штатов Кентукки и Западной Виргинии, который перебрасывается комбинированным способом — по речной системе притоков Миссисиппи и железной дорогой. В итоге фрахтовые затраты на тонну чугуна получаются следующие:

Доставка угля (1,5 тонн.)	4,02	долл.
„ руды (1,9 тонн.)	3,19	„
„ известняка (0,44 тонн.)	0,24	„
Итого . . .	7,45	долл.

Таким образом, транспортные сырьевые показатели обнаруживают преимущество питсбургского района перед Чикаго, выражающееся, примерно, в один доллар на тонне выпускаемой продукции.

Сопоставление двух приведенных калькуляций вскрывает ту особенность, которая является едва ли не самым важным фактором, определившим штандорт и даже самую судьбу железоделательной промышленности С.-А. С. Ш. Это — понижающее влияние длинного озерного пути на калькуляцию металлургического производства и притягательное действие угольных районов в отношении железоделательных заведений, преуспевающих вблизи угля, под защитой дорогостоящего железнодорожного транспорта. Несомненно, что при необходимости доставлять руду железной дорогой, центром металлургии был бы не Питсбург, а пункты, расположенные ближе к руде.

Что касается дешевизны перевозок сырьевых грузов по озерной системе С.-А. С. Ш., то она об'ясняется не только общеизвестными преимуществами водного транспорта перед железнодорожным, но и теми колоссальными достижениями в транспортном озерном хозяйстве, той технической рационализацией, которую американские компании непрерывно осуществляли в течение истекшего полвека. Соединяя в одних руках эксплоатацию рудников, железнодорожных линий, портовых доков, сооружений, погрузочных и разгрузочных устройств и озерного флота, Стальная Корпорация и другие железоделательные тресты довели механизацию всех операций до такой высоты, так сократили применение человеческого труда и затрачиваемое на эти операции время, что себестоимость перевозок оказалась за двадцать пять лет существования Корпорации сниженной в несколько раз и доведенной до 70 центов на тонну руды при расстоянии 1.500 *км*. [2]

[1] Извлечение из упомянутой работы Ханиеля, напечатанной в „Technik und Wirtschaft“, Mai 1929, стр. 125.

[2] Подробно об этом см. упомянутую работу Леви. Для иллюстрации дешевизны приведенной провозной платы укажем на то, что по данным „Shipbuilding and Shipping Record“ от 1/IV—26 г. фрахтовая ставка на то же расстояние из английских портов составляла 5 шилл. на тонну, т. е. около 1,25 долл.

Фрахтовая калькуляция северо-восточного прибрежного района, дающего стране свыше 10% металла, складывается дороже, чем в двух рассмотренных районах; она составляет от 7,5 до 9 долл. на тонну. В лучшем положении находятся те заводы, которые, как например, сосредоточенные у самого океана предприятия Вифлеемской Компании в Филадельфии и Балтиморе получают привозную руду непосредственно с пароходов, без перегрузки в железнодорожные вагоны. Весь район базируется на пенсильванских углях и местной, а также импортируемой руде из Чили и Кубы. Невыгоды фрахтовой калькуляции перекрываются преимуществами близости к емкому рынку прибрежных штатов, возможности экспортировать металл, большого притока лома и обширного резерва рабочей силы.

Выше мы упомянули об исключительно благоприятных сырьевых предпосылках южного района у города Бирмингама в штате Алабама. Тут фрахтовые затраты по сырью столь незначительны, что они не идут ни в какое сравнение с соответственными расходами рассмотренных районов: они едва составляют 50 центов на тонну чугуна. Однако, целый ряд других моментов ослабляет позицию южной металлургии С.-А. С. Ш.: малая заселенность района, ограниченные резервы рабочей силы, слабый приток лома, низкое качество руды (35% содержания против 50% и выше в рудах Северного озера).

Описанные штандорты американской железоделательной промышленности нельзя считать, конечно, застывшими раз навсегда в том положении, в котором они находятся сейчас. Что же может определить дальнейшую эволюцию районов?

Это в о - п е р в ы х, изменения в рыночной конфигурации С.-А. С. Ш. Процесс перемещения хозяйственного, в частности, сельскохозяйственного и промышленного центров страны передвигает медианы тяготения рынков к тем или иным производственным районам. И нам представляется, что возникший уже в начале нынешнего века процесс перемещения штандорта американской метуллургии с востока на северо-запад, запад и юго-запад продолжится и в дальнейшем. В том же направлении будут влиять и два других фактора: уплотнение потребления железа на западе и связанная с этим усиление притока там лома, а также момент технологической эволюции в металлургии. Последний заключается в том, что чем дальше, тем более снижается удельный вес расхода угля в производстве железных металлов.

Идеальный энергобаланс современного металлургического завода такой, при котором весь сложный металлургический цикл, вся его силовая система укладываются в контингенты технологического топлива (кокса), потребного для доменной плавки и получающихся отбросов — доменного, коксового газа, отходящего тепла металлургических печей и т. д. Таким образом, энергофикация на современных передовых заводах сводится к расходу только того угля, который нужен для выжигания кокса. Нормой же расхода угля на тонну кокса в настоящее время может быть принято количество в 1,3 тонны. Принимая во внимание, что удельный расход кокса на тонну чугуна измеряется той же весовой единицей, можно установить, что штандортная связанность современного металлургического завода с угольными месторождениями ослабляется. Действительно, при среднем содержании перерабатываемых в настоящее время руд в 50% и при одинаковых транспортных ставках на руду и уголь фрахтовое положение заводов с ориентировкой на руду на 60% сильнее углеориентирующихся заведений: 1,3 тонны угля против 2 тонн руды. При этом нужно еще иметь в виду, что потребное на единицу продукции количество руды есть вели-

чина, примерно, постоянная, в то время как расход топлива, с улучшением коэфициента его использования, непрерывно уменьшается [1].

Перечисленным естественным факторам, которые должны будут и в дальнейшем толкать американскую железоделательную промышленность на запад, могут оказать противодействие как железнодорожная тарифная политика С.-А. С. Ш., столь загадочная и подчиненная общим политическим влияниям и колебаниям, так и то направление, которое в дальнейшем будет взято в отношении реконструкции водных речных путей, строительства системы каналов и т. д. То или иное решение этих актуальных в настоящее время проблем С.-А. С. Ш. может, конечно, задержать или ускорить предполагаемые выше процессы будущего.

(Продолжение следует)

---

[1] См. упомянутую работу Прэделя, стр. 261—262.

Л. Улицкий

К методологии построения пятилетнего плана городской розницы [1]

Методы построения перспективных планов торговли на местах сложны и мало изучены. Они не могут вырабатываться так прогрессивно, как в центре, за отсутствием достаточных материалов, возможностей, подчас сил, а главное — концентрации и обмена опытом.

Трудности составления плана торговли на местах связаны еще, помимо прочего, и с тем, что не уяснены окончательно сама задача, цель плана, его об'ем и границы.

Этим и об'ясняется та первородная пестрота и стихийное разнообразие методологических приемов, используемых местами при составлении перспективных планов.

Вместе с тем, вряд ли следует подчеркивать значение торгового плана на местах. «Недостаточное знание нами многих элементов товарооборота и отдельных рынков может быть преодолено лишь при условии систематического изучения всеми местными плановыми органами товарооборота в целом и отдельных его секторов» подчеркивает Госплан СССР в тезисах к докладу на 1 с'езде президиумов Госпланов. [2]

Еще более должна обостриться потребность в торговом планировании на местах в тот, относительно недалекий период, когда, по предположениям Союзного Госплана, товарный дефицит в стране будет изжит и когда проблема продвижения из года в год растущего товарного массива предстанет в гораздо большей сложности и многообразности в том смысле, что потребитель не станет уже безоговорочно брать все, что ему предлагают, а станет более требовательным и разборчивым; тогда места должны будут, очевидно, взять на себя не малую роль в деле представительства требований и запросов потребителя не только на ближайший квартал и год, но и на более далекие отрезки времени, в частности, и на пятилетие.

Было бы опасно, если бы к этому времени места не вооружались рациональными приемами и методами планирования торговли и пребывали бы на этом участке хозяйствования в беспомощном состоянии.

Обмен опытом между работниками, занятыми построением планов на местах, на ряду с самокритикой местной плановой мысли и инструктажем центра, поможет выработать рациональные методы построения торгового плана с теми особенностями, которые вызываются сущностью местной экономики.

Эти особенности, прежде всего, несколько видоизменяют самую цель построения торгового плана на местах.

В центре план товарооборота ставит перед собой одну из основных задач — достижение рыночного равновесия в стране, дабы обеспечить тыл хозяйственному строительству и индустриализации страны, при чем

[1] В порядке обсуждения. *Ред.*

[2] „Информационный Бюллетень Госплана СССР". № 1, стр. 30, 1926 г.

здесь он может строиться на основе активного воздействия на обе стороны баланса, т.-е. на спрос и на предложение.

В центре во всю ширь ставится проблема распределения национального дохода на фонды накопления для расширенного воспроизводства и фонды потребления, которые обусловливают затем об'ем товарооборота. Здесь спрос и предложение должны быть как-то сбалансированы. Самый баланс должен указать, как пригнаны друг к другу отдельные части народнохозяйственного плана.

На местах не то. Здесь каждый район стремится к самоопределению. В конкуренции районов между собою, он должен попытаться определить свое значение, обосновать свои права и силы для того или иного развития. На основе межрайонного разделения труда, он стремится получить наибольшую и наилучшую оптимальную для него нагрузку, выявить свою, так сказать, специальность, т.-е. те специальные отрасли и виды хозяйства, которые наиболее эффективно будут развиваться на данной территории, с точки зрения географического разделения труда по всему Союзу.

Такова идея местного плана вообще. Отсюда каждый центр, каждый округ предусматривает максимально возможное форсирование производительных сил без оглядки на сферу товарооборота, которая должна быть сбалансирована где-то вне его компетенции, в центре. [1]

Поэтому, первая задача плана товарооборота на местах заключается в том, чтобы показать, насколько надо будет увеличить товарооборот, чтобы реализовать те доходы населения, которые являются результатом того или иного темпа стройки и переоборудования данного города или района.

Размер товарооборота является здесь, по существу, своего рода обоснованной заявкой, обращенной во вне, к центру, на определенные товарные массы, которые должны быть передвинуты на район в том случае, если темпы его развития приняты.

Таким образом, первая задача — задача количественного порядка.

Но едва ли не большее значение имеет вторая задача, до сего времени остававшаяся часто в тени, — задача качественного порядка, сущность которой заключается в том, чтобы учесть какие товары надо будет доставлять, куда растет местное потребление.

Эта задача тем более серьезна и ответственна, что она должна быть разрешена не только в смысле пассивного приспособления товаропроводящего аппарата к запросам потребителя, не только потому, что над данными о тенденциях потребления в прошлом довлеют не одни устремления потребителя, а условия снабжения каждого года, но и потому, что от торгового аппарата требуют ряда конкретных мероприятий для активного воздействия на потребителя, требуют помощи потребителю в смысле рационального построения своего бюджета, вообще, и пищевого рациона, в частности.

Наконец, третья основная задача — организационного порядка, сводящаяся к тому, чтобы приспособить местный торговый аппарат, складское, транспортное и прочее хозяйство к возрастающим товарным массам, которые должны быть пропущены данным центром.

[1] Это отнюдь не означает, что места должны строить свои планы не считаясь с реальными возможностями товароснабжения, какие рисуются по планам развития отдельных отраслей народного хозяйства СССР. Идея активного воздействия обобществленного товаропроводящего аппарата на структуру потребления, которая подчеркивается в дальнейшем, выдвигается именно с той целью, чтобы увязать в едином компромиссе интересы трудящихся, как потребителей и производителей.

Из сказанного вытекает, таким образом, и потребный об'ем торгового плана розничной торговли на местах.

Нет необходимости, исходя из высказанных соображений, загромождать план рядом больших, но практически мало полезных построений, исчислять, например, как это делают некоторые районы (об этом подробно ниже), товарную массу района, экспорт, импорт, изощряться в исчислении звенности в районном масштабе и т. д. Незачем также уделять большое внимание самостоятельному и детальному исчислению оборотов по товарам производственного назначения, которые в главнейшей массе запланированы в промфинпланах и планах кустарной промышленности.

Исключение ряда мало полезных и порой бесплодных исчислений откроет большие возможности по изучению качественных сдвигов в экономике торговли, в характере местного потребления и тем самым позволит с возможно большей точностью наметить те изменения, из которых следует исходить при построении пятилетнего плана местной торговли.

Методы построения перспективных планов торговли на местах весьма многообразны. Это разнообразие вполне закономерно, поскольку множество плановых ячеек Союза разрозненно занято составлением торговых планов. Но из всего этого многообразия уже как будто выкристаллизовались три основных метода, часто употребляемые при исчислении размеров городской розницы в пятилетней перспективе: 1) метод балансовый; 2) метод собирательный; 3) метод распределительный.

Сущность балансового метода заключается в исчерпывающем исчислении товарооборота района путем выявления товарной массы, обращающейся на данной территории, ее происхождения, звенности, т.-е. количества инстанций, которое проходит товар, намечающийся вывоз товарных излишков, «импорт» недостающих товаров и т. д.

Отличие балансового метода от двух других в основном сводится к тому, что он планирует не только количество и качество потребной для удовлетворения возрастающего спроса товарной массы, но и источники ее поступления, экспорт излишков и т. д. Этот метод, подчас, охватывает круг вопросов, далеко выходящий за пределы городской розничной торговли, но как нечто единое должен быть рассмотрен в целом.

Идея балансового метода исчисления товарооборота, как метода относительно боле совершенного, возникает на самых ранних стадиях развития методологии планирования, но по пути своего применения встречает целый ряд серьезных затруднений.

Еще в начале 1926 г. Госплан СССР в своих тезисах о методологии планирования, приуроченных к сезду президиумов Госпланов, [1] отмечал, что «товарные балансы — это общий фон и масштаб, на коих должно развертываться реальное планирование... Задача построения единого целостного плана торговли, охватывающего все эти элементы (товарные массы, торговый аппарат, торговые капиталы и цены. Л. У.), не может быть поставлена в настоящее время, в виду наличия многих элементов, еще не входящих в сферу планового воздействия и недостаточной изученности всех элементов товарооборота. В этих условиях это было бы бюрократизацией плана, а практически — отсутствием реального плана».

Правда, в настоящее время в области методологии планирования, в центре, судя по опубликованным материалам, проделана большая работа, но все же балансовый метод признается еще при качестве нашего статистического материала далеко еще не столь совершенным.

Так, например, Госплан СССР в контрольных цифрах на 1927/28 г. отметил следующее: «В области изучения рыночных явлений, в области

[1] „Информационный Бюллетень Госплана СССР", № 1, 1926 г.

баланса спроса и предложения для проектирования 1927/28 г. осталось возможным не ограничиваться лишь сопоставлением сплошных масс выбрасываемой на рынок товарной продукции с интегральной покупательской способностью городского и сельского населения. Опыт истекшего периода с полной очевидностью показал, что такое сопоставление принуждает оперировать со столь большими массами, при которых двухсот или трехсот-миллионная балансовая розница может оказаться в пределах точности исчисления, даже при более надежной статистике, чем та, которой мы располагаем. В нынешнем году более широко использованы выборочные показатели бюджетных обследований, позволяющие изучать не только об'ем, но и структуру спроса, характерную для различных групп населения» (стр. 6).

Между тем, еще в начале 1925 г., можно было встретить отдельные голоса местных работников, раздававшиеся в пользу применения именно этого метода в местном масштабе.

«Совершенно очевидно, что речь здесь идет (при планировании торговли *Л. У.*), прежде всего, о каком-то балансе товарного обращения, пишет т. Н. Дружинин в статье «К вопросу о составлении торговых планов». Этот баланс товарного обращения необходимо будет установить для того, чтобы учесть, какими же товарными ресурсами располагает сторона предложения, какие товарные массы требуются для полного насыщения платежеспособного спроса, определить их желательное соотношение и степень приближения действительных норм потребления к нормам потенциальным, нормам, которые должны быть достигнуты. И такой баланс должен быть дан, конечно, как в разрезе отдельных экономических районов и групп потребителей, так и в разрезе отдельных хотя бы важнейших товаров»[1] (разрядка наша *Л. У.*).

Мы позволяем себе выразить серьезные сомнения в реальности данного метода для исчисления товарооборота на местах по материалам начала 1925 г. Скорее всего, рекомендуемый автором прием остался благим пожеланием , либо мало полезным продуктом.

Однако, анализируемый метод, судя по опубликованным материалам, был в более совершенной форме применен на опыте составления контрольных цифр товарооборота Нижнего Поволжья.

Автор упоминаемой ниже статьи [2] ставит довольно широко проблему исчисления порайонных торговых балансов. По существу это едва ли не первая опубликованная попытка представить в развернутом виде методологию исчисления товарооборота на местах.

Автор полагает, что «в основу расчетов должна быть положена система трех балансов: а) баланса внутреннего производства, б) баланса доходов и расходов населения и в) торгового баланса района» (стр. 266). На методологии исчисления первых двух балансов автор останавливается вскользь и основное внимание обращает на последний, торговый баланс района.

Вкратце, построение плана предлагаемым способом сводится к следующему.

Исчисление товарной массы в обращении внутри района путем: а) сложения товарной массы сельского хозяйства внутреннего производства с б) внутренней товарной массой промышленности плюс в) ввоз сел.-хоз. товаров, помимо производственного аппарата, минус г) вывоз сел.-хоз. товаров непосредственно производителями и минус д) вывоз промтоваров через производственный аппарат.

[1] Журнал „Экономическое строительство" — орган Моссовета. 1925 г., № 1, стр. 48.

[2] Статья П. И. Питаевского „Схема контрольных цифр товарооборота Нижнего Поволжья". „Плановое Хозяйство", 1927 г., № 8.

Не трудно себе представить, насколько сложно подобное исчисление товарной массы в районном масштабе и какие необ'ятные возможности ошибок открываются применением рекомендованных приемов. Как бы ни совершенна была статистика на местах, но элементы, перечисленные выше, не могут быть еще определены с требуемой для выведения искомых величин приближенностью. Но осложнения ограничиваются не только этим.

Далее, следует исчислить накидки на цену производителя (стр. 276) по отдельным важнейшим товарам и отдельным секторам, [1] а также коэфициент звенности. Автор считает, что возможную звенность «необходимо наметить по отдельным товарным группам и определить взвешенный показатель по данным о товарной массе в обращении» (276). Но можно ли исчислять коэфициент звенности в местном масштабе по аналогии с центром?

Госплан имеет дело с более или менее замкнутой экономической областью, где почти каждый товар полностью совершает свой путь от производителя к потребителю. Коэфициент звенности означает здесь среднее количество промежуточных инстанций, которое приходится проходить товару на этом пути; между тем, ни город, ни район не могут иметь никакой экономической цельности. Для известной, весьма небольшой, части товаров и начало, и конец их жизненного пути находятся в пределах планируемой территории; другая часть товарной массы в ее пределах только зарождается для обращения, находя своего потребителя в других районах Союза; третья часть на данном рынке только заканчивает процесс своего обращения, а некоторая доля товаров проходит лишь мимоходом, появляясь на свет где-то в других областях СССР и находя своего потребителя тоже где-то вне данного рынка. Поэтому, в местных условиях коэфициент звенности является какой-то иррациональной величиной, мало пригодной для исчисления размеров местного товарооборота.

Но и этим трудности еще не заканчиваются, ибо предстоит особо подсчитать размер посреднического оборота и т. д.

Все эти исчисления проделаны по 71 товару для исчисления только годовых контрольных цифр.

Подобное построение плана товарооборота на местах вряд ли может быть признано плодотворным. Надо думать, что исследование 2-3 конкретных и реальных проблем в местном масштабе при много меньшей затрате труда принесло бы больше пользы. Ведь произведенные столь громоздким методом исчисления, прежде всего, вызывают серьезные сомнения насчет их статистической точности.

Оперируя столь условными и сомнительными в местном масштабе величинами, нет уверенности в том, что основная искомая величина (размер распределительной торговли) не окажется меньше возможных колебаний в подсчетах.

К тому же вообще, как правильно отмечает т. А. Гордон, [2] «закономерности, имеющие место в развитии, хозяйства района, являются результатом такого сложного сочетания экономических сил, являются значением функции со столькими независимыми переменными, что эмпирически обнаружить эти закономерности путем изучения хозяйства только данного района — невозможно... Мне кажутся, поэтому, совершенно безнадежными попытки дать самостоятельными силами самого района такую систему районных контрольных цифр, которая бы представляла собой баланс обменной реализации районной и внерайонной продукции и продукции города и деревни».

[1] В статье приведены средние данные по всем секторам (стр. 276).

[2] А. Гордон. „К построению районных контрольных цифр народного хозяйства" — журнал „Хозяйство Северо-Западного Края". 1926 г., № 1, стр. 7.

Нам кажется, что балансовый метод построения плана розничной торговли, по крайней мере в настоящее время, неприменим к отдельным районам, ибо для этого нет ни надлежащих статистических материалов, ни особой потребности.[1]

Другой метод, названный нами выше собирательным, исходит из анализа каждого отдельного рынка с тем чтобы путем проектировки оборотов по каждому товару или группе товаров получить в результате сложения намечающуюся сумму оборотов на конец планируемого периода.

Общий размер оборотов получается здесь после определения ассортимента этого же оборота, после подытоживания оборотов всех товарных групп.

При этом методе, в том случае, если обороты каждой группы не определяются попросту «наглазок», можно исходить из существующих норм потребления, намечать их изменения к концу планируемого периода, а затем путем умножения на увеличившееся население исчислять об'ем оборотов на каждом рынке; однако, и этот метод таит в себе большие возможности ошибок.

Нормы, выводимые по данным бюджетных обследований, не могут претендовать на точность, которая бы позволяла их распространять на все население. Количество наблюдений на местах (городских бюджетов) по которым выводятся нормы, отнюдь не достаточно, чтобы поглотить индивидуальные особенности ограниченного числа обследуемых, пусть даже самым тщательным образом подобранных. К тому же, бюджетные записи не охватывают всего населения и, следовательно, не отражают потребления города в целом. Но этим не ограничивается несовершенство бюджетных норм. Основная трудность построения плана заключается в этом случае в необходимости исчисления норм потребления в будущем, в придании этим нормам решающего значения для исчисления оборота. При этом, обычно пользуются методом перенесения пространственных изменений (т.-е. изменений от одной группы к другой по материальной обеспеченности) во времени, т.-е., к примеру, если средняя заработная плата за планируемый период изменяется на 20%, то в основу изменения норм потребления кладутся те сдвиги, которые происходят при переходе от группы бюджетов, отражающих существующий уровень зарплаты, к той группе, которая будет соответствовать намечаемому размеру зарплаты (т.-е. увеличенной на 20%).

Однако, в местном масштабе, этот прием почти непригоден. Если общее количество бюджетов, ведущихся в любом городском центре, недостаточно для обобщений норм потребления, то тем менее пригодным является количество бюджетов каждой группы в отдельности.

Попытка анализа диференциальных бюджетов за ряд лет по киевским материалам, которые ни по количественному, ни по качественному их состоянию не могут быть признаны непригодными для иллюстративных целей подтверждают, что даже по такому продукту, как ржаной хлеб, бюджеты не отражают не только количественных изменений при переходе от одной группы к другой, но и качественных.

Между тем, как известно, потребление ржаного хлеба при переходе от низших групп по материальному благосостоянию к высшим сокращается. И действительно, такую тенденцию бюджета отражают довольно четко. Но получить от тех же бюджетов на местах ответ, насколько снизится или повысится норма потребления при определенном росте зарплаты (а ведь именно это и требуется при проектировке оборотов по каждому товару

[1] Само собою разумеется, что указанное положение ни в какой мере не затрагивает положения о необходимости внутреннего баланса в плане, т.-е. пригнанности отдельных частей друг к другу.

в отдельности), невозможно, ибо почти ни разу за весь рассмотренный период нельзя было обнаружить сколько-нибудь мотивированных количественных изменений норм потребления при переходе от одной группы к другой. Часто же при переходе от низшей к высшей группе, вместо снижения норм потребления ржаного хлеба, отмечался рост. Если же взять другие, более эластичные товары, то здесь немотивированные колебания будут встречаться еще чаще. Помимо того, нормы потребления имеют еще ряд второстепенных дефектов: они не отражают ни спроса приезжего коллективного потребителя, играющего порой столь видную роль, ни гужевого вывоза за пределы данной территории, ни поправки на изменение запасов, ни, наконец, потребления тех или иных продуктов промышленностью.

Отсюда приходится сделать тот вывод, что пользоваться местными бюджетами для установления норм потребления к концу планируемого периода необходимо с крайней осторожностью.

Можно, пожалуй, использовать динамику по средним данным республики или Союза, но здесь поневоле утрачиваются особенности города или района, т.-е. исчезает самое ценное, что есть в наметке структурных сдвигов потребления на местах.

Но помимо всего этого, анализируемый метод имеет еще целый ряд серьезных дефектов. Прежде всего, по целому ряду товаров отсутствуют даже сколько-нибудь твердо установленные нормы потребления. Если в отношении питания и можно хотя бы с теми оговорками, о которых говорилось выше, исходить из тех или иных норм к концу планируемого периода, ибо здесь речь идет о массовых стандартах, выработанных физиологической структурой потребителя (хлеб, мясо и т. д.), то в других группах — одежды и туалета, а в особенности хозяйственного инвентаря, в отношении которых пока еще ни спрос, ни предложение не организовали твердых стандартов, почти невозможно говорить о каких-либо нормах потребления, да еще диференцировать их по ступеням доходности.

Между тем, небольшая ошибка в норме, поскольку оперировать приходится с малыми величинами, дает значительное расхождение в процентах, а будучи умножена на всю массу населения, разрастается в крупнейшую величину. Поэтому, в отношении промтоварной группы применяют иногда другие приемы, как-то: рост продукции соответствующей отрасли промышленности и т. п. Однако, и эти приемы значительно уменьшают ценность местного торгового плана, поскольку они заставляют оторваться от местных особенностей потребления.

Ко всем перечисленным соображениям надо добавить, что применением анализируемого метода поневоле разрывается необходимая связь и согласованность между оборотами различных товарных групп. Этим и создаются основания для ряда совершенно немотивированных сочетаний, ибо при планировании каждого рынка в отдельности невозможно не утратить цельности структуры потребления, т.-е. той перспективы, исходя из которой, только и можно намечать те или иные структурные изменения в потреблении населения, а, следовательно, и в розничном обороте.

Касаясь методологии построения торгового плана, т. Канторович, в своей статье «Проблема спроса и предложения промтоваров в перспективном плане»,[1] отмечает, что: «наибольшие трудности представляет, естественно, изучение размеров спроса. В практике наших регулирующих органов фигурируют обычно два метода расчета суммарных балансов спроса и предложения промтоваров. Первый из них рассчитывает спрос, базируясь на материалах бюджетных обследований. Путем умножения средних душевых бюджетных норм на число душ соответствующей группы, пытаясь устано-

[1] „Хозяйство Украины". 1927 г., № 11—12.

вить размер покупок, точнее, фонда потребления, с которым пытаются сопоставить реальный фонд предложения. Этот метод создает ложное представление об'ективности и научности. Материал бюджетов охватывает далеко не все группы населения; к тому же, он крайне дефектен... Для того, чтобы получить сколько-нибудь близкие к действительности цифры, приходится применять различные условные коэфициенты, брать по своему усмотрению более высокие или более низкие бюджетные группы и т. п., т.-е. добиваться этими искусственными путями тех цифр, которые отвечают априорным соображениям. Неудовлетворительность этого метода очевидна» (стр. 100).

Примерно, такого же мнения придерживается Н. В. Цубербиллер.[1]

«В виду того, замечает он, что определить общую сумму платежеспособного спроса в целом легче, чем определить возможные обороты с каждым товаром в отдельности, — при предвидении и расчетах будущих оборотов по продаже стремятся прежде всего установить общую ценностную величину оборотов, а затем уже, исходя из предшествующего опыта, распределить совокупный оборот между отдельными товарными группами».

Все эти соображения применимы к местам в еще большей мере, нежели к центру.

Наконец, последний метод, названный нами выше распределительным, сводиться к исчислению роста доходов населения, потенциального покупательского фонда населения и, далее, розничного оборота, который затем распределяется на отдельные товарные группы. Этот метод, опираясь в значительной мере на явную слабость двух предыдущих, в применении к местным условиям, отчасти, следовательно, обосновывается теми соображениями, которые высказывались против этих методов выше. Но, помимо этого, он имеет еще и ряд самостоятельных преимуществ.

Он прежде всего, опирается на большее количество твердых показателей. Доходы основной массы населения — трудящихся, а, в особенности, их динамику в будущем, можно исчислить относительно более верно, чем например будущие, обороты по той или иной группе товаров. Правда, потенциальный покупательский фонд населения при переходе его в реальный может дать целую гамму разнообразнейших и неуловимых комбинаций, связанных с товарными ценами наличием товаров на рынке и т. д. Но все же при нормальных рыночных условиях (т.-е. при отсутствии ажиотажа, а это предполагается данным при составлении всякого плана) величина покупательских фондов, фондов, реализуемых на рынке, может быть установлена с достаточным приближением.

Применением этого метода при проектировке отдельных товарных групп удается сохранять все время непосредственную связь между отдельными группами товаров в том виде, по крайней мере, в каком она существовала в прошлом и не утрачивая той необходимой цельности картины сдвигов в потреблении, которая и должна в основном оправдать построение ассортимента торговли в местном масштабе.

Поскольку намечать изменения ассортимента приходится путем внесения тех или иных обоснованных изменений в удельные веса данной группы, в бюджете населения или в обороте можно значительно легче избежать тех немотивированных сочетаний, которые неизбежны при построении плана, выше упоминавшимся методом. К тому же, при правильном определении тенденций потребления пределы возможных ошибок и просчетов значительно сужаются, ибо удельные веса товарных групп в обороте, в прошлом, являются довольно прочными барьерами для резких и ошибочных отклонений.

[1] См. книгу „Планирование работы торговых предприятий". Изд. НКТ СССР, 1927 г., стр. 78.

Разумеется и этому методу не избежать столкновения с недочетами бюджетных материалов, но последние используются здесь с такой стороны, которая значительно больше гарантирует от резких просчетов.

Ниже, вкратце, будет очерчена та схема, которая была использована при составлении пятилетнего плана Киевского ЦРК.

Рамки журнальной статьи не позволяют подробно останавливаться даже на главнейших этапах построения плана. Поэтому ниже будут, вкратце, приведены лишь самые общие выводы, полученные путем анализа местного бюджетного материала.

Оставляя в стороне методологию исчисления доходов населения на местах реализуемой на рынке части и, далее, общего об'ема розничных оборотов, не останавливаясь также на расхождении между покупательскими фондами и оборотами розницы, которое встречается в крупных городских центрах, переходим непосредственно к анализу структуры реализуемой на рынке части доходов трудящихся и тех сдвигов, которые произошли на протяжении минувших лет.

Эта часть работы представляет вообще один из основных элементов обосновывающих необходимость построения плана розничной торговли на местах. Здесь должны быть выявлены особенности потребления местного населения, оценены как с народнохозяйственной, так и с потребительской точек зрения, а затем на основе этих оценок должно быть запроектировано либо дальнейшее стимулирование этих особенностей, либо их ослабление и пресечение.

Изучая структуру розничного оборота и, в особенности, сопоставляя его со структурой бюджета, следует добавить к розничному обороту обороты передвижной и переносной торговли (1 разр.), обычно не включаемые в данные о распределительной торговле, а также обороты крестьянских привозов (базары и пр.); как ни грубы будут эти подсчеты, все же они необходимы для восстановления правильной физиономии структуры оборотов городской розницы.[1]

Проследив изменения в структуре розничного оборота на протяжении по возможности более продолжительного периода, необходимо подвергнуть аналогичному анализу данные бюджетов рабочих и служащих.

Уже анализ бюджета (реализуемой на рынке части), в указанных выше сгруппированных статьях, дает возможность сделать несколько общих выводов, которые помогут, сначала вчерне, наметить первый набросок будущего ассортимента.

Ниже эти данные приведены для иллюстрации (см. стр. 238).

Как видно из таблицы, первое трехлетие (1922/23 — 1924/25 гг.) отмечено в бюджете рабочего иными тенденциями, чем второе. В течение первых трех лет завершился в рабочем бюджете «восстановительный процесс». Этот период совпадает с прекращением инфляционных процессов в стране и со стабилизацией валюты, которая подвела прочный материальный фундамент под рабочий бюджет. Заработная плата поднялась за это трех-

[1] Аналогичные подсчеты были произведены ЦСУ по 55 городам Украины для 1927/28 г. (путем специального анкетного обследования). Полученные результаты продемонстрировали, что эти виды торговли составляют по Киеву, например, 8—9% всего розничного торга и около 13-14% оборотов по группе продуктов питания.

По всем же обследованным городам Украины базарная крестьянская торговля по своим оборотам дает около 32% всей торговли сел.-хоз. продуктами (поскольку в меньших городах она играет большую роль), доставляя, таким образом, треть всех сел.-хоз. продуктов городам. По отдельным же группам удельный вес сельской базарной торговли достигает в Киеве 80% (яйца, овощи).

См. „Вісник статистики України"—Эпштейн. „Базарна селянська торгівля харчовими продуктами в містах України 1927/28 року". 1929 р., № 1, стр. 104.

летие на 50—60% и рабочий приступил к более нормальной стройке своих расходов.

Структура рыночных расходов киевского рабочего

(Удельный вес трат в %% к реализуемой на рынке части)

Статьи \ Годы	1922/23 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Продукты питания	62,2	65,3	63,3	60,2	56,7
Одежда и туалет	23,9	21,7	24,2	24,0	26,8
Хоз. инвентарь	1,4	3,3	2,7	4,4	5,6
Топливо и осветит. материалы	10.3	5,8	5,4	6,6	6,4
Алкоголь и наркотики	2,2	3,0	3,5	3,7	3,4
Прочие	—	0,9	0,9	1,1	1,1

Это, прежде всего, сказалось на повышении удельного веса расходов на питание, которое до 1924/25 г. было недостаточно удовлетворительно, на снижении удельного веса трат на одежду и туалет, непомерно высоких в восстановительный период, поскольку рабочий должен был обеспечить своей семье необходимый минимум товаров этой группы, вне зависимости от нормальных порций бюджета, ибо без этого минимума рабочий и его семья не могли бы сплошь да рядом выходить из дому и т. д.

Второе трехлетие знаменуется совершенно иными сдвигами. Здесь, на ряду с непрерывным снижением удельного веса трат на пищу, растет значение расходов на одежду и туалет, хозяйственный инвентарь и т. д. Все эти сдвиги указывают на материально крепнущий бюджет, поскольку за счет первоочередных, относительно скоро насыщаемых, потребностей растут траты на более периферийные нужды.

Несколько иные сдвиги наблюдаются в бюджете служащего, заработная плата которого возрастала значительно медленнее, чем у рабочего.

Изменения эти представлены на помещенной ниже аналогичной таблице:

Статьи \ Годы	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
Предметы питания	62,4	63,5	64,4	64,6
Одежда и туалет	21,1	21,8	22,5	23,0
Хозяйств. инвентарь	2,1	2,2	2,0	1,9
Топливо	12,2	9,8	8 3	7,8
Алкоголь и наркотики	2,2	2,7	2,8	2,7

Главнейшее отличие бюджетов рабочего и служащего заключается в том, что у последнего повышается удельный вес трат как на предметы питания, так и на одежду и туалет. Это достигнуто ценой снижения удельного веса расходов на хозяйственный инвентарь и топливо. Служащий, с более замедленным ростом зарплаты, несущий к тому же бремя прежних привычек к повышенному пищевому рациону, восстанавливает его прочнее и продолжительнее, чем рабочий. На ряду с этим, ему приходится восстанавливать свой одежный инвентарь, порядком потрепанный за годы войны и революции. Все это, служащий, как говорилось, осуществил относительным сокращением трат на топливо и хозяйственный инвентарь, представленный в его хозяйстве в гораздо большем об'еме, чем у рабочего.

Проанализировав, таким образом, бюджеты трудящихся, можно приступить к построению примерной модели бюджетов трудящихся в будущем.

Соображения, которые следовало бы положить в основу дальнейших построений можно свести к указанным ниже.

До конца пятилетия вряд ли целесообразно было бы менять удельный вес трат на продукты питания,[1] хотя, как известно, крепнущему бюджету свойственно снижение удельного веса этой группы. Дело в том, что и у рабочего и у служащего Киева в 1927/28 г. (а особенно в 1928/29 г.) снижение относительного значения трат на продукты питания связано было отчасти и с некоторым ухудшением пищевого рациона (рост цен); в связи с этим, проектируя стабилизацию веса расходов этой группы, удастся наметить перестройку пищевого рациона трудящихся в сторону более дорогой и питательной пищи.

Расходы на одежду и туалет должны будут в абсолютных размерах заметно возрасти за счет роста потребления, а с другой стороны уменьшиться, вследствие снижения цен. Поэтому, вряд ли следует ожидать заметного повышения удельного веса трат на эту группу. К тому же и товарные ресурсы, судя по опубликованным материалам, будут здесь все же неким, ограничивающим потребление, лимитом.[2]

Наиболее интенсивный рост следует ожидать, видимо, по группе хозяйственного инвентаря.

Если расходы на питание будут ограничены относительной полнотой удовлетворения этой потребности, а расходы на одежду и туалет некоторой недостачей этих товаров, то расходы на предметы хозяйственного обихода, являющиеся в большинстве недефицитными, должны явиться тем каналом, по которому должна быть направлена значительная часть прироста заработной платы. Увеличение расходов на эту группу товаров отнюдь не противоречит тенденциям самого бюджета рабочего. Из приведенной выше таблицы видно, что удельный вес расходов анализируемой статьи за 6 лет возрос в четыре раза.

---

[1] Надо все время иметь в виду, что здесь, как и всюду, речь идет о реализуемой на рынке части бюджета.

[2] Само собой разумеется, что влияние снижения цен на структуру потребления далеко не так просто. Однако, поскольку всех многообразных изменений здесь учесть нельзя, приходится исходить из наиболее типичных возможностей. „При определенных ценах известный вид товаров может занимать на рынке лишь определенное место; при измении цен место это может оставаться неизменным лишь в том случае, если повышение цен совпадает с уменьшением количества товаров и л и понижение цен с увеличением количества товаров". (разрядка наша *Л. У.*). (К. Маркс „Капитал" т. III, изд. 1922 г., стр. 157). Поскольку же повышение количества ныне дефицитных товаров к концу пятилетия, очевидно, не в состоянии все же будет удовлетворить полностью возросшего спроса, то, надо полагать, что при снижении цен здесь должно будет произойти незначительное изменение удельного веса трат, скорее всего, в сторону некоторого понижения. Это обстоятельство подтверждается также и тем, что удельный вес трат на одежду и туалет в иностранных бюджетах, а также и в довоенных русских, несмотря на высоту тогдашних покровительственных пошлин, значительно ниже, чем у нас. (см. Гамбургские бюджеты в кн. И. М. Дубинской „Бюджеты рабочих семейств на Украине в 1925/27 г." 1928 г., стр. 88; И. Б. Липкес „Годовые бюджеты киевских рабочих 1925/26 г.", стр. 76; данные из материала обследования Карадога Джонса см. журнал „Journal of the Royal statistical society",1928, part IV, vol XCI, p. 483. — London).

У служащего же, хотя и происходило уменьшение удельного веса трат на эту группу, но это связано было с тем, что замедленное восстановление его пищевого рациона и одежного инвентаря не давало ему еще возможности приняться за восстановление своего «основного капитала». Дальнейший рост материального благополучия рабочего и служащего должен будет несомненно повлечь за собой пополнение и хозяйственного инвентаря, обнимающего собой чрезвычайно широкую номенклатуру товаров от «веника до рояля».

По линии этой же группы будет, главным образом, итти расширение номенклатуры потребностей рабочих, культивирование новых предметов; здесь должна быть наиболее усилена активная роль кооперации, как организатора потребления. Здесь, наконец, должен сконцентрировать свою регулирующую и стимулирующую силу рабочий кредит.

Потребности же этой группы почти безграничны. Они могут растягиваться вширь и вглубь в прямой зависимости от роста дохода. Они находятся на стыке физических и культурных потребностей и в своей верхушечной части переступают группу последних (украшение жилища, музыкальные инструменты, радио). Поэтому, здесь можно ожидать наибольшего возрастания удельного веса трат.

Улучшение жилищных условий рабочих, с связи с тем, что процесс перемещения в более благоустроенные помещения нельзя считать уже завершенным, должно будет вызвать стабилизацию или даже некоторый рост значения трат на топливо, тогда как у служащих следует ожидать стабилизации или даже некоторого снижения удельного веса этой статьи.

Наконец, по понятным соображениям, надо рассчитывать на снижение потребления алкоголя и наркотиков.

Таковы те, наиболее общие качественные изменения в структуре бюджета, которые следует ожидать в бюджете трудящихся.

Что же касается количественных определений, то, тут, естественно, невозможно установить какие-либо коэфициенты всеобщей значимости. Они будут определяться местностью, характером населения, условиями снабжения и т. д.

Построив на основании изложенных соображений примерную модель бюджета рабочих и служащих (а затем средне-взвешенного бюджета трудящихся), можно перейти непосредственно к построению ассортимента розничной торговли.[1]

Но предварительно необходимо выявить степень соответствия между структурой бюджета и оборота.

(В %% к итогу розничного оборота и реализуемой на рынке части бюджета.)

Она иллюстрируется приведенной ниже таблицей (см. стр. 241).

Первое, что сразу же обращает на себя внимание при обозрении помещенной выше таблицы, — это тяготение оборота к бюджету трудящихся. Это особенно отчетливо выявляется по основным группам — питания, а также одежды и туалета, занимающим 85 — 90% всего оборота товаров потребительского назначения.

Расхождение же по второстепенным группам обусловлено разнообразными причинами (просачивание части хозяйственного инвентаря за

[1] Влияние остальных групп населения, доходы которых будут к концу пятилетия составлять, например в Киеве, не более 20%, а в других центрах и того меньше и которые по своей средней доходности и бытовым навыкам в подавляющем размере приближаются то к группе рабочих, то к группе служащих, столь ничтожно, что его можно без большой погрешности элиминировать.

пределы города, прохождение топлива и осветительных материалов по различным каналам с неучитываемым оборотом и т. д.).

Удельный вес отдельных групп в бюджете и обороте

(В %% к итогу розничного оборота и реализуемой на рынке части бюджета).

Статьи оборота и бюджета \ Годы	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	Расхожд. между бюдж. и оборотом, в %%	
				1925/26 г.	1927/28 г.
1. Продукты питания:					
В обороте	55 0	57,1	61,2	15,2	0,3
В бюджете трудящихся	63,4	62,5	61,0		
2. Одежд и туалет:					
В обороте	32,6	31.0	25,9	42,4	4,8
В бюджете трудящихся	22,9	23,0	24,7		
3. Хозяйственный инвентарь:					
В обороте	6,6	5,8	6,1	175,0	74,3
В бюджете трудящихся	2,4	3,1	3,5		
4. Топливо и осветит. материал:					
В обороте	1,8	2,0	1,8	333,3	300,0
В бюдж трудящихся	7,8	7,5	7,2		
5. Алкоголь и наркотики:					
В обороте	4,0	4,1	5,0	29,0	72,4
В бюджете трудящихся	3 1	3,2	2,9		

Самый факт смыкания бюджета и оборота является вполне закономерным явлением. Он об'ясняется процессом замыкания городов вокруг своего населения, стремлением их к самообслуживанию.

Городские центры, вследствие централизации нашего оборота, утрачивают свою товарораспределительную и распорядительную роль; их торговый аппарат все больше ограничивается обслуживанием населения, проживающего в городской черте.

Построив таким образом, примерную модель бюджета трудящихся к концу пятилетия, выявив связь между структурой бюджета и оборота, нетрудно перейти, далее, к построению ассортимента розничного торга. Предварительно следует, однако, продумать, какие изменения претерпит расхождение между бюджетом и оборотом в будущем.

Нет возможности на этом останавливаться здесь особо. Можно лишь отметить, что вряд ли существующие «ножницы» между структурой бюджета и оборота претерпят коренные передвижки своего раствора.

Таким образом, и с этой стороны не встречается особых затруднений для построения ассортимента розничного оборота. Имея, таким образом, структуру розничного оборота, можно затем распределить обороты по секторам, на основе динамики охвата каждой группы в прошлом и директивных указаний на будущее.

В дальнейшем же, если необходимо планировать какую-нибудь крупную торговую организацию, то после выявления ее места в оборотах каждой товарной группы, следует производить более детальное расчленение оборотов на основе тех же бюджетных материалов, с той целью, чтобы на их основе построить уже планы прочих элементов в деятельности торговой организации (сеть, склады, транспорт и т. д.).

Таковы те пути, которыми можно получить примерную схему оборотов городской торговли. Само собой разумеется, что применяя рекомендуемые методы, приходится прибегать к произвольным допущениям и приемам, но их здесь относительно меньше, ибо построение плана проходит все время на основе относительно большего количества твердых отправных точек.

С. К. Кондрашев

Вопросы освоения орошаемых земель в хлопковых районах

Под освоением обычно понимают создание хозяйства на вновь орошаемых землях и приведение его в такое устойчивое состояние, которое обеспечивает полный засев отведенных площадей и получение урожаев проектной высоты. Для достижения этих целей недостаточно окончить постройкой оросительную систему, которая обычно предусматривает лишь доведение воды до границ водного околодка площадью около 130—200 *га*. Дальше должно следовать построение мельчайшей сети с доведением воды до границ каждого надела (4—5 *га*) в случае индивидуальных хозяйств или до границ каждой орошаемой площадки при организации совхозов. Это называется ирригационным освоением. За этой гранью начинается ряд последовательных работ по хозяйственному освоению. Работы эти таковы: разбивка в натуре границ новых хозяйств сообразно ранее выработанному плану землеустройства, проведение грунтовых дорог, постройка мостов, заселение, снабжение переселенцев орудиями производства, ссудами на домообзаведение, а также семенная и продовольственная помощь до первого урожая, организация агротехнической помощи засевщикам, организация сети опытнопоказательных и кооперативных пунктов, проведение засельщиками внутринадельной сети, а совхозами — до границ каждой орошаемой площадки, планировка засельщиками или совхозами полей, посадка садов и древонасаждений, постройка школ и больниц, а для крупных участков, кроме того, постройка городов, под'ездных веток, энергетического хозяйства и пр.

Этот примерный перечень работ по хозяйственному освоению далеко не полон, но и он достаточен для оценки многочисленности и сложности работ по созданию новой хозяйственной жизни на вновь отвоеванных у пустыни землях. Поэтому, будет вполне правильным утверждение, что с завершением строительных ирригационных работ, борьба за урожай не кончается, а только начинается. Успешное проведение этой борьбы требует не только значительных денежных и материальных средств, создания специального хорошо слаженного органа, заранее согласованного, единого, беспросчетного и отчетливого плана и усиленной работы в первый период самих засельщиков; эта борьба требует еще и времени. За отсутствием собственного широкого опыта по освоению — нельзя привести отчетных сведений о потребных для него средствах и времени. Проектные и плановые материалы последнего времени предполагают, что полное освоение потребует около трех лет времени и вложений от 200 до 800 руб. на *га*, в зависимости от типа создаваемого хозяйства, степени участия засельщиков трудом в самом процессе освоения и размера того имущества, с которым засельщики приходят на новое пепелище.

Вопросам освоения вновь орошаемых земель местная плановая и техническая мысль до 1929 г. не придавала серьезного значения и их не разрабатывала в достаточной мере. Такое положение можно об'яснить тремя причинами:

а) Организационной оторванностью органов водхоза, где находилось строительство и эксплоатация, от НКЗемов, ведавших землеустройством и переселением.

б) Распыленностью прироста на период 1922—1929 гг., происходившей главным образом за счет мобилизации ранее выпавших из культуры земель.

в) Перегруженностью местных органов текущей работой, не позволявшей им итти впереди событий.

Летом 1925 г. автором настоящей статьи на заседании в Ташкенте при существовавшем тогда УполСТО был выдвинут вопрос о необходимости проработки проблемы освоения. Однако, это предложение не нашло отзвука среди собравшихся и не было признано имеющим актуальное значение. По мнению участников заседания, в обстановке средне-азиатского недостатка орошаемой земли и значительного количества безземельных, заботы об освоении представлялись в значительной степени излишними. Делалась, следовательно, ставка на заселенческую стихию и самотек.

Перспективные планы по ирригации того времени не предусматривали на освоение ни средств, ни времени. Составители их, очевидно, полагали, что освоение будет произведено средствами переселяющегося населения и что урожай может быть получен в год окончания ирригационного строительства.

В период 1926—1929 гг. произошло несколько обстоятельств, которые доказали необходимость полного овладения освоением, его тщательной предварительной подготовки и значительной государственной помощи населению при осуществлении освоения. При этом создался ряд неожиданных осложнений с освоением, которые можно разбить на три категории:

а) Освоение идет впереди строительства. Это происходит в обжитых районах, за счет улучшения эксплоатации и, хотя молекулярной, но массовой и непрерывной работы самого населения. При благоприятной экономической обстановке, наличии малоземелья и хороших, но пока необрабатываемых земель, такого рода процесс может продолжаться неопределенно долго, так как теоретические границы более рационального использования оросительной воды достаточно широки (примеры: Уч-Курган, Янги-Арык, Зеравшаню-Хорезм и др.).

б) Освоение запаздывает сравнительно со строительством или дает малый коэфициент земельного использования в силу непроизводства необходимых мелиоративных культур, технических работ и других поичин.

в) Освоение запаздывает в силу отсутствия в данном районе достаточных кадров засельщиков и непредусмотрения планом освоения переселения из других перенаселенных районов Средней Азии (Боссага-Керки) и, наконец,

г) Освоение запаздывает или производится в крайне ограниченной мере, в силу неблагоприятных природных, главным образом, почвенных условий ирригационно-подготовленного участка.

Новый темп развития хлопководства требует и нового темпа освоения. Прирост освоенной хлопковой площади к 1932/33 г. по первоначальной прикидке должен быть сравнительно с исходным годом пятилетнего периода около 900 тыс. *га* против 460 тыс. *га* прежнего плана, а освоенный прирост всей орошаемой площади к весне 1933 г. должен достичь около 1,7 млн. *га* против 1 млн. *га* первой пятилетки. Эти цифры в ближайшее время будут уточняться, но их масштаб достаточно характерен для заданий по освоению. Подобная обстановка создает условия, в которых освоение должно происходить ускоренным темпом. В связи с этим следует изучить неожиданности, а иногда и неудачи с освоением в недавнем прошлом, и учесть этот опыт для ближайшего будущего.

Практика ирригационных систем Средней Азии последних лет знает несколько случаев, когда освоение идет впереди постройки. Эти случаи относятся большей частью к старым системам, намеченным к коренному переустройству. Наличие неиспользованных или временно заброшенных земель и режим источника орошения позволили населению шаг за шагом непрерывно расширять размеры обрабатываемой площади. Из таких примеров можно указать на Южный Хорезм. В 1924/25 г., когда возникла мысль и организация по переустройству оросительных систем Южного Хорезма, их орошаемая площадь исчислялась в 101 тыс. *га*, а к 1927/28 г. эта площадь повысилась до 167 тыс. *га*. Нет сомнения, что до времени приступа к переустройству оросительных систем Южного Хорезма их освоения площадь возрастет еще больше. Та же картина замечается по Зеравшану. По-

Землянка, врытая в косогор, переселенцев-самовольцев, не получивших надела. Сел. Молдаванка под г. Фрунзе, Киргизия.

ливная площадь по Самаркандскому водному округу в 1923/24 г. равнялась 152 тыс. *га*, а в 1927/28 г. она возрасла до 222 тыс. *га;* по Зеравшанскому округу в 1924/25 г. поливалось 62 тыс. *га*, а в 1927/28 г.— 99 тыс. *га*. Отчетных данных за 1928/29 г по всей Зеравшанской системе еще нет, но по плану прирост был намечен — в 30 тыс. *га*. Интересны случаи с Уч-Курганом и Янги-Арыком; в 1927/28 г., когда составлялись проекты переустройства этих систем, предполагалось, что по Уч-Кургану прирост орошаемой площади будет 9,5 тыс. *га*, а по Янги-Арыку — 16 тыс. *га*. В период, когда проекты уточнялись и проходили положенные им инстанции орошаемая площадь на этих системах подросла, что уменьшило ожидавшийся прирост по Уч-Кургану до 5 тыс. *га*, а по Янги-Арыку — до 11 тыс. *га*.

К примерам, когда освоение идет впереди постройки, добавим лишь случай с Ат-Башинским участком, строящейся Чуйской системы (Киргизия). Постройка эта, как известно, была начата до войны. Тогда же в ожидании скорого орошения, Атбашинский участок был землеустроен и заселен, при чем был образован ряд поселков. Это было в 1912 г. Последующие события не позволили работу окончить, неокончена она и поныне, но поселки просуществовали до приезда автора в 1929 г. и будут, повидимому,

существовать и дальше, впредь до орошения этих земель. Вообще, все окрестности Фрунзе отличаются ускоренным процессом освоения. Сам город растет во все четыре стороны, при чем засельщики не требуют никаких коммунальных удобств и кредитов. Особенно резко этот процесс бурного освоения выражен на восточной стороне: город незаметно переходит в пригород, пригород смыкается с сел. Лебединским, затем идет Новый Петроград (выселок Лебединского), далее без перерыва Покровское, а потом Дмитровское. Каждое из сел тянется на несколько километров и располагается вдоль шоссированного Токмакского тракта и ничем не отличается от окраинных улиц Фрунзе.

Справедливость требует отметить, что опыт стихийного освоения уже начинает учитываться. Некоторые из наиболее прогрессивных органов водного хозяйства в своих планах делают ставку на руководство и помощь этой стихийной тяге самого крестьянства к расширению своей орошаемой площади. Так, например, вполне определенно поставлен вопрос о дополнительном освоении земель в Каракалпакской автономной области. Там в качестве центральной проблемы пятилетнего плана поставлено удвоение орошаемой и хлопковой площади к 1932/33 г., при чем выполнение этой задачи Управление водного хозяйства КАО думает произвести главным образом не за счет нового строительства, а за счет дополнительного освоения. Это освоение произойдет в большей степени за счет мобилизации окружающих хозяйств, ныне пустопорожних, пространств. Подобный процесс поэтому справедливо было бы назвать не дополнительным освоением, а, так сказать, «присвоением». Произойдет такое «присвоение» путем понижения современного гидромодуля с 0,75 *ск/лт* на 1 *га* до 0,60 и повышения коэфициента полезного действия систем с 0,40 до 0,60. В 1932/33 г. 65% площади будет орошаться из переустроенной сети, что возьмет на себя государство. Население же сделает дополнительную мелкую и мальчайшую сеть и планировку.

Перейдем к случаям, когда освоение запаздывает в силу отсутствия длительных о нем забот. Было бы несправедливым полагать, что заботы об освоении с завершением землеустройства, или вскоре после этого кончаются. Примером тому может служить современное состояние Голодной Степи. Эта система орошала в 1925 г. 43,6 тыс. *га*, а в 1928 г. — 65,1. Рост орошаемой площади произошел как за счет форсирования пропускной способности канала (59,5 *ск/м*^{3} в 1925 г. и 70,5 *ск/м*^{3} в 1928 г.), так и за счет повышения коэфициента полезного действия (с 0,38 до 0,52). В результате более жесткого водопользования, оросительная способность *ск/м*^{3} поднялась с 640 *га* в 1925 г. до 890 *га* в 1928 г. Число хозяйств в Голодной Степи насчитывается около 12.500, средний размер надела — 8 *га*, а средняя площадь пашни одного хозяйства — 5 *га*. Столь невысокий коэфициент земельного использования об'ясняется комплексом причин, обусловливающих высокий модуль; высокий модуль в свою очередь об'ясняется:

а) малой поливной струей (применяется большей частью 30 — 40 *ск/лт.*, между тем, как требуется 70 *ск/лт; б)* невыровненностью полей; в) чрезмерной величиной орошаемой площадки: 1—2 *га* в крестьянских хозяйствах и до 3 и даже 6 *га* на семхозе Пахма-Арал; г) плохим оборудованием мельчайшей сети и д) недостаточностью и невысокой квалификацией низового ирригационного аппарата.

Расширение орошаемой площади в Голодной Степи до сего времени шло в большей степени за счет форсирования пропускной способности магистрального канала. Теперь же наступил период, когда суммарный прирост орошаемой площади должен получаться за счет форсирования коэфициента земельного пользования внутринадельных земель. Надо срочно изучить

причины неполного освоения наделов, надо заранее подготовиться к более полному и быстрому освоению тех новых земель, какие будут вновь орошаться в Голодной Степи.

Обратимся теперь к случаям задержки освоения неподготовкой заселения при отсутствии дехканского самотека и напора.

Незадолго до приезда автора в Среднюю Азию (летом 1929 г.) в местной прессе появились известия о задержках в освоении вновь орошенных земель по Боссага-Керкинскому каналу. Нужно сказать, что Боссага-Керкинская система является крайне интересной и до некоторой степени исключительной системой, с следующими особенностями:

а) Своеобразным условиям питания — головной шлюз расположен далеко от реки, вода поступает через систему протоков, при чем начало главного из них находится за пределами СССР, на Афганской территории;

Склад неразобранного европейского с.-х. инвентаря в Ширкоте Кизыл-оях, Керк. окр.

б) По условиям питания распределителей; в магистраль спускается больше воды, нежели это требуется для орошения, при чем излишек воды сбрасывается в пески Кара-Кум. Сброшенная вода, при технической помощи работников УВХ, неуклонно проходит к Келифскому узбою. Таким образом, сброс Боссага-Керкинского канала может послужить началом новой системы;

в) На 2, 4 и 6 распределителях, где все население об'единено в артели, на площади старого орошения, разбитого на орошаемые площадки и имеющего мелкую сеть, постройки, насаждения и проч., вновь проведена мелкая и мельчайшая сеть по прямым линиям, для чего потребовались, где это вызывалось необходимостью, разрушение зданий и вырубка деревьев (что уже сделано), а также новая планировка полей (что еще предстоит), потому что старая планировка была приспособлена к старой сети, ныне забрасываемой;

г) Значительное количество земель по всей системе пустует, много полей старой культуры, построек и насаждений, заброшено. Ныне это — земли Госфонда, образованного из хозяйств эмигрантов, ушедших в Афганистан. Брошенные, закультивированные, но не обрабатываемые земли встречаются на всем протяжении канала от г. Керков до афганской границы.

Основные цифровые показатели по Боссага-Керкинской системе (получены в Госплане ТССР) таковы: площадь командования 22 тыс. *га*, удобных земель 16 тыс., в том числе тугайных 4 тыс. *га*. Всего в 1929/30 г. будет освоено 12 тыс. *га* (кроме тугайных), было же засеяно в год приступа к строительству 3,7 тыс.*га* и заброшено — 2,1 тыс. *га*. Из этих данных явствует, что значительная часть культурных земель была заброшена, а потому обстановка не благоприятствовала быстрому освоению нового прироста, если бы даже он и был возможен по условиям наличия ирригационно - подготовленной площади. Те артели, которые автору удалось видеть в 1929 г. около Кизил-Аяка, находились на площадях старого орошения, но с вновь построенной сетью. Таким образом, отождествлять ирригацию этих артелей с освоением прироста орошаемых земель было бы неправильно. Было бы вообще неправильным ожидать быстрого и действительного освоения действительного прироста в условиях, когда пустует 36% даже закультивированной площади. Не было ли целесообразней переселить из других районов Туркмении безземельных туркмен другого племени, нежели ушедшие в Афганистан (момент — крайне важный по местным родовым отношениям), а затем уже после полной мобилизации всех ранее обрабатывавшихся земель, приступить к переустройству канала для получения действительного прироста.

Канал мелкой сети на 6-м распределителе переустроенной Боссага-Керкинской системе. По бокам видны вдали — разрушенные постройки.

Керкинский случай позволяет сделать следующие выводы:

а) Освоение не может итти быстрым темпом, если нет в данном районе массового стремления получить землю и если в этих условиях заблаговременно не организовано массовое переселение из других районов республики.

б) В условиях, подобных керкинским до полного исчерпания ранее обрабатывавшихся земель нельзя говорить о приросте вновь орошенных земель и об освоении этих земель в точном и прямом значении этих понятий.

в) Ожидание немедленного освоения в условиях, подобных керкинским, может быть об'яснено лишь неполным представлением конкретной обстановки на местах.

Керкинский случай является антиподом Янки-Арыкскому и Уч-Кунганскому. В Керках из-за отсутствия населения (или других причин) 50% запаханной тракторами для населения земли оказалось в 1929 г. незасеянными (в тугаях не засеяно из запаханного тракторами до 90%). В противоположность этому в Фергане факт увеличения орошаемых посевов в районах предстоящего, но еще не произведенного, строительства, является неожиданностью для составителей проектов. Разгадка этих противоположных явлений кроется в наличии или отсутствии помощи по работам со стороны самого населения. В случаях, когда эта работа сопрягается с ирригационным строительством, можно ожидать быстрого и дешевого освоения; когда же напор со стороны населения отсутствует — освоение будет медленным, дорогим и потребует массы организационных забот.

Ручное мотыженье хлопчатника в артели Кизыл-Тепе, около Кизыл-Ояка по Боссага Керкинской системе.

Было бы несправедливым полагать, что Керкинский случай единичен. В целом ряде других районов освоение ими, вернее, расширение орошаемой площади могло бы итти более быстрым темпом, если бы в эти районы, обильные водой и землей, приселялось бы население из переуплотненных округов. В той же Туркмении по каналу Клыч-Ниаз-Бай (Ташаузский округ) по определению местных работников Упрадиса можно в короткое время без особых трудностей получить прирост до 20 тыс. *га*. Этот район автор в 1929 г. об'ехал на лодке и действительно был поражен, с одной стороны, многоводностью упомянутого канала, а с другой — обилием неиспользуемых земель. Если бы НКзем Туркмении начал бы сюда массовую переброску людей из перенаселенного и изсыхающего Теджена, то темп расширения орошаемой площади здесь сделался бы совсем иным, нежели в настоящих условиях. Правда, перенаселение совершается и сейчас, но оно производится в масштабе нескольких десятков семей и скорее поэтому напоминает лабораторный опыт, нежели народнохозяйственное мероприятие. Неизвестно также, почему этим районом не заинтересуется Главхлопком, так остро нуждающийся в земле для своих семхозов.

Приблизительно в таком же положении находятся все хлопковые и оросительные перспективы Таджикистана. Без массового переселения сюда из других районов (и в первую очередь из перенаселенного, но высоко-культурного по технике полеводства Ходжентского округа) нет гарантий в реализации намеченных для Таджикистана заданий. Медленность освоения можно наблюдать почти по всем законченным до сего времени ирригационным работам в Закавказье. Из ирригационно подготовленных в 1928 г. земель (по Кара-Сахкалу, Айгер-Гелю, водокачкам и Приараксинской ветке на Мугани) освоена весьма незначительная часть. Во всех этих случаях причиной медленного освоения в ЗСФСР является недостаточная подготовка заселения и отсутствие или неорганизованность самотека.

Из всего сказанного выводы напрашиваются сами собой. Практику предоставления освоения самотеку, забота о нем от случая к случаю и после окончания ирригационных работ нужно оставить как можно скорее. Нужно, наоборот, — ввести в практику заблаговременную выработку планов освоения и практику столь же серьезного их обсуждения и утверждения, как это делается со строительными проектами. Нужно организационно овладеть освоением и для этого создать специальные межнациональные органы в Средней Азии и Закавказье при краевых экономических центрах. В составе республиканских НКЗемов нужно создать специальные ячейки по переселению. Существующий отрыв органов водного хозяйства от НКЗемов должен быть заменен самым тесным сотрудничеством как в этапах до, так и после окончания строительства. В своей работе по организации и проведению освоения НКЗемы должны мобилизовать активность низовых советских органов и мелиоративной кооперации. При проведении мельчайшей сети и дренажной сети, а также планировки полей нужно мускульную силу людей заменить конной или еще лучше тракторной тягой. В состав переселяемого контингента желательно включить демобилизуемых красноармейцев, они будут технической силой вновь заселяемых районов, и, наконец, весь план освоения нужно строить с таким расчетом, чтобы период времени от конца строительства до конца освоения был бы минимален.

Henrich Grossmann. Das Akkumulations und Zusammenbruchsgesetz Kapitalistischen Systems.

Генрих Гроссман. „Закон накопления и крушение капиталистической системы." Том XI, 629, Лейпциг, 1929 г.

Вышедшая в начале 1929 г. книга Гроссмана посвящена самому актуальному вопросу современности — связи между капиталистическим накоплением и крушением капиталистической системы, а потому и должна быть изучена с особенным вниманием. Интересна она и тем, что автор германский „левый" социал-демократ, и постановка им вопроса показывает, как мысль о революционном взрыве преломляется в среде социал-демократов наиболее „революционно настроенных".

Разбор произведения Гроссмана облегчается тем, что вопрос ставится им конструктивно безукоризненно: первая глава Untergang d. Kapitalismus in d. bisherigen Darstellung (стр. 1—77) является обозрением состояния современной теоретической мысли по вопросу о крахе капитализма; вторая глава Zusammenbruchsgesetz (стр. 78 — 286), дает обоснование краха капитализма; третья глава Modifizierende Gegentendenzen (стр. 287—629)— излагает обстоятельства, осложняющие реализацию „закона краха" и его действие в условиях конкретного капитализма.

Работа Гроссмана затрагивает побочно многие проблемы теоретической экономии и критически разбирает мнения нескольких сот буржуазных ученых и марксистов по вопросам, которые, по мнению автора, связаны с изучаемой им темой. Мы принуждены, однако ограничиться в рецензии разбором концепции Гроссмана в целом и сопоставлением ее с построениями Маркса и Ленина, только вскользь затрагивая некоторые из его многочисленных экскурсов, вовсе не касаясь его полемики с представителями буржуазной и правой социал-демократической науки. Здес, кстати отметим, что чисто буржуазных ученых и социал-демократов из числа откровенных апологетов капитализма Гроссман критикует довольно резко, иногда сильно, иногда поверхностно, но всегда с остроумием или, по крайней мере, с острословием. В этих частях его работа интересна тем, что он впервые дает с марксистской точки зрения (на словах во всяком случае), систематический обзор и критику буржуазной литературы по вопросам капиталистического накопления и о революционном взрыве, при чем использует литературу до самых последних месяцев 1928 г.

В первой главе Гроссман разбирает мнения целого ряда авторов, таго или иначе высказывавших свой взгляд о „вечности" или историчности капиталистической системы, невозможности, возможности или неизбежности крушения капитализма и о характере этого крушения.

Разобраны мнения Сисмонди, Кларка, Маршаля, Диля, Бернштейна, Каутского, Люксембург, Экштейна, Симковича, Зомбарта, Шпитгофа, Сореля, Массарика, Шумпетера, Михельса, Кунова, Маркса, Брауналя, Бухарина. Харазова, Будина, Туган-Барановского, Бауэра, Гильфердинга, Мизеса и многих других.

Гроссман резко критикует опортунизм откровенных апологетов капитализма типа Каутский-Гильфердинг. С другой стороны приведя и разобрав по вопросу о крахе капитализма суждения даже самых бездарных буржуазных ученых, даже самые пошлые и нелепые „теории", Гроссман совершенно „забыл" теорию Ленина.

Из сторонников ленинской точки зрения Гроссман ограничивается разбором положений т. Бухарина. Ошибочный тезис т. Бухарина о том, что революция мыслится только в результате второго тура империалистических войн — позволяет Гроссману встать в революционную позу и критиковать большевистскую концепцию „слева".

„Для Бухарина крушение капитализма результат, правда, опосредствованных в экономике, но по отношению к ней трансцендентных причин. Наоборот, для Маркса крушение следствие имманентных причин, вытекающих из самых экономических закономерностей капиталистического механизма (48 стр.).

Неудачная формулировка т. Бухарина исправлена и на X пленуме ИККИ т. Куусиненом и многими другими ораторами и во всяком случае позицией Коминтерна не является. Необходимо указать также и на то, что Ленин, считая, что вероятней всего крах капитализма произойдет в результате империалистической войны— никогда не утверждал, что только при помощи войны может произойти революция.

Однако, в критике большевистской концепции Гроссман идет дальше: „учение о крахе капитализма в результате империалистической войны — опирается только на специфические русские особенности, не имеющие никакого отношенмя к другим войнам и другим странам".

Для доказательства Гроссман приводит пример целого ряда войн, ведшихся с XII века, которые не вызывали краха капитализма и пролетарских революций (стр. 48—50).

Рассуждения Гроссмана до конца вскрывают его меньшевистскую физиономию:

1) для него Октябрьская революция специфический русский результат — отметим, что если для него до сих пор существует Россия в форме совокупности царских губерний, то на самом деле это Союз советских республик, в которых пролетарская диктатура устанавливалась в течение целого ряда лет, союз, в котором мирно сожительствуют десятки национальностей. Наконец, не мешало бы Гроссману вспомнить и то что революция в результате империалистической войны была не только в „России", побеждала она и в Венгрии, и в Баварии. Революция, не установившая диктатуры пролетариата, но шедшая от революционных масс независимо, и наперекор с.-д. имела место и во всех частях Германии.

2) Гроссман делает исторический экскурс на 800 лет назад и не желеет язвительности, указывая, что в Амальфи в 1135 г., хотя флот и погиб, пролетарской революции не произошло, тоже было в Пизе в 1290 г. и во всех последующих войнах.

„Экскурс" изумительно наивен, — ведь промышленного пролетариата в этих почтенных и других средневековых городах не было, как не было и промышленного капитализма, не говоря уже о капитале финансовом, о сращении промышленного капитала с банковским. Ведь большевики, связывая революционный взрыв с войной, имели в виду только эпохи империализма, при том войны мирового масштаба и с необходимостью порожденные капиталистическими же и не только „терминологическими", а многочисленными в колоссальной интенсивности противоречиями, о которых Гроссман, если он так не любит работы коммунистов и не хочет читать „Империализма" Ленина, мог бы почитать у мелко-буржуазного автора начала XX века — Гобсона („Империализм").

Гроссман попросту отказывается от изучения основного и самого надежного пути к мировой революции, закрывает глаза и на утверждение пролетарской диктатуры на $^1/_6$ части земного шара, и на события, имевшие место после войны в его собственном государстве.

Однако, хотя Гроссман игнорирует самое важное обстоятельство, обусловливающее неизбежность пролетарской революции, пойдем вместе с ним дальше, так как вывод крушения капитализма из „имманентного, мирного, капиталистического развития" имеет для нас также интерес. Этому вопросу посвящается вторая глава его книги, задача которой „состоит в том, чтобы показать, как процесс капиталистического воспроизводства, вследствие причин, вытекающих непосредственно из хозяйственного кругооборота, ведет в конечном счете к крушению капиталистической системы".

Для решения этой проблемы, Гроссман берет... известную схему Бауэра, пытающуюся показать, что внутри самого капиталистического производства страны чистого капитала, не имеющей внешних рынков, возможен рост капиталистического накопления.

Продолжив Бауэровскую схему (которая исходит из положения, что постоянный капитал ежегодно возрастает на 10%, а переменный, а, значит, и численность занятых рабочих на 5%), Гроссман с торжеством указывает, что на 35 году ее начинает образовываться промышленная резервная армия, а вместе с нею на другом полюсе образуются капиталы, которые невозможно использовать.

В послесловии к 2 изданию I тома „Капитала" — Маркс писал: „Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь". Гроссману фактов реальной действительности не нужно, он берет совершенно произвольную схему Бауэра, настолько произвольную, что прирост населения в ней взят равным пяти процентам в год, т.-е. пять раз больший обычного, так что, если схему Бауэра употреблять для реальной жизни, сроки ее придется удлинить в пять раз и гроссмановский „крах" наступит, (т.-е. промышленная резервная армия образуется) на сто семьдесят пятом году.

Однако, почему думает Гроссман, что возникновение резервной армии и невозможность избежать ее в данной схеме обязательно обозначает крах капитализма? Ведь если бауэровская схемка и ее гроссмановское продолжение не позволяют никаких осложнений, то в реальном капиталистическом мире существует кредитная система способная пополнить любое подразделение схемы, в нем нуждающееся (о роли ее см. хотя бы тот же „Империализм" Ленина), с другой стороны, существует или может мыслиться массовая эмиграция, могущая удалить рабочие руки лишние для гроссмано-бауэровской схемы.

Наконец, самое главное: схема Гроссмана не только схоластична, — она в политическом отношении контр-революционна, а в теоретическом — противоречит основам марксизма. По Марксу промышленная резервная армия возникает не на 35 бауэровском году (или 175 году астрономическом), а немедленно, и не только в „чистом" капиталистическом обществе, но и во всяком, в котором капиталистические формы производства получили некоторое развитие.

Вопрос, который так живо ставит и так удивительно „решает" Гроссман, — был разрешен еще Марксом.

Так, в главе I тома „Капитала" „Всеобщий закон капиталистического накопления" Маркс выясняет, какое влияние оказывает развитие капитализма на условия существования пролетариата. Гроссман не заметил „слона", который заключается в том, что „вся характерная для современной промышленности форма движения возникает из постоянного превращения некоторой части рабочего класса в незанятые или полузанятые рабочие руки" (Маркс: „Капитал", т. I, стр. 650). Отсюда, вытекает ряд сложнейших диалектических последствий, ведущих к краху капиталистической системы.

Что можно сказать о бедном „марксисте" Гроссмане, который забывает сформулированный Марксом „Всеобщий закон капиталистического накопления". Подобно всем другим законам, в своем осуществлении он модифицируется многосложными обстоятельствами, анализ которых сюда не относится" (Маркс, цитируемые слова).

„Растут: гнет, рабство, вырождение и эксплоатация. Но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, все возрастающего в своей численности, воспитываемого, об'единяемого и организуемого самим механизмом капиталистического процесса производства" (Маркс цитируемые слова).

Больше того, марксов закон получил полное подтверждение в Западной Европе в первой половине XIX века и в XX веке, и на всем остальном земном шаре с момента капиталистического внедрения, при чем перенаселение в самой острой форме существует и в Китае, и в Индии, и в Италии, и в Африке, и в современной Англии, перенося образование промышленной резервной армии на 35 бауэровский год, или на 175 астрономический капиталистический год. Гроссман гораздо более реакционен, чем, например, Зомбарт и те западно-европейские марксисты, которые не мнят себя ортодоксами.

Схема Гроссмана схоластична, безграмотна и реакционна одновременно.

Маркс совершенно правильно отмечал, что абсолютный всеобщий закон капиталистического накопления „в своем осуществлении модифицируется многосложными обстоятельствами" — эту фразу цитирует и Гроссман.

Однако, для Маркса осложнения закона накопления закона перенаселения лежат в области перенаселения, и основным является открытие новых рынков... и т. д., которое вызывает повышение заработной платы" („Капитал", т. I, стр. 627).

Война 1914 — 1918 гг. по мнению Гроссмана, отдалила крушение капитализма на 10 бауэровских лет (с 30 года бауэровской схемы в предвоенные годы мировой капитализм вернулся к 20 Гроссман). выводит это отдаление краха из факта гибели ценностей. Он забывает только: 1) крах капитализма на $^1/_6$ земного шара и образование СССР, 2) что война вызвала колоссальную, до войны невиданную капиталистическую рационализацию в Соед. Штатах, которая привела к капиталистической рационализации, т.-е. ускоренному вытеснению постоянным капиталом переменного, и другие страны мира, 3) что война обострила все империалистические, т.-е., в конечном счете, экономические противоречия, 4) что война прекратила массовую разгрузку Европы от излишнего населения — очень многое еще не учитывает по вопросу о роли империалистической войны Гроссман, оперируя со своей произвольной схемой.

Что можно сказать в заключение? — Гроссман игнорирует основной ближайший путь мировой революции — через империалистические войны, обоснованный теоретически Лениным и целиком оправдавшийся после мировой империалистической войны, игнорирует и другой основной путь к мировой революции — через постоянно нарастающее ухудшение условий существования пролетариата в условиях и „мирного развития", указанный Марксом; не анализирует Гроссман и конкретной экономической и политической действительности. Вместо этих путей Гроссман идет по линии математического развития схоластически и произвольно построенной схемы Бауэра, и из нее приходит к своим специфическим выводам, которые не выдерживают столкновения ни с марксистско-ленинской теорией пролетарской революции, ни с конкретными основными фактами реальной действительности.

Гроссман выполняет основную задачу „левого меньшевизма": — затушевывает настоящие пути мировой революции и с них толкает пролетарскую науку на извилистую тропинку, ведущую в тупик „чистой меньшевистской схоластики".

Р. Новицкий.

Проф. Г. С. Гордеев. „Основные проблемы сельскохозяйственной экономии“, т. I, изд-во „Новый Агроном“, Москва, 1929 г., стр. 391. Ц. 3 р. 90 к.

Сел.-хоз. экономия, как наука насчитывает уже свыше сотни лет своего существования. Однако до самого последнего времени она развивалась на основе буржуазной и мелко-буржуазной политической экономии. Марксисты начали заниматься вопросами экономики сельского хозяйства лишь с 90-х годов прошлого столетия, когда перед рабочим движением Западной Европы был поставлен для разрешения крестьянский вопрос (дискуссия в германской социал-демократии). В России, тоже с 90-х годов, сначала в связи с борьбой народничества и марксизма, потом в связи с разработкой аграрной программы социал-демократической партии, во всей широте был поставлен так называемый аграрный вопрос.

После Октябрьской революции, когда пред пролетариатом встала задача социалистического переустройства деревни, задача завоевания университетских кафедр и воспитания агрономической молодежи в марксистско-ленинском духе встал вопрос о науке марксистской сел.-хоз. экономии, о ее предмете, системе и методе, а также и разрешении ряда неразработанных проблем по существу.

Тов. Гордеев рекомендует нам свой курс, как „первую попытку сконструировать марксистскую сел.-хоз. экономию“ (стр. 5). Это неверно. В нашей экономической литературе зарегистрировано уже несколько „попыток“. Так, например, проф. Кажанов угостил нас, читателей и своих слушателей 4—5 вузов СССР, где он занимает кафедры сел.-хоз. экономии, такой попыткой — в виде курса „Сельскохозяйственная экономия“ (Изд. „Новая Деревня“, Москва, 1929 г.). Марксисты, читавшие самую книгу и рецензию на нее тов. Сулковского („Аграрный Фронт“, № 2, 1929 г.) уже сделали для себя вывод, что попытка Кажанова не удалась и что „дух“ буржуазной идеологии продолжает господствовать над головой почтенного профессора.

Рецензируемая книга представляет собой первый том курса, который включает в себя: вопросы методологии, обзор эволюции сельского хозяйства, земельную ренту, земельный вопрос, учение о капитале, рабочий вопрос, закон падающей производительности, учение об интенсивном и экстенсивном сельском хозяйстве и теории мелкого и крупного хозяйств. Первый вопрос, который встает пред каждой наукой, вопрос о ее „самоопределении“,— о предмете, системе и методе науки. Эту проблему проф. Гордеев разрешает следующим образом: „Теоретически же предмет сел.-хоз. экономии имеет много общего с содержанием политической экономии, при чем область рассмотрения общественных отношений переносится на сельское хозяйство. Если политическую экономию назовем общим, то сел.-хоз. экономия может быть названа частным“ (13 стр.).

„Все содержание сел.-хоз. экономии можно обнять следующим определением: сел.-хоз. экономия есть дисциплина, изучающая общественные отношения людей, возникающие в процессе производства и обмена товаров в капиталистическом сельском хозяйстве“ (32 стр.). Необходимость выделения сел.-хоз. экономии из политической экономии обосновывается тем, что „сельское хозяйство представляет целый ряд деталей и особенностей, требующих более подробного рассмотрения и специального анализа“ (стр. 14).

На стр. 33 эти особенности автор сводит к наличию земельной ренты в капиталистическом сельском хозяйстве, что оказывает влияние на все стороны экономики этой отрасли. „Сел.-хоз. экономия начинается там, где система политической экономии, прилагаясь к сел.-хоз. производству, модифицируется под действием земельной ренты со всеми последствиями, которые она вызывает (33 стр.).

Таким образом, в книге тов. Гордеева мы имеем совершенно правильную, но как увидим позднее, недостаточно конкретизированную установку в вопросе о предмете и задачах сел.-хоз. экономии. Приводя мнения буржуазных ученых, которые также считают сел.-хоз. экономию частью политической экономии (Илай, Тэйлор, Бруцкус), автор упустил отметить, что их понимание политической экономии (а отсюда и сел.-хоз. экономии) ничего общего не имеет с марксизмом. Следовательно, мнения этих экономистов совпадают с мнением автора лишь формально. В противовес мнению некоторых экономистов, автор совершенно правильно утверждает, что сфера сел.-хоз. производства имеет одну главную особенность — наличие частной земельной собственности. Других принципиальных особенностей нет. Земельная собственность накладывает отпечаток на проявление всех экономических категорий в области сельского хозяйства.

Далее, автор предлагает „схему курса сел.-хоз. экономии“, которая значительно расходится с пониманием им предмета сел.-хоз. экономии. Схема расходится и с построением рецензируемого курса.

„Схема“ состоит из 23 тем, которые можно сгруппировать в три больших раздела: I — вводная часть темы 1 и 2, II — экономия капиталистического сельского хозяйства (с 3 по 16 тему) и III — экономия сельского хозяйства переходного периода (с 17 по 23 тему).

Выше тов. Гордеев утверждал, что сел.-хоз. экономия — наука о капиталистическом сельском хозяйстве, а здесь он включает в сел.-хоз. экономию и переходный

период. Почему это так делается — тов. Гордеев не об'ясняет.

Несмотря на то, что тов. Гордеев признает диалектический метод единственно правильным для сел.-хоз. экономии, и в отдельных темах владеет им прекрасно, в вопросе предмета сел.-хоз. экономии он немного отступает от диалектики. Маркс учил, что все явления, в том числе и экономические категории, надо рассматривать в их развитии, т.-е. изучать их от зарождения до исчезновения. Целиком и полностью это относится к категориям сел.-хоз. экономии. Этот момент в книге тов. Гордеева, по крайней мере в методологической части, не подчеркнут. Поэтому, в понимании земельной ренты, интенсивности, учение о капитале и т. д. чувствуется определенный разрыв капиталистической экономики от экономики докапиталистической и послекапиталистической (переходный период). Советскую сел.-хоз. экономию необходимо выделить в особый раздел, как это правильно и делает тов. Гордеев, но методологическую связь каждой темы сел.-хоз. экономии капитализма с соответствующей проблемой советской сел.-хоз. экономии надо также обязательно установить.

Просматривая отдельные темы в „схеме курса“, мы здесь не видим „земельной ренты“, хотя в рецензируемой книге ей отведено свыше 100 страниц (28% всей книги). А ведь земельная рента — неотъемлемая часть курса политической экономии. Тов. Гордеев перенес ее целиком из политэкономии, а не „модифицировал“ ее, как это делается им по отношению к другим категориям политической экономии.

Совершенно недостаточна и необоснована „схема“ в части, касающейся переходного периода (темы с 17 по 23). Три темы из семи (экономические категории переходного периода, проблема регуляторов и система планового хозяйства) в сел.-хоз. экономию не входят. Остальных четырех тем (из всех 23) для изучения сел.-хоз. экономии и в переходный период абсолютно недостаточно. Возможно, что автор боялся вторгнуться в пределы курса аграрной политики, куда пытаются перенести многое из сел.-хоз. экономии переходного периода. Но боязнь напрасная. Известно, что курсы аграрной политики, в педагогической практике, не идут дальше изучения истории аграрной программы партии и конкретных вопросов работы партии в деревне (кредитная, налоговая и т. п. политики). Теории отмирания капитализма в сельском хозяйстве и его социалистического переустройства должны быть одной из главнейших и больших частей сел.-хоз. экономии. Этого требуют сама жизнь и практика социалистического строительства.

Переходим к конкретным темам. Вторая глава дает общий обзор хозяйственных форм, включая сюда докапиталистические формы, капитализм и социализм. Научного значения данная глава не имеет, но для студентов вузов, где преподавание истории отсутствует, она является необходимой и вводит в круг вопросов собственно сел.-хоз. экономии.

Главы III, IV и V посвящены теории земельной ренты, глава VI — вопросу о национализации земли.

В виду тесной связи всех глав между собой, мы остановимся на всех их в совокупности.

Из буржуазных экономистов, писавших о земельной ренте, автор достаточно подробно останавливается на классиках (Рикардо, Тюнен, Андерсон), австрийцах (Менгер, Шумпетер) и англо-американцах (Кларк). Таким образом, все главнейшие школы политической экономией охвачены в их главнейших представителях. Потом, автор переходит к Марксу, изложение которого ведется в том порядке, какой имеет место в III томе „Капитала“. Относительно много внимания уделяется дифференциальной ренте и очень мало абсолютной ренте.

Известно, что теория земельной ренты Марксом не конкретизирована так, как это сделано по отношению к другим категориям политической экономии. Этим и об'ясняется особый интерес к проблеме со стороны современных экономистов-марксистов и наличие перманентной дискуссии по этому вопросу на страницах наших журналов. Тов. Гордеев сам принимал участие в этой дискуссии, а в своем курсе многие дискуссионные проблемы им опущены. А между тем, из практики работы в вузах нам известен огромный интерес студенчества к дискуссионным проблемам. Именно на них молодежь учится самостоятельно применять диалектический метод.

На ряду с общими вопросами теории земельной ренты, в последние годы усиленно дебатировался вопрос о земельной ренте в советских условиях. В дискуссии выявились прямо противоположные точки зрения (например, Берзтыс признавал все виды ренты в наших условиях, другие, наоборот, их отрицали). Точка зрения тов. Гордеева в этом вопросе является наиболее правильной. Автор признает категорию ренты только в капиталистическом секторе нашего сельского хозяйства. Однако вопроса о дифференциальном доходе „самостоятельных“ производителей в сельском хозяйстве СССР тов. Гордеев не касается, а это было бы необходимо для изучения всех проблем, „прилегающих“ к капиталистической земельной ренте. Совершенно недостаточно освещен вопрос о социальной сущности аренды в наших условиях. Дело в том, что аренда не только выражает докапиталистическую ренту (стр. 154), но и является специфической для переходного периода в том смысле, что служит средством перераспределения прибавочной стоимо-

сти кулацких хозяйств (кулаки арендуют землю у бедноты). Этот вопрос заслуживает пристального внимания.

Роль землевладения в развитии народного хозяйства и проблема национализации земли в условиях капитализма освещены достаточно полно. Зато ничего не сказано о национализации земли в условиях переходного периода.

Глава о законе падающей производительности представляет собой лучшее из всего, что написано на эту тему марксистами. Особенно ценным представляется нам взятый тов. Гордеевым метод подхода к вопросу и вытекающая отсюда классификация многочисленных версий „закона". Автор группирует все теории на три категории, трактующие „закон": 1) как проблему технико-агрономическую, 2) как проблему организации хозяйства и 3) как проблему экономическую. Пользуясь диалектическим методом автор раскрывает перед читателями „нутро" каждой теории, их внутренние противоречия и классовую сущность. В опровержение каждой версии „закона" автор приводит многочисленные фактические данные, большинство из которых публикуются впервые (особенно ценны американские данные).

Главы VIII (Учение о капитале) и X (Учение об интенсивном и экстенсивном сельском хозяйстве) трактуют собственно один вопрос — в о п р о с о к а п и т а л е в с е л ь с к о м х о з я й с т в е.

Автор дает сначала общие определения понятий капитала и его органического строения. В дальнейшем, дается классификация элементов сел.-хоз. капитала и критика подобных классификаций буржуазными экономистами. Этим и заканчивается учение о капитале. В заключение делается вывод, что производительность труда в сельском хозяйстве растет, в связи с ростом капиталовложений. Такие вопросы, как вопросы оборота сел.-хоз. капитала, накопления и воспроизводства, несмотря на их огромнейшее значение в сел. хоз. экономии, автором не только обойдены, но даже не поставлены. Известно, что Маркс этим вопросам придавал огромное значение и свою теорию воспроизводства начинал с анализа особенностей оборота капитала. Во II томе „Капитала" мы находим даже прямые указания Маркса по этому поводу, специально относящиеся к сельскому хозяйству.[1] Особенности оборота капитала в земледелии, отмеченные им, оказывают огромное влияние на процесс воспроизводства в сельском хозяйстве. Все эти вопросы тов. Гордеевым упущены. Поэтому, многочисленные фактические данные, приведенные как в VIII, так и в X и, особенно, XI главах, в сильной мере теряют свою ценность.

Глава X посвящена также проблеме капитала в сельском хозяйстве, хотя она и носит заглавие „Учения об экстенсивном и интенсивном сельском хозяйстве".

Содержание проблемы автор м сводится к следующим вопросам: 1) рост капиталовложений в сельском хозяйстве, 2) понятие интенсивности и взгляды на вопрос буржуазных экономистов, 3) интенсивность, как историческая категория, 4) интенсивность в крестьянском хозяйстве, 5) факторы интенсивности и закономерность интенсификации, 6) формулы интенсивности, 7) органическое строение капитала, 8) предел интенсивности.

„Интенсификацией сельского хозяйства будет называться рост вложения капитала на один и тот же участок земли; интенсивностью сельского хозяйства будет называться уровень затраты капитала на данный участок земли. Чем выше будет уровень затрат,— тем выше будет интенсивность" (28 стр.). Понятие интенсивности автор отграничивает от понятий производительности, рентабельности и рациональности. Интенсивность, по тов. Гордееву, — историческая категория, свойственная только капитализму.

„Интенсивность — не логическая, а историческая категория. Не может капитал прилагаться к земле не в капиталистическом обществе". Поэтому, ни в крестьянском, ни в социалистическом хозяйстве „не будет проблемы интенсивности в том смысле, как это понимается в капиталистическом обществе" (282 стр.). Разбирая мнения буржуазных экономистов о факторах интенсивности, автор приходит к выводу, что „интенсификация сельского хозяйства происходит под влиянием роста производительности труда, который ведет к повышению накоплений и расширению народного хозяйства". Этим самым автором исключается возможность интенсификации при падении производительности труда, что вполне допустимо, и непосредственно следует из формулы интенсивности. По тов. Гордееву, формула интенсивности заключается в отношении капитала (K) к площади земли ($\mathcal{З}$), т.-е. $\frac{K}{\mathcal{З}}$. Дальше эта формула конкретизируется и K разлагается на $C+v$. Следовательно, процесс интенсификации возможен при падении органического состава капитала, что всегда связано с падением производительности труда. Здесь т. в. Гордеев явно противоречит сам себе тем более, что несколько ниже он вводит понятия интенсивности низкого и высокого органического состава капитала. Из необходимости выразить высоту органического состава капитала и связать ее с об, абатываемой площадью автор приходит к выводу, что под K нужно понимать весь капитал а не только издержки производства, как это делают Ужанский и Бринкман. Свой взгляд он обосновывает ссылками на Маркса и Ленина, хотя ни тот ни другой не разбирали проблему интенсивности в том аспекте, как это ставится тов. Гордеевым. Все возражения против понимания интенсивности, ее формул и факторов Бринкманом, Студенским и др. в общем правильны. Но когда речь идет о понимании K, как всей суммы инвестированного капитала, тут доказательства автора становятся малоубедительными. В самом деле, предположим, что имеются два предприятия, в которых работает по одному трактору. В одном предприятии трактор работает 1 год и стоимость его равна 3.000 руб., а в другом предприятии — 3 год и стоимость его равна 1.000 руб. Обрабатываемая площадь ($\mathcal{З}$) и затраты переменной части капитала одинаковы (по 1.000). По тов. Гордееву мы будем иметь такое выражение интенсивности:

$$\text{I предприятие } \frac{3000\,c+100}{\mathcal{З}}=\frac{3100}{\mathcal{З}}$$

$$\text{II „ } \frac{1000\,c+100}{\mathcal{З}}=\frac{1100}{\mathcal{З}}$$

т.-е. получается разная интенсивность хозяйств, несмотря на то, что в действительности интенсивность одинакова. Если же брать $c+v$, как издержки производства, то получится, что интенсивность будет одинакова в обоих предприятиях. Другими словами, издержки производства на единицу площади точнее отображают интенсивность разных сел.-хоз. предприятий. В связи с этим, есть смысл поставить общий вопрос о необходимости особого выделения проблемы интенсивности в курсах сел.-хоз. экономии. Уж очень кажутся надуманными всякие определения интенсивности, чрезвычайно оторванные от реального процесса технической реконструкции сельского хозяйства. Не лучше ли было лишить проблему интенсивности мнимого самостоятельного значения и связать ее с особенностями строения сел.-хоз. капитала и его изменений, под влиянием растущих производительных сил. С другой стороны, общая часть вопроса об интенсивности должна быть неотъемлемой частью учения о земельной ренте (особенно диференциальной ренты I) и „закона" убывающей производительности (версия Маслова и др.).

Последняя глава книги посвящена вопросу о крупном и мелком хозяйстве и о росте сел.-хоз. техники. Теоретическая часть главы выполнена хорошо, если не считать ряда упущений второстепенного характера (например, не разрешен вопрос статистического соизмерения размеров предприятий, хотя приведены мнения многих авторов). Глава изобилует большим количеством ценного фактического материала. Пожалуй, было бы лучше, если бы автор не приводил многочисленных, часто очень второстепенных и скучных ученых почти по каждому случаю, что только запутывает общие идеи, положенные в основу всех суждений автора. Это замечание можно отнести почти ко всем главам работы.

В настоящей рецензии мы обращали внимание, главным образом, на недочеты работы и только потому, что нами руководило стремление об'ективно нащупать наиболее слабые места книги для того, чтобы их в дальнейшем изжить. Это отнюдь не означает, что книга не имеет положительных сторон. Отчасти на них мы уже останавливались. Но главное достоинство книги, несмотря на указанные недостатки, заключается в том, что она в ы д е р ж а н а с м а р к с и с т с к о й т о ч к и з р е н и я.

Указанные недостатки отражают на себе детские болезни марксистской сел.-хоз. экономии, болезни ее бурного роста в последние годы.

Мы считаем, что книга тов. Гордеева б у д е т с л у ж и т ь не только у ч е б н и к о м д л я в у з о в с к о й м о л о д е ж и, чего она целиком заслуживает, но и явится с и л ь н е й ш и м с т и м у л о м к д а л ь н е й ш и м м а р к с и с т с к и м и с с л е д о в а н и я м по с е л.-х о з. э к о н о м и и. Нам думается, что курс тов. Гордеева знаменует собой переход марксистской сел.-хоз. экономии на путь положительного разрешения проблем, так как до сего времени главное внимание было устремлено на критику буржуазных течений.

Таким образом, если рецензируемая книга является уже не первой попыткой сконструировать курс марксистской сел.-хоз. экономии, как мы отметили выше, то она все же является п е р в о й у д а ч н о й п о п ы т к о й.

Ф. А. Хоробрых.

[1]) Маркс. „Капитал", т. II, гл. XII, стр. 165 и гл. XIII, стр. 168 и след. Изд. „Пролетарий", 1923 г.

„Советская торговля". Е ж е н е д е л ь н ы й о р г а н Н а р о д н о г о К о м и с с а р и а т а в н е ш н е й и в н у т р е н н е й т о р г о в л и С С С Р (а н а ч и н а я с № 42 з а 1928 г. и Р С Ф С Р) и т о р г о в ы х п р е д с т а в и т е л ь с т в з а г р а н и ц е й. Из-во НКТорга СССР и РСФСР, Москва, №№ 1—52 за 1928 г. и 1—38 за 1929 г.

На протяжении минувшего года и 9 месяцев текущего года журнал „Советская Торговля" значительно подвинулся вперед по пути своего усовершенствования и охвата стоящих перед ним задач. Новые цели, выдвинутые редакцией журнала на 1928 г. (в передовой № 1 за 1928 г.), сводились, в основном, к следующему: 1) расширение круга сотрудников за пределы ведомства, т. е. привлечение новых

авторов, 2) усиление систематической публикации разного рода обзорных материалов, в частности, обзоров состояния основных товаропроводящих систем, 3) расширение круга заграничных сотрудников журнала (преимущественно по линии торгпредств) и 4) пополнение корреспондентской сети, с целью улучшенного освещения районного товарооборота.

Содержание большинства статей продолжает отличаться теми же недочетами, которые мы уже отмечали в рецензии о „Советской Торговле" за 1927 г.[1] Вопреки указанию редакции на достижение еще в 1927 г. „органической слитности освещения вопросов внутреннего и внешнего товарооборота в целом" (№ 1 за 1928 г.), в действительности статьи, помещенные и в 1928 и в 1929 гг. отличаются, как правило, резко выраженным односторонним характером. Они попрежнему останавливаются или на внутреннем, или на внешнем товарообороте. Не говоря уже об „органической слитности", до сих пор редакции не удалось добиться хотя бы более или менее механического соединения трактовки вопросов под углом зрения внутреннего и внешнего рынков.

Равным образом, большинство статей продолжает характеризоваться и другим общим недочетом, который мы подчеркивали в прошлом году. Это — решительное преобладание общесоюзного масштаба в ущерб освещению приводимых материалов в районном разрезе. К немногим благодарным исключениям в этой области следует отнести интересную статью П. Лещинского „Районы РСФСР в экспортной работе" (№ 9 за 1929 г.).

И наконец, касаясь общих недочетов, свойственных отделу статей в целом, мы должны вновь подчеркнуть сугубозлободневный уклон помещаемых в этом отделе материалов. Если в 1927 г. „Советская Торговля" хоть изредка опубликовывала статьи, посвященные пятилетним перспективам товарооборота, то в 1928 и 1929 гг. вопрос о пятилетнем плане совершенно исчез со страниц журнала (если не считать передовую в № 26 за 1929 г., посвященную лишь постановке вопросов пятилетки товарооборота, выносимых на общественный смотр в Наркомторге). Причиной тому служит, вероятно, уделение места для подобных вопросов перспективного характера в ежемесячнике „Вопросы Торговли". Однако, учитывая: 1) огромное значение связанных с пятилетним планом проблем, все теснее сплетающихся с вопросами текущего планирования и 2) невозможность освещения в „Вопросах Торговли" целого ряда специальных вопросов пятилетнего плана товарооборота, редакция „Советской Торговли" должна в ближайшее же время отказаться от своего „обета молчания" в указанной области и вплотную заняться, на ряду с текущими торгово-политическими делами, и анализом более отдаленных перспектив.

В области внутреннего товарооборота, в свою очередь, обращает на себя внимание преимущественно раз'единенное освещение вопросов, связанных с рынками либо сел.-хоз., либо промышленных товаров. Этот раз'единенный анализ приводит к особенно неблагоприятным последствиям в сфере вопросов продовольственного снабжения населения, которое не находит на страницах журнала достаточного освещения. Лишь в редких случаях журнал стирает грани между пищевыми товарами сел.-хоз. и промышленного происхождения (как, например: передовая—„Снабжение рынка жирами"—в № 47 за 1928 г. и статья Л. Залкинда „Перспективы и мероприятия в области продовольствия в 1929/30 г." в № 34 за 1929 г.).

Что касается статей, посвященных отдельным товарам, то за рецензируемый период следует отметить значительное расширение круга сел.-хоз. товаров, подвергаемых специальному анализу. Все же в области сел.-хоз. товаров главное внимание журнал попрежнему уделяет хлебу, останавливаясь при этом преимущественно на вопросах, связанных с заготовительным рынком. Вопросы же, соприкасающиеся со снабжением населения хлебом (а также и рядом других продуктов питания), играющие столь крупную роль, в связи с испытываемыми в течение последнего года трудностями, освещаются в чрезвычайно недостаточной мере. То обстоятельство, что „Советская Торговля" почти не откликается на такие злободневные и важные вопросы, как, например, вопрос о заборных книжках, в разрез с основной установкой редакции на злободневность материала (передовая в № 1 за 1928 г.), является существенным упущением, которое должно быть учтено в последующей работе журнала.

В отношении статей об отдельных промышленных товарах заслуживает упоминания крайне неравномерное освещение различных промтоварных рынков. Из 15—16 статей, помещенных на эти темы в 1928 г., 5 статей приходится на долю сел.-хоз. машин, а о таких товарах, как минеральные удобрения, большинство пищевкусовых продуктов (в указателе за первое полугодие 1928 г. статья о чайном рынке в № 3 ошибочно включена в раздел „сел.-хоз. рынки") и др., мы не находим за весь год никаких статей. Это свидетельствует о том, что редакция, повидимому, еще находится в значительной мере во власти „самотека" материалов. Путь продвижения статей от автора до страниц журнала должен стать об'ектом более действенного регулирования редакции.

[1] См. „Плановое Хозяйство" № 3 за 1928 г.

Некоторая неравномерность в освещении отдельных проблем дает себя чувствовать и в статьях, посвящаемых внешней торговле. Эта „диспропорция" обнаруживается, прежде всего, между анализом экспорта, которому отводится очень много места (особенно по линии так называемого второстепенного экспорта) и импорта, о котором за весь 1928 г. было помещено лишь 5 статей (в том числе за второе полугодие только 1 статья — о рационализации импорта — в № 51). Отмеченная особенность должна быть рассмотрена и под углом зрения роли отдельных союзных республик во внешней торговле СССР. Тогда как журнал уделяет значительное внимание освещению внешнеторговых операций Украины и Закавказья (частично и Белоруссии), вопрос об участии РСФСР и Средне-Азиатских республик во внешней торговле Союза остается совершенно незатронутым на страницах журнала. И, наконец, статьи на темы о международной торговле, общее число которых за 1928 г., примерно, вдвое меньше, чем в предыдущем году, оставляют в стороне целый ряд крупных вопросов из области мирового рынка (хлопок, шерсть, кожи, лес и др.). Это неполное освещение в отделе статей вопросов, связанных с анализом мирового рынка, служит признаком недостаточного выполнения одного из пожеланий самой редакции журнала — о привлечении заграничных сотрудников.

Отдел обзоров, во исполнение вышеотмеченных пожеланий редакции, был на первых порах несколько расширен, путем введения систематической публикации материалов о государственной торговле и о кооперативном обороте. Однако, это новшество не удержалось до конца минувшего года и обзоры „очередных вопросов государственной торговли" после № 30, а обзоры „очередных проблем кооперативного оборота" после № 43 — прекратили свое существование.

Тем самым, в отношении систематически публикуемых обзорных материалов, журнал восстановил свой прежний облик. В этом отделе, следовательно, попрежнему давал себя знать крайний недостаток обзоров товарооборота отдельных республик и областей. Не взирая на указанную задачу пополнения печатаемых материалов в районном разрезе, журнал в течение рецензируемого периода недостаточно подвинулся вперед в этом направлении. Число обзоров торговой жизни отдельных районов несколько увеличилось, но среди них чувствуется все еще определенное „засилие" крупнейших центров (Украина, Ленинград и т. п.), тогда как другие районы остаются не освещенными.

Некоторым восполнением упомянутого пробела является публикация довольно большого количества местных корреспонденций в хронике, в специальном отделе „На местах", при чем число этих корреспонденций обнаруживает отрадную тенденцию к неуклонному росту. Все же и здесь наблюдается преобладание крупных центров (Москва, Ленинград, Харьков, Ростов н/Д, Саратов), при крайней недостаточности материалов из Белоруссии, Закавказья, Средней Азии, вновь организованных областей др.

В дальнейшем, поэтому представляется необходимым установление постоянных корреспондентских связей со всеми республиками и областями, с тем, чтобы, от времени до времени, каждая из них получала освещение в отделе „На местах". На ряду с этим, следует пожелать, чтобы редакция включала в число периодически публикуемых материалов специальные обзоры товарооборота в районном разрезе, призванные отражать особенности отдельных местных рынков, отличающие их от изображаемой общесоюзной картины, а также и межрайонные торговые связи.

Обзоры, посвящаемые зарубежным странам, характеризуются прежнею полнотой охвата большинства государств, представляющих тот или иной интерес с точки зрения СССР. В этой области обращает на себя внимание лишь отсутствие данных о некоторых странах Ближнего Востока (Афганистан, Персия), безусловно заслуживающих освещения на страницах „Советской Торговли".

Отдел „Товарные рынки и цены" ведется без каких-либо существенных изменений, сохраняя свой установившийся круг товаров. При значительной широте этого круга, которую мы отмечали уже в прошлом году, все же нельзя признать перечень обозреваемых товаров исчерпывающим все запросы, предъявляемые к этому отделу журнала. В своей дальнейшей работе журнал должен учесть неуклонно повышающийся интерес планирующих и регулирующих органов к проблеме продовольственного снабжения страны, с одной стороны, и к рынку предметов домашнего обихода и культурно-просветительного характера, с другой стороны. В связи с этим, указанный отдел должен включить в свой состав переодические обзоры, посвящаемые: 1) мясному и овощному рынкам (за весь истекший период 1929 г. было помещено лишь 2 обзора мясного рынка в №№ 3 и 8 и один обзор овощного рынка в № 37) и 2) таким предметам, как мебель, швейные машины, книги, радио, граммофоны и т. п.

Совершенно не выполнена задача журнала, направленная на усиление связи с торгпредствами. Несмотря на вышеизложенное пожелание самой редакции и на задачи журнала, за весь 1928 г. и за 9 месяцев 1929 г. было помещено лишь по 3 заметки о работе торгпредства и

других советских организаций в Германии. Подобное положение представляется чрезвычайно ненормальным и должно подвергнуться изменению в ближайшее же время. Эта задача имеет огромное значение вследствие того, что большинства прежних самостоятельных изданий отдельных торгпредств ныне не существует.

Отдел „Рационализация торговли", переименованный со второго полугодия 1928 г. в „Вопросы торговой практики", изобилует попрежнему большим количеством интересных материалов о повседневной работе советского товаропроводящего аппарата и его важнейших изменениях и усовершенствованиях. Что же касается соответствующего заграничного опыта, то он получал оценку почти исключительно на примере Германии и то лишь в начале 1928 г. В виду большой важности учета всех рационализаторских мероприятий, проводимых в торговле зарубежных стран (в частности и в особенности С.-А.С.Ш.), следует настаивать на том, чтобы журнал возобновил и расширил публикацию заметок об иностранной торговой практике.

Аналогичное замечание может быть сделано и в отношении хроники „Советской Торговли". В то время, как внутренняя торговая хроника широко отражает все, что происходит в области товарооборота СССР (результаты деятельности правительственных и регулирующих органов, работа госторговли и кооперации, рационализация торговли, ее финансирование и кредитование, капитальное строительство, акционерные общества, биржи, ярмарки и т. п.), в хронике мирового хозяйства мы не находим ответа на многие вопросы, представляющие значительный интерес (как например, о производстве и потреблении целого ряда товаров).

С той же точки зрения мы должны высказаться и по поводу данных, помещаемых в отделе „Статистика". Статистические материалы, освещающие внутренний товарооборот, за истекший период пополнились некоторыми новыми публикациями (торговый оборот по республикам и по товаропроводящим системам, сел.-хоз. заготовки по районам и др.). Наоборот, публикуемые данные из области международной статистики еще более сократились и ограничиваются самым ничтожным количеством более или менее случайных публикаций.

Библиографический отдел „Советской Торговли" характеризуется в рецензируемый период большей полнотою по сравнению с предыдущим годом. Однако, помещенные в журнале рецензии отличаются, поневоле, очень небольшими размерами и недостаточной глубиной анализа. Учитывая при этом возможность публикации более обширных и основательных отзывов в „Вопросах Торговли", редакция „Советской Торговли" поступила бы наиболее правильно, если бы впредь отказалась от опубликования на своих страницах каких бы то ни было рецензий и вместо этого помещала бы более частые и более полные указатели литературы по товарообороту (в 1928 г. такие указатели были напечатаны лишь в №№ 9 и 24, а в 1929 г. только в № 4 и 18—19).

Перечень всех перечисленных отделов журнала был пополнен начиная с июля 1929 г. новым постоянным отделом „Социалистическое Соревнование", в котором помещаются заметки о ходе соревнования в различных звеньях товаропроводящего аппарата.

За рецензируемый период редакция выпустила ряд специальных номеров, целиком или в большей части посвященных описанию тех или иных итогов товарооборота в районном и отраслевом разрезах. Сюда относятся: итоги 1927/28 г., результаты с'езда торготделов РСФСР, товарооборот ЗСФСР, УССР и Сибири, итоги Советско-Германской экономической конференции, итоги рационализации товаропроводящего аппарата и контрольные цифры по внешней и внутренней торговле на 1929/30 г.

Все вышеизложенные замечания позволяют сделать вывод о том, что журналу „Советская Торговля" на протяжении рецензируемого периода еще не удалось избавиться от ряда более или менее существенных недочетов. Тем не менее, журнал продолжает расти и совершенствоваться и становится из года в год все более полезным и необходимым источником многочисленных и многообразных сведений о товарообороте СССР и иностранных государств.

Сав. Гессен.

„Мировое хозяйство на рубеже 1929 г." Под ред. Л. Я. Эвентова, Г. А. Фельдмана и Л. А. Мендельсона. Изд. „Плановое Хозяйство". Москва. 1929. 280 стр.

Вышедший в свет ежегодник „Мировое хозяйство на рубеже 1929 г." представляет собой новое явление не только в нашей периодической литературе, но и отчасти в мировой. Ежегодники по мировому хозяйству появлялись у нас неоднократно и ранее: напомним, например, о соответствующих изданиях ЦСУ, Центросоюза (под ред. С. А. Фалькнера), Кон'юнктурного Института НКФ. Но все они носили, как это обычно наблюдается и заграницей, исключительно статистический характер, представляя собой сборники, весьма ценного, но чисто табличного материала, расположенного по той или иной программе. Осмыслить эти груды статистических данных под силу было лишь лицам, близко соприкасающимся с соответственными проблемами мирового хозяйства. Неискушенный же читатель носился по этому морю цифр „без руля" методологических указаний и „без ветрил" экономической интерпретации и, естественно, часто тонул в нем.

Иной характер носит рецензируемый нами ежегодник, впервые выпущенный Секцией Мирового Хозяйства Госплана. Он выгодно отличается от своих предшественников тем, что в нем центральное место занимает экономический анализ важнейших фактов и процессов мирового хозяйства за 1928 г., построенный на широком фоне интересно и детально освещенных структурных сдвигов, имевших место запослевоенный период, табличному же материалу и диаграммам отведена второстепенная роль.

Таким образом, этот ежегодник удовлетворяет интересам более широкого круга читателей, чем сборники старого типа, являясь в то же время по своему богатому содержанию и широкому охвату весьма ценным пособием для лиц, специально посвятивших себя изучению мировой экономики.

Рецензируемый ежегодник делится по своему содержанию на три основных раздела: 1) положение отдельных стран, 2) важнейшие отрасли мирового хозяйства (в оглавлении, очевидно, по недосмотру, напечатано „народного хозяйства") и 3) основные отрасли мировой промышленности. Указанным разделам предпослана содержательная статья Б. Эвентова, в сжатом виде набрасывающего общую картину основных процессов мирового хозяйства за 1928 г.

Тов. Эвентов подчеркивает обострение внешних и внутренних противоречий капиталистического мира в итоге первого послевоенного десятилетия, столь богатого достижениями в деле реконструкции мирового хозяйства. Это обострение особенно сказалось в стремлении европейских стран к освобождению от американской гегемонии, чему в значительной мере содействовало финансовое укрепление Европы, где „создались предпосылки для политики, независимой от американского капитала", и, главным образом,—в борьбе англо-американских интересов, являющейся существенной чертой 1928 г. Поэтому автор прав, когда полемизирует с Зомбартом, который в общем, хотя и верно наметил основные тенденции развития капитализма в своем столь нашумевшем докладе на цюрихском конгрессе Союза социальной политики, но неправильно нарисовал перспективы дальнейшего капиталистического развития. Признавая правильными указания Зомбарта и ряда других буржуазных экономистов на углубление за послевоенный период процесса трестификации, на усиление моментов государственного вмешательства в хозяйственную жизнь, на дальнейшее развитие регулирующего воздействия организационного фактора в частном хозяйстве — тов. Эвентов справедливо подчеркивает явную переоценку этими экономистами роли регулирующих факторов в хозяйственной жизни и недооценку ими стихийных сил капитализма. Свою критику взглядов Зомбарта и др. тов. Эвентов обосновывает рядом убедительных аргументов, среди которых небезынтересно отметить: 1) данные, доказывающие ограниченную роль Федеральной Резервной Системы в С-А.С.Ш — которой раньше в Америке приписывали значение чуть ли не важнейшего фактора, способного ослабить рыночные колебания хозяйства С-А.С.Ш — в деле регулирования учетной ставки и в отношении влияния на успокоение биржевой лихорадки; 2) указание на преобладание стихийных факторов над рациональной деятельностью монополистических об'единений в условиях ценообразования, что обусловлено внутренней и внешней конкуренцией, ограниченной емкостью рынка (рост безработицы), зависимостью в издержках производства данного об'единения от ряда других хозяйственных организаций и др., 3) доказательство несколько преувеличенной оценки процесса индустриализации аграрных стран за послевоенные годы и т. д.

Рассматривая на фоне основных структурных диспропорций и сдвигов кон'юнктуру мирового хозяйства за 1928 г.—этот метод красной нитью проходит по всем разделам „Ежегодника", — автор вводной статьи приходит к следующим основным итогам.

В разрезе отраслевом (рассмотренном, кстати сказать, слишком уж кратко) автор останавливается на депрессивном состоянии ряда главных производств — угольного, отчасти чугуноделательного, судостроения, текстиля, а также железнодорожного транспорта и внешней торговле (падение темпа роста). При этом черты депрессии особенно сказались в Европе. Одновременно общие кон'юнктурные условия отразились на высоком уровне европейской безработицы.

В территориальном разрезе 1928 год отмечен неравномерным развитием кон'юнктуры. Большинство стран обнаружило кон'юнктурное оживление, особенно сильно выраженное во Франции, а также в Центральной Европе (Чехо-Словакия, Австрия, Польша) и С-А.С.Ш; умереннее сказался хозяйственный под'ем в Италии и еще слабее в восточных странах — Японии и Китае, при чем в последнем все еще продолжает царить разруха. Депрессией были охвачены две важнейшие страны капиталистической Европы — Англия и Германия.

Детальный анализ хозяйственного положения отдельных стран дан в ряде об-

зоров (10 обзоров по 15 странам) в первом разделе „Ежегодника", построенном по типу публикуемых Секцией Мирового Хозяйства бюллетеней серии Б с тем лишь вполне уместным отличием, что здесь сделано большее ударение на характеристику структурных сдвигов в наблюдаемых народнохозяйственных организмах.

Главный интерес „Ежегодника" концентрируется на этом, наиболее тщательно разработанном разделе.

Из указанных обзоров выделяются интересные, широкими мазками написанные статьи: Л. Мендельсона — по Англии, А. Зака — по Соединенным Штатам и Г. Фельдмана — по Германии.

Тов. Мендельсон правильно рассматривает депрессии английского народного хозяйства, как функцию и форму проявления более глубоких структурных противоречий мировой экономики в целом. Можно также вполне согласиться с автором, что роль преуспевающих в настоящее время „новых" отраслей производства (автомобильная промышленность, производство искусственного шелка, электротехническая и отчасти химическая промышленность) еще так невелика (12—15%), что не ими определяются ближайшие судьбы английской промышленности. Основные пути, по которым английская буржуазия пытается удержать свои позиции в мировом хозяйстве — это стремление к ликвидации организационной и технической отсталости и повышение нормы эксплоатации за счет снижения жизненного уровня рабочих масс.

По Соединенным Штатам А. Заком интересно очерчен так называемый процесс прогрессирующей „европеизации" американского народного хозяйства, как элегантно выражаются некоторые экономисты по поводу новых отрицательных тенденций, наблюдаемых в народном хозяйстве Заатлантической республики. Существо этого процесса заключается, с одной стороны, в замедлении роста американской экономики, в связи со вступлением ее в фазу интенсивного развития, пришедшую на смену длительной эры экстенсивной хозяйственной эволюции, а, с другой—во все возрастающем стремлении к завоеванию внешних рынков, вследствие ограниченной емкости внутреннего рынка (и в сильном росте протекционизма). Второй момент весьма детально обоснован у автора, остается пожалеть, что это не сделано с той же тщательностью относительно первого тезиса хотя бы на основании очень показательных данных о ходе капиталонакопления. Пробелом в этом обзоре также является игнорирование вопроса о характере послевоенных торгово-промышленных циклов в С-А.С.Ш, — вопроса еще так мало освещенного в нашей экономической литературе.

Г. Фельдман в обзоре по Германии останавливается на весьма существенном вопросе об особенностях депрессии 1928 г. и значительной роли в ней кон'юнктуры производства средств потребления, а также на замедленной ликвидации явлений, которые были свойственны уже изжитой фазе кон'юнктурного под'ема.

Из других обзоров следует отметить весьма содержательные статьи: Д. Опарина о Франции, — хотя в этом обзоре наблюдается явная „инфляция" денежно-капитального анализа; и В. Карра об Италии, которым интересно освещен на основании данных промышленных цензов процесс индустриализации Италии, а также— по материалам об эмиграции — больная для этой страны проблема аграрного перенаселения; К. Попова о Японии—единственный обзор, в котором затронута столь существенная для нас проблема о связи с СССР.

В остальных обзорах можно найти ряд интересных данных у С. Фейгиной по Бельгии, А. Снежинской — особенно по Польше, А. Зака — по Канаде и М. Когана — о столь мало освещенной у нас экономике Южной Америки (Аргентина, Бразилия, Чили).

Во всех приведенных обзорах, помимо анализа основных динамических и кон'юнктурных процессов, даны также осторожно формулированные и в основном вполне обоснованные прогнозы, которые вряд ли могут вызывать существенные возражения.

Следующий раздел — по отраслям хозяйства — состоит из 9 обзоров. Особое внимание здесь уделено промышленности, которой посвящены три статьи: Л. Мендельсона — „Общая характеристика положения мировой промышленности" — ярко написанный очерк, дающий сжатый анализ неравномерности развития капитализма за послевоенный период и освещающий вопрос о росте мощности производственного аппарата, недогрузке его и вытекающих отсюда социально-экономических последствиях; Г. Фельдмана — содержательная статья о процессах электрификации в важнейших странах, главным образом, в САСШ, где „заканчивается грандиозная эпоха электрификации промышленности", Германии, Англии, Франции и Японии; С. Фейгиной — „Международное картеллирование" — кон'юнктурный обзор за 1928 г.

Из других обзоров обращают на себя внимание детальный очерк Д. Опарина о ценах, где однако, почти не освещена такая центральная проблема, как причины общего снижательного движения мировых цен за послевоенные годы, и небольшая статья А. Зака о железнодорожном транспорте.

Особое внимание уделенное „Ежегодником" вопросам промышленности, сказалось еще в том, что ей посвящен еще

целый самостоятельный раздел — третий, где отдельно рассмотрены 12 отраслей мировой промышленности.

Особенно интересно и тщательно разработаны здесь три обзора В. Карра: об угольной промышленности, железоделательной промышленности и отчасти о цветных металлах. В этих обзорах обращает на себя внимание новый технико-экономический уклон анализа процессов в промышленности Запада, что представляет интерес для наших планирующих органов. Некоторые новые характерные моменты подчеркнуты также в краткой статье К. Попова о нефти (тенденция к созданию собственной нефтеперегонной промышленности).

Л. И. Фрейман.

„Recent Economic Ghanges in the United States". — Report of the Committee on Recent Economic Changes of the President's Conference on Unemployment — Herbert Hoover, Chairman. Vol. I and II. p. p. XXXVI + 950. New-York, 1929.

„Последние изменения в экономике Соединенных Штатов". — Отчет комиссии при президентской конференции по безработице, под председательством Герберта Гувера. Т. т. I и II. Стр. XXXVI + 950. Нью-Йорк, 1929 г.

Отчет комиссии по изучению последних изменений в экономике Соединенных Штатов представляет уже третью публикацию президентской конференции по безработице, учрежденной в 1921 г. Два других аналогичных сводных исследования были изданы: „Кон'юнктурные циклы и безработица" — в 1923 г. и „Сезонные колебания в строительной промышленности" — в 1924 г. В отличие от предшествующих двух трудов, посвященных специальным темам, настоящий обзор носит более всеоб'емлющий и разносторонний характер.

Как и в предшествующих случаях, вся исследовательская работа для комиссии была выполнена отдельными компетентными учеными - специалистами под общим руководством Национального Бюро экономических исследований. Собственный отчет комиссии, предпосланный основному содержанию книги в качестве обобщающей оценки, обнимает всего 14 страниц текста. В состав комиссии, в которой председательствовал Г. Гувер, входили между прочим Оуэн Д. Йонг, председатель американской федерации труда Уильям Грин, Дж. Клейн из департамента торговли и ряд крупнейших промышленников и банкиров.

Коллективное исследование под руководством Национального Бюро обнимает 14 монографий, написанных различными авторами. Две из них — вступительная часть и заключительный обзор — носят обобщенный и резюмирующий характер. Остальные 12 исследований расположены в виде последовательных глав, посвященных каждая отдельным основным отраслям народного хозяйства и важнейшим проблемам.

Задача монографического анализа последних изменений и современного положения отдельных сфер и отраслей народного хозяйства Соединенных Штатов формулирована Национальным Бюро как „fact report", „fact-finding study" — возможно более тщательная, точная и исчерпывающая систематизация фактического материала и притом такого, который поддается количественному, статистическому измерению. Такова общая установка деятельности Бюро, которое в своих публикациях стремится, прежде всего, обобщить строго научно проверенные факты, предоставляя делать теоретические и практико-политические выводы всем интересующимся и желающим. Настоящая коллективная работа Бюро выдержана в строго-эмпирическом характере.

Замечательно однако, что не только отдельные монографические исследования, но и сводные обобщающие обзоры и даже сама принципиальная оценка Гуверовской комиссии отмечены тою же печатью крайнего эмпиризма. Констатирование фактов, чистое описание — таков лозунг современной американской экономической мысли. Читатель не найдет здесь ни определенной теоретической руководящей идеи, ни ясной исторической перспективы — никакого единого принципа понимания или об'яснения. Разумеется, у отдельных авторов неизбежно проявляются определенные взгляды на описываемые и обобщаемые факты действительности, определенные тенденции об'яснения, но эти точки зрения тщательно и нарочито вуалируются и затушевываются.

Единственная общая точка зрения или, вернее, общее настроение, проникающее все отдельные части коллективного труда, это — настроение преклонения и восхищения пред лицом грандиозных рекордных чисел. Гипноз фактов — таков общий стиль книги.

Небоскребы, растущие десятками и сотнями в больших городах; железные дороги и речные пути, перевозящие ежегодно свыше 1,5 мрд. тонн грузов; 25 млн. автомобилей, несущихся по сотням тысяч миль шоссейных дорог; 20 тыс. миль регулярных воздушных путей; 17 млн. электрифицированных домов, 8 млн. домашних телефонов, 7,5 млн. радиоустановок; около 4 млн. детей и подростков, ежегодно посылаемых в среднюю школу, и

свыше 1 млн. студентов высших учебных заведений, картина грандиозная.

Правда, отмечаются и теневые стороны. Экономическое благосостояние далеко не равномерно распределяется по отдельным отраслям народного хозяйства и отдельным географическим районам страны. Сельское хозяйство и такие важные отрасли промышленности, как угольная и хлопчатобумажная, находятся в состоянии длительной депрессии на протяжении всех последних лет. Если южные и тихоокеанские штаты переживают эпоху интенсивной индустриализации, и сильный расцвет промышленности происходит также в северо-западном центральном районе, то средне-атлантические штаты дают значительно более замедленный рост, а штаты Новой Англии и земледельческого Запада и центрально-западного района представляют картину застоя, отражающую тяжелое положение текстильной промышленности, с одной стороны, и сельского хозяйства,— с другой.

Фермеры массами покидают свои земли и направляются в города. С другой стороны, необычайно интенсивный рост производительности труда в добывающей и обрабатывающей промышленностях и в транспорте, связанный с ростом энергетической и механической базы народного хозяйства, в 3,75 раза более быстрым, чем замедлившийся темп прироста населения, — далеко обгоняет рост абсолютного об'ема промышленной и транспортной продукции. Результатом является прогрессирующее вытеснение рабочей силы из производства — „технологическая“ или „конституциональная“ безработица (в отличие от кон'юнктурной безработицы), которая растет с каждым годом, независимо от циклической смены кон'юнктурных под'емов и депрессий.

Эта резкая диспропорция между темпом роста абсолютного об'ема продукции и роста производительности труда (выработки на одного рабочего) — замедление темпа продукции и резкое ускорение темпа производительности — представляет тенденцию совершенно новую в американском народном хозяйстве — характерную для периода после кризиса 1921 г. Здесь — ключ к об'яснению основного структурного сдвига в хозяйственном развитии Соединенных Штатов, явная печать новой стадии „европеизации“ американского народного хозяйства. Но авторы коллективного исследования и Гуверовская комиссия в своем обобщающем отчете отказываются видеть здесь коренной структурный сдвиг. „Ускорение, а не структурный сдвиг — вот ключ для уразумения последней стадии нашего экономического развития“.— „Изменения произошли не в структуре, а в темпе и в масштабе распространения“ (стр. IX). Факты констатируются, но непосредственная пестрота их не включается ни в какую стройную систему об'яснения. И на фоне такого калейдоскопического обозрения совершенно не убедительным и плохо мотивированным представляется предвзятый оптимизм комиссии, заявляющей о беспредельности человеческих потребностей, об отдаленности пределов насыщения спроса и неограниченности перспектив дальнейшего хозяйственного роста при единственном условии организованного и сознательного поддержания хозяйственного равновесия. Понятно, что комиссия совершенно „отвлекается“, при этом от классовых противоречий и классовой борьбы. Однако, весь вопрос в том, возможно ли вообще принципиально существование такого незыблемого равновесия в капиталистическом хозяйственном строе и существует ли это равновесие и в настоящее время в Соединенных Штатах? — Такого рода вопросами комиссия, по понятным причинам, даже не задается.

Если теперь обратиться к характеру и содержанию отдельных монографических исследований, то следует признать, что в узких пределах поставленной задачи почти все они достигают исчерпывающей полноты охвата и исключительной тщательности статистической систематизации и анализа эмпирического материала. Здесь не только использован весь имеющийся материал переписей, специальных исследований и богатой текущей статистики, но в ряде случаев были произведены специальные анкетные обследования для собирания первичного материала. Схемы этих анкет даны в виде приложения в конце второго тома. Авторы монографий широко пользовались сотрудничеством и помощью многочисленных правительственных, общественных и частных учреждений и организаций, а также отдельных специалистов-экспертов; одно перечисление учреждений и лиц, которым комиссия приносит благодарность за сотрудничество, обнимает пять страниц мелким шрифтом.

Из двух обобщающих очерков вводная статья в начале первого тома, принадлежащая перу проф. Эдвина ф. Гэя, построена на анализе материала современной иностранной (не американской) экономической литературы о Соединенных Штатах. Эта попытка взглянуть на современную хозяйственную действительность Соединенных Штатов со стороны, чужими глазами, по идее безусловно не лишена интереса, но по выполнению носит несколько поверхностный характер журнального реферата. В известной мере это об'ясняется низким качеством реферируемой популярной литературы об Америке, принадлежащей, большей частью, перу послевоенных европейских паломников в Мекку капиталистического хозяйственного прогресса.

Совершенно иной характер носит заключительный резюмирующий „Обзор“ проф. Уэслея С. Митчеля, помещенный в конце второго тома. Он подводит итог всем специальным монографическим исследованиям в превосходной характеристике последовательной смены кон'юнктурных колебаний в послевоенные годы в Соединенных Штатах на фоне одновременной эволюции мировой кон'юнктуры. Весьма знаменательным является опасение, высказываемое Митчелем в конце его „Обзора“ (стр. 910), что хотя серьезный хозяйственный кризис, возможно, не произойдет еще в течение ряда лет, однако, все же, чем дальше отходит в прошлое кризис 1921 г., тем больше забываются его тяжкие уроки и исчезает осторожность и предусмотрительность деловых кругов, характерная для последних лет.

Центральное место среди специальных работ, вошедших в состав I тома, занимает глава о промышленности, состоящая из трех статей, написанных разными авторами. Статья Д. С. Кимбалла — „Изменения в новых и старых промышленных отраслях“ дает тщательный цифровой анализ упадка одних и роста других отраслей промышленности. Среди новых быстро развивающихся отраслей на первом месте стоят: автомобильная промышленность, производство искусственного шелка, радиоаппаратуры, и химическая промышленность. Чрезвычайно содержательна статья Л. П. Ольфорда — „Технические сдвиги в обрабатывающей промышленности“, дающая исчерпывающий анализ динамики 13 основных факторов производства как для всей промышленности, так и по отдельным отраслям. Рост производительности труда, далеко обгоняющий рост физического об'ема продукции на почве непрерывного повышения вооруженности рабочего основным капиталом, абсолютное сокращение занятой рабочей силы в обрабатывающей промышленности, прогрессирующее снижение себестоимости единицы продукции как результат описанных выше процессов и всеобщей рационализации и интенсификации производства — таковы важнейшие из выводов, полученных им на почве точного статистического анализа эмпирического материала. Наконец, У. Л. Тсор в статье — „Меняющаяся структура промышленности“ анализирует процессы технической и финансовой концентрации и географического районирования промышленности за последние годы. Рост масштаба промышленного заведения, измеряемый увеличением средней мощности первичных двигателей, успехи концернирования и фузионирования промышленных предприятий, с одной стороны, быстрый и индустриальный рост Юга при одновременном упадке Новой Англии и средне-атлантического района, с другой стороны,— таковы основные констатируемые им тенденции. Среди других статей I тома выделяются по необычайному богатству и красочности конкретного материала работы: Лео Уольмана — „Потребление и уровень жизни“ и Джона М. Гриса — „Строительство“. Последняя статья представляет особый интерес для советского читателя, так как опыт послевоенного строительства в Америке содержит много поучительного, что может быть непосредственно учтено и использовано в осуществляемом ныне грандиозном хозяйственном строительстве СССР.

Из статей II тома большой интерес представляет „Труд“ Лео Уольмана, в значительной мере восполняющий содержание главы о промышленности. Глава „Сельское хозяйство“, написанная Э. Дж. Норсом, дает углубленный анализ причин современной сельскохозяйственной депрессии в Соединенных Штатах. Прогрессирующая механизация американского сельского хозяйства (за десятилетие с окончания мировой войны численность лошадей и мулов упала с 26,4 млн. до 19,5 млн. голов, а численность тракторов возросла с 80 до 853 тыс. штук), и обусловленная ею тенденция перехода от мелкого к крупному хозяйству представляются автору единственным возможным путем выхода из структурной депрессии. Недостаток места позволяет нам только упомянуть об интереснейших работах: „Деньги и кредит и их влияние на хозяйственную кон'юнктуру“ проф. Спрэйга и У. Р. Бэрджеса, „Внешние рынки и экспорт капиталов“ Дж. Х. Роджерса и „Национальный доход и его распределение“ Мориса А. Коплэнда. Последнее исследование во многом дополняет и уточняет известные работы о национальном доходе Уильфорда Кинга и его учеников.

Рецензируемая книга надолго явится источником для всестороннего изучения современной американской экономики. Следует поэтому приветствовать быстроту, с которой Госиздат предпринял русский перевод этого фундаментального труда, который должен выйти в свет в ближайшее время.

А. И. Зак.

ДИНАМИКА НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР

Бюллетень № 41

под ред. С. Г. Струмилина

СОДЕРЖАНИЕ

1. Сводная таблица контрольных цифр народного хозяйства СССР на 1929/30 г. . . . . 272—277
2. Контрольные цифры на 1929/30 г. и пятилетний план . . . . . 278—279
3. Контрольные цифры на 1929/30 г. и пятилетний план . . . . . 280—282
4. Капитальные вложения в государственную планируемую ВСНХ промышленность на 1929/30 г. 283
5. Процессы обобществления в контрольных цифрах 1929/30 г. . . . . 284—285
6. Капитальные вложения в основные фонды народного хозяйства . . . . 286—288
7. Трактороснабжение по республикам и районам 289
8. Капитальные вложения в новое строительство государственной планируемой ВСНХ промышленности на 1929/30 г. . . . . 290—293
9. Выполнение пятилетнего плана капитальных вложений в государственную планируемую ВСНХ промышленность за 2 года — 1928/29 и 1929/30 294—295
10. Удельный вес обобществленного сектора сельского хозяйства по посевным площадям за 1928—30 г. . . . . 296—297
11. Новое жел.-дор. строительство на 1929/30 г. 298

Сводная таблица контрольных цифр народного хозяйства СССР на 1929/30 г.

Таблица 1

Показатели	Абсолютные величины: По средне-годовым ценам 1926/27 г. или в натуральном выражении					Абсолютные величины: По ценам соответствующего года					В %% к предыдущему году: По средне-годовым ценам 1926/27 г. или в натуральном выражении				В %% к предыдущему году: По ценам соответствующего года			
	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	192 /30 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
I. Население на 1/IV каждого года (млн. душ)																		
1. Общая численность населения:																		
а) в городских местностях	25,3	26,7	27,9	29,3	30,7	—	—	—	—	—	105,5	104,5	105,0	104,8	—	—	—	—
б) в сельских „	119,2	121,2	123,4	125,5	127,8	—	—	—	—	—	101,7	101,8	101,7	101,8	—	—	—	—
Всего	144,5	147,9	151,3	154,8	158,5	—	—	—	—	—	102,4	102,3	102,3	102,4	—	—	—	—
2. Численность лиц в рабочем возрасте (16—59 лет)	77,4	79,7	82,2	84,4	86,9	—	—	—	—	—	103,0	103,1	102,7	103,0	—	—	—	—
в т. ч. в город. местностях	—	16,7	17,7	18,7	19,7	—	—	—	—	—	—	106,0	105,6	105,3	—	—	—	—
„ „ „ в сельск. „	—	63,0	64,5	65,7	67,2	—	—	—	—	—	—	102,4	101,9	102,3	—	—	—	—
3. Численность лиц наемного труда (сред. годовая в тыс., вкл. с.-х. раб. и лесн.)	10.218	10.990	11.456	12.150	13.264	—	—	—	—	—	107,6	104 2	106,1	109,2	—	—	—	—
а) в промышленности[1]	3.105	3.261	3.441	3.678	3.922	—	—	—	—	—	105 0	105,5	106 9	106 6	—	—	—	—
б) в транспорте[1]	1.191	1.257	1.255	1.270	1.308	—	—	—	—	—	105 5	99,8	101,2	103.0	—	—	—	—
в) в строительстве	427	547	684	818	1.161	—	—	—	—	—	128,2	125,0	119 6	141.9	—	—	—	—
г) в соц. культ. учреждениях	926	1.080	1.183	1.255	1.359	—	—	—	—	—	116,6	109,5	106,1	108,3	—	—	—	—
II. Капитальные вложения в основ. фонды (млн. руб.) (без мероприятий общего пользов. по сел.-хоз.)[2]	5.632	6.500	7.445	8.684	14.490	5.324	6.508	7.357	8.074	12.412	115,4	114,5	116,6	166.0	122,2	113,0	109,7	153,7
III. Основные фонды (в млн. руб.) (к концу года)	62.433	65.627	69.615	74.670	85.318	—	—	—	—	—	105,1	106,1	107,3	114,3	—	—	—	—
IV. Оборотные фонды (в млн. руб.) (к концу года)	—	—	—	—	—	13.336	14.032	16.436	16.764	18.721	—	—	—	—	105,2	117,1	102,0	111,7
то же без сел. хоз-ва	—	—	—	—	—	6.700	7.350	7.884	8.855	10.016	—	—	—	—	109,7	107.3	112,3	113,1
в т. ч. пром. организаций	—	—	—	—	—	3.438	3.775	3.936	4.159	4.478	—	—	—	—	109,8	104,3	105,7	107,7
„ „ „ торг. и кооп. организаций	—	—	—	—	—	2.322	2.518	2.941	3.598	4.311	—	—	—	—	108,4	116,8	122,3	119,8
V. Электрификация																		
1. Капитальные вложения (без фабр.-зав. станций в млн. руб.)	92	247	298	432	792	100	247	269	369	608	268,5	120,6	145,0	183.3	247,0	108,9	137,2	164 8
в т. ч. в район. станции	66	199	284	359	672	72	199	265	303	513	301,5	142,7	126,4	187,2	276,4	133 2	114,3	169,3
2. Основные фонды (без фаб.-зав. станций в млн. руб.) (к концу года)	429	654	917	1.301	2.024	—	—	—	—	—	152,4	140,2	141,9	155,6	—	—	—	—
в т. ч. район. станциях	302	486	744	1.064	1.681	—	—	—	—	—	160.9	153,1	143,0	158,0	—	—	—	—
3. Установленная мощность (тыс. квт.) (к концу года)	1.452	1.625	1.792	2.155	2.961	—	—	—	—	—	111,9	110,3	120,3	137.4	—	—	—	—
то же без фаб.-зав. станций	702	814	868	1.060	1.631	—	—	—	—	—	116.0	106,6	122 1	153,9	—	—	—	—
в т. ч районных станций	395	500	528	662	1.160	—	—	—	—	—	126,6	105,6	125,4	175,2	—	—	—	—
4. Выработка электроэнергии (млн. квт.)	3.240	3.910	5.160	6.465	8.693	—	—	—	—	—	120,7	132.0	125.3	134,5	—	—	—	—
то же без фаб.-зав. станций	1.580	1.990	2.503	3.225	4.693	—	—	—	—	—	125,9	125,8	128,8	145,5	—	—	—	—
в т. ч. районных станций	1.110	1.430	1.814	2.400	3.706	—	—	—	—	—	128,8	126,9	132,3	154,4	—	—	—	—
VI. Промышленность																		
1. Капитальные вложения в основ. фонды (млн руб.) (во всю промышленность)	1.001	1.333	1.734	2.304	4.419	1.003	1.333	1.679	2.102	3.654	133,2	130,1	132,9	191,8	132,9	126,0	125,2	173,8
2. Основные фонды (млн. руб.) (к концу года) (всей промышленности)	7.472	8.395	9.686	11.501	15.366	—	—	—	—	—	112,4	115,4	118,7	133,6	—	—	—	—

[1] Без управленческого аппарата.

[2] Эти мероприятия составляют: в 1925/26 г.— 30 млн. руб., в 1926/27 г.— 45 млн. руб. в 1927/28 г. 62 млн. руб. в 1928/29 г.— 453 млн. руб. и 1929/30 г.— 563 млн. руб.

Продолжение таблицы 1

Показатели	Абсолютные величины: По средне-годовым ценам 1926/27 г. или в натуральном выражении					Абсолютные величины: По ценам соответствующего года					В %% к предыдущему году: По средне-годовым ценам 1926/27 г. или в натуральном выражении				В %% к предыдущему году: По ценам соответствующего года			
	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
3. Валовая продукция (млн. руб.)																		
а) всей промышленности	13.689	16.042	19.093	22 292	28.135	14.141	16.042	18.314	21.401	26.117	117,2	119,0	116,8	126,2	113,4	114,2	116,9	122,0
в т. ч. гр. А	3.493	4.332	5.197	6.390	9.180	3.537	4.332	5.016	6.088	8.225	124,0	120,0	123,0	143,7	122,5	115,8	121,4	135,1
„ „ „ гр. Б	10.196	11.710	13.896	15.902	18.955	10.604	11.710	13.298	15.313	17.892	114,8	118,7	114,4	119,2	110.4	113,6	115,2	116 8
б) цензовой промышленности	9.665	11.439	14.131	17.115	22.521	9.956	11.439	13.566	16.416	20.819	118,4	123,5	121,1	131,6	114,9	118,6	121,0	126,8
в т. ч. гр. А	3.183	3.968	4.785	5.934	8.652	3.215	3.968	4 622	5.649	7.727	124,7	120 6	124,0	145,8	123.4	116,5	122,2	136,8
„ „ „ гр. Б	6.482	7.471	9.346	111.81	13.869	6.741	7.471	8.944	10.767	13. 92	115,3	125,1	119,6	124,(	110.8	119,7	120,4	121,6
в) мелкой промышленности	4.024	4.603	4.962	5.177	5.614	4.185	4 603	4.748	4.985	5.298	114,4	107,8	104,3	108,4	110,0	103,2	105,0	106,3
(вкл. мукомолье и с сырьем заказчика)																		
в т. ч. гр. А	310	364	412	456	528	322	364	394	439	498	117,4	113,2	110,7	115.8	113.0	108,2	111,4	113,4
„ „ „ гр. Б	3.714	4.239	4.550	4.721	5.086	3.863	4.239	4.354	4.546	4.800	114.1	107,3	103,8	107,7	109,7	102,7	104,4	105,6
4. Товарная часть (млн. руб.) всей промышленности.	12.156	14.159	16.672	19.270	24.213	12.561	14.159	15.989	18.505	22.504	116,5	117,7	115,6	125,7	112,7	112,9	115,7	121,6
в т. ч. гр. А	3.057	3.593	4.327	5.172	7.414	3.097	3 594	4.175	4.929	6.647	117,6	120,4	119,5	143,3	116,0	116,2	118,1	134,9
„ „ „ гр. Б	9.099	10.565	12.345	14.098	16.799	9.464	10.565	11.814	13.576	15.857	116,1	116,8	114,2	119,2	111,6	111,8	114,9	116,8
VII. Сельское хозяйство																		
А. Земледелие																		
1. Капитальные вложения (млн. руб.) без мероприятий общ. пользов.[1]	3.270	3.285	3.215	2.968	4.166	2.951	3.285	3.286[1]	2.917[1]	4.015[1]	100,5	97,9	92,3	140,4	111,3	100,0	88,8	137,6
в т. ч. мертвый инвентарь	455	463	537	625	888	399	463	537	610	889	101,8	116,0	116,4	142,1	116,0	116,0	113,6	145,7
2. Основные фонды (к концу года)	26.512	27.874	29.086	29.979	32.014	—	—	—	—	—	105.1	104,3	103,1	106,8	—	—	—	—
в т. ч. мертвый инвентарь	2.448	2.556	2.727	2.970	3.449	—	—	—	—	—	104,4	106,7	108,9	116,1	—	—	—	—
3. Валовая продукция (за с.-х. годы в млн. руб.)[1]																		
а) всего сел. хоз-ва	15.342	16.485	16.273	16.568	17.019	15.939	16.485	17.530	21.183	20.393	107,5	98,7	101,8	102,7	103,4	106,3	120,8	96,3
в т. ч. растениеводства	10.380	11.108	10.753	11.217	11.459	11.303	11.108	11.722	15.127	14.051	107,0	96,8	104,3	102.2	98.3	105,5	129,1	92.9
„ „ „ зерновых	3.608	3.881	3.592	3.551	3.650	4.743	3 881	3.913	5.392	5.236	107,6	92,6	98,9	102,8	81,8	100,8	137,8	97,1
„ „ „ технических	888	765	910	965	1.025	929	764	970	1.099	1.160	86,1	119,0	106,0	106,2	82,2	127,0	113,3	105,6
б) животноводства	4.962	5.377	5.520	5.351	5.560	4.636	5.377	5.808	6.056	6.342	108,4	102,7	96,9	103,9	116,0	108.0	104,3	104,7
в т. ч. прирост стада	+ 516	+ 574	+ 403	— 78,8	+ 309	+ 459	+ 574	+ 422	— 75,1	+ 295	—	—	—	—	—	—	—	—
4. Товарная часть (за с.-х. годы в млн. руб.) (без крестьянских покупок)	2.523	2.610	2.794	3.061	3.183	2.626	2.610	2.952	3.628	3.739	103,5	107,0	109 6	104,0	99,4	113,1	122,9	103,1
в т. ч. растениеводство	1.356	1.347	1.370	1,462	1.648	1.521	1.347	1.482	1.877	2.024	99,4	101,7	106.8	112.3	88,4	109,9	126,7	107,8
„ „ „ животноводство	1.167	1.263	1.424	1.599	1.535	1.105	1.263	1.470	1.751	1.715	108,2	112,7	112,3	96,0	114,3	116,4	119,1	97,9
Б. Лесное хоз-во (млн. руб.)																		
1. Валовая продукция	1.598	1.691	1.757	1.962	2.189	1 598	1.691	1.650	1.701	1.822	105,8	103,9	111,7	111,6	105,8	97,6	103,1	107,1
2. Товарная часть	655	724	766	883	1.182	655	724	719	765	984	110,5	105,8	115,3	133,9	110,5	99,3	106,4	128,6
В. Рыболовство и охота (млн. руб.)																		
1. Валовая продукция	338	364	391	415	473	301	364	385	416	470	107,8	107,4	106,3	113,9	121,0	105,7	108,2	112,9
2. Товарная часть	209	233	258	280	335	186	233	254	281	333	111,4	110,5	108,6	119,8	125,1	108,8	110,6	118,7
VIII. Транспорт (млн. руб.)																		
1. Капитальные вложения	563	696	991	1.318	2.337	529	696	949	1.197	1.912	123,6	142,4	133,0	177,3	131,6	136,4	126,1	159,7
в т. ч. ж.-д. транспорта	467	584	783	1.012	1.642	436	584	757	927	1.355	125,1	134,1	129,2	162,3	133,9	129,6	122,5	146,2

[1] Расхождение с соответствующими данными таблиц „Контрольные цифры и пятилетний план“ обусловлено изменением методов расчетов, применявшихся при составлении пятилетнего плана.

Продолжение таблицы 1

Показатели	Абсолютные величины: По средне годовым ценам 1926/27 г. или в натуральном выражении					В %% к предыдущему году: По средне-годовым ценам 1926/27 г. или в натуральном положении				По ценам соответствующего года			
	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
2. Основные фонды (без автотранспорта) (к концу года)	10.960	11 262	11.845	12.732	14.605	102,8	105,2	107,5	114 7	—	—	—	—
в т. ч. ж.-д. транспорта	9.754	9.987	10.411	11.047	12.290	102,4	104,2	106,1	111,3	—	—	—	—
3. Грузооборот (мрд. т.-км.)													
в т. ч. ж.-д. транспорта	68,9	81,7	88,2	105,8	125,1	118,6	108,0	120,0	118,2	—	—	—	—
4. Выручка (млн. руб.) (без сборов на просвещ.)	1.270	1.554	1.796	2.075	2.562	122,4	115,6	115,5	123,5	117,6	111,6	118,0	120,0
в т. ч. ж.-д. транспорта	1.259	1.544	1.785	2.052	2.529	122,6	115,6	115,0	123,2	118,0	111,7	117,5	119,8
IX. Строительство (млн. руб.)													
1. Стоимость стр-ва зданий и сооруж. без крестьян. строительства	1 364	1.963	2.656	3.581	6.860	143,9	135,0	135,0	191,6	137,5	129,9	126,0	168,3
2. То же вкл. крестьян. стр-во	2.833	3.567	4.281	5.251	8.516	125,9	120,0	122,7	162,2	120,3	116,4	117,1	143,9
X. Бюджет (млн. руб.)[1]													
1. Госуд. бюджет-брутто	4.054	5.626	7.077	8.045	10.851	138,8	125,8	113,7	134,9	133,4	121,5	116,1	131,1
2. Госуд. бюджет-нетто	2.227	3.218	4 467	5.265	7.422	144,5	138,8	117,9	141,0	138,9	134,1	120,4	137,0
3. Местный бюджет	1.190	1.662	1.970	2.100	2.775	139,7	118,5	106 6	132,1	134,2	114,5	108,9	128,4
4. Сводный бюджет-нетто	3.407	4.868	6.437	7.365	10.197	142,9	132,2	114,4	138,5	137,4	127,7	116,9	134,5
XI. Кредит и денежное обращение (млн. руб.) (к концу года)[1]													
1. Вклады и текущие счета	1.357	1.633	1.827	2.218	2.749	120,3	111,9	121,4	123,9	112,8	114,6	122,0	122.7
в т. ч. по БДК	—	25	109	255	458	—	436,0	233,9	179,6	—	437.5	241,0	177,9
2. Учетно-ссудные операции (краткосрочные)	2.551	3.356	3.946	4.839	5.499	131,6	117,6	122,6	113,8	123,3	120,5	123.2	112,5
3. Денмасса в обращении	1.256	1.691	1.997	2 592	3.004	134,6	118,1	129,8	116,0	106,1	121,1	130,4	113,6
XII. Индексы цен													
1. Общепромышлен. индекс отпускн. цен госпромышленности (1913 г. = 100)	198,2	192,8	185,3	184,8	177,4	97,3	96,1	99,7	96,0	—	—	—	—
в т. ч. изделия произв.-техн. потребления	176,8	175,	169,0	166,6	156,6	98,9	96,6	98,6	93,8	—	—	—	—
„ „ „ „ личного потребления	215,6	207,4	198,5	199,8	195,8	96,2	95,7	100,7	98.0	—	—	—	—
2. Индекс строительства (1913 г. = 100)	269,0	257,0	247,0	229,0	201,0	95,5	96,1	92,7	87,8	—	—	—	—
в т. ч. а) пром. строительства	270,0	257,0	246,0	226,0	194,0	95,2	95,7	91,9	85,8	—	—	—	—
б) ж.-д. строительства	257,0	248,0	241,0	228,0	210,0	96,5	97.2	94,6	92.1	—	—	—	—
в) жилищн. строительства	281,0	263,0	250,0	232,0	202,0	93,6	95,1	92,8	87,1	—	—	—	—
3. Индекс цен производителя на с.-х. товары (исчислен по товарной массе) (1926/27 г. = 100,0)	104,1	100,0	105,7	118,5	117,5	96,1	105,7	112,1	99,2	—	—	—	—
в т. ч. зерновые	129,9	100,0	106,8	149,7	143,8	77,0	106,8	140,2	96,1	—	—	—	—
„ „ „ технические	104,0	100,0	105,5	111,6	111,2	96,2	105.5	105,8	99,6	—	—	—	—
„ „ „ животноводство	94,6	100,0	103,3	109,5	111,7	105,7	103,3	106,0	102,0	—	—	—	—
4. Всесоюзный оптовый индекс ЦСУ (1913 г. = 100)	192,0	184,7	178,4	182,3	177,0	96,2	96,6	102,2	97,1	—	—	—	—
а) промышленный	200,0	196,8	187,7	187,4	179,9	98,0	95,4	99,8	96 0	—	—	—	—
б) сельскохозяйственный	171,3	156,6	156,7	170,3	169,6	91,4	100,1	108,7	99,6	—	—	—	—
5. Бюджетный Центр Бюро Стат. Труда (полный с перем. весами секторов) (1913 г. = 100)	—	202,8	198,7	209,8	201,4	—	98,0	105,6	96,0	—	—	—	—
в т. ч. товарная часть	—	212,3	207,0	217,4	207,1	—	97.5	104,9	95,4	—	—	—	—
а) промышленный	—	220,6	202,6	201,6	191,5	—	92,1	99,5	95,0	—	—	—	—
б) сельскозяйственный	—	207,0	210,3	228,2	218,4	—	101,6	108,5	95,7	—	—	—	—

[1] Перевод в неизменные цены произведен по оптовому индексу ЦСУ.

Таблица 2

Контрольные цифры на 1929/30 г. и пятилетний план

Натуральные показатели

ПОКАЗАТЕЛИ	Единицы счета	Абсолютные величины						В %% к предыдущ. году[2]				1929/30 г. в %% к 1927/28 г.	
		1927/28 г.[1]		1928/29 г.		1929/30 г.		1928/29 г.		1929/30 г.			
		По пятилетн. плану	Отчетные данные	По пятилетн. плану	Ожидаемое выполнение	По пятилетн. плану	Намеч. по к. ц. на 1929/30 г.	По пятилетн. плану (5:3)	Ожидаемое выполн. (6:4)	По пятилетн. плану (7:5)	Намеч. по к. ц. на1929/30г.(8:6)	По пятилетн. плану (7:3)	Намеч. по к. ц. на 1929/30 г. (8:4)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
I. Промышленность													
Выработка главнейших изделий госуд. промышленности													
1. Нефтедобыча	млн. тонн	11,7	11,8	13,2	13,7	14,8	16,2	112,8	116,8	112,1	118,2	126,5	137,8
2. Каменный уголь	„ „	35,4	35,4	41,1	40,6	46,6	51,6	116,1	114,6	113,4	127,2	131,6	145,3
3. Железная руда	„ „	5,7	6,0	7,1	7,1	10,2	10,8	124,6	118,3	143,7	150,7	178,9	180,0
4. Чугун	„ „	3,3	3,3	4,1	4,2	5,0	5,5	124,2	126,4	122,0	131,9	151,5	166,7
5. Прокат	„ „	3,2	3,3	3,6	3,7	4,0	4,25	112,5	113,1	111,1	114,9	125,0	130,0
6. Общее машиностроение (в ценах 1926/27 г.)	млн. руб.	583	591	737	792	959	1.155	126,4	134,0	130,1	144,5	164,5	195,4
7. Сельское машиностроение (в ценах 1926/27 г.)	„ „	153	148	210	212	262	371	137,2	143,0	124,7	175,1	171,2	250,7
8. Кирпич (все производство)	мрд. шт.	1,7	1,7	2,6	2,9	4,2	5,1	152,9	170,3	161,5	177,1	247,0	301,6
9. Цемент	млн. боч.	11,9	11,9	14,0	14,4	19,5	22,0	117,6	120,9	139,3	152,9	163,9	184,9
10. Суперфосфат (станд. 14%)	тыс. тонн	150	150	261	213	480	475	174,0	142,0	183,9	263,0	320,0	317,1
11. Хлоп.-бум. пряжа	млн. метр.	328	322	362	353	400	394	110,4	109,4	110,5	111,8	122,0	122,4
12. Хлоп.-бум. ткани	„ „	2.742	2.695	2.970	2.952	3.266	3.280	108,3	109,6	110,0	111,1	119,1	121,7
13. Шерстян. ткани (с платками)	„ „	96,6	96,4	105,4	113,2	124,0	131,2	109,1	117,4	117,6	115,9	128,4	136,1
14. Бумага и картон	тыс. тонн	316	320	410	411	510	481	129,7	128,4	124,4	117,0	161,4	150,3
15. Сахарный песок	„ „	1.340	1.340	1.340	1.280	1.600	1.070	100,0	95,5	119,4	83,6	119,4	79,9
16. Соль	млн. тонн	2,3	2,4	2,5	2,7	2,7	3,3	108,9	112,9	108,0	123,6	117,4	139,5
II. Транспорт													
1. Погрузка (железнодорожная)	млн. тонн	151	151	165	177	186	212	109,3	117,2	112,7	119,8	123,2	140,4
В том числе:													
а) хлеб	млн. тонн	14,2	14,3	14,7	15,0	16,2	16,2	103,5	104,9	110,2	108,0	114,1	113,3
б) каменн. уголь	„ „	30,0	30,0	33,0	34,0	37,9	42,2	110,0	113,3	114,8	124,1	126,3	140,7
в) нефтегрузы	„ „	8,2	8,2	8,96	10,0	9,7	10,5	109,3	122,0	108,3	105,0	118,3	128,0
III. Сельское хозяйство[3]													
А. Посевная площадь (на весну кажд. года)													
1. вся	млн. га	115,5	115,7	123,5	120,4	129,8	130,4	106,9	104,0	105,1	108,3	112,4	112,7
2. продуктивная	„ „	115,5	113,0	123,5	118,0	129,8	130,4	106,9	104,4	105,1	110,5	112,4	115,4
в т. ч. а) зерновые[4]	„ „	94,9	92,1	101,4	95,8	105,3	105,4	106,8	104,0	103,8	110,0	111,0	114,4
из них: совхозы	„ „	0,8	0,8	1,2	1,2	1,5	2,5	139,2	139,2	125,0	208,3	187,5	312,5
„ „ колхозы	„ „	1,1	1,1	2,5	3,4	4,4	9,6	147,1	323,6	181,8	282,4	400,0	872,7
б) хлопок	„ „	0,9	0,9	1,1	1,0	1,3	1,4	120,1	113,2	113,3	133,2	136,1	150,8
в) лен	„ „	1,3	1,3	1,4	1,5	1,5	1,6	107,9	113,5	106,6	108,8	115,1	123,6
г) сахарная свекла	„ „	0,8	0,8	0,9	0,8	0,9	1,0	110,4	101,8	109,2	122,4	120,5	124,7
Б. Продукция													
а) зерновые[5]	млн. цент.	735,4	726,7	814,2	762,5	883,0	889,0	110,7	104,9	108,5	116,6	120,1	122,3
в т. ч. совхозы	„ „	9,5	9,5	12,9	12,8	16,3	28,2	135,8	134,7	126,4	220,3	171,6	296,8
„ „ „ колхозы	„ „	8,4	8,4	23,0	29,1	42,2	90,2	273,8	346,4	183,5	310,0	502,4	1.073,8
б) льняное волокно (долгунец)	тыс. цент.	3.091	3 042	3.351	3.697	4.256	4.160	108,4	121,5	127,0	112,5	137,7	136,8
в) хлопок-сырец	„ „	8.902	8.220	10.899	9.766	13.608	14 520	122,4	118,8	124,9	148,7	152,9	176,6
г) сахарная свекла	млн. цент.	101,0	101,4	124,1	84,0	150,4	149,0	122,9	82,8	121,2	177,4	148,9	146,9
В. Животновод. (на весну кажд. года)													
а) лошади	млн. гол.	32,2	33,2	33,7	34,0	34,9	35,2	104,7	102,4	103,6	103,4	108,4	105,9
в т. ч. рабочие	„ „	22,4	22,6	23,3	22,9	24,0	23,8	104,0	101,5	103,0	103,9	107,1	105,2
б) крупн. рог. скот	„ „	67,2	69,8	69,0	68,1	72,8	71,1	102,7	97,6	105,5	104,4	108,3	101,9
в т. ч. коровы	„ „	29,8	30,3	30,6	30,3	32,0	31,4	102,7	100,0	104,6	103,6	107,4	103,6
в) свиньи	„ „	25,5	25,6	25,8	20,9	27,9	23,0	101,2	81,6	108,1	110,0	109,4	89,8

[1] К настоящему времени предварительные данные 1927/28 г., которые имелись к моменту составления пятилетнего плана, уточнены почти по всем показателям, поэтому выполнение плана преимущественно характеризуется в настоящей таблице не абсолютными величинами, а динамическими коэфициентами, показанными в гр. гр. 9—14.

[2] Проценты исчислены по полным данным (в тысячах), а не по округленным данной таблицы.

[3] Данные по сельскому хозяйству приведены за 1928, 1929 и 1930 гг.

[4] Посевная площадь зерновых на весну 1927 г. составляла 96,4 млн. га, хлопка — 0,75 млн. га, льна — 1,15 млн. га, и сахарной свеклы — 0,66 млн. га.

[5] Продукция 1927 г. по зерновым составляла 735,8 млн. цент, хлопка — 7.183 тыс. цент. льна — 2.344 тыс. цент и сахарной свеклы — 1 ,1 млн. цент.

Таблица 3

Контрольные цифры на 1929/30 г. и пятилетний план

Показатели	Абсолютные величины						В % % к предыд. году [2]				1929/30 г. в % % к 1927/28 г.	
	1927/28 г.[1]		1928/29 г.		1929/30 г.		1928/29 г.		1929/30 г.			
	Попятилетнему плану	Отчетные данные	Пятилетний план	Ожидаемое выполнен.	Пятилетний план	Намечается по к. ц. на 1929/30 г.	Пятилетний план (4:2)	Ожидаемое выполнен. (5:3)	Пятилетний план (6:4)	Намечается по к. ц. на 1929/30 г. (7:5)	Пятилетний план (6:2)	Намечается по к. ц. на 1929/30 г. (7:3)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
I. Труд												
1. Численность (сред.-год.) лиц наемного труда (в тысяч. без сельского и лесного хозяйств)	9.226	9.370	9.671	10.012	10.426	10.942	104,8	106,9	107,8	109,3	113,0	116,8
2. Заработная плата (годовая в черв. руб. без сельского и лесного хозяйств)	—	—	—	—	—	—	107,9	108,0	107,1	107,8	115,6	116,4
II. Капитальные вложения во все народное хозяйство												
(Млн. руб. в ценах соответств. лет, без мероприят. общ. пользов. по сельскому хозяйству)	7.050	7.357	8.123	8.074	10.166	12.412	115,2	109,7	125,2	153,7	144,2	168,7
III. Электрификация												
1. Мощность на конец года (тыс. *квт.* без фабр.-завод. станций)	880	868	1.003	1 060	—	1.631	114,0	122,1	—	153,9	—	187,9
В том числе районных станций	520	528	603	662	—	1.160	116,0	125,4	—	175.2	—	219,7
2. Выработка электроэнергии (млн. *квтч.* без фабр.-завод. станций)	2.400	2.503	3.248	3.225	—	4.693	135.3	128,8	—	145,5	—	187,5
В том числе районных станций	1.870	1.814	2.415	2.400	—	3.706	129,1	132.3	—	154,4	—	204,3
3. Капитальные вложения (млн. руб. в ценах соответств. лет без фабр.-завод. станций)	284	269	332	369	453	608	116,9	137,2	136,4	164,8	159,5	226,0

[1] К настоящему времени предварительные данные 1927/28 г., которые имелись к моменту составления пятилетнего плана, уточнены почти по всем показателям, поэтому выполнение преимущественно характеризуется в настоящей таблице не абсолютными величинами, а динамическими коэфициентами, показанными в гр. гр. 8—13. В частности несопоставимы абсолютные величины заработной платы, почему они и не показаны вовсе.

[2] Проценты исчислены по полным данным (в тыс.), а не по сокращенным данным этой таблицы.

Показатели	1927/28 г.[1]		1928/29 г.		1929/30 г.		1928/29 г.		1929/30 г.		1929/30 г. к 1927/28 г.	
	Попятилетнему плану	Отчетные данные	Пятилетний план	Ожидаемое выполнен.	Пятилетний план	Намечается по к. ц. на 1929/30 г.	Пятилетний план (4:2)	Ожидаемое выполнен. (5:3)	Пятилетний план (6:4)	Намечается по к. ц. на 1929/30 г. (7:5)	Пятилетний план (6:2)	Намечается по к. ц. на 1929/30 г. (7:3)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
IV. Промышленность												
А. Вся промышленность												
1. Валовая продукция в ценах 1926/27 г. (млн. руб.)	18.312	19.093	21.164	22.292	25 009	28 135	115.6	116,8	118.2	126.2	136,6	147.4
В том числе цензовой	13.882	14.131	16.439	17 115	19.885	22.521	118,4	121,1	121,0	131.6	143 2	159,4
„ „ „ мелкой (вкл. муком.)	4.430	4.962	4.725	5.177	5.124	5.614	106,7	104,3	108,4	108.4	115,7	113.1
2. Тоже в ценах соотв тств. года	17.951	18.314	20 358	21.401	23.081	26.117	113.4	116,9	113,4	122.0	128,6	142 6
В том числе цензовой [1]	13.521	13.566	15.646	16 416	18.097	20.819	115,7	121,0	115,7	126,8	133.8	153,5
„ „ „ мелкой (вкл. муком. и с сырьем заказчика)	4.430	4.748	4.712	4.985	4.984	5.298	106,4	105,0	105,8	106,3	112,5	111,6
Б. Планируемая промышленность												
1. Валовая продукция (в млн. руб.) в ценах 1926/27 г.	10.909	11.101	13.246	13.732	16.091	18 141	121,4	123,7	121,5	132,3	147.5	163,4
В том числе гр. А	4 393	4 362	5.516	5 699	6.960	8 345	125.6	130.7	126 2	146 4	158,4	191,3
„ „ „ „ Б	6.516	6.739	7.730	8.033	9 131	9.796	118,6	119,2	118,1	121,9	140,1	145 4
2. Число рабочих (в тыс.)	2 103	2.122	2.194	2 287	2.280	2.452	104,3	107,8	104,1	107,2	108,1	115,6
3. Выработка годов. (в руб. по ценам 1926/27 г.)	5.187	5.231	6.037	6.004	7 060	7.409	116,4	114,8	117,0	123.4	136.5	141.6
4. Себестоимость	100	100	93	95,5	86.0	85	— 7,0	— 4,5	— 7,5	— 11,0	— 14.0	— 15,0
5. Капит. вложен. (в цен. соответств. лет млн. руб.)	1.318	1.325	1 659	1.679	2.331	3.250	125.9	126.7	140,5	193.0	176.9	245.0
В том числе гр. А	938	950	1 224	1.239	1.738	2.408	130.5	130,4	142,0	194,4	185.3	253,5
„ „ „ „ Б	365	365	363	363	482	494	99,5	99,5	132,8	136,1	132,1	135,3
V. Сельское хозяйство												
1. Валовая продукция (млн. руб. в ценах 1926 27 г.)	14 526	14.526[2]	15.037	14.787[2]	16.303	15.186[2]	103 5	101,8	108 4	102,7	112.2	104.5
2. Машиноснабжение (в млн. руб.)	149	149	220	220	304	380	147.7	147,7	138,2	172,7	218,7	255,0
3. Трактороснабжение (в тыс. шт.)	3,3	3,3	9,7	9,7	25,0	41,0	290,1	290,1	258,8	122,7	750,8	1.242,4
4. Потребление минер. удобрен. (без известковой и жмых. муки) тыс. тонн	259	216	558	538	1.776	1.066	215,4	249,0	318,3	194,6	685 7	494.0
5. Капитальные вложен. (млн. руб. в ценах соответств. лет, без мероприятий общего пользов.)	3.022	3.022	3.183	2.684	3.504	3.693	105,3	88,8	110,1	137,6	115,9	122,2
В том числе обобществл. сектор	236	231	349	365	637	1.264	147,9	158,0	182,5	346,3	269,9	547,2
VI. Транспорт												
1. Грузооборот жел. дор. (мрд. тонно-*км.*)	88,1	88 2	97.0	105 8	108,7	125.1	110,1	120.0	112,1	118,2	123,4	141,8
2. Выручка жел. дор. (млн. руб.)	1.628	1.724	1.830	2 025	2.095	2.425	112,4	117,5	114,5	119,8	128,7	140,7
3. Капитальные вложения (млн. руб. в ценах соответств. лет)	896	949	1.125	1.197	1.496	1.912	125,6	126,1	133,0	159,7	167.0	201,5
В том числе жел.-дор. транспорт	714	757	844	927	1 087	1.355	118,2	122,5	128,8	146,2	152,2	179,0

[1] По конъюнктурным данным („карточек срочной отчетности"), т.-е. без незавершенного производства.

[2] Расхождения с данными сводной таблицы вызваны уточнением ЦСУ размеров натуральной продукции и изменением цен на некоторые продукты. Указанные уточнения и изменения, в целях сравнимости с данными пятилетнего плана, в настоящей таблице не учтены.

Контрольные цифры на 1929/30 г. и пятилетний план — *Продолжение таблицы 3*

Показатели	Абсолютные величины						В %%% к предыдущ. году[1]				1929/30 г. в %%% к 1927/28 г.	
	1927/28 г.		1928/29 г.		1929/30 г.		1928/29 г.		1929/30 г.			
	По пятилетнему плану	Отчетные данные	Пятилетний план	Ожидаемое выполнение	Пятилетний план	Намечается по к. ц. на 1929/30 г.	Пятилетний план	Ожидаемое выполнен. (5 : 3)	Пятилетний план	Намечается по к. ц. на 1929/30 г. (7 : 5)	Пятилетний план (6 : 2)	Намечается по к. ц. на 192 /30 г. (7 : 3)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
VII. Бюджет (млн. руб.)												
1. Сводный — нетто	6.008	6.218	7.123	7.269	8.633	9.779	118,6	116,9	121,2	134,5	143,7	157,3
2. Государственный — брутто	6.718	6.836	7.752	7.940	9.178	10.406	115,4	116,1	118 4	131,1	136 6	152,2
3. „ — нетто	4.229	4.315	5.103	5.197	6.145	7.118	120,7	120,4	120,4	137,0	145 3	165,0
4. Финансирование по госбюджету	1.943	1.959	2.705	2.811	3.310	4.272	139,2	143 5	122,4	152 0	170,4	218,1
В том числе промышленность	651	659	945	970	1.090	1.325	145,1	147 2	115,3	136,6	167,4	201,1
„ „ „ электрификация	135	135	184	186	225	300	135,9	137,8	122,3	161,3	166,2	222,2
„ „ „ транспорт	557	535	732	770	1.018	1.204	131,4	143,9	139,1	156,4	182,8	225,0
„ „ „ сельское хозяйство (без расх. прох. по смете НКЗ)	159	161	335	348	353	630	210,7	216,1	105,4	181,0	222,0	391,3
„ „ „ ирригация	37	35,5	40	39	65	120	109,3	109,9	162,6	307,7	177,6	338,0
VIII. Индексы												
1. Отпускных цен ВСНХ (1913 г. = 100)	185,3	185,3	182,7	184,8	174,7	177,4	98,6	99,7	95,6	96,0	94,3	95,7
2. Заготовит. цен на с.-х. продукты (перем. веса секторов 1913 = 100)	156,4	156,4	165,0	183,3	164,2	178,8	105,5	117,2	99,5	97,5	105,0	114,3
зерновые	134 6	134,6	156,6	190,4	155,4	180,6	116,3	141,5	99,2	94,9	115,5	134,2
технические	139,8	139,8	144,6	146,0	144,6	146,2	103,4	104,4	100,0	100,1	103,4	104,6
животноводство	181,8	181,8	183,4	197,6	183,0	198,7	100,9	108,7	99,8	100,6	100,7	109,3
3. Бюджетный (перемен. веса секторов)	198,7	198,7	204,3	209,8	199,2	201,4	102,8	105,6	97,5	96,0	100,3	101,4
В том числе товарная часть	207,0	207,0	207,0	217,1	201,0	207,1	100,0	104,9	97,1	95,4	97,1	100,0

[1] Расхождения с данными сводной таблицы вызваны уточнением ЦСУ размеров натуральной продукции и изменением цен на некоторые продукты. Указанные уточнения и изменения, в целях сравнимости с данными пятилетнего плана, в настоящей таблице не учтены.

Таблица 4

Капитальные вложения в государственную планируемую ВСНХ промышленность на 1929/30 г. По проекту районной секции Госплана СССР, доложенному на VI с'езде, плановых органов (в млн. руб. в ценах соответств. года)

Показатели / Республики и районы	Общая сумма капитальных вложений	В том числе			Прочие вложения (расшир. и реконструкц., капит. ремонт, охрана труда, жилстроит. и пр.	Удельный вес в СССР	
		Новое строительство				Общая сумма вложений	Новое строительство
		Всего	Гр. „А"	Гр. „Б"			
1	2	3	4	5	6	7	8
Всего по СССР	2.828,24	1.353,27	1.169,05	184,22	1.474,97	100	100
1. РСФСР	1.813,04	1.016,63	878,55	138,08	796,41	64,10	75,12
В том числе:							
1. Северный край	70,92	38,42	38,22	0,20	32,50	2,51	2,84
2. Ленинградская область	168,26	48,12	37,57	10,55	120,14	5,95	3,56
3. Карельская АССР	14,37	7,18	3,48	3,70	7,19	0,51	0,53
4. Западная область	43,79	16,19	14,74	1,45	27,60	1,55	1,19
5. Московская промышленная	289,72	148,50	131,97	16,53	141,22	10,23	10,98
6. Ивановская „	105,03	48,03	8,73	39,30	57,00	3,71	3,55
7. Центр.-Черноз. область	42,59	23,59	16,30	7,29	19,00	1,51	1,74
8. Нижегородский край	145,07	92,73	73,43	19,30	52,34	5,13	6,85
9. Уральская область	378,08	248,88	240,13	8,75	129,20	13,37	18,39
10. Башкирская АССР	16,10	3,29	3,27	0,02	12,81	0,57	0,24
11. Средне-Волжская область	24,77	11,77	9,82	1,95	13,00	0,88	0,87
12. Татарская АССР	10,27	6,72	6,72	—	3,55	0,36	0,50
13. Нижне-Волжский край	80,32	61,21	59,96	1,25	19,11	2,84	4,52
14. Крымская АССР	29,44	24,60	21,85	2,75	4,84	1,04	1,82
15. Северный Кавказ	155,92	83,89	73,46	10,43	72,03	5,51	6,20
16. Дагестанская АССР	5,25	3,33	1,92	1,41	1,92	0,19	0,25
17. Казакская АССР	53,26	29,77	28,43	1,34	23,49	1,88	2,20
18. Киргизская АССР	11,96	9,15	5,99	3,16	2,81	0,42	0,68
19. Сибирский край	123,29	94,97	88,04	6,93	28,32	4,36	7,02
20. Бурято-Монгольск. АССР	2,42	1.99	1,79	0,20	0,43	0,09	0,15
21. Якутская АССР	0,75	0.74	0,30	0,44	0,01	0,03	0,05
22. Дальне-Восточный край	41,46	13,56	12,43	1,13	27,90	1,46	0,99
II. УССР	713,70	184,61	180,01	4,60	529,09	25,24	13,64
III. БССР	51,75	35,82	24,30	11,52	15,93	1,83	2,64
IV. ЗСФСР	193,43	80,63	69,16	11,47	112,80	6,85	5,96
V. УзбекССР	39,13	23,22	11,75	11,47	15,91	1,38	1,71
VI. Таджикс. ССР	4,47	3,52	1,90	1,62	0,95	0,16	0,27
VII. ТуркССР	12,72	8,84	3,38	5,46	3,88	0,45	0,65

Примечание. В сумме нового строительства в сводной таблице капитального строительства промышленности планируемой ВСНХ, корреспондирует: 1.166,9 млн. руб. в новое строительство+52,2 млн. руб. проектировка + 114,0 вложений на научно-исследовательские работы за вычетом ГЕОЛКОМ и НТУ т.-е. всего 1.333,1. Небольшое расхождение (19,9 млн. руб.) об'ясняется в первую очередь различным распределением об'ектов по рубрикам нового строительства и реконструкции.

Общий размер капитальных вложений на 1929/30 г. устанавливается в следующих суммах:

А. Распределенное по республикам и районам новое строительство, включая проектировки и работы научно-исследовательского характера 1.353,27
Расширение, реконструкция, капитальный ремонт, охрана труда и прочее . . . 1.474,97

Итого . . . 2.828,24

Б. Не распределенные по республикам и районам:
ГЕОЛКОМ и НТУ 74,0
Втузы, стройконторы, ссуды жилстр., финансиров. электрификации и проч. . . . 288,5
Резерв 110,0

Всего . . . 3.300,7

Процессы обобществления в контрольных цифрах 1929/30 г.
(Удельные веса социальных секторов)

Таблица 5

Показатели	Государственное хозяйство					Кооператив-ное хозяйство		Итого хозяйств обобществленного сектора					Частное хозяйство				
	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
I. Численность лиц наемного труда	70,6	70,8	72,0	72,8	74,0	8,8	9,2	10,0	10,6	11,0	79,4	80,0	82,0	83,4	85,0	20,6	20,0	18,0	16,6	15,0
в том числе:																				
в промышленности	84,9	86,3	88,2	89,2	89,4	5,5	5,2	5 5	5.8	5 9	90,4	91,5	93,7	95,0	95,3	9,6	8,5	6,3	5,0	4·7
а) цензовой	94,8	95,4	95,8	96 0	96,0	2,7	2·8	2.9	3,2	3.3	97,5	98,2	98,7	99,2	99,3	2,5	1.8	1.3	0,8	0·7
б) мелкой	22,9	25.4	31,3	34 5	33.8	23.1	21,0	24 9	26.4	28,2	46,0	46,4	56,2	60,9	62,0	54,0	53.6	43,8	39.1	38 0
в сельском хозяйстве	28,6	28 2	30,9	32,9	39,1	4,2	4,3	4.6	4 8	4 8	32,8	32 5	35,5	37,7	43,9	67,2	67.5	64,5	62 3	56,1
„ строительстве	89.4	90,7	91,2	92 4	94,7	5.4	6,4	6,9	6.0	4.2	94 8	97,1	98,1	98.4	98,9	5,2	2,9	1.9	1.6	1,1
„ транспорте и связи	96.6	97,1	97,7	97.8	98 1	1.5	1 4	1,2	1.2	1,1	98,1	98,5	98,9	99,0	99,2	1,9	1.5	1,1	1.0	0.8
„ торговле	34,3	29,8	27,1	25 6	22,0	52,8	57,2	63 6	69,4	74,9	87,1	87,0	90,7	95,0	96,9	12,9	13,0	9,3	5,0	3,1
II. Капит. вложения за год	38,6	43,1	49,1	55,2	63,7	3,9	5,0	6,1	10,0	12,2	42,5	48,1	55,2	65,2	75,9	57,5	51,9	44,8	34.8	24,1
в том числе:																				
промышленность	91,3	93,2	94 3	95,5	96.4	2,6	2,1	1,9	1,8	2,2	93 9	95,3	96,2	97.3	98,6	6,1	4,7	3,8	2.7	1,4
сельское хозяйство	1,9	2,7	2,8	6.3	16.5	2,7	2,8	6.0	13.7	21.5	4,6	5,5	8,8	20,0	38,0	95,4	94,5	91,2	80,0	62 0
жилфонд в городах	35.6	23,5	32,7	27.6	26,0	18,6	32,9	27,9	31 3	38,6	54 2	56,4	60,6	58,9	64,6	45.8	43,6	39,4	41,1	35.4
торг.-склад. дело	66,7	59,5	52,3	26.9	41,4	26,3	40,5	47,7	73,1	58,6	93,0	100,0	100,0	100.0	100,0	7,0	—		—	—
III. Осн. фонды к концу года	48,8	49,1	50,1	52,0	55,7	1,4	1,5	1,7	2,2	3,2	50,2	50,6	51,8	54,2	58,9	49,8	49,4	48,2	45,8	41,1
в том числе:																				
промышленности	87,1	88,0	89 2	90,5	92,2	3,5	3,3	3,0	2.8	2.6	90 6	91,3	92,2	93,3	94,8	9,4	8,7	7,8	6,7	5,2
сельского хозяйства	2,6	2,6	2,7	2,8	4,5	1,7	1,3	2,1	2,8	4,6	4,3	4.4	4,8	5,6	9,1	95,7	95,6	95,2	94,4	90,9
жилфонда в городах	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	58.3	58,8	59 5	60,3	61,9	41,7	41,2	40.5	39,7	38,1
торг.-склад. дела	55,6	56,9	56,3	46.9	45,0	35,6	36,8	39,2	50,2	53,3	91,2	93,7	95,5	97,1	98,3	8,8	6,3	4,5	2,9	1,7
IV. Оборотные фонды	37,5	39,1	34,8	37,0	37,3	9,3	10,7	12,9	17,1	20,9	46,8	49,8	47,7	54,1	58,2	53,2	50,2	52,3	45,9	41,8
в том числе:																				
промышленности	98,6	98,9	99,0	99,2	99.2	—	—	—	—	—	98,6	98,9	99,0	99,2	99,2	1,4	1,1	1.0	0,8	0,8
сельского хозяйства	1,3	1,8	1,8	2,2	3,2	0.8	0,8	1,4	4.5	9,2	2,1	2 6	3,2	6,7	12,4	97,9	97,4	96.8	93,3	87,6
торговли	25,5	22,6	19,2	22,6	23.9	50,6	57,7	68,2	69,6	72,1	76,1	80.3	87,4	92,2	96,0	23,9	19,7	12,6	7,8	4,0
V. Валовая продукция	30,8	33,1	35,7	36,0	41,5	4,3	4,4	6,2	7,5	9,7	35,1	37,5	41,9	43,5	51,2	64,9	62,5	58,1	56,5	48,8
в том числе:																				
промышленности	64,5	66,3	68,9	70,7	72,9	8,4	8,5	11,7	14,1	15,3	72,9	74,8	80 6	84,8	88 2	27,1	25,2	19,4	15 2	11,8
а) цензовой	89,6	91,3	90.8	90,1	89.7	6,4	6,4	7.8	9,0	9.6	96,0	97,7	98,6	99 1	99.3	4.0	2.3	1,4	0.9	0,7
б) мелкой	5,0	4,3	6,2	7,0	6 8	13 1	13,6	23,2	30 9	37,9	18.1	17,9	29.4	37,9	44,7	81,9	82 1	70.6	62.1	55.3
сельского хозяйства	0,8	0,7	0,9	0,9	1,2	0,6	0,5	0,5	0,8	2,5	1 4	1,2	1,4	1,7	3,7	98,6	98,8	98,6	98,3	96,3
VI. Товарная продукция	50,4	52,9	55,1	56,1	59,5	8,0	8,2	11,4	13,8	15,9	58,4	61,1	66,5	69,9	75,4	41.6	38,9	33,5	30,1	24,6
в том числе:																				
промышленности	60,4	62,2	64,7	66.4	68,9	9,4	9 6	13,4	16,2	17 6	69,8	71,8	78,1	82,6	86,5	30,2	28,2	21,9	17,4	13,5
а) цензовой	87,7	89,7	89,0	88,0	87,6	7,6	7,6	9,3	10,9	11,5	95 3	97,3	98,3	98,9	99,1	4,7	2,7	1 7	1,1	0.9
б) мелкой	5.0	4,3	6,2	7,0	6,8	13,1	13.6	23,2	30,8	37,9	18,1	17,9	29.4	37,8	44 7	81,9	82,1	70,6	62,2	55,3
сельского хозяйства	2,7	2,2	2,9	3,2	3,4	1,1	0,9	0,8	1,6	5.5	3,8	3,1	3,7	4.8	8,9	96.2	96,9	96,3	95,2	91,1
VII. Торг.-посредн. оборот	34,0	32,4	31,2	30,1	30,0	41,5	48,7	57 5	63,3	66,7	75,5	81,1	88,7	93,4	96,7	24,5	18,9	11,3	6,6	3,3
в том числе:																				
оптовый	51,2	46,2	41,8	37,6	36,4	41.5	49,2	56 3	61.4	63,1	92,7	95,4	98.1	99,0	99,5	7.3	4,6	1 9	1,0	0.5
розничный	15,5	14,4	13,1	14 0	12,7	41,6	48,2	59,5	67,4	76.6	57,1	62,6	72,6	81,4	89,3	42,9	37,4	27,4	18,6	10,7

Таблица 6

Капитальные вложения в основные фонды народного хозяйства

(в млн. рубл. в ценах соответствующих лет)

ОТРАСЛИ	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	В %%% к предыдущ. году			
						1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
I. Промышленность (включ. промжилфонд)									
1. Планируемая	811	1.098	1.325	1.679	3.117[1]	135,4	120,7	126,7	185,6
в т. ч. гр. „А"	478	731	950	1.239	2.408	152,9	130,0	130,4	194,4
„ „Б"	278	342	365	363	494	123,0	106,7	99,5	136,1
2. Прочая госпромышленность	105	144	259	329	404	137,1	179,9	127,0	122,8
Итого по госсект.	916	1.242	1.584	2.008	3.521	135,6	127,5	126,8	175,3
В т. ч. промжилфонд	101	127	138	166	264	125,7	108 7	120.3	159,0
3. Кооперативный сектор	26	28	31	38	82	107,7	110,7	122,6	215.8
4. Частный сектор	61	63	64	56	51	103.3	101,6	87,5	91,1
Всего по промышленности	1.003	1.333	1.679	2.102	3.654	132,9	126,0	125.2	173,8
II. Электрификация									
1. Районные станции	72	199	215	303	513	276,4	108.8	140,9	169,3
2. Коммунальные станции	25	44	50	55	77	176,0	113,6	110,0	140,0
3. Электрификация села	3	4	4	11	18	133,0	100,0	275,0	163,6
Всего по электрификации	100	247	269	369	608	247,0	108,9	137,2	164,0
Кроме того, ф.-з. станции	35	50	65	67	145	142,9	130,0	103,1	216,4
III. Сельское хозяйство (производственн. фонды)									
1. Мертвый инвентарь:									
а) машины и орудия	135	174	212	250	410	128,9	121,8	117,9	164,0
б) тракторы	32	11	12	27	86	34,4	109,1	225 0	318,5
в) пр. с.-х. мелкий инвентарь	82	86	97	115	120	104,9	112,8	118,6	104,3
г) транспортн. инвентарь	151	192	216	218	273	127,2	112,5	100,9	125,2
Итого по мертв. инвент.	400	463	537	610	889	115.8	116,0	113,6	145,7
2. Хозяйственн. постр.	580	610	637	656	786	105.2	104.4	103,0	119,7
3. Скот, птица, ульи	1.006	1.142	1.053	528	1.027	113,5	92,6	49,9	194,5
4. Мелиорация (колхозы и кооперация)	15	28	37	22	62	186,7	132,1	59.5	281.8
5. Ирригация (совхозы и госорганы)	20	26	28	53	188	130.0	107,7	189,3	354.7
Итого по с. х. без жилстроительства	2 021	2.269	2.297	1.869	2.952	112,3	101,2	81,4	157,5
Сверх того по жилстроительству	931	1.015	989	1.048	1.063	109,0	97,4	106 0	101,4
Всего по сельскому хозяйству	2.952	3 285	3.286	2.917	4.015	111,2	100,0	88,8	137,6
В т. ч. государственный сектор	46	74	74	120	578	160,9	100,0	162,2	481.7
В т. ч. кооперативный „	60	64	157	245	686	106,7	245,3	156.1	280 0
В т. ч. частный „	2.846	3.147	3.055	2.552	2.751	110,6	97,1	83,5	107.8
Сверх того проч. мероприятия	30	45	62	453	563	150,0	137,8	730,6	124,3
Всего с прочими мероприятиями	2.982	3.330	3.348	3.370	4.578	111,7	100,5	100,7	135,8
В т. ч. государственный сектор	56	89	94	212	757	158.9	105.6	225,5	357,1
В т. ч. кооперативный „	80	94	199	462	983	117,5	211,7	232,2	212.8
В т. ч. частный „	2 846	3.147	3.055	2.696	2.838	110,6	97,1	8 ?,2	105,3
IV. Лесное хозяйство	5	8	13	21	47 6	160,0	162,5	161,5	226,7
V. Транспорт									
1. Железнодорожный	476	584	757	927	1.355	133,9	129,6	122,5	146,2
а) путь	198	307	394	512	896	155,1	128,3	129,9	175,0
б) тяга	238	277	363	415	459	116,4	131 0	114,3	110.6
В т. ч. капитальный ремонт	238	293	295	295	383	123,1	100,7	100,0	129,8
2. Водопути	7	9	9	17	34	128,6	100,0	188,9	200,0
3. Порты	9	13	20	23	38	144.4	153,8	115,0	165.2
4. Речные пароходства	17	21	37	54	73	123.5	176.2	145,9	135.2
5. Морские „	23	21	39	44	78	91,3	185.7	112,8	177,3
6. Шоссейные и грунтовые дороги	37	47	84	126	319	127,0	178,7	150,0	253,2
В т. ч. а) общесоюзного значения	11	14	32	50	104	127.3	228,6	156,3	208,0
В т. ч. б) местного „	26	33	52	76	215	126,9	157,6	146,2	282,9
7. Авиотранспорт	—	—	3	6	20	—	—	200.0	333.3
Всего по транспорту	529	695	949	1.197	1.917	131,4	136.5	126,1	160,2

[1] Общая сумма вложений по финансовому плану (3.250 млн. руб.) включает в себя ряд ассигнований, проходящих по капитальному строительству других отраслей (электрификация и т. д.).

Продолжение таблицы

ОТРАСЛИ	1925/26 г.	1926 27 г.	1927/28 г.	1928 29 г.	1929/30 г	В % к предыдущ. году			
						1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
В т. ч. жилстроительство	20	26	30	47	—	130,0	115,4	156,7	—
Кроме того автотранспорт	14	11	9	31	96	78,6	81,8	344,4	309,7
VI. Связь	21	34	38	56	87	161,9	111,8	147,4	155,4
VII. Торгово-складское дело и с.-х. индустрия	129	148	176	260	454	114,7	118,9	147,7	174,6
в т. ч. государственный сектор	86	88	92	70	188	102,3	104,5	76,1	268,6
в т. ч. кооперативный „	34	60	84	190	266	176,5	140,0	226,2	140,0
в т. ч. частный „	9	—	—	—	—	—	—	—	—
VIII. Просвещение	26	66	114	244	420	253,8	172,7	214,0	172,1
IX. Здравсохранение	42	80	89	92	132	190,5	111,3	103,4	143,5
X. Управление	44	53	61	59	68	120,5	115,1	96,7	115,3
XI. Коммунальное хозяйство (без электростанции)	113	121	170	231	343	107,0	140,5	135,9	148,5
XII. Жилстроительство в городах									
Всего по жилстроительству									
а) без жилстр. пром., тран. электрификацию.	360	438	513	526	666	121,5	117,1	102,5	126,6
в т. ч. государственн. сектор	128	103	168	145	173	80,5	163,1	86,3	119,3
в т. ч. кооперативный „	67	144	143	165	257	214,9	99,3	115,4	155,8
в т. ч. частный „	165	191	202	216	236	115,8	105,8	106,9	109,3
б) То же вкл. жилстроит. пром., трансп. и электрификацию	486	611	718	759	1.033	125,7	117,5	105,7	136,1
Всего по народному хозяйству	5.354	6.553	7 419	8.527	12.975	122.4	113.2	114 9	152,2
То же без проч. меропр. по с.-х.	5.324	6.508	7.357	8.074	12.412	122,2	113,0	109,7	153,7
Социальные секторы государственн. сектор	2.066	2.826	3.641	4.704	8.262	136,8	128,8	129.2	175.6
Социальные секторы кооперативный „	207	326	457	855	1 588	157.5	140,2	187,1	185,7
Социальные секторы частный „	3.081	3.401	3.321	2.968	3.125	110,4	97,6	89,4	105,3

Примечание. В вышеприведенных таблицах не учтены по техническим условиям поправки, внесенные в контрольные цифры на 1929/30 г. VI Всесоюзным с'ездом плановых роботников.

Трактороснабжение по республикам и районам *Таблица 7*

По проекту районной секции Госплана СССР, доложенному на VI с'езде плановых органов

(в штуках в переводе на трактор мощностью 10 HP)

Республики и районы	Наличие на 1/X — 29 г.	Завоз в 1929/30 г.	Наличие на 1/X — 30 г.
1. Всего по СССР	33.963	41.177	75.140
В том числе:			
резерв.	—	303	303[1]
2. I. РСФСР	22.212	29.632	51.844
В том числе:			
резерв.	—	120	120[2]
центр.	—	120	120
3. Северный край	78	34	112
4. Ленинградская промышленная	250	145	400
5. Карельская АССР	—	5	—
6. Западная область	355	108	463
7. Московская промышленная	758	220	978
8. Ивановская „	262	149	411
9. Центрально-Черноземная область	3.437	3.250	6.687
10. Нижегородский край	258	230	488
В том числе:			
Чувашская АССР	—	25	—
11. Уральская область	1.038	1.630	2.668
12. Башкирская АССР	545	1.396	1.941
13. Средне-Волжская область	2.087	5.359	7.446
14. Татарская АССР	128	303	431
15. Нижне-Волжский край	3.037	3.074	6.111
В том числе:			
АССР Немцев Поволжья	—	334	—
16. Крымская АССР	769	314	1.083
17. Северный Кавказ	5.963	3.600	9.563
18. Дагестанская АССР	139	113	252
19. Казакская АССР	885	4.122	5.007
20. Киргизская АССР	—	100	100
21. Сибирский край	1.647	4.037	5.684
22. Бурято-Монгольская АССР	14	43	57
23. Якутская АССР	—	15	15
24. Дальне-Восточный край	562	1.145	1.707
25. II. УССР	9.202	7.137	16.339
26. III. БССР	190	335	525
27. IV. ЗСФСР	926	1.150	2.076
28. V. Узб. ССР	1.105	2.620	4.053
29. VI. Тадж. ССР	—		
30. VII. Турк.ССР	328		

[1] По Средней Азии (Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан) завоз определяется в 2.620 тракторов, в том числе по хлопковым районам Узбекистана — 1.270, Таджикистана — 300, Туркменистана — 300.

Остальное количество в размере 750 тракторов по республикам не распределено. Распределение тракторов по Главхлопкому, Акц. О-ву Овцевод, Акц. О-ву Кендырь и Кенаф по республикам и районам подлежит дальнейшему уточнению.

[2] В графе „наличие на 1/X — 30 г." тракторы по резервам будут разверстаны по районам.

Капитальные вложения в новое строительство государственной, планируемой ВСНХ промышленности на 1929/30 г. *Таблица 8*

По проекту районной секции Госплана СССР, доложенному на VI с'езде плановых органов

(в млн. руб. в ценах соответств. года)

Республики и районы	Топливная	В том числе			Горнодобывающая	Электротехническая	Металлопром.	В том числе:			Химическая	В том числе:		Лесная	Стройматериалы	В т. ч.	Первичная обраб. волокна	Итого по гр. „А"
		Каменноуг.	Нефтяная	Торфяная				Черный металл	Цветной металл	Машиностроение		Коксохимическая	Искусств. волокон			Стеклольн.		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
I. Всего по СССР	200,95	101,31	92,84	6,80	16,80	34,42	450,84	155,22	87,40	208,22	203,83	36,90	24,30	81,69	164,91	10,74	15,41	1.169,05
1. РСФСР в том числе:	93,70	38,32	50,49	4,89	10,64	34,42	386,22	117,90	83,35	184,97	148,44	12,50	18,80	70,13	124,19	7,72	10,61	878,55
2. Северный край	0,08	—	—	0.08	—	—	—	—	—	—	1,10	—	—	33,95	3,09	—	—	38,22
3. Ленинградская область	0,80	—	—	0,80	—	3,08	7,30	2,50	4,40	0,40	15,82	—	5,30	1,74	7,18	2,5	1,65	37,57
4. Карельская АССР	—	—	—	—	0,28	—	—	—	—	—	0,10	—	—	2,90	0,20	—	—	3,48
5. Западная область	0,53	—	—	0,53	—	—	—	—	—	—	5,60	—	—	0,60	5,15	—	2,86	14,74
6. Московская промышленная	9,52	6,04	—	3,48	—	20,65	27,53	0,10	7,00	20,43	31,72	—	9,50	0,45	41,18	—	0,92	131,97
7. Ивановская „	1,76	—	1,76	—	—	—	—	—	—	—	1,27	—	—	—	4,37	0,45	1,33	8,73
8. Центр.-Черноземн. область	—	—	—	—	—	1,54	1,10	0,90	—	0,20	4,42	—	—	—	8,73	—	0,51	16,30
9. Нижегородский край	—	—	—	—	—	7,60	40,33	—	—	40,33	10,82	—	—	6,77	7,11	2,50	0,80	73,43
10. Уральская область	23,19	8,19	15,0	—	8,57	—	129,85[1]	63,40	31,05	35,20	55,73	9.50	—	3,60	19.19	0,13	—	240,13
11. Башкирская АССР	—	—	—	—	0,09	—	—	—	—	—	1,10	—	—	1,83	0,25	—	—	3,27
12. Средне-Волжская область	—	—	—	—	0,32	—	—	—	—	—	4,08	—	—	0,17	5,25	—	—	9,82
13. Татарская АССР	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4,03	—	4,00	1,16	1,53	—	—	6,72
14. Нижне-Волжский край	—	—	—	—	—	1,55	50,40	1,00	—	49,40	2,20	—	—	3,82	1,99	—	—	59,96
15. Крымская АССР	—	—	—	—	0,12	—	18,60	18,60	—	—	—	—	—	—	3,13	—	—	21,85
16. Сев. Кавказ	34,58	3,42	31,16	—	0,20	—	31,30	—	2,00	29,30	1,93	—	—	2,51	2,94	1.60	—	73,46
17. Дагестанская АССР	—	—	—	—	0,20	—	—	—	—	—	1 06	—	—	—	0,66	—	—	1,92
18. Казакская АССР	1,90	0,30	1,60	—	—	—	22,88	—	22,45	0.43	2,37	—	—	—	0.86	—	0,42	28,43
19. Киргизская АССР	4,68	4,28	0,40	—	—	—	0,25	—	—	0,25	—	—	—	0,07	0,14	—	0,85	5,99
20. Сибирский край	14,96	14,96	—	—	0,76	—	51,90	27,80	15,20	8,90	4,59	3,00	—	4,93	9,63	0,22	1,27	88,04
21. Бурято-Монгольская АССР	—	—	—	—	0,10	—	0,13	—	—	0,13	0,04	—	—	1,20	0,32	0,32	—	1,79
22. Якутская АССР	0,08	0,08	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0,13	0,09	—	—	0,30
23. Дальне-Восточный край	1,62	1,05	0,57	—	—	—	4,85	3,60	1,25	—	0,46	—	—	4,30	1,20	—	—	12,43
24. II. УССР	59,89	58,89	—	1,00	3,85	—	55,11	34,11	4,00	17,00	40,15	24,20	—	1,86	19,15	—	—	180,01
25. III. БССР	0,91	—	—	0,91	—	—	2,00	—	—	2,00	8,40	—	5,50	4,30	6,94	3,00	1,75	24,30
26. IV. ЗСФСР	45,50	4,10	41,40	—	0,95	—	4,31	3,21	—	1,10	3,79	—	—	5,10	9,09	—	0,42	69,16
27. V. Узб. ССР	—	—	—	—	0,51	—	3,05	—	0,05	3,00	3,00	—	—	0,05	5,14	0,02	—	11,75
28. VI. Таджик. ССР[1]	—	—	—	—	—	—	0.15	—	—	0,15	—	—	—	0.25	0.10	—	1,40	1,90
29. VII. Турк. ССР	0,95	—	0,95	—	0,85	—	—	—	—	—	0,05	—	—	—	0,30	—	1,23	3,38
30. Не распределено по районам	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1,00	—	—	0,52	—

Примечание: Размер капиталовложений в планируемую ВСНХ промышленность дается в таблицах 7 и 8 по проекту районной секции Госплана СССР, как он был доложен на VI с'езде плановых работников. По рассмотрении в СНК и утверждении лимитов по отраслям и республикам цифры капиталовложений в разверстке по районам подвергнутся уточнению и изменению.

[1] В т. ч. 0,2 на проект и разведки.

Продолжение таблицы 8

Республики и районы	Текстильная	В том числе: Одежда и туалет	В том числе: Швейная	Кожевенно-обувная	Химическая	Бумажная	Фарфоро-фаянсовая	В том числе: Пищевая	Сахарная	Соляная	Полиграфическая	Фото-кино-пром.	Итого по гр. „Б“	Всего
20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34
I. Всего по СССР	51,21	11,36	2,14	9,62	23,46	41,66	1,69	42,30	11,64	2,68	0,23	—	184,21	1.353,27
1. РСФСР в том числе:	36,47	7,31	0,09	5,57	21,54	36,40	1,69	27,31	11,44	1,78	—	—	138,07	1.016,63
2. Северный Край	—	—	—	—	0,10	0,10	—	—	—	—	—	—	0,20	38,42
3. Ленинградская область	1,00	3,42	—	—	—	5,40	0,33	0,40	—	—	—	—	10,55	48,12
4. Карельская АССР	—	—	—	—	—	3,70	—	—	—	—	—	—	3,70	7,18
5. Западная область	1,45	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1,45	16,19
6. Московская промышленная	11,40	3,89	0,09	—	0,53	—	0,70	—	—	—	—	—	16,52	148,50
7. Ивановская „	18,72	—	—	—	20,58	—	—	—	—	—	—	—	39,30	48,03
8. Центр.-Черноземн. область	2,40	—	—	0,85	—	—	0,10	3,94	3,14	—	—	—	7,29	23,59
9. Нижегородский край	1,50	—	—	1,00	—	16,80	—	—	—	—	—	—	19,30	92,73
10. Уральская область	—	—	—	1,33	—	7,40	—	0,02	—	—	—	—	8,75	248,88
11. Башкирская АССР	—	—	—	—	—	—	—	0,02	—	—	—	—	0,02	3,29
12. Средне-Волжская область	—	—	—	1,00	—	—	—	0,55	—	0,40	—	—	1,95	11,77
13. Татарская АССР	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6,72
14. Нижне-Волжский край	—	—	—	0,39	—	—	—	0,86	—	—	—	—	1,25	61,21
15. Крымская АССР	—	—	—	—	—	—	—	2,55	—	0,20	—	—	2,75	24,60
16. Сев. Кавказ	—	—	—	0,23	0,05	—	—	10,15	2,70	—	—	—	10,43	83,89
17. Дагестанская АССР	—	—	—	—	—	—	—	1,41	—	—	—	—	1,41	3,33
18. Казакская АССР	—	—	—	0,34	—	—	—	0,02	—	0,98	—	—	1,34	29,77
19. Киргизская АССР	—	—	—	0,08	0,04	—	—	3,04	2,60	—	—	—	3,16	9,15
20. Сибирский край	—	—	—	0,24	—	3,00	0,56	3,01	3,00	0,12	—	—	6,93	94,97
21. Бурято-Монгольская АССР	—	—	—	—	—	—	—	0,20	—	—	—	—	0,20	1,99
22. Якутская АССР	—	—	—	0,01	—	—	—	0,35	—	0,08	—	—	0,44	0,74
23. Дальне-Восточный край	—	—	—	0,10	0,24	—	—	0,79	—	—	—	—	1,13	13,56
24. II. УССР	0,50	—	—	1,00	0,68	—	—	1,82	—	0,60	—	—	4,60	184,61
25. III. БССР	1,80	2,94	0,94	2,30	0,92	0,50	—	3,06	—	—	—	—	11,52	35,82
26. IV. ЗСФСР	5,92	0,50	0,50	—	0,32	3,50	—	1,00	0,20	—	0,23	—	11,47	80,63
27. V. Узб.ССР	3,00	0,60	0,60	0,74	—	1,26	—	5,57	—	0,30	—	—	11,47	23,22
28. VI. Таджик.ССР	0,20	0,01	0,01	0,01	—	—	—	1,40	—	—	—	—	1,62	3,52
29. VII. Турк.ССР	3,32	—	—	—	—	—	—	2,14	—	—	—	—	5,46	8,84
30. Не распределено по районам	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Выполнение пятилетнего плана капитальных вложений в государственную плани
По проекту районной секции Гос

Республики и районы / Показатели и годы	ВСЕГО				
	За 2 года пятилетки		Итого	По пятилетке 1928/29—1932/33 г.	% выполн.
	1928/29	1929/30			
1	2	3	4	5	6
1. Всего по СССР	1.856,23	3.379,29	5.235,52	15.973,11	32,8
2. РСФСР	1.122,43	2.165,88	3.288,31	9.956,91	33,0
в том числе:					
3. Северный Край	25,75	84,75	110,50	299,8	36,87
4. Ленингр. Обл.	141,12	201,07	342,19	991,17	34,52
5. Карельск. АССР	10,07	17,17	27,24	48,60	56,06
6. Центральн. районы (Моск.-Пром. Обл. Иван. и Ниж. Край)	409,37	645,52	1.054,89	2.984,10	33,35
7. Центр.-Черн. область	24,89	50,90	75,79	421,30	17,99
8. Уральск. область	168,18	451,81	619,99	1.961,90	31,60
9. Башкирск. АССР	8,65	19,24	27,89	60,70	45,96
10. Ср.-Волжск. область	13,71	29,60	43,31	187,50	23,10
11. Татарская АССР	5,31	12,27	17,58	61,00	28,83
12. Нижн.-Волжск. Край	36,55	95,98	132,53	446,18	29,71
13. Крымская АССР	23,21	35,18	58,39	173,60	33,64
14. Сев. Кавказ	131,00	186,32	317,32	865,79	36,65
15. Дагестан. АССР	3,26	6,27	9,53	25,26	37,74
16. Казакская АССР	13,52	63,65	77,17	339,16	22,75
17. Киргизская АССР	2,73	14,29	17,02	43,90	38,77
18. Сибирский Край	35,48	147,33	182,81	610,50	29,95
19. Бур.-Монг. АССР	0,21	2,89	3,10	13,90	22,30
20. Якутская АССР	0,24	0,90	1,14	5,95	19,16
21. Дальне-Восточный Край	22,36	49,30	71,66	258,70	27,70
22. II. УССР	500,8	852,87	1.353,67	4.201,0	31,62
23. III. БССР	32,9	61,84	94,74	266,0	35,62
24. IV. ЗСФСР	162,2	231,45	393,65	1.127,9	34,90
25. V. Узб.ССР	26,3	46,76	73,06	340,8	21,44
26. VI. Тадж. ССР	2,40	5,29	7,69		
27. VII. Туркм.ССР	9,20	15,20	24,40	80,5	39,87

Примечание: 1. В сумму капитальных вложений не входят вложения в рыбную
2. В сумму итога по СССР и РСФСР вошли капитальные вложе
по старой и новой сеткам.

Таблица 9

руемую ВСНХ промышленность за 2 года—1928/29 и 1929/30 (по неизменным ценам)
плана СССР, доложенному на IV с'езде плановых органов

В том числе новое строительство					Удельн. веса всех капит. влож.				Удел. веса капит влож. в новое строительство			
За 2 года пятилетки		Итого	По пятилетке	% выполн.	1928/29 г.	1929/30 г.	За 2 г. пятилетки	За 5 лет	1928/29 г.	1929/30 г.	За 2 г. пятилетки	За 5 лет
1928/29	1929/30											
7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
697,28	1.616,60	2.313,88	8.149,31	28,4	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00
443,68	1.214,37	1.657,95	5.538,21	29,9	60,47	64,09	62,81	62,55	63,63	75,12	71,65	67,96
11,60	45,90	57,50	167,40	34,35	1,39	2,50	2,11	1,86	1,66	2,84	2,48	2,05
31,42	57,49	88,91	351,9	25,27	7,60	5,95	6,54	6,31	4,51	3,56	3,84	4,32
0,16	8,58	8,74	19,70	44,37	0,54	0,51	0,52	0,30	0,02	0,53	0,38	0,24
113,66	345,59	459,25	1.352,40	33,96	22,05	19,10	20,15	18,55	16,30	21,38	19,85	16,60
7,83	28,18	36,01	311,90	11,55	1,34	1,51	1,45	2,62	1,12	1,74	1,56	3,83
56,82	297,35	354,17	1.208,20	29,31	9,06	13,37	11,84	12,18	8,14	18,39	15,30	14,83
0,20	3,93	4,13	20,80	19,86	0,47	0,57	0,53	0,38	0,03	0,24	0,18	0,26
1,17	14,06	15,23	112,50	13,54	0,74	0,88	0,83	1,16	0,17	0,88	0,66	1,38
3,16	8,03	11,19	44,60	25,09	0,28	0,36	0,34	0,38	0,46	0,50	0,48	0,55
18,84	73,13	91,97	318,88	28,84	1,97	2,84	2,53	2,92	2,70	4,52	3,97	3,91
21,10	29,39	50,49	146,90	34,37	1,25	1,04	1,12	1,08	3,03	1,82	2,78	1,80
55,45	100,23	155,68	464,39	33,53	7,06	5,52	6,06	5,39	7,95	6,20	6,73	5,70
1,28	3,98	5,26	15,66	33,59	0,18	0,19	0,18	0,25	0,18	0,24	0,23	0,19
5,76	35,57	41,33	235,96	17,52	0,73	1,88	1,47	2,14	0,83	2,20	1,79	2,90
0,60	10,93	11,53	27,90	41,34	0,15	0,42	0,33	0,27	0,09	0,67	0,50	0,34
19,33	113,49	132,82	501,70	26,47	1,91	4,36	3,49	3,79	2,77	7,02	5,74	6,16
—	2,38	2,38	10,90	21,84	0,01	0,08	0,06	0,09	—	0,16	0,10	0,13
0,24	0,88	1,12	2,45	45,74	0,01	0,03	0,02	0,04	0,03	0,05	0,05	0,03
7,15	15,97	23,12	170,30	13,58	1,20	1,46	1,37	1,86	1,03	0,99	1,00	2,09
137,5	220,61	358,11	1.539,0	23,27	26,98	25,24	25,86	26,09	19,72	13,65	15,48	18,89
19,2	42,80	62,00	206,0	30,07	1,77	1,83	1,81	1,65	2,75	2,65	2,68	2,53
74,5	96,35	170,85	517,2	—	8,74	6,85	7,52	7,08	10,68	5,96	7,38	6,35
17,5	27,75	42,85	282,4	15,53	1,42	1,38	1,40	2,12	2,51	1,72	1,85	3,46
	4,16	6,56			0,13	0,16	0,14		—	0,25	0,28	—
5,0	10,56	15,56	66,55	23,38	0,49	0,45	0,46	0,51	0,72	0,65	0,68	0,82

промышленность.
ния по Западному району, который особо не выделяется, в виду несовпадения границ

Удельный вес обобществленного сектора сельского хозяйства по посевным площадям за 1928—30 г.

Таблица 10

Республики и районы / Показатели и годы	Вся посевная площадь									В том числе под зерновыми								
	1928 г.			1929 г.			1930 г.			1928 г.			1929 г.			1930 г.		
	Совхозы	Колхозы	Итого обобщ. сектор	Совхозы	Колхозы	Итого обобщ. сектор	Совхозы	Колхозы	Итого обобщ. сектор	Совхозы	Колхозы	Итого обобщ. сектор	Совхозы	Колхозы	Итого обобщ. сектор	Совхозы	Колхозы	Итого обобщ. сектор
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
1. Всего по СССР	1,16	1,24	2,38	1,37	3,10	4,47	1,85	11,23	13,08	0,76	1,15	1,91	1,07	3,73	4,80	1,92	10,89	12,81
2. РСФСР	0,62	1,25	1,87	0,99	3,91	4,90	2,13	11,43	13,56	0,47	1,17	1,64	0,85	3,85	4,70	1,82	11,36	13,18
В том числе:																		
3. Северный край	0,19	0,33	0,52	0,23	1,78	2,01	0,37	5,22	5,59	0,12	0,28	0,40	0,15	1,61	1,76	0,16	4,16	4,32
4. Ленинградская область	0,58	0,69	1,27	0,73	1,23	1,96	0,84	2,81	3,65	0,33	0,65	0,98	0,39	0,89	1,28	0,35	1,99	2,34
5. Карельская АССР	—	0,88	0,88	—	1,14	1,14	—	4,93	4,93	—	0,26	0,26	—	0,77	0,77	—	3,37	3,37
6. Западная область	0,71	0,46	1,17	0,70	0,98	1,68	0,89	3,13	4,02	0,53	0,36	0,89	0,56	0,94	1,50	0,67	2,71	3,38
7. Московская промышленная	0,92	0,47	1,39	0,99	1,11	2,10	1,19	5,85	7,04	0,59	0,37	0,96	0,63	0,96	1,59	0,83	5,3	6,13
8. Ивановская „	0,27	0,24	0,51	0,35	1,11	1,46	0,47	3,55	4,02	0,21	0,21	0,42	0,23	1,05	1,28	0,28	3,47	3,75
9. Нижегородская область	0,12	0,25	0,37	0,12	0,90	1,02	0,21	4,66	4,87	0,09	0,21	0,30	0,09	0,80	0,89	0,11	4,13	4,24
10. ЦЧО	2,05	0,70	2,75	2,38	2,88	5,26	2,43	9,34	11,77	1,49	0,61	2,10	1,62	2,62	4,24	1,89	9,40	11,29
11. Уральская область	0,16	1,55	1,71	0,38	5,99	6,37	1,6	14,1	15,7	0,1	1,43	1,53	0,34	5,45	5,79	1,55	12.89	14,44
12. Башкирская АССР	0,25	0,64	0,89	0,42	2,42	2,84	3,6	12,1	15,7	0,23	0,57	0,80	0,36	1,94	2 30	3,71	15,00	18,71
13. Средне-Волжская область	0,64	0,73	1,37	1,06	2,37	3,43	3,9	16,7	20,6	0,54	0,65	1,19	1,02	2,19	3,21	4.16	15,47	19,63
14. Татарская АССР	0,21	0,36	0,57	0,66	1,13	1,79	0,70	4,9	5,6	0,16	0,29	0,45	0.64	0,94	1,58	0,66	4,28	4,94
15. Нижне-Волжский край	0,50	1.52	2,02	1,53	4,93	6,46	3,3	14.4	17,7	0,42	1,44	1,86	1 50	4,70	6,20	3,49	13,69	17,18
16. Крымская АССР	2,06	3,72	5,78	3,23	14,76	17,99	6,5	21,0	27,5	1,95	3.71	5,66	2,84	14,14	16,98	6,35	22.15	28,50
17. Северный Кавказ	0.41	3,13	3,54	1,19	8,08	9,27	2,2	17,0	19,2	0,34	2,76	3,10	1,30	8,10	9,40	2,59	17,51	20,10
18. Дагестанская АССР	—	1,50	1,50	3,65	4,08	7,73	4,67	10,72	15,39	—	1,38	1,38	3,94	3,55	7,49	3,63	9,02	12,65
19. Казакская АССР	0,24	1,83	2,07	0,62	3,99	4,61	3,19	11,4	14,59	0,19	1.87	2,06	0,67	4,05	4.72	3,55	11,68	15,23
20. Киргизская АССР	0,12	1,39	1,51	0,30	4,31	4,61	1,9	8,45	10,35	0,09	1,25	1,34	0,32	4,03	4,35	2,76	9,56	12,32
21. Сибирский край	0,31	1,69	2,00	0,52	5,93	6,45	1,8	15,6	17,4	0,20	1,71	1,91	0,40	5,90	6,30	1,73	15,6	16,79
22. Бурято-Монгольская АССР	—	1,12	1,12	—	3,98	3,98	0,05	12,4	12.45	—	0,90	0,90	—	3,30	3,30	0,06	10,4	10,46
23. Якутская АССР	—	1,83	1,83	0,26	6,38	6,64	3,09	8,9	11,4	—	1,70	1,70	0,29	5,96	6,35	2,84	8,49	11,33
24. Дальне-Восточный край	—	0,11	0.11	—	1,33	1,33	—	5.3	5,3	—	0.10	0,10	—	1,33	1,33	—	5.0	5,0
25. II. УССР	2,65	1,30	3,95	2,80	3,98	6,78	2.5	11,28	14,37	1,91	1,24	3.15	2,03	3,90	5,93	2,47	10,63	13,10
26. III. БССР	1,32	1,12	2,44	1,44	3,24	4,68	1,57	11,72	13,29	0,82	0,90	1,72	0,89	2,86	3,75	0,99	10,52	11,51
27. IV. ЗСФСР	0,27	0,60	0,87	0,30	2,29	2,59	0,91	7,9	8,81	0,10	0.37	0,47	0,11	1,54	1,65	0,48	5,78	6,26
28. V. УзбССР	0,29	1,12	1,41	0,80	3,82	4,62	2 5	8,1	10,6	0,17	0,61	0,78	1,1	1,7	2,8	3,98	1,83	5,81
29. VI. Тадж.ССР	—	0.36	0,36	0,20	1,64	1,84	4,6	4,9	9,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—
30. VII. Турк.ССР	—	0,93	0,93	0,05	3,94	3,99	0.3	9,1	9,4	—	0,79	0,79	0,05	1,86	1,91	0,27	5,64	5,91

Примечания: Таблица составлена по данным контрольных цифр Со
По УССР удельные веса обобществленного сектора, исчи
По РСФСР данные по совхозам приведены без нетрести

южных республик на 1929/30 г.
слены по данным проектировки с.-х. секции Госплана СССР.
рованных совхозов.

Таблица 11

Новое жел.-дор. строительство на 1929/30 г.

Республики и районы / Показатели и годы	Протяжение (км)[1]	Общая стоимость (млн. руб.)	Израсходовано до 1/X — 29 г. (млн. руб.)	Контрольные цифры на 1929/30 г. (млн. руб.)
1	2	3	4	5
1. Всего по СССР	11.039	1.205,04	182,55	296.366[2]
2. РСФСР, в том числе:	8.390	970,690	151.060	220.270
3. Северный край	674	46,4	0,800	6.770
4. Ленинградская область	26	2,0	—	2.000
5. Карельская АССР	—	—	—	—
6. Западная область	640	99,00	1,000	15.000
7. Московская промышленная	355	56,00	—	8.000
8. Ивановская „	186	29,30	—	5.200
9. Центрально-Черноземная область	—	—	—	—
10. Нижегородский край	379	36,50	1.500	11.500
11. Уральская область	811	66,420	27.400	27.700
12. Башкирская АССР	—	48,90	—	—
13. Средне-Волжская область	386	48.900	—	7.000
14. Татарская АССР	—	—	—	—
15. Нижне-Волжский край	607	131,20	3.000	13.000
16. Крымская АССР	—	—	—	—
17. Северный Кавказ	173	5,020	1.350	2.840
18. Казакская АССР	2.450	250.350	107.500	80.720
19. Дагестанская АССР	—	—	—	—
20. Киргизская АССР	115	12.710	—	5.000
21. Сибирский край	971	133.900	4.840	24.060
22. Бурято-Монгольская АССР	—	—	—	—
23. Якутская АССР	—	—	—	—
24. Дальне-Восточный край	617	52,99	3.670	11.500
25 II УССР	779	71.390	17.930	29.756
26. III. БССР	—	—	—	—
27. IV. ЗСФСР	704	64.230	7.750	23.320
28. V. Узб.ССР	—	—	—	—
29. VI. Таджикск. ССР	—	—	—	—
30. VII. Турк.ССР	—	—	—	—
31. Итого средняя Азия Узб. ССР, Тадж. ССР, Турк. ССР[2]	1.162	103.720	10.410	27.000

[1] Километраж показан с приближением.

[2] Кроме того, здание Правления Турк. Сиб. ж. д. в Алма-Ата — 3 млн. руб., изыскания и общие расходы 18,5 млн. руб., а всего 321,866 млн. руб., а за снижением цен 290 млн. руб.